

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 236.4 (v. 13, no. 12)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

PSIa

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1879.

△
P Slav. 236.4 (v.13, no.12)
▽

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1879 года.

Keller Fd

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные годовые экземпляры „ДѢЛА“ за послѣдніе три года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою	7 р.
За 1877 годъ	” 10 р.
За 1878 годъ	” 12 р.

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

КУДА НИ КИНЬ—ВСЕ КЛИНЬ.

(С ц е н ы.)

Волостной голова, Абрамъ Николаевичъ Овсянкинъ, сидя въ избѣ своей у стола, на которомъ стоялъ жбанъ съ квасомъ, чувствовалъ истому во всемъ тѣлѣ и давленіе подѣ ложечкой. Онъ только-что воротился изъ города Т...а, куда ѣздилъ по дѣлалъ службы, и на обратномъ пути, завернувъ въ гости, не въ мѣру выпилъ и закусилъ соленой рыбой. Опорожнивъ жбанъ квасу, онъ не только не почувствовалъ облегченія, но ему показалось, что его ожидаетъ какое-то несчастье, что несчастье это обрушатъ на его голову враги, употребляющіе всевозможныя каверзы, чтобъ очернить его въ глазахъ начальства, подорвать его репутацію во мнѣніи общества, а виѣсть съ репутаціей и все его благосостояніе. Подѣ вліаніемъ такихъ тяжелыхъ предчувствій Абрамъ Николаевичъ тоскливо поводилъ своими сѣрыми глазами по потолку и стѣнамъ избы, чисто выбѣленнымъ мѣломъ, безцѣльно слѣдилъ за тараканами, суетливо шмыгавшими около щелей въ стѣнахъ. По временамъ взоръ его упорно останавливался на новой конской сбруѣ, висѣвшей у печки, отъ которой распространялся въ избѣ ѣдкій запахъ рыбаго жира, какииъ она была вымазана въ предохраненіе отъ порчи, отъ сбруи онъ переносилъ свой задумчивый взглядъ на его сына, молодого, красиваго парня, которыиъ, сидя у порога, выстругивалъ новую сѣдельную луку. Но ни работа, какою былъ занятъ сынъ, ни сбруя, ни тараканы не интересовали Абрама Николаевича, — мысли его были далеко отъ видимыхъ имъ предметовъ, и, глубоко вздыхая норою подѣ напльвомъ ихъ, онъ расправлялъ свою съ просѣдью бороду, бормоталъ

какую-то молитву и усиленно отхаркивалъ запекшуюся въ горлѣ мокроту. Жена и дочь его, вынимавшія въ это время изъ печи корчаги, спуская изъ нихъ въ кадку густой квасъ, не обращали никакого вниманія на тяжелое душевное состояніе Абрама Николаевича, такъ-какъ каждый разъ, возвращаясь домой изъ волости и изъ деревень, онъ находился въ подобномъ расположеніи духа, и только выпавшись и выпивъ на тощакъ огуречнаго разсола да закусивъ квашеной капустой, онъ возвращалъ себѣ душевную бодрость и ясный взглядъ на дѣла и людей.

Про Абрама Николаевича существовали въ народѣ самыя разнорѣчивыя мнѣнія: одни называли его человѣкомъ глупымъ, другіе — себѣ-на-умѣ, и тѣ, и другіе одинаково приводили въ доказательство своихъ мнѣній вѣскіе факты, обличавшіе или глупость его, или дальновидно-хитрую уклончивость. Вывести-же какое-нибудь опредѣленное заключеніе о немъ было трудно. Одно только было ясно для всѣхъ, что Абрамъ Николаевичъ любилъ резонерствовать: обсуждать каждый вопросъ всесторонне, и обсуждать не спроста, а съ важнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, медленно поглаживая при этомъ бороду, хмурия лобъ и употребляя отборныя, хотя иногда и неподходящія слова для выраженія своей мысли. Но, несмотря на всестороннія обсужденія его, вопросы оставались всегда нерѣшенными, и если рѣшались иногда, то отнюдь не Абрамомъ Николаевичемъ, а волостнымъ писаремъ. Крестьяне не безъ основанія подсмѣивались надъ своимъ головой, выражаясь про него: „что говорить-то Абрамъ, какъ крупу дереть, только слова-то его, какъ шелуху отъ зерна, надо отвѣвать!“ Несмотря на то, Абрамъ Николаевичъ дослуживалъ головою второе трехлѣтіе и его прочили выбрать и на третье единственно потому, что лучшіе люди въ волости избѣгали общественной службы, съ которой соединялось много хлопотъ, непріятностей и непроизводительной траты времени, отражавшейся невыгодно на хозяйствѣ. Какъ ни былъ простъ Абрамъ Николаевичъ, но все-таки сознавалъ, что общество не питаетъ къ нему уваженія, и если выбрало его въ головы и держитъ на этой должности, то болѣе по необходимости и отчасти по привычкѣ. Это сильно язвило его самолюбіе, и онъ нерѣдко, чтобъ поддержать свой авторитетъ, напускалъ на себя несвойственную ему строгость, стараясь показывать крестьянамъ, что какой онъ ни есть, а все-таки голова, что

если захочетъ, то можетъ и добро сдѣлать, и напакостить, хотя добра онъ въ сущности дѣлалъ весьма мало, за то пакостилъ частенько. Нельзя сказать, чтобъ Абрамъ Николаевичъ не сознавалъ также, что общественное неудовольствіе, возбуждаемое его недобросовѣстными поступками, когда-нибудь обрушится на него; но, побуждаемый своими пріятелями, большею частью людьми зажиточными, которые, пользуясь его слабостью, спавали его и на-талкивали въ видахъ своихъ интересовъ на предосудительные поступки, онъ исполнялъ ихъ совѣты, какъ говорится, „очертя голову“, и только въ рѣдкія минуты отрезвленія хандрилъ и раскаивался въ своей безхарактерности, накладывая на себя зарокъ быть на будущее время осмотрительнѣе и на завтра-же забыва-вая его. Въ одну изъ такихъ минутъ мы и застали Абрама Николаевича. Грудь его волновалась отъ тяжелыхъ вздоховъ, досужая память, какъ нарочно, подсказывала ему компромети-ровавшіе его поступки. Напрасно онъ старался разсѣяться, подыскивалъ въ своемъ умѣ оправданія, что иначе онъ не могъ поступить,—совѣсть упорно твердила ему: „въ винѣ утопилъ ты меня, отъ этой самой сивухи я стала чернѣе угля!“

Абрамъ Николаевичъ поднялся съ лавки съ рѣшительнымъ намѣ-реніемъ одѣться и сходить къ сосѣду, чтобы въ бесѣдѣ съ нимъ от-вести свою тоскующую душу, но въ это время къ воротамъ дома его подѣхали пошевни. Скрипъ полозьевъ и фырканье усталыхъ ло-шадей привлекли вниманіе Абрама Николаевича: онъ выглянулъ въ слуховое оконце на улицу и послалъ сына отворить ворота. Пошевни вѣхали во дворъ и вслѣдъ за сыномъ въ избу вошли трое крестьянъ. Помолившись на икону, они почтительно позд-оровались съ семьей Абрама Николаевича и съ нимъ самимъ. Ра-душню встрѣтивъ ихъ, Абрамъ Николаевичъ увелъ ихъ изъ избы въ чистую горницу, отдѣленную теплыми сѣнями.

Судя по костюмамъ, посѣтители принадлежали къ числу небо-гатыхъ людей. Полушубки ихъ были заношены и въ заплаткахъ. На ногахъ у одного были бродни, у остальныхъ кошомные ва-ленки. Всѣ трое были люди пожилые, но особенно обращалъ на себя вниманіе одинъ изъ нихъ: повидимому, старѣе своихъ сото-варищей лѣтами, онъ былъ бодрѣ ихъ на видъ. Широкое лицо его съ крупными, неправильными чертами было усѣяно бородав-ками, длинная съ просѣдью борода спадала на грудь, глаза изъ-

подъ нависшихъ бровей смотрѣли бойко, наблюдательно и выказывали сметливый и любознательный умъ.

— По спопутью, аль нарочито завернули ко мнѣ? спросилъ Абрамъ Николаевичъ, когда гости по приглашенію его усѣлись на лавку. — Ну, чего у васъ дѣется, все-ли ладно? продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Каково Силуянъ то хозяйничаетъ?

— Силуянъ Артемьичъ маху не да-астъ!.. Оплошки за него опасаться нечего, отвѣтилъ одинъ изъ пріѣзжихъ. — Хозяйство ведетъ на отчисту!..

— Толковый мужикъ, чего говорить! подтвердилъ Абрамъ Николаевичъ.

— Голова безъ прорѣхи, а языкъ крючкомъ. Ужь чего замышляетъ—не подмиѣтишь, а языкомъ, што удой, каждого зацѣпить и обведетъ — до-о-опшлый! произнесъ старикъ съ лицомъ, усѣянными бородавками.

— Аль ты сердить на него? спросилъ, засмѣявшись, Абрамъ Николаевичъ.

— Наше сердце, Абрамъ Николаичъ, што пустая мошна — никому не страшна! отвѣтилъ старикъ, насмѣшливо сверкнувъ глазами, и, погладивъ бороду, быстро и пристально посмотрѣлъ на Абрама Николаевича. — Што долго къ намъ, въ Сорokino-то, не заглядывалъ? спросилъ онъ, — мы-то, признаться, ждали, ждали тебя, не завернешь-ли, да и надумали сами къ тебѣ понавѣдаться съ своимъ ходательствомъ, съ ироніей проговорилъ онъ. — Въ добрый-ли часъ только завернули?

— Нѣшто примѣчалъ, что ходить-то ко мнѣ надоть только въ добрые часы, а? съ сердитымъ самодовольствомъ спросилъ его Абрамъ Николаевичъ.

— Оно хоша примѣты-то этой и не было, а все лучше попытать, добрымъ духомъ человекъ осенень, аль худымъ.

— А-а, ну, ну, попытай-ко, угадаешь-ли, насмѣшливо глядя на него, спросилъ Абрамъ Николаевичъ: — при какомъ я нонѣ духъ-то?

— По моей бы примѣтѣ, надоть тебѣ добрымъ быть.

— Ну, и обознался: нонѣ я такъ лють, что упаси Господи! — И Абрамъ Николаевичъ засмѣялся искренно-добродушнымъ смѣхомъ, вызвавшимъ и на губахъ посѣтителей задушевную, располагающую къ искренности улыбку. — И плуть-же ты, Аверьянъ

Мокѣичъ, качая головой, обратился онъ къ старику, заглядывая въ его насмѣшливые глаза. — Недаромъ-же матушка-то родимая насадила на лицо тебѣ отмѣтинокъ, въ отличіе отъ другихъ. Ну, какъ-же ты, къ примѣру, спозналъ, что нонѣ я добрый, а?

— Не велика загадка-то, Абрамъ Николаичъ. Слава тебѣ Господи, пятый десятокъ на свѣтѣ-то мыкаюсь, терся около людей-то до заплатъ на шкурѣ, неужь не спознашь, по добру тебѣ человекъ встрѣтитъ, аль въ худомъ онъ сердцѣ, разбережень чѣмъ-нибудь! А наше дѣло подначальное, завсегда прежде, чѣмъ въ избу войдешь, порогъ пощупашь, чтобъ не запнуться!

— Ха, ха... ну, ну, говори, какое дѣло-то встрѣлось.

— Ну, вотъ вишь, какъ порогъ-то переступилъ, такъ теперь ужь безъ опаски можно шаги-то къ твоему сердцу отмѣривать.

— Съ твоимъ языкомъ, Аверьянъ, я-бъ и году въ деревнѣ не выжилъ, а въ городѣ-бы основался, право, замѣтилъ Абрамъ Николаевичъ.

— И я съ первоначалу-то своей жизни подумывалъ, Абрамъ Николаичъ, основу-то въ городѣ твять, да вишь прасла-то тамъ по моему росту нѣтъ.

— Языкъ-то у тебя и безъ прасла тветъ!

— Тветъ-то, тветъ по силѣ-возможности, да однимъ-то языкомъ немного подѣлаешь... Вотъ хоть-бы и теперь: кажись, небольшое дѣлишко, а куда какъ крѣпко подумать приходится...

И, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Затѣяли вѣдь мы съ Силуаномъ расходиться.

— Повздорили нѣшто?

— Вздору межъ нами не было, зачѣмъ вздорить, а надумали мы, Абрамъ Николаичъ, самимъ за мѣсто его хозяйничать, артельно, всѣмъ обществомъ нашимъ. Оно-бы и казвѣ было прибыльнѣй, и намъ сподручнѣй, по крайности, мы-бы поправились, не нищали-бы! Ты посуди: за содержку почтовой пары на нашемъ станкѣ Силуанъ-то беретъ съ казны три тысячи въ годъ, держать-то онъ по контракту шесть паръ,—по счету добрыхъ людей выходитъ, что восемнадцать тысячъ съ казны-то онъ за это удовольствие беретъ. Деньги вѣдь?

— Деньги! согласился Абрамъ Николаевичъ;—ну, и расходу вѣдь тоже не мало, замѣтилъ онъ.

— Какого расходу? Гдѣ онъ, этотъ расходъ-то, на что? съ жаромъ прервалъ его Аверьянъ Мокѣвичъ;—что у него повозки-то да телѣги форменныя есть, такъ коли ты ихъ на двѣсти рублей заведешь, такъ онѣ тебѣ десятокъ годовъ отслужать! А развѣ онъ держитъ своихъ-то лошадей, сколько по комплекту требуется, а? Кто гоняетъ почту да проѣзжихъ то возить, скажи-ко ты намъ, не мы-ли? И лошади наши, и сбруя наша, и весь обиходъ, только што повозки его! А много-ли онъ намъ платитъ, а? Онъ-то беретъ казенной платы по полторы копѣйки съ лошади и версты, а намъ сходить-ли по его-то расчетамъ и четверть-то копѣйки, а? Стало быть, что-жь, на очистку-то коли выводить, такъ почту-то мы гоняемъ, мы подрядъ-то несемъ на своихъ плечахъ, а Силуянъ-то совсѣмъ не причемъ; такъ за что-же онъ захватилъ этотъ подрядъ въ свои руки, столько шальныхъ денегъ беретъ съ казны, а? А израсходуетъ-ли онъ хоть пять или шесть тысячъ въ годъ, а? Это что-жь, какъ теперича это дѣло судить, а? спросилъ онъ и, съ оживленіемъ поднявшись съ лавки и ставъ противъ Абрама Николаевича, заткнулъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за старую, истрепавшуюся опояску, какою былъ перехваченъ его полшубовъ.

— Оно, што говорить, деньги дарма почестъ въ карманъ кла- деть, согласился Абрамъ Николаевичъ и задумчиво сталъ разглаживать свою бороду.—Такъ опять и то надоть сказать, на то и богатѣи на свѣтѣ живутъ, штобы за ништо къ нимъ деньги въ карманъ лѣзли.

— Ой-ли, такъ-ли оно? съ ироніей спросилъ старикъ Аверьянъ.

— Такъ, вѣрное тебѣ слово. Тебѣ, штобы копѣйку-то въ карманъ залучить, сколько надоть потрудиться и ночей не до- снатъ, и не допить, и не доѣсть, и горбъ-то нагнуть до боли, да и то едва залучишь ее... а богатый-то и на печи лежитъ, только и знаетъ одну работу—ѣсть власть да спать безъ отдыха, а къ нему все копѣйка плыветъ... Я вотъ отъ старыхъ людей слыхивалъ, что деньги и дѣвки любятъ только толстые карманы, а пустые-то имъ не по вкусу...

— Мало-ли чего, Абрамъ Николаичъ, старые люди говари- вали, за всякое-то время да во всякомъ-то дѣлѣ по ихъ завѣ- тамъ жить на-акладно...

— Умнѣй хошь быть?

— Надоть-бы... Отцовская-то шёрка не всякому дѣтищу къ росту... Иной вѣкъ—иной и свычай, тѣ же старики говаривали. Ты вотъ говоришь, что деньги-то любятъ только толстые карма-ны, а въ пустые-то не идутъ, а на мой умъ, коли голова пу-ста да снаровки вѣтъ, таеъ и толстый карманъ оскудѣетъ, а при головѣ да снаровкѣ и въ пустую запруду вода просочится... такъ-ли?..

— Вотъ, братцы, любо бы поглядѣть, какъ Аверьянъ-то въ пу-стыхъ запрудахъ нырять начнетъ... а-ахъ-ха-а! смѣясь, обратился Абрамъ Николаевичъ къ остальнымъ собесѣдникамъ, подмигнувъ на Аверьяна, стоявшаго передъ нимъ все въ той-же позѣ.—Аль онъ у васъ и изъ сухого песку мокрый выходитъ... а-а?..

— Помогли-ка ты намъ запруду-то стгородить, Абрамъ Никола-ичъ, а ужъ сухими или мокрыми мы изъ нея выйдемъ, наше дѣло, серьезно отвѣтилъ ему Данило Маркычъ.

— Я-то тутъ причеъъ, городите! отвѣтилъ Абрамъ Нико-лаевичъ и нахмурилъ брови, какъ бы замѣтивъ, что шуточный тонъ его не идетъ къ дѣлу.

— Твое-то слово—сила!.. началъ было третій старикъ.

— Чего вы дѣлать-то хотите, допрежь обскажите мнѣ, спро-силъ, прервавъ его, Абрамъ Николаевичъ, опершись правой рукой на столъ и поглаживая бороду.

— Хотимъ всеъъ обществомъ взять почтовую гоньбу за се-бя, Абрамъ Николаичъ, отвѣтилъ ему Аверьянъ Мокѣичъ.

— Стало бытъ, противъ Силуяна пойти. А сдюжите-ль?.. стро-го спросилъ онъ.

— На Бога да на твою милость всю надежу кладемъ, неужъ ты выдашь насъ, обиду на насъ положишь, не замолвишь за насъ словечка-то передъ начальствомъ? Вѣдь мы по круговой по-рукѣ всеъъ обществомъ, всеъ домохозяева порѣшили взять за себя это дѣло. Общественники и выбрали насъ ѣхать битъ челомъ тебѣ—заступись, окажи свою помощь!

При послѣднихъ словахъ Аверьяна Мокѣича они всеъ подня-лись съ лавки и поклонились ему.

— Уважь ты насъ, вѣкъ мы за тебя богомольцы будемъ! про-изнесъ и Данило Маркычъ.

Морщины на лбу Абрама Николаевича сдвинулись надъ бро-вями и придали наружности его серьезный, задумчивый видъ.

Онъ медленно пощипывалъ бороду и смотрѣлъ въ поле съ видомъ человѣка, глубоко размышляющаго. Аверьянъ Мокѣичъ, пристально наблюдавшій за нимъ, иронически улыбнулся, догадавшись, что Абрамъ Николаевичъ только старался придать себѣ глубоко-мысленный видъ, а въ дѣйствительности въ головѣ его было отсутствіе всякой мысли.

— Это... это... произнесъ, наконецъ, Абрамъ Николаевичъ:— какъ же вы, къ примѣру, сдѣлать-то хотите? спросилъ онъ, не глядя на нихъ.

— По-нашему-то, чего бы проще сдѣлать-то это? отвѣтилъ ему Аверьянъ Мокѣичъ,— ты-то одобришь-ли? Отъ ноября то мѣсяца немного ужъ деньковъ остается у насъ, а въ половинѣ-то декабря окружной найдетъ торги на гоньбу дѣлать. Ну, извѣстно, придетъ Силуянъ торговаться и мы хотимъ придти. Силуянъ, знамо, запроситъ по три, а можетъ и по три съ половиною тысячи съ пары, такъ-какъ корма-то нонѣ въ цѣнѣ, овесъ-то вонъ по восьми да по восьми съ пятакомъ гривенъ пудовка, и сѣно-то играетъ... хорошаго-то сѣна и по рублю шести гривенъ за возъ не купишь, а ему это и на руку, чтобъ поднять цѣну-то; а мы-то по двѣ тысячи двѣсти аль триста рублей съ пары запросимъ. Ему ужъ спустить-то ниже этой цѣны невыгодно, онъ и отступится, гоньба-то, стало быть, и останется за нами. Просто бы!

— Неладное вы чего-то надумали! произнесъ Абрамъ Николаевичъ послѣ минутнаго раздумья и покачалъ головой.— Взять гоньбу за себя, а?... А чѣмъ вы гонять-то будете? У Силуяна-то весь обзаводъ въ порядкѣ—и повозки форменныя, и телѣги, и фатера подъ станокъ, а у васъ-то чего есть, а?..

— И мы заведемъ, Богъ дастъ и у насъ все въ порядкѣ будетъ!..

— А на какія монеты заводъ-то вы обстроите, а? Поцупайте-ко карманы-то наперво, чего въ нихъ есть? насмѣшливо спросилъ онъ.

— Въ первый-то годъ, когда Силуянъ подрядъ-то за себя взялъ, развѣ его кто спрашивалъ, чѣмъ онъ гонять будетъ и на чего обстраиваться, а?... Мы-же за него въ числѣ прочихъ ручались, нашему-же общественному ручательству начальство вѣру дало, а не ему! На задатокъ, што съ казны получилъ, онъ повозокъ и те-

лѣтъ по формѣ настроилъ, и мы на казенный задатокъ также обстроились. Чего-жь неладное-то мы надумали? Аль Силуяну во всемъ можно вѣрить, а обществу нельзя? спросилъ Аверьянъ Мокѣвичъ.

— У насъ хошь, по крайности, кони есть; во всякую пору, въ какую ни прїѣзжай почта аль проѣзжающіе, остановки никому не будутъ, вступился Данило Маремчъ; — мы обществомъ-то сорокъ паръ въ сутки выгонимъ и охъ! не молвимъ. Развѣ не наши кони и сбруя на смотръ-то ходятъ, когда почтовое начальство на ревизію къ Силуяну наѣзжаетъ? У Силуяна-то всего-на-всего двѣнадцать лошадей, знашь-ли ты это? Кабы не мы изъ нужды возили ему почту и проѣзжающихъ, такъ онъ давно-бы ужъ на мель сѣлъ, давно-бы, можетъ, описали его. Такъ ты вотъ разсуди-ко все это, Абрамъ Николаичъ.

— Извѣстно, по правдѣ все надо судить, Абрамъ Николаичъ, прервалъ его Аверьянъ Мокѣвичъ; — за што мы даемъ наживаться Силуяну? Онъ беретъ за шесть почтовыхъ паръ на станкѣ восемнадцать тысячъ съ казны, а мы ему гоняемъ изъ нужды за одинъ прогонъ, а коли мы возьмемъ тѣ-же шесть паръ, ну хошь по двѣ тысячи двѣсти рублей съ пары, да израсходуемъ изъ нихъ хошь четыреста рублей, скажемъ, на обзаводъ телѣгъ и повозокъ по формѣ, прикупимъ обществомъ лошадокъ, сбрую снарядимъ почище, всякій другой расходъ сдѣлаемъ и на фатеру, и на что потребуется, все-же у насъ въ обществѣ-то останется тысячи двѣ-три чистыхъ; мы изъ нихъ оправимъ всѣ недоимки за мїръ, мїръ-то, по крайности, оправится, и казнь-то двойная польза выйдетъ: и недоимка за нами не будетъ писаться, и подрядъ-то она сласть дешевле, и мы-то будемъ жить безъ горя. Разсуди-ко по божьи, правду-ли мы надумали.

— Я што-жь, я одно скажу: давай-бы Богъ, кабы такъ-то все было, раздумчиво произнесъ Абрамъ Николаевичъ; — не оборвитесь только; языкомъ-то вы всегда какъ на гусяхъ играете, а дѣла коснется—и струна лопаться пойдетъ! Возьмешь ты подрядъ, дадутъ тебѣ изъ казны часть платы впередъ, когда-то ты еще повозки и телѣги сладишь, работа-то не часовая, а почта-то не ждетъ... пришла... и той-же секундѣ отправляй ее... проѣзжающій тоже не откладываетъ время въ карманъ... а на чемъ повезешь, коли обзаводъ не готовъ? Вотъ и пойдетъ безурядица да жалобы, и грѣха-то тогда съ вами не оберешься,

закончилъ Абрамъ Николаевичъ, махнувъ рукой, но по выраженію лица его было замѣтно, что всё предрекаемая имъ неудача предрекались только ради того, чтобы сказать чтонибудь.— Да и начальство-то, ты полагаешь, такъ сразу и отдастъ вамъ подрядъ, безъ всякой препоны, а-а?.. спросилъ онъ.— Оно ужъ Силуяна-то сколько годъ знаетъ... знаетъ, что мужикъ онъ богатый, довѣріе питаетъ къ нему, что чего онъ возьметъ за себя, то сдѣлаетъ... Неужъ ты думаешь, что если пришелъ ты на торги да сказалъ, что берешь дешево, такъ тебѣ и отдали сейчасъ... а-а? Нѣтъ, обожди-и-и.

— Для того мы и просимъ твою милость, Абрамъ Николаичъ, замолвить за насъ словцо, што мы не какіе-нибудь, а всё домохозяева... исправные, негуляціе...

— Ни-и въ жизнь! покачавъ головой и не глядя на нихъ, рѣшительно отвѣтилъ онъ.

— Нѣшто худое за нами знашь чего? обидчиво спросилъ Аверьянъ Мокѣичъ, — нѣшто хозяйство у насъ не въ порядкѣ, аль въ обманѣ насъ примѣчалъ?

— Не примѣчалъ, не скажу...

— За што жъ немилость твоя?

— Покажи мнѣ твой обзаводъ во всей, значить, формѣ, какъ онъ долженъ быть, и я объ тебѣ сейчасъ отлепортую на отличку.

— Обстроимся, не сумнѣвайся!..

— Ну, такъ допрежь обстройся, а опосля того съ ходательствомъ иди!

Абрамъ Николаевичъ всталъ со скамьи и медленно, придавая всѣмъ движеніямъ болѣзненный видъ, вышелъ за досчатую перегородку и, порывшись въ углу среди кучи разнаго тряпья, снова вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Ты вотъ умный сказывался, снова обратился онъ къ Аверьяну, — въ старостахъ два раза ходилъ, стало-быть всякій обиходъ знашь, какъ должно съ начальствомъ рѣчь вести, вотъ ты и скажи мнѣ: кто я, какой на мнѣ чинъ?

— Голова!

— На что-жъ я, къ примѣру, станимъ жалованьемъ обжалованъ, для какой надобности?

— Извѣстно, чтобъ порядковъ по волости блюсти!

— А какъ я долженъ его соблюдать, ну-ка?..

— Не мнѣ тебя учить, Абрамъ Николаичъ, ты и самъ старшій человекъ, самъ долженъ словомъ своимъ людей наставить, какъ чего соблюдать, а какъ порядокъ блюсти—и самъ знаешь, не первый годъ въ головахъ сидишь.

— Нѣтъ, ты доложи мнѣ: если я теперича касательно этого питаю тебя, стало-быть имѣю умыселъ?..

— Не безъ умысла... это чего говорить! На мой умъ, голова и долженъ быть во всякомъ дѣлѣ голова, во всякомъ дѣлѣ прежде всего правду блюсти по совѣсти.

— А-а, по правдѣ, по совѣсти, стало быть, дѣйствовать, а не то, чтобы облыжно... Ладно, хорошо, говорю! Теперича явишься ты на торги, спустишь ты цѣну съ подряда. Ну, начальство и спросить меня: можно-ли къ вамъ довѣріе питать? Я и скажу: можно; вѣдь оно, значить, на мое слово вѣру покладеть; опосля того, если у васъ безпорядки окажутся: того нѣтъ, другое не по формѣ,—тогда што, а?.. Ты-то будешь въ сторонѣ, а я отвѣтствуй, потому, какъ, значить, я за тебя въ ручатели шолъ!

— Пошто ты, Абрамъ Николаичъ, исхо тѣсто не замѣсилъ, я ужь опару хаешь, а? Гдѣ ты непорядки-то видишь, въ чемъ? Вѣдь мы беремъ гоньбу за себя всѣмъ обществомъ нашимъ, за круговой обюдной порукой. Стало быть, всѣ будемъ хозяева и всякой будетъ въ общей выгодѣ, какъ въ своей, свой глазъ имѣть, стеречь и за другимъ, и за собой, чтобы ни въ чемъ никому ущерба не было. Коней у насъ будетъ по комплекту, сбруя вся, какая полагается, будетъ на отчистку, не первый годъ ямщикаемъ. Домъ подъ фатеру снарядимъ. Общество меня и въ почтарскіе старосты норовить, чтобы порядокъ вести касательно обращенія съ начальствомъ и проѣзжающими. Такъ въ чемъ ты непорядковъ-то сулишь намъ?

— А обзаводъ вашъ гдѣ, покажи!

— Выстроймъ! Сказали тебѣ, что сумнѣнья на это не клади, все будетъ по формѣ, можетъ ночище, чѣмъ у Силуяна.

— Такъ ты мнѣ выстрой допрежь, покажи его, тогда я безъ препоны за тебя всякое слово скажу! Начальство допрежь всего спросить, есть-ли обзаводъ у васъ; что я долженъ сказать на это, а-а?

— Скажи, что обстроютъ, молъ, весь обзаводъ, безъ этого не останутся.

— „Скажи, что обстроютъ“, — значитъ все-таки примай фальшь на свою душу, а? Обстроишь ты еще или нѣтъ, а я, ничего еще не выдавши, скажи, что обстроите! Вотъ этна-то неосновательность ваша всегда и мутитъ меня; всѣ вы, сколько ни есть васъ, зло несете на меня. Постылѣе меня у васъ человѣка нѣтъ; и уможь-то я слабъ, и совѣстью-то кривлю, и окромя зла никому ничего не сдѣлалъ, а чуть какое касательство—къ Абраму лѣзете, Абрамъ во всемя иди въ отвѣтъ предъ начальствомъ. У тебя вотъ и обзавода нѣтъ, а Абрамъ иди ручайся, говори, што ты обстроишь.

— За што ты предъ нами эти пени-то вытряхиваешь, Абрамъ Николаичъ, чего мы сдѣлали тебѣ? съ грустью глядя на него, спросилъ Аверьянъ Моквичъ.

— Знаю, знаю, что вы всѣ на меня зло питаете.

— Уважи, мы предъ тобой стоимъ, въ чемъ мы тебѣ зло сдѣлали, когда худое слово про тебя говорили.

— Не говорилъ, такъ скажешь! отвѣтилъ онъ, не глядя на нихъ.—Я вотъ въ умѣ-то положилъ ходатайствовать за васъ, потому ужъ Силуанъ-то вашъ шибоко зазнался, никого и знать не хочетъ. Я вотъ окажу вамъ добро, а вы завтра-же въ одинъ голосъ запоете, что Абрамъ и такой, и сякой... О-охъ, пособи Господи дотянуть мнѣ энтотъ годъ, другу и недругу закажу не служить въ головахъ: окромя обяды да поношенья за свое добро ничего не жди отъ людей...

— Напрасно ты это жалуешься, Абрамъ Николаичъ, право напрасно, качая головой, произнесъ Данило Марквичъ.

— Другой будетъ голова умный, во всемя вамъ будетъ потрафлять, а я и злой, и уможь слабъ, не мнѣ вами править. Я все сдѣлаю для васъ, чего вы просите, слышите? Самъ наднахъ къ окружному съѣзжу, разопнусь за васъ, исходательствую вамъ подрядъ, и послушаю потомъ, какъ ругать меня станете.

— Абрамъ Николаичъ, побойся ты Бога.

— Я пятьдесятъ другой годъ Бога-то боюсь... Богъ-то мнѣ и въ душу-то владываетъ не питать ехидства къ людямъ за зло, што мнѣ чинять, а добро одно дѣлать всякому. А теперь поѣзжайте съ Богомъ, время ужъ, произнесъ онъ, вставая съ лавки.—Подрядъ я вамъ выхлопочу, такъ и знайте, такъ и поминайте Абрама, живъ буду, аль въ землѣ...

— Дай тебѣ Богъ за добро...

— Ну, ну, идите съ Богомъ! Абрамъ для васъ всегда все сдѣлаетъ, такъ и знайте, а пожеланья свои при себѣ держите... Я знаю, што Богъ меня за добро мое не вынетъ! говорилъ онъ, идя къ двери.

Простившись съ нимъ, приѣзжіе вышли на дворъ и, постоявъ съ минуту, въ недоумѣніи посматривая другъ на друга, неторопливо сложили сѣно, наброшенное лошадямъ, обратно въ пошевни, растворили ворота и выѣхали со двора. Когда Данило Маркычъ заперъ ворота на запоръ и, выйдя въ калитку, сѣлъ въ пошевни, лицо стараго Аверьяна освѣтилось.

— Знатѣ-бы, братцы, такъ полуштофомъ-бы запастисъ намъ, рюмкой-то крѣпче путнаго слова проняли-бы его милость! сказалъ онъ.

Возвратившись въ избу, Абрамъ Николаевичъ долго еще ораторствовалъ, что онъ для всѣхъ все дѣлалъ и дѣлаетъ, что пускай другіе-то такъ распинаются за людей, какъ онъ. „По-о-о-мянуть еще Абрама, по о-о-мяну-уть!“ твердилъ онъ, не замѣчая, что его никто не слушаетъ. Жена, перемѣнивъ солому въ корчагахъ и подсыпавъ въ нихъ свѣжаго солода, снова ставила ихъ въ печь; дочь тѣмъ временемъ сливала спущенный квасъ въ кадку, а сынъ погналъ лошадей на водопой. Когда онъ возвратился, то Абрамъ Николаевичъ храпѣлъ уже на полатахъ, уткнувъ голову въ полубубокъ вмѣсто подушки.

Деревенька Сорокина, т...го округа, пріютилась на большомъ сибирскомъ трактѣ, и единственная улица, перерѣзывавшая ее надвое, была вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовой дорогой. За четыре года до описываемаго мною времени дорога пролегла далеко въ сторонѣ отъ нея, по причинѣ топьяго, болотистаго грунта этой мѣстности. Но почтовое и земское начальство, желая сократить путь почти на сорокъ верстъ, проложило по болоту сплошную гать въ видѣ моста, и заброшенной до этого въ сторонѣ, бѣдной деревенькѣ выпала честь имѣть въ нѣдрахъ своихъ почтовую станцію. Теперь по серединѣ деревни, у красиваго двухэтажнаго дома съ нарисованнымъ на фронтонѣ его чернымъ двухглавымъ орломъ, державшимъ по трубѣ въ каждой лапѣ, стоялъ версто-

вой столбъ, къ которому прикрѣпленъ фонарь, указывающій ночью, въ видѣ маяка, путь къ почтовой станціи, помѣщавшейся въ этомъ домѣ. Домъ этотъ принадлежитъ почтосодержателю Силуяну Петровичу Стрехову. До проложенія новаго пути Стреховъ жилъ въ сосѣднемъ съ деревней Сорокиной селѣ Аталыкѣ, занимаясь извозомъ. Почуявъ, что деревенькѣ Сорокиной съ проложеніемъ почтового пути чрезъ нее предстоитъ болѣе лучшее будущее, онъ заблаговременно выхлопоталъ себѣ у обитателей ея пріемный приговоръ и переселился въ Сорокино. Имѣя очень незначительныя средства и ограниченное количество лошадей, Стреховъ рискнулъ взять на себя съ торговъ подрядъ почтовой гоньбы на вновь открытой станціи. Еще не старшій по лѣтамъ, смѣлый, предприимчивый, незнавшій отдыха ни днемъ, ни ночью, бойкій на языкѣ, Силуянъ Петровичъ скоро влюбилъ въ себя мѣстное населеніе, при помощи котораго только и могъ справляться съ подрядомъ. Звонкій, пѣвучій голосокъ и тряскій, дребезжащій смѣхъ его слышался съ утра и до ночи то въ одномъ, то въ другомъ концѣ деревни. Осадятъ, бывало, почтовую станцію проѣзжающіе по подорожнымъ, нужно разомъ выгнать три-четыре тройки, чтобъ удовлетворить ихъ требованія, коней нѣтъ, а тутъ, того и гляди, придетъ еще почта на трехъ, на четырехъ тройкахъ; другой-бы на мѣстѣ Силуяна Петровича растерялся, проклялъ-бы и жизнь, и доходную статью, приносявшую такъ много заботъ и горя, но Силуянъ Петровичъ былъ не таковъ. „Эй, Иванъ Карпычъ, ты понѣ просьбу-то подавалъ въ казенную палату объ отдачѣ тебѣ земли-то въ ренду, — вышло рѣшенье-то, али нѣтъ?“ заглянувъ во дворъ за-ново отстроенной избы, спросить, бывало, Силуянъ Петровичъ у степеннаго крестьянина, рубившаго во дворѣ срубъ на погребъ.

— Экъ скоро захотѣлъ какъ! отвѣтитъ Иванъ Карпычъ, приподнимая шапку. — Развѣ не знашь, что наши чиновники прежде, чѣмъ масло пахтать, примутся мутовку стругать. Можетъ, годика-то черезъ два Господь и оглянется, дождусь конца...

— Хочешь, я тѣ услужу?

— Что жь, послужи. Благодаримъ покорно за милость...

— Ассесоръ изъ палаты пріѣхалъ ко мнѣ, въ Тюмень проѣзжаетъ. Я его знаю, ду-уша человекъ, на рѣдкость чиновникъ, до коней это охочь, такъ страсть божья: ты его хлѣбомъ не

корни, только прокати на хорошемъ конѣ, всякую тебѣ послугу сдѣлаеть. Я ужь было сталъ ему запрягать лошадей въ тарантасъ, да и вспомнилъ про твое-то дѣло. Случай тебѣ. Свези ты его да и обскажи ему дорогой свою просьбу. Прокати только его на своихъ кауренькихъ, все сдѣлаеть для тебя, помани!..

— О о!.. А что, слышь, и то свезти развѣ, пожалуй, што случай то подходящій, въ городѣ до асесора поди не скоро доберешься...

— Про то и говорю, что случай тебѣ самый настоящій, ну и прогонь-то въ карманѣ, все-же разоставоѣ.

— Ужь прогонь-то Богъ съ нимъ, только бы сдѣлалъ!

— Сдѣлаеть, да еще тебѣ-же на водку дастъ, помани.

Съ минутой съ раздумьемъ почесавъ въ затылкѣ, Иванъ Карпычъ, точно разбуженный отъ сна, торопливо бросалъ топоръ, выводилъ изъ стойки тройку лучшихъ лошадей своихъ каурой масти и черезъ полчаса мчалъ на всѣхъ рыскахъ асесора, выжидая минуты, когда онъ проснется, чтобъ объяснить ему свою просьбу. А тѣмъ временемъ, пока Иванъ Карпычъ запрягалъ еще лошадей въ тарантасъ асесора, Силуанъ Петровичъ на другомъ концѣ деревни обдѣлывалъ новое дѣльце.

— Петръ Микитичъ! кричалъ онъ, постучавъ въ окно вросшей въ землю избы.

— Нѣту его, въ поле ушелъ, телега гдѣ-то отшатнулась, такъ искать пошелъ! отвѣчаетъ въ оконце женскій голосъ.

— Экое горе-то, а?! Какъ-же быть-то?!.. говорятъ Силуанъ Петровичъ не то съ раздумьемъ, не то съ горечью.

— Нѣшто дѣло до него какое?

— Какъ не дѣло!.. Нинѣ онъ доучалъ мнѣ просьбой, што коли случай навернетъ, такъ дать ему испробовать, какъ побѣжить въ тройкѣ новая-то лошадка, што купилъ онъ. Зря-то, говорятъ, гонять не хочется, а тутъ-бы, говорить, и рысь испробовалъ, и прогонь-то въ карманѣ-бы...

— Экое дѣло-то, нѣту его дома-то, нѣту, съ часъ ужь время-то будетъ, какъ ушелъ... А то коли онъ говорилъ, такъ что-жь, Ванюшка сгоняеть... все равно, свой-же глазъ.

— Извѣстно, все равно, свой-же глазъ—не чужой!

— Сичасъ надоть, што-ль?

— Да ужь коли что, такъ сейчасъ-бы!..

— Не знаю, какъ безъ него-то, ладно-ли? въ нерѣшимости говорить жена Петра Никитича и мать Ванюшки. — Да коли онъ говорилъ... такъ что жь, грѣха-то педи не будетъ... Нето я скажу Ванюшкѣ-то, а?..

— Скажи-ко...

— Скажу!.. Коли онъ просилъ, такъ, чай, ему надо было, а то-бы и докучать не сталъ!..

И, въ нерѣшимости появившись-еще съ минутою на мѣстѣ, она отдавала, наконецъ, приказаніе Ванюшкѣ вывести пару лошадей и взять вновь купленную для пробы, какъ она пойдетъ въ тройкѣ.

Подобною изворотливостью Силуяну Петровичу всегда почти удавалось во-время удовлетворять требованія проѣзжающихъ, которыхъ онъ въ случаѣ ихъ брани и угрозъ жаловаться высшему начальству на недостатокъ лошадей всегда почтительно объяснялъ: „что у него въ лошадяхъ недостатка нѣтъ... что коней у него даже превыше комплекта, не такъ, какъ у другихъ почтосодержателей, что маются всегда съ тремя-четырьмя тройками, а что вся бѣда у него отъ ямщиковъ, что никакого-де сладу съ ними нѣту: вонъ и теперь всѣ распьянехоньки, объяснялъ онъ, — такъ что ужь бѣгаль по деревнѣ, подряжалъ мужиковъ, чтобы свезти вашу милость и доставить какъ есть въ акуратѣ!“ Проѣзжающіе, особенно видя, что имъ запрягаютъ, наконецъ, лошадей, и лошадей свѣжихъ, сытыхъ, всегда удовлетворялись подобными объясненіями Силуяна Петровича и, заранѣе убѣжденные въ склонности ямщиковъ къ запоямъ, давали ему наставленія „штрафовать ихъ не жалѣючи“.

Болѣе трехъ лѣтъ Силуянъ Петровичъ дѣйствовалъ такимъ образомъ, не только не тяготясь подобнымъ положеніемъ, но оно даже нравилось ему, онъ находилъ особенную усладу въ изворотливости своей, и пришелъ подъ конецъ къ заключенію, что такъ дѣйствовать, какъ онъ, и лучше, и выгоднѣе, а главное—выгоднѣе: ему не нужно закупать лошадей и, слѣдовательно, затрачивать капитала, не нужно откупать покосовъ для заготовленія сѣна на зиму, закупать овесъ или сѣять солому, не нужно содержать ямщиковъ и платить имъ жалованье и т. д. Со станціонными смотрителями онъ жилъ всегда въ добромъ согласіи, не жалѣлъ денегъ на угощеніе ихъ и даже нарочито для нихъ нани-

малъ особеннаго качества женскую прислугу, и станціонные смотрители, въ благодарность за вниманіе къ нимъ Силуяна Петровича, смотрѣли съвозъ пальцы на всѣ отступленія его отъ почтовыхъ правилъ и контракта. Своевременно предупреждаемый ими о проѣздѣ почтмейстера или почтъ-инспектора для ревизіи станцій, форменныхъ повозокъ и телѣгъ, а главное лошадей, Силуянъ Петровичъ выставлялъ на ревизію начальства тройное количество лошадей противъ цифры ихъ, выставленной въ контрактѣ, и лошадей сильныхъ, сытыхъ, въ отличной, хотя и разнообразной сбруѣ, и почтовое начальство составляло лестное мнѣніе объ исправности его въ исполненіи взятаго на себя подряда, а многочисленныя жалобы, испещрившія страницы „книги претензій“, совсѣмъ почти не смотрѣло, а если и смотрѣло когда, такъ ради курьеза, чтобъ поохотать послѣ сытнаго обѣда или завтрака поварского приготовленія, такъ-какъ Силуянъ Петровичъ ко дню ревизіи всегда выписывалъ повариху изъ города. Осматривая лошадей и любясь ихъ бодримъ, сытымъ видомъ, никому изъ начальствующихъ не могло-бы придти и въ голову, что по окончаніи ревизіи и по отъѣздѣ ихъ на дворѣ почтовой станціи всегда происходило благодарственное угощеніе крестьянъ деревни Сорокиной за то, что они выручили изъ бѣды богатаго и исправнаго на видъ подрядчика.

Рѣдкій почтосодержатель Сибири, принимающій на себя съ торговъ по контракту подрядъ почтовой гоньбы, имѣетъ необходимое количество лошадей, особенно на главномъ сибирскомъ трактѣ, который называется у мѣстныхъ жителей „московскимъ“. Обязанный по контракту выгнать въ сутки пять-шесть паръ, кромѣ двухъ почтовыхъ троекъ и одной курьерской, онъ выгоняетъ иногда до десяти паръ въ сутки. Бываетъ нерѣдко, особенно во время ирбитской и нижегородской ярмарокъ, что разгонъ почтовыхъ лошадей доходитъ и до двадцати паръ. Каждый почтосодержатель всегда почти прибѣгаетъ къ помощи крестьянъ, уплачивая имъ въ подобныхъ случаяхъ, кромѣ прогоновъ по числу лошадей и верстъ, еще особо выговоренную плату за количество выгоняемыхъ ими лошадей, какъ вознагражденіе за оказываемую ими помощь. Незнакомые съ этимъ почти вездѣ установившимся обычаемъ, крестьяне деревеньки Сорокиной въ первые годы по открытіи у нихъ станціи, отбывая за Силуяна Петровича почтовую гоньбу, считали

себя счастливыми и тѣмъ, что имѣли заработокъ отъ прогонъ, какіе предоставлялъ въ ихъ пользу Силуанъ Петровичъ. Въ простотѣ своей они и не замѣчали, что постепенно становились къ нему въ положеніе батраковъ и, что еще хуже, батраковъ добровольныхъ. Всегда любезно одождая каждого изъ крестьянъ деньгами, предлагая даже самъ ихъ въ минуты нужды и не напоминая должникамъ объ уплатѣ, а только удерживая въ пополненіе долга причитающіеся имъ прогоны, добрый, всегда веселый Силуанъ Петровичъ приобрѣлъ такое значеніе, что не услужить ему, не исполнить его просьбы было невозможно. Правда, Силуанъ Петровичъ предвидѣлъ, что такъ вести дѣло, какъ онъ велъ, долго нельзя, что рано или поздно крестьяне хватятся за умъ; но, предвидя подобную развязку, онъ не падалъ духомъ и посмѣивался: „Лиха помочь къ тяжелому дню, нерѣдко думалъ онъ,—а теперича мнѣ наплевать на нихъ, хоть сейчасъ всѣ отлннай отъ меня—и слова не молвлю; теперича мнѣ есть на што округлиться, обойдусь и безъ нихъ.“ И, дѣйствительно, имѣя въ запасѣ довольно кругленькій капиталецъ, Силуанъ Петровичъ весело смотрѣлъ въ свое будущее и могъ каждую минуту обойтись безъ добровольной помощи общества.

Когда Силуанъ Петровичъ узналъ отъ крестьянъ окольныхъ деревень, что однообщественники его намѣреваются взять всѣмъ обществомъ подрядъ почтовой гоньбы за себя, то онъ хотя и не повѣрилъ этому и даже съ улыбкой отвѣтилъ предупредившимъ его доброжелателямъ: „что-жь, пуцай берутъ, не мотали еще слезъ на кулакъ, такъ пуцай попробуютъ, каково изъ нихъ веревки-то вить!“—но все-таки призадумался и, не подавая вида, что знаетъ что-нибудь о затѣѣ ихъ, въ сущности зорко наблюдалъ за ними. „Э-э, такъ вы вотъ какъ! ну-ну, потягаемся, прикнемъ другъ друга на вѣски, кто кого перетянетъ“, съ усмѣшкой думалъ онъ, когда для него стало очевидно, что переданный слухъ вѣренъ. Въ деревенькѣ Сорокиной насчитывалось не болѣе сорока дворовъ и населеніе ея не отличалось зажиточностью. Удобной для хлѣбопашества земли было мало, такъ что засѣваемаго крестьянами хлѣба едва доставало для удовлетворенія собственныхъ нуждъ. Большинство крестьянъ въ зимнее время занималось извозомъ, нанимаясь для этого къ богатымъ подрядчикамъ, жившимъ по тракту, которые имѣли уже постоянныя сношенія съ купцами и

съ казной и брали на себя доставку товаровъ и казенныхъ транспортъ. Иные изъ нихъ ходили на дальніе заработки на Обь, или нанимались артелями, въ лѣтнее время, править дороги и мосты за крестьянъ болѣе зажиточныхъ деревень. Но съ того времени, какъ деревенькѣ ихъ выпала честь стоять на трактовой дорогѣ, они считали благодатью и тотъ скудный заработокъ, какой удѣлялъ имъ Силуянъ Петровичъ. Присмотрѣвшись же, какъ онъ ведетъ свое хозяйство, а главное, спохватившись, какой удобный случай они упустили изъ рукъ въ первое время, когда чрезъ ихъ деревню проложили трактъ, и не только дали нажитья постороннему для нихъ человѣку, но даже способствовали по своей наивности этой наживѣ, сорокинцы невольно набрали на мысль взять всѣмъ обществомъ подрядъ почтовой гоньбы. Конечно, взять подрядъ не лиха бѣда, думали они,—но отдадутъ ли имъ? Вопросъ этотъ задавалъ каждый изъ нихъ, такъ-какъ каждый изъ нихъ сознавалъ, сколько затрудненій надо преодолѣть для достиженія этой цѣли. Лицо, отъ котораго будетъ зависѣть отдача подряда, естественно отнесется съ большимъ недо-вѣріемъ къ бѣднякамъ, въ виду стараго, всегда исправнаго, по общему мнѣнію начальствующихъ лицъ, подрядчика, которымъ столько лѣтъ были всѣ довольны и у котораго хозяйство, по ихъ мнѣнію, было въ такомъ безукоризненномъ видѣ. Знали они, что и Силуянъ Петровичъ не сплосааетъ, и онъ употребитъ всѣ усилія, чтобъ оставить выгодный для него подрядъ за собой. Положимъ, что выборные отъ нихъ лица, являсь на торги, могутъ сбить цѣну на пятьсотъ, на шестьсотъ рублей съ каждой пары, и Силуяну Петровичу, въ виду затратъ на покупку лошадей и содержаніе ихъ, не представится тѣхъ выгодъ отъ подряда, какія онъ имѣлъ до сихъ поръ, но одинаково не представится на первое время никакихъ выгодъ и для нихъ, такъ-какъ и имъ, въ свою очередь, потребуются значительные расходы на устройство форменныхъ повозокъ и телѣгъ, на заведеніе значительнаго числа лошадей и сбруи, на устройство почтоваго двора и т. п. А случись къ тому-же еще эпидемія на скотъ, какія часто свирѣпствуютъ въ Сибири, ну, тогда вмѣсто выгодъ имъ угрожаетъ окончательное разореніе, тогда какъ Силуянъ Петровичъ, имѣя въ запасѣ средства, всегда можетъ легче оправиться послѣ непредвидѣннаго несчастія... Долго думали и гадали сорокинцы,

пока рѣшились взять за себя подрядъ, и выбрали изъ среды себя Аверьяна Мокѣича Долгополова и стариковъ: Данило Маркыча Исаева и Антона Нивитича Сорокина въ ходатаи по этому дѣлу, снабдивъ ихъ на первоначальные расходы пятьюдесятью рублями денегъ. Заручившись обѣщаніемъ волостного головы содѣйствовать ихъ предпріятію, такъ-какъ одобреніе его много значило въ глазахъ начальствующихъ лицъ, старики Долгополовъ, Исаевъ и Сорокинъ отправились на другой-же день въ губернской городъ Т...ъ, чтобъ подать просьбу окружному начальнику.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города Т...а, среди пустырей, обнесенныхъ покосившимися досчатыми заборами, стоялъ низенькій, какъ-бы придавленный грозой, вросшій однимъ бокомъ въ землю домикъ, принадлежавшій отставному губернскому секретарю Василию Яковлевичу Нефедову, служившему по частному найму писмоводителемъ у окружного начальника. Кромѣ занятій по обязанности писмоводителя, Василій Яковлевичъ секретно отъ властей занимался еще составленіемъ прошеній для крестьянъ, обращавшихся къ нему за юридическими совѣтами, и принималъ на себя ходатайство по ихъ дѣламъ въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Ходатайство Василя Яковлевича и составляемыя имъ прошенія обходились для крестьянъ не дешево и не всегда увѣнчивались успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе имя его пользовалось среди крестьянъ большой популярностью. Домикъ его съ утра и до ночи осаждался просителями въ сермягахъ, полушубкахъ, тиковыхъ и суконныхъ халатахъ, пріѣзжавшими къ нему иногда за сотни версть. А такъ-какъ Василій Яковлевичъ не брезговалъ никакимъ приношеніемъ, то каждый изъ просителей, кромѣ условленнаго гонорара, привозилъ еще ему деревенскихъ гостинцевъ: гусей, куръ, муки, рыбы и т. п. живности, какую не безъ выгоды продавала на рынкѣ супруга его. Къ Василию Яковлевичу, какъ къ лицу, близко стоявшему къ окружному начальнику, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло отдать на предстоящихъ торгахъ сорокинскому обществу подрядъ почтовой гоньбы, обратились теперь и выборные ходатаи отъ сорокинцевъ.

Въ тѣсной комнаткѣ съ покосившимися полами, одинъ уголь которой занимала огромная русская печь, а другой — двухспаль-

ная кровать, завѣшанная ситцевымъ пологомъ, сидѣли на деревянныхъ табуретахъ Аверьянъ Мокѣичъ и два его спутника. Привезенные ими въ гостинецъ яйца, десять безмѣновъ *) коровьяго масла и два пуда пшеничной муки оказались такого хорошаго качества, что супруга Василя Яковлевича не только любезно приняла гостей, но и напоила ихъ чаемъ съ калачами, а Василій Яковлевичъ, худощавый, сгорбленный лѣтами и сидячею жизнью старичекъ, одѣтый по-домашнему въ нанковый халатъ и войлочные валенки, внимательно выслушалъ дѣло, по которому они прѣхали къ нему, и, хмура время отъ времени брови, процѣживалъ только сквозь зубы „гмъ“.

— А что, богатъ этотъ Силуянъ-то вашъ? спросилъ онъ Аверьяна Мокѣича по окончаніи его разсказа.

— Нажился! Теперича поди въ добрыхъ тысячахъ сидить! отвѣтилъ онъ.

— Гмъ!.. дѣло того... замысловатое! задумчиво произнесъ Василій Яковлевичъ, почесывая переносицу. — Кабы онъ бѣдный былъ, такъ его-бы легче было окрутить, ну, а богатаго-то не скоро осилишь! Много надо ума и расходу! сказалъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на просителей.

— За расходомъ-то не постоимъ, ваше степенство; коли заварили пиво, такъ не пожалѣемъ хмѣлю! вздохнувъ, отвѣтилъ Данило Маркычъ.

— Осилить можно, все такъ-же задумчиво продолжалъ Василій Яковлевичъ;—если я возьмусь, такъ подрядъ будетъ въ вашихъ рукахъ. Я и не такія дѣла въ комскъ свертывалъ, я—сила!.. закончилъ онъ, многозначительно нахмуривъ сѣдыя брови.

— Слыхали, батюшка, затѣмъ и прѣхали къ твоей милости—помоги!

— Сила я! тряхнувъ головой, повторилъ Василій Яковлевичъ.—Вы думаете, всѣми дѣлами вашими окружной вѣдаетъ, а? спросилъ онъ, сердито посмотрѣвъ на нихъ.—Я... я... Окружной-то вашъ вотъ гдѣ у меня сидитъ, говорилъ онъ, показавъ имъ сжатый вулакъ.—Я всѣмъ ворочаю по округѣ. — Тридцать рублей дадите, такъ возьмусь, а меньше—ни-ни, и угощеніе особо.

*) Безмѣномъ называется вѣсъ. Въ каждомъ безмѣнѣ считается два съ половиною фунта.

— О-о-охъ, многожько-бы, Василій Яковличъ! отвѣтилъ Аверьянъ Мокѣвичъ, тогда какъ сотоварищи его, только вздохнувъ, почесали затылки.

— Ну, иди и поищи тамъ другого? Василія Яковлевича, который-бы дешевле взялъ, а я не могу, у меня такое положеніе — по дѣлу и плата; я и то дешево прошу, снисходя къ слѣпотѣ вашей.

— Снизойди ужъ по пути и къ нужѣ-то. Не богатое наше дѣло-то, и то ужъ послѣднія копѣйки соскребли съ міра да поѣхали къ тебѣ, вставъ съ табурета и кланаясь, отвѣтилъ Аверьянъ Мокѣвичъ.

— Послѣднія, говоришь, соскребли?

— Вѣрь, другой и позаимствовался.

— А лѣзете въ многотысячный подрядъ! прервалъ Василій Яковлевичъ; — ну, какъ-же мнѣ соображать теперь объ васъ, а? Вѣдь я долженъ соображая принять на себя ходатайство, а-а?

— Ужъ какъ-же безъ соображенья, безъ соображенья далеко не уйдешь, а ты, сдѣлай милость, соображай пока подешевле, Василій Яковличъ. Вѣдь наше-то дѣло такое, тысячи-то придутъ или нѣтъ, не узнано!

— Я возьмусь, такъ придутъ.

— О о! ну, давай-бы Господи!

— Придутъ, потому я съ такими пунетами прошеніе составляю, что имъ нельзя не придти. Во-первыхъ, я выставлю на видъ, какой интересъ казна соблюдаетъ, если вамъ отдадутъ подрядъ, и все это выясню въ такихъ выраженіяхъ, какія непременно проймутъ душу начальства. Поняли? А развѣ все это дешево стоять, а? А личное ходатайство во что-жь вы цѣните, а? Тридцать рублей и ни гроша скидки, рѣшительно произнесъ Василій Яковлевичъ. — Я еще дешево беру, другой-бы вамъ это дѣло въ сотни вогналъ, потому что вы не имѣете права еще въ подряды-то вступать.

— Пошто это? изумленно спросилъ старикъ Сорокинъ.

— Вы артельно, обществомъ берете подрядъ, а?

— Артельно, всѣ вкупѣ, всѣмъ обществомъ! пояснилъ онъ.

— А кто вамъ разрѣшилъ совокупиться въ общество, а? Кѣмъ утвержденъ уставъ вашей артели, а? Какъ вы безъ позволенія начальства можете составлять общества, съ какою цѣлью, ну-ка?

искоса обмѣривая ихъ взглядами, угрюмо говорилъ Василій Яковлевичъ.

Аверьянъ Мокѣвичъ съ минуту сидѣлъ молча, переминая ногами и поглядывая на своихъ растерявшихся сотоварищей.

— Неужь и на это еще разрѣшенье надо выправлять? тихо спросилъ онъ.

— Обязательно!

— Ишь ты какая притча-то подвернулась, съ раздумьемъ произнесъ онъ. — Ну, а коли мы тридцать рублей дадимъ тебѣ, такъ обойдется дѣло то, а?

— Обойдется! Ужь я такіе законы подведу, что кромѣ васъ подрада никому не отдадутъ, а то, не погнѣвайтесь, загну крючекъ, такъ и сотнями рублей не разогнете!

— А-ахъ ты горе-то, а? Ну, а угощенье-то въ этой-же платѣ, аль особенно? спросилъ, вздохнувъ, старикъ Сорокинъ.

— Особенно, угощенье не въ счетъ, а въ одолженье.

— Вишь, говорю, Василій Яковичъ, началъ послѣ непродолжительнаго раздумья Аверьянъ Мокѣвичъ, молча переглянувшись съ своими спутниками. — мы бы тебѣ ни за какой платой не постояли, вѣрь, мы хоть и не письменные люди, а кое-что тоже смыслимъ, не первый годокъ на свѣтѣ живемъ, пословица-то говорить не даромъ: коли волосъ посѣдѣлъ, то и умъ созрѣлъ. Ужь такъ и быть, возьми ты тридцать рублей, Богъ съ тобой, и угостимъ мы тебя по силѣ способности, только яви ужь милость, не морочь насъ, а обходатайствуй по-божески.

— Обходатайствую, ужь возьмусь, такъ обходатайствую, только деньги впередъ мнѣ. Я эвототъ порядокъ крѣпко соблюдаю.

— Изволь, не потаимъ, отвѣтилъ Аверьянъ Мокѣвичъ, медленно распоясываясь, и, доставъ изъ-за пазухи ситцевый клѣтчатый платокъ, бережно размоталъ его и, вынувъ изъ него деньги, пересчиталъ ихъ и положилъ на столъ тридцать рублей. — А угощенье-то сейчасъ тебѣ, аль помедлишь, пока тверезый прошенье-то напишешь, а? спросилъ онъ.

— Ты мнѣ натурой выдай, то-есть деньгами, я ужь послѣ, по соображеніи, угощусь! отвѣтилъ Василій Яковлевичъ.

— Сколько-же тебѣ натурой-то?

— Рубля два все-же надо, потому обдумать такое дѣло,

какъ ваше, обнять все это умственнѣмъ взоромъ требуется время, понимаешь!

Глубоко вздохнувъ вмѣсто отвѣта, Аверьянъ Мокѣичъ досталъ изъ кармана холщевыхъ синихъ шароваръ два рубля и, положивъ ихъ на столъ, сѣлъ.

— Вотъ вы теперь думаете, поди, пересчитавъ деньги и сжавъ ихъ въ кулакѣ, началъ Василій Яковлевичъ болѣе мягкимъ голосомъ, — что мы, чиновники, грабимъ васъ, даромъ только съ васъ деньги беремъ, а? Вѣдь ты вотъ думаешь по слѣпотѣ своей: ну чего стоитъ мнѣ прошенье написать: присѣлъ къ столу, взялъ перо въ руку и пиши. Хе-хе! Нѣ-ѣ-ѣтъ. Эти деньги мнѣ дорого даются. Я теперь долженъ всю ночь сидѣть за вашимъ-то прошеньемъ, всякое чувствительное слово придумать, чтобы начальникъ-то, какъ только возьмъ-бы вашу просьбу въ руки, такъ-бы съ перваго слова его и проняло.

— Ужь напиши, чтобъ проняло, сдѣлай милость.

— Пройметъ! Съ моей просьбы хоть кого пройметъ. Я ужъ старый служака, въ законахъ-то, какъ въ своихъ карманахъ, роюсь, я въ нихъ всякую щелку найду, куда влѣзть и вылѣзть, и начальство постигаю: другой начальникъ столбомъ на видъ кажется, никто въ немъ и души не примѣчаетъ, а я, братъ, раскопаю его, доберусь до того мѣста, гдѣ у него душа-то сидитъ, да прямо въ нее и впушу словцо, и пройму его. Начальники тоже разные бываютъ и разныя слова любятъ, да-а-а! Одному ты пиши: „всенижайше припадаемъ къ стопамъ твоимъ“, а другому: „скорбные духомъ, слезно молимъ, уповая на Господа и тебя“. Я ужъ такъ, какъ по трафарету, каждому и пригоняю. Ну, и помогаетъ! Спроси у кого хошь, коли я брался за дѣло, проигралъ-ли кто, а? Пожалуй, есть такіе писаря, что и за полтину тебѣ просьбу напишутъ, да што толку-то отъ этакой просьбы, а?

— Ужь каждое дѣло мастера боится, чего говорить.

— Вѣрно! Онъ и напишетъ тебѣ, да што толку-то отъ его просьбы, коли въ ней словъ-то подлежащихъ по душѣ начальника нѣтъ, а? Ну, и законовъ не знаетъ. А у меня видишь, законовъ-то сколько, произнесъ онъ, отдергивая висѣвшую у печи ситцевую занавѣску и указавъ имъ на деревянную полку, уставленную книгами. — Видишь, а? Любой бери да и ввертывай въ прошенье-то. То то! окинувъ ихъ гордымъ взглядомъ изъ-подъ насупленныхъ

бровей, заключилъ онъ. — Ну, а теперь того, подите домой, я займусь, чувствую стихъ въ себѣ, а завтра утромъ приходите за просьбой!

И простившись съ ними, Василій Яковлевичъ проводилъ ихъ до воротъ, которыя и заперъ за ними на запоръ.

— Ну, други, грѣютъ-же нашего брата! вздохнувъ произнесъ Аверьянъ Мокѣвичъ, шагая съ своими спутниками по пустынной улицѣ, и только звонко отдавашіеся въ морозномъ воздухѣ учащенные шаги ихъ по скрипучему снѣгу заглушали тѣ глубокіе вздохи, какіе надрывали ихъ груди при мысли, что куда-бы ни сунулся мужикъ, его вездѣ нагрѣютъ.

Придя на постоялый дворъ, они постучали въ калитку, и содержатель его, пожилой уже мѣщанинъ, выйдя во дворъ съ фонаремъ въ рукахъ, отворилъ ворота и впустилъ ихъ. Обинувъ ихъ насмѣшливымъ взглядомъ, онъ спросилъ:

— У Нефедова загостились, што-ли?

— У него, другъ! тоскливо отвѣтилъ Данило Марьичъ.

— Онъ будетъ прошенье-то писать?

— Онъ.

— За сколько срядились?

— Тридцать рублевъ, братъ, вытянулъ, угрюмо произнесъ Аверьянъ Мокѣвичъ; — такія слова, говоритъ, впишу, что дешевле никакъ не можно взять.

— Э-э, ловко-же чистить онъ карманы у вашего брата! Много къ нему ходитъ и ѣздитъ народу. Прикормилъ! Инымъ и помогаетъ, чего сказать, а болѣе все по-пусту лаетъ, похваляется только. Пра-а-ахвость, одно слово! заключилъ хозяинъ постоялаго двора, сплюнувъ сердито на сторону и поднимаясь вслѣдъ за ними по узенькой скрипучей лѣстницѣ въ верхній этажъ дома.

На другой день, часу въ девятомъ утра, Аверьянъ Мокѣвичъ и спутники его были уже у Василя Яковлевича, который прочиталъ имъ составленное имъ прошеніе, переписанное на бѣло племянникомъ его жены. Прошеніе было очень длинное и заключало въ себѣ такое обиліе чувствительныхъ выраженій вродѣ: „припадаемъ къ стопамъ. молимъ яко голуби незлобивые и т. п.“, что въ умахъ сорокинцевъ не оставалось никакого сомнѣнія въ успѣхѣ ихъ предпріятія.

— Этакое прошеніе хоть кого приметъ! съ гордостью поти-

рая руки, говорилъ Василій Яковлевичъ, бережно складывая его четверо; — другой-бы съ васъ пятьдесятъ рублей за него взял, а я нѣтъ, я вотъ по-божьи, тридцатью удовольствовался! произнесъ онъ въ видѣ напутственной рѣчи, провожая ихъ до дому окружного начальника.

Съ замираніемъ сердца вошли ходатаи въ обширную переднюю своего непосредственнаго начальника, отъ одного слова котораго зависѣло все ихъ будущее, и робко стѣснились у порога позади крестьянъ, также пришедшихъ съ просьбами. Черезъ часъ къ просителямъ вышелъ окружной начальникъ, выслушалъ каждаго просителя, и когда дошелъ до сорокинцевъ, то въ дверяхъ за спиной его показался Василій Яковлевичъ, дѣлая имъ ободрительные жесты рукой. Молча прочитавъ прошеніе и поморщившись, должно быть, отъ обилія чувствительныхъ словъ; окружной нѣсколько разъ потеръ себѣ лобъ и, сомкнувъ просьбу въ рукахъ, произнесъ:

— Чортъ знаетъ, кто вамъ пишетъ такую галиматью!

Ходатаи стояли, какъ пришибленные громомъ, и взглянули въ дверь, надѣясь встрѣтить ободряющій взглядъ Василія Яковлевича, но его уже не было тамъ, онъ исчезъ.

— Хорошо, когда я приѣду въ волость, такъ лично удосто-вѣрюсь, возможно-ли допустить васъ къ подряду, а такъ, заочно, я ничего не могу обѣщать вамъ! отвѣтилъ онъ.

Съ понуренными головами вышли изъ дома его ходатаи и направились въ пустынную улицу, къ дому своего адвоката, гдѣ и прождали возвращенія его со службы почти до сумерокъ.

— Вы только не робѣйте, говорилъ, ободряя ихъ, Василій Яковлевичъ. — Ну, посуди ты самъ, обратился онъ къ Аверьяну Мокѣичу, — какой-же начальникъ сталъ-бы при тебѣ свои чувства показывать, что его проняло, а? Вѣдь онъ уронилъ-бы этижъ свое достоинство! А вы какъ только ушли, онъ и говоритъ мнѣ: подъящи, говоритъ, законъ, чтобъ подрядъ отдать этижъ мужикамъ, надоть, чтобъ они поправились.

— О-о! Неужь такъ и сказалъ?

— Слово въ слово. А я, какъ услыхалъ это, и говорю, что вы хорошіе крестьяне, толковые, трезвые, что вамъ можно довѣрить даже и не такой подрядъ. Ну, на томъ и порѣшили, чтобъ отдать его вамъ; только вы смотрите, ни гу-гу объ этомъ! никому ни слова! предупредилъ онъ.

Успокоенные увѣреніями Василя Яковлевича въ хорошемъ исходѣ дѣла, ходатаи въ тотъ же вечеръ поѣхали домой. Общество ликовало отъ привезеннаго ими извѣстія. Многіе изъ крестьянъ, не теряя времени, стали занимать деньги у зажиточныхъ людей изъ окольныхъ деревень и постепенно по случаю прикупали на нихъ лошадей, сбрую, окованныя колеса, которыя намѣревались пригнать къ форменнымъ повозкамъ, и хотя продолжали по-прежнему услуживать Силуяну Петровичу, но все-таки худо скрытными намеками при каждомъ случаѣ давали ему понять, „что скоро они сами будутъ хозяевами этого дѣла“.

Узнавъ, что избранные обществомъ ходатаи поѣхали въ городъ для подачи просьбы окружному начальнику о допущеніи ихъ къ подряду, заручившись обѣщаніемъ волостного головы дать лестный отзывъ объ нихъ, какъ объ исправныхъ и трудолюбивыхъ крестьянахъ, Силуянъ Петровичъ призадумался. Чуть-ли не въ первый разъ въ жизни съ губъ его сбѣжала игривая и, по-видимому, беззаботная улыбка. Затихъ звонкій, дребезжащій смѣхъ его и домашніе его втеченіи нѣсколькихъ дней не слышали острыхъ словечекъ, какими онъ любилъ разнообразить свою рѣчь. „Пожалуй, что и поддѣнуть, о-охъ, поддѣнуть они меня!“ угрюмо раздумывалъ онъ, почесывая затылокъ, предполагая, что въ просьбѣ своей крестьяне выяснятъ начальству, въ какомъ положеніи находится его хозяйство, и если только власти вникнуть въ это дѣло и постараются разслѣдовать истину, то для нихъ будетъ ясно, что благодаря только помощи крестьянскаго общества да нахальной изворотливости онъ столько лѣтъ въ глазахъ всѣхъ оказывался исправнымъ подрядчикомъ. На другой-же день послѣ отъѣзда ходатаевъ въ городъ, Силуянъ Петровичъ, вставъ задолго до разсвѣта и сдѣлавъ всѣ распоряженія на случай прибытія въ отсутствіе его почты и проѣзжающихъ, поѣхалъ въ село Атанкѣ къ тестю своему Кондратію Семеновичу Зубову, когда-то крупно-зажиточному, но теперь разорившемуся крестьянину. Зубовъ служилъ одно время волостнымъ головою и пользовался большимъ вліяніемъ, но съ упадкомъ его хозяйства его забыли и онъ не вѣшивался ни въ какія общественныя дѣла. Въ затруднительныхъ случаяхъ Силуянъ Петровичъ всегда прибѣгалъ къ нему за совѣтомъ, и, изворотливый или, какъ говорили въ народѣ, „расхожій на всѣ руки“ старикъ Зубовъ много помогаль

ему. Въ тотъ самый день, когда ходатаи возвратились изъ города съ радостной для общества вѣстью, въ квартирѣ волостного писаря Петра Степановича Плѣшкова были гости и гости не случайные, а собравшіеся по особому приглашенію. Наканунѣ къ писарю неожиданно пріѣхалъ Силуянъ Петровичъ, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, длившійся за полночь, и переночевалъ у него, поджидая возвращенія головы, уѣхавшаго по дѣлу въ одну изъ дальнихъ деревень. Абрамъ Николаевичъ, возвратившись въ тотъ день изъ поѣздки, зашелъ къ писарю по его приглашенію, гдѣ засталъ Силуяна Петровича и Кондратія Семеновича Зубова, приводившагося сродни Абраму Николаевичу, но, несмотря на родство, старикъ Зубовъ и Абрамъ Николаевичъ находились не въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ, теперь же встрѣтились радушно и, благодаря сытному угощенію гостеприимнаго писаря, скоро повели не только задушевный разговоръ, но даже припомнили, что они „сваты“ и когда-то въ молодости еще вмѣстѣ хаживали съ обозами въ Ишимъ и въ село Абацкое на ярмарки.

— А вѣдь я, свать, докуку къ тебѣ имѣю! неожиданно началъ Зубовъ въ порывѣ благодушнаго настроенія. — За што ты сына-то моего тѣснишь, Силуяна-то?.. Э-эхъ, свать, грѣхъ-бы тебѣ!

Зубовъ укоризненно покачалъ головой.

— Чѣмъ я тѣснилъ его, когда? изумленно спросилъ Абрамъ Николаевичъ.

— Какъ чѣмъ?.. Парень только што поднялся на ноги, взявши гоньбу за себя, выселился для энтото въ Сорokino, убилъ въ энтото дѣло все, чего у него было, да ишо въ долги по уши залѣзъ, а ты теперича зоришь его, по міру съ сумой собираешься пустить... Што завелись въ обчествѣ у нихъ смутьяны, котормъ, вишь, мало того хлѣба, какой отъ него имѣютъ, зазарились ишо и подрядъ у него отбить, а ты мирводишь имъ,—ну, статочное-ли это дѣло, а-а?..

— А чего-жь-бы худого тутъ, свать?

— Вразумись, такіе-ли люди-то сорокинцы, штобы подрядъ держать!

— Не грѣши, свать, напраслиной! Мужики они степенные, за- всегда въ своемъ разумѣ. А што задумали подрядъ взять за

себя, такъ не въ моей власти заказать имъ, не бери-де; на торги дорога вольная, идти по ней никому запрета не положишь!

— Не то ты, свать, говоришь, все не то! съ сердцемъ прервалъ его Зубовъ.

— Поучи, коль умнѣй! съ ироніей произнесъ Абрамъ Николаевичъ. — Ты-жь ранѣ меня въ головахъ-то ходилъ, болѣ порядки-то знаешь...

— Учить мнѣ тебя не доводится, Абрамъ Николаичъ, строго отвѣтилъ ему Зубовъ,—у тебя и своего ума много, и другого коли снабдишь имъ, такъ не убудетъ! Я такъ тебя понимаю.

— Ну, не всё-же, свать, такъ-то говорятъ, какъ ты! отвѣтилъ видимо польщенный Абрамъ Николаевичъ.

— Слѣпые развѣ да недруги иное-то говорятъ...

— То-то вотъ, недруговъ-то много. Ты вотъ, свать, отслужилъ безъ горя, безъ заботъ... А на меня Господь, ужь не знаю, за какіе грѣхи, службой этой истинно крестъ положилъ! пожаловался, тронутый за большое мѣсто, Абрамъ Николаевичъ.—Кому бы я какое дѣло ни сдѣлалъ, тотъ и порочить меня въ отплату за него!..

— И стоять, свать, коли правду сказать... Коли хощь слушать моего слова, такъ тебя и не такъ ишо ругать-то надо! наставительно, качая головой, говорилъ Зубовъ,—потому ты добро-то дѣлашь, не зная, кому его дѣлашь, не разбирашь людей, что стоятъ-ли они еще, чтобъ добро-то имъ расточать... Ну, вотъ я и скажу тебѣ, знай... Возьми ты теперича Силуяна, вонъ онъ сидитъ, видишь?... сказалъ Зубовъ, указавъ пальцемъ на Силуяна Петровича, скромно сидѣвшаго въ углу.

— Не иголочка, примѣчаю...

— Царень къ тебѣ завсе съ расположеніемъ, продолжалъ Зубовъ, прервавъ его,—не знаетъ, какими словами почтить тебя, чѣмъ угодить, а ты его чуждаешься, ни разу што ись въ домъ къ нему не заглянулъ, а вѣдь онъ, худой-ли, хорошій-ли, да все-же по мнѣ-то родней доводится! А вотъ пришли къ тебѣ чужаки рваные да поклонились о своей нужѣ, и ты имъ сейчасъ всякое угожденье оказываешь, а теперь они-же надъ тобой ходятъ да подсмѣиваются...

— Смѣются, говоришь? Надо мной-то это?

— Похваляютъ, свать, и не простымъ словомъ, а бисернымъ.

Нашего Абрама, говорятъ, только по шерсти погладь, назови его умнымъ, такъ гору за тебя своротить, а приложь, говорить, еще къ похвальбѣ штофъ въ придачу, такъ какую хошь, такую и вей изъ него веревочку... Вотъ ты какимъ людямъ расположенъе-то свое расточаешь, свать!

— Въ правду-ль ты это говоришь?

— Старъ ужъ я, Абрамъ Николаичъ, года не тѣ, чтобы зря-то сплетки сплетать! съ достоинствомъ произнесъ Зубовъ, — а остеречь—завсегда остерегу человѣка. Ну, и скажи теперь мнѣ по душѣ, стоишь-ли ты того, чтобы ругать тебя, а?..

— Стою, стою, свать. Худо ишло надо мной издѣваются!

— Худо!.. Ты добрый человѣкъ, свать... Сердце у тебя радѣтельное, ко всякому лежитъ, вотъ тобой и пользуются недобрые люди!.. Я тебя такъ понимаю, да и отъ другихъ слыхалъ, что кой день ты добра кому не сдѣлалъ, такъ ровно ты тотъ день и не жилъ... кто къ тебѣ съ какой просьбой ни приди, ты разопнешься за него. А понимаютъ-ли тебя люди-то, какъ слѣдуетъ, а?..

— Самъ-же сейчасъ сказалъ, какъ похваляютъ меня за мое-то добро! съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ Абрамъ Николаевичъ.

— Вотъ ты и до сѣдыхъ волосъ дожилъ, свать, а все учишь, какъ на свѣтѣ жить! менторскимъ тономъ произнесъ Зубовъ. — Всякое дѣло надоть съ оглядкой дѣлать, а колыми паче добро. Ты людямъ и добро сдѣлалъ; да коли они нестоющіе люди, такъ изъ этого добра одно зло произойдетъ!.. Ну, вотъ къ слову скажу, похвалишь ты теперь окружному Аверьяшку съ его прихвостниками?..

— Похваляю, свать, похваляю! съ ироніей отвѣтилъ Абрамъ Николаевичъ;—бисерны-то слова и мы низать умѣемъ!..

— Не горячись, свать, постой! прервалъ его Зубовъ. — Ты тихими стопами ко всему иди, напредъ выслушай да обсуди... Похвалиль-бы ты ихъ окружному, стало быть, ты этимъ самымъ поручился-бы за нихъ, а?.. Ну, возьмутъ они подрядъ теперь, а чѣмъ отбывать его станутъ, а?.. Много-ли у нихъ скота и добра, спросилъ-ли ты?..

— Ну, ужъ коли по правдѣ-то, свать, говорить, такъ и у Силуяна-то Петровича лошадокъ-то не по конплету!..

— Абрамъ Николаичъ, дозвольте мнѣ теперича свое слово

предъ вами обронить! почтительно вмѣшался Силуянъ Петровичъ, пересаживаясь на ближній къ нему стулъ. — Они теперича говорятъ, что у меня лошадей нѣтъ, что они, значить, за меня какъ бы весь подрядъ отбываютъ... Истинно скажу вамъ, Абрамъ Николаичъ, что васъ, значить, какъ родного отца: статочное-ли это дѣло, обсудите, вы умный человѣкъ, чтобы, взявши подрядъ, я сталъ бы его на шаромыжку отбывать, обманывать, значить, и начальство, и людей? Вѣдь я теперича спервоначалу-то, какъ только заключилъ контрактъ, сейчасъ же намѣревался лошадей купить по комплекту, они-же, аспиды этакіе, въ ногахъ у меня ползали, величали и отцомъ, и кормильцемъ, умаливали, чтобы я не покупалъ коней, а даль-бы имъ хлѣбъ, значить, возить за прогонъ и почту, и проѣзжающихъ... Бялись они теперича и въ ночь, и въ полночь служить мнѣ, и единственно по малоопытности я внялъ ихъ просьбѣ... Вѣдь кабы не я имъ хлѣбъ давалъ, такъ вѣдь они-бы съ голоду дошли!..

— Ходили-бы по грошевымъ заработкамъ, вмѣшался и писарь. — Чѣмъ до открытія-то станціи у нихъ перебывались они? Всегда больше половины ихъ отработывали недоимки на Оби.

— Это такъ точно-съ! подтвердилъ Силуянъ Петровичъ. — Теперича возьмите то въ разсудокъ, продолжалъ онъ, обратившись къ Абраму Николаевичу. — Моей работой люди живутъ, прогонъ имъ весь въ карманъ идетъ; теперича лошадь у кого падетъ или другая бѣда страсется, сейчасъ ко мнѣ бѣгутъ: давай, Силуянъ, денегъ. Теперича лошади-то, если и есть у кого изъ нихъ, Абрамъ Николаевичъ, такъ вѣдь всё на мои деньги куплены, кой обзаводъ у всякаго. Вѣдь въ долгу-то они у меня сидятъ по маховку. Обсудите, чѣмъ они гоньбу-то отбывать будутъ.

— Видишь, свать, смута-то кака! спросилъ Зубовъ.

— Нѣтъ, это ты, Абрамъ Николаичъ, не путную кашу заварил! вступился писарь, шагая по комнатѣ и ероша свои длинные, падавшіе на плечи волосы. — Какъ можно допускать всякую гольмъбу до казеннаго подряда?

— Нѣшто я допустилъ уже?

— Ты имъ обѣщаль свое содѣйствіе, а это все равно, что допустилъ; вѣдь положась на твое слово они поѣхали теперь къ окружному начальнику съ просьбой объ отдачѣ имъ подряда.

— Неужъ поѣхали? испуганно спросилъ Абрамъ Николаевичъ.

— Спроси! отвѣтилъ писарь, указавъ на Силуяна Петровича.

— А-ахъ, ты напасть какая выгорѣла! произнесъ Абрамъ Николаевичъ, всплеснувъ руками: — вотъ оно... слово-то... нѣтъ... допрежь, чѣмъ вымолвишь, жуй его да жуй... а а...

— Сколько разъ я просилъ тебя, Абрамъ Николаевичъ, съ укоризной обратился къ нему писарь, остановившись противъ него, — будь осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, не дѣлай ничего, не посовѣтовавшись со мной. Знаешь-ли, что теперь можетъ выйти изъ этого, а?

— Не губи, дай опомниться! отвѣтилъ голова, отирая платкомъ потъ, крупными каплями выступившій на лбу.

— Не я тебя гублю, а ты самъ себя когда-нибудь загубишь, — помни это. Они теперь распишутъ въ просьбѣ для большей убѣдительности, что у Силуяна Петровича нѣтъ лошадей, что подрядъ исполняютъ они, а не онъ, это значить, что онъ неблагонадежный подрядчикъ, потому что не соблюдаетъ тѣхъ условій, какими обязанъ по контракту, и сошлутся во всемъ этомъ на тебя въ подтвержденіе своихъ словъ, а окружной и спросить, почему-же ты, волостной голова, обязанный по закону наблюдать за всѣмъ, что дѣлается въ волости, все это видѣлъ, зналъ и не довелъ до свѣденія начальства, а? Ну, что ты отвѣтишь?

— Ну, какой-же ты на это, свать, отвѣтъ дашь? спросилъ его, въ свою очередь, и Зубовъ.

— А-ахъ, други, дажь маху, ну!.. произнесъ оробѣвшій Абрамъ Николаевичъ, конфузливо посмотрѣвъ на свата и писаря и почесавъ въ затылкѣ, — а можетъ и не спросить, можетъ и обойдется дѣло-то, а? робко отвѣтилъ онъ.

— Хорошо, если не спросить, а если спросить, тогда что, а?

— Тогда ты какъ увернешься, свать, а? спросилъ и Зубовъ.

— Ну... ну... по неразумію, скажу: что-жъ, я неграмотный, я...

— А-а, по неразумію, насмѣшливо повторилъ писарь. — А на это что ты скажешь: ну, вдругъ окружной отдастъ имъ подрядъ, полагаясь на то, что ты одобрилъ ихъ намѣреніе, выдадутъ имъ изъ казны третью уплату впередъ на обзаведеніе, а они и окажутся несостоятельными, а ты, волостной голова, одобрялъ ихъ, ходатайствовалъ за нихъ, полагаясь на твои слова, имъ и вѣру дали, — тогда что, а?

— Когда я одобрялъ-то ихъ, скажи ты мнѣ, кто слышалъ это?

— Ты общалъ имъ содѣйствовать; полагаясь на твое общаніе, они поѣхали къ окружному съ просьбой.

— Я имъ посодѣйствую уже, постой... я теперь прозрѣлъ, какую они мнѣ западню-то рыли.

— А-а! Прозрѣлъ-таки?

— Во-очію, братъ. А ты не шнынь меня, слышь, а научи-ко лучше, какъ опрavitься, а? Штобъ оглядки-то не было.

— То-то, тутъ такъ и учи! взъерошивъ волосы, хвастливо произнесъ писарь. — Хорошо, что время-то не ушло, теперь-то можно еще поправить дѣло, не утверждать имъ до пріѣзда окружного ручательнаго одобренія, какое они представляютъ вмѣсто залога въ обезпеченіе подряда, а когда окружной пріѣдетъ, тогда и объяснить ему, что это смута одна.

— Смута, смута, самъ вижу, такъ и скажу, подхватилъ Абрамъ Николаевичъ; — а если, молъ, што и говорилъ имъ, такъ единственно по недоглядѣ.

— Ну, ужъ этого-то ты не говори.

— О-о, не сказывать? Ну что-жь, и смолчимъ, коль не слѣдуетъ такого слова ронять, согласился онъ. — Вотъ, говорю, служба-то, свать, обратился Абрамъ Николаевичъ къ Зубову, замѣтно повеселѣвъ и ободрившись: — всегда ходи да оглядывайся, каждое слово, прежь чѣмъ вымолвить, оцупай, а тутъ еще экія похвалябы отъ людей слышишь за то, что по простотѣ-то своей радѣешь объ нихъ, а? Денно и ночью молюсь, свать, пособи Богъ только отслужить поскорѣй, да и на покой; будетъ, помылкался!

— Службу служить — на вершокъ отъ бѣды ходить, старики-то говаривали, Абрамъ Николаичъ; грамотному эта служба безъ гора, а неграмотному одно горе; слѣпой на все чужимъ глазомъ глядить.

— Слѣпо-о-ой, одно только горе... вѣрно, свать! глубоко вздохнувъ, произнесъ Абрамъ Николаевичъ.

До первыхъ пѣтуховъ видѣлся свѣтъ въ окнахъ дома, занимаемаго писаремъ. До-сыта угощенный, Абрамъ Николаевичъ былъ бережно сведенъ съ лѣстницы услужливымъ Силуяномъ Петровичемъ, который, усадивъ его въ свои пошеви, лихо прокатилъ по салу и доставилъ его домой въ деревню Воробьеву, лежащую въ шести верстахъ отъ Аталыка, и сдалъ, уже соннаго, на руки сына и жены. Съ этого дня на душѣ Силуяна Петро-

веча снова стало легко и ясно по-прежнему. Онъ такъ-же бойко и неутомимо бѣгалъ съ утра и до ночи по деревнѣ, хлопоча, повидимому, о своихъ только дѣлахъ, но въ сущности зорко присматриваясь и прислушиваясь къ каждому слову и намеку. „Вейте, вейте веревочку, только посмотримъ, кого она захлестнетъ“, думалъ онъ, примѣчая лошадей, прикупаемыхъ крестьянами, сбрую и т. п. предметы. Но однажды онъ не вытерпѣлъ и, встрѣтившись подъ вечеръ съ Аверьяномъ Мокѣичемъ, гнавшимъ лошадей на водопой, остановилъ его.

— Въ правду аль нѣтъ, Аверьянъ Мокѣичъ, болтаютъ по околицѣ, что вы нонѣ хотите на торги идти, брать почтовую гоньбу за себя? спросилъ онъ, приподнимая шапку и привѣтливо здороваясь съ нимъ.

— О-о, да кто-жь такія рѣчи-то, что скисия дрожжи, взбалтываетъ? шутливо спросилъ тотъ, нѣсколько смутясь.

— Нонѣ мазуровскіе мужики говорили мнѣ, да и въ Аталыкѣ тотъ же слухъ идетъ, улыбаясь отвѣтилъ Силуянъ Петровичъ. — Я-то было и порадовался сначала, да опосля ужъ одумался, потому если-бы въ правду это было, такъ чего жъ бы меня-то таяться? Я бы даже съ полнымъ удовольствіемъ и повозки и телѣги-бы форменныя отдалъ вамъ, чѣмъ новыя-то строить, тратиться, и домъ-бы подъ станокъ уступилъ за дешево, ей-богу, потому что мнѣ, признаться, это дѣло давно ужъ прискучило, пообиль-бы Богъ только развязаться, тоскливо заключилъ онъ.

— Ну-у, да съ чего-жь такъ вдругъ прискучило-то тебѣ? Столько лѣтъ хозяйствовалъ—не скучалъ, а теперя затосковалъ? съ ироніей спросилъ его Аверьянъ Мокѣичъ.

— Э-эхъ, Аверьянъ Мокѣичъ, съ тою-же грустью въ голосѣ продолжалъ Силуянъ Петровичъ, — не тебѣ-бы это говорить. Неужь ты, милый, полагаешь, что легко оно вѣкъ-то экими изворотами жить, какими я пробавляюсь, а? Развѣ не на твоихъ глазахъ, какъ день-то настанетъ, такъ у меня только и дѣла, и заботы, что къ одному бѣги съ поклономъ—свези, да къ другому, да къ третьему, а? Ты подивись, какъ испро хватало меня, не изнывался.

— Ну, лошадовъ прикупишь, исправиться!

— Вымолвилъ—прикупишь! А деньги-то гдѣ, развѣ ихъ мало на это потребуется?

— Неужь оскудѣлъ?

— Не въ большихъ-же прибыткахъ-то, не полагай. Расходу-то, сердешный, болѣ, чѣмъ приходу. Вѣдь это только кажется, что богатъ человекъ, а пощупай-ко карманъ-то, такъ и очень въ пустѣ. Нѣ-ѣтъ, сердешный, за четыре-то годочка я не мало намоталъ слезъ на кулакъ, помыкался, будетъ. Я какъ услыхалъ, что вы берете гоньбу-то за себя, такъ и въ умѣ положилъ найдти на торги, а коли вы мнѣ дадите полторы сотни рублей, такъ я вамъ и обзаводъ весь отдамъ, берите.

— Ну-у?

— И коли въ деньгахъ нуждаетесь— обожду, сочтемся, Богъ дастъ.

— Ты смѣхомъ это, Силуанъ Петровичъ, говоришь, аль нѣтъ? дрогнувшимъ голосомъ спросилъ его Аверьянъ Мокѣичъ.

— Я тебѣ вотъ чего скажу на твое слово, сердешный человекъ: кабы ты пожилъ за эти четыре года въ моей шеурѣ да повертѣлся-бы такъ-же, какъ я изворачивался, такъ ты-бы не спросилъ меня—смѣхомъ я говорю или въ правду. У меня, другъ, нутро-то все изныло, ты не гляди, што я кой-часъ труню да хихикаю. Я, можетъ, веселю-то себя, штобъ слезу только развѣять. Если хошь на правду дѣло вести, такъ вотъ тебѣ мое слово: я за сто рублей весь обзаводъ отдаю, только возьмите Христа-ради гоньбу за себя, освободите меня отъ этого ига!

Въ словахъ и голосѣ Силуана Петровича звучало при этомъ что-то такое усталое, надломленное, они дышали такой неподдѣльной искренностью, что озадаченный и въ первое время недовѣрливый ему Аверьянъ Мокѣичъ растрогался.

— А-ахъ, какъ ты удружилъ намъ, Силуанъ Петровичъ, произнесъ онъ, не выдержавъ; — а вѣдь мы, сердешный, таились-то тебя, полагая, что ты супротивъ насъ пойдешь.

— Я? Да избави Господи! Это чтобъ супротивъ общества идти за то, што вы помогали мнѣ, добро мнѣ дѣлали?

— Остерегались, милый, не потаю...

— Ну, такъ вотъ знайте-же Силуана! съ гордостью произнесъ онъ. — Можетъ, я въ иномъ дѣлѣ и неправедно поступалъ съ кѣмъ-нибудь, въ жизни чего не случается—всѣ грѣшны, а што-бы вредить кому за его добро... да разрази меня...

— А-ахъ ты сердешный, весь обзаводъ за сто рублей?!

— Весь, и деньгами не торопитесь, обожду, прервалъ его Силуанъ.

луанъ Петровичъ.—По себѣ вѣрю: по первоначалу вамъ денегъ понадобится мно-о-го...

— О-охъ, много... вѣрно, другъ: одну прорѣху зашьемъ, другая ужъ порется.

— Знаю, знаю, кому говоришь?.. Коли въ случаѣ чего, такъ и деньгами по-малости помогу, обстраивайтесь съ легкой руки да не поминайте лихо. Зайди ужъ, чайкомъ пополощемся, потолкуемъ, можетъ и еще чего надумаемъ, а только обо мнѣ вы не имѣйте сумнительства, чтобы я супротивъ васъ.

Аверьянъ Мокѣичъ разстался съ Силуяномъ Петровичемъ чуть не со слезами на глазахъ. Вѣсть о предложеніи его быстро облетѣла всѣ избы и сдѣлала не мало переполоху въ общественномъ мнѣніи. „Вотъ оно, поди-ко, раскуси челоуѣка-то! говорили крестьяне.—Ты его сторонился, какъ недруга, а онъ тебѣ первый доброжелатель. Нѣтъ, други, допрежь, чѣмъ пуда соли не съѣшь съ челоуѣкомъ, такъ не узнашь его, каковъ онъ нутромъ-то!“ заключали добродушные люди.

До торговъ оставалось не болѣе двухъ недѣль. Аверьянъ Мокѣичъ, его сотоварищи и сельскій староста съѣздили въ волость и подали общественный приговоръ и вмѣстѣ взаимное другъ о другѣ ручательное одобрение, по которому каждый полноправный членъ общины ручался на установленную закономъ сумму 40 рублей, въ случаѣ неустойки принимаемаго ихнимъ обществомъ подряда. Писарь принялъ ихъ холодно и, къ крайнему удивленію всѣхъ, не взялъ даже предложенныхъ ему въ благодарность за трудъ десяти рублей.

— Ручательное одобрение общества, представляемое въ обезпеченіе исправнаго исполненія казеннаго подряда, только тогда имѣетъ законную силу, когда оно утверждено подлежащею земскою властью, сухо отвѣтилъ онъ, — а потому до разрѣшенія окружного начальника волость не можетъ засвидѣтельствовать его вамъ!

Но одобрение и приговоръ онъ принялъ и при нихъ-же записалъ въ настольный реестръ. Нѣсколько озадаченные суровымъ приѣмомъ писаря, ходатаи поѣхали изъ волости въ деревню Воробьеву къ Абраму Николаевичу, чтобы напомнить ему объ его обѣщаніи поддержать ихъ ходатайство своимъ отзывомъ, и застали его

на порогѣ. Абрамъ Николаевичъ ѣхалъ въ волость и, молча выслушавъ ихъ просьбу, почесалъ въ затылкѣ и лукаво улыбнулся.

— А я ногѣ, признаться, въ гости къ вамъ собирался, отвѣчалъ онъ.

— Милости просимъ, завсегда тебѣ рады, отъ сердца рады, отвѣчали они, бланаясь ему и стоя передъ нимъ съ непокрытыми головами.

— Вина-то много припасено про меня? спросилъ онъ.

— Обрадуй, пріѣзжай... будешь доволенъ, чего только душенька твоя пожелаетъ, не постоимъ!..

— То-то! Меня вѣдь по шерсточкѣ-то мало погладить. Буде лю-то вѣдь прежде, чѣмъ веревку изъ нея витъ, подмачиваютъ, такъ и вы ужъ не скупитесь на угощенье-то, я вѣдь вишь, братцы, какой корпусной, смочить-то меня надоть въ бо-о-льшой посудинѣ, хе-хе! язвительно отвѣтилъ онъ, садясь въ пошевни.— Надняхъ уже забѣгу въ вамъ, а теперича до повиданья.

Проводивъ его съ поклонами, ходатаи хотя и призадумались надъ его словами, но все-таки не придали имъ никакого значенія. „Съ дуру, поди, сболтнулъ!“ разсуждали они, возвращаясь домой. Абрамъ Николаевичъ, однакожь, не заѣхалъ въ Сорокино, хотя крестьяне поджидали его каждый день и готовили ему самый радушный пріемъ и угощеніе. Силуянъ Петровичъ по-прежнему хозяйничалъ, поминутно бѣгая по деревнѣ, снаряжая тройки и пары. „Нуте-ко, други, услужите на послѣдяхъ-то!“ каждый разъ приговаривалъ онъ, обращаясь съ просьбой, и добродушные, довѣрчивые люди лѣзли, какъ говорится, изъ кожи, услуживая доброжелательному Силуяну Петровичу, который всегда при этомъ, встать или не встать, давалъ имъ всевозможные совѣты, какъ вести дѣло, какъ обращаться съ разными проѣзжающими, начальствомъ и станціонными смотрителями.

— Не легкое тоже дѣло, други, вы взваливаете на горбы свои, говорилъ онъ своимъ пѣвуче-меланхолическимъ голосомъ; — ко всякому дѣлу надоть особливую снаровку пригнать, тутъ надоть, братцы, такъ наточить глазъ, чтобы онъ и въ потьмахъ каждому по его мѣркѣ отераивалъ, да-а-а! тряся головой, заключалъ онъ; но что требовалось для подобной отточки глаза, Силуянъ Петровичъ объ этомъ умалчивалъ.

Сорокинцы съ благодарностью выслушивали наставленія, какія должны были пригодиться имъ въ будущемъ, и, сознавая, что бремя, какое они принимаютъ на себя, не легкое, все-таки изъ совѣтовъ Силуяна Петровича не выносили ничего существеннаго для облегченія его.

По мѣрѣ приближенія дня торговъ, росло и тревожное состояніе сорокинцевъ. Дѣло ихъ, повидимому, было хорошо обставлено. Голова обѣщала имъ свое содѣйствіе, и они не сомнѣвались въ немъ, хотя ихъ и тревожило то, что онъ не пріѣхалъ къ нимъ, и тревожило потому, что, желая угостить его и тѣмъ выразить ему свою благодарность, они въ то же время желали показать ему лошадей, какія уже были прикуплены многими изъ нихъ, и сторгованныя у Силуяна Петровича форменныя повозки и телѣги, и тѣмъ разсѣять въ немъ всякую тѣнь какаго-либо сомнѣнія въ нихъ. Въ желаніи окружного начальства помочь имъ, благодаря увѣреніямъ Нефедова, какъ письмоводителя его, они также не сомнѣвались. Въ Силуянѣ Петровичѣ, противодѣйствія котораго они опасались сначала, теперь они встрѣтили самаго доброжелательнаго къ нимъ человѣка и помощника.

— Ну, а что, какъ чего-нибудь стряслется, а ужъ мы израсходовались, въ долги позалѣзали, а-а? неволью рождалось у каждаго изъ нихъ, и подъ вліяніемъ этой думы и мучительныхъ ожиданій они каждый день посылали кого-нибудь изъ среды своей въ село Аталыкъ справиться: не слышно-ли чего о пріѣздѣ окружного?

Однажды ночью посланный ими гонецъ привезъ имъ вѣсть, что завтра долженъ пріѣхать окружной, который прислалъ нарочнаго предупредить волостныхъ чиновъ о своемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, чтобы все общество крестьянъ деревни Сорокиной, изъявившее желаніе принять на себя подрядъ почтовой гоньбы, собралось ко дню его пріѣзда въ Аталыкъ. Сильно обрадовались сорокинцы извѣстію, что окружной черезъ нарочнаго приказалъ имъ собраться въ волость.

— Стало быть, помнитъ объ насъ; теперь ужъ дѣло наше рѣшеное, влады его за пазуху да блюди по чести! Слава тебѣ Господи, и намъ вздохнуть придется! говорили они, со-

бравшись въ просторной избѣ сельскаго старосты и влады широкіе кресты на свои груди.

Была еще глубокая ночь, а ужъ въ каждой избѣ видѣлся яркій свѣтъ отъ топившейся печи для на-скоро приготовляемаго обѣда. Крестьяне, забывъ о снѣ, ходили изъ избы въ избу, дѣлясь различными предположеніями, рождавшимися почти у каждаго изъ нихъ; иные ходили просто потому, что имъ не сидѣлось на радости дома. Одни изъ нихъ предлагали забрать съ собою па-показъ окружному всѣхъ лошадей и сбрую; другіе совѣтовали захватить прежде къ батюшкѣ и попросить отслужить молебенъ, а лошадей и сбруи не брать, чтобъ не родилось сомнѣнія, что они показываютъ чужихъ, какъ дѣлалъ Силуянъ Петровичъ. Были и такіе, пылкая фантазія которыхъ подъ вліяніемъ удачи увлекала ихъ далеко за предѣлы дѣйствительности, и только что избавившись отъ сѣтей подрядчика, они мечтали уже сами откупить со-временемъ почтовую и земскую гоньбу на всѣхъ смежныхъ станціяхъ. Пріѣхавъ въ волость, гдѣ собрались уже всѣ волостные начальники, сорокинцы снова заявили къ Абраму Николаевичу съ поклономъ и легкой пеней, что онъ не заглянулъ къ нимъ. Но Абрамъ Николаевичъ не сталъ съ ними разговаривать, отозвавшись недосугомъ. Часу въ первомъ дня поставленный на околицѣ верховой крестьянинъ, обязанный дать знать тотчасъ, какъ завидитъ повозку окружного, прискакалъ въ волость и сообщилъ: „ѣдетъ!“ Повозки еще не было видно, а ужъ сорокинцы высыпали изъ волости на улицу и, несмотря на довольно сильный морозъ, съ непокрытыми головами столпились у крыльца. Безмолвно смотрѣли они, какъ юркій писарь и степенный Абрамъ Николаевичъ почти вынули изъ повозки окружного, закутаннаго въ двѣ шубы, какъ поддерживали его подъ руки при подъемѣ на лѣстницу. „Господи, помоги ты намъ!“ говорили они, вздыхая и крестясь.

Наконецъ, черезъ часъ ихъ потребовали въ волость; робко вошли они одинъ за другимъ, запрятавъ рукавицы и шапки за пазухи, и, переминаясь съ ноги на ногу, остановились у двери.

Окружной начальникъ, пожилой человекъ съ легкой просьбою въ коротко-остриженныхъ волосахъ на головѣ, одѣтый въ теплый сюртукъ на мѣху, сидѣлъ въ креслѣ у стола, покрытаго, по случаю пріѣзда его, толстымъ краснымъ сукномъ. Поодаль отъ

него стояли въ почтительной позѣ волостные начальники, щеголе-вато одѣтые въ тонкіе суконные халаты. Въ волости на этотъ разъ было накурено можжевеловымъ и сильно пахло сосной, отъ тонкихъ вѣтвей ея, какими усыпанъ былъ полъ.

— Вы подавали мнѣ просьбу о дозволеніи вамъ взять за себя подрядъ почтовой гоньбы на сорокинской станціи? спросилъ окружной начальникъ, обведя ихъ какимъ-то усталымъ взглядомъ.

— Мы, батюшко, — отвѣтили, выдвигаясь впередъ, Аверьянъ Могеѣвичъ и старики Исаевъ и Соровинъ, — мы и были у тебя.

— Вы всеѣмъ обществомъ хотите взять подрядъ?

— Купно, обществомъ!.. отвѣтилъ, кланаясь, Исаевъ.

— А много васъ, домохозяевъ-то?

— Что-жь, челоуѣка двадцать три будетъ полномочныхъ-то, дому-то хозяевъ!.. отвѣтилъ Аверьянъ Могеѣвичъ, обведя своихъ однообщественниковъ взглядомъ.

— Вы объяснили мнѣ въ прошеніи, что настоящій подрядчикъ не имѣетъ у себя того количества лошадей, какое обязанъ имѣть по контракту, и что вы и въ настоящее время отбываете почтовую гоньбу за него, правда это?

— Сущая правда, батюшка... мы... мы... обществомъ отбываемъ!.. отвѣтили все они почти въ голосъ.

— Смута это одна, ваше высокородіе, Александро Викентъичъ, неожиданно произнесъ Абрамъ Николаевичъ, — о-облыж-ность.

— Смута?... Какая смута, въ чемъ?... спросилъ окружной.

— Што у подрядчика-то лошадей нѣтъ! отвѣтилъ Абрамъ Николаевичъ. — Оно точно, лошадей у него избыточно, да коли доложить по сущей совѣсти, такъ онъ потому и не заводитъ лошадей-то, чтобъ не отнять у нихъ заработка. Неосновательность это одна. Затѣяли они взять подрядъ на себя, шутка-ли сказать — многотысячный, вашу милость утруждаютъ облыжными извѣтiami на подрядчика, а спроси: у кого изъ нихъ чего есть? Способны-ли взнять зкое бремя? Первое дѣло — и коней-то нѣтъ, а кои есть, то и тѣ чужіе.

— Абрамъ Николаичъ, побойся ты Бога-то! произнесъ старикъ Исаевъ, укоризненно качая головой. — Не ты-ли намъ сулилъ?

— Какъ чужіе кони, чьи?.. спросилъ окружной, не обративъ вниманія на слова старика Исаѣва.

— Подрядчиковы... Силуана Стрехова!.. отвѣтилъ Абрамъ Николаевичъ.

— Го-о-осподи!.. Что-жь это, братцы? вскрикнулъ старикъ Сорокинъ, всплеснувъ руками и обратившись къ остальнымъ своимъ однообщественникамъ, которые стояли растерянные и униженные взведенною на нихъ несправедливостію отъ человѣка, обѣщавшаго имъ свое заступничество. Лицо Аверьяна Мокѣича вытянулось, губы его судорожно подергивались и только глаза его сверкали, какъ угли, изъ-подъ наслупленныхъ бровей, но онъ молчалъ.

— Ты пошто-же это, ваше почтеніе, Абрамъ Николаичъ, душой-то кривишь? спросилъ Аверьянъ Мокѣичъ, выдвигаясь еще на шагъ впередъ.—Взгляни-ко въ передній-то уголь, на Владычицу-то небесную, и скажи, у кого копей-то болѣ, у насъ аль у Стрехова, и на чьей спинѣ онъ подрядъ-то выносить, а-а? Не ты-ли намъ судилъ ходатайствовать за насъ предъ его высоко-родьемъ? Развѣ не съ твоихъ словъ мы съ челобитной-то поѣхали къ нему?

— Съ моихъ, съ моихъ, это точно, Александръ Викентьичъ, не глядя на Аверьяна Мокѣича, отвѣчалъ Абрамъ Николаевичъ, обратившись къ окружному начальнику, молча наблюдавшему за ними;—но опосля того, какъ, впавъ въ сумнительство, я обслѣдовалъ это дѣло, то увидаль, что тутъ единственно смута одна, и народъ-то они необстоятельный, при нихъ скажу... вотъ...

— Пьющіе?..

— Есть грѣшнѣе-то, а паче того—въ долгахъ по макушку.

— У кого?

— У Стрехова все, у того-же подрядчика. Онъ изъ милости только ждетъ за ними долги-то ихніе, и кони, какими хвалятся они, все это у нихъ стреховскій обзагодъ, на его деньги, ваше-скородье. Я вѣдь правду говорю, общественики, не судачьте, обратившись вполоборота къ сорокинцамъ, произнесъ Абрамъ Николаевичъ.—Мое дѣло такое, что я по присягѣ долженъ блюсти правду, остерегать начальство. Жили-бы вы тихо, благо не голодаете, заработокъ есть, на подушную хватаетъ, а то утруждаете занапрасно начальство, не разбираючи силъ, взнимете-ли экой подрядъ, только заводите смуту.

— Что-жь вы это, молодцы? Всёми одолжены человѣку, отъ него имѣете заработокъ, на его-же деньги оперились, а теперь стараетесь ложными извѣтами подорвать его репутацію, а а? строго нахмутивъ брови, спросилъ окружной начальникъ.

— Обмой-же, Абрамъ Николаичъ, нашими слезами свою душу, авось чище будетъ! произнесъ съ горечью въ голосѣ Аверьянъ Мокѣвичъ. — Неправда все это, ваше-скородіе, чего онъ говорилъ, не вѣрь ему: на днѣ стреховскаго штофа онъ оставилъ свою совѣсть; съ пьяныхъ-то глазъ у него и мелькаютъ все пьяные да неосновательные люди! Не обезсудь на этомъ словѣ, съ желчью закончилъ онъ, поклонившись.

— Продерзость-то... даже при вашей милости! обидчиво произнесъ Абрамъ Николаевичъ.

Аверьяна Мокѣвича вывели изъ волости и посадили на недѣлю подъ арестъ при волости на хлѣбъ и воду.

— При приѣмѣ на себя казеннаго подряда требуется представить въ обезпеченіе его залогъ, равный всей суммѣ стоимости подряда. Что-жь, есть у васъ деньги, а?.. спросилъ ихъ окружной начальникъ по уводѣ Долгополова. — Вѣдь тутъ не малая сумма требуется.

— Нѣтъ, батюшка, какія у насъ деньги, откуда имъ быть, робко отвѣтилъ старикъ Исаевъ; — мы ручательное одобреніе предоставимъ за себя, милостивецъ. Вѣдь и у Стрехова-то тоже не было денегъ то, когда онъ подрядъ-то бралъ, по ручательному-же одобренію допустили его.

— Кто-же ручается за васъ?

— А мы, значить, по круговой всѣ другъ за друга въ поруку идемъ. Блюсти ужъ будемъ, ваша милость, все по чести, не сумнѣвайся, поклонившись, отвѣтилъ Сорокинъ. — Потому въ энтотъ дѣлѣ ужъ всякій другъ за другомъ доглядывать будетъ и не допускать непорядковъ.

— Сами за себя вы не можете ручаться. Васъ двадцать три человѣка, каждый изъ васъ можетъ поручиться за другого только на сорокъ рублей. Это, значить, сколько-же составитъ всего? обратился онъ къ писарю.

— Девятьсотъ двадцать рублей, ваше высокородіе! отвѣтилъ тотъ, подавшись при этомъ впередъ головой и грудью.

— О-о, видите, а подрядъ берете болѣе, чѣмъ на десять

тысяч! произнесъ окружной начальникъ, поднимаясь съ бресла и подходя къ нимъ. — Нельзя, я не могу допустить васъ къ торгамъ; если вы представите мнѣ отъ сельскихъ, постороннихъ вамъ, обществомъ ручательное одобрение на всю сумму подряда и земская полиція удостовѣритъ, что ручающіеся за васъ общества, дѣйствительно, имѣютъ домообзаводство и скотоводство въ такомъ исправномъ состояніи, что, въ случаѣ вашей неустойки, они каждое могутъ отвѣчать своимъ имуществомъ на такую сумму, на какую ручались, тогда я найду возможнымъ допустить васъ на торги и сдать вамъ подрядъ, а теперь не хлопчите, нельзя, по закону не имѣю права! рѣшительно отвѣтилъ онъ.

Выѣхавшіе съ теплой вѣрой въ свое будущее, сорокинцы возвратились вечеромъ домой съ понуренными головами и разбитыми надеждами.

— Нѣтъ, братцы, ужь коли мужикъ разъ попалъ въ сѣти, такъ ужь, какъ рыба, сколь ни бейся, не прорвешь ихъ! вздыхая, говорили они.

Подрядъ остался за Силуяномъ Петровичемъ, такъ-какъ кромѣ его никого желающихъ на торги не явилось, и снова сорокинцы, непотерявшіе вѣры въ доброжелательство его къ нимъ, взяли на своихъ лошадяхъ и почту, и проѣзжающихъ, радуясь и тому заработку, какой имѣютъ отъ прогоновъ. Силуянъ Петровичъ по-прежнему хлопочетъ и суетится цѣлые дни, по-прежнему слыветъ исправнымъ подрядчикомъ и замышляетъ расширить свои операціи, подкапываясь подъ сосѣднихъ почто-содержателей, и, вѣроятно, расширитъ. Спустя недѣли двѣ послѣ ареста, Аверьянъ Мокѣвичъ, вмѣстѣ съ старикомъ Исаевымъ, съѣздилъ къ Нефедову, чтобы попенять ему за неудачный исходъ дѣла и за то, что, какъ письменный человѣкъ, онъ во-время не предупредилъ ихъ о шаткости ихъ предпріятія и ввелъ въ издержки; но Нефедовъ объяснилъ неудачу тѣмъ, что по старымъ законамъ можно-де было все это дѣло обдѣлать, а нонѣ-де новые вышли, по коимъ строго наказано стеречь мужиковъ и не допускать ихъ совокупляться въ общества.

Н. Наумовъ.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Окончаніе.)

По освобожденіи изъ Франкфурта, Вольтеръ не рѣшался ѣхать въ Парижъ, гдѣ неминуемо подвергся-бы новымъ преслѣдованіямъ. Онъ долго проживалъ въ Эльзасѣ, хотѣлъ было отправиться въ Англію, но раздумалъ; потомъ намѣревался поселиться въ Готѣ, но также не рѣшился. Въ 1755 г. онъ жилъ въ Швейцаріи, гдѣ даже купилъ себѣ имѣніе около Женевы; наконецъ, въ 1758 г. онъ купилъ помѣстье Ферней, на французско-швейцарской границѣ, и прожилъ въ немъ послѣдніа двадцать лѣтъ своей жизни. Онъ выстроилъ себѣ здѣсь замокъ, въ которому примыкалъ великолѣпный садъ, и даже возобновилъ старую развалившуюся церковь, сдѣлавъ на ней надпись: *Богу — Вольтеръ*. Поселившись въ этомъ уединенномъ уголкѣ Швейцаріи, среди богатой природы и мирнаго населенія, впоследствии полюбившаго Вольтера, онъ дѣятельно работалъ почти по всѣмъ отраслямъ литературы, велъ обширную корреспонденцію со всѣми современными знаменитостями и отовсюду получалъ свѣденія, необходимыа для его протестовъ и полемическихъ памфлетовъ. Внѣшняя обстановка его жизни была роскошная; его племянница Дени вела хозяйство на самую широкую ногу; посѣтители со всѣхъ концовъ образованнаго міра встрѣчали въ Фернеѣ самый радушный приемъ, и Вольтеръ называлъ себя „трактирщикомъ Европы“. Въ замкѣ былъ и театръ, на сценѣ котораго часто появлялись лучшіе артисты Парижа. Не только Франція, но и вся остальная Европа зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило въ маленькомъ Фернеѣ, дворяне получали

отъ своихъ парижскихъ агентовъ корреспонденціи о Вольтерѣ, а самъ онъ переписывался съ Фридрихомъ Великимъ и Екатериною II; Христіанъ VII датскій, Густавъ III шведскій, Іосифъ II австрійскій были его послѣдователями. Екатерина сообщала ему о своихъ политическихъ планахъ, о дѣйствіяхъ своихъ армій, о своихъ законодательныхъ работахъ, и Вольтеръ рѣшительно поддерживалъ ея политику относительно Турціи и Польши *). „Быть ходатаемъ за человѣчскій родъ, писала ему Екатерина, — значитъ заслужить безсмертіе. Вы боролись противъ ополчившихся вѣвствъ враговъ человечества, — противъ суевѣрія, фанатизма, невѣжества, кривотворства, дурныхъ судей. Надо имѣть много доблести и достоинства, чтобы преодолѣть такія препятствія. Вы доказали, что обладаете ими — вы побѣдили“. Но когда, въ 1769 г., Вольтеръ вознамѣрился было пріѣхать въ Россію, Екатерина, опасаясь, конечно, повторенія скандальной исторіи съ Фридрихомъ, отелонила его намѣреніе („Сб. ист. общ.“, X, 379). Кроме вѣнценосцевъ, съ Вольтеромъ переписывалось множество государственныхъ людей разныхъ странъ, писателей, особенно начинающихъ, и даже частныя, ничѣмъ незамѣчательныя лица, часто обращались къ нему съ письмами, на которыя онъ почти всегда отвѣчалъ. „Недавно, писалъ онъ одной знакомой, — какой-то мидльбургскій бургомистръ, котораго я вовсе не знаю, письмомъ спрашиваетъ меня по секрету, есть-ли Богъ, вѣчна-ли матерія, можетъ-ли она мыслить, безсмертна-ли душа, и просилъ меня отвѣчать ему по почтѣ“. Старый, больной, высохшій, какъ скелетъ, съ трудомъ передвигавшій ноги, Вольтеръ былъ молодъ душою, какъ юноша, и неутомимо велъ громадную переписку, полемицировалъ, работалъ для Энциклопедіи, писалъ свои коментаріи на библію, „Философскій словарь“, „Опытъ о духѣ и нравахъ народовъ“, „Исторію появленія христіанства“, трагедію „Танкредъ“ и т. д. Но ни литературныя труды, ни громадная переписка, ни полемическія дразги не помѣшали Вольтеру съ юношеской энергіей помогать дѣломъ несчастному, защищать несправедливо гонимаго, вырывать жертву изъ рукъ *гадины*. Услышавъ, напр., что племянница Корнелиа нищенствуетъ, онъ сказалъ: „старый солдатъ

*) Письма Екатерины къ Вольтеру помѣщены, между прочимъ, въ 10 и 13 томахъ „Сборника русскаго историческаго общества“.

обязанъ помочь дочери своего генерала“, взялъ на себя ея воспитаніе, доставилъ ей богатое приданое и помогъ ей выйти замужъ. Въ самомъ Фернеѣ остались слѣды его ума и добрыхъ дѣлъ и до настоящаго времени. Онъ основалъ здѣсь школу и организовалъ производство часовъ, которое долго славилось въ женевскомъ кантонѣ. Нравственное вліяніе его на европейскую интеллигенцію въ это время достигло высшей степени. Къ нему обращались, какъ къ верховному судѣ и посреднику. Онъ былъ настоящимъ адвокатомъ человѣчества. „Русская императрица, говоритъ Кондорсе, — короли прусскій, датскій, шведскій старались заслужить похвалу Вольтера и поддерживали его благія дѣла; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славі, искали одобренія фернейскаго философа и довѣряли ему свою надежду на успѣхи разума, свои планы распространенія свѣта и уничтоженія фанатизма. Во всей Европѣ онъ основалъ союзъ, котораго онъ былъ душой. Единственнымъ вліяніемъ этого союза было: разумъ и терпимость! Совершалась-ли гдѣ-нибудь вопіющая несправедливость, оказывалось ли кровавое преслѣдованіе, нарушалось ли человѣческое достоинство, — сочиненіе Вольтера передъ всей Европой выставило виновныхъ къ позорному столбу. И какъ часто рука притѣснителей дрожала отъ страха передъ этимъ страшнымъ ищениемъ!“

„Религіозное преслѣдованіе, судебная пытка, произвольное заточеніе, бесполезное усиленіе уголовныхъ каръ, медленность и каверзы судовъ, притѣсненія откупщиковъ податей, рабство — были постоянными предметами живой сатиры и краснорѣчивыхъ статей Вольтера. Когда въ Тулузѣ былъ колесованъ невинный, когда юноша, виновный только въ нескромности, былъ обезглавленъ въ Абевилѣ, когда храбраго офицера, осужденнаго общественною несправедливостью, влекли съ заклепаннымъ ртомъ къ мѣсту казни на Гревскую площадь, изъ Фернея тотчасъ раздавался голосъ, который слышенъ былъ отъ Москвы до Кадыкса, и предавалъ тупоумныхъ судей презрѣнію и ненависти всей Европы“ (Маколей). Эти судебные процессы, слишкомъ извѣстные сто лѣтъ назадъ, въ настоящее время уже забываются, и мы только мимоходомъ напомнимъ о нихъ.

Въ Тулузѣ жилъ купецъ-протестантъ Жанъ Калась, 68 лѣтъ; его младшій сынъ перешелъ въ католичество, но это не разстрои-

ло его отношеній къ остальному семейству; нянька, жившая въ домѣ болѣе 30 лѣтъ, была тоже католичка. Старшій сынъ Каласа, кутила Маркъ, бывшій кругомъ въ долгахъ, повѣсилса при обстоятельствахъ, ясно свидѣтельствовавшихъ о самоубійствѣ, но нѣкоторые фанатики начали кричать, что Калась удушилъ сына изъ ненависти къ святой католической вѣрѣ, въ которую тотъ готовъ былъ перейти. Попы постарались раздуть пламя. Все семейство Каласа, нянька-католичка и одинъ другъ дома были арестованы и закованы въ цѣпи. Это было въ 1762 г., когда двухсотлѣтній юбилей рѣзни гугенотовъ разжегъ и возбудилъ умы фанатиковъ. Марка считали мученикомъ, рассказывали о чудесахъ, совершенныхъ его трупомъ. Въ процесѣ участвовало тринадцать судей, которые и признали, вопреки всякому смыслу, что 68-лѣтній старикъ, съ опухшими и слабыми ногами, могъ задушить безъ борьбы, безъ сопротивленія и ранъ здороваго, чрезвычайно сильнаго молодого человѣка 28 лѣтъ, и что въ этомъ участвовали мать, нѣжно любившая убитаго, нянька, ревностная католичка, и другъ дома, нарочно пріѣхавшій по этому поводу. Калась былъ приговоренъ къ колесованію, и даже на колесѣ продолжалъ заявлять о своей невинности, умоляя Бога простить его судьямъ-палачамъ; дѣти его были присуждены къ заключенію въ монастырь, а жена, лишенная всякой поддержки, осталась въ нищетѣ. Вольтеръ написалъ свое сочиненіе о вѣротерпимости, обратившее на дѣло Каласа вниманіе всей Европы, поручилъ возобновленіе его знаменитому адвокату и хлопоталъ цѣлыхъ три года, пока не достигъ цѣли. „Ни разу улыбка не появлялась на губахъ моихъ втеченіи этого времени, говорилъ онъ, — и я вмѣнилъ-бы ее себѣ въ преступленіе“. Государственный совѣтъ потребовалъ дѣло къ себѣ на пересмотръ, и черезъ два года Каласы были объявлены невинными, и, вслѣдствіе хлопотъ Вольтера-же, король назначилъ имъ 36,000 ливровъ пенсій.

Въ то-же время, какъ началось дѣло Каласа, дочь кальвиниста Сирвена, жившаго въ Кастрѣ, была насильственно взята епископомъ въ монастырь, для воспитанія въ католичество. Она сошла съ ума и, выпущенная изъ монастыря, вскорѣ исчезла; трупъ ея нашли въ колодецѣ. Католическій фанатизмъ былъ уже возбужденъ дѣломъ Каласа, и многіе были увѣрены, что Сирвень убилъ свою дочь за переходъ въ католичество, что протестанты вообще истаютъ

смертью своихъ дѣтямъ, желающимъ перейти въ другую вѣру. Отца, мать и сестеръ умершей помѣшанной рѣшено было арестовать, но они успѣли бѣжать въ Ферней, къ Вольтеру, только несчастная жена Сирвена умерла дорогой. Все семейство было приговорено къ смерти, а имущество конфисковано. Вольтеръ обратилъ и на это вниманіе всей Европы; Екатерина II, короли польскій, прусскій, датскій, герцогъ саксонскій, ландграфъ гессенскій послали Сирвенамъ богатые подарки, а тулузскій парламентъ, только благодаря протесту Вольтера, оправдалъ ихъ.

Нѣкто Белеваль, житель города Абевиля, воспылялъ любовью къ настоятельницамъ монастыря, но получилъ отказъ; между тѣмъ настоятельница въ 1764 г. пригласила къ себѣ своего племянника де-ла-Бара, чтобы докончить его воспитаніе. Въ іюлѣ 1765 г. молодой де-ла-Баръ и его другъ д'Эталонъ прошли мимо одной церковной процесіи, не снявъ шляпъ. Вскорѣ послѣ этого въ Абевилѣ было сброшено съ моста въ воду деревянное распятіе. Думали, что это сдѣлалъ пьяный солдатъ, но Белеваль, воспользовавшись упомянутымъ невниманіемъ де-ла-Бара къ процесіи, сумѣлъ возбудить противъ него подозрѣніе и въ низверженіи распятія. Началось дѣло. Слѣдствіе доказало только, что де-ла-Баръ пѣлъ легкомысленныя пѣсни, и его по одному только подозрѣнію приговорили къ колесованію, а д'Эталона къ отсѣченію руки и языка. Де-ла-Баръ умеръ мужественно. „Я не думалъ, сказалъ онъ на эшафотѣ,—что убьютъ юношу за такіе пустяки“. Д'Эталону-же удалось бѣжать къ Вольтеру и по рекомендаціи послѣдняго поступить въ прусскую службу.

26-го іюля 1770 г. одна старуха, любившая выпить, влѣкнула на ночь болѣе обыкновеннаго; утромъ ее нашли упавшею съ кровати на сундукъ и мертвою. Все показывало, что она умерла отъ удара, и вскрытіе трупа не обнаружило никакихъ подозрительныхъ признаковъ. Старуху схоронили. Вдругъ разнесся слухъ, что ее убили спавшіе въ другой комнатѣ ея дочь и мужъ послѣдней, Монбальи. Молодые супруги были арестованы, и хотя слѣдствіе не открыло никакихъ уликъ противъ нихъ, были удержаны въ тюрьмѣ въ виду раздраженія массы. Высшій судъ Артуа, безъ всякихъ новыхъ допросовъ, осудилъ ихъ на сожженіе живыми, и Монбальи, до послѣдней минуты увѣрявшій съ клятвами о своей невинности, былъ сожженъ, а исполненіе приговора надъ

женою его было отсрочено вслѣдствіе ея беременности. Вольтеръ спасъ ее. Онъ послалъ въ министерство записку о дѣлѣ, и новый судъ оправдалъ и сожженного Монбальи, и его вдову.

Дѣло Лали гораздо сложнѣе и въ изложеніи Вольтера занимаетъ цѣлыя 56 страницъ (vol. XXII, p. 189 — 245). По прояскамъ враговъ, генераль-губернаторъ французской арміи Лали былъ обвиненъ въ измѣнѣ и подлогѣ. „Послѣ пятидесятипятнадцатилѣтней службы, говоритъ Вольтеръ, — 68-лѣтній старикъ былъ приговоренъ къ смерти. Когда ему объявили этотъ приговоръ, его негодованіе было такъ-же велико, какъ и его изумленіе. Держа въ рукахъ циркуль, съ помощію котораго въ своей тюрьмѣ онъ разсматривалъ географическія карты, Лали ударилъ имъ въ свое сердце, но рана оказалась недостаточно глубокою, чтобы лишить его жизни. Спасеннаго для позорной смерти на эшафотѣ, его повезли въ навозной телѣгѣ, вложивъ ему въ ротъ огромный клинъ, который, высовываясь изо рта, безобразилъ его лицо и приговоренный представлялъ ужасное зрѣлище. Многіе изъ его враговъ пришли насладиться видомъ его казни и жестокость ихъ дошла до того, что они начали аплодировать. Ему заклепали ротъ съ боязни, чтобы на эшафотѣ онъ не возвысилъ своего голоса противъ судей и, убѣжденный въ своей невинности, не убѣдилъ-бы въ ней и народа“. Вслѣдствіе хлопотъ Вольтера процессъ Лали былъ разобранъ снова и первый приговоръ кассированъ.

Эти и подобныя имъ процессы не давали Вольтеру покоя и онъ писалъ д'Аламберу: „не время заниматься шутками, острофы не вяжутся съ убійствами. Какъ? Эти врючковтворцы въ парикахъ умерщвляютъ ужасными пытками шестнадцатилѣтнихъ дѣтей? Общество немного поболтаетъ объ этомъ, потомъ на завтра-же отправляется въ комическую оперу, а варварство, становясь болѣе и болѣе наглымъ вслѣдствіе нашего молчанія, готово по своему произволу юридически перерѣзывать глотки. Здѣсь Калась, умершій на колесѣ, тамъ Сирвенъ, присужденный къ висѣлицѣ, далѣе клинъ, вложенный въ ротъ генерала, или пять юношей, осужденныхъ на сожженіе за поступки, за которые ихъ слѣдовало не болѣе, какъ выдержать въ тюрьмѣ. И эта страна называется страной философіи и наслажденія! Нѣтъ, это скорѣе страна варфоломеевской рѣзни. Даже инквизиція не осмѣливалась на то, что выдѣлы-

вають эти судьи-ясенисты⁴. Отвѣчая на другое письмо д'Аламбера, Вольтеръ писалъ: „И вы можете ограничиться смѣхомъ? Мы обязаны скорѣе или позаботиться объ отомщеніи, или во что бы то ни стало оставить страну, въ которой день за днемъ совершаются такіе ужасы. Нѣтъ, я не въ состояніи вынести того, что вы кончаете письмо словами, что я посмѣюсь! Ахъ, другъ мой, время-ли для смѣха? Развѣ люди могутъ смѣяться, видя, какъ раскаляютъ мѣднаго быка Фалариса?“ *). И величайшій изъ насмѣшниковъ въ это время не смѣялся, а плакалъ и грѣбѣлъ на всю Европу своими проклятіями, дѣйствовавшими такъ-же сильно, какъ анафемы папъ въ средніе вѣка. Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ, называя себя „главою греческой церкви“, въ шутку предлагала Вольтеру сдѣлаться римскимъ папой и общими съ нею усиліями водворить въ христіанскомъ мірѣ покой терпимости. Но Вольтеру не зачѣмъ было для этого взбираться на римскій престолъ: онъ и съ высоты своего знаменитаго фернейскаго кресла съ успѣхомъ гасилъ послѣдніе костры фанатизма. При этомъ онъ ясно видѣлъ, что дѣло не должно ограничиваться однимъ водвореніемъ вѣротерпимости, а необходимы еще свобода мысли и слова. „Оборотъ идей, писалъ онъ, — стѣсненъ во Франціи; пересылка идей, напр., изъ Ліона въ Парижъ не дозволена. Произведенія человеческого разума конфискуются, словно запрещенныя матеріи. Забавна политика, проникнутая желаніемъ, чтобы люди оставались дураками и чтобы величайшая слава Франціи заключалась въ комической оперѣ!“ Теологи и политики-рутинеры говорятъ у Вольтера: „не покупайте никогда думать, не испросивъ предварительно разрѣшенія у монаха или инквизитора. Въ такомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ Франція, человекъ не можетъ мыслить независимо. Гомеръ, Платонъ, Цицеронъ, Виргилій, Плиній, Гораций никогда ничего не издавали безъ одобренія докторовъ Сорбонны и св. инквизиціи. Посмотрите, въ какую ужасную бездну паденія свобода слова увлекла Англію и Голандію. Правда, онѣ заправляютъ торговлею всего міра, правда, Англія побѣдоносна, какъ на моряхъ, такъ и на сушѣ, но вѣдь все это только ложный блескъ, мишурное величіе, и эти страны

*) Фаларисъ—агригентскій тиранъ, 565—549 до Р. X.

быстрыми шагами идутъ къ своему окончательному паденію. Просвѣщенный народъ не можетъ имѣть прочнаго существованія“.

Вольтеръ хорошо понималъ мишурность военнаго величія государствъ и, будучи ревностнымъ другомъ мира, возставалъ противъ ужасовъ войны. Вотъ какъ онъ описываетъ ее. Сошлись двѣ арміи.

„Сначала пушки перебили тысячь по шести человекъ съ каждой стороны, затѣмъ ружейная стрѣльба избавила лучшій изъ міровъ отъ 9 или 10 тысячь портившихъ его негоднень; когда-же всѣхъ убитыхъ набралось до 30,000, то оба короля начали служить въ своихъ лагеряхъ благодарственныя молебствія“.

Говоря о войнѣ, Вольтеръ съ обычною своею рѣзкостью нападалъ на католическихъ „служителей мира“.

„Изъ 5 или 6 тысячь проповѣдей Масильона найдется-ли хотя въ одной нѣсколько словъ противъ варварства и преступленій войны? Бурдалу проповѣдывалъ противъ нечестія, но сказалъ-ли онъ хотя одно слово противъ грабежей, рѣзни, разбоевъ и всеобщаго бѣшенства, онустошающихъ міръ? Жалкіе врачи душъ, вы декламируете о пустыхъ булавочныхъ уколахъ и молчите о чудовищѣ, которое раздираетъ насъ на тысячи частей! Философы и моралисты, сожгите свои книги: пока война будетъ свирѣпствовать между народами, до тѣхъ поръ часть человѣчества, поеватившая себя героизму, будетъ совмѣщать въ себѣ все, что есть ужаснаго въ человѣческой природѣ. Что мнѣ гуманность, кротость, умѣренность, мудрость, благочестіе, коль скоро пол-унца свинца поражаетъ мое тѣло и я умираю въ ужасныхъ мукахъ, среди 5—6 тысячь мертвыхъ и умирающихъ, и, открывъ въ послѣдній разъ глаза, вижу родной свой городъ преданнымъ огню и мечу, до слуха-же моего долетаютъ послѣдніе для меня звуки, вопли женщинъ и дѣтей, погибающихъ въ развалинахъ,— и все это ради какихъ-то интересовъ человѣка, котораго мы даже не знаемъ“.

Но, проклиная войну, Вольтеръ не вѣрилъ въ возможность вѣчнаго мира и смѣялся надъ извѣстной утопій Сен-Пьера, равно какъ и надъ международнымъ правомъ. „Кодексъ убійства кажется мнѣ смѣшною фантазіей, послѣ которой остается только ожидать свода законовъ разбойниковъ на большихъ дорогахъ“.

Миръ, свобода и разумъ были идеаломъ Вольтера. Поселившись на берегу Женевскаго озера, онъ написалъ свою извѣстную оду, въ которой между прочимъ говоритъ:

„Mon lac est le premier; c'est sur ses bords heureux

4*

Qu'habite des humains la déesse éternelle,
 L'âme des grands travaux, l'objet des nobles vœux,
 Que tout mortel embrasse, on désire vu rappelle,
 Qui vit dans tous les coeurs, et dont le nom sacré

La liberté...“

Въ другой одѣ, написанной еще въ ранней молодости, Вольтеръ такъ обращался къ народу:

„Vieille erreur, respect chimérique,
 Sortez de nos coeurs mutinés;
 Chassons le sommeil léthargique
 Qui nous a tenus enchainés.
 Peuple! que la flamme s'apprête;
 J'ai déjà, semblable au prophète,
 Percé le mur d'iniquité.
 Volez, détruisez l'injustice,
 Saisissez au bout de la lice
 La désirable Liberté!“

„Единственно естественная жизнь, говоритъ онъ, — состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ былъ независимъ какъ въ своей совѣсти, такъ и въ жизни; чтобы между людьми не лежало цѣлой пропасти неравенства. Всякое другое состояніе есть только недостойная вѣшняя поддѣлка, дурной фарсъ, въ которомъ одинъ играетъ роль господина, другой — раба, третій — льстеца, четвертый — поставщика. Люди могли потерять это естественное состояніе только по трусости и глупости“. „Быть свободнымъ — значить не зависѣть ни отъ чего, кромѣ законовъ“. „Свобода обнимаетъ всѣ прочія условія. Когда господствуетъ законъ, а не произволъ, — крестьянина не будетъ угнетать любой мелкій чиновникъ, гражданина не посадятъ въ тюрьму, не начавъ тотчасъ-же его процесса передъ его законными судьями; ни у кого не будутъ отнимать его поля подъ предлогомъ общей пользы, не вознаграждая его за это; клерикалы не будутъ властвовать надъ народомъ и обогащаться на его счетъ, вмѣсто того, чтобы научать его“. „Всѣ люди равны по рожденію, говоритъ Вольтеръ, — и я тогда только повѣрю въ божественное право рыцарей, когда увижу, что крестьяне рождаются съ сѣдлами на спинѣ, а рыцари со шпорами на пяткахъ“. „Всѣ естественныя права принадлежать самому послѣднему турку такъ-же ненарушимо, какъ султану; и тотъ, и другой съ той-же

властью могутъ распоряжаться собой, своимъ семействомъ, своею собственностью; люди равны въ сущности, но на сценѣ міра они играютъ разныя роли“. „Теперь каждый свободенъ такимъ образомъ въ Швеціи, Англіи, Голандіи, Швейцаріи, Гамбургѣ, но есть еще много христіанскихъ государствъ, жители которыхъ большею частью находятся въ холопскомъ состояніи. Англійское законодательство облакаетъ всѣхъ людей полнотою *естественныхъ правъ*, которыхъ они лишены почти во всѣхъ континентальныхъ государствахъ. Вольтера особенно возмущали остатки крѣпостного права, существовавшіе преимущественно въ монастырскихъ имѣніяхъ. „Во Франціи, пишетъ онъ, — есть еще цѣлыя провинціи, обрабатываемыя рабами монастырей. Отецъ семейства, умирающій безъ дѣтей, не можетъ имѣть другихъ наследниковъ, кромѣ бенедиктинцевъ или картезіанцевъ, работою которыхъ онъ былъ въ продолженіи всей своей жизни. Сынъ, не бывшій въ домѣ своего отца во время его смерти, лишается всего наследства, которое поступаетъ въ руки монаховъ. Если житель другой провинціи проводитъ годъ и одинъ день на землѣ монастыря, то онъ дѣлается его батракомъ. Можно подумать, что это законы кафровъ или готентотовъ. Нѣтъ, эти ужасы имѣютъ законную силу въ отечествѣ Лопиталей и д'Агессо!“ Вольтеръ много хлопоталъ объ освобожденіи этихъ вѣрстанъ, умоляя короля „разсудить между природою и церковью, возвратитъ гражданамъ государству и подданныхъ своей коронѣ“. Въ старомъ феодальномъ режимѣ Вольтеръ видѣлъ много зла и настаивалъ на необходимости реформъ. „Законодательство есть искусство охранять народы и дѣлать ихъ счастливыми; законы, противодѣйствующіе этому, противорѣчатъ своей цѣли и должны быть отиѣняемы“. Вольтеръ говоритъ о „ненавистномъ и унижительномъ раздѣленіи людей на благородныхъ и неблагородныхъ“, о равномерномъ распредѣленіи налоговъ, объ отобраніи церковныхъ имуществъ и отиѣнѣ разныхъ привилегій, о смягченіи уголовныхъ наказаній и уничтоженіи пытки. Вотъ какъ изображаетъ Вольтеръ то свѣтлое будущее, когда осуществляются его реформаторскія мечты: „Законы будутъ однообразны. Несмѣтныя богатства праздныхъ людей, давшихъ объѣтъ нищеты, будутъ распредѣлены между неимущими тружениками. У этихъ мертворожденныхъ владѣльцевъ не будетъ болѣе крѣпостныхъ рабовъ. Пристава монаховъ не будутъ болѣе гнать изъ родительскаго дома си-

ротъ, доведенныхъ до нищенства, чтобы ихъ награбленными добромъ обогащать монастыри, пользующіеся правами ленныхъ владѣльцевъ, т. е. правами древнихъ завоевателей. Намъ не придется болѣе видѣть цѣлыя семейства, тщетно просящія милостыни у воротъ монастыря, который ихъ обобраѣ. Браки сотни тысячъ семействъ, полезныхъ государству, не будутъ считаться наложничествомъ и дѣти не будутъ болѣе объявляться незаконными. Маленькіе проступки не будутъ наказываться, какъ большія преступленія, потому что во всемъ необходима соразмѣрность. Изъ-за варварскаго закона (эдикта Людовика XIV противъ богохульниковъ), темно выраженнаго и плохо понятаго, не будутъ болѣе морить въ темницахъ и жечь на кострахъ безразсудныхъ и неосторожныхъ дѣтей, какъ убійцъ своихъ отцовъ и матерей. Имуществъ отцовъ семействъ не будутъ болѣе конфисковаться, потому что дѣти вовсе не должны умирать съ голода за проступки отца и потому что король вовсе не нуждается въ этой гнусной конфискаціи. Пытка, которую выдумали нѣкогда грабители большихъ дорогъ, чтобы выпытывать у своихъ жертвъ, гдѣ спрятаны ихъ сокровища, и которая въ настоящее время служить у нѣкоторыхъ народовъ для того, чтобы спасти сильныхъ преступниковъ и губить невинныхъ, но слабыхъ тѣломъ и духомъ людей,—пытка не будетъ употребляться. Будетъ существовать одна только власть короля или закона въ монархіи и одна только власть народа въ республикѣ. Свѣтская власть духовенства уже отживаетъ свой вѣкъ“. Вольтеръ предчувствовалъ, что дѣло не обойдется безъ борьбы, и еще въ 1764 г., за 24 года до революціи, писалъ абату Шовелену достопамятныя слова: „Все, что я вижу происходящимъ кругомъ меня, бросаетъ зерно революціи, которая наступитъ неминуемо, но которой я едва-ли буду свидѣтелемъ. Французы почти всегда поздно достигаютъ своей цѣли, но, наконецъ, они все-таки достигаютъ ея. Свѣтъ распространяется все больше и больше, вспышка произойдетъ при первомъ случаѣ и тогда поднимется страшная сумятица. Счастливы тотъ, кто молодъ; онъ, вѣроятно, доживетъ до лучшихъ временъ“. Когда, въ 1774 г., власть перешла въ руки Тюрго, Вольтеръ привѣтствовалъ его, какъ политическаго обновителя, и писалъ, что онъ уже видитъ новое небо и новую землю.

„Contemple la brillante aurore

Qui l'annonce enfin les beaux jours.
 Un nouveau monde est près d'eclorre;
 Até disparaît pour toujours.
 Vois l'auguste philosophie,
 Chez toi si long temps poursuivie,
 Dictier ses triomphantes lois."

Когда Тюрго палъ, Вольтеръ страшно разочаровался въ своихъ надеждахъ. „Я поверженъ во прахъ, писалъ онъ. — Намъ ужъ не суждено утѣшиться видомъ разсвѣта золотого вѣка. Съ уходомъ Тюрго, мои глаза видятъ впереди только смерть. Я какъ-бы пораженъ громовымъ ударомъ и въ мозгъ, и въ сердце. Остатокъ дней моихъ будетъ только однимъ огорченіемъ“.

Политическія и религіозныя воззрѣнія Вольтера сильно отражались и въ его историческихъ сочиненіяхъ („Essai sur le moeurs et l'esprit des nations“ и др.). По поводу выхода въ свѣтъ англійской исторіи Юма Вольтеръ справедливо жаловался, что во Франціи еще невозможна настоящая исторія, потому что историка стѣсняють всевозможныя внѣшнія вліанія, что во Франціи пишутъ исторію, какъ похвальное слово, что при этомъ нужно подбирать даже слова, чтобы кто-нибудь не нашелъ ихъ оскорбительными для себя. Всѣ эти условія отразились и на вольтеровской исторіи Людовика XIV, хотя, съ другой стороны, въ ней Вольтеръ указалъ историкамъ, что они должны заниматься не одними королями, а также исторіей цивилизаціи, общій ходъ которой самъ Вольтеръ попытался обрисовать въ своемъ упомянутомъ „Опытѣ“. Этотъ „Опытъ“ былъ начатъ еще при жизни мадамъ Шатле и по ея желанію. „Что за дѣло мнѣ, французенкѣ, живущей въ своемъ имѣніи, говорила она, — до того, что Егилъ наследовалъ Гакину въ Швеціи, или что Отоманъ былъ сынъ Ортугрула? Я съ удовольствіемъ читаю исторію грековъ и римлянъ, которая даетъ столько великихъ изображеній, увлекающихъ меня; но я еще ни однажды не могла дочитать до конца исторію какого-нибудь новѣйшаго народа, такъ-какъ не вижу въ ней ничего, кромѣ какого-то хаоса, кучу мелкихъ событій, несвязанныхъ между собою, и тысячи безцѣльныхъ битвъ. И я отказалась отъ занятія, обременяющаго умъ, не просвѣщая его“. Вольтеръ отвѣчалъ на это, что изученіе исторіи не можетъ быть бесплоднымъ, если оставить въ сторонѣ всѣ подробности войнъ и дипломатическихъ

сношеній, всё мелкія событія, заслоняющія собою крупныя, и обращающая особенное вниманіе на развитіе нравовъ и культуры. Съ этой точки зрѣнія и для противодѣйствія боскетовскому „Разсужденію о всемірной исторіи“ онъ написалъ свой „Опытъ“ и тѣмъ положилъ начало современной историографіи. Но, какъ реакція Боскету, „Опытъ“ вышелъ одностороннимъ. Боскетъ превозносилъ евреевъ, ихъ исторію, а Вольтеръ только потому, что первый съ энтузіазмомъ смотрѣлъ на избранный народъ, впадалъ въ другую крайность и черезчуръ ужь унижалъ его. „Въ лѣтописяхъ евреевъ, говорятъ онъ, — вы не найдете ни одного благороднаго поступка; имъ неизвѣстны ни гостепріимство, ни щедрость, ни милосердіе. Ихъ цари служатъ ростовщиками иностранцевъ, и этотъ духъ ростовщичества такъ укоренился въ сердцахъ ихъ, что постоянно высказывается въ рѣчахъ и поступкахъ ихъ. Ихъ слава заключается въ томъ, чтобы выжигать и вырѣзывать мирныя села; дѣлаясь рабами, они убиваютъ своихъ владыкъ, а послѣ побѣды не знаютъ, что такое пощада; это враги рода человѣческаго“. Въ томъ-же духѣ изложена и исторія католической церкви. „Столько обмановъ, столько заблужденій, столько возмутительныхъ недѣльностей, которые наполняли собою міръ въ продолженіи 17 вѣковъ, не могли повредить нашей церкви. Она, безъ сомнѣнія, божественна, если ужь 17 вѣковъ обмана и глупости не разрушили ее“. Историческіе опыты Вольтера, такимъ образомъ, имѣютъ характеръ и научныхъ трудовъ, и вѣсть полемическихъ памфлетовъ. Полемикой Вольтеръ страстно занимался до самой смерти, не упуская ни одного благоприятнаго случая, чтобы нанести ударъ своимъ личнымъ врагамъ. Впрочемъ, всё, съ кѣмъ только ни боролся Вольтеръ, кто только ни полемизировалъ съ нимъ, были уже тѣмъ самымъ личными врагами его. Какъ только кто-нибудь, неизвѣстный до тѣхъ поръ, задѣвалъ Вольтера въ печати, Вольтеръ начиналъ собирать справки объ его личности и спѣшилъ передать читателю что-нибудь въ такомъ родѣ: „отецъ его былъ дровосѣкъ и носильщикъ, мать—прачка; Яшенька сначала занимался ремесломъ отца“ и т. д. (v. XX, 73). Но при всемъ томъ, даже эти чисто-личныя выходки Вольтера имѣли общественное значеніе, — до такой степени личность его сливалась съ дѣломъ, за которое онъ боролся. Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о вольтеровской полемикѣ, я сдѣлаю нѣсколько выдер-

жестъ изъ его „Les honnêtes litteraires“. Въ чемъ-же причина ярости этого множества мелкихъ писакъ изъ бывшихъ іезуитовъ, конвульсіонистовъ, выгнанныхъ учителей и т. д.? Съ чего они нападаютъ съ бѣшеной яростью на первыхъ людей литературы? Почему они всегда называютъ Паскалей — *вратами адавыми*, Николей — *волками хищными*, а д'Аламберовъ — *скотами вонючими*? Почему, какъ только извѣстное сочиненіе имѣетъ успѣхъ, они начинаютъ кричать объ ереси, деизмѣ, безбожїи? Главный источникъ этой эпидемической болѣзни — претензія на талантъ. *Мораль.* Достойна изслѣдованія мудреца та ярость, съ какою іезуиты нападали на яansenистовъ и съ какою объ эти партїи, разбитыя во взаимной свалкѣ, обрушились на литераторовъ. У этихъ жалкихъ полемистовъ нѣтъ честнаго ремесла. Хорошій столяръ, ваятель, портной, часовщикъ приносятъ пользу, они кормятъ своимъ трудомъ семейство. Отецъ Нонота *) былъ честнымъ и хорошимъ носильщикомъ въ Безансонѣ. Могъ-ли онъ не желать, чтобы лучше честно рубилъ дрова его сынъ, чѣмъ шатался изъ одной книжной лавки въ другую, отыскивая дурака, который согласился-бы напечатать его пасквиль? Въ Нонотѣ-отцѣ нуждались многіе, въ Нонотѣ-сынѣ — никто. Пустившись въ литературу, эти люди тотчасъ-же дѣлаются негодными ни на какое употребленіе, они осуждены гнить въ собственныхъ нечистотахъ всю остальную свою жизнь, и много-много, если имъ удастся соблазнить какую-нибудь старую дуру и заставить ее вѣрить въ нихъ, какъ въ Златоустовъ и Амвросіевъ, въ то время, какъ надъ ними вздѣваются даже уличные мальчишки. О, братъ Нонотъ, братъ Пишонъ, братъ Дюплеси! Ваше время прошло; вы похожи на старыхъ актеровъ, выгнанныхъ изъ хора оперы, которые, въ надеждѣ на подачку, тянутъ на Новомъ мостѣ устарѣвшія арїи. Повѣрьте, несчастные, лучше не пѣть болѣе, чтобы добыть хлѣба*.

Читатель видитъ, что даже въ самыхъ личныхъ нападеніяхъ Вольтера на его враговъ чувствуется живая общественная струнка. Но страстный въ полемикѣ, смѣлый въ литературной борьбѣ, Вольтеръ, какъ мы уже замѣчали, былъ въ то-же время крайне трусливъ и даже въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни то и

*) Одинъ изъ іезуитовъ, писавшій противъ Вольтера.

дѣло трепеталъ за свою личную безопасность, боясь, чтобы его не постигла судьба Каласа и Сирвена. И онъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы гарантировать свое личное спокойствіе въ своемъ роскошномъ замкѣ, такъ-что даже другъ его д'Аламберъ писалъ ему: „вы портите нашихъ преслѣдователей. Правда, вамъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, нужно умиротворять ихъ и вы принуждены бываете ставить свѣчку Люциферу, чтобы избавиться отъ Вельзевула; но отъ этого Люциферъ становится только наглѣе, а Вельзевулъ не дѣлается менѣе опаснымъ“. Въ старости Вольтеръ еще больше, чѣмъ въ молодости, скрывался подъ всевозможными псевдонимами и клятвенно отрекался отъ произведеній, несомнѣнно написанныхъ имъ. „Никогда не нужно ставить своего имени, я не написалъ даже Дѣвственницы“, однажды писалъ онъ Гельвецію. Съ той-же цѣлью онъ иногда печатно отрекался и даже глумился надъ своими собственными произведеніями. Такъ по поводу той-же „Дѣвственницы“ онъ жаловался, что враги его „откопали гдѣ-то и приписали ему рукописную поэму, наполнивъ ее стихами, достойными почтальона, выходками противъ Карла XII, Людовика св. и французскихъ министровъ и описаніемъ любви въ тонѣ, въ какомъ говорятъ о ней въ казармахъ... Издатели надѣются выгодно распродать эти кабацкіе вирши и пасквили, и что авторъ, которому они приписываютъ ихъ, неизбѣжно погибнетъ въ глазахъ двора. Вы ошибаетесь, господа, въ Парижѣ и Версалѣ никогда не припишутъ автору *Альзиры* этихъ грязныхъ виршей“.

Въ февралѣ 1778 г. Вольтеръ пріѣхалъ въ Парижъ. Никогда никто до тѣхъ поръ не былъ встрѣчаемъ во французской столицѣ съ такимъ триумфомъ, какъ онъ, и народный энтузіазмъ только черезъ одинадцать лѣтъ выразился съ такою-же силою по поводу взятія Бастиліи. Вотъ какъ Гримъ описываетъ этотъ триумфъ: „Сегодня, 31 марта, знаменитый старикъ въ первый разъ былъ въ академіи и въ театрѣ. Огромная толпа людей слѣдовала за его экипажемъ даже во дворы Лувра, желая его видѣть. Всѣ двери, всѣ входы академіи были заняты, потокъ раскрылся только, чтобы дать ему мѣсто, и потомъ быстро сомкнулся снова и съ громкой радостью привѣтствовалъ его. Вся академія вышла ему навстрѣчу въ первую залу,—честь, которой не получалъ еще никто изъ ея членовъ, даже никто изъ иностранныхъ государей. Ему назначили мѣсто директора и выбрали его едино-

гласно председателемъ. Вольтеръ принялъ эти отличія съ выраженіями живѣйшей благодарности, и чтеніе д'Аламбера о Буало возбуждало, кажется, его живѣйшее участіе. Чтеніе заключало множество чрезвычайно лестныхъ намековъ на Вольтера. Собраніе было весьма многочисленное, хотя въ немъ и не было епископовъ. Но эти почести, оказанныя академіей, были только увертюрой къ тому, что ожидало его на національной сценѣ. Когда онъ ѣхалъ отъ Лувра къ театру, это было совершенно похоже на триумфъ. Все было переполнено людьми обоого пола, всякаго возраста и всякаго званія. Едва только показывалась вдали карета, раздавался всеобщій радостный влискъ; съ приближеніемъ его восклицанія, аплодисменты и восторгъ удваивались. Наконецъ, когда толпа видѣла уже почтеннаго старика, отягощеннаго столькими годами и такой славой, видѣла, какъ онъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, выходилъ изъ экипажа, умиленіе и удивленіе достигали высшей степени. Всѣ улицы, всѣ балюстрады домовъ, лѣстницы, окна были усыпаны зрителями, и едва останавливалась карета, какъ все лѣзло на колеса и на экипажъ, чтобы посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка. Въ самомъ театрѣ, гдѣ Вольтеръ вошелъ въ камергерскую ложу, суматоха радости, казалась, стала еще больше. Онъ сидѣлъ между г-жей Дени и г-жей де-Вилетъ. Знаменитѣйшій изъ актеровъ, Бризаръ, подалъ дамамъ лавровый вѣнокъ съ просьбой увѣнчать имъ старика. Но Вольтеръ тотчасъ положилъ вѣнокъ въ сторону, хотя публика громкими криками и рукоплесканіями заставляла его оставить вѣнокъ на головѣ. Всѣ дамы стояли. Вся зала наполнилась пылью отъ передвиженія человѣческой массы. Только съ трудомъ можно было начать пьесу. Давали „Ирену“ и затѣмъ драму „Нанина“. Когда занавѣсъ упалъ, шумъ поднялся снова. Старикъ всталъ съ своего мѣста, чтобы благодарить, и тогда посреди сцены явился на высокомъ пьедесталѣ бюстъ великаго писателя; его окружили всѣ актеры и актрисы съ вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ; на заднемъ планѣ стали воины, выходившіе въ пьесѣ. Имя Вольтера раздавалось изъ всѣхъ устъ; это было восклицаніе радости, благодарности и удивленія. Зависть и ненависть, фанатизмъ и нетерпимость должны были скрыть свою злобу, и общественное мнѣніе въ первый разъ, быть можетъ, высказалось свободно и въ полномъ блескѣ. Бризаръ положилъ на

бѣсть первый вѣнокъ, за нимъ слѣдовали другіе актеры, наконецъ г-жа Вестрисъ обратила еѣ виновнику торжества нѣсколько стиховъ, написанныхъ маркизомъ Сен-Маркомъ, которые торжественно высказывали, что лавровый вѣнокъ даетъ ему сама Франція. Минута, когда Вольтеръ оставлялъ театръ, была, если можно, еще трогательнѣе, чѣмъ его вступленіе. Казалось, онъ изнемогалъ подъ тяжестью лѣтъ и лавровъ. Кучера просили ѣхать потише, чтобы можно было идти за нимъ; большая часть народа провожала его, съ криками: „да здравствуетъ Вольтеръ!“ Этотъ триумфъ до того потрясъ старческій, давно уже полуразрушенный организмъ Вольтера, что черезъ два мѣсяца, 30 мая 1778 г., онъ умеръ, не упустивъ случая выкинуть передъ смертью фарсъ, о которомъ, впрочемъ, рассказываютъ различно. Журналамъ запрещено было говорить о его смерти, актерамъ играть его пьесы, а духовенству—хоронить его трупъ. Его тайно погребли, но не въ Парижѣ, а въ абатствѣ Сельеръ въ Шампань. Въ 1791 году, по декрету конвента, гробъ Вольтера вмѣстѣ съ гробомъ Руссо былъ перенесенъ въ Пантеонъ, а на памятникъ его съ знаменитой статуей Гудона сдѣлана надпись: „Тѣни Вольтера. Поэтъ, историкъ, философъ, онъ возвеличилъ духъ человѣческій и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защищалъ Каласа, Сирвена, де-ла-Бара и Монбальи; онъ поражалъ атеистовъ и фанатиковъ, училъ терпимости, защищалъ права человѣка отъ феодальнаго рабства“. При реставраціи, превратившей Пантеонъ въ церковь, гробы Руссо и Вольтера перенесены въ подвалъ, въ іюльскую же революцію снова поставлены на прежнее мѣсто, но при этомъ открылось, что клерикалы посредствомъ известковаго раствора уничтожили самыя кости Вольтера.

„Вольтеръ, говоритъ Морлей, — безъ всякаго сомнѣнія, не стремился къ общественному перевороту, будучи въ этомъ случаѣ представителемъ метода Гобса. Единственною цѣлью его были возстановленіе полноправія разума, освобожденіе мысли, распространеніе знанія, водруженіе знамени критическаго здраваго смысла. Руссо началъ тамъ, гдѣ кончилъ Вольтеръ. Онъ рассказываетъ, что въ то время, какъ формировался его характеръ, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что писалъ Вольтеръ, который такимъ образомъ, будучи на 18 лѣтъ старше Руссо, далъ его необыкновенному гению первый производительный толчекъ. Чувствительность темперамента,

которой, можетъ быть, нѣтъ другого подобнаго примѣра въ ряду великихъ людей, заставила Руссо думать, или, скорѣе, чувствовать, о конкретныхъ несправедливостяхъ и страданіяхъ людей, а не объ отвлеченныхъ правахъ ихъ разума. Отсюда происходятъ двѣ великія школы: школа, взывающая къ чувству, и школа, опирающаяся на разумъ. Вольтеріанскіе принципы строжайшей политической умѣренности и литературнаго здраваго смысла нашли свое воплощеніе въ учредительномъ собраніи, которое было дѣломъ высшаго и средняго класса; духъ же Руссо, страстный, пылкій, нетерпѣливо желавшій облегченія страданій, достигъ жизни и силы въ учрежденіяхъ конвента“. Мощное вліяніе Вольтера еще при жизни его сказывалось во всемъ образованномъ мірѣ, въ личностяхъ и реформахъ Тюрго во Франціи, Екатерины II въ Россіи, Фридриха въ Пруссіи, Помбала въ Португаліи, д'Аранды въ Испаніи, Леопольда въ Тосканѣ. Вольтеръ сдѣлался популярнѣйшимъ изъ писателей прошлаго вѣка и даже въ библіотекахъ русскихъ баръ XVIII и начала XIX в. его сочиненія занимали первое мѣсто. Съ 1760 по 1790 г. въ Россіи вышло 65 переводовъ разныхъ произведеній Вольтера. Но вопліи Вольтеръ все-таки не были переведены ни разу, а съ конца прошлаго вѣка имя его стало дѣлаться даже пугаломъ, и полковникъ Скалозубъ счелъ за нужное назначить въ Вольтеры фельдфебеля, въ наши-же дни въ должности Вольтера очутился г. Суворинъ, между тѣмъ какъ Незлобинъ идетъ за Руссо, а Цитовичъ за Дидро...

С. Шашковъ.

МАРСЕЛЬСКІЯ ТАЙНЫ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

ГЛАВА XLIII.

Бланшъ прощается съ миромъ.

Бланшъ пролежала три недѣли въ постели между жизнью и смертью. Страшныя впечатлѣнія, испытанныя ею въ ночь послѣ родовъ, имѣли результатомъ сильнѣйшую горячку, которая едва не унесла ее въ могилу. Впродолженіи трехъ недѣль постоянно сидѣли у ея изголовья Фина и абатъ Шастанье. Ея дядя, уѣзжая въ Парижъ, отказалъ г-жѣ Ламберъ, которая была уже теперь совершенно не нужна, и двери маленькаго прибрежнаго домика по-прежнему широко отворялись передъ цвѣточницей. Никто уже не стерегъ больную; Казались передалъ ее въ руки абата и надѣялся, что, вернувшись въ Марсель, найдетъ ее въ кельѣ какого-нибудь монастыря.

Немного-по-немногу Бланшъ оправилась. Старательный, нѣжный уходъ и освѣжающее дыханіе моря, проникавшее въ ея комнату черезъ открытое окно, воскресили ее, несмотря на ея смутное желаніе на вѣки покинуть свѣтъ, въ которомъ она столько пролила слезъ.

Когда докторъ объявилъ ей, что она спасена, Бланшъ обернулась къ Финѣ и промолвила съ грустной улыбкой:

— Мнѣ было-бы спокойно лежать въ землѣ. А теперь надо еще страдать.

— О! не говорите этого, воскликнула Фина. — Мертвымъ холодно и темно. Любите, дѣлайте добро и васъ ожидаетъ долгая, счастливая жизнь.

И она поцѣловала Бланшъ, которая отвѣчала съ глубокимъ чувствомъ:

— Вы правы: я забыла, что могу быть полезной и умалить страданія несчастныхъ, чѣмъ уменьшатся и мои собственные мученія.

Силы больной быстро возвращались и вскорѣ она уже могла подойти къ окну, чрезъ которое по цѣлымъ часамъ меланхолично смотрѣла на необозримую гладь Средиземнаго моря.

Передъ этимъ окномъ, въ одно свѣтлое утро, она ясно выразила абату Шастанье свою рѣшимость поступить въ монастырь.

— Я съ каждымъ днемъ чувствую себя все лучше и лучше, сказала она, — и такъ-какъ свѣтъ мнѣ опротивѣлъ; то я желала-бы, чтобъ первые мои шаги были направлены въ мирную обитель.

— Дочь моя, отвѣчалъ патеръ; — дѣло это очень серьезное, и прежде, чѣмъ вы навсегда покинете міръ, я долженъ вамъ напомнить, отъ какихъ благъ вы отказываетесь...

— Это совершенно излишне, произнесла поспѣшно молодая женщина: — ничто не заставитъ меня перемѣнить свою рѣшимость. Вы сами указали мнѣ на любовь къ Богу, какъ на единственное средство исцѣлить тѣ смертельныя раны, которыя нанесла мнѣ человѣческая любовь. Смотрите на меня не какъ на маленькую дѣвочку, а какъ на женщину, которая много страдала и должна искупить свои грѣхи. Сознайтесь, святой отецъ, что для меня нѣтъ большаго блага, какъ спокойствіе души, и если мнѣ удастся вымолить прощеніе у неба, то, конечно, мнѣ нечего будетъ сожалѣть о тѣхъ пустыхъ свѣтскихъ преимуществахъ, отъ которыхъ я отказываюсь съ большимъ удовольствіемъ. Нѣтъ, прошу васъ, не ищите мнѣ предаться вполне Богу.

Абатъ Шастанье поникъ головой. Бланшъ говорила тономъ глубокаго убѣжденія и онъ видѣлъ, что отговаривать ее было совершенно напрасно.

— Начиная этотъ разговоръ, продолжала она; — я хотѣла только посоветоваться съ вами, въ какой религіозный орденъ

миѣ вступить. Повторяю, я чувствую себя уже совершенно здоровой и через недѣлю миѣ надо будетъ покинуть этотъ берегъ, гдѣ каждый утесъ напоминаетъ миѣ мои грѣхи и страданія.

— Я уже думалъ объ этомъ, отвѣчалъ патеръ,—и полагаю-бы, что для васъ было бы всего лучше поступить въ орденъ кармелитокъ.

— Кармелитки живутъ въ обители?

— Да, онѣ ведутъ жизнь созерцательную, преклоня колѣни передъ Богомъ и умоляя его простить грѣшный міръ. Онѣ живутъ въ постоянномъ религіозномъ возбужденіи. Ваше мѣсто среди нихъ. Вы существо слабое, и надо поставить непреоборимую преграду между вами и вашей молодостью. Я вамъ совѣтую скрыться на вѣкъ отъ людей въ святилищѣ и отдаться всецѣло молитвѣ пламенной, облегчающей, полной забвенія и небснаго сладострастія.

Бланшъ слушала патера со слезами на глазахъ, но когда онъ кончилъ, она промолвила, какъ-бы говоря сама съ собою:

— Нѣтъ, нѣтъ, подло было-бы искать спокойствія въ религіозномъ изступленіи. Это было бы эгоистично, а я этого не хочу... Я желаю загладить свою вину, трудясь руками и душой на пользу несчастныхъ. Если я не могу нанять моего собственнаго ребенка, то я буду ухаживать за дѣтьми бѣдныхъ женщинъ, неимѣющихъ куска хлѣба. Я чувствую, что только этимъ путемъ я могу быть счастливой.

Наступило молчаніе; потомъ Бланшъ, взявъ за руку абата и смотря ему прямо въ глаза, сказала съ ангельской улыбкой:

— Не можете-ли вы помѣстить меня въ число сестеръ св. Венса-де-Поля, которыхъ называютъ сестрами нищихъ?

Шастанье вскрикнулъ отъ удивленія и поспѣшилъ объяснить, что она слишкомъ деликатна и никогда не перенесетъ тяжелой работы этихъ святыхъ сестеръ въ больницахъ, дѣтскихъ пріютахъ и всюду, гдѣ есть страданія и горе.

— О, не беспокойтесь объ этомъ! произнесла Бланшъ съ жаромъ: — я буду сильна, чтобъ вымолить небесное прощеніе, но чувствую, что только тяжелый трудъ доставитъ миѣ желанное забвеніе. Еще послѣдняя просьба. Я желала-бы поступить сразу въ дѣтскій пріютъ; среди столькихъ дѣтей я буду считать себя матерью и стану любить ихъ, какъ своего ребенка.

Она залилась слезами и вообще выказала столько глубокаго

чувства и твердости воли, что абать Шастанье долженъ былъ уступить и обѣщалъ принять всѣ необходимыя мѣры, чтобъ исполнить желаніе молодой женщины.

Спустя нѣсколько дней, онъ объявилъ Бланшъ, что все было готово для ея поступленія въ орденъ св. Венсена-де-Поля, и написалъ тотчасъ объ этомъ Казалису. Послѣдній отвѣчалъ очень холодно, что его племянница свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, и все, что она сдѣлаетъ, конечно, будетъ хорошо. Но въ сущности онъ былъ очень радъ, что она поступала въ такой бѣдный и скромный орденъ, который не очень гонялся за богатыми вкладами.

Наканунѣ того дня, когда Бланшъ должна была покинуть маленькій прибрежный домикъ, она была очень взволнована и грустна. Fiна, которая была при ней вмѣстѣ съ абатомъ, нѣжно допрашивала ее о причинѣ ея мрачнаго настроенія. Она долго молчала, но, наконецъ, вставъ на колѣни передъ патеромъ, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Святой отецъ, въ сердцѣ моемъ еще не умерли всѣ земныя желанія. Я жажду увидѣть еще разъ моего ребенка, прежде чѣмъ отдаться всецѣло Богу.

— Идите, куда васъ посылаетъ сердце, отвѣчалъ абать, приподнимая ее, — и знайте, что, поддаваясь материнской любви, вы нисколько не нарушаете вашего обѣта. Небо любитъ тѣхъ, которые любятъ ближнихъ. Въ этомъ заключается все христіанское ученіе.

Бланшъ, счастливая, улыбающаяся, поспѣшила одѣться. Fiна отправилась вмѣстѣ съ нею. Со времени родовъ онѣ избѣгали говорить о ребенкѣ; только на другой день послѣ его спасенія цвѣточница объявила, что онъ помѣщенъ въ безопасное мѣсто, гдѣ за нимъ будутъ хорошо ухаживать.

Взявъ ребенка, Fiна и Маріюсъ вернулись прямо въ Марсель, а на слѣдующее утро спрятали сына Филиппа у жены садовника Аяаса въ Сен-Барнабе, въ надеждѣ, что тамъ Казалисъ никогда не станетъ его искать.

Поэтому теперь Fiна поѣхала съ Бланшъ въ Сен-Барнабе. Увидавъ эту дачу съ большими старыми деревьями и каменной скамейкой, на которой она сидѣла съ Филиппомъ, бѣдная дѣвушка горько зарыдала. Все прошедшее ясно возстало передъ нею. Едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, а ей казалось, что цѣ-

лме вѣка отдѣляли ее отъ блаженныхъ часовъ ея первой любви. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ было достаточно, чтобъ превратить ее, беззаботную, любящую, счастливую, въ мрачное существо, отказавшееся въ восемнадцать лѣтъ отъ всѣхъ радостей жизни.

Она остановилась передъ дверью дома, дрожа всѣмъ тѣломъ, не смѣя войти и какъ-бы боясь увидѣть призракъ Филиппа. Фина попыталась успокоить ея волненіе и нѣжно сказала:

— Войдите, скорѣе... Вашъ сынъ здѣсь.

Бланшъ переступила черезъ порогъ. Ея сынъ былъ ангелъ, которому суждено было защитить ее отъ грознаго прошлаго. Въ первой комнатѣ, большой, закопченной, сидѣла жена садовника и вязала чулокъ, напѣвая вполголоса какую-то провансальскую пѣсню. Подлѣ нея въ люлькѣ спалъ ребенокъ Бланшъ и Филиппа.

Долго смотрѣла на свое дѣтище бѣдная женщина и, наконецъ, нагнувшись, поцѣловала его въ лобъ. Горячая слеза упала на его маленькую щеку; онъ проснулся и протянулъ къ матери свои ручки. Сердце Бланшъ дрогнуло. Не тутъ-ли ея законное мѣсто? Имѣла-ли она право хоронить себя въ монастырѣ? Но ей страшно было поддаться своимъ желаніямъ и надеждамъ. Она говорила себѣ, что, согрѣшивъ, она должна нести наказаніе, которое заключалось въ томъ, что она была лишена на вѣки счастья ласкать своего ребенка. Заливаясь слезами, она осыпала его поцѣлуями, — его, котораго она не хотѣла болѣе видѣть, и поспѣшно выбѣжала изъ столь памятнаго ей дома.

Возвратясь въ Марсель, она передала Фина бумаги, удостоившія личность ея сына, а на другой день отправилась въ маленькій городокъ департамента Вара, гдѣ поступила, согласно своему желанію, въ дѣтскій пріютъ ордена св. Венсена-де-Поля.

ГЛАВА XLIV.

Возвращеніе изгнанника.

Прошло два года. Вскорѣ послѣ выздоровленія Бланшъ, Маріюсъ и Фина сыграли свадьбу и поселились въ маленькой, скромной квартирѣ въ улицѣ Бонапартъ. Мартели, подписавшій ихъ свадебный контрактъ, далъ Маріюсу въ нѣоторой степени приданое, сдѣлавъ его своимъ компаньономъ.

Съ своей стороны, Fiна, оставивъ свой кіоскъ, но желая помогать мужу въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни, работала искусственные цвѣты въ свободное отъ хозяйственныхъ хлопотъ время.

Эти два года прошли для молодыхъ людей счастливо, спокойно; дни чередовались за днями въ блаженномъ однообразіи, и они желали только, чтобъ во всю ихъ жизнь повторялись тѣ-же поцѣлуи, шло то-же радостное, безоблачное существованіе. Утромъ Маріюсъ отправлялся въ контору, а Fiна садилась за свою работу. Вечеромъ-же они ходили гулять, но не по шумнымъ улицамъ, а по морскому берегу, гдѣ съ глубокимъ чувствомъ прислушивались къ плеску морскихъ волнъ, бывшихъ нѣкогда свидѣтелями ихъ объясненія въ любви. Возвращаясь домой въ сумеркахъ, они чувствовали себя еще счастливѣе и любили другъ друга еще болѣе, если это было возможно.

Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, они съ утра отправлялись за городъ, въ Сен-Барнабе, и пріѣзжали домой только поздно вечеромъ. Посѣщеніе сына Бланшъ и Филиппа было для нихъ чѣмъ-то вродѣ набожнаго пилигримства. При этомъ имъ было очень весело на чистомъ воздухѣ, среди улыбающейся природы. Они какъ-то молодѣли и чувствовали страшный аппетитъ. Пока Маріюсъ разговаривалъ съ садовникомъ, Fiна играла съ ребенкомъ. По желанію Бланшъ, они были крестнымъ отцомъ и матерью ея сына, котораго назвали Жозефомъ. Онъ былъ прелестный, хотя слабенькій ребенокъ, и не только ходилъ, но даже начиналъ болтать, прелестно картавя...

Однако, среди своего счастія, эта молодая чета не забывала бѣднаго изгнанника, жившаго въ Италіи. Маріюсъ старался всѣми средствами добиться его помилованія, которое могло позволить ему вернуться въ Марсель и начать новую жизнь, честную и трудовую. Но преграды постоянно выростали передъ нимъ, и онъ съ ужасомъ видѣлъ неудачу всѣхъ своихъ усилій. Впрочемъ, онъ не отчаявался и былъ все-таки увѣренъ, что рано или поздно добьется своей цѣли.

Между тѣмъ онъ писалъ иногда Филиппу, прося его быть терпѣливымъ и особенно ни въ какомъ случаѣ не поддаваться желанію пріѣхать на родину, что могло все погубить. Филиппъ отвѣчалъ, что онъ выбился изъ силъ и умираетъ отъ тоски. Это

отчаяніе брата очень беспокоило Маріуса, и онъ даже позволялъ себѣ лгать, съ цѣлью удержатъ Филиппа въ изгнаніи. Онъ увѣрялъ его, что черезъ мѣсяць непременно будетъ подписано его помилованіе, а когда проходилъ этотъ мѣсяць, онъ клялся, что дѣло отложено еще на мѣсяць.

Такимъ образомъ, ему удалось успокоить брата втеченіи года. Но однажды въ воскресенье, возвратясь домой съ Финою изъ Сен-Барнабе, онъ узналъ съ удивленіемъ, что какой-то человѣкъ приходилъ три раза, желая его видѣть. Пока онъ терялся въ догадкахъ, кто-бы это былъ, послышался легкій стукъ въ дверь. Маріусъ пошелъ отворить и едва не упалъ отъ ужаса.

— Это ты! воскликнулъ онъ въ отчаяніи.

Фина прибѣжала на его крикъ и узнала Филиппа, который съ жаромъ поцѣловалъ ихъ обоихъ.

— Да, это я, отвѣчалъ онъ; — я едва не умеръ съ горя и хотѣлъ во что-бы то ни стало вернуться.

— Какое сѣмшастствіе! произнесъ Маріусъ; — твое помилованіе было дѣломъ рѣшеннымъ, а теперь я ни за что не отвѣчаю.

— Ба! Я буду скрываться, пока твои хлопоты не увѣнчаются успѣхомъ... Я не могъ долѣе жить вдали отъ васъ и моего ребенка. Я былъ просто боленъ отъ тоски по родицѣ.

— Отчего ты меня не предупредилъ? Я принялъ-бы какія-нибудь мѣры.

— Да, если-бъ я тебя предупредилъ, ты инѣ помѣшалъ-бы пріѣхать въ Марсель. Я согласенъ, я сдѣлалъ глупость, но ты, человѣкъ благоразумный, поправишь дѣло. А какъ здоровье моего маленькаго Жозефа? прибавилъ онъ съ чувствомъ, обращаясь къ Маріусу.

Тогда забыты были всѣ опасности, которымъ подвергался возвратившійся изгнанныкъ, и дружеская, откровенная бесѣда продолжалась до трехъ часовъ утра. Филиппъ разсказалъ всѣ страданія и лишенія, которыя онъ перенесъ, постоянно странствуя изъ одного города въ другой и давая уроки французскаго языка для пріобрѣтенія насущнаго куска хлѣба. Услыхавъ эту грустную повѣсть, Маріусъ пересталъ упрекать его за возвращеніе и только сталъ обдумывать, какъ-бы лучше скрыть его въ Марсели до дня его помилованія.

Прежде всего онъ потребовалъ, чтобъ Филиппъ обрился, что совершенно измѣнило его лицо. Потомъ онъ одѣлъ его въ простую, грубую одежду и помѣстилъ простымъ посильщикомъ къ брату своей жены, который занялъ мѣсто Совера и общалъ дозволить Филиппу свободно прогуливаться по гавани, не давая ему никакой работы. Однако, на второй-же день, мнимый носильщикъ выразилъ желаніе работать, и ему отдали подъ команду цѣлый отрядъ рабочихъ.

Все шло благополучно въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Маріусъ ждалъ со дня на день помилованія брата, а Филиппъ былъ совершенно счастливъ. Каждый вечеръ онъ отправлялся въ Сен-Барнабе и тамъ, играя съ сыномъ, забывалъ свое грустное положеніе. Но однажды, входя въ домъ садовника Айаса, ему показалось, что за нимъ слѣдилъ какой-то человекъ высокаго роста и очень сухощавый. Веселый смѣхъ ребенка заставилъ его тотчасъ забыть объ этомъ происшествіи. Однако, еслибъ онъ на слѣдующій день, отправляясь къ сыну, обернулъ голову, то увидѣлъ-бы того-же человека, слѣдовавшаго за нимъ отъ самой гавани.

ГЛАВА XLV.

Базалисъ хочеть поцѣловать своего внука.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ родился сынъ Бланшъ и Филиппа, въ жизни Базалиса произошли значительныя перемѣны. Онъ не былъ избранъ вновь въ депутаты на послѣднихъ выборахъ и поселился совершенно въ Марсели. Неудача на выборахъ, благодаря непопулярности, приобретенной имъ исторіей съ Филиппомъ Кайодемъ, очень мало его тревожила. Въ дѣйствительности онъ предпочиталъ свои дѣла общественнымъ; а у него было достаточно занятій дома, чтобъ предупредить грозившую ему бѣду, такъ что онъ былъ очень радъ не отлучаться въ Парижъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ каждомъ году.

Онъ заперся въ своемъ домѣ на улицѣ Бонапартъ и, наконецъ, достигъ того, что всѣ о немъ забыли. Теперь-то Базалисъ въ тиши своего кабинета началъ дѣйствовать. Онъ надѣялся, что

совершенно уснилъ своихъ противниковъ трехлѣтнимъ равнодушіемъ, напускнымъ безкорыстіемъ и, повидимому, полнымъ забвеніемъ ребенка Бланшъ, обладаніе которымъ было ему необходимо, чтобъ окончательно присвоить себѣ состояніе, фактически находившееся въ его рукахъ.

Дѣйствительно, эта лицемерная комедія успокоила Маріуса. Онъ думалъ на другой день послѣ похищенія ребенка, что Базались подниметь на ноги весь городъ и поведетъ розыски самымъ энергичнымъ образомъ, а потому его очень удивило равнодушное, спокойное отношеніе Базались къ этому событію. Сначала онъ боялся, что тутъ кроется какая-нибудь хитрость, а потомъ мало-по-малу всѣ его подозрѣнія разсѣялись и онъ пересталъ думать о человѣкѣ, который исподтишка и во тьмѣ сторожилъ свою добычу.

Если Базались такъ долго ждалъ и не розыскивалъ мѣста, гдѣ скрывали ребенка, то лишь потому, что, какъ онъ хорошо понималъ, Кайоли не могли вскорѣ воспользоваться ребенкомъ, какъ орудіемъ противъ него. Онъ позволялъ имъ воспитывать сына Бланшъ, рассчитывая похитить его тогда, когда оставлять его долѣе въ ихъ рукахъ будетъ опаснымъ. Пока Филиппъ не вернется во Францію и его сынъ не достигнетъ извѣстнаго возраста, у Маріуса руки были связаны; ему нельзя было поднять какой-бы то ни было скандалъ, который могъ пагубно отразиться на его братѣ. Базались сильно рассчитывалъ на прямой, справедливый умъ Маріуса и полагалъ, что онъ скорѣе уступитъ ему все наследство, чѣмъ пожелаетъ скомпрометировать Бланшъ. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ передъ собою, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ покоя и позволялъ событіямъ идти своимъ чередомъ, обѣщая себѣ начать энергическую дѣятельность, какъ только наступитъ удобная къ тому минута.

Но если онъ полагался на благоразуміе Маріуса, то при мысли о Филиппѣ его каждый разъ трясла лихорадка. Онъ былъ убѣжденъ, что Филиппъ не пощадитъ его въ тотъ день, когда онъ попадетъ въ его руки. Онъ вспоминалъ вспыльчивый, энергичный характеръ изгнанника и считалъ его за человѣка, готоваго на все, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи его ненависти. Поэтому онъ принималъ мѣры, чтобъ обезопасить себя отъ его мести въ случаѣ его возвращенія во Францію. Въ сущности онъ очень

желалъ, чтобъ Филиппъ рѣшился на такую безумную выходку, — желалъ столько-же для того, чтобъ обезопасить себя отъ его мести, сколько и потому, чтобъ немедленно его арестовать и окончательно погубить. Съ этою цѣлью онъ поручилъ нѣкоему Матеусу, преданному ему мошеннику, отправиться въ Италію, слѣдить за каждымъ шагомъ Филиппа и вернуться съ нимъ во Францію, если Филиппъ рискнетъ на такой смѣлый шагъ. Шпіонъ исполнилъ свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ догналъ его въ Генуѣ и уже болѣе не выпускалъ изъ вида.

Когда изгнанникъ вернулся въ Марсель, Матеусъ пріѣхалъ на одномъ съ нимъ кораблѣ. Но по какому-то странному случаю онъ потерялъ его въ толпѣ при выходѣ на берегъ и могъ только объявить Казалису объ его пріѣздѣ, безъ указанія, гдѣ онъ остановился.

Вѣсть о томъ, что Филиппъ въ Марсели, привела въ ужасъ Казалиса. Онъ желалъ его возвращенія во Францію, но подъ условіемъ немедленнаго объявленія объ этомъ полиціи, а это теперь было невозможно за неизвѣстностью его адреса. Но пока Филиппъ находился на свободѣ, онъ могъ бояться каждую минуту его тайныхъ подкоповъ. Поэтому Казалисъ прожилъ цѣлый годъ въ постоянныхъ опасеніяхъ, не зная, что лучше: оставаться въ Марсели или бѣжать.

Матеусъ по его приказанію обшарилъ весь городъ съ тѣмъ большей ревностью, что исчезновеніе изгнанника произошло по его винѣ; но всѣ его поиски не привели ни къ чему. Онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Маріюса, но никакъ не могъ накрыть его свиданіе съ братомъ, потому что они рѣшили никогда не видаться, пока, благодаря помилованію, Филиппъ не будетъ въ состояніи открыто пожать руку Маріюсу. Къ тому-же онъ такъ измѣнился, сбросивъ бороду и надѣвъ грубую одежду носильщика, что Матеусъ нѣсколько разъ проходилъ мимо, не узнавая своей жертвы. Казалисъ, нежелавшій впутывать полицію въ свои дѣла, уже отчаявался въ успѣхѣ, но все-таки каждый день посылалъ шпіона на новые поиски, увеличивая общанную награду въ случаѣ поимки бѣглеца. Онъ зналъ, что Маріюсъ хлопочетъ о помилованіи Филиппа и что онъ непременно добьется своей цѣли, если Филиппъ не будетъ вскорѣ арестованъ. Такимъ образомъ, мысль поймать сво-

его врага и передать его въ руки правосудія ни на минуту не покидала его.

Однажды утромъ, проходя по гавани, Казались замѣтилъ толпу, скучившуюся въ одномъ мѣстѣ, и, спросивъ, въ чемъ дѣло, узналъ, что одинъ носильщикъ сломалъ себѣ ногу, уронивъ на нее тяжелый тѣсъ. Подойдя поближе, онъ увидалъ, что около бѣдняка хлопоталъ его товарищъ, такой-же носильщикъ, который отдавалъ приказанія очень громкимъ и рѣзкимъ голосомъ. Казались вздрогнулъ. Онъ слышалъ голосъ Филиппа только разъ, на судѣ, но этотъ голосъ навсегда запечатлѣлся въ его памяти.

Онъ поспѣшно вернулся домой и, потребовавъ къ себѣ Матеуса, далъ ему подробную инструкцію. Шпіонъ долженъ былъ удостовѣриться въ личности подозрительнаго носильщика и прослѣдить за нимъ втеченіи нѣсколькихъ дней такъ, чтобъ разузнать его образъ жизни и мѣста, гдѣ онъ бываетъ.

На слѣдующій день травля началась. Планъ Казалиса былъ очень простъ. Онъ хотѣлъ разомъ убить двухъ зайцевъ. Въ послѣднее время онъ сталъ ощущать непреодолимое желаніе поцѣловать своего внука. Онъ полагалъ, что уже довольно ребенокъ оставался во власти Кайолой, что пора было взять его въ свои руки. А лучшимъ средствомъ для отысканія сына было прослѣдить, куда ходитъ отецъ, который, конечно, посѣщалъ ребенка, и такимъ образомъ можно будетъ разомъ накрыть и отца, и сына. Въ этомъ духѣ и была дана инструкція Матеусу.

Спустя два дня, шпіонъ доложилъ Казалису, что подозрительный носильщикъ былъ, дѣйствительно, Филиппъ и что онъ каждый вечеръ ходитъ въ Сен-Барнабэ къ садовнику, по имени Айнасу, у котораго находится на воспитаніи ребенокъ. Казались понялъ все, и на лицѣ его показалась улыбка торжества.

— Въ которомъ часу отправляется онъ въ Сен-Барнабэ? спросилъ онъ у Матеуса.

— Въ шесть часовъ вечера и остается до восьми или девяти часовъ.

— Хорошо. Приходи завтра въ шесть часовъ. Я тебѣ дамъ новую инструкцію.

На слѣдующій день Казались имѣлъ съ Матеусомъ очень краткое совѣщаніе. Потомъ они отправились въ Сен-Барнабэ, куда и прибыли въ семь часовъ. Ихъ сопровождали два жандарма.

XLVI.

У САДОВНИКА АЙАСА.

Со времени своего возвращенія въ Марсель, Филиппъ велъ жизнь самую однообразную, и единственнымъ его утѣшеніемъ были ежедневныя посѣщенія сына. Маріусъ изъ осторожности просилъ его отложить и эти свиданія съ маленькимъ Жозефомъ до его помилуванія, но долженъ былъ уступить пламеннымъ просьбамъ брата, тѣмъ болѣе, что онъ успокоивалъ себя мыслью, что Казались не зналъ о присутствіи въ Марсели Филиппа и его сына.

Изгнанникъ, невидавшійся ни съ кѣмъ въ Марсели, имѣлъ, такимъ образомъ, утѣшеніе каждый вечеръ видѣться съ сыномъ. Обыкновенно, какъ только онъ являлся, Айасъ съ женою отправлялись въ Марсель, чтобъ отвезти овощи или ягоды. Филиппъ оставался одинъ и, задвинувъ на засовъ дверь, онъ на свободѣ игралъ съ маленькимъ Жозефомъ. Въ эти счастливыя, мирныя минуты никто не узналъ-бы въ этомъ поблѣкшемъ, сгорбившемся человѣкѣ, нянчившемъ ребенка съ любовью матери, блестящего молодого франта, наполнявшаго три года тому назадъ весь Марсель шумомъ своихъ любовныхъ походовъ.

Въ тотъ вечеръ, когда Казались и Матеусъ отправлялись въ Сен-Барнабэ въ сопровожденіи жандармовъ, Филиппъ, по обыкновенію, явился въ домикъ Айаса около шести часовъ. Садовникъ и его жена дожидались съ нетерпѣніемъ его прибытія, чтобъ отправиться въ Марсель съ возомъ винограда. Оставшись одинъ, онъ заперъ дверь; но маленькій Жозефъ не былъ расположенъ играть; онъ бѣгалъ весь день въ виноградникъ и теперь спалъ на диванѣ. Филиппъ не хотѣлъ его будить и, усѣвшись подлѣ него, задумался. Прошло около часа, а онъ все по-прежнему думалъ о прошедшемъ и смотрѣлъ съ глубокимъ чувствомъ на ребенка. Крупныя слезы незамѣтно текла по его щекамъ.

Вдругъ среди безмолвной тишины послышались послѣдніе, сильные удары въ дверь. Очнувшись отъ своихъ мечтаній, Филиппъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: онъ былъ увѣренъ, что это жандармы явились за нимъ. Онъ рѣшился ни за что не открывать. Маленькій Жозефъ спалъ безмятежнымъ сномъ. Удары въ дверь

участились, но Филиппу показалось, что ихъ наносила слабая, нерѣшительная рука.

— Отворите, отворите скорѣе, ради Бога отворите! послышался, наконецъ, женскій голосъ, дрожавшій отъ страха и волненія.

Этотъ голосъ показался Филиппу знакомымъ, и онъ инстинктивно отворилъ дверь.

Фина вбѣжала въ комнату и быстро заперла за собою дверь. Нѣсколько секундъ она не могла перевести дыханіе, такъ страшно билось ея сердце.

Филиппъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Фина никогда не приходила по вечерамъ къ Айасу, и онъ понималъ, что должно было случиться нѣчто очень важное, ибо иначе она не рѣшилась бы такъ скомпрометировать его.

— Ну, что случилось? спросилъ онъ.

— Они идутъ по дорогѣ, отвѣчала Фина, тяжело вздохнувъ, — а я побѣжала черезъ поле, чтобы придти прежде ихъ.

— О комъ вы говорите?

Фина посмотрѣла на Филиппа, какъ-бы удивленная его вопросомъ.

— Ахъ, да, сказала она: — вы ничего не знаете. Я побѣжала изъ дома вамъ сказать, что васъ сегодня арестуютъ.

— Меня арестуютъ? воскликнулъ гнѣвно Филиппъ.

— Сегодня Маріусъ узналъ случайно, что Казались потребовали двухъ жандармовъ для поимки бѣглаго арестанта въ Сен-Барнабѣ.

— Все этотъ человѣкъ, жестокой, неумолимый!

— Тогда Маріусъ едва не сошелъ съума и, вернувшись домой, послалъ меня сюда, чтобы взять ребенка и сказать вамъ, чтобы вы бѣжали.

Филиппъ сдѣлалъ шагъ къ двери.

— О, нѣтъ! воскликнула съ отчаяніемъ молодая женщина; — теперь уже поздно. Я не успѣла. Они уже тутъ.

Она въ изнеможеніи опустилась на стулъ подлѣ маленькаго Жозефа, который по прежнему спалъ. Филиппъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— И нѣтъ спасенія, бормоталъ онъ; — нѣтъ, я лучше рискну... Дайте мнѣ ребенка. Уже темнѣетъ; можетъ быть, я успѣю скрыться.

Онъ нагнулся, чтобы взять Жозефа, но Фина схватила его за руку. Передъ домою слышались шаги. Почти въ ту-же минуту раздался стукъ ружейными прикладами въ дверь.

— Отворите именемъ закона! произнесъ грубый голосъ.

Филиппъ поблѣднѣлъ и упалъ на колѣни передъ сыномъ.

— Все пропало! промолвилъ онъ.

— Не отворяйте, отвѣчала Фина шопотомъ; — Мариюсъ просилъ, въ случаѣ невозможности вамъ бѣжать, отсрочить подолѣе вашъ арестъ, чтобы выиграть время.

— Отчего-же онъ не пришелъ?

— Не знаю. Онъ мнѣ не объяснилъ своего плана, а куда-то отправился бѣгомъ.

— Онъ вамъ не сказалъ, что явится сюда къ намъ на помощь?

— Нѣтъ, онъ былъ вѣ себя отъ отчаянія. Я слышала только, что онъ бормоталъ про себя: „дай Богъ, чтобы я успѣлъ“.

Въ эту минуту удары въ дверь ружейными прикладами участились и снова повторился зловѣщій крикъ:

— Отворите именемъ закона!

Фина приложила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, и оба сѣли на диванъ, неподвижные, безмолвные. При каждомъ новомъ ударѣ въ дверь они невольно вздрагивали. Маленькій Жозефъ все еще спалъ, но уже тревожнымъ, безпокойнымъ сномъ.

Прошло пять минутъ. Жандармамъ надоѣло стучать, и одинъ изъ нихъ объявилъ Казалису, что, вѣроятно, въ домѣ никого нѣтъ.

— Если-бы мы были увѣрены, что вашъ бѣглець здѣсь, прибавилъ онъ, — то мы выломали-бы дверь, но мы не можемъ рискнуть на такую крайнюю мѣру въ неувѣренности, найдемъ-ли мы въ домѣ когонибудь.

— Онъ тамъ навѣрное, воскликнулъ Матеусъ; — я видѣлъ, какъ онъ вошелъ.

— Я отвѣчаю за все, ломайте дверь, произнесъ Казалисъ.

Жандармы пожали плечами, зная очень хорошо, что они одни будутъ виноваты въ случаѣ незаконнаго насилія. Имъ приказано было только арестовать человѣка, на котораго имъ укажутъ, и они не хотѣли выйти изъ предѣловъ данной имъ инструкціи. Казалисъ былъ въ отчаяніи, видя, что они готовы отказаться

отъ дальнѣйшаго исполненія его плана; но вдругъ въ домъ послышался шумъ.

— Слышите, воскликнулъ онъ, — домъ не пустой и бѣглецъ тамъ.

Вотъ что случилось внутри. Маленькій Жозефъ открылъ глаза и, увидавъ себя въ темнотѣ, началъ громко рыдать. Фина тщетно старалась его успокоить. Сынъ выдавалъ отца.

Жандармы возобновили стукотною съ грознымъ крикомъ:

— Отворите, или мы выломаемъ дверь!

Въ виду мощной силы ударовъ, Филиппъ понялъ, что дверь долго не выдержитъ. Онъ всталъ и зажегъ лампу; онъ уже болѣе не боялся, чтобъ свѣтъ ихъ выдалъ. Маленькій Жозефъ, испуганный ударами, кричалъ все громче и громче, несмотря на всѣ усилія Фины, которая, взявъ его на руки, ходила взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Пусть его кричитъ, сказалъ Филиппъ; — они теперь знаютъ, что я здѣсь. Бѣдный малютка! прибавилъ онъ, цѣлуя ребенка съ отчаяніемъ, и крупныя слезы навернулись у него на глазахъ.

Потомъ онъ махнулъ рукою и направился къ дверямъ.

— Вы хотите отворить? спросила съ ужасомъ Фина.

— Да, отвѣчалъ онъ; — развѣ вы не слышите, что дерево и замокъ поддаются? Айнасъ можетъ вернуться каждую минуту, и къ чему дѣлать ему убытки, когда бѣгство немислимо.

— Ради Бога, подождемъ еще. Выиграемъ время.

— Для чего? Все погибло!

— Нѣтъ, я вѣрю Маріюсу. Онъ просилъ какъ можно долѣе отсрочить вашъ арестъ. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи вашего сына.

— Да, презрѣнный эгоистъ, я только думалъ о себѣ, а моему ребенку грозитъ гораздо большая бѣда... Вы правы, они пришли арестовать меня только для того, чтобъ похитить моего сына. Но Боже мой, что намъ дѣлать?

Въ эту минуту дверь задрожала отъ сильнаго напора и едва не сломалась. Филиппъ съ отчаяніемъ оглянулся.

— Некуда спастись, а черезъ минуту дверь разлетится въ

щепки, проломилъ онъ.—Планъ казался ловкій: онъ въ однѣ сѣти словить и отца, и сына... О, я отдалъ-бы чорту свою душу, чтобъ только вырваться изъ его рукъ!

Удары въ дверь становились все сильнѣе и чаще. Жандармы, очевидно, приходили въ ярость оттого, что дверь не подавалась.

Филиппъ схватился руками за голову и съ минуту какъ-бы старался обдумать свое безвыходное положеніе; потомъ онъ произнесъ шопотомъ:

— Я съ вами согласенъ, надо выиграть время. Небо не можетъ предать насъ въ руки враговъ. Мариюсъ былъ всегда мнѣ ангеломъ-хранителемъ.

— Заставивъ дверь мебелью, воскликнула Фина.

— Нѣтъ, это средство нигуда не годится. Насильственное сопротивленіе съ нашей стороны только ускорить развязку.

— Что-же дѣлать?

— Я отворю дверь и отдамся въ руки жандармовъ, а вы передъ тѣмъ пойдете съ Жозефомъ на чердакъ и тамъ спрячетесь. Я буду тянуть сколько возможно формальности моего ареста, чтобъ дать время Жозефу спастись.

— А если васъ тотчасъ уведутъ, и я останусь въ рукахъ этихъ людей?

— Тогда, значитъ, само небо хочетъ нашей гибели. У насъ нѣтъ выбора. Слышите, дверь подается! Ради Бога, идите на чердакъ и спрячьтесь получше.

Онъ пихнулъ Фину къ лѣстницѣ, и когда она исчезла въ темнотѣ, то подошелъ къ двери и отдернулъ засовъ.

ГЛАВА XLVII.

Помилованъ! Помилованъ!

Прежде, чѣмъ отворить дверь, Филиппъ погасилъ лампу.

Жандармы, бросившись въ домъ, вдругъ остановились на порогѣ, боясь, что въ темнотѣ скрывается какая-нибудь западня. Можетъ быть, въ полу открытый трапъ, и они упадутъ въ подвалъ или враги нападутъ на нихъ сзади, какъ только они сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ.

— Надо свѣта, промолвилъ одинъ изъ нихъ, — мы не можемъ найти и арестовать виновнаго въ такой темнотѣ.

— У меня нѣтъ спички, отвѣчалъ другой.

Казались пришелъ въ отчаяніе; онъ не предвидѣлъ этой случайности. Темная ночь отдѣляла его, какъ непроницаемой стѣной, отъ Филиппа.

— Неужели вы трусите? воскликнулъ онъ и грубо толкнулъ жандармовъ впередъ.

Филиппъ, стоявшій подлѣ самой двери, прошмыгнувъ за спиною жандармовъ и выскочилъ на дорогу, почти опрокинувъ на землю Матеуса.

— Держите! Онъ убѣжалъ! воскликнулъ послѣдній.

Жандармы поспѣшно обернулись. Филиппъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Онъ могъ убѣжать, но его удерживала мысль о ребенкѣ; если онъ погасилъ лампу и сыгралъ комедію бѣгства, то лишь для того, чтобы выиграть нѣсколько времени.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ громко, скрестивъ руки на груди и смотря съ презрѣніемъ на своихъ противниковъ.

Жандармы бросились къ нему и схватили его за руки.

— Оставьте меня, воскликнулъ онъ рѣшительно; — вы видите, что я добровольно отдаюсь вамъ. Еслибъ я хотѣлъ бѣжать, то былъ-бы уже далеко.

— Намъ приказано васъ арестовать, объявили жандармы, отступая назадъ, пораженные его повелительнымъ тономъ.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ; — я послѣдую за вами, если вы покажете мнѣ приказъ о моемъ арестѣ. Войдите.

Онъ вошелъ въ комнату, какъ-бы не замѣчая Казалиса и Матеуса. Когда-же онъ зажегъ лампу и его враги вошли въ дверь вмѣстѣ съ жандармами, онъ спросилъ у послѣднихъ съ иронической улыбкой:

— А эти господа тоже служатъ въ полиціи?

Бывшій депутат застоналъ отъ этихъ словъ, которыя какъ-бы плетью стегнули его по лицу. Онъ понялъ, какую гнусную роль онъ разыгрывалъ въ эту минуту, и давно накипѣвшая злоба нашла себѣ исходъ.

— Чего вы ждете? произнесъ онъ, весь поблѣднѣвъ отъ зло-

сти. — Берите его, вяжите негодяя. Теперь, мошенникъ, я тебя уже не выпущу изъ своихъ рукъ.

Пѣва выступила у него на губахъ, и онъ хотѣлъ самъ надѣть колодки на руки Филиппа. Послѣдній смотрѣлъ на него съ убійственнымъ презрѣніемъ. Жандармы передали ему приказъ объ арестѣ, и онъ сталъ тихо, медленно его читать, придумывая новое средство отсрочить роковую минуту ареста.

Между тѣмъ Матеусъ исчезъ. Онъ зажегъ маленькій глухой фонарь и взобрался наверхъ по лѣстницѣ. Казались общалъ ему значительное вознагражденіе, если онъ похититъ маленькаго Жозефа, пользуясь смятеніемъ во время захвата Филиппа. Матеусъ былъ человѣкъ осторожный и ничего не дѣлалъ съ плеча. Впродолженіи двухъ дней онъ изучалъ привычки обитателей дома садовника Айаса. Онъ зналъ, что самъ Айасъ и его жена находились въ Марсели, и сообразилъ, что, вѣроятно, Филиппъ, услыхавъ прибытіе жандармовъ, спряталъ ребенка въ одной изъ комнатъ верхняго этажа.

Однако, перешаривъ внимательно эти комнаты, онъ ничего не нашелъ. Сыщикъ даже взломалъ замокъ у одной запертой двери, но и тамъ ничего не оказалось. Тогда онъ рѣшился пойти на чердакъ, дверь котораго была закрыта только на щеколду. Онъ толкнулъ ее ногой изо всей силы и она отворилась.

Поднявъ высоко фонарь и не смѣя далеко идти изъ опасенія поджечь всюду разбросанную солому, Матеусъ издали осмотрѣлъ все углы. Глаза его не могли ничего различить въ массѣ различныхъ старыхъ вещей, бездонныхъ боченковъ, сломанныхъ сельскихъ орудій и всякаго хлама, натасканнаго сюда, вѣроятно, не въ одинъ годъ.

Матеусъ подумалъ, что Филиппъ не могъ скрыть своего сына въ этихъ грудяхъ пыли, грязи и паутины. Онъ прекратилъ свои поиски, спустился внизъ и снова осмотрѣлъ весь второй этажъ. Онъ вынулъ подушки изъ всѣхъ дивановъ и креселъ, поднялъ занавѣси, заглянулъ всюду, но ребенка нигдѣ не было. Тогда онъ сѣлъ и задумался. Этотъ ловкій негодяя имѣлъ привычку зрѣло обдумывать каждое свое дѣйствіе и руководствоваться правилами строгой логики. Его разсужденіе и въ этомъ случаѣ было самое логичное. Онъ слышалъ крикъ ребенка, слѣдовательно,

ребенокъ былъ въ домѣ. Если его не оказалось во второмъ этажѣ, то онъ долженъ былъ находиться на чердакѣ, гдѣ, вѣроятно, онъ его и найдетъ.

Матеусъ снова отправился на чердакъ. У самой двери онъ поставилъ свой фонарь на старую, заржавленную лейку, все изъ опасенія пожара, хотя одну минуту онъ колебался при мысли, не поджечь ли солому и такимъ образомъ уничтожить ребенка. Но онъ тотчасъ-же отказался отъ этого проекта, который могъ-бы сжечь домъ безъ всякой пользы для него, такъ-какъ Казалисъ велѣлъ ему похитить маленькаго Жозефа живымъ. Конечно, онъ подозрѣвалъ, что смерть малютки была-бы пріятна Казалису, но не зналъ этого навѣрное и не смѣлъ идти далѣе данныхъ ему инструкцій.

Поэтому онъ принялся старательно переворачивать солому и пересматривать всѣ пустые боченки, ожидая на каждомъ шагу, что его рука натолкнется на маленькое, теплое тѣльце. Фонарь бросалъ мерцающій желтоватый свѣтъ на всѣ предметы, подвергавшіеся внимательному осмотру сыщика. Вдругъ онъ услышалъ сдержанное дыханіе. Онъ молча улыбнулся и сталъ прислушиваться съ гордостью побѣдителя. Этотъ слабый звукъ доносился изъ-за груди сѣна, наваленной неподалеку отъ стѣны.

Матеусъ сдѣлалъ два шага впередъ, протянувъ руки, какъ-бы готовый схватить свою жертву. Но, заглянувъ на грудь сѣна, дѣлавшую какъ-бы ширины, онъ съ удивленіемъ отскочилъ.

Передъ нимъ стояла Фина, держа на рукахъ и прижимая къ своей груди маленькаго Жозефа, который спокойно спалъ съ невинной улыбкой на устахъ.

Впродолженіи четверти часа молодая женщина съ безпокойствомъ прислушивалась къ шагамъ Матеуса. Она едва не вскрикнула отъ страха при первомъ его появленіи на чердакѣ, куда она скрылась, слыша, что онъ идетъ по лѣстницѣ. Потомъ, когда онъ удалился, она свободно вздохнула, считая себя спасенной. Но теперь онъ вернулся и нашелъ ее. Она погибла. Онъ отниметъ у нея Жозефа. Однако, она рѣшилась прежде умереть, чѣмъ отдать свою драгоценную ношу, и, гордо поднявъ голову, смотрѣла ему смѣло въ глаза.

Послѣ первой минуты удивленія, при видѣ этой незнакомой женщины, казавшейся матерью ребенка, Матеусъ злобно улыб-

нулся. Все-же лучше было имѣть дѣло съ нею, чѣмъ съ Филиппомъ. Онъ хотѣлъ ее грубо повалить на сѣно и вырвать у нея ребенка. Онъ протянулъ руку. Она закрыла глаза, готовая на роковую борьбу, но нежелавшая встрѣтить смертельный ударъ съ открытымъ взоромъ.

Вдругъ внизу, въ комнатѣ, гдѣ находился Филиппъ съ жандармами, раздался громкій шумъ. Какой-то голосъ, который Фина тотчасъ узнала, радостно кричалъ:

— Помилованъ! Помилованъ!

Фина съ торжествомъ взглянула на своего врага.

— Слышите? воскликнула она; — небо за насъ заступилось. Жандармы принесли колодки для васъ, негодяй!

Изумленный, перепуганный Матеусъ забылъ Фину и ребенка. Онъ побѣжалъ къ двери чердака и прислушался. Онъ теперь думалъ только о себѣ и соображалъ, какъ-бы ему спастись бѣгствомъ.

Вотъ что происходило внизу:

Филиппъ, прочитавъ приказъ объ его арестѣ, былъ принужденъ отдаться въ руки жандармовъ. Ему, однако, удалось еще отсрочить свой арестъ; онъ увѣрялъ, что не можетъ оставить дома Аяса, не написавъ ему двухъ словъ. Въ сущности-же, онъ видѣлъ, какъ исчезъ на лѣстницѣ Матеусъ, и боялся за безопасность Фины и маленькаго Жозефа. Онъ уже болѣе не рассчитывалъ на Маріюса и просто хотѣлъ дожидаться возвращенія Аяса, чтобы не оставить дома на произволь хитраго Казалиса.

Жандармы позволили ему написать нѣсколько строкъ. Потомъ они объявили, что пора идти. Филиппъ посмотрѣлъ съ отчаяніемъ вокругъ себя.

— Ну, вотъ вы и скованы, воскликнулъ съ торжествомъ Казалисъ; — вы не будете болѣе воровать богатыхъ наслѣдницъ, не будете безчестить благородныя семейства. А забавное зрѣлище представить красавецъ Кайоль у позорнаго столба!

Филиппъ ничего не отвѣчалъ. Онъ не хотѣлъ выйти изъ себя и ударить Казалиса по лицу, а потому все время какъ-бы его не замѣчалъ. Пока Казалисъ его оскорблялъ, одинъ изъ жандармовъ надѣлъ ему на руки колодки.

— Ну, въ путь! произнесъ другой жандармъ.

„Дѣло“, № 12, 1879 г.

Филиппъ долженъ былъ слѣдовать за ними. Сердце его болѣзненно сжалось; онъ едва не расплакался. Въ эту минуту въ дверяхъ показался человѣкъ, громко кричавшій:

— Помилованъ! Помилованъ!

Это былъ Маріюсъ. Не найдя въ Марсели фіакра, онъ прибѣжалъ пѣшкомъ.

Вынувъ изъ кармана бумагу, онъ подалъ ее жандармамъ. Это было королевское помилованіе Филиппа Кайоля. Болѣе мѣсяца Маріюсу обѣщали каждый день этотъ желанный актъ, и небу было угодно, чтобы онъ получился именно въ тотъ день, когда Казались обратился къ прокурору съ требованіемъ, чтобы послѣдній поступилъ по буквѣ закона и арестовалъ бѣглеца. Не теряя надежды получить эту бумагу, Маріюсъ не хотѣлъ прямо отправиться въ Сен-Барнабэ, а побѣждалъ справиться еще разъ, не пришло-ли извѣстіе о помилованіи.

Жандармы, прочитавъ королевскій указъ, почтительно поклонились. Имъ нечего было болѣе дѣлать и они удалились. Пораженный этимъ неожиданнымъ результатомъ всѣхъ своихъ происковъ и каверзъ, Казались поглядѣлъ имъ вслѣдъ съ пламенной злостью, словно они самовольно освободили его врага. Онъ закрылъ лицо руками и съ отчаяніемъ спрашивалъ себя, неужели не оставалось никакой возможности заставить жандармовъ отправить Филиппа въ тюрьму.

Между тѣмъ Маріюсъ бросился на шею брату, восклицая:

— Ты свободенъ... Какъ я радъ, что явился во-время.

Филиппъ съ минутой стоялъ въ нерѣшительности, какъ-бы озадаченный своимъ освобожденіемъ. Потомъ, забывъ, что руки его скованы колодеями, бросился на лѣстницу. Онъ вспомнилъ, что туда отправился съѣзжикъ, конечно, для того, чтобы похитить Жозефа.

Матеусъ услышалъ его шаги и, предчувствуя для себя опасность, подбѣжалъ къ слуховому окну и, увидавъ висѣвшую изъ него веревку, спустился по ней на землю. При этомъ онъ едва не задѣлъ за голову Казалиса, который удалялся съ бѣшенствомъ въ сердцѣ. Увидавъ Матеуса, упавшаго на него точно съ неба, и безъ ревенка, онъ едва его не избилъ. Его предпріятіе сорвалось; онъ не поймалъ ни отца, ни сына. Бывшій депутатъ вернулся въ

Марсель, повторяя мысленно клятву отомстить жестоко всѣмъ Кайолямъ и составляя самыя дикіе планы для ихъ погибели.

Фина спустилась съ чердака съ Филиппомъ и маленькимъ Жозефомъ.

— Теперь мы спасены, воскликнуть радостно Маріюсъ, цѣлуясь со всѣми;—надъ нами не тяготитъ позорный приговоръ и мы можемъ открыто заботиться о воспитаніи этого малютки.

*(Окончаніе въ слѣдующ. книжкѣ *).*

*) Послѣднія главы этого романа, по случаю переѣлки ихъ авторомъ, перенесены на будущій годъ газетой „Lanterne“, въ которой этотъ романъ печатается. Поэтому и мы совершенно неожиданно переносимъ окончаніе его на слѣдующій годъ, на январскую и, вѣроятно, на февральскую книги.

Прим. ред.

6*

Д Р У Г У.

(Изъ Бушора.)

Прочь упованья святыхъ,
Юности знойной мечты,
Грезы, восторги былие—
Прочь отъ дѣтей нищеты!

Помнишь-ли, какъ мы безопасно
Въ небѣ парили вдвоемъ?...
Ну и слетѣли, конечно,
Въ грязный подвалъ кувиркомъ.

Мы вѣдь съ тобою не боги,
Въ этомъ, какъ видишь, вся суть:
Мы на тернистой дорогѣ
Призваны лямку тянуть.

Вмѣстѣ съ голодной толпою
Чахнуть и гнуться въ дугу,
Рыться весь вѣкъ подъ землею
Въ собственномъ нашемъ мозгу,

Ради насущнаго хлѣба
Тлѣть отъ заботъ и трудовъ...
Нѣтъ, не любимцы мы неба,
Жизнь не дала намъ цвѣтовъ.

Сладкій покой въ бель-этажѣ,
Золото, бархатъ, атласъ,
Роскошь, пиры, экипажи—
Это, братъ, все не для насъ!

Мы пролетаріи оба
И непривычны къ пирамъ...
Къ чорту-же зависть и злоба!
Солнышко свѣтитъ и намъ.

Вотъ какъ балуетъ насъ небо!
Будемъ довольны своимъ.
Коркою черстватаго хлѣба
Силы свои подерѣшимъ.

Вырвемъ изъ сердца невзгоду...
Дальше отъ мрачныхъ картинъ!
Выпьемъ за нашу свободу
Мы на послѣдній алтынъ.

И поболтаемъ безопасно,
Въ сердцѣ мечты оживуть.
Молодость такъ скоротечна...
Много-ли свѣтлыхъ минутъ?

Прежде, чѣмъ канемъ мы оба
Въ Лету на вѣки вѣковъ.
Близко-ль, далеко-ль до гроба—
Выпьемъ за всѣхъ бѣдняковъ.

Ольга Охтенская.

ПОЛКОВНИКЪ ФОН-БЮЛЬЦЪ.

РАЗСКАЗЪ

ЛЮСЬЕНА БАРА *).

I.

Была война, — Франція наводнена врагами. Ветераны Альпы, Малахова и Сольферино падали подъ мѣткими выстрѣлами прусской артилеріи. Какъ ихъ отцы, о которыхъ говорятъ Страбонъ, сыны Галіи пошли на враговъ, „не считая, сколько ихъ“. Поэтому громадныя курганы высятся на поляхъ Эльзаса; тучныя вѣроны довольны своей судьбой.

Миліонъ враговъ — баварцевъ, саксонцевъ, виртембергцевъ, пруссаковъ — проникъ черезъ горныя проходы, гдѣ пѣкогда Дюмурье ихъ сумѣлъ разбить, и идетъ на Парижъ. На вершинѣ каждаго холма уланы, поднявшися на стременахъ, высматриваютъ башни, колокольни и кровли города, на который они зарятся. Нѣмецкіе солдаты уже прошли Нанси, Реймсъ, Шалонъ; они окружаютъ Шато-Тьері. Веселый городокъ, беззаботно смотрящійся въ мирное время въ капризныя воды Марны, видитъ съ ужасомъ въ сосѣдней долинѣ нѣмецкіе мундиры. Военачальники свачутъ, совѣтуются, какъ-будто смущены. Что случилось? Не-

*) Разсказъ этотъ помѣщенъ въ декабрьской книжкѣ новаго парижскаго журнала „Nouvelle Revue“.

ужели счастье улыбнулось Франціи? Нѣтъ, въ этой второй французской кампаніи не было ни Шампобера, ни Монмираля; французская кровь вездѣ проливалась даромъ.

Если непріятель остановился въ своемъ шествіи на Парижъ, если военачальники кажутся недовольными, то это лишь потому, что горсть партизановъ взорвала тунель въ Нантелъ и что передъ этой сценой разрушенія скучиваются люди, лошади, пушки, пороховые ящики и телѣги. Инженеры берутся за дѣло; но пройдетъ три мѣсяца прежде, чѣмъ новая линія желѣзной дороги, огибая высоты, подвезетъ къ Парижу тяжелую артилерію, долженствующую его разгромить и создать „психологическую мину“.

Между тѣмъ нѣмецкіе солдаты должны идти пѣшкомъ по дорогамъ въ Мо и Суассонъ. Раздаются трубные звуки и остановившійся на минуту потокъ льется далѣе. 72-й померанскій полкъ, отличившійся въ Базелъ и рассчитывавшій придти первымъ въ Парижъ, направляется по дорогѣ въ Мо. Двадцать фланкеровъ идутъ впередъ, за ними слѣдуетъ первый баталіонъ солдатъ съ бѣлокурными волосами, щетинистыми усами, косыми глазами и тяжелыми сапогами, мѣрно топаящими по землѣ. Замыкаетъ шествіе на вороной лошади полковникъ фон-Вюльцъ. Повидимому, это храбрый офицеръ, несмотря на его толщину, полное краснощекое лицо, окаймленное густыми баками, и синія очки, скрывающія зеленые глаза.

Колона подвигается. Въ рядахъ не слышно ни смѣха, ни веселыхъ пѣсней, ничего, кромѣ бряцанія желѣза. Страна, по которой они шли, мрачная, пустынная, точно веселая, живая Франція вдругъ обезлюдѣла. Зяблики и малиновки покинули бусты и надъ равниной только летаютъ сороки и вороны съ ихъ похороннымъ карканьемъ. Во ста шагахъ отъ дороги, по которой тотчасъ пройдетъ полкъ фон-Вюльца, возвышается ферма Розъ съ сельскимъ домикомъ, унизаннымъ виноградной лозой, листья которой, покраснѣвшіе отъ осени, кажутся пропитанными кровью. Прямькающія къ нему конюшня и житница пусты отъ реквизицій. Въ обширной комнатѣ, служащей въ одно и то же время кухней, столовой и спальней, сидитъ у холоднаго очага фермеръ, мрачный, грустный, опираясь руками на свои колѣни. Фермерша, также опустивъ голову, молча вяжетъ чулокъ подлѣ окна. У

кровати съ ситцевыми занавѣсками красивая молодая женщина кормить грудью ребенка и ея глаза, полные слезъ, смотрятъ тревожно на стрѣлки старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Фермеръ думаетъ о похищенныхъ у него запасахъ, о землѣ, которая за недостаткомъ лошадей стоитъ необработанной, о мирномъ, счастливомъ прошедшемъ и о будущемъ, столь чреватомъ грозой. Фермерша думаетъ о своемъ сынѣ, молодая женщина — о мужѣ. Гдѣ онъ, милый человекъ? Женатый только восемь мѣсяцевъ, когда объявлена была война, онъ долженъ былъ отправиться внезапно. Съ тѣхъ поръ почталіонъ только разъ остановился передъ фермой Розъ, наканунѣ битвы подъ Седаномъ. Увы! молодая женщина — теперь вдова, ребенокъ — сирота; фермеръ и фермерша не имѣютъ болѣе сына. Генри Ланге уже два мѣсяца спитъ непробуднымъ сномъ подъ вурганомъ, насыщеннымъ его кровью.

Вдругъ фермеръ поднимаетъ голову и видитъ крупныя слезы, безмолвно струящіяся по щекамъ своей невѣстки. Онъ подходитъ къ ней и нѣжно кладетъ ей руку на плечо.

— Ты думаешь о немъ, какъ мы? произноситъ онъ.

— Да, отвѣчаетъ она: — сегодня ровно годъ...

Рыданія прерываютъ ея слова.

— Мы думали, что ты забудешь этотъ день, нѣбогда столь счастливый, говорить фермеръ.

Молодая женщина качаетъ головой.

— Я желала-бы быть столь-же твердой, какъ моя мать, и не могу, отвѣчаетъ она. — Она мнѣ часто рассказывала, что въ тѣ дни, когда она кормила меня грудью, мой отецъ сражался въ Алжирѣ. Узнавъ, что я люблю вашего сына, она была очень счастлива и сказала: „ты не узнаешь, чего стоятъ женамъ сраженія; лучше быть женою работника, чѣмъ солдата“. Когда, ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый день, мы обвѣчались съ Генри, она мнѣ повторила эти слова. Годъ тому назадъ, а теперь я кормлю своего ребенка, какъ она, а мой мужъ сражается, быть можетъ, уже умеръ.

— Онъ живъ, воскликнула съ жаромъ фермерша; — мой сынъ живъ. Бѣдная Мари, этотъ домъ возбуждаетъ въ тебѣ слишкомъ грустныя воспоминанія. Ты напрасно не слѣдуешь нашему совѣту и не отправишься жить къ своему отцу, въ Монсиньи.

— Я все надѣюсь, что Генри вернется, говоритъ молодая женщина; — онъ здѣсь меня оставилъ и сюда придетъ, чтобъ поцѣловать своего сына, котораго онъ еще не видалъ.

— Но и туда недалеко, вѣдь Монсиньи всего въ трехъ миляхъ отъ фермы, замѣтилъ ея деверь; — въ настоящіе тяжелые дни селеніе болѣе вѣрное убѣжище для молодой женщины, чѣмъ это уединенное жилище. Что можемъ мы сдѣлать? Въ послѣдній разъ, когда тутъ проходили солдаты, ты должна была перенести ихъ дерзости, а мы молча дрожали. Позволь мнѣ отвести тебя къ твоей матери и избавь насъ отъ постоянныхъ опасеній за тебя.

— Я согласна идти въ Монсиньи, если вы и мать пойдете со мною, отвѣчала молодая женщина; — Генри исполняетъ свой долгъ и я не должна васъ покинуть.

Фермеръ и фермерша грустно посмотрѣли другъ на друга.

— Этотъ домъ принадлежалъ моему отцу, сказалъ старикъ съ чувствомъ; — онъ мнѣ его завѣщалъ на своемъ смертномъ одрѣ. Я хочу оставить его Генри, а онъ оставитъ своему сыну. Брошенный нами, онъ вскорѣ представитъ груды пепла; мы должны здѣсь остаться, чтобъ сохранить достояніе нашего сына и внука.

Въ эту минуту раздались звуки трубы.

— Еще! воскликнула фермерша, высовываясь изъ окна; — да, это они. Скорѣе, Мари, спрячься.

Молодая женщина быстро удаляется въ сосѣдній чуланъ, дверь въ который фермеръ заставляетъ буфетомъ. Послѣ этого онъ возвращается на свое мѣсто, а жена его продолжаетъ вязать чулокъ. Спокойно и неподвижно старики ждуть.

Фланкеры 72 померанскаго полка являются на дорогѣ, неся ружья на перевѣсь. Подлѣ дороги, на кучѣ навоза, подъ тѣнью орѣшника, прохаживаются пять или шесть куръ. Солдаты бросаютъ жадные взгляды на эту добычу. Батальонъ еще не видѣнъ, скрытый поворотомъ дороги. Раздаются три выстрѣла; убитыя куры исчезаютъ подъ длинными синими шинелями. Тотчасъ раздается лошадиный топотъ и полковникъ фон-Бюльцъ, являясь на сцену, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло.

Фланкеры, чтобъ скрыть свою вину, заявляютъ, что по нимъ стрѣляли изъ фермы. И въ ту-же минуту старуха выходитъ изъ дверей и требуетъ возврата своихъ куръ. Полковникъ фон-Бюльцъ

слушаетъ только солдатъ: онъ взмахиваетъ саблей и плашиа ударяетъ ею несчастную женщину, которая шатается и падаетъ на землю. Потомъ поспѣшно даетъ свои приказанія. Передъ домоу выстраиваются полуциркулемъ солдаты и унижаютъ пулями стѣны. Никто имъ не отвѣчаетъ. Сто человекъ по командѣ полковника идутъ на ферму въ штыки. Фермеръ, уже раненный, выходитъ къ нимъ навстрѣчу и на мѣстѣ умираетъ съ распоротыми штыками животомъ. Домъ наводняется солдатами, они всюду шараютъ, но никого не находятъ. Они увѣрены, что враги, выстрѣливъ, скрылись бѣгствомъ. Необходимъ примѣръ. Полковникъ произноситъ одно слово, только одно. Солдаты снова входятъ въ ферму. Черезъ десять минутъ они возвращаются. Фланкеры снимаютъ ряды и удаляются, не думая о причиненныхъ ими несчастяхъ и очень довольные своими курами.

Фермерша, ошеломленная ударомъ сабли, сидитъ на землѣ и безсознательно смотритъ на уходящихъ солдатъ. Вдругъ пламя показывается въ конюшнѣ, житницѣ и самой фермѣ; поджогъ входитъ въ правила нѣмецкой тактики. Фермерша поднимается и, шатаясь на каждомъ шагу, идетъ къ горящему дому, но натывается на трупъ своего мужа. Она падаетъ на колѣни, кладетъ свою окровавленную голову рядомъ съ его посинѣвшимъ лбомъ и зоветъ его, зоветъ напрасно. Она не плачетъ, не рыдаетъ, но задыхается и влечетъ съ отчаяніемъ смерть.

Огонь разгорается, черный дымъ поднимается столбомъ къ голубому небу; стѣны стараго дома трещатъ. Вдова уже, повидимому, ничего не видитъ, ничего не слышитъ. Вдругъ она дико вскрикиваетъ, бѣжитъ къ фермѣ, останавливается при видѣ огненныхъ языковъ и возвращается поспѣшно къ солдатамъ.

— Ребенокъ, кричитъ она, — ребенокъ!

Солдаты молча уходятъ, смотря на нее вопросительно. Что ей нужно? Чего она проситъ? Вѣроятно, погасить пожаръ.

— Ребенокъ, повторяетъ она глухимъ голосомъ.

Она бросается къ одному изъ офицеровъ и, схвативъ его за шинель, тянетъ къ горящему дому. Солдаты окружаютъ эту безумную женщину и, осыпая ее бранью и ударами, освобождаютъ своего офицера. Она возвращается къ дому и ходитъ отъ окна къ двери и отъ двери къ окну, оглашая воздухъ бѣшенными воплями. Вдругъ она умолкаетъ и прислушивается. На ея голосъ

отделился внутри кто-то; но это стонъ умирающаго. Поселянка выпрямляется во весь ростъ; ея сѣдны волосы развѣваются по вѣтру. Солнце ярко свѣтитъ на безоблачномъ небѣ, природа безжалостно смотритъ на это ужасное зрѣлище. Какъ, тамъ погибаетъ ея внукъ, жена ея сына, и она ихъ не спасетъ! Геройская старуха бросается въ массу пламени и увеличиваетъ количество труповъ.

Полковникъ фон-Вюльцъ вкладываетъ саблю въ ножны, хладнокровно посмотрѣвъ на свое кровавое дѣло, и, прищипривъ лошадь, слѣдуетъ за своимъ отрядомъ, повторяя два слова, которыми главный штабъ германской арміи научилъ всѣхъ своихъ офицеровъ:

— Это война!

II.

Въ десяти километрахъ отъ фермы Розъ, налѣво отъ большой дороги въ Парижъ, скрывается за холмомъ, покрытымъ березами и верескомъ, скромное селенье Монсиньи. Путешественники, проѣжая мимо, не подозрѣваютъ, что за этой легкой ширмой изъ деревьевъ живетъ двадцать семействъ трудолюбивыхъ работниковъ. Лѣтомъ они нанимаются къ окрестнымъ землевладѣльцамъ, а жены и дѣти обрабатываютъ уголокъ поля, составляющій ихъ наслѣдственную собственность. Въ Монсиньи никто не имѣетъ времени заниматься политикой; хлѣбъ слишкомъ тяжело достается! Зачѣмъ французская армія дерется съ нѣмецкой? Откуда явились эти солдаты въ незнакомыхъ мундирахъ? Жители Монсиньи знаютъ только одно, что побѣдитель очень жестокъ и корыстолюбивъ, что если этотъ грабежъ будетъ продолжаться, то у нихъ не хватитъ для себя ни хлѣба, ни вина.

Во всемъ Монсиньи только одинъ домъ буржуазный, съ зелеными ставнями. Направо окно гостиной, налѣво окно столовой, которая соединяется съ кухней, а во второмъ этажѣ двѣ спальни. Передъ крыльцомъ о трехъ ступеняхъ простарается садъ на двадцати квадратныхъ метрахъ, съ вуртинами цвѣтовъ, маленькимъ фонтаномъ и бесѣдкой, унизанной дикимъ виноградомъ и жимолостью. Въ этой бесѣдкѣ въ теплые лѣтніе дни отдыхаетъ соз-

датель этого сада и фонтана, отецъ Мари Ланге, отставной капитанъ Дюмонъ.

Родившись въ Монсиньи, поступивъ солдатомъ въ стрѣлки, Дюмонъ вернулся, отслуживъ свои года, на родину съ чиномъ капитана, что всегда составляло загадку для его доброй, тихой жены, которая никакъ не могла понять, отчего ея мужъ, отличившійся храбрыми подвигами и получившій орденъ почетнаго легіона, не могъ пойти выше по іерархической лѣстницѣ.

Въ Монсиньи, гдѣ всѣ живутъ тяжелымъ трудомъ и получаютъ скромную заработную плату, супруги Дюмонъ, появлявшіеся по воскресеньямъ,—онъ въ черномъ сюртукѣ, а она въ шелковомъ платьѣ,—считались баловнями судьбы и счастливыми, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они выдали замужъ свою дочь за наследника фермы Розъ. Всѣ знали, что они получали рейту отъ казны, и, однако, они не были горды. Дѣлая чудеса экономіи, г-жа Дюмонъ посвящала болѣе четверти своего дохода на помощь бѣднымъ въ селеніи. Какъ деликатно она помогала бѣднякамъ и какъ добродушно рассказывалъ капитанъ о своихъ походахъ! Ему было шестьдесятъ пять лѣтъ, а ей пятьдесятъ. Ихъ честная жизнь создала имъ прошедшее безъ укоровъ совѣсти и настоящее безъ заботъ; они любили другъ друга, дѣлали добро и были счастливы.

Счастливы! Да, они были счастливы и думали, что такъ и останутся до гробовой доски. Но впродолженіи трехъ мѣсяцевъ фонтанъ не бьетъ и цвѣты растутъ на-удачу, безъ ухода. При первомъ извѣстіи о пораженіи подъ Рейсгофеномъ капитанъ предложилъ правительству свои услуги. Его не приняли на службу. Тогда онъ задумалъ вести партизанскую войну вмѣстѣ съ своими зятемъ, но партизанская война была невычислима на открытой равнинѣ. Съ горя онъ началъ замѣтно худѣть и горбиться. Онъ молча ходилъ по своему саду и повторялъ, что въ его время, когда онъ командовалъ ротой стрѣлковъ, враги никогда не проникли - бы во Францію.

Въ настоящую минуту сорокъ стариковъ, восемьдесятъ три женщины и двадцать шесть дѣтей, составляющихъ нынѣ все населеніе Монсиньи, стеклись къ дому капитана Дюмона. Только-что было узвано, что 72-й померанскій полкъ шелъ по дорогѣ въ Мо. Пройдетъ-ли онъ мимо, не останавливаясь? На это никто

не могъ надѣяться. Если-же онъ станетъ тутъ на квартиры, что дѣлать? На прошлой недѣлѣ пришлось дать пріютъ уланамъ. Сколько надо было вынести оскорбленій и грабежа!

Капитанъ кусаетъ свои усы. Онъ проповѣдуетъ терпѣніе и покорность судьбѣ до... Онъ еще не потерялъ надежды. Если враги остановятся въ Монсиньи, то онъ постарается умѣрить ихъ требованія. Но все-же надо быть благоразумнымъ и сдѣлать кое-какія жертвы. Когда солдатъ голоденъ, онъ долженъ ѣсть; если ему не дадутъ пищи, онъ самъ ее беретъ. Таковъ законъ войны.

Наконецъ, раздаются трубные звуки и фланкеры 72-го померанскаго полка появляются въ селеніи. Команда дана; солдаты тотчасъ занимаютъ житницы, офицеры хижины, а полковникъ фон-Вюльцъ домъ капитана. Было пять часовъ; къ шести съ половиною полковникъ требуетъ обѣдъ на восемь приборовъ, съ хорошимъ виномъ и коньякомъ. Женщины собираютъ отовсюду яйца, сало, хлѣбъ и все, что нужно для банкета побѣдителей. Старикки держатся въ сторонѣ, сжавъ кулаки. Дѣти смотрятъ съ испугомъ на солдатъ, говорящихъ на неизвѣстномъ языкѣ и недовольныхъ, что имъ не скоро служить.

— Мы побѣжденные, сказалъ Дюмонъ полковнику, — и исполнимъ наши грустныя обязанности, но я, въ качествѣ стараго воина, прошу васъ — не требуйте отъ моихъ земляковъ невозможнаго. Они очень бѣдны.

— Вы хотѣли этой войны, отвѣчалъ рѣзко полковникъ, — а ваши бѣдныя ѣдятъ бѣлый хлѣбъ.

Капитанъ замолчалъ и пошелъ помочь своей женѣ въ ея приготовленіяхъ къ обѣду.

Смерклось. Одинъ изъ солдатъ возбудилъ панику въ селеніи. Онъ рассказывалъ, что на фермѣ, находящейся по дорогѣ, кто-то стрѣлялъ въ проходившую колону и что она теперь обращена въ груду пепла. На вопросъ о фермерѣ и его женѣ, онъ отвѣчалъ, что старикки убиты, но что онъ не видалъ молодой женщины и ребенка.

Мало-по-малу нашлись пять коровъ и десять бочекъ вина. И солдаты, наѣвшись и напившись, засыпаютъ подъ защитой тройной цѣпи часовыхъ. Прусаки — народъ осторожный; они не хотятъ, чтобъ ихъ кровь проливалась даромъ.

Капитанъ съ женою ушли въ бесѣдку. На небѣ сверкаютъ звѣзды; вдали виднѣются бивуачные огни. Тяжелые шаги патру-

лей раздаются въ тишинѣ; часовые переключаются. Какъ мрачно на душѣ стараго капитана, знавшаго въ своей жизни только однѣ побѣды! Изъ открытаго окна столовой онъ слышитъ хохотъ офицеровъ и видитъ красное лицо полковника фон-Бюльца.

Вдругъ какая-то женщина приходитъ звать г-жу Дюмонъ къ больному ребенку, а въ то-же время раздается голосъ полковника, требующій шампансаго, которымъ, по его словамъ, упиваются всѣ французы. Капитанъ спѣшитъ извиниться, говоря, что шампанское слишкомъ для него дорого. Нѣмецъ сердится, но потомъ, повидимому, понимаетъ, въ чемъ дѣло, смягчается и, наливъ два стакана вина, непремѣнно хочетъ чекнуться съ своимъ хозяиномъ. Тотъ отказывается. Полковникъ настаиваетъ, кричитъ, приказываетъ. Дѣлать нечего, капитанъ подчиняется.

— За несчастную Францію, говоритъ онъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ полковникъ, вставая; — за вступленіе короля Вильгельма въ Парижъ.

Капитанъ качаетъ головой и роняетъ стаканъ, который разбивается въ дребезги. Полковникъ подаетъ ему другой стаканъ; тяжелая рука опускается на его плечо. Онъ блѣднѣетъ, но сохраняетъ свое присутствіе духа. Онъ смотритъ печально на окружающихъ его полушьяныхъ офицеровъ.

— Мой отецъ, говоритъ фон-Бюльцъ, — стоялъ бивуакомъ въ Парижѣ при первомъ Наполеонѣ и я вскорѣ послѣдую его примѣру.

— Мой отецъ, отвѣчалъ спокойно Дюмонъ, — стоялъ бивуакомъ въ Берлинѣ въ 1806 г. и часто мнѣ объ этомъ рассказывалъ.

— Проклятье! воскликнулъ полковникъ и ударилъ по щекѣ капитана.

Старый воинъ вскочилъ; глаза его засверкали и тяжелая рука его опустилась на голову побѣдителя. Но вдругъ кровь прилила къ его сердцу и горлу; руки его опустились и онъ упалъ мертвый на полъ.

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры расходятся по отведеннымъ имъ квартирамъ, а полковникъ поднимается по лѣстницѣ въ спальню г-жи Дюмонъ. Тамъ онъ садится на кресло, переводитъ дыханіе и осматривается по сторонамъ. Надъ каминомъ висятъ портреты капитана въ мундирѣ и его дочери. Полковникъ снимаетъ съ себя кушакъ и кладетъ револьверъ на ночной столикъ.

Но зачѣмъ оба портрета слѣдятъ за всѣми его движеніями? Чего имъ надо? Полковникъ ложится въ постель. Портреты продолжаютъ смотрѣть на него съ улыбкой. Онъ встаетъ, вынимаетъ саблю изъ ноженъ и прокалываетъ надоѣдавшіе ему глаза. Потомъ онъ возвращается въ постель и засыпаетъ.

Ординарцы допиваютъ бутылки, начатныя офицерами; столовая должна имъ служить дортуаромъ, но прежде, чѣмъ ложиться спать, они выносятъ на крыльцо тѣло умершаго капитана, котораго они считаютъ уснувшимъ и пьянымъ. Свѣтъ въ домѣ вездѣ гаснетъ.

Вернувшись домой, г-жа Дюмонъ идетъ прямо въ бесѣдку, гдѣ остался капитанъ. Она очень тревожится; до нея дошелъ слухъ о томъ, что ферма Розъ сгорѣла до тла. Ей надо пойти на встрѣчу къ Мари, которая, вѣроятно, идетъ съ ребенкомъ въ Монсиньи.

— Дюмонъ! обливаетъ она.

Бесѣдка пуста. Г-жа Дюмонъ направляется къ дому.

— Дюмонъ! повторяетъ она.

Вдругъ она дико вскрикиваетъ и потомъ... потомъ ничего.

Въ два часа ночи г-жа Дюмонъ все еще сидитъ на крыльцѣ, держа на колѣняхъ голову мертвеца. Луна освѣщаетъ всю окрестную мѣстность; легкій вѣтерокъ колышетъ листву, которая падаетъ на землю. Куда исчезли счастливые дни этихъ злополучныхъ людей? Увы, когда ураганъ свирѣпствуетъ въ лѣсу, онъ не только валитъ высокія деревья и ломаетъ гордыя вѣтви, но уноситъ скрытыя подъ листовою гнѣзда, и многіе пернатые дѣтеняши, невызывавшіе грозы и непонимающіе, за что она такъ свирѣпствуетъ, погибаютъ среди треска вѣтвей.

Время идетъ; г-жа Дюмонъ не выпускаетъ изъ своихъ рукъ голову мужа. Каждый звукъ заставляетъ ее вздрагивать. Ей все кажется, что она видитъ на большой дорогѣ свою дочь, и она умоляетъ ее беречь ея ребенка.

Но отчего Дюмонъ такъ неподвиженъ? Отчего его тѣло холодно? Его убили, да, убили! Она вдругъ вскакиваетъ. Она хочетъ знать, за что его убили. Полковникъ говоритъ по-французски. Она спроситъ у него.

Ночь становится еще чернѣе; на востокѣ показывается розоватая полоса; вороны каркаютъ на макушкахъ деревьевъ. Г-жа Дюмонъ входитъ въ домъ. Всѣ спятъ. Она поднимается къ себѣ въ спальню; два солдата лежатъ на порогѣ, оберегая сонъ пол-

ковника. Они также спятъ. Перешагнувъ черезъ нихъ, г-жа Дюмонъ подходитъ къ кровати. Она шатается и ея рука, ища опоры, натывается на револьверъ. Она не двигается и ждетъ, не смѣя разбудить спящаго.

Раздаются звуки трубы. Полковникъ открываетъ глаза.

— Милостивый государь! начинаетъ мягкимъ голосомъ г-жа Дюмонъ, но полковникъ вскакиваетъ въ волненіи, схватываетъ револьверъ и, угрожая имъ несчастной женщинѣ, зоветъ къ себѣ на помощь солдатъ. Они тотчасъ вбѣгаютъ.

— Она меня хотѣла убить! восклицаетъ полковникъ; — вотъ какой народъ!

Одинъ изъ солдатъ ударяетъ г-жу Дюмонъ по лицу, какъ полковникъ ударилъ ея мужа. Она не поникла головой, не отскочила. Она вдругъ замѣтила изувѣченный портретъ и уже не можетъ болѣе отвести отъ него глазъ. Какое роковое предзнаменованіе! Дюмонъ лежалъ внизу мертвый! Мари умерла, она это чувствовала. Всѣ умерли, а она одна жива. Неужели Богъ былъ такъ жестокосердъ!

Во всемъ селеніи трубятъ тревогу. Солдаты говорятъ, что какая-то женщина хотѣла убить ихъ начальнива, и осыпаютъ бранью и побоями своихъ хозяевъ. Вскорѣ 72 померанскій полкъ выстраивается, полковникъ садится на лошадь, офицеры его окружаютъ. Взводъ солдатъ прислоняетъ бѣдную вдову къ стѣнѣ. Высоко поднявъ голову, она смотритъ на грады, гдѣ ея дочь сидела розаны, на алей, гдѣ она бѣгала, на бесѣдку, гдѣ курилъ Дюмонъ, и все прошедшее возстаетъ передъ нею. Она также вспоминаетъ, что годъ тому назадъ маленькое селенье приняло праздничный видъ, раздавались холостые выстрѣлы, весело звонили въ колокола, Мари была въ бѣломъ подвѣчномъ платьѣ... Г-жа Дюмонъ вздрогнула. Колокола и теперь гудѣли, но похороннымъ гуломъ. Дула восьми ружей направлены на нее.

— Благодарю, промолвила несчастная.

И ея окровавленное тѣло грохнулось на землю.

Съ барабаннымъ боемъ полкъ шель мимо трупа. Домъ капитана преданъ пламени, и полковникъ, съ саблею въ рукѣ, кричитъ поселянамъ, смотрѣвшимъ издали на роковое зрѣлище:

— Это война!

ВОЛОНТЕРЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА.

XVIII.

Серветъ, о которомъ теперь придется намъ поговорить подробнѣе, вернулся въ загородный домъ Гвимаараенса, гдѣ провелъ въ одиночествѣ весь слѣдующій день. Съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидалъ онъ вечера, чтобы отправиться въ городъ за обѣщаннымъ конемъ. Лишь только стемнѣло, онъ думалъ попрощаться съ сеньорой Бадоретой, которая, по приказанію своего хозяина, снабдила его платьемъ и небольшою суммой денегъ на дорогу. Въ избушкѣ у Травезатскихъ воротъ онъ засталъ Пепета, аккуратно явившагося вступить во владѣніе тартаньей. Съ нимъ было шесть человекъ, показавшихся Сервету весьма подозрительными. Самъ Тилинъ былъ мрачнѣе, суровѣе и раздражительнѣе обыкновеннаго. Они обмѣнялись немногими словами. Тилинъ сообщилъ своему другу, что вонъ ждетъ его въ гостинницѣ Гваспа.

— А вы не пойдете въ Сольсону? спросилъ его Серветъ.

— Нѣтъ, въ ней теперь наварцы и арагонцы. Я ихъ не выношу.

При разставаніи съ своимъ другомъ онъ, какъ и наканунѣ, сказалъ:

— Можетъ быть, мы встрѣтимся на пути.

„Дѣло“ № 12, 1879 г.

Серветъ вошелъ въ городъ. Одѣтъ онъ былъ весьма странно: часть одежды ниже пояса обличала въ немъ сеньора, а выше пояса — крестьянина. На немъ былъ крестьянскій казакинъ рыжаго цвѣта, съ отворотами, разстегнутый на груди. Кривыя ручки двухъ пистолетовъ высовывались изъ-за широкаго пояса. Панталоны темнаго сукна плотно облегли ноги и были засунуты за голенища высокихъ кавалерійскихъ сапоговъ съ серебряными шпорами. Несмотря на теплую погоду, онъ не забылъ плаща, необходимаго въ высокихъ ущельяхъ Пиренеевъ.

Зайдя только въ оружейную лавку для покупки патроновъ въ своимъ пистолетамъ, Серветъ направился прямо къ трактиру Гваспа, пользовавшемуся въ городѣ большою популярностью. Здѣсь, обыкновенно, останавливались всѣ экипажи и верховые, здѣсь же продавались вина и всякія яства, привлекавшія въ его темную и сырую залу всѣхъ кутиль Сольсоны и ея окрестностей. Въ этотъ вечеръ трактиръ былъ биткомъ набитъ посѣтителеми. Изъ грязной двери его, какъ изъ устья пьаницы, раздавались сввернословія и доносился какой-то отвратительный запахъ. Клубы дыма наполняли всю комнату густымъ облакомъ, сквозь которое едва просвѣчивали лампы. Это благородное общество состояло изъ арагонскихъ и наварскихъ гверильберовъ, шумно разсуждавшихъ о томъ, слѣдуетъ-ли имъ оставаться въ Манресѣ или вернуться домой, потому что возстаніе они считали уже окончательно неудавшимся. Входя, Серветъ ясно слышалъ фразы: „насъ обманули... насъ завлекли въ западню. Это одна гнусная комедія... Вернемтесь домой“. Нѣкоторые говорили между собою на непонятномъ жаргонѣ, который иные патріоты находятъ весьма гармоничнымъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, если только можно назвать гармоничнымъ вкаванье болотной лягушки.

Серветъ сталъ искать хозяина, съ которымъ былъ знакомъ еще до своего ареста. Найдя этого достойнаго мужа, похожаго, какъ двѣ капли воды, на бочку, поддерживаемую двумя костяными подпорками, онъ спросилъ его насчетъ лошади, оставленной Тилиномъ. Трактирщикъ отвѣчалъ ему, что лошадь стоитъ на дворѣ. Велика была поспѣшность Сервета, но голодь его былъ еще сильнѣе; поэтому онъ рѣшился заказать себѣ кусокъ жареной говядины и бутылку вина. Онъ сталъ искать глазами уединеннаго уголка, но повсюду было полно. Онъ направился къ самому тем-

ному, грязному и закоптѣлому углу залы, какъ вдругъ увидѣлъ себя лицомъ въ лицу съ человѣкомъ огромнаго роста, который такъ и впился въ него изумленными глазами.

Серветъ, даже взглянулъ на него и затрепеталъ отъ ужаса, но, срывъ свое волненіе, пошелъ дальше. Онъ услыхалъ, какъ за спиной его этотъ великанъ говорилъ своему товарищу, маленькому, толстому, черномазому:

— Орикаинъ, посмотри на этого человѣка.

При этомъ онъ указывалъ на Сервета, старавшагося затереться въ толпѣ.

Маленькій отвѣчалъ большому:

— Цугарамунди, увѣренъ-ли ты, что это онъ?

Серветъ вышелъ на обширный дворъ, на одной сторонѣ котораго были устроены большія ясли для муловъ и лошадей. Онъ принялся разсматривать животныхъ, отыскивая своего коня и дѣлая видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на гверильеровъ слѣдившихъ за нимъ. Однако, въ душѣ онъ былъ сильно встревоженъ и думалъ не о лошадяхъ и мулахъ, а объ ужасной опасности, такъ некстати ставшей ему поперекъ дороги.

Въ это время онъ услышалъ позади себя голосъ великана, кричавшаго во все горло:

— Карлосъ, Карлосъ, иди скорѣй!

А затѣмъ голосъ его спутника, который, въ свою очередь, кричалъ:

— Полковникъ Наваро, не угодно-ли вамъ спуститься сюда?

Сервету не оставалось болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какая опасность угрожаетъ ему. Но, будучи человѣкомъ чрезвычайно хладнокровнымъ, онъ понялъ, что торопливость и тревога всего легче могутъ погубить его. Къ счастью, въ это самое время трактирщикъ проходилъ мимо съ вязанкой соломы, и Серветъ, съ быстротой, внушаемой опасностью, составивъ планъ дѣйствія, сказалъ ему:

— Сенборъ Гваспъ, я не совѣмъ здоровъ и хотѣлъ-бы переночевать у васъ. Не можете-ли дать мнѣ комнату?

— Комнату? съ усмѣшкой пробурчала бочка въ образѣ человѣческомъ.— Но гдѣ-же мнѣ взять вамъ комнату? Надѣюсь, вы не захотите выгнать меня изъ моей собственной.

— Какъ, неужели нѣтъ ни одной? А та, въ которой почевали вольтижеры два мѣсяца тому назадъ?

— А, та! Она свободна, и если вамъ угодно взять ее, то выньте ключъ у меня изъ кармана. Видите, у меня руки заняты.

— Благодарю. Нашелъ, сказалъ Серветъ, вынимая ключъ изъ кармана сеньора Гваспа.

— Вы знаете какъ пройти въ комнату?

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Серветъ, направляясь съ видимымъ спокойствіемъ на противоположный конецъ двора, гдѣ находилась дверь въ комнату, походившую скорѣе на хлѣвъ, чѣмъ на человѣческое жилище.

Отворяя дверь, онъ взглянулъ на своихъ враговъ: великанъ и его спутникъ разговаривали теперь съ третьимъ человѣкомъ въ военномъ мундирѣ. Серветъ не могъ рассмотреть его лица, но онъ узналъ его, несмотря на ночную темноту, узналъ-бы его даже среди абсолютнаго мрака.

Войдя въ свою конуру, Серветъ заперся изнутри.

— Теперь пусть приходятъ за мной, сказалъ онъ, заряжая пистолеты.

Затѣмъ онъ подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо.

— Уже идутъ, сказалъ онъ. — По топоту можно подумать, что онъ ведетъ съ собой цѣлый полкъ. О, подлый трусишка, ты и теперь остаешься вѣренъ себѣ: ведешь цѣлую толпу на одного человѣка. Проклятый день! воскликнулъ онъ, съ бѣшенствомъ топая ногою. — Они затравятъ меня, какъ звѣря.

Онъ стукнулъ себя по лбу, какъ-будто для того, чтобъ этимъ ударомъ выжать что-нибудь изъ своей головы. Кое-что, дѣйствительно, выжалось.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не такъ глупъ, чтобъ ждать ихъ здѣсь. Къ чему послужить мнѣ самая отчаянная защита? О, разбойникъ, не подозрѣвалъ я, что ты начальникъ этой арагонской и наварской сволочи. Я долженъ былъ-бы догадаться, что гдѣ грабители, тамъ не можетъ не быть и тебя.

Онъ снова сталъ прислушиваться. Шумная кучка уже подходила къ двери.

— Проклятый трусъ, пробормоталъ Серветъ, — на этотъ разъ добыча ускользнетъ изъ твоихъ рукъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ окну и, открывъ его, посмотрѣлъ внизъ. Окно было не высоко, но еслибы даже высота его и была значительна, то онъ не задумался бы броситься въ него. Онъ прыгнулъ и увидѣлъ себя во дворѣ. Слева видны были широкія ворота, и, не долго думая, онъ пошелъ по направленію къ нимъ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на него кинулись двѣ огромныя собаки. Несмотря на свою ловкость, онъ не могъ оборониться отъ нихъ, и онѣ жестоко искусили ему лѣвую руку.

Изъ одной узенькой двери вышелъ парень съ дубиной, но, не дожидаясь, пока онъ отгонитъ собакъ, Серветъ подошелъ прямо къ нему и, приложивъ къ его груди дуло пистолета, сказалъ ему:

— Если ты сію минуту не выведешь меня на улицу, тутъ тебѣ и смерть. Прогони собакъ, а не то я опять-таки застрѣлю тебя.

Безъ сомнѣнія, молодой парень-огородникъ, не изъ далекихъ, подумалъ, что передъ нимъ какая-нибудь важная особа, а не ворышка и мазурикъ, какъ ему показалось въ первую минуту, потому что, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, онъ жалобно взмолился:

— Не трогайте, не трогайте меня, сеньоръ, я васъ сейчасъ выведу.

Отгнавъ собакъ, онъ робко спросилъ:

— Вы, вѣроятно...

— Пошелъ прочь съ твоими разспросами, веди скорѣй, не то на мѣстѣ убью.

— Идемъ, идемъ, только ради Бога, сеньоръ, спрячьте вы вашъ пистолетъ.

Они пошли впередъ и, пройдя ворота, очутились въ темномъ и узкомъ переулкѣ.

— Что это за улица? спросилъ Серветъ.

— Это Христовъ проулокъ.

— Куда ведетъ?

— Влѣво на площадь Табласъ; вправо на улицу де-Кадось.

— А площадь Табласъ куда ведетъ?

— Къ городской оградѣ и къ Парамольскому кургану, гдѣ двадцать разрушенныхъ домовъ.

Серветъ посмотрѣлъ въ ту и въ другую сторону съ видомъ человѣка видящаго неминуемую смерть направо и налево и соображающаго, которую предпочесть. Но выбрать было необходимо и онъ выбралъ. Не простившись съ своимъ проводникомъ, онъ пошелъ налево.

Серветъ шелъ медленно, прижимаясь къ стѣнѣ, чтобы скрыться въ тѣни. Но, не доходя до площади, онъ услышалъ шумъ шаговъ, походившій скорѣе на конскій топотъ, и голосъ, явственно произнесшій среди ночной темноты:

— Онъ долженъ быть здѣсь, онъ долженъ быть здѣсь. Ему некуда бѣжать.

Серветъ проворно повернулъ въ первый попавшійся переулочекъ и бросился бѣжать. Переулочекъ, въ который онъ попалъ, оказался безконечной трубой безъ всякихъ боковыхъ выходовъ. Ни открытой двери, ни угла, ни щели не было ни направо, ни налево. Серветъ бѣжалъ, какъ бѣжитъ человѣкъ во снѣ; когда ему снится, что за нимъ гонится ужасное чудовище, отъ котораго ему не куда скрыться. И онъ бѣжитъ, бѣжитъ по безконечной галереѣ, чудовище за нимъ гонится, настигаетъ, а галереѣ все нѣтъ конца.

Наконецъ, онъ добѣжалъ до улицы. Это оказалась улица де-Кадость. Онъ побѣжалъ по ней, направляясь къ Травезатскимъ воротамъ, потому что было-бы очень дерзко повернуть къ центру города. Преслѣдователи гнались по пятамъ. Ихъ было много, человѣкъ двадцать или тридцать, судя по ихъ топоту и крикамъ.

Серветъ быстро сообразилъ, что ему нѣтъ другого выхода, кромѣ Травезатскихъ воротъ, но около нихъ стоялъ часовой. Поймать его, стало быть, легко. Не вскарабкаться-ли ему на стѣну? Нѣтъ, потому что было-бы чудомъ, еслибы онъ не сорвался.

— А, знаю! вослѣдствіемъ онъ вдругъ съ радостнымъ видомъ.

Онъ поднялъ руку вверхъ по стѣнѣ Сан-Саломона и схватился за толстый, крѣпкій гвоздь. Поднявшись на немъ на рукахъ, онъ поймалъ затѣмъ одной рукой конецъ веревки и, сдѣлавъ невѣроятное усиліе, сталъ подниматься по ней съ быстротой матроса. Онъ лѣзъ не только своими стальными мускулами, но всѣми своими помышлениями, всѣмъ сердцемъ, всей душой.

Добравшись до верху, онъ сталъ прислушиваться. Свора про-

бѣжала мимо. Затѣмъ онъ услышалъ перебранку у Травезатскихъ воротъ: часовой утверждалъ, что никто не проходилъ чрезъ ворота. Ищейки повернули назадъ, чтобы осмотрѣть стѣну. На ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатурка обсыпалась, такъ-что искусный гимнастъ, хотя и съ большимъ трудомъ, могъ вскарабкаться по ней. Относительно-же Сан-Саломона у нихъ, очевидно, не было ни малѣйшихъ подозрѣній. Они стали шнырять по улицѣ де-Кадось, выходили въ поле, снова возвращались, шумѣли и суетились, какъ-будто въ Сольсонѣ происходило землетрясеніе.

ГЛАВА XIX.

Мысль о своемъ торжествѣ приводила Сервета въ такой восторгъ или, скорѣе, изступленіе, что онъ чуть не крикнулъ: „подлая собака, теперь вы ужъ меня не поймаете!“

Онъ не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ безсильнаго бѣшенства и смущенія своихъ враговъ. Все существо его наполнилось какимъ-то безумнымъ ликованіемъ. Ему казалось, что и монастырь, и весь городъ, разстилавшійся подъ его ногами, — все трепетало отъ смѣха.

Онъ продолжалъ наблюдать и увидѣлъ, что его преслѣдователи остановились у подножія стѣны и одинъ изъ нихъ показавъ рукою вверхъ. Очевидно, въ немъ зародилось подозрѣніе, показавшееся, впрочемъ, его товарищамъ верхомъ нелѣпости. Серветъ слышалъ, какъ они заспорили. Потомъ всѣ подняли головы къ верху, какъ-будто тайный инстинктъ или обоняніе подсказывали этимъ ищейкамъ, что тамъ скрывается тотъ, кого они преслѣдуютъ. Серветъ изъ предосторожности убралъ, конечно, веревку. Долго они смотрѣли, наконецъ, ушли, оставивъ нѣсколькихъ, какъ-бы въ качествѣ часовыхъ.

„Эти варвары, подумалъ Серветъ, — способны произвести обыскъ въ монастырѣ“.

Понявъ, что и здѣсь онъ далеко не безопасенъ, если будетъ медлить, Серветъ принялся осматривать мѣсто, куда завела его счастливая или несчастная звѣзда. Онъ смутно разглядѣлъ темныя контуры монастыря, зеленый мостъ трельяжа, переброшенный отъ стѣны къ зданію, и, наконецъ, свѣтъ въ ближайшемъ окнѣ.

А между тѣмъ сильная боль въ рукѣ напомнила ему, что онъ былъ укушенъ собаками и что рана его, разбереженная недавними усиліями при подъемѣ, могла сдѣлаться опасною. Слабость же во всемъ тѣлѣ напоминала, что онъ ничего не ѣлъ съ самаго утра. Нужно было во что-бы то ни стало подумать о возстановленіи силъ, потому что онѣ могли понадобится ему въ обстоятельствахъ, быть можетъ, еще болѣе критическихъ.

Очень скоро нашъ бѣглець понялъ, что ему трудно было попасть въ болѣе неудачное мѣсто. Очутиться въ женскомъ монастырѣ! Радъ будутъ, нечего сказать, благочестивыя монахини гостю, свалившемуся къ нимъ съ неба въ такой неурочный часъ.

Поручивъ себя милосердію божію, онъ ползъ по трельяжу. Ему пришлось ползти червякомъ, ощупывая каждую точку прежде, чѣмъ опереться на нее. Не вдалекѣ онъ видѣлъ свѣтъ, выходящій, по всей вѣроятности, изъ скромной кельи какой-нибудь монашенки. Окно было полу-открыто. О, Боже Всемогущій! Внутри ея прелестная монахиня сидѣла и читала книгу.

Серветъ подумалъ про себя:

„Теперь мнѣ нужно призвать на помощь всю смѣлость, всю находчивость, все хладнокровіе, на какія способенъ человѣкъ въ моемъ положеніи“.

Съ орлиной быстротой, составляющей первое свойство военнаго генія, придумалъ онъ планъ и тотчасъ-же началъ приводить его въ исполненіе. Онъ спустился на галерею, подошелъ къ двери и слегка толкнулъ ее. Замѣтивъ, что она поддается, онъ разомъ отворилъ ее и вошелъ.

Тотчасъ-же онъ заперъ за собою дверь, подошелъ къ монахинѣ и, выхвативъ кинжалъ, сказалъ:

— Если вы крикнете, станете звать на помощь или инымъ какимъ-нибудь образомъ выдадите меня, то я принужденъ буду убить васъ. Мнѣ будетъ это очень тяжело, но я васъ убью. Мнѣ нѣтъ выбора. Опасность заставляетъ меня быть безжалостнымъ.

Мы уже сказали, что сестрѣ Теодорѣ де-Арансисъ показалось, что она видитъ мужчину, драгуна. Но удивленіе и страхъ ея увеличились еще болѣе, когда она убѣдилась, что къ ней входитъ не Тилинъ, а человѣкъ совершенно ей незнакомый.

Испугъ, неожиданность, видъ страшнаго оружія, направленнаго

на ея грудь, до такой степени озадачили сестру Теодору, что она точно оцѣпенѣла. Все, даже самая мысль, казалось, застыло въ ней; слова остановились въ горлѣ. Она могла только испустить слабый вздохъ, подобно цыпленку, уже попавшему въ руки повара, и пролететь чуть слышно:

— О, не убивайте, не убивайте меня!

Сложивъ свои красивыя руки, она скрѣе глазами, чѣмъ словами молила страшнаго незнакомца о пощадѣ.

— Сеньора, сказалъ онъ, не выпуская изъ рукъ кинжала, — я не разбойникъ и не воръ, я несчастная жертва междоусобной войны и гнусной личной мести. Я попалъ сюда случайно, спасаясь отъ ужасной опасности. Не бойтесь: я ничего не возьму и не нарушу должнаго къ вамъ уваженія. Я прошу у васъ только убѣжища и защиты на непродолжительное время. Выбирайте между смертью и исполненіемъ моей просьбы. Скажите, общае ли вы укрыть меня на эту ночь, на случай, если, какъ я думаю, будетъ произведенъ обыскъ въ монастырѣ?

Сестра Теодора ничего не могла отвѣтить. Широко раскрывъ глаза, она съ ужасомъ смотрѣла на незнакомца, какъ-будто предъ нею стояло привидѣніе.

Сервету пришла въ голову новая мысль. Взявъ стулъ, онъ сѣлъ передъ монахиней и, понизивъ голосъ, началъ:

— Мое положеніе, сеньора, въ высшей степени непріятно для меня. Появленіе мое въ этой обители мира и святости, дерзкое поруганіе этой честной и почтенной кельи заставляютъ васъ видѣть во мнѣ изверга и злодѣя. Словами мнѣ не убѣдить васъ въ противномъ: опасность заставила меня угрожать вамъ этимъ оружіемъ, употребляемымъ только преступниками... Но нѣтъ, я попытаюсь убѣдить васъ, что я не преступникъ, а несчастнѣйшій изъ всѣхъ людей. Мнѣ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ сотней моихъ враговъ. Я былъ одинъ. Развѣ я не имѣлъ права защищаться? О, сеньора, пока въ моихъ жилахъ останется хоть капля крови, пока я въ силахъ держать оружіе въ рукѣ, я не отдамъ себя на растерзаніе этимъ извергамъ. Я преодолѣлъ страшныя опасности. Въ ту минуту, когда я почти находился въ рукахъ моихъ палачей, меня спасло истинное чудо. Рука Провидѣнія подняла меня и опустила... сюда. Сеньора, прибавилъ онъ съ благороднымъ волненіемъ, — простите мнѣ дер-

вость моей рѣчи и грубость моего поведенія. Вѣрьте, что къ тому меня принудила необходимость, передъ которой отступаютъ и убѣжденія, и характеръ, и склонности человѣка, которая превращаетъ въ дикихъ звѣрей существа самыя кроткія и мирныя.

Сестра Теодора начала понемногу приходить въ себя. Даръ слова и мысли понемногу возвращался къ ней.

— Уйдите изъ моей кельи! сказала она чуть внятно. — Уйдите и спрячьтесь въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Я васъ не выдамъ.

— Въ какомъ-нибудь закоулкѣ! Но я совсѣмъ не знаю монастыря. Если сегодня ночью придутъ съ обыскомъ...

— Но кто посмѣетъ явиться ночью съ обыскомъ въ Сан-Саломонъ?

— Тотъ, кто осмѣливался дѣлать и не такія вещи, сеньора.

— Уйдите сію минуту изъ моей кельи, повторила сестра Теодора, къ которой вдругъ возвратились всѣ ея умственные и голосовныя способности. — Я не могу терпѣть долѣе такого ужаснаго святотатства. Уходите и прячьтесь, я никому не скажу. Если-же вы не захотите уйти, я закричу и созову сестеръ. Какъ-бы скоро вы меня ни убили, я успѣю поднять тревогу.

— О, воскликнулъ Серветъ, — я глубоко раскаяваюсь въ своей прежней жестокости. Я не подниму руки на ту, которая уже показала ко мнѣ нѣкоторое участіе, позволивъ мнѣ спрятаться въ монастырѣ. Я встрѣтилъ великодушіе тамъ, гдѣ ожидалъ жестокость, и потому я бросаю отвратительную роль, принятую мною на себя помимо воли. Сеньора...

Съ этими словами онъ всталъ.

— Что?

— Сеньора, еслибы мнѣ удалось возбудить хоть искру участія въ вашей возвышенной и сострадательной душѣ, то я счелъ-бы себя счастливѣйшимъ изъ людей. Входя сюда, я внушилъ вамъ ужасъ. Но мнѣ пріятнѣе получить самую ничтожную услугу отъ васъ изъ состраданія, чѣмъ величайшую — изъ страха.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала сестра Теодора, желавшая во что-бы то ни стало положить конецъ всей этой сценѣ. — Уходите отсюда, ради Христа! Уходите, прячьтесь. Я буду молчать. Это все, что я могу для васъ сдѣлать.

— Я уйду, сеньора. Но если вы мнѣ позволите...

— Ничего я вамъ не позволю. Уходите, уходите сію минуту, повторяла монахиня, вполнѣ оправившись отъ своего испуга и грозно наступая на Сервета.

— О, сеньора, неужели у васъ нѣтъ ко мнѣ и капли состраданія?

— Я не хочу ничего слышать. Уходите. Я не боюсь васъ больше. Долгъ для меня выше всего, даже жизни.

— Сеньора...

Онъ испустилъ глубокой вздохъ и оперся на стулъ. Голова его упала на грудь, руки бессильно повисли по сторонамъ. Онъ повернулъ къ благородной сеньорѣ свое блѣдное лицо и тихо проговорилъ:

— Сеньора, я раненъ.

Сестра Теодора смутилась и задумалась. Незнакомецъ быстро впадалъ въ безчувствіе. Смертельная блѣдность покрыла его лицо. Голосъ его становился глухимъ, какъ у умирающаго.

— Раненъ! повторила монахиня, взглянувъ на его окровавленную руку. — Это правда.

— Если состраданіе, сеньора, съ трудомъ прошепталъ больной, — не пересилить въ васъ негодованія, вызваннаго моимъ недавнимъ поведеніемъ, то я сочту себя повинутымъ не только людьми, но и Богомъ. Тогда мнѣ ничего не остается, какъ умереть. Я не могу говорить болѣе...

Онъ закрылъ глаза. Изнеможеніе его сдѣлалось еще замѣтнѣе.

— Мои обязанности не запрещаютъ мнѣ помочь вамъ, съ твердостью сказала Теодора. — Опасна-ли ваша рана?

— Это укушеніе собаки. Чувствую ужасную боль. Мнѣ пришлось взбираться на стѣну монастыря, и я страшно разбередилъ себѣ раненую руку.

„Совѣсть не запрещаетъ мнѣ перевязать его рану“, подумала сестра Теодора и направилась къ шкафу, чтобы достать оттуда все необходимое.

— О, сеньора, воскликнулъ съ одушевленіемъ Серветъ, — вижу, что Богъ еще не покинулъ меня. Простите, простите мнѣ мои прежнія угрозы. Я думалъ, что попалъ въ жилище врага, между тѣмъ какъ я вошелъ въ обитель ангела.

Сестра Теодора налила въ сосудъ вина. Базалось, что она

вся погрузилась въ приготовленіе лекарства, но лицо ея было пасмурно и обнаруживало сильное внутреннее волненіе.

— Сеньора и благочестивая мать, сказали раненый, снимая съ себя кинжалъ и пистолеты и кладя ихъ на столъ. — Вотъ оружіе, причинившее вамъ столько страха. Предъ ангеломъ доброты я снимаю его.

Сестра Теодора оставила на минуту свою работу, чтобы взять оружіе и положить его на мѣсто.

XX.

Нѣсколько минутъ спустя, нѣжные пальцы Теодоры, дрожа, касались больной руки Сервета. Лицо монахини выражало одно состраданіе, лицо раненаго—глубокую благодарность.

— Это нужно промыть, сказала она.

Тотчасъ же налила она воды въ серебряный тазъ, куда прибавила нѣсколько капель душистой эссенціи, наполнившей всю комнату благовоніемъ. Промывъ рану, она приложила къ ней вина, взбитаго съ масломъ, и затѣмъ тщательно перевязала ее.

Устремивъ на раненаго свои черные глаза, она указала ему на дверь и сказала:

— Теперь...

— Теперь, сеньора, нервѣзительно сказали тотъ, не двигаясь въ мѣста, — еслибы я смѣлъ сказать вамъ...

— Что такое? строго спросила сестра Теодора.

— Что я умираю съ голода, сеньора.

При этомъ силы, казалось, снова начинали оставлять его и онъ чуть не упалъ въ обморокъ.

Монахиня посмотрѣла въ землю, потомъ на незнакомца и, наконецъ, на роскошный рѣзной шкафчикъ, хранившій въ себѣ столько гастрономическихъ сокровищъ.

— Огромные труды сегодняшняго дня, печально прибавилъ Серветъ, — не позволили мнѣ съѣсть куска хлѣба, и теперь я такъ измученъ голодомъ и усталостью, что если вы меня выгоните въ этомъ печальномъ состояніи, я не смогу сдѣлать и двухъ шаговъ.

Монахиня снова нахмурила брови. Казалось, она колебалась. Наконецъ, она подошла къ шкафчику и вынула оттуда нѣчто, рас-

пространившее по комнатѣ ароматическій запахъ. Голодный Серветъ ожилъ при одномъ взглядѣ на вкусное блюдо.

Не говоря ни слова, монахиня разостлала на столѣ маленькую скатерть, бѣлую, какъ лебяжій пухъ, поставила на нее подносъ съ курицей и большимъ хлѣбомъ, бутылку бѣлаго вина, янтарный цвѣтъ котораго свидѣтельствовалъ о его старости. Затѣмъ она подала стаканъ и приборъ и, отойдя отъ стола, сѣла на стулъ, повернувшись спиной къ своему гостю, который уже накинулся на предложенную ему закуску. Сестра Теодора все время не говорила ни слова, не бросила на него ни одного взгляда. Взявъ въ руки молитвенникъ, она вся погрузилась въ чтеніе.

— Если я проживу тысячу лѣтъ, сказала Серветъ, утоливъ первый голодъ, — то мнѣ все-таки не хватитъ времени отблагодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали, гостеприимная мать.

Сестра Теодора не пошевелила пальцемъ, не промолвила ни слова. Она сидѣла безмолвная и неподвижная, какъ статуя на надгробномъ памятникѣ.

Затѣмъ, внезапно обернувшись къ нему, она съ гнѣвомъ воскликнула:

— Ну, теперъ вы утолили голодъ, ступайте-же вонъ!

— Но куда, сеньора?

— Куда хотите, хоть въ таръ-тарары.

— Мнѣ нельзя выйти изъ монастыря, пока въ Сольсонѣ остается отрядъ наварцевъ. Если только я покажусь имъ, они меня убьютъ, потому что въ ихъ средѣ мой смертельный врагъ, неспособный никогда простить мнѣ.

— Но мнѣ что до этого за дѣло? рѣзко прервала его монахиня, пожимая плечами.

— Отдаю свою жизнь въ ваши руки сеньора; вы же рождены быть великодушной и такой вы будете, даже противъ собственной воли. Я отдалъ вамъ мое оружіе. Я беззащитенъ. Если вы не хотите окончить вашего добраго дѣла и спрятать меня въ монастырѣ на эту ночь, — отворите дверь, разбудите сестеръ, поднимите на ноги весь монастырь, забейте въ набатъ, призовите городскія власти и предайте меня въ ихъ руки. Я покорюсь своей участи и приму смерть такъ-же безропотно, какъ еслибы мнѣ посылалъ ее самъ Богъ.

— Такъ вы хотите остаться здѣсь? сказала де-Арансисъ, смущенная и испуганная.

— Еслибы это зависѣло отъ меня, то да, потому что никто добровольно не предаетъ себя вѣрной смерти. Если же вы находите, что меня слѣдуетъ выбросить изъ убѣжища, посланнаго мнѣ Провидѣніемъ, то выбрасывайте, и да благословить васъ Богъ.

— Слыхано-ли такое святотатство? Мужчина въ моей кельѣ! Пресвятая Богородица!

Монахиня схватилась руками за свою прекрасную голову, покрытую бѣлыми покрываломъ.

— Я не прошу, чтобъ вы скрыли меня въ вашей кельѣ, — пріютите меня въ какомъ нибудь темномъ монастырскомъ углу. Я прошу этого какъ милости, безъ угрозъ и насилія. Вы можете поступить со мной, какъ вамъ подсказываетъ ваша совѣсть: можете спасти меня или бросить въ руки моихъ враговъ.

— Какъ могу я спасти человѣка, котораго совершенно не знаю? Не доброе дѣло, а грѣхъ скрывать преступника отъ рукъ правосудія.

— Я не преступникъ! Никогда, никогда не совершалъ я никакого преступленія! воскликнулъ Серветъ взволнованнымъ и страстнымъ голосомъ.

Слова его звучали тѣми нотами глубокой искренности, которыя не могли не произвести впечатлѣнія. Сестра Теодора, обладавшая душой впечатлительной и воспримчивой, невольно начинала чувствовать къ Сервету нѣкоторую симпатію.

— Клянусь Тѣмъ, Кто пригвожденъ на этомъ крестѣ, произнесъ раненый, протягивая руку къ распятію, — что я не преступникъ и никогда имъ не былъ и что преслѣдованіе, которому я подвергся, невызвано никакимъ безчестнымъ поступкомъ съ моей стороны.

— Но кто же вашъ преслѣдователь?

Молодой человѣкъ съ минуту колебался; наконецъ онъ произнесъ:

— Ревнивецъ!

— Ревнивецъ? повторила сестра Теодора, чувствуя, что множество новыхъ мыслей тѣснится въ ея головѣ.

— Ревнивецъ и фанатикъ. Еслибъ я рассказалъ вамъ все, то вы перестали бы считать меня преступникомъ, а еслибы

и нашли въ моей жизни какія нибудь ошибки, и ошибки важныя, то, безъ сомнѣнiя, простили бы ихъ мнѣ.

— Можетъ быть, и нѣтъ, возразила она, начиная чувствовать непреодолимое, но совершенно непонятное ей самой любопытство.

— Клянусь всѣмъ, что есть святого, что ваши благодѣянiя упадутъ на человѣка не достойнаго ихъ. Не изъ тщеславія, а по чистой совѣсти говорю, что если, въ противность всѣмъ законамъ человѣколюбія, вы предадите меня въ руки моихъ враговъ, то совершите ужасное преступленіе, потому что иначе нельзя назвать выдачу невинной жертвы ея палачамъ.

Сестра Теодора тяжело вздохнула; въ душѣ ея происходила сильная борьба между строгостью монашескихъ обязанностей и добротой сердца, которая не всегда встрѣчается подъ монашеской рясой.

— Я готова повѣрить, сказала де-Арансисъ послѣ продолжительной паузы, — что предо мной не простой воръ или разбойникъ. По рѣчи вашей я вижу, что вы не принадлежите къ тому несчастному классу бѣдняковъ, изъ котораго выходятъ всѣ преступники. Я убѣждена даже, что вы членъ высшаго класса нашего общества. Но вѣдь существуютъ преступленiя и другаго рода, съ тѣхъ поръ, какъ политика многихъ свела сума. Можетъ быть, вы, не будучи виновнымъ ни въ одномъ изъ низкихъ преступленiй, свойственныхъ несчастной черни, совершили другія преступленiя, высшаго порядка, но безусловно запрещающія мнѣ быть вашей защитницей.

— Сеньора, я не понимаю васъ.

— Съ той минуты, какъ вы отдали мнѣ оружіе и заговорили объ ожесточенномъ преслѣдованiи со стороны вашихъ враговъ, мнѣ пришло на умъ — и теперь я думаю что я не ошиблась, — что вы скрываетесь отъ наварскихъ гверильеровъ, потому что какой нибудь изъ горячихъ защитниковъ престола и алтара призналъ въ васъ врага этого святого дѣла. Вы — шпионъ Каломарде и королевскихъ войскъ, уже идущихъ на Серверу. О, сеньоръ, вы меня не обманете баснями о какомъ-то ревнивцѣ; такая ненависть съ ихъ стороны и такой страхъ съ вашей показываютъ, что тутъ замѣшалась страсть надъ страстями — политика. И вы, будучи сторонникомъ и другомъ злодѣевъ, желающихъ по-

давить это святое возстаніе за вѣру, вы осмѣлились искать убѣжища въ стѣнахъ монастыря? Какая наглость!

— О, сеньора, воскликнулъ Серветъ, поднимая руки, — я ничего не въ силахъ скрыть отъ васъ. Сердце говоритъ мнѣ, что вы не можете сдѣлать мнѣ никакого зла. Сеньора, я откроюсь вамъ... Я не шпионъ Каломарде.

— Но кто же вы?

— Называющіе себя защитниками вѣры и мадритскіе роялисты одинаково враждебны мнѣ. Я рѣшился открыть вамъ всю правду, убѣжденный въ томъ, что такимъ образомъ всего вѣрнѣе приобрету ваше довѣріе... Будь, что будетъ! Знайте, сеньора, — я либераль!

Сестра Теодора подавила крикъ ужаса и поблѣднѣла, какъ полотно.

— И теперь я повторяю то, что сказалъ прежде, произнесъ молодой человекъ, становясь на колѣни и почтительно склонивъ голову предъ монахиней: — великодушная сеньора, располагайте моею участію: предавайте меня моимъ врагамъ или спасите меня.

— Якобинецъ! прошептала сестра Теодора, крестясь.

— Такъ зовутъ насъ, торжественно произнесъ Серветъ, продолжая стоять на колѣняхъ, и затѣмъ, устремляя взглядъ на прелестную монахиню, онъ прибавилъ съ улыбкой: — предъ вами на колѣняхъ стоитъ, стало быть, самъ сатана.

— Встаньте! быстро проговорила де-Арансисъ.

— Не встану, пока не услышу отъ васъ моего приговора.

Сестра Теодора находилась подъ давленіемъ самыхъ противоположныхъ чувствъ. Какъ глубокой знатокъ человѣческаго сердца, Серветъ понялъ, что судьба столкнула его съ женщиной, которую можно расположить къ себѣ смѣлой откровенностью, а не хитростью и фарисействомъ.

— Послѣ вашихъ словъ, сказала, наконецъ, монахиня, устремляя на него пристальный взглядъ, желавшій, казалось, проникнуть въ самую глубину его души, — послѣ вашихъ словъ я не могу смотрѣть на васъ иначе, какъ на злѣйшаго врага этой обители. Я не могу укрывать якобинца, врага вѣры и короля.

Серветъ наклонилъ голову въ знакъ покорности.

— Поэтому, прибавила она, простирая впередъ правую руку, — я намѣрена разбудить монастырь и позвать сольсонскія власти.

Серветъ снова наклонилъ голову. Голосъ и глаза сестры Теодоры не обнаруживали такихъ жестокихъ намѣреній, какъ ея слова.

— Впрочемъ, прибавила она, — я обещаю скрыть васъ и помочь вамъ, если вы откроете мнѣ цѣль вашего пріѣзда въ Сольсону и яacobинскій заговоръ, которому вы безъ сомнѣнія взяли содѣйствовать... Конечно, вы пріѣхали сюда съ какой-нибудь цѣлью, враждебной святой войнѣ, вспыхнувшей въ нашемъ краю.

— Еслибы я рѣшился купить вашу благосклонность такой цѣною, съ твердостью сказалъ Серветъ, — то былъ бы негодяемъ. Я думалъ, что вы обо мнѣ лучшаго мнѣнія. Открыть то, что мнѣ довѣрили какъ тайну! Нѣтъ, сеньора, здѣсь кончается откровенность и начинается подлость! Вы ничего отъ меня не узнаете. Я не предаю своихъ друзей и сторонниковъ. Если вы ждали только моего отвѣта, чтобы поднять тревогу, то теперь вамъ ждать больше нечего... Я сказалъ уже, что безропотно подчинюсь вамъ. Я безоруженъ. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ. Если вамъ угодно выйти, то будьте увѣрены, что я не остановлю васъ.

Онъ подошелъ къ двери и взялся за ручку, чтобы отворить ее.

— Сидите смирно! торопливо воскликнула сестра Теодора, подбѣгая къ двери и удерживая его за руку.

— Но вѣдь я не могу согласиться на предательство, котораго вы отъ меня требуете.

— Не нужно! Я не хочу никого дѣлать "предателемъ", отвѣчала монахиня, сопровождая свои слова успокоительнымъ жестомъ; — я вспомнила о моемъ бѣдномъ братѣ, который нищетъ несчастіе быть тоже яacobинцемъ. Бѣдный братъ! Воспоминаніе о немъ вызываетъ во мнѣ жалость и къ вамъ.

— И такъ, вы общаете меня спрятать?

— Да, отвѣчала де-Арансисъ съ чуть замѣтной улыбкой.

При видѣ этой очаровательной улыбки, Сервету показалось, что предъ нимъ распахнулись двери рая.

— О, благодарю, благодарю васъ, сеньора! воскликнулъ онъ, подходя къ ней, чтобы поцѣловать ея руку.

— Ради Бога, говорите тише! прошептала сестра Теодора, прикладывая палецъ къ губамъ.

XXI.

— Въ той части монастыря... въ дровяномъ сараѣ... въ ризницѣ... нѣтъ, лучше въ церкви... нѣтъ, въ церкви нельзя. Въ домикѣ садовника... нѣтъ, въ башнѣ... А отчего бы не въ церкви, въ одномъ изъ алтарей?..

Эти слова произносила сестра Теодора де-Арансисъ быстрымъ шопотомъ, устремивъ глаза въ землю и приложивъ палецъ къ губамъ, съ видомъ человѣка, находящагося въ мучительномъ сомнѣніи. Она перечисляла всѣ закоулки монастыря, въ которыхъ могъ бы спрятаться молодой человѣкъ, но находила ихъ неудобными такъ-же скоро, какъ и называла, потому что ни одно изъ нихъ не было, по ея мнѣнію, достаточно безопаснымъ. Задача была очень трудная, но де-Арансисъ работала надъ ея разрѣшеніемъ съ упорствомъ и усердіемъ истиннаго математика. Перебравъ всѣ мѣста и найдя ихъ всѣ неудобными, монахиня взглянула на Сервета и сказала:

— Говоря правду, во всемъ монастырѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы васъ не могли открыть. Еслибы дѣло шло объ одной только ночи, то пожалуй... но вы хотите остаться и весь завтрашній день...

— Пока не уйдутъ эти дикіе гверильеры, отвѣчалъ Серветъ.

Теперь они сидѣли другъ противъ друга у стола, стоявшаго по серединѣ комнаты, и свѣтъ лампы прямо падалъ на ихъ лица.

— Всякій, кто увидитъ насъ вмѣстѣ, сказала монахиня, прямо смотря въ глаза своему собесѣднику, — объяснить наше свиданіе совѣмъ не христіанскими цѣлями... Ахъ, сколько ложныхъ сужденій составляютъ люди и сколько невинныхъ дѣлаются жертвою клеветы!

— Но есть Судья, который все знаетъ и никогда не ошибается въ своихъ приговорахъ.

— Мнѣ пришло въ голову, сказала де-Арансисъ, что еслибъ вамъ удалось пролѣзть сквозъ окошечко надъ дверью въ ризницѣ, то вамъ очень хорошо можно бы было спрятаться въ кладовой... Но нѣтъ!.. Пономарю вздумалось начать чистку всякаго хла-

на, и теперь онъ по цѣлымъ днямъ въ кладовой... Ахъ, Боже мой! Куда же бы мнѣ васъ спрятать? Дайте мнѣ подумать...

Представленіе о жизни, полной тревогъ, страстей, неожиданно-стей, страданій и радостей, до такой степени противорѣчило съ воспоминаніемъ о ея собственной прошлой жизни, самой однообразной, скучной и мертвенной, какую только можно себя представить, что сестра Теодора почувствовала самое пламенное желаніе проникнуть въ тайну живой драмы, внезапно развернувшейся передъ ней.

Но скромность заставила ее скрыть свое любопытство, и она сказала:

— Нынѣшняя молодежь предана безумнымъ страстямъ. Не сомнѣваюсь, что ваша жизнь была и будетъ бурною и безпокойною. Гость снова съѣлъ.

— Величайшимъ несчастіемъ моей жизни, сказалъ онъ, — была невозможность достигъ того, что я любилъ, и вѣчное недовольство тѣмъ, чего я могъ достигнуть.

— Это несчастіе, кажется, довольно общее.

Серветъ высказалъ свое мнѣніе насчетъ этого, и сестра Теодора съ удивленіемъ замѣтила въ себѣ какое-то необъяснимое желаніе узнать всю жизнь этого незнакомца во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Она возбуждала въ ней такое-же любопытство, какъ романъ, изъ котораго имъ прочли нѣсколько страницъ, показавшихся намъ очень интересными. Послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ стѣнахъ монастыря, де-Арансисъ внезапно услышала голосъ той внѣшней, мірской жизни, со всѣми ея страстями и тревогами, которую она, виѣсть съ своей великолѣпной косой, оставила за порогомъ монастыря. Она съ удивленіемъ замѣчала, что вовсе не приходила въ ужасъ, какъ бы это слѣдовало, при звукахъ голоса неизвѣстнаго ей пришельца; удивлялась, что слушаетъ его спокойно, даже болѣе чѣмъ спокойно — съ удовольствіемъ.

Но послѣ минутнаго самозабвенія и какого-то чарующаго сна, въ ней вдругъ раздался голосъ совѣсти, подобный окрику часового на своемъ посту.

Она быстро встала съ своего мѣста.

— Это не можетъ продолжаться долѣе! Уходите и прячьтесь, гдѣ угодно. Я знаю только одно, что я лишилась разсудка.

Серветъ всталъ, чтобы исполнить ея приказаніе. Городскіе часы пробили часъ.

Сестра Теодора осторожно отворила дверь и внимательно осмотрѣла коридоръ и монастырь, чтобы убѣдиться, все-ли безопасно. Она вдругъ почувствовала что-то необыкновенное, и ею овладѣлъ внезапный страхъ; она слегка вскрикнула. Подойдя къ ней, Серветъ замѣтилъ, что она сильно вдыхаетъ въ себя воздухъ, какъ будто ей хотѣлось изслѣдовать окружающее не только зрѣніемъ, но и обонаніемъ.

XXII.

За стѣнами кельи, за нѣсколько минутъ тому, происходило нѣчто также заслуживающее вниманія. Келья сестры Теодоры стояла не настолько въ сторонѣ, чтобы избѣжать монашескаго любопытства; а такъ-какъ нѣтъ блага, которое не имѣло бы своей тѣни въ видѣ зла, то безусловная свобода, выпавшая на долю де-Арансисъ, имѣла свою тѣнь въ видѣ инквизиторскаго подсматриванія со стороны одной изъ достопочтенныхъ матерей, жившей какъ-разъ насупротивъ, въ противоположномъ крылѣ монастыря. Достопочтенная мать Монсерать имѣла самую непреодолимую наклонность знать все, что дѣлали или чего не дѣлали другія монахини. Частью подкупая и задобивая служанокъ, частью пользуясь собственными глазами и ушами, она добилась того, что въ головѣ ея образовался настоящій архивъ, полный такихъ подробныхъ свѣденій о внутренней жизни обители, какихъ только могъ бы пожелать самый любознательный историкъ этого стариннаго монастыря. Наблюденія и изслѣдованія свои мать Монсерать производила такъ осторожно и ловко, что большая часть монахинь почти не замѣчала присутствія въ своей средѣ этого вѣчно-подсматривающаго и подслушивающаго альгвазила.

Но ни за одной изъ сестеръ не слѣдила Монсерать такъ охотно и такъ ревностно, какъ за сестрой Теодорой, которая своей красотой, гордостью и разными старыми обидами приобрѣла несомнѣнное право первенства на шпіонство матери Монсерать— такъ, по крайней мѣрѣ, думала послѣдняя. Можно смѣло утверждать, что наблюденія за тѣмъ, какъ де-Арансисъ выходила изъ кельи, какъ входила въ кухню, гуляла по саду, молилась

въ церкви, занимали три четверти времени наблюдений и мыслей сеньоры Монсерать. Особенно интересовало старуху: въ которомъ часу въ кельѣ ея соперницы гасился огонь, и если случалось, что тамъ свѣтилось за полночь, Монсерать тихонько выходила изъ своей комнаты, неслышными шагами подкрадывалась къ двери своей противницы и сквозь маленькую дырочку, поверченную въ ней, безъ сомнѣнія, самими ангелами, запускала въ нее острый, какъ иголка, взглядъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю свою душу.

Часто, отходя отъ завѣтной двери, она шептала:

— Я такъ и думала: читаетъ романы.

Иногда она крестилась нѣсколько разъ и восклицала:

— Ахъ, Боже мой! Она сняла клобукъ, надѣла на голову цвѣты и смотрится въ зеркало!

Насмотрѣвшись вдоволь, она возвращалась въ свою келью. Шаги ея не производили ни малѣйшаго шума: ея ноги были обуты въ сандалии, которыя казались нѣжнѣ пуха.

Въ эту ночь (мы говоримъ о ночи появленія голоднаго Сервета, во многихъ отношеніяхъ достопамятной въ исторіи монастыря Сан-Саломона) мать Монсерать совершила свое обычное путешествіе, потому что пробило уже часъ, а въ кельѣ Теодоры все еще видѣлся свѣтъ. Нельзя было не узнать, въ чемъ дѣло.

Старуха подошла къ двери и... и... святители небесные!.. такъ и оостенѣла отъ ужаса: она не хотѣла вѣрить своему испытанному и изощренному слуху! Наблюдательная дырочка, казалось, расширилась. Она приложила къ ней свой стеклянный глазъ... взглянула, долго, долго продолжала смотрѣть, вся превратившись въ зрѣніе. Сперва ей показалось, что это была галлюцинація; но нѣтъ, нѣтъ, это была дѣйствительность.

Она бросилась бѣжать, трепеща всѣмъ тѣломъ. Ея дряхлыя ноги шатались, точно слабѣя подъ тяжкимъ бременемъ ея безграничнаго негодованія. Она крестилась, поднимала сухія руки къ небу, качала лысой головой, бормоча про себя:

— Я такъ и ожидала! До этого должна была дойти эта женщина! О, Господи, прости наши прегрѣшенія!

Разказываютъ, что достопочтенная мать чуть не грохнулась объ землю отъ страха; но она напрягла всѣ свои старческія силы, чтобы дойти до абатесы и разсказать о такомъ ужасномъ дѣлѣ. Нѣ-

сколько секундъ, которыя она бѣжала до кельи послѣдней, казались ей вѣками поворота для ордена св. Доминика.

Абатеса не оказалась въ кельѣ. Она была набожнѣйшей изъ всѣхъ монахинь и по ночамъ имѣла обыкновеніе вставать съ своего жесткаго ложа и спускаться въ церковь, гдѣ проводила на колѣняхъ, стоя на холодномъ мраморѣ, нѣсколько часовъ въ молитвѣ и мистическомъ созерцаніи. Нѣкоторыя изъ монахинь слѣдовали ея примѣру.

Старуха вошла въ церковь и при слабомъ мерцаніи лампы, горѣвшей предъ распятіемъ, замѣтила колѣнопреклоненную абатесу. Подойдя къ ней, она прикоснулась къ ея плечу.

— Кто тутъ? спросила абатеса соннымъ голосомъ.

Монсератъ стала на колѣни рядомъ съ нею и торопливо стала креститься.

— Это я, сказала она.—Я пришла доложить вамъ, что...

— Да, да... понимаю, сказала мать абатеса, садясь въ кресло.—Я тоже начинала уже беспокоиться.

— Развѣ вы знаете, ваше преподобіе, что я вамъ пришла рассказать?..

— Да, что слышенъ запахъ горящаго дерева.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то.

— Уже нѣсколько минутъ я чувствую этотъ запахъ, сказала мать абатеса, нюхая воздухъ. — Скажите, вы ничего не чувствуете?

— Въ монастырѣ точно огонь, но только такой, котораго не видно.

— Что вы говорите?

— Въ монастырѣ вошелъ сегодня ночью мужчина.

— Вы бредите, сестра! Нѣтъ, я не сомнѣваюсь. Неужели вы не слышите запаха горѣлаго?

— Можетъ быть, гдѣ нибудь зажгли костеръ. Когда монастырѣ опозоренъ, оскверненъ злодѣйствомъ и святотатствомъ,—не слѣдуетъ думать о пустякахъ.

Абатеса встала.

— Мужчина! Не можетъ быть! воскликнула она, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Да, мужчина. Развѣ я не знаю, что такое мужчина!

— Но гдѣ же онъ?

— Въ кельѣ одной монахини.

Абатеса перестала дрожать и разразилась хохотомъ. Это казалось ей до такой степени невѣроятнымъ и нелѣпнымъ, къ тому же она такъ привыкла къ смѣшнымъ тревогамъ сестры Маріи Монсерать, что не могла оставаться серьезной.

— Если настоятельница этого монастыря, проговорила доносчица,— не рѣшается постучаться въ дверь кельи, гдѣ совершается ужаснѣйшее святотатство, то это сдѣлаю я сама. Я ничего не боюсь; пусть какой-нибудь разбойникъ...

Она не могла продолжать, благодаря припадку сильнѣйшаго кашля.

— О, здѣсь, кажется, дымъ! воскликнула она съ испугомъ.

Обѣ монахини подошли къ рѣшетѣ главнаго алтаря.

— Дымъ, дымъ! закричали обѣ въ одинъ голосъ.

При мерцающемъ свѣтѣ лампы онѣ увидѣли густые клубы дыма, которые, какъ густой туманъ, заволакивали неструю позолоту богато-убраннаго алтаря.

Монахини побѣжали къ выходной двери.

— Господи! воскликнула мать Монсерать, поднимая руки. Что это? Мужчина, другой, третій! Всѣ бѣгутъ въ ризницу...

Абатеса не могла ни промолвить слова, ни пошевеливаться отъ ужаса.

Онѣ снова кинулись къ рѣшетѣ. Слабый красноватый свѣтъ наполнялъ святую ограду, освѣщая лики святыхъ, ризы, алтари; зрѣлище было по-истинѣ ужасное.

Обѣ монахини бросились къ выходу; слышны были торопливые шаги трехъ другихъ монахинь, сбѣгавшихъ во дворъ, который также начиналъ наполняться дымомъ. Всѣ кинулись къ дверямъ ризницы и хотѣли вломиться въ нее; она оказалась незапертой. Когда дверь отворилась, всѣ пять монахинь вскрикнули отъ ужаса и отскочили назадъ: изъ двери повалила густая, черная масса дыма, въ глубинѣ которой видѣлись яркіе языки пламени, вытягивавшіеся и лизавшіе стѣны комнаты.

Во всемъ монастырѣ Санъ-Саломона слышенъ былъ теперь только одинъ неумолкаемый вопль:

— Пожаръ, пожаръ!

XXIII.

Съ невѣроятной быстротой распространился пожаръ, начавшійся, какъ слѣдуетъ замѣтить, очевидно съ двухъ противоположныхъ концовъ — ризницы и старыхъ кладовыхъ, заваленныхъ всякимъ хламомъ.

Огонь немедленно пробрался въ церковь и по перегородкѣмъ взвился до главной стѣны. Подобно голодному чудовищу, накинувшемуся на пищу, вонзиль онъ свои жадные зубы въ старое дерево алтарей. Однимъ своимъ дыханіемъ уничтожилъ и пожралъ онъ ткани и сухіе цвѣты, украшавшіе образа; бросился еще выше, легкимъ прикосновеніемъ разбилъ въ дребезги всѣ стекла, и тогда обильный потокъ воздуха ворвался въ церковь. Мгновенно раздувшись, ужасные огненные драконы удѣпились своими безчисленными лапами за балки и перекладины крыши.

Съ другой стороны, изъ ризницы, составлявшей второй центръ пожара, огонь спускался внизъ по маленькому коридору, ведущему въ приѣмную, и поднимался вверхъ по галерей, соединявшей кельи верхняго этажа. Къ счастью, лѣстница, хотя и наполненная дымомъ, была еще свободна, и монахины могли сбѣжать во дворъ. Огонь въ ризницѣ мѣшалъ ударить въ набатъ; но сосѣди очень скоро замѣтили кровавое зарево и столбъ дыма, поднимавшійся, подобно адскому сіянію, надъ Сан-Саломономъ, и въ городѣ ударили во всѣ колокола, все населеніе бросилось на помощь бѣднымъ доминиканкамъ.

Пожаръ былъ такъ силенъ, что не уступилъ бы даже передъ всѣми современными пожарными машинами — могущественной водяной артилеріей, сокрушающей огненные стѣны. Что же могли сдѣлать противъ него горожане и гверильеры съ ведрами воды? Очень скоро пришлось убѣдиться, что нечего было и думать о спасеніи зданія, и потому рѣшились добиваться только одного — спасенія несчастныхъ монахинь.

Неизвѣстно, какимъ образомъ проникли въ монастырь первые изъ явившихся на помощь къ нимъ. Несомнѣнно только, что когда нѣкоторые изъ сосѣдей топорами разбили ворота и вошли во дворъ, они уже застали тамъ нѣсколькихъ человѣкъ, пытавшихся спасти что было возможно. Безъ сомнѣнія эти люди вошли ранѣе, чѣмъ огонь заградилъ ходъ черезъ ризницу.

Видъ монастырскаго двора представлялъ печальное зрѣлище. Злополучныя монахини, рыдая, сбѣгали внизъ. Не было ни одного святаго, имя котораго не повторялось бы среди криковъ, воплей и восклицаній ужаса. Фигуры, одѣтыя въ бѣлое съ чернымъ, металсь по всѣмъ направленіямъ, подобно стаду овецъ, настигнутыхъ волкомъ. Нѣкоторыя изъ монахинь доканчивали на дворѣ свой туалетъ, потому что выбѣжали изъ келій, не успѣвъ одѣться. Другія весьма сильно хлопотали о спасеніи своего имущества и уговаривали сосѣдей достать его изъ огня или же сами пытались проникнуть сквозъ атмосферу пламени и дыма.

Мужчины, которымъ катастрофа открыла двери святаго убѣжища, выносили изъ келій все, что можно было вынести, и выбрасывали на дворъ. Пожаръ между тѣмъ усиливался. Не было ни малѣйшей возможности ни одному живому существу оставаться во дворѣ и даже въ саду. Двухъ больныхъ, лежавшихъ въ постели, вынесли на рукахъ, и одна изъ нихъ тутъ же умерла со страху.

Смятеніе увеличивалось. Толпа людей всѣхъ классовъ, гражданъ и военныхъ, двигалась по всѣмъ направленіямъ въ полномъ безпорядкѣ. Всѣ приказывали, никто не слушался. Каждый дѣйствовалъ сообразно своей храбрости, самоотверженію и находчивости. Одинъ обращался къ двумъ монахинямъ съ просьбой бѣжать изъ монастыря, когда еще не всѣ успѣли собраться во дворъ; другой предлагалъ премію тому, кто спасетъ изъ церкви чашу съ дарами, но не нашлось такого смѣльчака, который рѣшился бы рискнуть жизнью ради святаго дѣла. Нѣкоторые предлагали выйти чрезъ пріемную, но это оказалось совершенно неисполнимымъ, потому что огонь мѣшалъ даже близко подойти къ ней.

Монахини обликали другъ друга, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли цѣлы.

- Мать Сангита, здѣсь-ли вы?
- Здѣсь. Господь сохранилъ меня въ живыхъ.
- А сестра Милитона?
- Я ее только-что видѣла. А спаслась-ли мать Роза?
- Да, она здѣсь.
- Сестра Анна, гдѣ вы, сестра Анна?
- Здѣсь она. Ей захотѣлось спасти свои подушки и изъ-за этого чуть не погибли два человѣка.

— Есть много неосторожныхъ на свѣтѣ!

— А мать Монсерать?

— Здѣсь я, дочь моя, стою ни жива, ни мертва, отвѣчала гробовой голосъ, принадлежавшій скорѣе мертвецу, чѣмъ живому человѣку.— Но какъ я ни мечусь, все не могу найти сестру Теодору де-Арансисъ.

Дряхлая старуха переходила отъ группы къ группѣ, подобно змѣѣ, ползающей по травѣ.

— Сестра Теодора? Не видали вы ее?

— Говорю вамъ, что нѣтъ. Ея нигдѣ не видно.

— Господи Іисусе, неужели она осталась въ своей кельѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я входила въ ея келью. Она была пуста, и мы нашли въ ней остатки ужина. Удивительно!.. Монастырь подожгли. Это онъ, я готова поклясться, что это онъ!

— Сестра Теодора, сестра Теодора!

— Нужно выходить, не теряя ни минуты. Выходите, сеньоры! крикнулъ смуглый, приземистый человѣкъ въ военномъ мундирѣ, которому посредствомъ крика, тумачковъ и толчковъ удалось заставить себя слушаться.

Слава-богу, хоть кого-нибудь стали слушаться въ этомъ хаосѣ.

— Обрушилась стѣна! крикнулъ чей-то отчаянный голосъ.

— Выходите, выходите!

Необходимо было, не смотря на затруднительность этого, пробить въ садовой оградѣ брешь, достаточную для прохода монахинь. Смуглый человѣкъ, полковникъ королевской арміи и предводитель наваррскихъ и арагонскихъ волонтеровъ, указалъ мѣсто, гдѣ нужно было сдѣлать пробоину, и бранью и сабельными ударами заставилъ толпу приняться за дѣло. Всѣ работали съ величайшимъ усердіемъ, колотя въ стѣну ломами и кольями, гвоздями, чѣмъ попало... Работа не была еще кончена, какъ полковникъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ. Онъ обернулся и увидѣлъ монахиню, старую и дряхлую, какъ смерть.

— Сеньоръ полковникъ, сказало привидѣніе,— сеньоръ полковникъ, монастырь подожгли, и я знаю, кто это сдѣлалъ.

— Кто? Гдѣ онъ?

Привидѣніе протянуло руку, походившую на палку, вставленную въ широкій рукавъ, и указало на человѣка, одѣтаго въ крестьянское платье, съ перевязанной рукой, который въ эту ми-

нута бросалъ въ сторону какой-то желѣзній инструментъ, служившій ему для проламыванія стѣны, и старался проскользнуть сквозь узкую брешь.

Карлъ Наваро зарычалъ, какъ дикій звѣрь:

— А, вотъ онъ! Вотъ онъ! Теперь не убѣжишь! Цугарамунди, держи, лови!

Красное зарево пожара, освѣщавшее всѣ лица, придавало этой сценѣ особенно зловѣщій видъ.

Шумъ и толкотня помѣшали разобрать, чѣмъ кончилось дѣло. Но безъ сомнѣнія желаніе вождя гверильеровъ было удовлетворено, потому что, обратившись къ толпѣ, онъ сказалъ:

— Спасибо, товарищи. Я не ожидалъ, что Богъ предастъ его въ мои руки въ эту же ночь. Правду говорилъ я, что онъ спрятался здѣсь. И онъ - же поджигатель! Какое соединеніе всевозможныхъ преступленій!.. Теперь, сеньоры, выходите. Порядокъ! Больше порядка!

Онъ поставилъ одну кучку своихъ солдатъ по ту сторону пробоины, другую—по эту. Это были не два отряда войскъ, а двѣ группы игроковъ въ мячъ. Стоявшіе внутри брали въ руки монахинь и передавали ихъ сквозъ брешь въ руки стоявшихъ извнѣ. Казалось, что они перебрасывали другъ другу дѣтей въ пріютъ для подкидышей. Какъ и во всѣхъ, даже самыхъ трагическихъ сценахъ жизни, и здѣсь была своя доля комизма.

Очень немногія изъ монахинь упирались, когда ихъ хватили на руки мужчины, но большая часть была такъ перепугана, что имъ было не до жеманства. Когда въ монастырѣ никого болѣе не осталось, монахини собрались въ сторонѣ въ отдѣльную группу. Онѣ не знали, что имъ дѣлать, куда идти. Всѣхъ спокойнѣе была мертвая, которую выбросили наружу, какъ мѣшокъ. Сгори теперь весь міръ—это ее нисколько не встревожило бы. Изъ монахинь однѣ лежали безъ чувствъ на землѣ, другія обливались горячими слезами, третьи говорили всѣ разомъ, осыпая другъ друга вопросами, жестикулируя, произнося отрывочныя фразы, слова и восклицанія, выразившія весь ужасъ ихъ въ эту минуту.

— Всѣ ли мы?

— Одна, двѣ, три, четыре... Но одной не достаетъ.

— Ея келья была пуста, пуста, пуста... огонь потушенъ... Я

видѣла его передъ тѣмъ, и лицо его врѣзалось въ моей памяти. Ужасно! Рука у него была перевязана и рукавъ засученъ.

— Я успѣла надѣть только одинъ башмакъ, да и тотъ потеряла дорогой.

— Я врѣшко спала, когда услышала адскій шумъ, открыла глаза—и увидѣла зарево... Господи, какія страсти!

— Нѣтъ никакого сомнѣнiя. Съ мертвой насъ двадцать одна съ четырьмя служанками—двадцать пять.

— Одной не достаесть, одной не достаесть!

— Развѣ я способна принять одно за другое? Мужчина, мужчина! Ужасный случай! Навѣрное онъ-то и поджогъ насъ.

— Я тоже говорю, что монастырь былъ подоженъ чьей-то злодѣйской рукой.

— Одной не достаесть!

— Одной не достаесть!

XXIV.

На другой день, когда еще дымились обгорѣлыя развалины Сан-Саломона, донъ-Карлосъ Гароте сидѣлъ въ своей квартирѣ на улицѣ Санъ-Франциско, въ припадкѣ недуга, которымъ онъ часто страдалъ, особенно въ послѣднiе годы: недугомъ этимъ былъ гнѣвъ. Болѣзнь свою Карлосъ Гароте выражалъ тѣмъ, что топалъ ногою по землѣ, стучалъ кулакомъ по столу, наконецъ, дикимъ рычанiемъ, вырывавшимся отъ времени до времени изъ его груди.

Въ то время, какъ донъ-Карлосъ предавался своему гнѣву, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и то хватаясь руками за голову, то снова опуская ихъ въ карманы,—у второго стола, загроможденнаго бутылками съ виномъ и всякими закусками, сидѣлъ человекъ. Своимъ заплывшимъ, чувственнымъ лицомъ, полупьянными глазами онъ составлялъ самую рѣзкую противоположность съ экзальтированнымъ и страстнымъ донъ-Карлосомъ. Этотъ старый пьяница былъ не кто иной, какъ Маньясъ, оглупѣвшiй гверильеръ, пользовавшiйся всеобщимъ презрѣнiемъ.

Картину дополнялъ третiй человекъ: это былъ молодой уланскiй капитанъ, изящный, прекрасно одѣтый, своими изысканными

манерами рѣзко отличавшіяся отъ грубыхъ апостольскихъ вонючъ. Наконецъ тутъ-же присутствовалъ и капеланъ Сан-Саломона, Мосень Криспи.

Очень жаль, что мы не были при этомъ совѣщаніи съ самаго начала. Первый изъ присутствующихъ, котораго мы услышимъ теперь, — Гароте: онъ повторяетъ то, что, очевидно, говорилъ уже тысячу разъ до нашего прихода, но повторяетъ языкомъ, руками и ногами:

— Я не покорюсь!

Послѣ этого заявленія, похожаго болѣе на выстрѣлъ, наступило глубокое молчаніе. Донъ-Карлосъ, пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатамъ, остановился противъ уланскаго офицера и выпалилъ ему прямо въ лицо:

— Если другіе согласны покориться, я не покорюсь! Такъ и скажите графу Эспанья, пославшему васъ.

— Но вѣдь эта война не имѣетъ теперь никакого смысла, полковникъ, съ энергіей возразилъ офицеръ. — Его величество прибылъ въ Каталонію и приказалъ положить оружіе всѣмъ, кто поднялъ его во имя его.

— Я поднялъ оружіе не въ его имя.

— А въ чье же?

— Во имя другого... Бросимъ надувательства! Намъ говорили одно, а теперь выходитъ другое! Это подло, да, подло!

— Но, полковникъ, сказала Криспи, стараюсь придать своему лицу добродушное выраженіе, — если его величество объявляетъ, что онъ совершенно свободенъ, что во дворцѣ нѣтъ никакихъ якобинцевъ, что онъ поставитъ католическую вѣру превыше всего, то что же остается дѣлать намъ? Не будемъ, Бога ради, *plus royalistes que le roi*.

— Сеньоръ Тортеля, отвѣчалъ Гароте, смотря на него въ упоръ, — перестаньте морочить насъ разными крючками. Довольно уже насъ водили за носъ. И кто-же толкнулъ насъ во всю эту сумятицу? Вы и ваши товарищи въ красныхъ и черныхъ мантияхъ! Отчего вы прежде говорили намъ одно, а теперь другое? Что это за гнусная комедія! Что за мерзкую роль вы играете! Вы меня принимаете за маріонетку. Я люблю вещи ясныя и слова прямыя, сеньоръ Тортеля. Вы насъ обманули, вы застави-

ли насъ поднять оружіе, а теперь приказываете разойтись по домамъ. Что это все значить? Что все это значить?

— Мы... пробормоталъ капеланъ въ большомъ смущеніи.

— Вы, а не мы! съ бѣшенствомъ прервалъ его Гароте.

Онъ остановился и послѣ каждаго двухъ-трехъ словъ стучалъ по столу кулакомъ съ такой силой, что дрожали окна.

— Да, вы! Вы говорили намъ, что слѣдуетъ поднять оружіе за дѣло великое, святое: за вѣру... (бумъ! Бутылки подпрыгнули на распатаномъ столѣ отъ свирѣпаго удара кулакомъ.) Намъ говорили, что король предался масонамъ и что королевскій совѣтъ—настоящая масонская ложа, скопище якобинцевъ... (бумъ!) что Каломарде—масонъ, что король—масонъ... (бумъ!) Намъ говорили, и это самое важное, что война будетъ за вѣру и провозгласить... (бумъ!) инфанта донъ-Карлоса королемъ испанскимъ на мѣсто Фердинанда VII... Намъ говорили, что въ Мадридѣ все готово къ низверженію брата, предавшаго себя масонству и къ возведенію на престолъ... (бумъ!) другого брата, каждый день слушающаго обѣдню. Намъ говорили, что когда поднимется Каталонія, вся Испанія послѣдуетъ ея призыву, и наступитъ царство вѣры и уничтоженіе либерализма... Намъ говорили, что есть тайная булла отъ папы, благословляющая на возстаніе, что Франція, Австрія и Россія окажутъ намъ поддержку... (бумъ!) Намъ обманули, наговоривъ намъ о могуществѣ мадридской апостольской хунты; теперь же я вижу, что это—собраніе мошенниковъ, нѣсколькихъ отставныхъ совѣтниковъ, которымъ хочется вернуться во дворъ, нѣсколькихъ канониковъ, которымъ хочется быть епископами, нѣсколькихъ бригадировъ, которымъ хочется быть генералами... (бумъ! бумъ! бумъ!)

Кулакъ гверильера прыгалъ по столу, какъ резиновый мячъ. Кожа на его ружѣ давно посинѣла.

— Ваши обязанности, какъ военнаго, ваше славное прошлое, полковникъ, сказалъ офицеръ,—мундиръ; который вы носите, благо страны, судьба многихъ тысячъ невинныхъ людей требуютъ, чтобы вы покорились волѣ короля. Король взываетъ къ нашему благоразумію и преданности, и мы должны отвѣтить на призывъ нашего монарха.

— Я не покорюсь, не покорюсь! воскликнулъ громовымъ голосомъ Гароте.—Пусть покоряются Хепъ дель-Эстанисъ, Караголь,

Пиксола, Рафи и прочіе—это дѣло ихъ совѣсти. Они увидѣли предъ собой вѣсы, на одной чашкѣ которыхъ лежали богатство, слава и карьера, а на другой—палачъ. Но меня не прельститъ мишура, не испугаетъ висѣлица... Если меня обвинить моя совѣсть, я самъ себя разстрѣляю!

Съ этими словами онъ точно тигръ вцѣпился въ свои эполеты и, сорвавъ ихъ съ такой силой, что оторвалъ часть мундира, бросилъ ихъ объ полъ съ крикомъ:

— Прочь отъ меня! Я не хочу болѣе принадлежать къ этой шайкѣ негодяевъ! Отнынѣ я свободенъ, я буду сражаться одинъ за вѣру и настоящаго короля тамъ, въ моихъ дорогихъ горахъ, гдѣ никогда не знали, что такое измѣна.

Офицеръ всталъ.

— Мнѣ болѣе нечего здѣсь дѣлать, сказалъ онъ, надѣвая шапку.—Къ счастью, главные вожди возстанія понимаютъ нелѣпость и бессмысленность дальнѣйшаго сопротивленія и обѣщали положить оружіе.

— Каждый, возразилъ Гароте, бросая на офицера презрительный взглядъ,—имѣетъ право залѣзть въ грязь по самому шену.

Офицеръ низко поклонился и вышелъ. Не успѣлъ смолкнуть звукъ его шаговъ, какъ Гароте подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Цугарамунди!

Человѣкъ, обросшій волосами, похожій больше на пиренейскаго медвѣдя, показался въ дверяхъ. Это былъ свирѣпый спутникъ и адъютантъ необузданнаго гверильера. Въ партизанскихъ войнахъ онъ былъ его начальникомъ штаба.

— Мы идемъ въ походъ! сказалъ ему Гароте.

— Куда?

— Въ наши горы; арагонцы могутъ оставаться у себя дома.

— Слушаю. Когда выступать?

— Черезъ часъ. Заплати по счетамъ, приготовь лошадей. Если какой-нибудь изъ моихъ каталонцевъ захочетъ покориться, пусть идетъ съ Богомъ. Но прежде...

Цугарамунди, уже повернувшійся, чтобы уйти, остановился.

— Но прежде,—прибавилъ полковникъ, прикажи дать ему двадцать пять палокъ.

— Слушаю. А что сдѣлать съ плѣнникомъ?

— Съ плѣнникомъ? Ахъ да, я было совсѣмъ о немъ забылъ. Плѣнника...

Онъ принялся обдумывать, поглаживая бороду.

— Мы увеземъ съ собою. Сколько у насъ повозокъ?

— Пять.

— Назначь одну для него, если онъ не можетъ ходить.

— Не можетъ: рана, которую мы нанесли ему вчера, когда онъ хотѣлъ выскользнуть изъ монастыря, немножко ослабила его. Но вы развѣ не говорили, что его слѣдуетъ разстрѣлять? Такъ не лучше-ли бросить его.

— Мертваго?

— Или живого. Сеньоръ Маньясъ возьмется исполнить приговоръ

— Да, чтобъ мнѣ его снова выпустили. Нѣтъ, чортъ возьми, мы повеземъ его съ собою, и дорогой я распоряжусь. Есть-ли съ нами какой-нибудь патеръ?

— Нѣтъ ни одного.

— Ничего, встрѣтимъ дорогой. Накорми его хорошенько. Я не хочу, чтобъ онъ голодалъ. Онъ нашъ землякъ, Цугарамунди.

— Слушаю.

Съ этими словами вѣрный сателитъ вышелъ. Послѣ его ухода, первый прервалъ молчаніе Криспи, который, радуясь случаю заговорить о другомъ предметѣ, сказалъ:

— Ей-ей я удивляюсь, сеньоръ донъ-Карлосъ Наваро, вашей добротѣ къ этому исчадію сатаны. Я бы на вашемъ мѣстѣ приказалъ разстрѣлять его передъ дымящимися развалинами подожженного имъ монастыря. О, сеньоръ донъ-Карлосъ, морозъ подираетъ по кожѣ при мысли о томъ, сколько злодѣйства вкладываютъ Люциферъ въ нѣкоторыхъ людей!

Карлосъ въ отвѣтъ что-то проворчалъ.

— Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не кто иной, какъ этотъ посланникъ якобинцевъ поджегъ святой монастырь, съ дикимъ намѣреніемъ сжечь невинныхъ сестеръ. Не могу думать объ этомъ безъ содроганія.

Въ эту минуту Маньясъ разрѣзывать сосиску.

— Тѣмъ не менѣе, продолжалъ достопочтенный отецъ, засовывая въ ротъ половину сосиски, предложенную ему Мань-

ясомъ, — я бы постарался изслѣдовать... Безъ сомнѣнія, тутъ скрывается какая-то тайна. Этотъ человѣкъ...

— Сеньоръ Криспи, сказалъ Наваро, рѣзко перебивая его, — мы собрались не для того, чтобъ говорить объ этомъ человѣкѣ...

— Мы собрались... пробормоталъ Маньясъ и запнулся, ясно доказывая, что если прочіе явились съ какой-нибудь цѣлью, то онъ пришелъ только за тѣмъ, чтобы ѣсть сосиски и пить вино.

— Да, да, конечно, отвѣчалъ капеланъ, немного смутившись. — Мы собрались, чтобы уговориться относительно вопроса о сдачѣ Сольсона. Это дѣло важное. Городъ Сольсона не желаетъ ссориться съ королемъ, городъ Сольсона не желаетъ, чтобы на его главной площади выстроили висѣлицу, не желаетъ, чтобы солдаты графа Эспанья предали его огню и мечу.

— Ну, такъ скажите имъ... Вы, впрочемъ, сами знаете, что имъ сказать.

— Но что-же именно? Собраніе, поручившее мнѣ договориться съ вами о мирѣ, желаетъ остаться преданнымъ королю.

— Я ухожу.

— Если вы не хотите покориться, то это самое лучшее для спокойствія города. Остается узнать, кто послѣ васъ приметъ начальство надъ немногими апостольскими войсками, остающимися въ городѣ.

— Я передамъ власть дону-Педро Гвимаераенсу, единственному порядочному человѣку во всемъ околodgeѣ.

— Донъ-Педро отправился въ главную квартиру. Говорятъ, что графъ Эспанья далъ ему баталіонъ съ порученіемъ поддерживать желающихъ положить оружіе. За отсутствіемъ дона-Педро, я предложилъ-бы вамъ передать начальство Тилину.

— Но гдѣ этотъ Тилинъ?

— Представьте, онъ исчезъ, и я рѣшительно не могу понять, что-бы это значило. Я искалъ его цѣлый день и нигдѣ не могъ найти. Ночью онъ велъ себя героемъ; онъ первый вошелъ въ монастырь спасать бѣдныхъ монахинь. Съ тѣхъ поръ его не видали больше.

— Но гдѣ-же онъ?

— Я уже сказалъ вамъ, что ничего не знаю. Онъ имѣетъ привычку прятаться, когда бываетъ нуженъ, и соваться на глаза, когда никому до него нѣтъ дѣла.

— Ладно, сказалъ Гароте. — Такъ-какъ надъ отрядомъ апостольскихъ войскъ въ Сольсонѣ долженъ быть начальникъ; такъ-какъ эта грязная комедія, называемая миромъ, или, лучше, позоромъ, должна быть разыграна по всѣмъ правиламъ, то я передаю свою власть...

Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на Маньяса, допивавшаго мутные подонки послѣдней бутылки.

— Да, прибавилъ огненный гверильеръ, — апостольскія войска Сольсона вполне достойны чести имѣть начальникомъ пьяницу. Эй, Маньясь, я тебѣ передаю начальство. Бери жезлъ, скотина!

Затѣмъ, взявъ въ руки длинную колбасу, онъ два раза стукнулъ ею по головѣ пьянаго Маньяса и, бросивъ ее на столъ, вышелъ.

XXV.

Съ тѣхъ поръ, какъ придворные конюхи и поваренки, лакеи и солдаты, продавшіе себя двору 19 марта 1808 года въ Аранхуэцѣ, начали собою длинный рядъ гнусныхъ распадій, составляющихъ эпопею нашихъ междоусобій, не было возстанія отвратительнѣе апостольскаго бунта 1827 года. Кромѣ своего безобразія и бессмысленности, оно еще отличается совершенной темнотою своего происхожденія; никогда не было объяснено ясно и удовлетворительно, изъ-за чего оно вспыхнуло и къ чему стремилось. Тайственно началось оно, тайственно и кончилось, подобно тѣмъ трагедіямъ дѣйствительной жизни, въ которыхъ убійство и его жертва на лицо, а самъ убійца остается неизвѣстнымъ. Не было ни логики, ни плана въ возстаніи, какъ не было справедливости въ наказаніяхъ. Можно было бы подумать, что руководители этой кровавой интриги были тѣ самые люди, противъ которыхъ она была направлена, и что руки людей, раненыхъ лезвіемъ этого меча, сами выковывали его въ кузницахъ каталонскихъ горъ и закаливали въ монастыряхъ. Во всемъ, касающемся начала этого возстанія, есть какой-то поэтический, легендарный колоритъ. Исторія оказалась не въ силахъ освѣтить своимъ свѣтомъ этотъ хаосъ, который можно сравнить только съ мрачнымъ помѣшательствомъ самоубійства.

Какъ бы то ни было, но истинные виновники возстанія успѣли покориться королю, видя неудачу вызваннаго ими движе-

ніа. Они сообразили, что изъ мира могутъ извлечь для себя то, чего не могли извлечь изъ войны. Несомнѣнно, что темные руководители общества *Ангель-Истребитель* (употребляемъ это названіе за веимѣніемъ другого, чтобы какъ-нибудь окрестить эту клику) вышли совершенно сухи изъ воды послѣ этого кроваваго фарса. Наказаніе за ихъ преступленія понесли несчастные, вынишавшіе для нихъ каштаны изъ огня. Своими головами заплатили они за преступное честолюбіе другихъ.

Между тѣмъ, какъ возстаніе продолжало опустошать каталонскія долины, сцена дѣйствія переносится въ маленькій городокъ, которому никогда не выпадало на долю ни малѣйшей исторической роли.

Вечеромъ на другой день послѣ пожара Сан-Саломона маленькая двухколесная повозка ѣхала по отвратительной дорогѣ, идущей отъ Сольсоны въ Конку. Это былъ одинъ изъ чисто-испанскихъ экипажей, которые всего лучше назвать не тартаньями, а *костоломками*. Костоломка, занимающая теперь наше вниманіе, была на-глухо заперта, представляя собою нѣчто вродѣ высокой клѣтки съ дверцей сзади и маленькимъ окошечкомъ безъ стекла спереди. Сѣвось это окошечко жертва получала немного воздуха, что мѣшало ей задохнуться прежде, чѣмъ кости ея будутъ хорошенько перемяты, мясо достаточно размячено. Экипажъ этотъ везла прекрасная, горячая лошадь, привыкшая, очевидно, къ благородному сѣдлу, а не къ хомуту, что можно было заключить также и по прыжкамъ, которыми она ежеминутно грозила опрокинуть повозку. Управлялъ костоломкой человекъ, сидѣвшій въ полъ-оборота на дощечкѣ, прибитой къ правой сторонѣ ваги. Очевидно, онъ очень спѣшилъ пріѣхать поскорѣй къ мѣсту, потому что безпрестанно погонялъ лошадь хлыстомъ. Внутри находилась, по видимому, особа, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ сидѣвшаго снаружи, потому что между двумя ударами хлыста онъ поворачивалъ голову назадъ и, приставивъ лицо къ окошечку костоломки, старался ласковыми словами облегчить неудобства этого путешествія, похожаго на пытку. Только человекъ съ каменнымъ сердцемъ могъ бы не пожалѣть несчастнаго мученика, сидѣвшаго внутри. Но если къ тому же этотъ мученикъ ѣхалъ противъ своей воли, то былъ достоинъ состраданія не менѣе осужденнаго, ѣдущаго на роковыхъ дрогахъ.

Ночь была темна и тиха, но на горизонтѣ отъ времени до времени вспыхивала яркая зарница, предвѣстница близкой бури, и порывы горнаго вѣтра шумѣли листвою деревъ и поднимали облака пыли.

Ни души не было видно по всей дорогѣ.

Немногіе домики, попадавшіеся на пути, были заперты и безмолвны, какъ-будто въ нихъ все вымерло.

Но, наконецъ, костоломка приблизилась къ домику, въ которомъ видѣлся свѣтъ. Въ эту минуту изъ темной инквизиторской кѣтки раздался жалостный крикъ:

— Помогите!

Кучеръ сильно хлестнулъ коня, и когда они отъѣхали на значительное разстояніе отъ освѣщеннаго домика, онъ повернулъ голову и сказалъ:

— Напрасно кричите, сеньора. Никто не услышитъ, никто не придетъ.

— Помогите, помогите! повторялъ пронзительный голосъ, успѣвшій уже охрипнуть отъ крика. Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, жалобно, вѣроятно, сквозь слезы, онъ проговорилъ:

— Ради спасенія твоей души, Пепеть, ради твоей матери, отпусти меня, развяжи меня, брось посреди дороги и поѣзжай куда хочешь со своей проклятой повозкой. Я тебѣ буду благодарна, буду благодарна отъ всей души. Я тебѣ все прошу, Тилинь, я не буду тебя бояться; я буду вспоминать о тебѣ въ своихъ молитвахъ. Будь добрымъ, пожалѣй меня... развяжи, отпусти меня и ты спасешься отъ наказанія за свое святотатство. Подумай о Богѣ, Тилинь.

Но Тилинь не хотѣлъ думать о Богѣ. Блѣдный и мрачный, нахмуривъ брови и бормоча несвязныя слова, какъ убійца, вонзающій кинжалъ въ жертву, онъ шелъ прямо въ своей свирѣпой; цѣли. Пожираемый преступной страстью, овладѣвшей его огненной душой, онъ сходилъ съума при мысли о побѣдѣ и весь дрожалъ отъ нетерпѣнія.

Услыхавъ, что жертва его плачетъ въ своей кѣткѣ, онъ обернулся и сказалъ:

— Я злодѣй, это правда, я буду горѣть въ адскомъ огнѣ. Но кто этому причиной?

— Ты, ты, разбойникъ, поджигатель! Ты — чудовище, исчадіе

ада! воскликнулъ голосъ изъ своей таинственной кѣтки, сдѣлавшейся снова гнѣвнымъ.—Лучше бѣ въ тысячу разъ ты меня прямо убилъ. Ахъ какъ бы я была тебѣ благодарна!

Тилинъ стиснулъ зубы такъ крѣпко, что они заскрежетали. И онъ погонялъ коня, но ему все казалось, что онъ почти не подвигается впередъ. Какъ бы хотѣлось ему имѣть черныя крылья ангеловъ мрака, чтобы понести свою жертву черезъ темное небо въ глубокія пещеры, гдѣ бьются всѣ козни и искушенія противъ рода человѣческаго.

Тилинъ былъ истинный католикъ и вѣрилъ, что духи ада таковы именно, какъ рисуютъ ихъ католическія легенды. Онъ совершалъ святотатство, понимая, что онъ дѣлаетъ, и зная послѣдствія своего злодѣянія. Онъ совершалъ преступленіе не по отсутствію всякихъ понятій о нравственности и безнравственности, какъ это бываетъ съ обыкновенными преступниками, наполняющими собою ежедневно тюрьмы и каторги; преступленіе его вытекало изъ необузданности его ликихъ страстей, которыми ничто не могло противостоять. Сердце его, ринувшееся въ злодѣянія, было способно внезапно повернуть совершенно въ другую сторону. Это знала сестра Теодора де-Арансисъ, и потому, сдерживая свой гнѣвъ, она пыталась ласковыми словами тронуть своего ужаснаго врага. Она придавала голосу своему всю его волшебную нѣжность, она, можно сказать, пыталась обратить въ христіанство самого дьявола. Приблизившись къ окошечку и сложивъ съ мольбою руки, она сказала:

— Тилинъ, Тилинъ, клянусь тебѣ Богомъ и нашими патронами святыми Доминикомъ, что если ты отпустишь меня, я не буду сердиться на тебя, не буду помнить твоего зла. Напротивъ, буду вспоминать о тебѣ съ любовью, съ большой любовью. Никому не скажу я, что ты поджогъ монастырь; никому не скажу, что когда я выскочила изъ кельи, ты меня схватилъ, закуталъ и увезъ черезъ дверь пріемной, пока она не загорѣлась. Никому не расскажу я, какъ ты меня спряталъ въ какой-то лачужкѣ и какъ потомъ ты съ четырьмя другими разбойниками,—нѣтъ, не разбойниками, а твоими товарищами по заблужденію, — уложилъ меня въ эту проклятую повозку. Никому не скажу, что ты повезъ меня—куда, я и сама не знаю...

Тилинъ молчалъ. Вдругъ онъ остановилъ лошадь. Сердце се-

стры Теодоры, при этомъ неожиданномъ прекращеніи ея физическихъ страданій, забилось надеждою.

Но Тилинъ остановился для того, чтобы прислушаться къ отдаленному шуму, раздававшемуся гдѣ-то позади.

— Да, проговорилъ онъ про себя. — Ъдетъ отрядъ конницы и, кажется, довольно большой, судя по топоту коней.

Псаломщикъ на минуту смутился, но смущеніе его продолжалось не долго: съ быстротой и рѣшительностью, никогда непокидавшими его въ трудныя минуты, онъ сообразилъ, что дѣлать.

— Тилинъ, продолжала монахиня, — слышишь, что я тебѣ говорю? Пожалѣй же меня, вспомни, какъ я разъ спасла тебя отъ смерти, когда ты былъ опасно боленъ. Ты былъ тогда ребенкомъ, а я уже молодой дѣвушкой. Теперь я уже старуха. Чего тебѣ отъ меня нужно? Именемъ Бога, именемъ твоей матери заклиная тебя, скажи, куда ты меня везешь? Когда кончится это ужасное путешествіе?

— Въ Серданьѣ, отвѣчала Тилинъ, — на самой высотѣ, въ дикихъ, пустынныхъ горахъ, гдѣ неслышно голоса человѣческаго, гдѣ свободно гуляютъ дикіе вепри, тамъ есть у меня домикъ...

— И туда ты везешь меня, разбойникъ! съ отчаяніемъ воскликнула сестра Теодора, не будучи въ состояніи сдерживаться долѣе. — Нѣтъ, я стану кричать и кто-нибудь меня услышитъ. Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться! Неужели здѣсь нѣтъ чело-вѣческой души? Господи, за что ты меня повинулъ? Неужели я заслужила такое страшное наказаніе?

Тилинъ, очень встревоженный неожиданнымъ топотомъ коней, свернулъ съ дороги и скрылся за каменистый холмъ, думая про себя:

— Я пробуду здѣсь, пока отрядъ не пройдетъ мимо. Если не ошибаюсь, неподалеку отсюда долженъ быть развалившійся монастырь Regina Coeli. Тамъ нѣтъ никого, кромѣ нѣсколькихъ нищихъ монаховъ. Не дурно было бы мнѣ попытаться задобрить этихъ стариковъ. Мнѣ нужно провести въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ завтрашній день. Который бы теперь былъ часъ? Вѣроятно, около двѣнадцати. Проклятая повозка — съ ней никогда не дойдешь. Крылья, крылья бы мнѣ. Только я способенъ рѣшиться на путешествіе съ такими препятствіями. Если мнѣ оно

удастся, Люциферъ долженъ будетъ говорить мнѣ: ваше превосходительство.

Повозка медленно подвигалась впередъ, потому что въ темнотѣ и по такой дорогѣ почти невозможно было ѣхать. Вдругъ раздался сухой, металлическій трескъ, и повозка опрокинулась на бокъ. Сестра Теодора вскрикнула, Тилинъ пробормоталъ проклятіе, отъ котораго затрепетали бы небо и земля, если бы земля и небо обращали вниманіе на людскія проклятія. У повозки сломалась ось.

— Видишь, видишь? воскликнула сестра Теодора, стараясь скрыть свою радость.—Что это значить, Тилинъ? Развѣ ты не видишь въ этомъ руку Провидѣнія, рѣшившуюся остановить тебя на твоёмъ преступномъ пути? У тебя доброе сердце, у тебя есть совѣсть, хотя и очень отуманенная теперь. Подумай, сынъ мой...

Она старалась говорить самымъ мягкимъ и трогательнымъ голосомъ, хотя внутренно дрожала отъ страха при мысли, что это несчастіе можетъ до такой степени ожесточить ея похитителя, что онъ рѣшится на какое-нибудь ужасное насиліе. Въ эту минуту она тоже услышала топотъ коней и стала прислушиваться, моля Бога о помощи. Тилинъ также весь превратился въ слухъ.

— Клянусь когтями и хвостомъ дьявола, пробормоталъ онъ,— это отрядъ Гароте, выступившій сегодня изъ Сольсоны.

Онъ взглянулъ на свою повозку, лежавшую на землѣ, подобно кораблю, только-что потерпѣвшему крушеніе. Отрывъ дверцу, онъ помогъ вылѣзть сестрѣ Теодорѣ, которая едва могла двигаться послѣ жестокой пытки въ своей костоломѣ. Монахиня сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы убѣдиться, держатъ-ли ее ноги. Тилинъ мрачно сказалъ:

— Это легко поправить. Въ милѣ отсюда есть кузнецъ Гаспаръ Кортъ; онъ держитъ также повозочныя оси. Я пойду къ нему, до свѣта вернусь съ осью, и мы поѣдемъ дальше.

— А я, сумасшедшій ты человекъ, воскликнула сестра Теодора, видя, что ея положеніе чрезвычайно улучшилось,—я буду ждать тебя здѣсь такъ-же спокойно, какъ еслибы сидѣла въ кельѣ своего монастыря? Ахъ, какъ-же ты простъ! Теперь всему конецъ, пошелъ прочь отъ меня!

— Нѣтъ, нѣтъ, сеньора, прошепталъ онъ, крѣпко схвативъ за

руку свою жертву,—не все еще кончено. Такого человека, какъ я, не побѣдитъ сломанная ось.

Почувствовавъ желѣзную руку Тилина, сестра Теодора поручила свою душу Богу. Мракъ и безмолвіе окружающаго лѣса внушали ей невыразимый ужасъ. Тѣмъ не менѣе, призвавъ на помощь всѣ силы своей души, она рѣшилась бороться до конца, пуская въ ходъ весь свой умъ, хитрость и находчивость и даже въ случаѣ нужды—физическую силу.

— Тилинъ, сказала она торжественно,—какъ ты ни предашь сатанѣ, но все-таки не можешь не понять, что голосъ Божій заговорилъ къ тебѣ и рука его остановила тебя на пути твоего злодѣйскаго замысла.

Тилинъ молчалъ. Онъ только все крѣпче и крѣпче сжималъ въ своей рукѣ драгоценную руку, подобно скупцу, схватившемуся за сокровище, котораго онъ боится лишиться. Глаза его мрачно смотрѣли въ землю.

— Тилинъ! продолжала монахиня, начиная чувствовать возможность умолить этого непреклоннаго человека.—Послушай, подумай о Богѣ, о своемъ преступленіи. Загляни въ свою совѣсть. Спаси, спаси себя, сынъ мой, отъ вѣчной гибели.

Въ эту минуту въ лѣсу, на очень недалекомъ разстояніи, раздался ударъ колокола.

— Гдѣ это звонятъ?

— Въ Regina Coeli! воскликнулъ Тилинъ, топая ногою объ землю.

— Монастырь, прибѣжище! Боже, наконецъ ты услышалъ мою молитву!

Монахиня ликовала. Но Тилинъ продолжалъ сжимать ея руку.

На очень близкомъ разстояніи послышался топотъ отряда, нѣсколько времени тому назадъ заставившій Тилина свернуть съ дороги.

— Солдаты! воскликнула сестра Теодора въ себя отъ радости;—я спасена! Выпусти меня, разбойникъ, сказала доминиканка, чувствуя, что теперь она въ всякой опасности,--выпусти, или я...

Она дернула руку съ крикомъ: помогите!

— Заполчите, замолчите, прорычалъ Тилинъ, выпуская ея руку.

Монахиня сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ колокольному звону. Тилинъ догналъ ее.

— Вы свободны, сказалъ онъ.— Можете просить убѣжища въ Regina Coeli. Признаю себя побѣжденнымъ. Дьяволъ посмѣялся надо мной.

— Не смѣй идти за мной, извергъ! Не смѣй идти!

— Что подумаютъ о монахинѣ, которая является одна въ такую пору просить крова въ мужскомъ монастырѣ?

Сестра Теодора остановилась.

— Что мнѣ до того! отвѣчала она.— Все, что угодно, лишь бы не быть въ твоей власти, чудовище! Не смѣй идти за мной!

— Я тоже хочу попроситься ночевать въ Regina Coeli, я тоже усталъ.

Но Теодора убѣжала впередъ, не слушая его болѣе. Въ темнотѣ она заблудилась было на минуту, но вскорѣ вышла на прогалину и увидѣла темный контуръ Regina Coeli. Колоколь по прежнему звонилъ. Она разглядѣла дверь, въ двери свѣтъ, освѣщавшій фигуру мужчины, монаха, однимъ словомъ, кого-то. Не колеблясь ни минуты, она пошла туда.

XXVI.

— Монахиня! съ удивленіемъ воскликнулъ человѣкъ, стоявшій въ двери— дряхлый, дрожащій старичекъ, закутанный въ монашескую сутану. Казалось, что у него не было силъ поднять болтавшійся у него на рукѣ фонарь, освѣщавшій болѣе фигуру его спутника, одѣтаго въ военную форму.

— Монахиня! повторилъ послѣдвій, прежде чѣмъ де-Арансисъ успѣла объяснить причину своего появленія.

— Да, я монахиня изъ Сан-Саломона, сказала Теодора,— и прошу убѣжища у почтенныхъ отцовъ, офицеровъ, солдатъ или кого бы то ни было, занимающихъ въ настоящее время эту обитель. Впрочемъ, я, кажется, имѣю удовольствіе говорить съ сеньоромъ дон-Педро Гвимааренсомъ?

— Съ нимъ самимъ, сеньора, отвѣчалъ благородный полковникъ, вѣжливо снимая фуражку и направляя свѣтъ фонаря на монахиню.— Вы, если не ошибаюсь, мать Теодора де-Арансисъ?

— Да, я Теодора де-Арансисъ, отвѣчала она.— Вы удивляе-

тесь, конечно, моему появленію здѣсь, сказала она съ большимъ смущеніемъ, какъ человѣкъ, еще неуспѣвшій придумать ложь, которую долженъ рассказать. — Вамъ извѣстно, конечно, что въ прошлую ночь нашъ монастырь сгорѣлъ... Я ѣхала къ своему дядѣ, въ Балагуэръ, потому что чувствую себя не совсѣмъ здоровой... Ужасный случай... повозка моя сломалась... сломалась ось... я осталась одна посреди дороги... т. е. не одна, а съ кучеромъ моего дяди.

— Мнѣ не нужно никакихъ объясненій, чтобы дать вамъ убѣжище, почтенная мать, сказалъ Гвимаераенсъ, прислушивавшійся болѣе къ топоту приближавшагося отряда, чѣмъ къ лепету сестры Теодоры. — Я нахожусь здѣсь по обязанностямъ службъ, исполняя порученіе, данное мнѣ графомъ Эспанья. Пунктъ этотъ какъ нельзя болѣе удобенъ, чтобы прервать сообщеніе между долиной Кардонера и Конкою. Пока я занялъ монастырь съ небольшимъ отрядомъ. Завтра должны прибыть подкрѣпленія. Во всякомъ случаѣ, сеньора, вы можете отдохнуть у насъ до утра, хотя мы не можемъ предложить вамъ никакихъ удобствъ. Не правда-ли, отецъ Хуанико?

— Это ничего, возразила доминиканка, входя въ монастырь. — Съ меня довольно, что я въ безопасномъ мѣстѣ.

— Извините, почтенная мать, продолжалъ дон-Педро, снова снимая фуражку и низко кланяясь, — что я не могу проводить васъ до вашей комнаты, — я слышу топотъ коней и долженъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Идите, идите, полковникъ, сказалъ старичекъ-монахъ, — я провожу почтенную мать въ пріемную комнату для гостей. Съ вами нѣтъ-ли прислуги? Не пріѣхала-ли вмѣстѣ съ вами другая мать или пара или подюжины матерей?

Не будучи въ состояніи отвѣтить на эти вопросы, сестра Теодора молча слѣдовала за своимъ провожатымъ. Со двора доносились до нея голоса и пѣсни солдатъ, занимавшихъ монастырь. Сестра Теодора была до такой степени ошеломлена всѣмъ, что съ нею случилось, что не потрудилась даже отдать себѣ ясный отчетъ въ своемъ новомъ положеніи. Она понимала только, что находится въ полной безопасности, потому что въ то время монашеская ряса внушала глубокое уваженіе солдатамъ. Однако, ей

необходимо было выдумать что-нибудь для благовиднаго объясненія своего появленія здѣсь и снова вернуться въ Сольсону, не подвергаясь опасности вторично попасться въ страшные когти своего преслѣдователя.

Дон-Педро поспѣшно вышелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, а отецъ Хуанико повелъ сестру Теодору по полуразрушенному монастырю, предупреждая ее смотрѣть себѣ подъ ноги, чтобы не споткнуться о камни, заграждавшіе путь.

— Этотъ монастырь, сеньора, рассказывалъ дряхлый монахъ, — стоитъ въ такомъ видѣ со времени нашествія французовъ въ 1810 году. Regina Coeli былъ мужской монастырь. Насъ было тридцать пять человекъ, теперь же насъ всего двое: отецъ Мартинъ-безгрѣшное-зачатіе и я. Ужасенъ былъ, должно быть, пожаръ Сан-Саломона...

Отецъ Хуанико останавливался каждые пять-шесть шаговъ, не безъ труда поворачивая къ монахинѣ свою дряхлую, трясущуюся головенку, и презабавно улыбался ей.

— Да, насъ только двое, сеньора, продолжалъ онъ, освѣщая загроможденный камнями полъ. — Мы питаемся милостыней, живемъ спокойно, ожидая смерти, которая уподобитъ насъ этимъ камнямъ. Немногое, что еще осталось отъ Regina Coeli, также обратится въ прахъ. Мы жили покойно, сказалъ я, сеньора, но это только до сегодняшней ночи, до десяти часовъ, когда къ намъ внезапно нагрянулъ этотъ дон-Педро Гвимаераенсъ съ семьюдесятью солдатами его величества. Ну, дочка, нечего сказать! Бѣдный Мартинъ-безгрѣшное-зачатіе съ двухъ часовъ долженъ звонить на колокольнѣ, и дон-Педро не позволяетъ ему ни минуты отдохнуть: все звони да звони. Эти дьяволы военные, сеньора, ужасные деспоты. Осторожнѣе! Не споткнитесь объ эту могильную плиту. Вотъ здѣсь проходите, здѣсь, сеньора... И это еще не все. Этимъ звономъ дается знакъ бригадѣ, цѣлой бригадѣ дьяволовъ въ мундирахъ, которые должны нагрянуть на монастырь! Ну ужъ будетъ намъ! И для чего имъ вздумалось беспокоить двухъ бѣдныхъ, умирающихъ монаховъ, ожидающихъ съ часу на часъ отшествія на тотъ свѣтъ? Но что будешь дѣлать? Приходится испить эту горькую чашу. Бѣдный братъ Мартинъ, опять, видно, усталъ... Вотъ, сеньора, единственное помѣщеніе, которое мы мо-

жемъ предложить вамъ. Пойду посмотрѣть, не пріѣхала-ли ваша прислуга.

— Но вѣдь здѣсь нельзя ночевать! съ ужасомъ воскликнула Теодора де-Арансисъ, осматривая голыя стѣны огромной, холодной, пустой залы съ дыривой крышей и усыпаннымъ камнями поломъ.

— Что дѣлать? У насъ нѣтъ другого помѣщенія. И не ждите, сеньора, чтобы мы вамъ предложили постель, потому что у насъ самихъ нѣтъ постелей. Мартинъ-безгрѣшное-зачатіе и я—мы оба спимъ на полу.

Сестра Теодора продолжала разсматривать свое новое жилище. Обломокъ алтаря и куча извѣденныхъ червями досокъ должны были служить стульями. Сложенныя другъ на друга гробовыя плиты съ надписями и гербами замѣняли собою столъ.

Испугавшись въ первую минуту, сестра Теодора вскорѣ успокоилась, понявъ, что ей было теперь не до роскоши.

— Ничего, спасибо, почтенный отецъ, сказала она.— Оставьте мнѣ фонарь и помогите запереть окна.

— Эти окна не запираются, съ улыбкой сказалъ старичекъ.— Не запирается и эта дверь, почтенная мать. Однимъ словомъ, здѣсь ничто не запирается. Въ Regina Coeli нѣтъ ни ключей, ни замковъ, ни запоровъ. Вы можете подпереть дверь бревномъ. Сегодня нѣтъ вѣтра, и она не отперется. А лампу я сейчасъ принесу.

Очень долго монахиня оставалась одна въ темнотѣ, погруженная въ размышленія о своемъ положеніи, и начинала уже терять терпѣніе, когда вернулся отецъ Хуанико. Онъ поставилъ мѣдный фонарь на грудѣ гробовыхъ плитъ, замѣнявшихъ собою столъ, и въ изнеможеніи опустился на бревно.

— Позвольте мнѣ отдохнуть немного, почтенная мать, сказалъ онъ.— Силъ моихъ нѣтъ больше. Этотъ безбожникъ Гвимаараенсъ отниметь у насъ послѣднюю искру жизни. Слышите? Опять звонить несчастный братъ Мартинъ-безгрѣшное-зачатіе. Ахъ, какъ я изморился отъ этой бѣготни туда и сюда! Мы бы давно уже спали теперь на нашихъ доскахъ, еслибъ эти варвары не забрались къ намъ. Ахъ, а что еще будетъ!

— Будьте терпѣливы, братъ, сказала доминиканка, усаживаясь съ нимъ рядомъ.

— Ну вотъ, я вамъ рассказывалъ, продолжалъ монахъ, обнаруживая, что языкъ его утомленъ гораздо менѣе, чѣмъ ноги:— отрядъ, проходившій по дорогѣ, оказался волонтерами дон-Карлоса Гароте. Нѣсколько дней тому назадъ они пришли въ Сольсону и теперь возвращаются домой. Сеньоръ Гвимараенсъ отобралъ отъ нихъ оружіе, и они пошли себѣ дальше. Съ ними былъ плѣнникъ, злодѣй изъ гнусной породы якобинцевъ. Говорятъ, что это онъ поджегъ монастырь Сан-Саломона.

Сестра Теодора вздрогнула, какъ будто ее укусила змѣя. Она устремила свои черные глаза на морщинистое лицо Хуанико и вся превратилась въ слухъ. Поощренный ея вниманіемъ, старикъ продолжалъ:

— Такъ-какъ Гароте возвращается домой безъ оружія, то онъ оставилъ своего плѣнника сеньору Гвимараенсу, поручивъ ему расправиться съ нимъ самому. Ахъ, что за времена! Его разстрѣляютъ.

Сестра Теодора вскочила. Глухой шумъ на дворѣ привлекъ ея вниманіе. Она стала смотрѣть въ окно.

— Вотъ его ведутъ, пояснилъ монахъ, указывая на группу темныхъ фигуръ, оживленно двигавшихся въ глубинѣ.—Его посадятъ въ подземелье; тамъ прежде былъ склепъ, а теперь мы складываемъ туда дрова.

Сестра Теодора ничего не видѣла, кромѣ двигавшихся тѣней, но она поняла все. Сердце забилось въ ней съ небывалою силой.

— До свиданія, сеньора, желаю вамъ спокойной ночи, сказалъ отецъ Хуанико, вставая.—Ахъ, я и забылъ сказать вамъ, что сеньоръ Гвимараенсъ хочетъ навѣститъ васъ. Вѣроятно, онъ будетъ въ хлопотахъ всю ночь. Кажется, уже подходитъ его бригада. Слава-богу, отдохнетъ, наконецъ, бѣдный Мартинъ. Спокойной ночи. Я видѣлъ, какъ вошло нѣсколько человѣкъ не военныхъ,— вѣроятно, ваша прислуга, достопочтенная мать.

— У меня нѣтъ прислуги, быстро проговорила сестра Теодора.

— Какъ, неужели вы пришли одни? съ удивленіемъ спросилъ отецъ Хуанико, широко раскрывая глазки.

— Одна, совершенно одна! воскликнула монахиня, не думая о своей репутаціи.

Отецъ Хуанико хотѣлъ было перекреститься, но не перекрестился. Ему показалось, что слѣдуетъ уйти, и онъ вышелъ.

Де-Арансисъ сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери, но вдругъ остановилась. Она схватилась за голову, потомъ стала ломать руки. Можно смѣло утверждать, что втеченіи тридцати двухъ лѣтъ ея жизни ей никогда не приходилось испытывать такого волненія. Оно было такъ сильно, что послѣднія приключенія ея съ Тилиномъ показались ей чѣмъ-то далекимъ, нестоящимъ вниманія. Ужасная драма, недавно пережитая ею, была теперь въ ея глазахъ чѣмъ-то постороннимъ, вѣдшимъ, неимѣвшимъ никакого отношенія къ ея внутренней жизни.

Теодора была такъ сильно взволнована, такъ поглощена собственными мыслями, что не замѣчала, что за нею кто-то подсматриваетъ. Снаружи, сквозь открытое окно, за нею внимательно слѣдила черная фигура, взгромоздившаяся на кучу камней. Она не замѣчала зеленого блеска глазъ коршуна, высматривавшаго свою добычу.

XXVII.

Непоколебимый гверильеръ, дон Карлосъ Гароте, пламенное негодованіе и рѣзкія рѣчи котораго въ сущности заключали въ себѣ значительную долю правды, дѣйствительно долженъ былъ оставить часть своего оружія въ Regina Coeli. Было-бы фанфаронствомъ съ его стороны вступать въ бой. Онъ не покорялся, онъ уклонялся отъ борьбы. Онъ не хотѣлъ выпустить ни одного выстрѣла противъ апостольскаго возстанія, но также ни одного въ пользу короля, двуличность котораго была ему извѣстна лучше, чѣмъ кому-бы то ни было. Вѣжливый и почтительный съ дон-Педро Гвимараенсомъ, который пользовался его уваженіемъ, онъ не только сдалъ часть своего оружія, но и оставилъ важнаго плѣнника, поручивъ ему поторопиться расправой съ нимъ. Самъ-же Гароте отправился далѣе, намѣреваясь черезъ Конку пробраться въ Арагонъ.

Не успѣлъ онъ пройти нѣсколькихъ миль отъ Regina Coeli, какъ его маленькій и безоружный отрядъ столкнулся съ отрядомъ вооруженнымъ и сравнительно большимъ. Это была бригада, посланная графомъ Эспанья въ подкрѣпленіе Гвимараенсу для занятія Regina Coeli. Гвимараенсъ, по приказанію главнокомандующаго, занялъ еще наканунѣ монастырь, чтобы помѣшать про-

тивникамъ овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Колокольный звонъ былъ знакомъ, заранѣе условленнымъ между командиромъ бригады и Гвимааренсомъ.

Гароте зналъ, что ему придется встрѣтиться съ этимъ отрядомъ; зналъ онъ также, что командуетъ имъ его старинный другъ, и, желая повидаться съ этимъ другомъ, поспѣшилъ навстрѣчу отряду. Поравнявшись съ авангардомъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ командиръ? Гдѣ мой дорогой другъ, сеньоръ дон-Франциско Чаперонъ?

Ему отвѣчали, что Чаперонъ ѣдетъ недалеко, и нѣсколько минутъ спустя доблестный наварецъ и бывший президентъ военно-судной комисіи крѣпко сжимали другъ друга въ объятіяхъ, перегнувшись съ коней, такъ-что на мгновеніе казались однимъ человекомъ на двухъ лошадяхъ.

— Клянусь святѣйшими дарами, воскликнулъ бригадиръ, — не ждалъ я такой пріятной встрѣчи. Я зналъ, что вы гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, но мнѣ не могли сказать, гдѣ именно. А куда вы теперь ѣдете? Вѣроятно, домой?

— Я возвращаюсь къ себѣ въ горы, возвращаюсь безъ оружія, безъ иллюзій, безъ надеждъ... Меня хотѣли опутать интригами, запачкать разными договорами, и я уйду. Это была комедія, сеньоръ Чаперонъ, но какая комедія!

— Ахъ, милый, стойте-ли горячиться? Развѣ вы не знаете, что все на свѣтѣ комедія? Къ чему повела-бы эта война? Будемъ говорить откровенно, какъ слѣдуетъ друзьямъ. Насчетъ будущаго я не говорю ничего, но теперь... Ну ихъ, эти каталонскія затѣи! Нужно подавить возстаніе, во что-бы то ни стало, иначе имъ воспользуются либералы. Я всегда говорилъ: если начнутся раздоры въ партіи порядка, масоны садутъ намъ на шею.

— Въ этомъ дѣлѣ либералы не при чемъ.

— Полноте! Куда ни посмотришь, вездѣ замышляются ужасныя козни. Развѣ не либералы своими коварными обѣщаніями побуждаютъ апостольское войско не сдаваться? Я сказалъ графу: „сеньоръ графъ, пока останется въ живыхъ хоть одинъ либералъ, не будетъ мира въ королевствѣ“, и графъ одного со мной мнѣнія. Часто онъ говоритъ мнѣ: „милый Чаперонъ, здѣсь намъ приходится цѣлить въ одно мѣсто, а бить въ другое“, и я того же мнѣнія... Эхъ, любезный другъ, поворачивайте-ка коня, и

ѣдемъ вмѣстѣ въ Regina Cœli. Это должно быть близко. Разо-
пьемъ бутылку вмѣстѣ.

— Не могу, сеньоръ Чаперонъ. Regina Cœli въ двухъ шагахъ,
тамъ отдохнете. Я оставилъ тамъ для васъ славный гостинецъ.

— Что нибудь къ ужину? спросилъ Чаперонъ. — Признаться,
я голоденъ, какъ волкъ.

— О, нѣтъ.

— Такъ что-же тамъ есть для меня?

— Либераль.

— А на что мнѣ либераль? Они мнѣ нужны только для того,
чтобы ихъ разстрѣливать.

— Именно для этого я и оставилъ его вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А кто онъ?

— Великій злодѣй. Сегодня ночью мы поймали его на мѣстѣ
преступленія. Онъ поджегъ монастырь Сан-Саломона въ Сольсонѣ.

— Ну, милый, вы первый охотникъ на такого звѣря!

— Онъ присланъ въ Испанію изъ Лондона для составленія
заговоровъ. Это крупная птица: я давно его знаю. Онъ служилъ
сперва королю Іосифу, потомъ сталъ масономъ.

— Вотъ сокровище!

— Онъ мой землякъ. Зовутъ его Сальвадоръ Монсалюдъ.

— А, слышалъ, слышалъ.

— Но кто-же изъ слѣдившихъ за гнусными заговорами по-
слѣднихъ трехъ лѣтъ не слыхалъ о немъ?

— И онъ теперь въ Regina Cœli?

— Говоря откровенно, я не рѣшился оставить его въ Соль-
сонѣ, потому что не довѣряю сволочи, оставшейся тамъ. Очень
можетъ быть, что они выпустили-бы его. Потомъ мнѣ хотѣлось
разстрѣлять его дорогою, но, сеньоръ Чаперонъ, я добрый като-
ликъ и не могъ рѣшиться убить человѣка, не давъ ему возмож-
ности исповѣдаться. Мои убѣжденія не позволяютъ мнѣ отнять у
своего ближняго средства спасенія въ будущей жизни, хотя-бы
его и стоило убить, какъ собаку. Я не люблю поступать противъ
совѣсти. Скажите, хорошо-ли я сдѣлалъ?

— Превосходно. Вы не только храбрый солдатъ, но также
отличный теологъ. На такіе случаи я всегда имѣю при себѣ
своихъ капелановъ: они обрабатываютъ мнѣ въ пять минутъ лю-
бого преступника.

— Въ Regina Cœli есть два монаха.

— Это ужъ теперь мое дѣло, любезно сказалъ Чаперонъ.

— Надѣюсь, что вы не оставите безъ наказанія величайшаго изъ преступниковъ.

— Помилуйте, за кого вы меня принимаете? Не говоря уже о томъ, что для меня большое удовольствіе раздавить голову какой-нибудь гадинѣ, я не захочу подвергнуться гнѣву главнокомандующаго. Вы знаете, что если графъ узнаетъ, что у меня была въ рукахъ такая птица, какъ этотъ Монсалюдъ, и что я ее выпустилъ... Нѣтъ, я не хочу и думать объ этомъ. Мнѣ кажется, что онъ велѣлъ-бы прогнать меня съвозъ строй, какъ послѣдняго рекрута. Дисциплина и истребленіе черныхъ—вотъ два полюса, вокругъ которыхъ вращается великій умъ графа Эспаньи. Его называютъ съумасшедшимъ. Пустяки. По моему, это самый благоразумный человѣкъ. Подлюжины такихъ, какъ онъ, очистили бы весь міръ. Такого непреклоннаго человѣка никогда не было и не будетъ. Если его сынъ не встанетъ во-время, графъ посылаетъ къ нему взводъ барабанщиковъ. Они тихонько подкрадываются къ его кровати и вдругъ—трахъ-тарарахъ—начинаютъ бить тревогу, и мальчикъ просыпается, подпрыгивая до потолка. Если графъ велитъ дочери къ такому-то времени кончить вышиванье, то оно должно быть кончено, иначе онъ ставитъ ее на балконъ на часы со щеткой на плечъ на два, три, четыре часа, смотря по винѣ. Не балуетъ онъ даже и сеньору графиню. Если она подастъ ему за обѣдомъ кушанье не по вкусу, онъ сажаетъ ее подъ арестъ въ собственной комнатѣ на пять, шесть дней и приставляетъ къ дверямъ караульнаго офицера.

— Ну, это ужъ черезчуръ.

— Нѣтъ, по-моему онъ правъ. Въ наше время человѣкъ долженъ быть очень энергиченъ. Вездѣ уваженіе къ власти слабѣетъ съ каждымъ днемъ и придетъ время, когда не будетъ ни покорности, ни дисциплины и тогда прощай общественный порядокъ! Испаніи недостаетъ именно такихъ людей, Карлосъ. Иначе, одному Богу извѣстно, до чего мы дойдемъ. Говорятъ, графъ помѣшанный. По моему, онъ единственный человѣкъ, способный справиться съ либералами. Его не смутятъ разные пустяки. Онъ медленно по-двигается впередъ и выметаетъ да выметаетъ страну — разстрѣ-

ливаніями... Однако, я васъ задерживаю своей болтовней, а теперь ужь поздно.

— Да, поздно, а мнѣ хотѣлось-бы доѣхать къ утру до Бонки. Мнѣ очень пріятно поговорить съ вами, но пора разстаться.

— Другъ, воскликнулъ Чаперонъ добродушнымъ тономъ, — надѣюсь, что придетъ день, когда мы будемъ сражаться въ однихъ рядахъ за одно и то-же дѣло.

— Надѣюсь и я.

— Обнимемся на прощаніе!

Они обнялись. При разставаньи Чаперонъ сказалъ:

— Спасибо за подарокъ.

— Я забылъ предупредить васъ, замѣтилъ Гароте, придерживая коня. — Дон-Педро Гвимаараенсъ, начальствующій надъ отрядомъ въ Regina Coeli, кажется мнѣ человѣкомъ нѣсколько слабымъ, способнымъ на снисходительность.

— Вотъ какъ! Ну, такъ я же съ нимъ побесѣдую.

— Можетъ статься, что онъ станетъ говорить о необходимости освободить якобинца. Онъ — размазня и законникъ.

— Хорошо же, пусть поговорить. Я сдумѣю ему отвѣтить.

Оба всадника пришпорили коней.

— Нужно быть безпощаднымъ! крикнулъ Гароте.

Чаперонъ засмѣялся. А бѣшеный гверильеръ, отѣхавъ еще дальше, повторилъ:

— Безпощаднымъ!

Затѣмъ уже ничего нельзя было слышать среди командныхъ криковъ, топота и ржанія коней. Шумъ, производимый двигавшимся отрядомъ, походилъ на жужжаніе огромной тучи саранчи, постепенно надвигающейся на покрытую мракомъ страну. Отрядъ шелъ на колокольный звонъ и вскорѣ увидѣлъ предъ собою чернѣйшій контуръ монастыря.

Сеньоръ бригадиръ былъ встрѣченъ дон-Педро Гвимаараенсомъ, который провелъ его внутрь монастыря. Чаперонъ обошелся съ дон-Педро крайне сухо и начальнически. Когда-же они остались вдвоемъ, онъ сказалъ, что пришелъ въ Каталонію не для того, чтобы нѣжничать, и что онъ во всемъ намѣренъ сообразоваться съ идеями главнокомандующаго графа дон-Карлоса Эспаньи. Онъ прибавилъ, что не совѣтуетъ дон-Педро толковать о милосердіи

и раскисать, какъ актеръ, играющій чувствительную драму. Затѣмъ, пройдясь по пустой залѣ и увидѣвъ, что въ ней нѣтъ кроватей, онъ сказалъ, что будетъ спать въ креслѣ, потому что для такихъ людей, какъ онъ, не нужно никакихъ нѣжностей. Онъ велѣлъ подать себѣ кувшинъ вина, хлѣбъ и, выпувъ холодную говядину, которую возилъ въ своемъ мѣшеѣ, разложилъ на землѣ плащъ, пригласивъ Гвимаераенса и двухъ другихъ полковниковъ раздѣлить съ нимъ его скромную трапезу. Дон-Педро принялъ предложеніе, хотя и не былъ голоденъ. Во время ужина Чаперонъ ни на минуту не умолкалъ. Онъ хотѣлъ объяснить всѣмъ, что онъ безпощаденъ, совершенно безпощаденъ, и что онъ намѣренъ оправдать довѣріе графа Эспаньи, своего начальника и друга.

Выглянувъ затѣмъ на балконъ, выходившій на старый, заспанннй мусоромъ дворъ, онъ сказалъ:

— Все *черно* вокругъ. Полковникъ Гвимаераенсъ! Завтра ровно въ шесть часовъ выстройте на этомъ дворѣ взводъ солдатъ и разстрѣляйте якобинца. Ровно въ шесть. Я хочу полюбоваться на казнь съ этого балкона; хочу видѣть ее собственными глазами.

Затѣмъ онъ усѣлся въ кресло, вытянулъ ноги, подперъ голову рукой и сказалъ:

— Я хочу отдохнуть немного. Теперь три часа. Въ три четверти шестого прикажите разбудить меня.

Всѣ вышли и вскорѣ „людоѣдъ“ захрапѣлъ. Гвимаераенсъ пошелъ отдавать приказанія и, пробывъ довольно долго въ нижнемъ этажѣ среди подчиненныхъ ему офицеровъ, вспомнилъ, что нѣсколько времени тому назадъ сестра Теодора де-Арансисъ приехала ему сказать, что желала-бы переговорить съ нимъ. Довольный случаемъ оказать услугу дамѣ, онъ отправился въ ея пещеру и очень долго бесѣдовалъ съ ней. О чемъ они говорили—мы не знаемъ; впрочемъ, это, быть можетъ, отгадаетъ тотъ, кто прочтетъ слѣдующія главы.

ГЛАВА XXVIII.

Дон-Педро вышелъ съ низко-опущенной головой. Оставшись одна, сестра Теодора сѣла на камень и, опершись локтемъ на столъ изъ гробовыхъ плитъ, задумалась. Очень долго остав-

лась она въ такой позѣ, погруженная въ глубокую задумчивость. Никогда еще не испытывала она такой внутренней пытки. Она спрашивала себя, почему такъ интересуется ее судьба человѣка, къ которому она должна бы чувствовать совершенное равнодушіе, — и не могла дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Напрасно пыталась она подавить въ себѣ это чувство: противъ него оказывались безсильными всѣ доводы разума. Врагъ ея овладѣлъ не только ея воображеніемъ и сердцемъ, но и умомъ.

Въ головѣ ея гвоздемъ засѣла одна неизмѣнная, мучительно-ясная и неотвязная мысль, что будетъ величайшимъ несчастіемъ и ужаснѣйшей несправедливостью принести въ жертву жизнь незнакомца, сидящаго въ настоящую минуту въ склепѣ Regina Coeli. Ни за что на свѣтѣ не хотѣла она допустить, чтобъ погибла эта изящная и граціозная фигура, этотъ мужественный обликъ, этотъ кроткій и двѣстѣ пронизательный взглядъ, это благородство рѣчей. Въ эту минуту таинственность его прошлой жизни и самая насильственность его вторженія въ ея келью, искупленная такимъ благородствомъ впоследствии, — все вызывало неоодолимую симпатію въ душѣ сестры Теодоры де Арансисъ. Она возмущалась при мысли о томъ, что его обвиняютъ въ поджогѣ монастыря. Такая клевета должна была привести въ негодованіе небо и землю...

Волненіе ея было такъ велико, что ей не приходило въ голову подумать о непристойности своего участія къ этому человѣку. Послѣ двѣнадцати лѣтъ монашества и скучной обрядовой набожности, Теодора де-Арансисъ потеряла вдругъ все свое душевное спокойствіе изъ-за какого-то незнакомца. Быть можетъ, въ эти двѣнадцать лѣтъ монашества она не успѣла еще сдѣлаться настоящей монахиней; быть можетъ, эти длинныя, тяжелыя двѣнадцать лѣтъ были только мучительнымъ сномъ и теперь голосъ мужчины разбудилъ ее. Можетъ быть также, что настоящая молодость сестры Теодоры начиналась какъ-разъ съ той минуты, когда Серветъ вошелъ въ ея келью, и крикъ ужаса, вырвавшійся изъ ея груди при видѣ поруганія ея дѣвственнаго жилища, былъ послѣдней данью ея дѣтству.

Противъ всѣхъ этихъ невыгодныхъ для нея предположеній сестра Теодора горячо протестовала:

— Нѣтъ, повторяла она, — я чувствую жалость, одну жалость къ этому человѣку!

Но это была жалость безконечная, всепоглощающая, заставлявшая ее забыть все, что она пережила: и пожаръ въ монастырѣ, и свое похищеніе, и путешествіе съ Тилиномъ, и даже двѣнадцать лѣтъ монашества.

Сестра Теодора такъ погрузилась въ свои размышленія, что не замѣтила, какъ въ окно высунулась чья-то черная голова, потомъ плечи и, наконецъ, весь Тилинъ прыгнулъ съ подоконника и осторожно, какъ кошка, подкрался къ ней. Вѣтеръ, врывавшійся изъ всѣхъ отверстій, колебалъ пламя фонаря, заставляя его то вспыхивать, то почти совершенно тухнуть. Теодора замѣтила Тилина только въ ту минуту, когда онъ подошелъ совсѣмъ близко и остановился прямо предъ нею, скрестивъ руки на груди. У нея вырвалось восклицаніе удивленія и только: присутствіе врага, повидимому, не внушало ей больше прежняго ужаса.

Тилинъ удивился такой спокойной встрѣчѣ; онъ ждалъ, что на него, по обыкновенію, обрушится цѣлый потокъ проклятій. Всѣ свои надежды онъ считалъ разбитыми безвозвратно. Подъ покровомъ ночной темноты онъ прокрался въ Regina Coeli, чтобы еще разъ взглянуть на добычу, окончательно выскользнувшую у него изъ рукъ. Онъ ни на что больше не надѣялся. Ему было совершенно ясно, что его жертва теперь ужъ не въ его власти и что одного крика, одного слова достаточно будетъ ей, чтобы уничтожить его. Тѣмъ не менѣе онъ ожидалъ, что она встрѣтитъ его бранью и упреками. Но вмѣсто того его привѣтствовало гробовое молчаніе и мрачное, холодное равнодушіе.

— Это я, сеньора, произнесъ Пепеть тихимъ голосомъ. — Я снова пришелъ. Я понимаю, гдѣ я, но меня ничто не пугаетъ, ни даже смерть.

Монахиня безмолвствовала. Казалось, что это молчаніе раздражало Тилина гораздо болѣе, чѣмъ самая безпощадная брань, потому что, сильно возвысивъ голосъ, онъ воскликнулъ:

— Это я, сеньора! И еслибъ я зналъ, что здѣсь меня избрять въ куски, я все-таки пришелъ-бы. Я пришелъ потому, что мнѣ нужно поговорить съ вами въ послѣдній разъ.

Прежнее безмолвіе.

— Въ послѣдній разъ, сеньора, продолжалъ драгунъ. — Я проигралъ партію. Въ первый разъ въ жизни пересталъ я вѣрить въ свое счастье, смѣлость и силу. Дьяволъ покинулъ меня. Я побѣжденъ. Вашъ ангель-хранитель подрѣзалъ мнѣ крылья на пол-дорогѣ.

Тилинъ твердо вѣрилъ, какъ только можетъ вѣрить испанецъ, въ сатану, отвернувшася отъ него, и въ ангела, устремившася на него съ ножомъ.

— Мнѣ теперь остается одно, продолжалъ онъ глухимъ голосомъ, — мнѣ остается одно и, кажется, самое лучшее.

Сестра Теодора взглянула на него. Казалось, она вдругъ вся превратилась во вниманіе. Повидимому, въ мысляхъ ея внезапно произошла какая-то перемѣна и въ ней зародилось нѣчто вродѣ надежды или предчувствія возможности выхода.

— Мнѣ остается, сказалъ онъ, возбужденный этимъ взглядомъ, — смерть, единственное мое утѣшеніе.

Пепеть остановился. Сестра Теодора устремила на него взглядъ, полный участія, и сказала:

— Продолжай, Тилинъ. Ты видишь, я тебя слушаю.

— Для меня теперь все кончено. Погибло все, чего жаждала моя душа. Міръ для меня — ледяная поляна, на которой не растетъ ни одной былинки. Бѣжать, бѣжать изъ него хочу я! Два желанія наполняли всю мою душу, такъ-что ни для чего другого не оставалось въ ней мѣста, и въ обоихъ я разочаровался. Ни воинъ, ни любовникъ, ни славы, ни любви! Все погибло. Огонь, сожигающій меня, не выплюнешь ни пламенемъ, ни золою. Кровью, только моей злодѣйской кровью можно потушить его!

Голосъ его хрипѣлъ отъ бѣшенства и дрожалъ отъ волненія. Онъ стиснулъ себѣ грудь обѣими руками, упалъ на колѣни и, колотясь головою о землю, воскликнулъ:

— Скажи, что ты прощаешь меня, и я умру спокойно.

Пламя фонаря, за минуту передъ тѣмъ превратившееся въ едва замѣтную трепетную точку, вдругъ ярко освѣтило всю залу. Лицо сестры Теодоры покрылось легкимъ румянцемъ; глаза ея сіяли. Такъ освѣщается лицо человѣка только огнемъ вдохновенія. Дѣйствительно, въ эту минуту вдохновеніе снизошло на монахиню.

— Простить! сказала она. — Развѣ ты могъ сомнѣваться въ моемъ прощеніи, если твое раскаяніе искренно? Каешься-ли ты въ своемъ святотатствѣ?

— Я ни въ чемъ не раскаиваюсь! отвѣчалъ Тилинъ съ отчаяніемъ.—Я знаю только, что люблю, обожаю, и за это одно заслуживаю состраданія. Мои злодѣйства—не злодѣйства, это мои ласки, потому что мнѣ не было позволено выразить ихъ иначе.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и вынулъ изъ-за пазухи ножъ. Сестра Теодора быстро подбѣжала къ нему съ крикомъ:

— Пстой!

Тилинъ отстранилъ рукой сестру Теодору.

— Вы меня ненавидите, сказалъ онъ мрачно. — Зачѣмъ-же вы хотите помѣшать мнѣ лишить себя жизни?

— Я тебѣ не мѣшаю.

— Вы хотите моей смерти?

— Ты заслужилъ ее.

— Хорошо, довольно, сказалъ Тилинъ, снова отходя съ цѣлью совершить послѣднее преступленіе.—Пора въ адъ!

Монахиня бросилась къ нему, не пугаясь ни его поднятаго ножа, ни налитыхъ кровью, страшныхъ глазъ. Она положила ему обѣ руки на плечи, нѣжно взглянула ему въ глаза и мягкимъ, убѣдительнымъ голосомъ проговорила:

— А почему-же не въ рай?

Взглядъ и голосъ ея точно околдовали драгуна. Внѣ себя онъ повторилъ:

— Въ рай?

Онъ уронилъ ножъ. Сестра Теодора съ наружнымъ спокойствіемъ сѣла на прежнее мѣсто и знакомъ указала Тилину мѣсто возлѣ себя.

— Для меня нѣтъ рая и быть не можетъ, сказалъ псаломщикъ.

— Почему-же?

— Потому что я злодѣй, потому что люблю васъ, а васъ любить запрещено Богомъ, вы принадлежите Ему, и все-таки я не могу разлюбить васъ. О, мой рай совсѣмъ не то, что у другихъ! Мой рай былъ-бы въ вашей любви, вы-же любить меня не можете, вы меня ненавидите.

— А еслибы я перестала тебя ненавидѣть?

Пепеть почувствовалъ въ душѣ невыразимое блаженство.

— А еслибъ я тебя полюбила? прибавила сестра Теодора съ одушевленіемъ, но съ прежней меланхоліей.

Тилинъ почувствовалъ, какъ-будто ангелы поднимали его на крыльяхъ прямо въ небеса.

ГЛАВА XXIX.

— О, сеньора! воскликнулъ онъ, — не играйте моимъ сердцемъ. Можетъ-ли быть, что вы полюбите меня?

— Заслужи.

— Но какъ?

— Любовь рождается отъ удивленія и благодарности. Иначе она пустой капризь, проходящій такъ-же внезапно, какъ и родился.

— Удивленіе... задумчиво проговорилъ Тилинъ. — О, да, это правда. Оттого-то я и хотѣлъ сдѣлаться героемъ, прославиться на весь міръ!

— Но еще скорѣе, чѣмъ отъ удивленія, рождается любовь отъ благодарности, сказала сестра Теодора, твердо слѣдуя своей роли, — рождается при видѣ подвиговъ самоотверженія и добродѣтели другого человѣка. Одинъ такой подвигъ, обнаруживающій высокое превосходство души, можетъ воспламенить самое холодное сердце. Мою любовь можно заслужить только такимъ образомъ, но за то ей не будетъ конца во вѣки вѣковъ.

Свирѣпый воинъ, внѣ себя отъ восторга, смотрѣлъ на лицо монахини, озаренное какимъ-то нечеловѣческимъ сіяніемъ, и не могъ наглядѣться.

— О, еслибъ это было возможно! воскликнулъ онъ. — Еслибъ міръ не былъ гнѣздомъ одной пошлости, еслибъ были еще великіе подвиги! Чего не сдѣлалъ-бы я, чтобъ заслужить вашу любовь? Но увы! это невозможно!

— Нѣтъ, возможно, твердо проговорила она.

Потомъ голосъ ея вдругъ пережѣвился, она прошептала нѣсколько безсвязныхъ словъ и слезы закапали у нея изъ глазъ. Въ эту минуту вѣтеръ задулъ фонарь и они остались въ совершенной темнотѣ.

— Вы плачете?

— Да, плачу... Развѣ ты не видишь, что со мной творится что то необыкновенное, что я совсѣмъ перемѣнилась?

— Да, но я ничего не понимаю, отвѣчалъ Тилинъ, придвигаясь ближе, чтобы лучше разглядѣть ея лицо.

— Ты и не поймешь, пока я тебѣ не объясню всего. Въ эти нѣсколько часовъ мое положеніе совершенно измѣнилось. Мнѣ пришлось думать о томъ, о чемъ прежде я не думала, и забыть свои несчастія, потому что на меня обрушились новыя, несравненно ужаснѣйшія.

Пепету показалось, что она плачетъ.

— Выслушай, продолжала монахиня, вытирая слезы, — и ты пожалѣешь меня. Еслибы ты пришелъ въ Regina Coeli тотчасъ же вслѣдъ за мною, то увидѣлъ-бы, что гверильеры привели съ собою несчастнаго плѣнника, обвиняемаго въ яеобинствѣ и поджогѣ монастыря Сан-Саломона.

— Блевета! Монастырь поджогъ я.

— Знаю; но что онъ яеобинецъ—это, къ несчастію, правда.

— Это не Серветъ-ли? Я его знаю.

— Но ты не знаешь, что его хотятъ разстрѣлять, и завтра, т. е. сегодня, какъ только начнетъ свѣтать, ужасный приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе.

— Я такъ и думалъ.

— Но ты не подозрѣваешь, Тилинъ, торопливо проговорила монахиня, — что тотъ, кого ты называешь Серветомъ, — мой братъ!

Сестрѣ Теодорѣ казалось, что раскаленный уголь обжегъ ея языкъ, когда она произнесла эти слова. Это была первая серьезная ложь въ ея жизни!

— О, сеньора, какой ужасный случай! воскликнулъ Тилинъ, закрывая лицо руками.

— Мой братъ, продолжала монахиня, снова принимаясь плакать, — мой несчастный братъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ, несмотря на его яеобинство. Ему пришла въ голову сумасшедшая мысль вернуться изъ-за границы подъ вымышленнымъ именемъ и явиться сюда Богъ знаетъ зачѣмъ. Вѣроятно, для какихъ-нибудь сумасбродствъ...

— Вашъ братъ, пробормоталъ Тилинъ. — Повѣрите-ли, мнѣ

самому это пришло въ голову, когда я захватилъ его на дорогѣ съ письмомъ къ абатесѣ нашего монастыря.

— Понимаешь теперь мое горе, мое отчаяніе? Видѣть моего брата, единственную опору моей старухи-матери, привязаннымъ къ столбу... О, это ужасно! Господи, помоги мнѣ! Я умру, непременно умру... И онъ подъ одной кровлей со мной! Мнѣ кажется, я слышу біеніе его сердца... Пепеть, Пепеть, сжался надо мной!

Съ этими словами она склонила голову на плечо гверильера.

— Неужели слезы и мольбы монахини не смягчатъ Гвимааренса?

— Ахъ, развѣ ты не знаешь, что ночью въ Regina Coeli вошелъ ужасный человѣкъ, тигръ Чаперонъ, который неспособенъ прощать. Онъ радъ будетъ два раза разстрѣлять моего несчастнаго брата, если только кто-нибудь станетъ просить за него. Гвимааренсъ сказалъ мнѣ, что нѣтъ никакой надежды. Чаперонъ назначилъ казнь рано утромъ и хочетъ самъ присутствовать при ея исполненіи. Безжалостный палачъ будетъ съ своего балкона смотрѣть на казнь.

— Нѣтъ никакого спасенія? Неужели-же нѣтъ спасенія? сказалъ Тилинъ, прикладывая руку ко лбу.

Послѣ нѣкотораго молчанія монахиня прошептала со вздохомъ:

— Нѣтъ, есть одно средство. Чаперонъ не знаетъ въ лицо брата. Онъ ни разу не видѣлъ его.

Наступила тяжелая, гробовая пауза, во время которой не слышно было ни вздоха, ни звука. Наконецъ, Тилинъ поднялъ голову.

— Чтобы спасти вашего брата, сказалъ онъ, — достаточно, чтобъ кто-нибудь умеръ вмѣсто него. Дон-Педро Гвимааренсъ согласится на замѣну, если замѣнителемъ...

Онъ остановился, чтобы передохнуть. Казалось, какая-то веревка сжимала ему горло.

— ...Если замѣнителемъ, выговорилъ онъ, — буду я. Онъ не забылъ еще, какъ я привелъ его связаннымъ въ Сольсону.

Новая пауза послѣдовала за этими словами.

— Но солдаты замѣтятъ обманъ, пробормоталъ Тилинъ.

— Солдаты Чаперона не знаютъ моего брата, отвѣчала Тео-

дора. — Солдаты Гвимаараенса также, потому что онъ приведенъ ночью. Дон-Педро согласенъ. Мы уже говорили съ нимъ. Я подумала о тебѣ. Ты настоящій виновникъ. Обманъ не только справедливъ, но и легокъ.

— О, умереть такъ хладнокровно! воскликнулъ съ отчаяніемъ Тилинъ, въ которомъ внезапно заговорила инстинктивная привызанность къ жизни. — И все это за любовь, которую получу... на томъ свѣтѣ!

Сестра Теодора быстро поднялась во весь ростъ. Тилинъ не могъ оторвать отъ нея взора, она сіяла ужасающей красотой ангела-мстителя. Такою носилась она въ его воображеніи въ минуты страстнаго бреда и воинственнаго энтузіазма. Ея величественная осанка, гнѣвный взглядъ и торжественный голосъ совершенно подавляли бѣднаго пономаря.

— Ты колеблешься, жалкій, ничтожный человѣкъ! гремѣла она. — Ты дрожишь, трусь! Презрѣнный червь, неспособный ни на какой высокой и благородный подвигъ, какъ смѣлъ ты поднять глаза на меня? Какъ дерзнулъ ты заговорить со мной о любви, не будучи готовъ на подвиги столь-же великіе, какъ разстояніе, отдѣляющее тебя отъ меня? Прочь съ глазъ моихъ! Я думала, что тебя можно не презирать, думала, что тебя можно полюбить. Но я ошиблась. Не можетъ лягушка превратиться въ орла. Прочь съ глазъ моихъ! Зачѣмъ говоришь ты о своемъ будто-бы великомъ сердцѣ, если ты неспособенъ ни къ какой жертвѣ? Въ тебѣ сильны однѣ животныя страсти. И это ты называешь любовью! На твоихъ глазахъ долженъ погибнуть человѣкъ, обвиненный въ преступленіи, совершенномъ тобою, и тебѣ не жаль его. Ты говоришь, что любишь меня, и не можешь умереть за меня. Развѣ это любовь? Ступай прочь отъ меня, я ненавижу тебя. Убей себя хоть пять разъ! У меня нѣтъ къ тебѣ ни жалости, ни состраданія.

Съ этими словами она въ изнеможеніи опустилась на камень. Грудь ея трепетала отъ волненія, подобнаго которому она не испытывала никогда. Тилинъ стоялъ въ оцѣпененіи, какъ идіотъ, и долго не находилъ словъ, чтобъ выразить то, что влоботало у него въ груди. Наконецъ, слова беспорядочнымъ потокомъ полились изъ его устъ:

— Я ничтожество! Я неспособенъ на самопожертвованіе и ге-

ройство! Я не въ силахъ однимъ прыжкомъ подняться до самаго неба! Я червякъ! Я способенъ любить только какъ животное!.. О, сеньора, вы не знаете меня, если думаете это. Все, что во власти человѣка, я способенъ сдѣлать; я чувствую себя не слабѣе любого изъ героевъ. О, сеньора, вы называли меня злодѣемъ, низкой тварью, и я молчалъ, когда въ сердцѣ своемъ я, быть можетъ, соглашался на жертву, которую вы отъ меня требуете. Знаете-ли вы меня? Знаете-ли?

Съ этими словами онъ подошелъ къ сестрѣ Теодорѣ и, грубо взявъ ее за подбородокъ, поднялъ ее голову, низко опущенную на грудь.

— Знаете-ли вы меня? повторилъ онъ. — Знаете-ли, что я великодушнѣйшій изъ людей, рожденныхъ отъ женщины? Чистая голубка этому не вѣрить. О, со всей своей чистотой, святостью и добродѣтелью она неспособна на такой великій, необыкновенный подвигъ, какой совершу я. Она никогда не поднимется до той высоты, до которой поднимется сегодня червякъ, козявка, злодѣй. Мученичество, жертва! А если я скажу, что и то, и другое такъ-же свойственно мнѣ, какъ птицѣ летать за облака? Что сказала-бы на это благородная дама, которую оскверняетъ одинъ взглядъ моихъ глазъ? Что сказала-бы она на это?

Благородная дама не говорила ни слова.

Сдѣлавъ правой рукой жестъ, выразившій, что онъ бросаетъ жизнь съ такимъ-же презрѣнiемъ, съ какимъ бросилъ-бы шелуху отъ плода, Тилинъ продолжалъ:

— Сеньора, если Гвимааренсъ беретъ все уладить, то вашъ братъ спасенъ.

Теодора устремила на него глаза. Она была блѣдна. Глубокое состраданiе выразалось теперь на ея лицѣ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ пылавшемъ гнѣвомъ. Она подошла къ своему дикому обожателю и положила ему обѣ руки на плечи. Если прежде она сокрушила его гнѣвомъ, гордостью, презрѣнiемъ, то теперь она околдовала его нѣжностью, благодарностью, состраданiемъ. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ, видѣлъ ея слезы, которыя, казалось ему, капали съ подножiя самого престола Божiя и цѣлебнымъ нектаромъ орошали его сердце.

Хитрая монахиня играла чувствами бѣднаго Тилина, какъ ловкiй матадоръ играетъ бѣшеной, но слѣпой яростью быка.

— Это не только жертва, но и долгъ: братъ мой невиненъ.

— Преступникъ — я. По всей справедливости, я долженъ стать на его мѣсто. Согласенъ. Но къ такому поступку побуждаетъ меня не справедливость, а любовь. Такъ я и повѣдаю Богу на томъ свѣтѣ.

— Теперь, сказала Теодора самымъ нѣжнымъ голосомъ, — все, о чемъ ты мечталъ, все, чего ты жаждалъ...

— Говори, говори...

— Все это... ты уже заслужилъ.

Тилинъ почувствовалъ, что сердце его сжалось отъ боли. Онъ опустился на землю и, пряча голову между колѣнъ, простоналъ:

— Но когда-же, когда?

Теодора подошла къ нему и, положивъ ему руку на голову, сказала:

— Слѣпой, развѣ земля — настоящее отечество человѣка? Что значитъ эта кратковременная жизнь въ сравненіи съ вѣчной жизнью за гробомъ, гдѣ счастье, гдѣ всѣ чувства безпредѣльны и безконечны? Прости мнѣ, что я обидѣла тебя, сказавъ, что ты неспособенъ къ великимъ чувствамъ. О, Пепеть, однимъ словомъ своимъ ты установилъ такое общеніе между твоей и моей душою, твоимъ и моимъ сердцемъ, что теперь оба наши существа слились въ одно. Ты преобразился въ моихъ глазахъ, ты теперь для меня уже не прежній Тилинъ, а существо высшее, сіяющее славою великаго подвига.

Она прижала его къ своей груди. Въ эту минуту она почувствовала какъ-бы электрическій ударъ; ей показалось, точно земля разверзается у нея подъ ногами и небо готово обрушиться на ея голову. Она испугалась себя, потому что въ ней самой находился источникъ ея потрясенія.

— Вѣчность! шепталъ Тилинъ, съ безумной страстью цѣлуя руки Теодоры. — Какъ это далеко! Боже, какъ это далеко!

— Наша жизнь — одно мгновеніе, отвѣчала монахиня, впадая въ мистическій экстазъ. — Подумай о томъ, что ждетъ тебя тамъ. Вспомни, какъ умеръ-бы ты, еслибъ самъ наложилъ на себя руки, и какъ умираешь теперь. Теперь смерть твоя будетъ однимъ лучезарнымъ отблескомъ вѣчнаго счастья, потому что ты

умрешь, какъ мученикъ, спасая жизнь другого. Душа твоя направится прямо въ рай, гдѣ вѣчное блаженство, гдѣ любовь, бывшая для тебя источникомъ мученія, станетъ неизсякаемымъ родникомъ блаженства.

— Но я буду тамъ одинъ...

— Нѣтъ, ты не будешь одинъ. Скоро ты увидишь возлѣ себя свѣтлую, дорогую тѣнь. Это буду я, — я, остающаяся пока здѣсь, полная благодарности къ тебѣ и восхищенія къ твоему подвигу. Всѣ дорогія другъ другу существа встрѣчаются снова въ раю. Всѣ чистыя, благородныя чувства, возникающія между двумя душами на землѣ, продолжаютъ и на небѣ, но только тамъ они вѣчны и безконечны, какъ само счастье.

— Да, да! восклицалъ Тилинъ, съ вѣрою и восторгомъ слушавшій ея слова.

— Послѣ своей смерти ты будешь счастливъ — (при этомъ сестра Теодора сдѣлала надъ собой усиліе) — и я буду твоей навѣки.

Какъ-бы желая предвкусить блаженство этого вѣчнаго обладанія, Тилинъ изо всей силы сжималъ въ своихъ рукахъ руку монахини.

— Да, да, шепталъ онъ, — я буду счастливъ съ тобой.

Онъ впалъ уже въ какое-то опьяненіе, въ головѣ его мутилось, душа тонула въ волнахъ любви и религіознаго экстаза. Его разстроенному воображенію рай, при всей своей святости, представлялся довольно земнымъ убѣжищемъ, въ которомъ блаженствовали пары счастливыхъ влюбленныхъ.

Время летѣло. Сестра Теодора встала и спросила:

— Остаешься-ли ты при своемъ рѣшеніи?

— Я никогда не измѣняю своему слову.

— Хочешь-ли ты совершить подвигъ, который сдѣлаетъ тебя великимъ въ глазахъ людей и въ моихъ?

— Да! воскликнулъ Тилинъ, весь пылая любовью, принявшей теперь какой-то фантастическій оттѣнокъ.

— Ну, такъ я благословляю тебя.

Монахиня возложила на него руки.

— вмѣсто того, чтобъ говорить мнѣ „я благословляю тебя“, скажи мнѣ лучше: „я люблю тебя“, сказала Тилинъ, въ умѣ котораго все помутилось.

— Бѣдный колеблющійся человѣкъ! съ нѣжнымъ упрекомъ сказала Теодора, — ты все еще не можешь отрѣшиться отъ жалкой земной жизни! Устрями свой взглядъ въ свѣтлый міръ безоблачнаго счастья, чистой, идеальной любви, несоскверненной плотию, который ждетъ тебя за гробомъ. Маловѣрный, ты рѣшился на великій, святой подвигъ; не проси-же у меня любви, несоответствующей моимъ святымъ обѣтамъ, моей чистотѣ и достоинству. Но за то проси у меня той любви, которая чѣмъ сильнѣе, тѣмъ чище, однимъ словомъ...

Сестра Теодора почувствовала, что ей сжало горло.

— Однимъ словомъ, закончила она, — любви ангеловъ.

— Да, любви ангеловъ! повторилъ за нею Тилингъ, скрестивши руки на груди и впадая въ экстазъ.

Несчастный сумасбродъ! какъ быкъ кидается, не помня себя, на красную мантію, такъ онъ набрасывался на мечту о загробномъ супружествѣ.

Сестра Теодора взглянула въ окно.

— Уже свѣтаетъ.

— Мой часъ приближается!

— Для меня занимается заря печальнаго дня, для тебя-же, Тилингъ, заря вѣчной жизни.

И, сдѣлавъ надъ собою усиліе, послѣднее и самое трудное, она воскликнула съ одушевленіемъ:

— О, благородный, великодушный человѣкъ, душа моя полна безпредѣльнаго удивленія къ тебѣ. Ты теперь въ моихъ глазахъ не поджигатель, а спаситель невинности, потому что ты спасаешь моего брата отъ незаслуженной казни; ты для меня олицетвореніе справедливости, потому что благодаря тебѣ невинный спасенъ отъ гибели. Своимъ подвигомъ ты очищаешь, омываешь себя и остаешься безгрѣшнымъ.

— Онъ вашъ братъ? Онъ вашъ братъ? пробормоталъ Тилингъ, снова падая духомъ.

Казалось, внезапно муки сомнѣнія закрались въ его душу.

— Ты сомнѣваешься во мнѣ, другъ мой? сказала сестра Теодора, дѣлая надъ собою еще большее усиліе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой, какъ-будто для того, чтобы прогнать докучливыя мысли. — Не сомнѣваюсь и никогда не сомнѣвался.

Доминиканка поняла, что необходимо снова воспламенить энтузиазмъ, начинавшій уже потухать, необходимо подлить новаго масла въ слабѣющее пламя.

— Пепеть! воселиенула она восторженнымъ голосомъ, — я ненавиждѣла тебя, когда ты былъ святотатцемъ, теперь же, когда ты сталъ мученикомъ и героемъ, я преклоняюсь предъ тобою и люблю тебя.

— Я же, отвѣчалъ Пепеть съ глубокой вѣрой, — я, бывшій злодѣемъ, увлеченный на путь грѣха и преступленія своими бѣшенными страстями, съ радостью иду на смерть, чтобы спасти другаго и исполнить желаніе той, для которой я жилъ и за которую всегда хотѣлъ умереть. Жертва эта мнѣ приходится по душѣ, какъ хорошо сшитое платье. Теперь я могу сказать: „я возвратилъ вамъ вашего брата, я доставилъ вамъ, послѣ краткой тревоги, величайшую изъ всѣхъ радостей человѣческихъ. Однимъ поступкомъ я приобретаю ваше расположеніе, а послѣ смерти то, что дороже мгновеннаго обладанія — память въ вашемъ сердцѣ и рай, въ которомъ васъ встрѣчу. Но довольно, сеньора. Часъ приближается.

— Подожди, сказала де-Арансисъ. — Не уходи отсюда.

Она поспѣшно вышла, не говоря ни слова. Пепеть видѣлъ, какъ она прошла черезъ дворъ и скрылась въ противоположной двери. Нѣсколько времени онъ ждалъ ее, погруженный въ свои думы или, лучше, въ изступленный бредъ своего разстроеннаго воображенія. Его потемнѣвшій разумъ носился въ цѣломъ морѣ самыхъ фантастическихъ образовъ, какъ корабль, перебрасываемый по волнамъ и то погружающійся въ ихъ пропасти, то поднимающійся на ихъ вершинахъ, не будучи въ состояніи ни спастись, ни утонуть. Онъ не могъ отдать себѣ отчета, сколько времени продолжалась эта пытка. Наконецъ, дверь отворилась и на порогѣ показалась доминиканка.

Не говоря ни слова, она подошла къ нему и, положивъ лѣвую руку на его плечо, правую подняла къ небу. Она была блѣдна и глубоко взволнована. Губы ея дрожали; казалось, что передъ ея испуганнымъ, блуждающимъ взоромъ носились какія-то страшныя видѣнія. Она взглянула на Пепета, и хотя въ глазахъ ея не выражалось ничего, кромѣ непонятной тревоги и ужаса, несчастный Пепеть прочелъ въ нихъ все, что только могутъ при-

думать самая нѣжная и трогательная любовь и религіозная экзальтація. Все земное и эгоистическое въ его душѣ исчезло въ эту минуту; онъ былъ весь воплощеніемъ идеи, "духа, фантазіи; онъ точно утонулъ въ томъ безбрежномъ океанѣ, по которому носились безъ руля и безъ паруса и религіозные мистики, и влюбленные странствующіе рыцари, принадлежащіе въ сущности къ одной и той-же породѣ людей.

Тилинъ хотѣлъ что-то сказать; но онъ дошелъ до такого состоянія, когда языкъ становится безсильнымъ и слово является однимъ пустымъ звукомъ. Опустившись на колѣни, онъ схватилъ руки Теодора и покрылъ ихъ поцѣлуями и слезами. Но вскорѣ дверь пріотворилась и вошелъ дон-Педро Гвимараенсъ.

— Пора! сказалъ онъ.

Петель вышелъ, оглянувшись въ дверяхъ еще разъ на сестру Теодору де-Арансисъ, которая, какъ величественная и прекрасная статуя, стояла, положивъ одну руку на сердце, другую устремивъ на небо, въ знакъ вѣчнаго прощенія и будущаго свиданія тамъ.

ГЛАВА XXX.

Монахиня, оставшись одна, нѣсколько времени не могла ни думать, ни чувствовать. Въ ней точно все застыло. Но вдругъ она увидѣла привидѣніе, наполнившее ее смертельнымъ страхомъ. Привидѣніе это встало изъ ея собственнаго сердца, какъ изъ гроба, и явилось передъ нею во всемъ своемъ ужасающемъ величіи: это была ея совѣсть.

Она такъ перепугалась, что бросилась бѣжать, желая скрыться отъ самой себя. Но какъ убѣжать отъ того, что мы носимъ съ собою? Привидѣніе говорило:

— Обманщица!

Монахиня упала на колѣни и всѣми силами своей души стала призывать на помощь къ себѣ—кого? свой разумъ, въ надеждѣ, что въ его изворотахъ, уверткахъ, софизмахъ она найдетъ оружіе, рубящее и колющее, противъ преслѣдовавшаго ее привидѣнія. Но разумъ не далъ ей ничего, кромѣ булавки.

— Нѣтъ, нѣтъ, твердила сестра Теодора, защищаясь отъ привидѣнія этимъ жалкимъ оружіемъ, — я не настолько виновата, какъ это кажется. Эту ужасную комедію я разыграла не подъ

вліяніемъ легкомысленнаго увлеченія, каприза или внезапной симпатіи. Я дѣйствовала подѣ вліяніемъ состраданія, любви къ ближнему.

— Ложь, ложь! закричало громовымъ голосомъ привидѣніе, съ каждымъ мгновеніемъ становившееся все страшнѣе и страшнѣе.

Булавка разсудка изогнулась въ рукѣ доминиканки. Ей хотѣлось имѣть острый, закаленный мечъ, разсудокъ же давалъ ей кусокъ проволоки.

— Если мной руководило не состраданіе, то другое чувство, еще болѣе высокое, — чувство справедливости. Этотъ человѣкъ не виновенъ въ пожарѣ монастыря, который поджегъ Тилианъ. Что можетъ быть справедливѣе замѣны невиннаго виновнымъ?

— Лицемерка! Кто поручилъ тебѣ исправлять пути Провидѣнія? Справедливость! Думала-ли ты о ней хотя минуту, капризная женщина? Не лги: ты дѣйствовала подѣ вліяніемъ страсти, внезапно загорѣвшейся въ твоемъ сердцѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала она съ отчаяніемъ.

— Я расскажу тебѣ всю правду, сказала привидѣніе, — расскажу тебѣ ее слово въ слово, буква въ букву, ясно и неопровержимо. Я все расскажу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! въ ужасѣ восклицала монахиня, отмахиваясь отъ подавлявшаго ее призрака.

— Ты полюбила этого человѣка, полюбила страстью, прошептало привидѣніе.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Это тебѣ только показалось. Это ошибка, выдумка, дьявольское навожденіе.

— Ты полюбила этого человѣка, полюбила его страстью, повторило привидѣніе, возвышая голосъ, — и твое внезапное чувство пугаетъ тебя теперь, какъ испугало-бы, вѣроятно, и того, кто сталъ предметомъ его. Ни одна изъ женщинъ, живущихъ въ мірѣ и на свободѣ, нефанатизированная уединеніемъ и мечтами о покинутой ею мірской жизни, не поддавалась-бы такому внезапному влеченію. Ты никогда не видала его до того дня, когда онъ ворвался въ твою келью, какъ разбойникъ, и провелъ съ тобой какихъ-нибудь полчаса. Ни одинъ мужчина, какъ-бы красивъ, уменъ и даровитъ онъ ни былъ, никогда не одерживалъ такой быстротой и полной побѣды. Но что невозможно для свѣтской женщины, то сдѣлала ты, недостойная.

— Нѣтъ, это неправда, отвѣчала встревоженная монахиня, чувствуя, что разсудокъ совершенно покинулъ ее. — Я стыдилась-бы самой себя, еслибы позволила себѣ увлечься любовью къ этому незнакомцу. Нѣтъ, этого не можетъ быть, это было-бы позорно.

— Это правда, безумная. Ты любила его еще раньше, чѣмъ онъ переступилъ чрезъ порогъ твоей кельи. Развѣ не о немъ мечтала ты втеченіи всѣхъ двѣнадцати однообразныхъ, скучныхъ и лѣнивыхъ монастырскихъ лѣтъ? Уже двѣнадцать лѣтъ любишь ты его. Это онъ, это онъ. Ничего, что лицо его не совсѣмъ похоже на то, которое ты видѣла съ закрытыми глазами. Это былъ онъ. Образъ его развѣдалъ твою душу день за днемъ, годъ за годомъ.

Сестра Теодора впала въ совершенное отчаяніе. Она не знала болѣе, что ей возразить.

Привидѣніе снова заговорило:

— Нѣтъ, Богъ не можетъ простить тебя. Ты хотѣла обмануть его, приписывая состраданію и человѣколюбію то, что было внушено тебѣ твоей грѣховной страстью.

— Господи, сжапись надо мною! восклицала Теодора, и холодный потъ появился на ея лбу.

— Для тебя нѣтъ прощенія, обманщица!

— Я обманула изъ состраданія!

— Ложь! Ты воспользовалась своей властью надъ Пепетомъ и его безумной любовью къ тебѣ, чтобы погубить его вмѣсто любимого человѣка.

— Это было справедливо! восклицала Теодора.

— Ложь!

— Я пожертвовала преступникомъ, чтобы спасти невинного.

— Лжешь, лицемерка! загремѣло привидѣніе. — Ты пожертвовала ненавистнымъ, чтобы спасти любимого!

— Господи, пощади!

Изъ такого состоянія ее вывелъ шумъ человѣческихъ шаговъ и глухой гулъ барабановъ. Развѣло: зала наполнилась свѣтомъ.

Забывъ одно мгновеніе свой споръ съ привидѣніями, она бросилась къ окну.

— Что, если меня обманулъ Пепеть или Гвимааренсъ?

Съ ужасомъ увидѣла она приготовленія къ казни. Свирѣпный

бригадиръ стоялъ на балконѣ съ своими офицерами. Обреченнаго вывели съ непокрытой головой и связанными назадъ руками. Онъ обернулся къ Чаперону, громко назвалъ себя по имени и сказалъ, что умираетъ, каясь во всѣхъ своихъ грѣхахъ.

Монахиня въ ужасѣ отскочила отъ окна. Черезъ секунду раздался грохотъ, подобный удару грома.

Привидѣніе какъ изъ земли выросло у нея передъ глазами.

— Обманщица! Убійца! кричало оно.

— Онъ преступникъ, а тотъ невиненъ! въ изнеможеніи лепетала она. — О, Господи, пощади меня!

— Лицемѣрка, убійца! повторяло привидѣніе.

Нѣсколько времени спустя, хотя Теодора не могла отдать себѣ отчета во времени, къ ней вошелъ отецъ Хуанико и принесъ ей ломоть хлѣба.

— Вотъ все, что осталось послѣ этихъ разбойниковъ. Слава-богу, они уходятъ черезъ полчаса.

Еще черезъ нѣсколько времени она услышала топотъ коней: это уходилъ отрядъ Чаперона, отправлявшагося продолжать свою миссію очищенія Испаніи отъ духа либерализма. Затѣмъ наступило молчаніе.

Послѣ очень долгаго промежутка, кажется уже къ ночи, въ залу вошли два человѣка. Увидя ихъ, Теодора почувствовала такое волненіе, что едва не лишилась сознанія. Это были Гвимааренсъ и Серветъ. Сказавъ нѣсколько словъ, полковникъ вышелъ.

— Хотя я и не понимаю причины замѣны, которой я обязанъ жизнью, сказалъ Серветъ, — тѣмъ не менѣе я знаю, что она — дѣло рукъ моего ангела-хранителя. Во всемъ этомъ скрывается какая-то тайна, которую я не стараюсь проникнуть, потому что не смѣю срывать покрывала съ таинственнаго. Моимъ ангеломъ-хранителемъ были вы, сеньора!

— Я?! воскликнула она, стараясь придать своему голосу выраженіе удивленія.

— Да, вы, благородная, святая женщина. Вамъ обязанъ я жизнью. Позвольте-же мнѣ стать передъ вами на колѣни и поцѣловать эти руки, вырвавшія меня изъ объятій самой смерти.

Онъ опустился передъ нею на колѣни, какъ передъ Мадонной. Сестра Теодора, стоявшая отвернувъ голову, взглянула на него и, несмотря на весь свой страхъ предъ привидѣнiемъ, не могла не сознаться внутренно, что передъ нею воплощенiе идеала мужественной красоты, силы и благородства.

— Я оскорбилъ-бы васъ, сеньора, сказалъ Монсальюдъ,—если бы сталъ говорить объ обыденныхъ человѣческихъ чувствахъ. Нѣтъ, заговоривъ о дружбѣ, любви, я унизилъ-бы божественное воплощенiе состраданiя и великодушiя, которое вижу предъ собою. Вѣчно буду я хранить въ своей памяти вашъ образъ рядомъ съ образомъ моей матери, рядомъ съ образомъ святой Мадонны!

Онъ всталъ. Сестра Теодора воззвала къ Богу и, сдѣлавъ надъ собой отчаянное усилiе, кое-какъ придала своему лицу спокойное выраженiе и проговорила:

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Вы ошибаетесь. Я вовсе не спасала васъ и не могла этого сдѣлать для человѣка, котораго всего разъ видѣла. Я не знаю, кто вы и что вы. Оставьте меня!

— Скромность неразлучна съ величiемъ души, сказалъ Монсальюдъ, собираясь уходить.— Не стану надобдать своей благодарностью благородному существу, совершившему величайшее добро и черезъ нѣсколько часовъ забывшему о немъ. Прощайте, сеньора! Все, чего прошу я у васъ—это вспоминать иногда обо мнѣ въ вашихъ молитвахъ и позволить поцѣловать крестъ на чепкахъ, висящихъ на вашемъ поясѣ.

Монсальюдъ поцѣловалъ крестъ и, низко поклонившись, вышелъ изъ залы, за порогомъ которой его ждалъ дон Педро Гвинараенсъ, успѣвшiй уже все приготовить для его отъѣзда.

Сестра Теодора почувствовала, точно отъ ея души насильно оторвали что-то самое существенное и дорогое. Ей показалось, что она тонетъ въ какой-то черной бездонной пропасти, и уже не одинъ, а цѣлый хоръ изъ тысячи голосовъ кричить ей въ уши страшныя слова.

— Священника, священника! Хочу исповѣдываться! въ ужасѣ воскликнула несчастная.

Но ни отецъ Мартинъ-безгрѣшное-зачатiе, ни отецъ Хуанико не могли явиться на ея зовъ, потому что оба копали могилу...

Ночью Монсальюдъ отправился въ путь. Онъ ѣхалъ одинъ на хорошемъ конѣ, немного блѣдный отъ недавнихъ ранъ, но спокойный. Одѣтъ онъ былъ въ костюмъ Тилина и снабженъ его паспортомъ. Онъ не могъ оторваться мыслью отъ необыкновенныхъ приключеній своего сумасброднаго путешествія по театру этой дикой войны, столь похожей на кровавыя и безсмысленныя возстанія во время среднихъ вѣковъ. Этотъ замѣчательный человекъ обладалъ въ одно и то-же время и критической мыслью историка, объясняющей и обобщающей факты, и фантазіей поэта, ихъ украшающей, и виѣсть съ тѣмъ широкимъ, всероницающимъ взглядомъ пророка, ихъ предвидящимъ. Онъ ясно понималъ, что эта война была только прологомъ или, выражаясь музыкальнымъ языкомъ, увертюрой другой войны, несравненно обширнѣйшей.

Но больше всего мысль его останавливалась на комическихъ и трагическихъ приключеніяхъ, сопровождавшихъ его путешествіе по Каталоніи, въ особенности на чудесной замѣнѣ, которой онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Онъ пытался разгадать эту тайну, но не могъ. Самъ Гвимаераенсъ зналъ дѣло только на половину. Передъ воображеніемъ Монсальюда проносился Тилинъ, объявляющій себя преступникомъ и умирающій съ геройской твердостью, спокойно, безтрепетно, скорѣе съ какимъ-то фанатическимъ восторгомъ, чѣмъ съ сожалѣніемъ; Гвимаераенсъ, выведшій его, Монсальюда, изъ тюрьмы, приказавъ ему предварительно переодѣться, и, наконецъ, прекрасная монахиня, два раза, въ самыя критическія минуты, спасшая его отъ вѣрной смерти! Все это совершенно сбивало его съ толку. Онъ придумывалъ тысячи самыхъ фантастическихъ объясненій, преувеличивая и облекая въ драматическій покровъ самыя простые факты.

Онъ направлялся за-границу къ своимъ друзьямъ и въ трюмъ-ственномъ своемъ качествѣ—историка, поэта и пророка, навѣрное долженъ былъ принести съ собою много новаго.

К о н е ц ъ .

СОБРАТЬЯМЪ.

Даже самаго званья поэта
Тотъ изъ насъ недостойнъ носить,
Кто-бы лѣтописъ сердца отъ свѣта
Благородно не могъ утаить.

И безъ насъ вѣковѣчное горе
Надъ страдальческой, темной толпой,
Точно бурное грозное море,
Возстаетъ безошадной волной.

И безъ нашихъ мизерныхъ страданій
Сердце міра скорбями полно;
Миліоны людскихъ упованій
Міровою волной снесено.

Ни откуда не видя разсвѣта,
О себѣ намъ бы надо забыть,
Чтобы чуткому духу поэта
Міровыми страданьями жить!.

Н. Вобылевъ.

НАСТЕНЬКА.

(Отюдъ изъ жизни соборянъ).

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой...

А. Пушкинъ.

I.

Въ 10 часовъ вечера съ соборной колокольни медленно раздались одинъ за другимъ три рѣзкихъ удара въ большой колоколъ, и могучіе волнообразные звуки, колебля вечерній воздухъ, понеслись надъ городомъ. Они извѣщали жителей о чьей-то смерти въ средѣ соборянъ...

Умеръ первый соборный дьяконъ, Илья Ильичъ Чистосердовъ,—и умеръ совершенно неожиданно для всѣхъ знавшихъ его, потому что былъ далеко еще не старъ,—всего 45 лѣтъ,—силенъ и обладалъ цвѣтушимъ здоровьемъ.

Архіерей давно уже опредѣлялъ рукоположить Илью Ильича въ протодіакона, такъ-какъ старый былъ уже совсѣмъ дряхлый старикъ и почти совершенно потерялъ зрѣніе, а Чистосердовъ обладалъ всѣми данными для того, чтобы быть протодіакonomъ феноменальнымъ. Высокаго роста, могучаго сложенія, съ густыми кудрявыми волосами и большой русой бородой, прорѣзанной по срединѣ узкой полоской сѣдины,—Илья Ильичъ былъ настоящій красавецъ. А голосомъ онъ обладалъ такимъ, что и старики-соборяне не помнили подобнаго баса.

— Левъ — одно слово, съ гордостью говорили они. — Когда онъ въ стихарѣ на амвонѣ—любо-дорого посмотреть: кра-

сота! Выходка какая! Съ Евангеліємъ-ли выйдетъ, вадить-ли пойдетъ — душа радуется!... Или выйдетъ провозгласить „о спасеніи“ — даже трепеть тебя прохватить...

— Красота всего собора, соглашались и міряне.

Зналь это и владыко, и если Чистосердовъ оставался пока дьякономъ, такъ единственно потому только, что старый прото-діаконъ, отказавшись отъ священническаго сана, просилъ владыку дать ему послужить, пока еще есть силы и видать глаза. Не уважить просьбы старика, протодьяконствующаго 40 слишкомъ лѣтъ, архіерей не хотѣлъ, а потому и ждалъ, когда тотъ самъ попросится на покой. А между тѣмъ преждевременная смерть под-косила Чистосердова.

Въ лицѣ Илья Ильича соборяне потеряли не только „красоту собора“, привлекавшую въ него богатое городское купечество и густыя массы народа, но утратили въ немъ и душу всего своего маленькаго общества. Этотъ „левъ“ былъ на самомъ дѣлѣ сущимъ младенцемъ, при всей своей великовозрастности и колоссальности. На многое въ мірѣ смотрѣлъ онъ по-дѣтски восторженно и наивно; на многое — по-дѣтски же безучастно и спокойно, ибо не понималъ причины многихъ явленій; но врядъ-ли втеченіи всей своей жизни Илья Ильичъ сдѣлалъ кому-либо зло, по крайней мѣрѣ, сознательно. Это былъ человѣкъ простой, добрый, общительный, всегда веселый, и нерѣдко по всему соборному дому разносился его раскатыстый, оглушительный хохоть...

— Жена, это вѣдь Илья Ильичъ грохочетъ! скажетъ, бывало, скучающій въ своемъ углу соборянинъ, слышавъ этотъ здоровенный хохоть, и пойдетъ на другой конецъ дома, гдѣ всегда и упадетъ на какую-нибудь веселую сцену.

Разъ даже самъ владыко, гуляя вокругъ дома и услышавъ этотъ раскатыстый хохоть, заинтересовался узнать, надъ чѣмъ это дьяконъ ржетъ. Глазамъ его представилось зрѣлище дѣйстви-тельно интересное. Илья Ильичъ, въ развеселившейся компаніи, предложилъ кому-либо „потянуться“ съ нимъ по вновь изобре-тенному имъ способу. Вызвался дьяконъ, тоже любитель такого рода упражненій. Выбрали они самое крѣпкое полотно, связали его концы, перекутили середину такъ, чтобы въ образовавшіяся петли едва могли пролѣзть ихъ головы, и надѣли эти петли себѣ

на шею. Потомъ стали среди комнаты на четвереньки, другъ противъ друга, и начали „тянуться“.

Илья Ильичъ довольно легко повезъ дьякона, что вызвало среди зрителей смѣхъ. Дьяконъ вошелъ въ задоръ и сталъ упираться сильнѣе, но Илья Ильичъ все везъ и везъ его, направляясь къ двери.

— Прости пардону! предлагалъ Илья Ильичъ, хохоча во все горло.

— Вре-ошь, не запросишь, упирался дьяконъ.

— Въ коридоръ вытасю!..

— Вре-ошь, не вытащишь, хрипѣлъ дьяконъ, а самъ все подавался въ сторону противника.

— До своей квартиры доведу! говорилъ Илья Ильичъ, подвигаясь уже къ самой двери.

— Вре-ошь, не доведешь!..

При общемъ хохотѣ, Чистосердовъ толкнулъ ногой дверь и потащилъ дьякона черезъ порогъ. Дьяконъ, что было силы, уперся обѣими руками въ порогъ и застрялъ.

— Вре-ошь, хрипѣлъ онъ, красный отъ натуги, какъ ракъ.

— Не упирайся—лопнешь! оралъ во все горло Илья Ильичъ съвозъ оглушительный хохотъ.

— Вре-ошь, не лопнешь!..

Но вотъ полотенце затрещало, и дьяконъ перелетѣлъ черезъ порогъ въ коридоръ.

— Ха-ха-ха!.. разразились зрители оглушительнымъ хохотомъ, а побѣдитель заржалъ отъ удовольствія!..

Вдругъ всѣ смолкли и бросились въ разныя стороны, такъ что въ коридорѣ въ одинъ моментъ не осталось ни души, кромѣ дьякона и Ильи Ильича, спутанныхъ полотенцемъ и хохочущихъ во все горло. Борцы еще не успѣли сообразить, какъ почувствовали, что ихъ спина касается чья-то палка. Подняли головы и обомлѣли: самъ владыко стоялъ надъ ними съ своимъ посохомъ!..

Несмотря на подобныя маленькія и случайныя непріятности, соборяне жили вообще весело, разнообразя свое время разными веселыми играми: въ чушки (города), лапту (мячъ), въ свайку и т. п. Инициаторомъ и „установщикомъ“ всѣхъ этихъ игръ былъ опять-таки Илья Ильичъ. Бывало, еще ранней весной

запасется онъ съ пригнанныхъ плотовъ здоровенными сосновыми шестами, распилить ихъ на чушки и свисты (палки) и до поры, до времени спрячетъ ихъ въ потаенномъ, ему одному извѣстномъ мѣстѣ. У жены тихонько стащить пары двѣ старыхъ шерстяныхъ чулокъ, гдѣ-нибудь въ уголку распустить ихъ, потомъ смотаеть въ огромный мячъ, для „лапты“, и опять снесетъ въ потаенное мѣсто. Если случалось, что его и застанетъ кто-нибудь за подобнымъ занятіемъ и станетъ трунить, онъ только головой трахнетъ и скажетъ:

— Ладно, смѣйся... Теперь смѣешься, а придетъ время—спасибо скажешь...

И точно: какъ только сѣбитъ сѣбъ, появится молодая зелень и вечера не будутъ холодны, а владыко уѣдетъ въ свой загородный домъ, Илья Ильичъ достанетъ свои сокровища и передастъ ихъ на общее увеселеніе. Обыкновенно послѣ вечерняго чаепитія каждый изъ соборянъ слышитъ подъ окнами или въ пріотворенную дверь знакомый голосъ: „пойдемъ въ чушки играть“, — и всѣ одинъ за другимъ собираются въ обширной соборной оградѣ, гдѣ Илья Ильичъ, сіяющій и довольный, начинаетъ сортировать агроковъ на двѣ равносильныя партіи.

Въ „лапту“-ли станутъ играть, — Илья Ильичъ, подобравъ полы полукафтаныя, носится всѣхъ быстрѣе по оградѣ, увертываясь отъ мяча, такъ что волосы только треплются... Въ свайку-ли примется съ кѣмъ играть Илья Ильичъ, — непременно заставитъ „рѣдку дергать“, да другой разъ такую засадитъ, что противникъ минутъ пять надъ ней потѣеть... Шутки, смѣхъ...

Позади соборнаго дома возвышался плоскій зеленый бугоръ, съ котораго открывался прекрасный видъ съ одной стороны на небольшую, крайнюю часть города, съ другой—на рѣку и луга. Въ лѣтній вечеръ, передъ солнечнымъ закатомъ, соборяне любили „повалаться“ здѣсь на мелкой зеленой травкѣ, — это былъ для нихъ своего рода клубъ, куда они охотно собирались, — и подъ теплыми лучами румянаго заката, а иногда чуть не до полночи, вели разговоры: про стару-старину и ея чудеса, про архіереевъ и протодіаконовъ, про Москву, про Питеръ и т. п. Если-же не было общей, болѣе или менѣе интересной темы для разговора, они сосредоточенно прислушивались въ шуму городской суеты-суеты, въ плеску недалекой рѣвки, пѣнащейся подъ мельничными колесами,

въ несмолвѣемой пѣснѣ лугового коростеля-дергача... Ясный теплый закатъ, свѣтлая луговая даль, кончающаяся хвойной рощей загороднаго монастыря, и загорающіяся звѣзды, — все это погружало соборянъ въ безмятежное благодущіе. Они или лежали молча, погруженные въ свои думы, или, будто всѣ сговорившись, тихо и стройно запѣвали „Свѣте тихій“...

Съ этого-же обсервационнаго пункта соборяне наблюдали, что дѣлается тамъ, за крѣпостной стѣной, въ узенькой улицѣ, лежащей какъ-разъ противъ ихъ бугра, — и другъ другу сообщали свои наблюденія. Жителей этого маленькаго закоулка, переполненаго мелочными лавками и постоялыми дворами, — соборяне знали почти всѣхъ.

— А это вѣдь Борисычъ ѣдетъ; съ базара надо-быть, говорили они, усмотрѣвъ лавочника Борисыча, трясущагося на телегѣ, загроможденной сахарной головой, мѣшкомъ съ мукой и кулками со всякой всячиной.

— Крупчатка, должно быть, купилъ.

— На что ему крупчатка, кому ее тутъ ѣсть? Второй сортъ везетъ, соображаютъ соборяне насчетъ мѣшка съ мукой...

Изъ расхлябавшихся воротъ питейнаго дома, стоявшаго какъ-разъ на углу этой улицы, высунувъ голову, выглядываетъ старшій дьячекъ Кудимычъ, старательно скрывая что-то подъ полою полукафтаны. Соборяне запримѣтили и его; а Кудимычъ поглядѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво и, разомъ выскочивъ изъ воротъ, трусцой ударился на утекъ, въ узенькій закоулокъ...

Соборяне смѣются.

— Гости, должно быть, пришли, соображаетъ одинъ.

— А, можетъ быть, и самому захотѣлось передъ ужиномъ, замѣчаетъ другой.

— До ужина еще далеко; да еслибы только за этииъ, такъ тутъ-бы на мѣстѣ и выпилъ, а это видимо, что гости...

Такъ трактуютъ соборяне, продолжая съ своей обсерваторіи наблюдать явленія маленькой патриархальной улицы. Заѣзжіи-ли сельскій пошъ пройдетъ, обозъ-ли проѣдетъ, — все запримѣтять они и обо всемъ поговорять-поразсудятъ...

Иногда и женское населеніе дома выходило сюда провести вечерокъ виѣстѣ, за самоваромъ, для чего Чистосердовъ собственно-ручно устроилъ столики и скамьи. Въ этихъ случаяхъ благодуш-

ный и любезный кавалеръ Илья Ильичъ собиралъ маленькихъ пѣвчихъ и услаждалъ слухъ соборныхъ дамъ разными кантами.

Съ маленькими пѣвчими и вообще со всѣмъ подрастающимъ поколѣніемъ соборнаго дома Илья Ильичъ былъ большой пріятель. Нерѣдко можно было видѣть этого огромнаго, бородатаго младенца въ средѣ ребятъ, играющимъ съ ними въ „бабки“ или „чижъ“ и добросовѣстно прыгающимъ, при всеобщемъ хохотѣ, на одной ногѣ, если ему задавали „скачки“... Онъ дѣлалъ имъ огромные „змѣи“, которые и пускалъ съ своего бугра; устраивалъ вѣтряныя мельницы; выстругивалъ деревянныя сабли и т. под. Лѣтомъ бралъ ребятшекъ съ собою купаться, училъ плавать неумѣющихъ и вплавь перевозилъ ихъ на себѣ на другую сторону рѣки, откуда они возвращались съ зелеными вѣтками тальника, сидя по двое и болѣе на его могучей спинѣ.

Жилъ Илья Ильичъ крайне небогато, какъ и всѣ соборяне; по буднямъ ѣлъ щи да кашу и носилъ нанковыя полукафтаныя, но онъ не былъ завистливъ. Случалось, бывало, что жена его, сядя за нероскошный праздничный обѣдъ, скажетъ:

— Сегодня у протодіакона поросенка жарили.

— На то онъ и протодіаконъ, а мы въ дьяконскомъ чинѣ и баранинки съ картошкой поѣдимъ, равнодушно отвѣтитъ Илья Ильичъ и съ завиднымъ аппетитомъ примется за свою баранинку, пропустивъ предварительно чарочку-другую „горькой слезы“, какъ называлась у соборанъ перцовка.

Впрочемъ, несмотря на скудость средствъ, въ семьѣ Илья Ильича царилъ полный миръ. Илья Ильичъ научился шить сапоги и башмаки и самъ обувалъ свою семью. Онъ помогалъ женѣ и въ домашнихъ работахъ: рубилъ дрова, носилъ воду, а иногда бывало и такъ, что только лишь придетъ онъ отъ заутрени и раздѣнется, чтобы подремать до обѣденъ, — жена скажетъ:

— Поди-ко, Ильичъ, помѣси хлѣбы-то; квашня велика больно—я не одолѣю.

И Ильичъ безпрекословно идетъ на кухню, засучиваетъ свою богатырскую руку и усердно мѣситъ хлѣбы.

Зимнимъ вечеромъ, между вечерней и чаемъ, соборяне „сумерничали“ и во всемъ домѣ въ это время царилъ мертвая тишина. Къ какой квартирѣ ни подойди, какъ ни прислуши-

вайся, ничего не услышишь, кромѣ чиванья маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ. Но въ квартирѣ Ильи Ильича и въ этотъ часъ общаго отдыха не всегда было тихо, хотя посумерничать любилъ и онъ. Сниметь, бывало, полукафтанье, аккуратно повѣсить его на гвоздикъ и ляжетъ за перегородкой въ темной комнатѣ подремать до чая. Въ другой комнатѣ, за столомъ, при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчки, сидятъ, занятые своимъ дѣломъ, его сынъ и любимица-дочка Настенька: сынъ урокъ зубрить, а дочь либо чулки штопаетъ, либо бѣлье чинить. Работаетъ Настенька и мурлычетъ пѣсенку, — сначала чуть слышно, потомъ все громче, громче...

Во тьмѣ ночной ярилась буря,
Сверкаль на небѣ грозный лучъ,
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ...
Раиса, бѣдная Раиса
Скиталась въ темнотѣ одна...

Лежитъ Илья Ильичъ и долго слушаетъ молча, но, наконецъ, и самъ начнетъ подпѣвать. Споютъ одну пѣсню и тотчасъ-же начинаютъ другую...

Илья Ильичъ увлекается все больше и больше; наконецъ, садится на кровати и начинаетъ пѣть уже не стѣняясь, въ полный голосъ.

— Папенька, да вы ужъ очень громко, замѣтитъ дочь.

— Ничего, пой знай! отвѣтитъ отецъ и съ умиленіемъ продолжаетъ.

— Папенька, да вѣдь въ ухахъ звенить, жалуется дочь.

— Пускай маленько позвенитъ, пой знай! настаиваетъ отецъ и съ жаромъ трубитъ дальше...

Наступятъ святки; Илья Ильичъ непременно устроитъ для дочери вечеринку у себя и вмѣстѣ съ молодежью и „со вьюномъ“ ходитъ, и „александровской березой“ стоитъ. Настанетъ весна, разольется рѣчка, — Илья Ильичъ затѣветъ катанье на лодкахъ съ пѣвчиши, и, возвращаясь домой поздно вечеромъ, соборане разбудятъ своимъ пѣньемъ прибрежныхъ жителей и вызовутъ ихъ на берегъ.

Таковъ-то былъ Илья Ильичъ.

И вотъ, ярко горятъ свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ во-

кругъ простого липоваго гроба; у ногъ сидитъ Настенька и горько плачетъ, въ головахъ рыдаетъ жена, а съ другой стороны протодіаконъ читаетъ Евангеліе:

„Блаженни кротци, ибо тѣ наследятъ землю... Блаженни чистиі сердцемъ, ибо тѣ Бога узрятъ... блаженни миротворцы, ибо тѣ сынами божіими нарекутся“... Дрожитъ голосъ старика и обрывается; слеза ползетъ по щекѣ и падаетъ на сѣдую бороду...

II.

Послѣ похоронъ, вечеромъ, соборяне всѣ собрались, по обыкновенію, на бугоръ; но всѣмъ было невесело, всѣмъ было жаль покойнаго...

— Вотъ и нѣтъ посреди насъ Ильи Ильича, со вздохомъ сказалъ протодіаконъ.

— Да и для собора-то утрата какая!..

— А товарищъ-то какой былъ!..

— Бывало, въ чухи или въ мячъ, — всѣхъ развеселить, всѣхъ утѣшить, вспоминали соборяне.

— Экой дубъ свалился!..

— Кто-то теперь меня замѣнитъ? снова сказалъ протодіаконъ.

— Теперь не кому: поди, по всей епархіи другого Ильи Ильича не найти...

— А семья-то опять: какъ есть безъ хлѣба; хорошо еще, если владыко воззритъ.

— Воззритъ, безпремѣнно воззритъ, онъ къ сиротамъ милостивъ. Хорошо, еслибы соблаговолилъ Настенькѣ на это же мѣсто прискаты...

— Я уже говорилъ имъ, вступился опять протодіаконъ, — чтобъ они сходили къ отцу протоіерею, поклонились-бы ему, чтобъ онъ владыку просилъ. Къ нему владыко милостивъ.

— А то и прямо къ владыкѣ можно, пусть-бы у ногъ его прослезнились...

— Это чего-бы лучше; тогда владыко навѣрное бы воззрилъ и разрѣшилъ прискаты... Опять-же Илья Ильичъ почти-что двадцать лѣтъ собору послужилъ...

— Можетъ быть, нашелся-бы и таковой, что впоследствии возможно было бы его и въ протодіаконы поставить.

Такъ обсуждали соборяне судьбу общей ихъ любимицы—Настеньки, дочери Ильи Ильича, которую всѣ они называли разными характерными и ласкательными именами: кто „нашей красавицей“, кто, — какъ протодьяконъ, — „гусынькой“, кто, какъ отецъ протоіерей, — почему-то „еретичкой“.

— Ну, ну, здравствуй, еретичка, весело скажетъ онъ бывало, благословляя ее, и непременно погладить по головѣ...

Высокая, стройная, съ тяжелымъ кольцомъ русой косы на круглой головѣ, съ большими голубыми глазами, надъ которыми поднимались двѣ дуги „соболиныхъ бровей“, и съ немного вздернутымъ носикомъ, придававшимъ веселое выраженіе ея лицу, — она была дѣйствительно очень хороша.

Одѣвалась Настенька бѣдно, въ сарпигковыя и ситцевыя платья, но всегда опрятно. Образованія она не получила никакого и была даже почти совершенно безграмотна, какъ и всѣ дѣвушки ея круга того времени: умѣла только кое-какъ читать, а писала совсѣмъ каракульками. Зато шить, вязать, вышивать и стряпать Настенька была великая мастерица.

Вся молодежь соборнаго дома, то - есть всѣ басы и тенора архіерейскаго хора, засматривалась на нее, — и не у одного изъ этихъ юношей, быть можетъ, тревожно билось сердце, когда имъ приходилось встрѣчаться съ нею. Но сердце Настеньки долго оставалось спокойнымъ, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти отца она почувствовала, что это спокойствіе нарушено.

Въ архіерейскомъ хорѣ самый лучший басъ принадлежалъ Василию Петровичу Гевсиманскому, — всегда скромному, всегда порядочно одѣтому въ суконную пару и довольно красивому молодому „философу“ съ курчавой головой и съ юношескимъ румянцемъ на совершенно безбородомъ лицѣ.

Этотъ-то „философъ“ и „овладѣлъ сердцемъ“ Настеньки. Долго они любили другъ друга молча, хотя и замѣчали обоюдную симпатію.

Долго придумывалъ Василій Петровичъ легчайшій способъ объясненія въ любви; наконецъ, рѣшилъ сдѣлать признаніе въ стихахъ и составилъ слѣдующее четверостишіе:

О, сколь сладка мнѣ рѣчь твоя
И какъ прекрасенъ мнѣ твой ликъ;

Любовь безбрежну сколь моя,
Не может выразить, языкъ!..

Тщательно переписавъ „стишокъ“ на почтовый полу-листикъ и четко подписавъ подъ нимъ свое имя, отчество и фамилію, онъ сталъ искать встрѣчи съ Настенькой наединѣ. Случай помогъ ему. На другой-же день, когда соборяне сумерничали, Гевсиманскій встрѣтилъ Настеньку въ коридорѣ.

— Мое почтеніе-съ, Настасья Ильинична! по обыкновенію при-
вѣтствовалъ онъ ее.

— Здравствуйте, едва слышно отвѣтила дѣвушка и, вспыхнувъ, заторопилась было уйти, но Гевсиманскій остановилъ ее:

— Настасья Ильинична, что это вы всегда бѣжите отъ меня, точно бонтесть?

— Мнѣ нужно, отвѣтила Настенька, еще болѣе покраснѣвъ.

— А я вотъ, Настасья Ильинична, стихокъ составилъ собственно для васъ; будьте добры—прочтите.

Онъ торопливо досталъ изъ бокового кармана свернутый листокъ и протянулъ къ ней; но дѣвушка оставалась въ нерѣшимости.

— Прочтите, Настасья Ильинична; тутъ для васъ непріятнаго ничего нѣтъ, умолялъ онъ.

Настенька не взяла листокъ, а просто вырвала изъ его рукъ и моментально скрылась... Вернувшись домой, она тайкомъ, дрожащими руками, развернула бумажку и, съ трудомъ разбирая, прочла.

Бровь ударила ей въ голову и застучала въ виски, а сердце словно захолонуло; ей стало и жутко, и сладко... Она схоронила завѣтный „стишокъ“ на днѣ своей коробочки, гдѣ у нея хранилась всякая всячина, и цѣлыхъ два дня избѣгала встрѣчи съ Гевсиманскимъ. Разумѣется, стихи за это время были выучены наизусть и повторялись про себя десятки разъ... Наконецъ, на третій вечеръ, когда Настенька шла на кухню съ самоваромъ, чтобы разогрѣть его, Гевсиманскій устерегъ ее и остановилъ.

— Настасья Ильинична, вы, должно быть, осердились на меня? спросилъ онъ.

— На что-же мнѣ сердиться? сказала дѣвушка, потупясь и краснѣя.

— Почему-же вы ничего не хотите отвѣтить мнѣ?..

Настенька молчала.

— Я истомился, дожидаясь вашего отвѣта... Если я вамъ противенъ, такъ вы скажите...

— Ахъ, что вы это!.. невольно вырвалось у дѣвушки.

— Такъ скажите-же, могу-ли я надѣяться...

— Я вамъ написала-бы, да только...

— Что-же?

— Я пишу плохо...

— Ну, на словахъ скажите...

— На словахъ ни за что! Я ужь лучше напишу...

— Когда-же?

— Сегодня, сейчасъ; вотъ поставлю самоваръ—пойду и напишу, а потомъ за самоваромъ пойду и отдамъ...

Она такъ и сдѣлала. Управившись съ самоваромъ, она вернулась къ себѣ, нашла небольшой обрывокъ бумаги отъ братниной тетради, достала карандашъ и, притаившись въ уголѣ, написала своими мудренными каракулями нѣчто такое, въ чемъ только Гевсиманскій могъ разобрать или, точнѣе говоря, угадать слѣдующія слова: „мнѣ любовь ваша, даже напротивъ, очень пріятна...“

Съ этого времени между молодыми людьми установились постоянная правильная переписка и короткія свиданія, при которыхъ дарился иногда мимолетный стыдливый поцѣлуй.

Василій Петровичъ время отъ времени, когда дѣлились доходы „отъ требъ“, дарилъ Настенькѣ коробочки недорогихъ конфетъ, а въ періодъ безденежья подносилъ ей мадригалы и сонеты своего сочиненія. Она, съ своей стороны, тайкомъ шила ему изъ разныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ лоскуточковъ галетуки всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и вышивала разные „сувениры“. Гевсиманскій былъ въ философскомъ классѣ семинаріи и дожидался только перевода въ „богословію“, чтобы официально просить руки Настеньки. Неожиданная смерть Ильи Ильича разомъ перевернула всѣ планы молодыхъ людей.

Соборяне не ограничились тѣмъ, что погоревали надъ судьбою Настеньки на бугрѣ. Каждый изъ нихъ, при встрѣчѣ съ вдовой покойнаго, серьезно и настоятельно говорилъ ей:

— Что же вы, матушка Анна Григорьевна, медлите? Сходите къ отцу протоіерею, поклонитесь ему...

— Охъ, бабушка вы мои, я еще свѣту-то вольнаго до сихъ поръ не вижу, еще въ себя придти не могу, отвѣчала вдова.

Протодіаконъ, видя такую „бабью растерянность“, сталъ, какъ другъ покойнаго, настаивать:

— Вы, значитъ, о дочери-то нисколько не думаете... Владыку прошеніями засыплютъ; мѣсто, того и гляди, уйдетъ, а теперь, покуда желѣзо еще горячо, куйте-ка его...

— Охъ, скажу, бабушка...

— Да вы теперь-же идите, — вотъ съ гусынькой вмѣстѣ, — и попросите отца протоіерея, чтобы онъ не медля...

Разговоръ этотъ велся при Настенькѣ.

— О чемъ это, отецъ протодіаконъ, вы совѣтуете попросить отца протоіерея? вмѣшалась она въ разговоръ.

— О томъ, моя гусынька, чтобы владыко отцовское мѣсто оставилъ за тобой...

— А потомъ что?

— А потомъ къ мѣсту-то женишка прищемъ, — сами набѣгутъ, — ну, и пристроишься...

Настенька потупила головку и смолкла; сердце упало въ ней.

— Конечно, владыко въ соборъ не пустить безголосаго, — нечего и говорить, продолжалъ протодіаконъ. — Но что-жъ, наша епархія, слава-богу, не клиномъ сошлась; есть много окончившихъ безъ мѣстовъ; между ними, можетъ быть, подыщется и такой, что въ протодіаконы годенъ будетъ. Я вѣдь ужъ недолго протяну...

При послѣднихъ словахъ Настенька подняла голову и приободрилась.

„Вася развѣ не можетъ поступить на это мѣсто? думала она. — Голосъ у него изъ всего хора лучшей. Вася и протодіакономъ можетъ быть, а что не окончилъ онъ, такъ это не бѣда: бабушка-покойникъ изъ словесниковъ былъ, а владыко хотѣлъ-же его протодіакономъ сдѣлать...“

Настенька встрепенулась.

— Маменька, попросите въ самомъ дѣлѣ, обратилась она къ матери; — владыко, можетъ быть, и снизойдетъ...

— Безсომнѣнно снизойдетъ, подтвердилъ протодіаконъ.

— Завтра-же утромъ, маменька, сходите передъ обѣдней къ отцу-протоіерею и попросишь...

Настенькѣ нужно было повидаться съ Гевсиманскимъ и переговорить съ нимъ объ этомъ важномъ дѣлѣ, т. е. узнать отъ него, можно-ли ему, неокончившему курсъ, попроситься на это мѣсто и будетъ-ли онъ на это согласенъ. Гевсиманскій, которому эта мысль тоже не приходила въ голову, ухватился за нее обѣими руками и просилъ не медлить.

— Только-бы владыко мѣсто за тобой оставилъ, а ужъ тамъ, Богъ дастъ, обрабаемъ: по епархіи такого-то голоса, какъ у меня, пожалуй, и не найти.

На другое-же утро, передъ обѣдней, Настенька и ея мать были у отца-протоіерея и просили его принять въ нихъ участіе. Старикъ, выслушавъ ихъ просьбу, охотно согласился похотатайствовать, но при этомъ прибавилъ, обращаясь къ Настенькѣ:

— Все это, еретичка, хорошо, и я ко владыкѣ сегодня-же послѣ обѣдни войду, но не опоздали-ли мы? Прошеній подаво много, и подаютъ дьяконы все хорошіе,—можетъ, владыко и резолюцію уже положилъ...

Настенька сообщила Гевсиманскому объ этомъ разговорѣ, и они оба съ нетерпѣніемъ стали ждать конца обѣдни. Когда-же они увидѣли отца-протоіерея, прошедшаго въ шелковой рясѣ къ покоямъ владыки, то у нихъ, что называется, замерли сердца.

Наконецъ, часовъ около двѣнадцати, когда Настенька уже начала терять всякую надежду на благопріятный исходъ дѣла, отворилась дверь и вошелъ самъ отецъ протоіерей.

— Ну, еретичка, молись Богу за нашего преосвященнаго владыку: милостивъ онъ, снизошелъ къ вашей просьбѣ... Пусть, говорить, шесть мѣсяцевъ мѣсто числится за нею, а если къ этому сроку не подыщется никого—опредѣлю, говорить, другого... Вотъ тебѣ, слышишь?..

И старикъ ласково погладилъ торжествующую Настеньку по головѣ.

IV.

Наконецъ, прошли и „сорочины“ послѣ смерти Ильи Ильича. Гевсиманскій сдѣлалъ официальное предложеніе Настенькѣ, т. е. просилъ у Анны Григорьевны согласія на бракъ его съ ея до-

черью. Анна Григорьевна, разумѣется, согласилась съ радостью, тѣмъ болѣе, что женихъ былъ все-таки человекъ извѣстный и завѣдомо смиренный и трезвый.

— Я-то, батюшка, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, но вотъ какъ владыко скажетъ, прибавила она въ видѣ оговорки.

Гевсиманскій ее успокоилъ.

— Объ этомъ вы, Анна Григорьевна, не беспокойтесь, ибо владыкѣ о моемъ намѣреніи идти во дьяконы не безызвѣстно. Отецъ регентъ рекомендовалъ меня, и въ воскресенье мнѣ назначена апробація.

— Какая это, Василій Петровичъ, апробація? поинтересовалась дьяконица.

— А когда отецъ регентъ обо мнѣ докладывалъ и рекомендовалъ меня, какъ способнаго, владыко сказалъ: „въ хору, говоритъ, голоса не узнаешь,—не одинъ онъ тамъ поетъ“, и назначилъ мнѣ апробацію.

— То-есть, чтобы вы одни ему спѣли?

— Нѣтъ-съ, а приказалъ, чтобы за ранней обѣдней въ его церкви я Апостола прочиталъ.

— Вотъ что!.. Ну, дай вамъ Господи!.. Ну, помоги вамъ Царица Небесная!..

Дьяконица набожно перекрестилась.

Настенька давала Гевсиманскому разные наставленія.

— Ты, Васенька, передъ тѣмъ, какъ выходить съ Апостоломъ, выпей рюмочку для смѣлости, а то какъ разъ оробѣешь.

— Небойсь, не оробѣю; на свадьбахъ я сколько разъ читывалъ Апостола-то, да не робѣлъ-же.

— То свадьба, а тутъ передъ самимъ владыкой... Да ты голосъ-то хорошенько прочисти, чтобы хрипоты не было; батюшка-покойникъ, бывало, если у него хрипота явится, все какой-то гогель-могель пилъ. Выпилъ-бы и ты, Васенька.

— Съ ромомъ?

— А ужъ не знаю, съ чѣмъ; знаю, что онъ яйца клалъ.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно, съ увѣренностью сказалъ Гевсиманскій; — я лучше встану пораньше да передъ обѣдней чайкомъ прополощу горло-то...

— Ужъ постарайся ты, голубчикъ, попрорѣзистѣе; помни,

что отъ этого наше счастье зависить, съ дрожью въ голосѣ просила Настенька.

Въ субботу архіерейскій служба, забѣжавъ въ пѣвческую „курнуть“, принесъ Гевсиманскому важное извѣстіе:

— Сейчасъ отъ ключаря, началъ онъ.

— Зачѣмъ ходилъ?

— На завтра къ ранней владыко прибавалъ отъ Покрова дьякона вызвать.

— Служить? спросилъ Гевсиманскій, нѣсколько смутившись.

— Да... Стравить васъ съ нимъ хочеть...

— Ну, братъ, Василій Петровичъ, берегись, — онъ тебя задушить, говорили товарищи.

— Задушить не задушить, а соперникъ опасный, согласился Гевсиманскій.

Покровскій дьяконъ или „дубоворотъ“, — какъ его прозвали въ городѣ за громадный, но необработанный голосъ, — могъ быть для всякаго страшнымъ соперникомъ въ состязаніи голосами и въ комъ угодно возбудить опасеніе за собственный успѣхъ. По мнѣнію владыки, это былъ единственный достойный кандидатъ на протодіаконское мѣсто; поѣтому-то онъ, назначивъ Гевсиманскому „апробацію“, и вызвалъ этого дьякона на состязаніе, для того, чтобы посредствомъ сравненія вѣрнѣе оцѣнить достойнѣйшій голосъ. Соперничество предстояло дѣйствительно опасное. Правда, Василя Петровича оно только нѣсколько смутило, но не испугало. Однакожь, чтобы не тревожить преждевременно Настеньку и не возбуждать въ ней опасеній, можетъ быть, напрасныхъ, онъ не сказалъ ей объ этомъ архіерейскомъ распоряженіи. Съ него было довольно уже и того, что всѣ другіе открыто высказывали свои сомнѣнія въ счастливомъ для Гевсиманскаго исходѣ этого оригинальнаго единоборства.

Наконецъ, наступило и роковое воскресенье. Съ первымъ ударомъ колокола къ ранней обѣднѣ Настенька и ея мать были уже въ церкви. Сильно билось сердце дѣвушки и даже невольная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

— Ахъ, Господи, ну, какъ онъ да...

Она не договаривала и торопливо крестилась. Церковь была еще совершенно пуста; только одинъ маленькій и старенькій монашекъ - ктиторъ зажигалъ огарки мѣстныхъ свѣчъ. Окно, вы-

ходившее изъ архіерейской моленной въ церковь, было еще закрыто... Но вотъ дверь скрипнула; Настенька оглянулась и увидѣла у порога размахисто крестившагося, огромнаго, толстаго дьякона отъ Покрова... Сердце дѣвушки словно захолонуло.

„Этотъ базластный-то зачѣмъ сюда пришелъ? подумала она съ испугомъ. — Ужь не онъ-ли обѣдню будетъ служить? Вотъ бѣда-то!..“

Между тѣмъ дьяконъ помолился, раскланялся съ етиторомъ и прошелъ въ алтарь.

Настенька не утерпѣла и подошла къ етитору.

— Скажите, батюшка, пожалуйста, сегодня обѣдню кто будетъ служить?

— Иеромонахъ Исидоръ, ворчливо отвѣтилъ монашекъ.

— А изъ дьяконовъ?

— Отъ Покрова. Владыко такъ приказалъ. Онъ въ соборъ просится, въ протодіаконы, такъ ему сегодня назначено испытаніе.

Настенька отошла, сильно взволнованная.

„Бѣда; пропало наше дѣло! думала она, волнуясь и чуть не плача. — Вася-то не выдержитъ противъ него, — вонъ вѣдь бычище какой!.. Что твоя бочка! Батюшку-бы покойнаго пустить на тебя, оглашеннаго, такъ онъ-бы тебѣ показалъ“...

Потомъ она стала горячо молиться за Васю. Между тѣмъ церковь мало-по-малу наполнялась богомольцами. Наконецъ, пришли пѣвчіе, а за ними явился и іеромонахъ Исидоръ.

Къ Чистосердовымъ подошелъ Гевсиманскій съ товарищемъ изъ теноровъ.

— Ну, Настасья Ильинична, сегодня у насъ будетъ игра — страсть! сказалъ теноръ.

— Какая игра? не поняла дѣвушка.

— Да вотъ состязаніе-то Василя Петровича съ „дубоворотомъ“. Просто оглушать, ей-богу. Я ваты взялъ уши затыкать, шутилъ теноръ.

Но Настенькѣ было не до шутокъ.

— Сконфужитса сегодня Василій Петровичъ, грустно сказала она.

— Это еще посмотримъ! съ напускной увѣренностью отвѣтилъ Гевсиманскій. — Я вѣдь знаю его, онъ на серединѣ только и силенъ.

— Ну, братъ, Василій Петровичъ, не говори: у него и октавица, и верхи страшные, одно только вотъ—ореть безъ обработки.

Чтеніе часовъ уже кончалось, и пѣвчіе вышли на клиросъ. Василій Петровичъ прошелъ въ алтарь и оттуда уже въ стихарѣ вышелъ къ пѣвчимъ.

Наконецъ, вышелъ „дубоворотъ“, размахисто помолился передъ царскими дверьми и „Вла-го-сло-ви, вла-ды-ы-ы-ко-о!“—первый возгласъ дьякона, — мощно и густо прокатилось подъ сводами маленькой церкви. Обѣдня началась.

Богомольцевъ набиралось все больше; въ церкви становилось тѣсно и жарко, но Настеньку лихорадка начинала трясти все сильнѣе... Какимъ-то образомъ слухъ, что „владыко выслушиваетъ сегодня двухъ претендентовъ на протодіакона“, проникла въ толпу богомольцевъ, и между ними было замѣтно необычное движеніе. Нѣкоторые изъ нихъ перешептывались и указывали на Настеньку, какъ на лицо всѣхъ болѣе заинтересованное въ этомъ дѣлѣ. Какъ все это разузналось, одинъ Богъ вѣсть! Но вотъ хоръ запѣлъ: „Святый Боже“, и Василій Петровичъ въ стихарѣ, „съ Апостоломъ“ въ рукахъ, всталъ передъ амвономъ.

Настенька поблѣднѣла.

— „Пре-му-дрость!“ проревѣлъ дьяконъ изъ алтаря.

— „Проклинь, гласъ!..“ отвѣтилъ Гевсимапскій внушительно.— „Во всю землю изыде вѣщанія и въ концы вселенныя глаголюхъ ихъ“.

— „Пре-му-дрость!“ въ высокій тонъ прогремѣлъ опять дьяконъ такъ, что у отца Исидора даже въ ушахъ зазвенѣло.

— „Римлянѣ посланіе“... съ трескомъ раскатился Гевсимапскій.

— „Вон-мемъ!“ пророкоталъ страшно низкой октавой дьяконъ.

— „Бра-тіе!“ еще ниже началъ Василій Петровичъ, и его бархатная, мягкая октава зазвучала, словно струна громаднаго контрбаса.

Но звуки все вѣбрили, тоны, возвышаясь, становились все мощнѣе и гуще... Василій Петровичъ прошелъ регистръ середины, легко и свободно перешелъ въ верхнія ноты, и чѣмъ выше онъ становился, тѣмъ сильнѣе. Маленькая домовая церковь, казалось,

вздрагивала отъ этихъ могучихъ звуковъ; по угламъ словно что трещало.

Когда же было произнесено послѣднее слово Апостола, и Гевсиманскій мастерски оборвалъ его вдругъ на самомъ высокомъ тонѣ, то всѣмъ показалось, что надъ храмомъ разразился громовой раскатъ, а переднихъ богомольцевъ точно отдало что: они разомъ отхлынули на заднихъ и взволновали всю массу народа. Даже старикъ протодіаконъ, стоявшій на лѣвомъ клиросѣ, улыбнулся отъ удовольствія и одобрительно мотнулъ головой, какъ-бы говоря: „хорошо-де, по-протодіаконски!“

— Вотъ такъ голосомъ!

— Молодъ еще, а погоди, что будетъ лѣтъ въ сорокъ.

— Тогда онъ, пожалуй, Ильѣ Ильичу не уступить.

— Славный будетъ протодіаконъ.

Такія замѣчанія и сужденія слышались вокругъ Настеньки, и глаза ея сіяли радостью.

Но вотъ дьяконъ началъ евангеліе и опять все смолкло. Но увы! какъ онъ ни натуживался, какъ ни краснѣлъ, у него выходило далеко не то, что у Гевсиманскаго! Губы дьякона дрожали отъ напряженія; изъ груди вылетали ужасные, громоподобные звуки, въ которыхъ слышалась страшная сила; но не было легкости и гибкости, не хватало умѣнья владѣть голосомъ, и „дубоворотъ“ спасовалъ передъ Гевсиманскимъ, что поняли даже не знатоки, что почувствовала даже Настенька.

V.

По окончаніи обѣдни, архіерейскій служка подошелъ къ регенту и сказалъ, что его требуетъ преосвященный.

— Какъ, бишь, фамилія-то пѣвчаго? спросилъ владыко, благословляя регента.

— Гевсиманскій, ваше высокопреосвященство.

— Въ которомъ классѣ?

— Въ философскомъ.

— Голосъ благозвученъ... А винаща много пьеть?

— Не изъ пьющихъ, ваше высокопреосвященство.

— И благонадеженъ?

— Осмѣлюсь доложить, вполне.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ подавалъ прошеніе.

Читатель легко можетъ представить собѣ радость Чистосердовыхъ и Гевсиманскаго, когда они узнали рѣшеніе владыки...

На другой-же день Василій Петровичъ, въ сюртукѣ, застегнутомъ на-глухо, съ прошеніемъ въ рукахъ, стоялъ въ пріемной архіерейской комнатѣ... Наконецъ, послышались мягкіе шаги, и владыко вошелъ. Гевсиманскій, по обычаю, поклонился въ ноги, принялъ благословеніе и подалъ просьбу.

— Гевсиманскій? спросилъ владыко, пристально взглянувъ въ лицо просителя и въ особенности въ его подбородокъ.

— Такъ точно, ваше высокопреосвященство.

— Бороду брѣешь? опять спросилъ владыко, все такъ-же пристально всматриваясь въ его голый подбородокъ.

— Никакъ нѣтъ еще...

— Сколько-же тебѣ лѣтъ?

— Двадцать шестой годъ...

— А бороды нѣтъ?

— Природа такая, ваше высокопреосвященство...

— Стало быть, не растетъ?

— Точно такъ-съ...

— Гмъ... гмъ!

Владыко какъ-будто задумался на минуту.

— Это прошеніе, что-ли? спросилъ онъ, наконецъ, взглянувъ на бумагу.

— Точно такъ-съ... Черезъ отца-регента соблаговолили приказать...

— Ладно, ступай; просьбу твою я въ консисторію передамъ.

Гевсиманскій снова земно поклонился и, принявъ пастырское благословеніе, вышелъ, какъ говорится, земли подъ собой не чуя отъ радости.

— Анна Григорьевна! Настасья Ильинична! Мы сегодня кутимъ, пируемъ!.. закричалъ онъ, бомбой влетая въ квартиру своей невѣсты.

— Что, батюшка, что такое? Прошеньце-то принялъ владыко? встрепенулась Анна Григорьевна.

— Еще-бы не принять, — чай, самъ приказывалъ.

— Ну, слава тебѣ Господи! говорила дьяконица, крестясь. —

Теперь и сговоръ справить можно, какъ есть по-настоящему, по обычаю, добавила она.

— Сегодня-же-бы, Анна Григорьевна, справить; у меня вотъ есть два сребренника, я ихъ могу ребромъ поставить, потому то-варищей угостить нужно...

— Что-же, сегодня, такъ сегодня: время-то еще не Богъ знаетъ сколько... Схожу вотъ на базаръ до обѣда-то, куплю тамъ чего-нибудь по-малости, а послѣ обѣда печь истоплю и пригото-влю къ вечеру-то...

— А мы къ вамъ часиковъ въ шесть въ гости...

— Милости просимъ, бабушка, приходите... Я и протодіако-на позову, его попросятъ благословить васъ, онъ дружокъ былъ моему Ильѣ Ильичу, и Ивана Сергѣевича съ кумушкой звать буду, и еще тамъ кого нужно... за одно ужъ изъясниться-то...

Съ шести часовъ гости стали собираться. Пришелъ съ товари-щами женихъ, пришелъ съ женой дьяконъ, за ними протодіаконъ, потомъ попъ, тоже съ женой, и уже послѣ всѣхъ явился подре-гентъ со скрипкой, которую онъ, впрочемъ, оставилъ пока въ темной передней. Угощеніе началось, какъ водится, съ чая, по-томъ поданы были водка, вино и все, что было приготовлено. Гости пили, ѣли и вели солидные разговоры о разныхъ близкихъ предметахъ. Анна Григорьевна не скупилась подчивать мужчинъ водкой, а дамъ красненькимъ. Когда подвыпили уже порядкомъ и рѣчи стали развязнѣе и громче, подрегентъ досталъ свою скрипку и, къ общему увеселенію, сталъ на ней наигрывать разные пѣсни и ро-мансы, а потомъ и камаринскую. Нашлись охотники плясать, и плясали... Словомъ, было очень весело и всѣ были довольны и благодушны, такъ что даже цѣловались: жениха цѣловали това-рищи, протодіаконъ цѣловался съ попомъ и діакономъ, подре-гентъ со всѣми...

Сытые и пьяные гости разошлись только за полночь.

Черезъ день Гевсиманскій, часу во второмъ, отправился въ консисторію узнать: не сдано-ли его прошеніе?

— Какъ-же-съ, получено, отвѣтилъ регистраторъ,—но еще не передано въ столъ; сейчасъ только во входящую занесъ.

— Съ резолюціей? спросилъ Гевсиманскій.

— Владыко безъ резолюціи не сдастъ.

— Покажите пожалуйста!

Регистраторъ порылся въ бумагахъ, вытаскалъ прошеніе и, давая, сказалъ:

— Не благопріятно-съ...

— Какъ?! воскликнулъ Василій Петровичъ.

— А вотъ прочтите...

Регистраторъ ткнулъ пальцемъ въ резолюцію, написанную собственной рукой владыки; Гевсиманскій прочиталъ и поблѣднѣлъ. Резолюція гласила: „понеже діакону безъ браны быти непристойно, кольми паче протодіакону сіе возбранно; пусть оную сперва отростить и тогда дерзаетъ. Отъезать!“

Какъ громомъ поразило молодого человѣка: въ глазахъ у него потемнѣло, въ виски застучало и онъ чуть не упалъ...

— Какъ-же это?.. Почему-же?.. растерянно боржоталъ онъ.

— Бороды нѣтъ... непристойно, говоритъ; а жаль: славный бы изъ васъ протодіаконъ вышелъ, утѣшалъ регистраторъ.

— Да гдѣ-жъ мнѣ ее взять-то, чортъ-бы ее съѣлъ, если она не ростетъ! въ отчаяніи воскликнулъ Гевсиманскій и при этомъ такъ поддалъ себѣ кулакомъ въ подбородокъ, что даже зубы стукнули...

Легко можно себѣ представить отчаяніе Гевсиманскаго и Настеньки, вторымъ казалось, что „счастье было такъ близко, такъ возможно“...

— Васенька, голубчикъ! Отрости ты ее какъ-нибудь! со слезами на глазахъ наивно просила Настенька. — Сходи ты въ аптеку, можетъ быть, мазь такая есть. Мѣсто-то за мной еще мѣсяца четыре останется, мазать будешь, такъ, можетъ, и вырастетъ.

— Нѣтъ, какая мазь! Брить начну; каждый день брить стану, и утромъ, и вечеромъ, можетъ быть, покажется, хмуρο отвѣчалъ на это Василій Петровичъ...

— А изъяну-то, изъяну-то сколько! горевала Анна Григорьевна. — Послѣднія свои денежки ухлопала; гуся скормила, поросенка скормила, и все это прахомъ пошло... Ахъ, Господи, Царица небесная!..

Но какъ ни горюй, а резолюціи владыки: „оную пусть прежде отростить, а потомъ дерзаетъ“, пришлось покориться. Василій Петровичъ усердно сталъ скоблить свой голый подбородокъ, питая надежду, что авось на немъ покажется „волючка“, предвѣст-

ница настоящей бороды. Но увы! „коллечка“ не показывалась и Гевсиманскій съ завистью и даже злобой смотрѣлъ на чужія бороды и глубоко вздыхалъ.

Между тѣмъ слухъ, что мѣсто покойнаго Ильи Ильича оставлено владыкой за его дочерью и что Гевсиманскому, просившемуся на это мѣсто, владыкой отказано, распространился, — и къ Настенькѣ стали свататься другіе женихи. Первымъ явился какой-то бурсакъ, лохматый и мрачный съ виду, говорившій, кашлявшій и даже сморкавшійся басомъ.

Разумѣется, Настенька на него и глядѣть не хотѣла, но Анна Григорьевна, по совѣту протодіакона и другихъ соборянъ, отнеслась къ этому новому „жениху“ иначе, и когда онъ сдѣлалъ предложеніе, отвѣтила:

— Мы, батюшка, съ нашимъ удовольствіемъ, да вѣдь мы тутъ не вольны, а какъ владыко... Голосокъ-то, батюшка, у васъ каковъ?

— Голосъ есть, пробасилъ бурсакъ.

— Вотъ тоже сватался Гевсиманскій,—знаете, чай? Ужь чего-бы лучше женихъ, и голосъ прелестный, да безбородый, борода не растетъ, сообщала наивная дьяконица.

— И борода есть, опять пробасилъ бурсакъ и пошаркалъ ладонью по своему синему, щетинистому подбородку.

— Вижу, батюшка, вижу... бриться изволите?

— Брѣюсь, — потому, пока не требуется, а при надобности...

— Владыко, вѣроятно, „апробацію“ вамъ назначить.

— Что-жь, я готовъ...

— А ужъ до тѣхъ поръ вы извините насъ, батюшка, мы отвѣту вамъ дать никакого не можемъ... Надо вотъ просить отца регента, чтобы владыкѣ доложилъ...

— Маменька, что вы дѣлаете... ни за кого я не пойду крокъ Васи!.. съ плачемъ воскликнула Настенька по уходѣ жениха.

— Какъ, доченька, не пойдешь: чего-же мы ѣсть-то будемъ? По міру что-ли поидемъ? возразила Анна Григорьевна и отправилась къ регенту, чтобы попросить его доложить владыкѣ о новомъ женихѣ.

— Мнѣ-то что? отозвался владыко на докладъ регента.— Не

буду-же я каждаго выслушивать... Пробуй ты... Представь мнѣ достойнаго, и я опредѣлю...

На другой день, когда бурсакъ снова явился, Анна Григорьевна, угостивъ его чайкомъ, сказала:

— Вы, батюшка, ужъ извините, а владыко-преосвященный приказалъ отцу регенту сдѣлать вамъ „апробацію“.

— Что-жь, я съ удовольствіемъ, согласился женихъ, и Анна Григорьевна повела его въ квартиру регента, откуда минутъ черезъ пять Настенька, заливавшаяся слезами, услышала звуки скрипки, играющей гамму, и голосъ жениха, ревущаго до... ре... ми и т. д.

„Апробація“ продолжалась съ полчаса. Наконецъ, Анна Григорьевна и „женихъ“ вернулись. Послѣдній даже не взглянулъ на Настеньку, тотчасъ-же взялъ шапку и сталъ прощаться.

— Извините, что обезпokoилъ, сказалъ онъ, остановившись у двери.

— Насъ-то, батюшка, извините; мы съ превеликой-бы радостью, да вонъ отецъ регентъ говорить, что голосокъ-то у васъ будто... а по-моему такъ претличный! утѣшала дьяконица.

„Женихъ“ былъ забравованъ регентомъ. У Настеньки отлегло отъ сердца, но не на долго. Претенденты на мѣсто стали являться одинъ за другимъ, и хотя всѣ они оказывались неудовлетворительными по своимъ голосамъ, но вмѣсто забравованныхъ тотчасъ-же выступали на сцену новые и новые „женихи“.

VI.

Такъ прошли четыре мѣсяца. На пятомъ пріѣхалъ въ городъ изъ какого-то глухого села дьячекъ, тоже прослышавшій, что владыко ищетъ въ соборъ хорошаго дьякона, и желавшій попнать свое счастье. Дьячекъ этотъ, по фамиліи Псалмопѣвцевъ, былъ дѣтина рослый, здоровый, широкоплечій, съ богатырски-развитою грудью, но крайне некрасивый. На головѣ у него была цѣлая копна огненно-рыжихъ волосъ; такого-же цвѣта усы и борода густо окружали его огромный ротъ, раздвигавшійся чуть не до ушей; на красномъ лицѣ возвышался большой, мясистый носъ съ широко-раздутыми ноздрями и бородавкой на самомъ концѣ. Псалмопѣвцевъ когда-то учился въ семинаріи и въ то-же время былъ

пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ. Потомъ, при переходѣ Псалмопѣвцева въ философскій классъ, отецъ его дьячекъ умеръ, и онъ долженъ былъ оставить семинарію, чтобъ поступить на мѣсто покойнаго отца и кормить старуху мать и сестру, еще дѣвущку. Когда онъ пѣлъ въ архіерейскомъ хорѣ, ему было всего только 22 года, но уже и тогда его голосъ выдѣлялся изъ другихъ и обращалъ на себя вниманіе регента. Съ тѣхъ поръ прошло 6 лѣтъ. Псалмопѣвцевъ возмужалъ, голосъ его выровнялся и окрѣпъ на-столько, что дьячекъ рѣшился испробовать счастья и явиться претендентомъ на дьяконское мѣсто при соборѣ.

Остановившись на постояломъ дворѣ, въ той маленькой улицѣ, которая лежала внизу прямо подъ соборнымъ бугромъ, онъ на другое же утро умастил свою рыжую кобну „елеемъ“, т. е., попросту, коровинымъ масломъ, купленнымъ тутъ же въ мелочной лавочкѣ на семишникѣ, облачился въ лучшія „ризны своя“, расчесалъ бороду и отправился въ архіерейскій домъ къ отцу регенту.

Въ коридорѣ, передъ дверью въ квартиру регента, Псалмопѣвцевъ снялъ шапку, еще разъ причесался, высморкался и, тщательно отершись полой, наконецъ отворилъ дверь. Регентъ сидѣлъ за утреннимъ чаемъ и тотчасъ же узналъ своего стараго пѣвчаго.

— Ба-ба-ба! Псалмопѣвцевъ! откуда взялся? Экъ, братецъ, какъ ты раздобылъ и возмужалъ, говорилъ онъ, осматривая вошедшаго и приподнимаясь, чтобы дать ему благословеніе.

— Изъ отчихъ палестинъ, ваше высокоблагословеніе, вчера по вечеру пріѣхалъ, отвѣтилъ тотъ, цѣлуя руку регента.

— По дѣламъ видно?

— Къ вашей милости, ваше высокоблагословеніе, отвѣтилъ дьячекъ, почтительно стоя, тогда какъ регентъ снова принялся за чай.

— Ко мнѣ, говоришь? Зачѣмъ же? Опять, что-ли, въ пѣвчіе хочешь?

— Да вотъ прослышалъ, что при соборѣ дьяконское мѣсто открылось и преосвященнѣйшій желаетъ, чтобы съ голосомъ... Не походатайствуйте-ли, ваше высокоблагословеніе...

Псалмопѣвцевъ поклонился чуть не до земли.

Регентъ задумался на минуту. Голосъ просителя онъ помнилъ очень хорошо; но тогда Псалмопѣвцевъ былъ еще безбородымъ мальчишкой; а теперь вонъ какая непроглядая трясиная выросла...

— Ты сколько лѣтъ, какъ изъ хора выбылъ? спросилъ, наконецъ, регентъ.

— Да вотъ уже седьмой годъ дьячествую.

— А изъ семинаріи-то изъ какого класса?

— При переходѣ въ философію, ваше высокоблагословеніе.

Регентъ снова на минуту задумался.

— Видишь-ли что, снова началъ онъ: — для поступленія въ соборъ дьякономъ условій много требуется: во-первыхъ, чтобы голосъ удовлетворительный... Ты вѣдь помнишь Илью-то Ильича, пѣль при немъ?

— Какъ-же-съ! Царство ему небесное, рѣдкостный былъ дьяконъ!

— Ну, такъ вотъ: нужно, чтобы голосъ былъ хоть и не таковой, но все-же, чтобы проситель могъ служить первымъ дьякономъ, а еще лучше, если-бъ годенъ былъ потомъ въ протодьяконы... Такъ и владыко сказалъ... А во-вторыхъ, ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагословеніе, гдѣ тутъ жениться: еле проваривалъ родительницу съ сестрой... Родительница теперь померла.

— Коли не женатъ, такъ ладно, потому владыко оставилъ это мѣсто за дочерью Ильи Ильича и благословилъ прискивать... Ну, а голосъ у тебя не пропалъ?

— Какъ можно-съ? Тогда-бы я къ вамъ и явиться не посмѣлъ... Да извольте испытать.

— Такъ ты иди въ пѣвческую; я сейчасъ буду.

Псалмопѣвецъ направился въ хорошо знакомую ему пѣвческую, въ которой засталъ только двухъ маленькихъ пѣвчихъ, сидящихъ на полу и играющихъ въ камушки. Онъ молча сѣлъ на табуретъ у стѣны.

— Вамъ кого? спросилъ одинъ изъ играющихъ, съ любопытствомъ осмотрѣвъ пришедшаго.

— Къ отцу регенту.

— Такъ вѣдь онъ не здѣсь живетъ.

— Я знаю, я былъ у него, онъ меня сюда послалъ.

— Стало быть и онъ придетъ?

— Сейчасъ будетъ.

— Васъ пробовать?

— Да.

Услыхавъ это, ребятишки тотчасъ-же скрылись изъ пѣвческой и, должно быть, сообщили объ этомъ „большимъ“, потому что, немного погодя, въ пріотворенную дверь стали выглядывать головы суровыхъ басовъ и сладенькія фізіономіи теноровъ. Всѣ они съ любопытствомъ осматривали Псалмопѣвцева, а потомъ одинъ по одному стали выходить въ пѣвческую.

— Вы въ хоръ? октавой спросилъ его низенькій, коренастый басъ.

— Нѣтъ.

— По какому-же дѣлу?

Но Псалмопѣвцевъ не успѣлъ отвѣтить: вошелъ отецъ регентъ съ „требникомъ“ въ рукахъ.

— Ну-ко, давай попробуемъ, что у тебя—убавилось или прибавилось... Скрипку! обратился онъ къ пѣвчимъ.

Двое бросились за скрипкой, и черезъ минуту пѣвческая огласилась мощными звуками: „до, ре, ми“...

Раза три прошли гамму, спускались до глубокаго октавнаго „до“ и поднимались до оглушительнаго верхняго „фа“.

— Вепе! сказалъ, наконецъ, регентъ, опуская смычекъ.—Прочти-ко теперь Апостола.

Онъ раскрылъ требникъ на заложенной страницѣ и подаль его Псалмопѣвцову.

Тотъ откашлялся, сплюнулъ и, сильно вдохнувъ въ себя воздухъ, крѣпкой октавой провозгласилъ: „братіе!“ Широкія ноздри огромнаго его носа вздрогнули и раздулись; брови то приподнимались, то опускались... Звуки, по мѣрѣ возвышенія, становились гуще и сильнѣе, въ воздухѣ точно что свистѣло, а къ концу Апостола эти оглушительные звуки перешли въ страшные громовые раскаты, отъ которыхъ и у регента, и у другихъ присутствующихъ звенѣло въ ушахъ, стекла въ оконныхъ рамахъ дребезжали, а у Псалмопѣвцева только ноздри раздувались шире и чаще вздрагивали...

Наконецъ, онъ такъ проревѣлъ послѣднее слово, что регентъ невольно прикрылъ ладонями уши. Дѣячекъ смолкъ, ожидая своего криговора.

— Вепе! ухмыляясь, опять повторилъ регентъ.—Голосъ у тебя добрый, протодіаконскій, только загрубѣлъ; видно, ты совсѣмъ

не упражнялъ его... Но это не бѣда: недѣлки двѣ-три гамму потянешь да попоешь съ нами, такъ онъ оправится...

— Ваше высокоблагословеніе, я только на пять дней отпросился у отца благочиннаго, сказалъ сіяющій Псалмопѣвецъ.

— Это ничего, мы благочиннаго извѣстимъ, что ты намъ нуженъ и что мы тебя оставили... А ты гдѣ остановился-то? спросилъ регентъ.

— На постояломъ, ваше высокоблагословеніе.

— Ну, можно то у тебя, чай, не больно толста—проживаться тамъ; переходи пока къ большимъ; тутъ и живи съ ними и къ столу будешь ходить. За это попоешь съ нами—чай, не забылъ еще?—а тамъ, недѣлки черезъ двѣ, я доложу владыкѣ,—онъ навѣрное приметъ тебя...

Псалмопѣвецъ въ этотъ же день перебрался съ постоялаго двора и поселился вмѣстѣ „съ большими“, гдѣ ему поставили койку. Онъ скоро перезнакомился со всѣми. „Большіе“ были даже особенно внимательны къ нему, какъ къ будущему протодьякону, только одинъ Гевсиманскій, косясь, сторонился отъ него. Онъ всею силою души возненавидѣлъ Псалмопѣцева, какъ своего соперника и врага. Слухъ, что наконецъ нашелся человекъ, достойный по своему голосу даже протодьяконскаго мѣста, мигомъ облетѣлъ всѣхъ соборянъ и, разумеется, дошелъ и до Настеньки. Заколонуло сердце бѣдной дѣвушки, и она въ тотъ же вечеръ постаралась свидѣться съ Васильемъ Петровичемъ.

— Васенька, голубчикъ, что намъ дѣлать-то? Говорятъ, опять какой-то лѣшакъ выискался, чуть не со слезами говорила она своему милому.

— Во истину лѣшакъ! подтвердилъ Гевсиманскій. — Уродъ, можно сказать, рѣдкостный... да вотъ сама увидишь...

— Я не пойду за него, ни за что не пойду! говорила дѣвушка.

Псалмопѣвецъ между тѣмъ не подозрѣвалъ, какія враждебныя чувства возбудилъ онъ почти съ перваго же дня въ той дѣвушкѣ, которую онъ думалъ взять за себя, почти совсѣмъ ее не зная. Онъ смутно помнилъ Настеньку еще дѣвочкой, почти ребенкомъ, когда ей было лѣтъ 13, и съ тѣхъ поръ ни разу не видалъ ее. Ему никогда бы и въ голову не пришло посватать за себя Настеньку, еслибъ владыкѣ не угодно было оставить за

ней отцовское мѣсто. Напротивъ, Псалмопѣвецъ, отправляясь въ городъ, лелѣялъ въ своей душѣ совсѣмъ иную мечту: онъ давно уже засматривался на дочь своего дьякона, бѣлую, ражую, сильную, очень нравившуюся ему дѣвушку, и рассчитывалъ, что если счастье поблагоприятствуетъ ему получить мѣсто при соборѣ, то онъ женится на ней... Но воля владыки предназначала ему въ жены другую, и Псалмопѣвецъ смиренно покорился, находя это болѣе разумнымъ...

VII.

Прошли двѣ недѣли. Голосъ Псалмопѣцева, вслѣдствіе каждагодневныхъ упражненій въ гаммахъ, совершенно очистился и снова получилъ прежнюю гибкость. За это время онъ нѣсколько разъ видѣлъ Настеньку, но познакомиться еще не успѣлъ. Сравнивая ее съ своей деревенской красавицей, онъ, разумѣется, отдавалъ полное предпочтеніе красотѣ Настеньки, хотя и находилъ, что она „жидковата — такъ и гнется, словно молодая жимолость“...

При случайныхъ встрѣчахъ съ нею онъ постоянно замѣчалъ ея сухой, какъ-будто враждебный взглядъ, который, противорѣча слышаннымъ отзывамъ о ней, какъ о воплощенной кротости, сбивалъ его съ толку до тѣхъ поръ, пока кто-то изъ пѣвчихъ не сообщилъ ему по секрету о взаимной привязанности ея и Гевсманскаго и пересказалъ всю ихъ печальную исторію. Извѣстіе это сильно смутило Псалмопѣцева и заставило его задуматься.

„Какъ-же мнѣ жениться на ней, когда ей другой нравится? спрашивалъ онъ себя. — Долго-ли до грѣха; дьяволь-то вѣдь силень, — горами качаетъ“...

Но какъ онъ ни думалъ, какъ ни вертѣлся съ этимъ вопросомъ, а приходилъ все къ одному и тому-же: что жениться на ней онъ все-таки долженъ, такъ-какъ только подъ условіемъ этой женитьбы онъ могъ получить желаемое мѣсто...

„А можетъ быть, блажь это только одна была; тамъ обойдется, попривыкнетъ ко мнѣ... Обижать я не стану ее, такъ увидить, что и со мной жить можно“, наконецъ, успокоилъ онъ себя и пересталъ объ этомъ думать.

Чѣмъ чаще видѣлъ Псалмопѣвецъ Настеньку, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе производила на него ея голубиная кротость, и,

наконецъ, дьячекъ окончательно „втесался“ въ нее, какъ онъ самъ выражался о своемъ чувствѣ.

Теперь онъ ни за что не отступился-бы добровольно отъ возможности обладать ею.

Разъ, послѣ воскресной обѣдни, регентъ, наконецъ, сказалъ ему:

— Сегодня я о тебѣ доложу владыкѣ; приготовься, можетъ, потребуетъ прямо къ себѣ.

— Слушаю-съ.

— А невѣсту-то ты засваталъ?

— Нѣтъ еще.

— Чего-же ты медлишь?

— Жду, когда владыко благословить подавать прошеніе.

Регентъ „доложилъ“, но владыко къ себѣ не потребовалъ, а только спросилъ: „бородать-ли?“ и отдалъ приказъ, чтобы Псалмопѣвецъ прочиталъ за ранней обѣдней Апостола, а служить эту обѣдню вызвать того-же покровскаго дьякона. На этомъ новомъ состязаніи Псалмопѣвцева съ „дубоворотомъ“ присутствовали всѣ соборяне, кромѣ Настеньки, которая всю обѣдню навзрыдъ проплакала, судя несчастному дьячку „засадъ въ глотку“.

Но какъ она ни призывала „засадъ“, а „дубоворотъ“ былъ посрамленъ окончательно, и владыко, благословляя Псалмопѣвцева, приказалъ подавать прошеніе.

Теперь Псалмопѣвцеву осталось только приступить къ сватовству, т. е. къ исполненію самаго неважнаго, самаго послѣдняго, какъ онъ думалъ, условія, для того, чтобы стать дьякономъ. Здѣсь, въ городѣ, у него не было ни души знакомыхъ, черезъ которыхъ можно-бы повести это дѣло, и онъ задумался.

— Попрошу совѣта у отца регента, наконецъ, рѣшилъ онъ и пошелъ къ нему.

— Чего-жь ты затрудняешься? отвѣтилъ тотъ. — Иди прямо самъ, безъ всякихъ свахъ; онѣ вѣдь знаютъ, что ты сватать долженъ, — иди и скажи: такъ, молъ, и такъ, владыко соблаговолилъ, а вы при мѣстѣ.

Послушался дьячекъ, снова умастилъ голову елеемъ, расчесалъ свою бороду и не безъ робости пошелъ дѣлать предложеніе. Когда онъ вошелъ, Настенька, шившая что-то въ пальцахъ, поблѣд-

пѣла и еще ниже склонила свою головку; сердце въ бѣдной дѣвушкѣ вздрогнуло и какъ-будто застыло...

— Позвольте вамъ себя отрекомендовать, неловко, сконфужено началъ вошедшій:—Егоръ Ивановъ Псалмопѣвцевъ.

— Знаю, батюшка, знаю, отвѣтила Анна Григорьевна; — помню васъ, когда вы еще въ хору пѣли... Милости просимъ, садитесь...

Псалмопѣвцевъ сѣлъ и откашлялся въ руку, не зная, что говорить дальше, но Анна Григорьевна выручила его.

— Слышно, владыко въ соборъ васъ принимаетъ?

— Да-съ, соблаговолилъ; прошеніе подать приказали...

Онъ опять откашлялся и покосился на Настеньку, которая по-прежнему сидѣла блѣдная, не поднимая головы. Игла въ ея рукѣ дрожала и никакъ не могла попасть, куда слѣдуетъ.

— Поди-ко, Настенька, поставь самоварчикъ, сказала ей Анна Григорьевна, вѣрно разсчитавъ, что Псалмопѣвцеву безъ нея будетъ удобнѣе сдѣлать предложеніе.

Настенька словно обрадовалась приказанію матери, быстро встала и, даже не взглянувъ на гостя, вышла изъ комнаты. Псалмопѣвцевъ дѣйствительно вздохнулъ свободнѣе, откашлялся, но все-таки молчалъ... Онъ давно приготовился къ предстоявшему объясненію и составилъ даже цѣлую маленькую рѣчь, но теперь у него рѣшительно все вылетѣло изъ головы, такъ-что онъ помнилъ только начало своей рѣчи: „цѣль сего посѣщенія моего къ вамъ“... Что-же слѣдовало дальше, онъ никакъ не могъ припомнить и только потѣлъ и краснѣлъ отъ натуги, сознавая между тѣмъ, что время идетъ и Настенька вотъ-вотъ вернется.

— Цѣль сего моего посѣщенія къ вамъ... началъ онъ, обливаясь потомъ, и на этомъ занулся.

— Настасья Ильиничнѣ соблаговолено на мѣсто... такъ я-бы, ежели нѣтъ это благоугодно будетъ... заговорилъ онъ опять и опять замялся.

Анна Григорьевна тоже молчала и ждала.

— Въ законный бракъ, наконецъ, выпалилъ дьячекъ и высморгался безъ платка.

— Что-жь, батюшка, наше дѣло сиротское, отвѣчала старушка.—Хорошо, что владыко былъ еще такъ милостивъ, а то безъ куска хлѣба остались-бы... Я съ моимъ удовольствіемъ согласна;

вѣдь не выгонете-же вы меня, старуху, прокормите; и жить-то мнѣ да чужой хлѣбъ ѣсть, чай, не долго ужъ придется, скоро, поди, и я за другомъ своимъ отправлюсь.

Старушка заплакала; Псалмопѣвецъ опять высморкался.

— Что вы это, помилуйте, какъ-же можно родительницу обидѣть! „Чти отца твоего и матеръ“, сказано въ заповѣди, успокоивалъ онъ.

— А коли прокормите, такъ и дай вамъ Господи добраго здоровья!.. Я согласна, — чего-же намъ по нашему сиротству желать...

— Если вы меня въ этой надеждѣ утверждаете, такъ я завтра же подамъ владыкѣ прошеніе и поѣду домой: скорбь кой-какой продать надобно... Тоже хозяйство было, — птица, скотинка...

— Согласна, батюшка, согласна, а только мой совѣтъ: все-то, батюшка, не продавайте; можетъ, кое-что и по здѣшнему хозяйству пригодится...

Псалмопѣвецъ ушелъ, отказавшись отъ чаю. На душѣ у него было и свѣтло, и радостно. Онъ достигъ того, къ чему стремился. Неожиданно для самого себя, онъ получалъ даже больше, чѣмъ надѣялся: онъ мечталъ только о дьяконскомъ мѣстѣ при соборѣ, а вмѣсто того его готовятъ въ протодіакона...

„Протодіаконъ! Легко сказать! Вѣдь это, почитай, что первое лицо при архіереѣ; да и жена будетъ такая красавица, что не налюбуйшься... Вотъ оно счастье-то! Никому неизвѣстно, гдѣ оно ждетъ человѣка“, думалъ Егоръ Ивановичъ, собираясь въ дорогу.

Когда Анна Григорьевна сообщила Настенькѣ, что Псалмопѣвецъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ отъ нея согласіе, Настенька расплазалась, какъ ребенокъ, и бросилась на грудь матери.

— Маменька, голубушка, за что вы меня губите? рыдала она. — Какъ я буду жить съ нимъ? Онъ противенъ мнѣ; я видѣть его не могу!

— Полно, Настенька, это теперь только такъ, а потомъ по привыкнешь, полюбишь, успокоивала мать.

— Никогда я его не полюблю, никогда!.. Лучше я въ дѣвкахъ останусь, чѣмъ пойду за него. Лучше руки на себя наложить!.. Мерзить онъ мнѣ... Пожалѣйте, не губите меня, не отдавайте за него!.. воскликнула Настенька.

Старушка замолчала, разсчитывая, что дочь, поуспокоившись, можетъ быть, сама разсудить и согласится...

Прошло двѣ недѣли. Бѣдная дѣвушка сильно похудѣла и измѣнилась за это время: румянецъ потухъ, розовыя губки поблѣднѣли и плотно сжались, словно сдерживали готовныя вырваться рыданія; въ когда-то ясныхъ глазахъ вмѣсто веселья и безопасности теперь постоянно сверкали слезы...

Псалмопѣвецъ вернулся изъ села и, въ качествѣ жениха, тотчасъ-же посѣтилъ свою невесту; но Настенька, какъ только увидѣла его, бросилась въ другую комнату и тамъ заперлась. Какъ ни вызывала ее Анна Григорьевна, она даже не подавала голоса...

— Вы извините ее, батюшка, дѣвичье дѣло: извѣстно, конфузится да упрямится, но Богъ дастъ обойдется, успокоивала она ошеломленного, растерявавшегося жениха.

Въ этотъ разъ Псалмопѣвецъ такъ и не видалъ Настеньки. По уходѣ его, Анна Григорьевна принялась было ворчать на дочь, но та снова расплакалась чуть не до истерики и опять стала умолять не губить ее, не принуждать идти за Псалмопѣвцева. Видя, какъ дочь убивается, и опасаясь, чтобы она и въ самомъ дѣлѣ чего надъ собой не сдѣлала, старушка рѣшилась обратиться за совѣтомъ къ протодіакону.

— Дурить гусынька; урезонить ее надобно, сказалъ протодіаконъ, выслушавъ, и пошелъ урезонивать.

Увидя друга своего покойнаго отца, Настенька опять залилась слезами и, подойдя къ нему, прерывающимся голосомъ стала просить:

— Отецъ протодіаконъ, заступитесь хоть вы за меня, скажите маменькѣ, чтобы она не позволила идти за противнаго... Я не могу...

Она зарыдала.

— Полно, гусынька, что ты,—кто тебя неволить? Это ужъ такъ вышло, что тебѣ приходится выйти за него... Ты разсуди: сами просили владыку, чтобы мѣсто оставилъ, отца протоіерея тревожили,—онъ ходатайствовалъ за тебя,—а теперь вдругъ ты говоришь, что не пойдешь... Что владыко подумаетъ? Отецъ протоіерей въ какомъ предѣ нимъ положеніи очутится?.. Нѣтъ, ты этого и думать не можешь, это вѣдь не шутка!..

— Господи! Да не могу я... Не пойду я... рыдая, восклицала дѣвушка.

— Вы всё такъ-то по-первоначалу, и если бы на ваши дѣвичьи прихоти родители стали взирать, такъ ни одной бы изъ васъ замужъ не выдать...

— Я согласна за Василю Петровича...

— Да коли онъ не годенъ? Съ владыкой вѣдь спорить не будешь; съ нимъ шутки плохія: какъ разъ въ монастырь упрятеть, постращаль старикъ.

— Да я согласна лучше въ монастырь, говорила дѣвушка, продолжая рыдать.

— Полно, гусынька, полно; блажь это одна въ тебѣ! Господь посылаетъ жениха во всѣхъ статьяхъ рѣдкостнаго, такъ и благодари Его за благія и великія милости!.. Отъ судьбы не уйдешь, а упорствомъ только введешь въ гнѣвъ и отца протоіерея, и самого владыку.

Но всё эти убѣжденія нисколько не дѣйствовали на Настеньку, и она твердила свое, такъ-что протодіаконъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, плюнулъ и ушелъ.

Видя, что ему не удалось „урезонить“ свою любимицу, и въ то-же время искренно желая ей по-своему добра и боясь навлечь на нее гнѣвъ владыки, протодіаконъ рѣшился обратиться къ протопопу.

„Пусть-ко онъ ей хорошенько пригрозить; тогда авось блажь-то вылетитъ, а то, чего добраго, избави Богъ, владыке узнаеть— и этого мѣста лишитъ, и другого не дастъ... Пропадеть дѣвка въ сиротахъ... А отецъ протоіерей хотя и погрозить, но по добросердечію своему сдѣлаеть это только для видимости“.

Протодіаконъ разсчиталъ вѣрно. Отецъ протоіерей, старикъ съдой, какъ лунь, былъ человекъ, дѣйствительно, добрый, и если на кого и „пылил“, то именно только для видимости. Но Настенька этого не знала и струхнула не на шутку, когда онъ потребовалъ ее къ себѣ.

— Ты что это, еретичка, — вольнодумствовать?! строго крикнулъ старикъ на испуганную и блѣдную Настеньку, какъ только та вошла. — Кто это тебѣ внушилъ? Отвѣчай! Мать, что-ли? Такъ я васъ обѣихъ на покаяніе, на эпитемію!

Дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, молчала, а разгнѣванный старикъ продолжалъ:

— Что-жь молчишь? Гордодумствовать смѣешь, а до отвѣта дошло, такъ и языкъ прильпе къ гортани?! Ишь ты шалаболыница, еретичка!.. Что-жь я тебѣ, мальчишка, что-ли, дался, чтобы смѣяться надо мной? Ходи, кланяйся, хлопочи за нихъ, а онѣ на-ко, фанаберію на себя напускать: тотъ женихъ не хорошъ, этотъ не ладенъ! Гдѣ-же для тебя магистровъ да бакалавровъ-то взять? Благодарить Всевышняго должна, что не въ село куда-нибудь пономаршей ѣдешь!

Долго бы еще продолжалъ въ этомъ родѣ протоіерей, если-бы не замѣтилъ слезъ, обильно текущихъ по лицу трепещущей дѣвушки. Онъ тоже хотѣлъ ей только добра и потому, сразу понизивъ голосъ, докончилъ такъ, благословляя ее:

— Ну ступай, еретичка; да помни, чтобы этого больше не было, — чтобы я и слухомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ въ тебѣ этого неразумія!..

Выйдя отъ протопопа, Настенька пошла не домой.

Разбитой, уничтоженной, напуганной, чувствовавшей, что всѣ были противъ нея и никто не хотѣлъ знать, что дѣлается у нея на сердцѣ, — ей хотѣлось остаться наединѣ съ своимъ горемъ и выплакать его на свободѣ. Она прошла длинный коридоръ, вышла на заднее крыльцо и съ жадностью вдохнула въ стѣсненную грудь свѣжій апрѣльскій воздухъ. Она уже не плакала, — глаза ея были воспалены и съ лихорадочнымъ блескомъ, напряженно, но безцѣльно смотрѣли вокругъ; исхудалое личико становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, раскрытыя, мертвенно-блѣдныя губы дрожали. Она спустилась съ крыльца, неровной походкой прошла по двору за дровяной амбаръ и машинально сѣла на лежавшее тамъ бревно...

„Ахъ, еслибы плавать!“ съ тоскою подумала она, чувствуя, что горе ея все растетъ и растетъ, все невыносимѣе и невыносимѣе гнететъ ее. Вдругъ въ глазахъ у нея совершенно потемнѣло и она безъ чувствъ упала съ бревна на молодую, едва пробивавшуюся травку...

VIII.

Настенька очнулась уже у себя дома, раздѣтая и въ постели. Около нея хлопотала Анна Григорьевна, вся въ слезахъ.

— Доченька милая, что съ тобой? заботливо спросила старушка, когда дѣвушка открыла глаза.

— Не знаю... ничего, слабо отвѣтила дочь и, отвернувшись къ стѣнѣ, снова закрыла глаза.

Послѣ обморока она чувствовала страшную слабость; въ головѣ словно стоялъ туманъ, а въ ушахъ звенѣло... Наконецъ, мало-по-малу мысли ея стали проясняться, — она все припомнила, и изъ глазъ ея тихо заструились слезы...

— Доченька милая, что съ тобой? Мать Пресвятая Богородица, что мнѣ дѣлать-то, какъ мнѣ быть?! причитала Анна Григорьевна, сидя у дочери въ ногахъ.

— Дѣлайте, какъ хотите, мнѣ все равно, также тихо проговорила Настенька.

— Все это сиротство наше беззащитное!.. Наша бѣдность безысходная! Еслибы отецъ живъ былъ, развѣ стали-бы мы такъ мучиться? А теперь про каждый день не знаемъ, будемъ-ли сыты... Охъ, Господи!..

— Дѣлайте со мной, что хотите, я на все согласна; только теперь оставьте меня въ покоѣ! съ нервнымъ нетерпѣніемъ повторила дѣвушка.

Старушка молча вышла изъ комнаты.

На другой день Настеньку нельзя было узнать: щеки ввалились еще болѣе, румянца не было и слѣда; вмѣсто него по всему лицу разлилась непріятная желтизна, а подъ глазами образовались синіе круги. Но она казалась спокойною и молча принялась за свои обычныя работы.

Начались приготовленія къ свадьбѣ.

Псалмопѣвецъ, выручившій отъ продажи своего сельскаго хозяйства рублей 200, желалъ справить свадьбу на-славу и не жалѣлъ денегъ. Онъ дѣлалъ невѣстѣ разные недорогіе подарки, покупалъ сластей, желая этихъ расположить ее къ себѣ. Но Настенька равнодушно принимала всѣ его приношенія, молча откладывала ихъ въ сторону и тутъ-же забывала о нихъ. Въ при-

готовленияхъ къ свадьбѣ она также не принимала никакого участія: молча примѣрала новое платье, молча, по желанію матери, надѣвала новыя серьги, и, даже не взглянувъ въ зеркало, также молча снимала съ себя... Словомъ, она точно окаменѣла и не понимала, что совершается вокругъ нея.

Съ тоскою подмѣчалъ все это бѣдный Псалмопѣвецъ, и раздругой въ немъ мелькнула даже мысль: „не бросить-ли все и не уѣхать-ли опять въ свое село?“

Но, съ другой стороны, для него было почти невозможно отказать отъ этого „всего“: отъ мѣста, о которомъ онъ едва могъ мечтать нѣсколько времени назадъ, отъ Настеньки, овладѣвшей всѣмъ его сердцемъ.

— Отъ судьбы видно не уйдешь, мрачно повторялъ онъ сотни разъ въ глубокомъ раздумьѣ и, наконецъ, рѣшилъ: — будь, что будетъ! Женюсь, стану лелѣять ее, ублажать всячески, авось со временемъ переимѣнится...

Наконецъ, наступилъ день свадьбы.

Въ 6 часовъ вечера маленькая желтая церковь была освѣщена нѣсколькими свѣчными огарками. Женихъ былъ уже тутъ и, одѣтый въ новый стихарь, неподвижно стоялъ среди любопытной толпы, вызывая разныя неслестныя для себя замѣчанія со стороны женщинъ. Архіерейскій хоръ въ полномъ составѣ, кромѣ Гевсианскаго, ожидалъ только прибытія невесты, чтобы грянуть концертъ.

— Невѣста пріѣхала, невеста! раздался кругомъ шопотъ; толпа заволновалась...

— „Гряди, гряди отъ ливана невеста!“ грянулъ хоръ, и Настенька, блѣдная, худая, съ блестящимъ сухимъ взглядомъ, едва держась на ногахъ, подошла къ жениху.

— „Гряди, гряди, голубица моя!“ продолжалъ ревѣть хоръ, но трепещущая „голубица“ едва-ли слышала этотъ свадебный гимнъ, отъ имени жениха привѣтствовавшій ее. Съ неопредѣленнымъ, какъ-бы застывшимъ выраженіемъ на лицѣ, тѣмъ выраженіемъ, какое иногда можно подмѣтить только у человѣка, стоящаго передъ гробомъ самаго дорогого, самаго милого ему существа, она стояла, скорбно склонивъ свою головку и устремивъ безсознательный взглядъ на крестъ, вышитый на ризѣ священника. Когда ихъ повели къ аналою, она зашаталась и чуть не упала...

Впродолженіи всего обряда всѣ ея движенія отличались полной безсознательностью: она крестилась, цѣловала вѣнецъ, принимала теплоту только тогда, когда ей объ этомъ напоминали. Такою-же ее привезли и домой; въ такомъ-же состояніи оставалась она во весь вечеръ, повуда вокругъ нея шумѣлъ свадебный пиръ...

Прошло три года. Въ дождливый, холодный сентябрьскій день къ городскому кладбищу тянулась похоронная процесія. Впереди катафалка архіерейскій хоръ гремѣлъ: „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!“ За катафалкомъ, съ открытой головой, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, сумрачный и съ опухшими глазами, шелъ Псалмопѣвецъ, а рядомъ на извозничьей пролетѣ ѣхала и причитала Анна Григорьевна.

— Кого это хоронятъ? спросилъ прохожій, обращаясь къ небольшой кучкѣ соборянъ, замыкавшихъ процесію.

— Жену соборнаго протодіавона, отвѣтили ему.

Пав. Федоновъ.

НА ЗАКАТЪ ДНЕЙ.

Никогда, словно мачиха злая,
Ты меня не ласкала, судьба,
Непонятной враждою пылая,
Изъ упряма напрасно желая
Приниженнаго сдѣлать раба!

И открыто, какъ врагъ благородный,
Не вступала со мною ты въ бой;
Какъ злодѣй самый гнусный, негодный
Ты мнѣ тайно вредила, бесплодной
Истошая день каждый борьбой.

Разбивая безжалостно грезы,
Все, чѣмъ юноша жилъ и дышалъ,
Насылала ты страшныя грозы,
Безпрестанныя бури, морозы,
Когда трудный мой путь я свершала.

О, какъ часто у пристани самой
Разбивала ты утлый мой челнъ!
Но я къ цѣли завѣтной шелъ прямо
И съ волнами боролся упрямо,
Ободряющей вѣрою полнъ!

Не свернулъ я ни разу съ дороги,
Предъ врагами не подличалъ я...
Но ослабли и руки, и ноги,
И отъ вѣчныхъ терзаній, тревоги
Стынетъ кровь молодая моя.

Съ каждымъ днемъ измѣняютъ мнѣ силы,
Я борюсь, увя, устаю,
Изнуренный, беспомощный, хилый,
Скоро стану добычей могилы,
Ближе къ ней съ каждымъ днемъ я стою...

Что мнѣ смерть! Безъ малѣйшей печали
Я бы умеръ спокойно вполне,
Кончивъ такъ, какъ герои кончали,
Чтобъ приверженцы зла не кричали,
Что побѣда на ихъ сторонѣ.

И. Выховъ.

БЕЗРОДНЫЙ.

(Изъ Гектора Малю.)

(Окончаніе.)

Вотъ и опять разлука! опять новый патронъ, быть можетъ, опять новыя испытанія! Неужто я всю жизнь буду кочующимъ комедіянтонъ, безроднымъ бродягой, незнающимъ ни родного угла, ни близкаго мнѣ человѣка, нынче засыпающимъ подъ открытымъ небомъ, а завтра потѣшающимъ на площади праздныхъ зѣвакъ? Неужели такъ будетъ навсегда? Эти мысли долго копошились въ моей головѣ; но, приученный къ безусловному повиновенію, я смолчалъ.

Мѣстность, по которой мы шли, начинала принимать другой характеръ; снѣгъ на дорогѣ представлялъ теперь какую-то сѣрую, сплошную массу, по которой взадъ и впередъ тянулись обозы; кой-гдѣ попадались грязныя, полуразвалившіеся дома, каковыхъ мы даже въ провинціи не встрѣчали. Но вотъ передъ нами потянулась безконечно-длинная улица; на почернѣвшихъ кучахъ снѣга по обѣимъ сторонамъ ея валялись отброски овощей и мяса, перегорѣлыя уголья съ золой и всякая другая дрянь; воздухъ былъ пропитанъ мiasмами; лица у дѣтей, игравшихъ у дверей домовъ, были изжелта-блѣдныя.

— Куда это мы пришли? спросилъ я у Витали.

— Въ Парижъ, отвѣчалъ онъ.

Быть не можетъ! подумалъ я. Гдѣ-же нраворные дворцы? Гдѣ же нарядная публика? Такъ вотъ каковъ Парижъ, о кото-

рожь я такъ мечталъ! И здѣсь-то, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, мнѣ придется провести конецъ зимы, въ разлукѣ съ Витали и Капи! Всѣ улицы предмѣстья столицы представляли отвратительный и вмѣстѣ грустный видъ; грязь, вонь, толпы пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, оборванные ребятишки, съ крикомъ шмыгавшіе назадъ и впередъ, — все это поразило меня и возбудило во мнѣ невольный ужасъ. Я прижался къ Витали и держалъ его за полу кафтана; но тотъ шелъ ровнымъ шагомъ, не обращая ни на что вниманія. На углу одного высокаго, почернѣвшаго каменнаго дома мнѣ бросилась въ глаза надпись: „Rue Lougšine“, и вслѣдъ затѣмъ мы очутились на грязномъ, большомъ дворѣ, напоминавшемъ вонючій колодезь.

— Дома-ли Гарафоли? спросилъ Витали у ветошника, который развѣшивалъ свои тряпки при свѣтѣ фонаря.

— Не знаю, ступайте на верхъ; вамъ вѣдь извѣстно, гдѣ онъ живетъ, отвѣчалъ тотъ.

Мы стали взбираться по крутой, темной лѣстницѣ, покрытой скользкой грязью, на четвертый этажъ; Витали толкнулъ какую-то дверь и мы вошли въ довольно просторную комнату, похожую на чердакъ. Двѣнадцать дѣтскихъ кроватокъ стояли въ два ряда; стѣны и потолокъ не имѣли опредѣленнаго цвѣта — до того они почернѣли отъ времени, копоти и пыли; комната освѣщалась бенкеткой, висѣвшей на гвоздѣ.

— Здѣсь-ли вы, Гарафоли? крикнулъ мой наставникъ; — я ничего не вижу, отзовитесь. Я — Витали, пришелъ переговорить съ вами.

— Сеньоръ Гарафоли вышелъ, раздался слабый, протяжный голосъ, — и ранѣе, какъ черезъ два часа, онъ не вернется.

Говорившій имѣлъ видъ ребенка лѣтъ десяти; онъ не шелъ, а волочилъ тощія, маленькія ноги, поддерживавшія почти незамѣтное туловище и громадную голову, такъ что его наружность напоминала карикатурнаго человѣчка. Но, несмотря на такое уродство, лицо его привлекало къ себѣ выраженіемъ кротости, покорности и какой-то горькой безнадежности въ большихъ, влажныхъ глазахъ и въ подвижномъ ртѣ.

— Точно-ли ты увѣренъ, что онъ вернется черезъ два часа? спросилъ Витали.

— Непремѣнно, сеньоръ; мы въ это время обѣдаемъ, а кро-
мѣ него никто не раздаетъ кушанья.

Приказавъ сказать Гарафоли, что онъ опять придетъ черезъ
два часа, Витали направился къ двери. Я бросился за нимъ.

— Останься, сказалъ онъ мнѣ,—я скоро вернусь; увѣряю
тебя, что скоро вернусь, прибавилъ онъ, замѣтивъ выраженіе
ужаса на моемъ лицѣ.

Лишь только звукъ шаговъ Витали замеръ на лѣстницѣ, маль-
чикъ-уродецъ, все время прислушивавшійся у двери, повернулся
ко мнѣ и спросилъ по-итальянски:

— Вы мой землякъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я по-французски, понявъ вопросъ, но не
рѣшаясь вести разговоръ на чужомъ языкѣ.

— Жаль; мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы вы были италя-
нецъ.

— А откуда именно?

— Изъ Лукки, тамъ мои родные живутъ.

— Нѣтъ, я французъ, повторилъ я.

— Для васъ это лучше: вы не поступите въ услуженіе къ
Гарафоли, нашему патрону.

— А онъ злой? спросилъ я робко.

Мальчикъ вскинулъ на меня такой страшный, многозначитель-
ный взглядъ, что у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ; затѣмъ онъ
повернулся къ печкѣ, гдѣ на пылающемъ огнѣ кипѣлъ котелъ,
крышка котораго была заперта висячими замкомъ.

— Отчего это у васъ запертъ котелъ? снова спросилъ я.

— Чтобы я не отлилъ бульона. Сегодня я долженъ ва-
рить супъ, но хозяинъ не довѣряетъ мнѣ.

Я невольно улыбнулся.

— Вамъ смѣшно, продолжалъ мальчикъ,—вы думаете, что я
жадный... побыли-бы вы на моемъ мѣстѣ; я не жаденъ, а голоденъ
до смерти; запахъ же супа еще болѣе раздражаетъ мой аппетитъ.

— Неужели сеньоръ Гарафоли моритъ васъ голодомъ? ска-
залъ я.

— Если вы поступите къ намъ въ школу, то узнаете, что
отъ голода не умираютъ, а только мучатся отъ него ужасно.
Впрочемъ, я подъ наказаніемъ. Видите-ли что: сеньоръ Гарафоли
мнѣ родной дядя и я живу у него даромъ, изъ милости; мать

моя вдова, очень бѣдная; содержать шестерыхъ дѣтей ей было не подѣ силу, вотъ она и пожертвовала мною, какъ старшимъ; да я къ тому-же уродъ, а мой братъ Леонардъ красавецъ; матери и не хотѣлось его уступить; пусть, говоритъ, Матія идетъ на заработокъ, онъ старшій. Вотъ я и пошелъ. А ужъ какъ горько было раставаться съ матерью, братьями, сестрами, особенно съ Христиной, которую я нянчилъ! Всѣ мы обливались слезами на прощаньи. По дорогѣ Гарафоли набралъ еще съ дюжину мальчиковъ, а какъ пришли мы въ Парижъ, онъ тотчасъ и роздалъ насъ по мѣстамъ: кого въ трубочисты, кого въ печники, а остальнымъ велѣлъ съ волынками, скрипками, флейтами ходить по улицамъ, играть и пѣть. Мнѣ онъ поручилъ показывать двухъ бѣлыхъ мышей и приносить каждый день домой 30 су; всѣ дѣти аккуратно приносили свои заработки, только у меня одного всегда оказывался недочетъ. Да кто-жь и подастъ уроду? Вонъ со мной ходилъ хорошенькій мальчикъ: того Гарафоли обложилъ 40 су, и всегда получалъ ихъ сполна. Оно и немудрено: меня на улицахъ всѣ на смѣхъ подымали, а красавчику деньги спалились со всѣхъ сторонъ. Сначала хозяинъ жестоко колотилъ меня за то, что я не могъ приносить ему 30 су, а потомъ рѣшилъ пронять меня голодомъ: сколько денегъ я не донесу, столько картофелинъ отнять у меня за ужиномъ. Не могъ-же я говорить парижанамъ: господа, подайте мнѣ нѣсколько су, не то меня оставляютъ дома безъ картофеля. Голодъ помогъ мнѣ въ одномъ отношеніи: я началъ возбуждать живѣйшее участіе въ людяхъ своей худобой и мертвенной блѣдностью; мнѣ не только стали подавать деньги, но даже кормили меня супомъ и хлѣбомъ. Это была хорошая пора! Меня не били, а объ ужинѣ я не горевалъ, такъ-какъ днемъ наѣдался до-сыта. Но, на бѣду мою, Гарафоли разъ подсмотрѣлъ, какъ я уписывалъ супъ у зеленщицы, и понялъ, почему я такъ хладнокровно переносу, когда меня за ужиномъ обносятъ картофелемъ. Вотъ онъ и положилъ, чтобы я больше не ходилъ со двора, а варилъ-бы для мальчиковъ супъ; а чтобы я какъ-нибудь не соблазнился бульономъ, онъ сталъ запирать котель на замокъ. Немудрено, что я опять такъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ; легкое-ли дѣло: мучится отъ голода и нюхаетъ вкусный запахъ горячей похлебки!..

Я поспѣшилъ-было утѣшить его, что онъ совсѣмъ не такъ страшно худъ и блѣденъ, какъ думаетъ.

— Вы воображаете, что сказали мнѣ вещь очень пріятную, воскликнулъ Матіа; — ошибаетесь: я радъ-бы былъ заболѣть и умереть; мертвыхъ палками не бьютъ, голодомъ не морятъ, а на небѣ, я думаю; такъ хорошо!.. Я-бы оттуда маму видѣлъ, Христину... Я вамъ скажу, и больнымъ хорошо быть; положить тебя въ больницу, сестры милосердія такъ такія всѣ добрыя, ласковыя, такъ тихо говорятъ: „покажи язычекъ, миленькій, повернись, дитя мое...“ Вотъ такой голосъ у мамы... А когда начнешь поправляться, какимиъ вкуснымъ бульономъ тебя кормятъ, какимиъ виномъ поятъ!.. Но я вѣдь такой несчастный — и заболѣть-то опасно надолго не умѣю! Можетъ быть, теперь меня отправятъ въ больницу; Гарафоли ударилъ меня палкой по головѣ; говорятъ, нарывъ образуется; я по ночамъ кричу, какъ помѣшанный, отъ боли; нельзя-же, чтобы я беспокоилъ сеньора и прочихъ дѣтей. Право, хорошо, что онъ меня ударилъ!..

Я съ изумленіемъ и ужасомъ слушалъ этого страннаго мальчика, который говорилъ безъ умолку и въ то-же время дѣлалъ свое дѣло. Онъ при мнѣ накрылъ столъ на двадцать приборовъ и приготовилъ все нужное къ обѣду. Такъ-какъ въ комнатѣ было всего двѣнадцать кроватей, то я изъ этого заключилъ, что нѣкоторые дѣти спятъ попарно. Чтѣ за грубое бѣлье, что за рыжія одѣяла покрывали кровати! Въ иной конюшнѣ у конюховъ лучше постели.

Пока я размышлялъ такимъ образомъ, начали сходиться дѣти—кто со скрипкой, кто съ арфой, кто съ флейтой; няня несла на себѣ кѣтки съ бѣлыми мышами и сурками. Меня поразило то обстоятельство, что двое или трое изъ этихъ оборванныхъ мальчиковъ явились съ полѣвными дровъ въ рукахъ; оказалось, что ими они надѣялись покрыть недомки незаработанныхъ су.

Но вотъ по лѣстницѣ раздались тяжелые шаги; я истинно угадалъ, что это идетъ Гарафоли. Дѣйствительно, это былъ онъ — блѣдный, небольшого роста итальянецъ, въ сѣромъ пальто. Первый взглядъ его при входѣ въ комнату остановился на мнѣ и оледенилъ меня.

— Матіа, это что за мальчуганъ? крикнулъ онъ.

Уродецъ почтительно доложилъ о посѣщеніи Витали.

— А-а! Витали въ Парижѣ! Что ему нужно отъ меня?

— Не знаю-сь, отвѣчалъ Матіа.

— Тебя и не спрашиваютъ; я говорю съ нимъ. При чемъ Гарафоли указалъ на меня.

— Витали сейчасъ будетъ сюда и объяснитъ, въ чемъ дѣло, робко произнесъ я.

Надо было видѣть, какъ бѣдные дѣти принялись ухаживать за своимъ патрономъ: одинъ принялъ отъ него шляпу, другой подставилъ ему стулъ, третій поспѣшилъ набить трубку табакомъ и раскурить ее. Брань и пинки посыпались на послѣдняго за то, что онъ не сумѣлъ ловко зажечь спичку. Красивый мальчикъ, по имени Рикардо, одинъ только пользовался, повидимому, особеннымъ благоволеніемъ патрона.

Затѣмъ произошла сцена, которая глубоко врѣзалась въ моей памяти. Началась провѣрка собранныхъ денегъ; мальчикъ, негодившій хозяину при раскуриваніи трубки, первый былъ призванъ къ суду за недонесенные 4 су; съ нимъ оказалось виновныхъ еще человекъ пять. Полѣнья не пошли въ счетъ; злой Гарафоли насмѣшливо предлагалъ дѣтямъ съѣсть ихъ вмѣсто обѣда. Группа счастливцевъ, вернувшихся съ полнымъ сборомъ, встрѣтила гадкимъ хохотомъ плоскую острогу патрона. Когда всѣ недоимки были приведены въ извѣстность, Гарафоли схватилъ себя за голову.

— Значить, пять разбойниковъ меня ограбили! завопилъ онъ. — Вотъ каково быть щедрымъ! Чѣмъ-же, мошенники вы эдакіе, буду я оплачивать отличную говядину и картофель, которыми я васъ ежедневно кормлю, если вы не хотите работать? Вамъ слѣдуетъ хныкать, прося милостыню, а вы только зубы скалите передъ прохожими. Пойдите-же, я васъ проучу!

Началась расправа. Рикардо, по приказанію хозяина, снялъ со стѣны плеть съ широкимъ ремнемъ; преступники, по командѣ, стащили съ себя курточки и подставили свои голыя спины подъ удары хорошенькаго палача-товарища. Гарафоли повернулся лицомъ къ огню, точно нервы его не могли выдержать такого зрѣлища. Я забился въ уголь и дрожалъ отъ ужаса и негодованія. „То-же самое ждетъ и меня, думалъ я.—Теперь я понимаю, почему Матіа такъ спокойно говорилъ о своей смерти!“

Рикардо опытной рукою, въ тактъ, хлесталъ поочередно пятерыхъ мальчиковъ; при первомъ звукѣ удара плети, опустившейся на спину крайняго ребенка, слезы градомъ брызнули у меня изъ глазъ.

— Сейчас видно, что у этого малаго доброе сердце, замѣтилъ Гарафолли, все время искоса на меня поглядывавшій. — Смотрите, какъ онъ плачетъ! Не то, что вы, болваны: вашихъ товарищей наказываютъ, а вы хохочете.

Отчаяннѣе всѣхъ кричалъ мальчикъ, неугодившій хозяину трубой; Ривардо, повидимому, менѣе прочихъ щадилъ его. Вдругъ патронъ подалъ зналъ рукой; плеть замерла въ воздухѣ; я подумалъ, что сейчасъ объявится помилованіе, но жестоко ошибся.

— Зачѣмъ ты такъ кричишь? кротоко произнесъ Гарафолли, обращаясь къ своей маленькой жертвѣ; — если плеть рветъ твою кожу, то твои крики разрываютъ мое сердце. Предупреждаю тебя — за каждый крикъ ты получишь лишній ударъ. Вѣдь я, по твоей милости, захвораю; хоть изъ благодарности, изъ любви ко мнѣ замолчи!.. Продолжай, Ривардо.

Новые удары принялись полосовать спину бѣдняжки.

— Мама, мама! неистово кричалъ онъ.

Къ счастью, дверь съ лѣстницы быстро распахнулась и появленіе Витали прекратило возмутительную сцену. Можно было догадаться, что онъ еще на лѣстницѣ слышалъ крики, потому что, войдя въ комнату, онъ мгновенно вырвалъ плеть изъ рукъ Ривардо и, ставъ лицомъ къ лицу передъ Гарафолли, проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— И это не позоръ, не подлость — мучить такъ беззащитныхъ дѣтей?

— Ты что вмѣшиваешься въ чужія дѣла, старый дуракъ? рѣзко возразилъ Гарафолли.

— Я дамъ знать полиціи!

— Полиціи?.. протянулъ Гарафолли, вставая со стула. — Ты мнѣ грозишь полиціей?..

— Да, я, отвѣчалъ Витали, не отступая ни на шагъ.

— Послушай, Витали, ироническимъ тономъ сказалъ итальянецъ, — не зли меня, иначе вѣдь и я заговорю... Хорошо ли тогда тебѣ будетъ? Полиціи я доносить не стану, — ей до тебя дѣла нѣтъ, — а вотъ кой-кому не мѣшаетъ шепнуть одно имя, и если только я его произнесу — не знаю, кто будетъ опозоренъ.

Витали точно окаменѣлъ; я растерялся отъ изумленія и не успѣлъ опомниться, какъ онъ повелъ меня за руку къ двери.

— Не сердись, старина! крикнулъ ему вслѣдъ Гарафоли:— ты хотѣлъ поговорить со мной о чемъ-то?

Витали, молча, не оборачиваясь, началъ спускаться съ лѣстницы. Еслибъ я смѣлъ, я обнялъ-бы его: такъ я былъ счастливъ, уходя отъ жестокаго палача.

Когда мы вышли на улицу, уже совсѣмъ стемнѣло; Капи ждалъ насъ у воротъ. Витали видимо торопился, пока мы проходили шумнымъ, оживленнымъ кварталомъ; но лишь только мы свернули въ узкій проулокъ, онъ въ изнеможеніи опустился на тумбу.

— Хорошо быть сострадательнымъ, проговорилъ онъ вслухъ, какъ-бы про себя.— А между тѣмъ мы все-таки очутились подъ открытымъ небомъ, безъ гроша въ карманѣ и съ пустымъ желудкомъ. Ълъ-ли ты что-нибудь, Реми?

— Ничего, кромѣ корки хлѣба, которую вы мнѣ дали утромъ, отвѣчалъ я.

— Дитя мое, приготовься лечь спать безъ ужина, да и то еще неизвѣстно, найдемъ-ли мы мѣсто для ночлега. Я рассчитывалъ, что ты поѣшь и переночуешь у Гарафоли, и что онъ внесетъ мнѣ за тебя 20 франковъ за зиму, которыми я бы сдюмѣлъ обернуться; но у меня духу не хватило помѣстить тебя въ такомъ варвару...

На вопросъ мой, куда мы идемъ теперь? — Витали отвѣчалъ, что, не желая платить за ночлегъ, онъ намѣренъ обратиться въ знакомую ему каменоломню Жантилья, гдѣ мы можемъ очень удобно провести ночь въ сухихъ нишахъ шахты. Долго шли мы разными закоулками; я замѣтилъ, что Витали едва передвигаетъ ноги и дрожить, какъ въ лихорадкѣ. Потрашенія послѣднихъ дней не прошли безслѣдно для надломленнаго тюрьмою организма сильнаго когда-то старика; я убѣждалъ его обратиться къ состраданію котораго-нибудь изъ хозяевъ тѣхъ скромныхъ домиковъ, мимо которыхъ мы брели; но онъ упорно твердилъ одно, что отыщеть названное имъ мѣсто, а изъ милости не хочетъ быть принятымъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ кварталѣ живутъ все садовники-цвѣтоводы, которые ночью не любятъ вставать.

Рѣзкій вѣтеръ обдувалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Не знаю, сколько времени бродили мы взадъ и впередъ, отыскивая заколдованную каменоломню, только все возвращались на прежнее мѣсто.

Витали совсѣмъ выбился изъ силъ; дыханіе со свистомъ вырвалось у него изъ груди, онъ поминутно спотыкался. Холодъ пробралъ и меня; я на ходу засыпалъ, въ ухахъ у меня звенѣло, ноги коченѣли и отказывались служить. Капи, опустивъ уши и хвостъ, дробными шажками бѣжалъ рядомъ со мной. Но вотъ мы остановились около высокаго омета изъ навоза, покрытаго соломой; вѣтеръ постепенно сдувалъ ее сверху и она покрывала густымъ слоемъ снѣгъ подлѣ калитки садоваго забора.

— Сядемъ тутъ! хриплымъ голосомъ произнесъ Витали, тяжело опускаясь на кучу соломы. — Ометъ защитить насъ отъ сѣвернаго вѣтра. Ложись какъ можно ближе ко мнѣ, а Капи положи на себя. Попробуемъ заснуть.

Витали, какъ человѣкъ опытный, не могъ не знать, что спать на морозѣ—вѣрная смерть; видно, онъ ужъ начиналъ терять сознаніе, если рѣшился подвергнуть себя и меня опасности. Я въ точности исполнилъ все, что онъ мнѣ приказалъ, и, улегшись насколько можно удобнѣе, немедленно почувствовалъ, что меня одолеваетъ глубокой сонъ; я началъ щипать себѣ руки—ничего не чувствую! Страхъ замерзнуть заставилъ меня сдѣлать невѣроятныя усилія, чтобы приподнять вѣки; гляжу—Витали прислонился спиной къ калиткѣ сада и отрывисто дышетъ; Капи, растянувшись вдоль моего тѣла, сладко спитъ. Помню ясно, какъ солома сыпалась сверху на наши лица, точно сухіе листья съ дерева; на улицѣ было тихо, какъ въ могилѣ; эта тишина навела на меня смутный страхъ, смѣшанный съ сожалѣніемъ къ самому себѣ. У меня даже навернулись слезы на глазахъ при мысли: что, если я здѣсь умру? Бѣдная мама Барберина! Вотъ горевать-то будетъ! Я опять закрылъ глаза. Воображенію моему представился нашъ деревенскій домикъ съ садомъ... солнце свѣтитъ, на дворѣ такъ тепло, жонки цвѣтутъ, дрозды свищутъ въ кустахъ... мама Барберина развѣшиваетъ на заборѣ бѣлье, вымытое въ ручьѣ... я слышу, какъ вода журчитъ подъ горой... Изъ Шаванона я перенесся на барку „Лебедь“: Артуръ спитъ въ кровати, а м-съ Милигенъ, прислушиваясь къ шуму вѣтра, вѣрно, думаетъ: „гдѣ то я теперь въ такой холодъ?..“ Мысли мои спутались—я потерялъ сознаніе...

Я очнулся въ постели, въ комнатѣ, ярко освѣщенной пылающимъ огнемъ въ печи.

Гдѣ я? Кто эти люди?.. Какой-то старикъ въ сѣрой курткѣ и въ деревянныхъ башмакахъ; кругомъ меня стоятъ два мальчика и двѣ дѣвочки. Одна изъ нихъ, малютка лѣтъ шести, пристально смотритъ на меня... Какіе странные глаза!.. Я поднялся немного.

— Гдѣ Витали? тихо проговорилъ я.

— Это онъ объ отцѣ спрашиваетъ, сказала дѣвочка побольше, должно быть старшая.

— Онъ мнѣ не отецъ, онъ мой хозяинъ... Гдѣ онъ? Гдѣ Капи? повторялъ я.

Боже! Что мнѣ рассказалъ дядя Пьеръ, глава семейства, гдѣ меня пріютили! Онъ былъ по ремеслу садовникъ. Приготоваясь выѣхать на базаръ въ два часа ночи, онъ отворилъ калитку своего сада и увидалъ насъ подъ грудой соломы. Капи неистово залаялъ. Тотчасъ принесли фонарь, убѣдились, что Витали замерзъ, отправили его трупъ въ полицію, а меня перенесли въ домъ и уложили въ постель. Капи, по словамъ дѣтей Пьера, былъ раздражающимъ душу голосомъ и побѣждалъ провожать тѣло своего хозяина. Я пролежалъ шесть часовъ безъ признаковъ жизни, затѣмъ отогрѣлся и только къ вечеру очнулся.

Я такъ рыдалъ, слушая описаніе горькой участи, постигшей моего друга и наставника, что семья честнаго рабочаго, изъ чувства деликатности, оставила меня одного, чтобы дать мнѣ время успокоиться. Я почти безсознательно сползъ съ постели, перекинулъ арфу черезъ плечо и задумалъ уйти—куда?—самъ не зная. Ноги у меня подкашивались, въ глазахъ вертѣлись зеленые круги. Я машинально направился въ ту комнату, откуда доносились до меня голоса, и засталъ всю семью за ужиномъ. Вкусный запахъ капустной похлебки пріятно защекоталъ мое обоняніе, и я тутъ только понялъ, до чего я голоденъ: меня покачивало изъ стороны въ сторону. Дѣвочка съ выразительными глазами первая смекнула, что мнѣ ѣсть хочется—такъ алчно я смотрѣлъ на похлебку—и подала мнѣ полную тарелку щей, а затѣмъ принесла и другую. Съ каждой ложкой въ меня точно вливалась жизнь.

Я разговорился съ моими хозяевами, рассказалъ имъ, кто я, откуда; грустная повѣсть моего дѣтства не разъ вызывала слезы на глазахъ дочерей Пьера Авена, моего новаго покровителя. Онъ былъ вдовъ, по ремеслу цвѣтоводъ; четырнадцати-лѣтняя

Стефанета заступала мѣсто матери въ семьѣ; за нею слѣдовали братья Алексисъ и Веняминъ и шести-лѣтняя Лиза, потерявшая способность говорить послѣ тяжкой болѣзни, когда ей было четыре года. Доктора увѣряли, что со временемъ она выздоровѣетъ; выразительные жесты, а главное, краснорѣчивые глаза совершенно понятно объясняли каждую ея мысль и каждое желаніе. Отецъ души не слышалъ въ этой дѣвочкѣ; воля ея была для него закономъ. Я именно Лизѣ обязанъ, что первый-же день моего водворенія въ семьѣ Акеновъ рѣшилъ мою судьбу: дядя Пьеръ усновилъ меня по просьбѣ дочери; я ужъ не былъ теперь безроднымъ, имѣлъ отца, двухъ сестеръ, двухъ братьевъ; даже Капи — и того не разлучили со мной. Вѣрный пудель въ тотъ-же вечеръ прибѣжалъ къ намъ, и когда увидѣлъ меня, то обезумѣлъ отъ радости, кинулся ко мнѣ, сталъ лизать мои руки, лицо, шею и весь дрожалъ отъ удовольствія.

— А какъ-же Капи? многозначительно спросилъ я у дяди Пьера послѣ того, какъ моя судьба была уже окончательно рѣшена.

— Мы и его оставимъ у себя, отвѣтилъ Пьеръ.

Капи какъ-будто смекнулъ, въ чемъ дѣло: сталъ на заднія лапы, приложилъ къ сердцу правую переднюю лапу и низко поклонился. Это вызвало общій смѣхъ, и собака съ первой-же минуты сдѣлалась любимицей всей семьи. Не зная, чѣмъ заплатить добрымъ хозяевамъ за ихъ гостепріимство, я весь этотъ вечеръ игралъ и пѣлъ, къ великому восторгу нѣмой Лизы, знаками показывавшей, что я, въ своей овчинной бурѣ, съ разсыпавшимися по плечамъ кудрями, очень похожъ на Петра пустытника въ дѣтствѣ, гравюра съ изображеніемъ котораго висѣла у нихъ на стѣнѣ.

Меня заранѣе предупредили, что комисаръ полиціи сниметъ съ меня допросъ по поводу Витали; я очень волновался по этому случаю, такъ-какъ ровно ничего не зналъ о прошедшемъ покойнаго. Видя, что я тревожусь, дядя Пьеръ вызвался проводить меня къ комисару и присутствовать при допросѣ. Долго продержали меня въ полиціи; я долженъ былъ разсказать исторію моей жизни отъ начала до конца, до мельчайшихъ подробностей, и заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что Витали нанялъ меня на годъ у мужа моей кормилицы за извѣстную плату.

— Куда-жь вы теперь дѣнетесь? спросилъ комисарь.

— Теперь, сударь, позвольте мнѣ принять его къ себѣ въ домъ, вмѣсто сына, вмѣшался Пьеръ.

Комисарь изъясилъ на это полное согласіе, не преминувъ заиѣтить Пьеру, что такой поступокъ дѣлаетъ честь его сострадательному сердцу. Оставалось разъяснить одно обстоятельство: что за личность былъ покойный Витали. Изъ моихъ показаній явствовало, что кромѣ Гарафоли никто про старика ничего не зналъ. Меня спросили: узнаю ли я улицу, домъ и самого Гарафоли; я далъ утвердительный отвѣтъ. Комисарь, дядя Пьеръ и я, вскарабкались втроемъ въ четвертый этажъ дома улицы Лурсинъ. Матія мы не нашли передъ печкой: онъ, вѣрно, лежалъ въ госпиталѣ. При видѣ полицейскаго, Гарафоли помертвѣлъ, — и было отъ чего! — но услыхавъ о смерти Витали, онъ какъ-будто вздохнулъ свободно и объявилъ, что зналъ покойнаго хорошо.

— Фамилія его не Витали, а Карло Бальзани, говорилъ Гарафоли комисару. — Лѣтъ сорокъ назадъ онъ считался знаменитѣйшимъ пѣвцомъ въ Италиі; слава его гремѣла по всей Европѣ; но вдругъ онъ потерялъ голосъ и, не желая перейти на второстепенныя роли, принялъ имя Витали и сталъ заниматься разными промыслами. Ему не повезло, и онъ началъ показывать ученыхъ собакъ. При всей своей бѣдности, это былъ человекъ гордости непомерной; онъ скорѣе рѣшился-бы умереть, чѣмъ обнаружить свое инкогнито передъ публикой, знавшей его блестящимъ артистомъ. Его секретъ я узналъ случайно.

Такъ вотъ гдѣ ключъ таинственной загадки! подумалъ я. Милый, бѣдный мой наставникъ! На похоронахъ его мнѣ не удалось присутствовать: неестественное напряженіе нервовъ въ первый день, какъ меня спасли отъ смерти, а главное, чрезмѣрное истощеніе силъ отъ голода и страшной простуды, свалили меня въ постель; у меня открылось воспаленіе легкихъ, такъ-что я оправился совершенно только къ веснѣ.

Самъ Пьеръ и его сыновья дежурили поочередно у постели больного Реми по ночамъ, а днемъ его сдавали на руки Стефанетъ, этому ангелу-хранителю цѣлаго дома. Два года, проведенные мальчикомъ въ семьѣ небогатаго, но честнаго рабочаго, могутъ быть названы счастливыми годами его жизни. Здѣсь онъ закалялъ себя въ физическомъ трудѣ еще болѣе, чѣмъ у Витали; пока

онъ не совершенно еще оправился, его холили и берегли; но съ наступленіемъ весны, когда силы его окрѣпли, онъ сдѣлался такимъ-же чернорабочимъ, какъ Пьеръ и его сыновья; не мало здоровыхъ тумаковъ пришлось ему получить отъ новыхъ своихъ братьевъ за неумѣлость; но не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, ужъ онъ не уступалъ имъ въ ловкости и проворствѣ. Чѣмъ въ особенности пріемышъ Реми угодилъ главѣ семейства, — это своей любовью и внимательностью къ нѣмой Лизѣ; всѣ свободные часы онъ посвящалъ ей: гулялъ съ нею, читалъ ей вслухъ, пѣлъ и игралъ на арфѣ, а къ концу перваго года научилъ ее даже писать. Это приводило въ умиленіе Пьера.

— Глупъ-бы я былъ, братъ, еслибы не принялъ тебя къ себѣ! сказалъ онъ ему однажды. — За хлѣбъ, за соль мою ты мнѣ платишь вчетверо.

Лучшимъ развлеченіемъ для семьи Акеновъ были воскресные вечера: вернувшись съ базара и пообедавъ пораньше, они заканчивали работы въ саду, затѣмъ собирались въ бесѣдкѣ изъ виноградныхъ лозъ, примыкавшей къ дому; Реми приносилъ сюда свою арфу и игралъ танцы, а молодежь плясала. Иногда Бапи съ своимъ хозяиномъ разыгрывали смѣшные фарсы; тогда всѣ хотали безъ умолку. Реми до такой степени слился съ семьей Пьера, и ему жилось тутъ такъ хорошо, что на него нападалъ иногда страхъ, не обрушилось-бы на нихъ какое нибудь несчастіе. Предчувствіе не обмануло мальчика.

Дядя Пьеръ былъ извѣстный цвѣтоводъ въ Парижѣ; онъ особенно прославился искусствомъ разводить махровые левкои, — секретъ, которымъ обладали очень немногіе садовники, — вслѣдствіе чего каждое лѣто, въ концѣ іюля, его то и дѣло приглашали въ разные сады для осмотра теплицъ и парниковъ. Стефанета очень не любила этотъ сезонъ цвѣтовъ, потому что отецъ ея, человѣкъ вообще трезвый, въ это время частехонько возвращался домой на веселѣ. Уложивъ спать всю семью, дѣвушка садилась за шитье и съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ каждому звуку на улицѣ, въ ожиданіи подгулавшаго старика. Пьеръ, всегда внимательный и ласковый къ старшей дочери, въ такихъ случаяхъ становился неузнаваемъ: онъ не только сердился, но даже дѣлался грубъ, называлъ Стефанету „мамзель жандармъ“, бранилъ, зачѣмъ она полунощничаетъ и ждетъ его, придирался то

къ тому, то къ другому; но дѣло все-таки кончалось миромъ, и отецъ даже просилъ прощенья у дочери за свое легкомысліе.

— Видишь-ли что, говорилъ онъ,—стоитъ только пропустить одинъ стаканчикъ — второй ужъ самъ за нимъ просится, а за третьимъ забудешь и семью, и кредиторовъ, и все на свѣтѣ.

Пьера пуще всего волновало то, что нѣмая Лиза, по словамъ сестры, долго не ложилась спать, плакала и тревожилась, не случилось-ли чего съ отцомъ. Страхъ потерять къ себѣ уваженіе своей маленькой любимицы особенно сильно дѣйствовалъ на нѣжнаго родителя.

Подходилъ праздникъ св. Маріи и св. Людовика; въ этотъ день много именинницъ и именинниковъ и цвѣты покупаютъ возами; Пьеръ заготовилъ огромные запасы ихъ и заранѣе потиралъ руки отъ удовольствія, рассчитавъ, сколько франковъ перепадетъ ему въ карманъ. Семья задумала воспользоваться хорошей погодой и сходить въ гости къ другому садовнику, въ Аркеиль—деревню также въ предмѣстьи Парижа; положили взять съ собой и Капи. Окончивъ поливку и уборку цвѣтовъ, Пьеръ и его дѣти одѣлись по-праздничному и весело пустились въ путь. Бодрый, красивый еще отецъ, трое рослыхъ юношей и двѣ хорошенькія дѣвушки, въ особенности Лиза, въ свѣжемъ голубомъ платьѣ, соломенной шляпкѣ и сѣренькихъ ботинкахъ,—обращали на себя вниманіе всѣхъ прохожихъ; многіе изъ нихъ останавливались и смотрѣли имъ съ улыбкой вслѣдъ. Въ гостяхъ было очень пріятно; обѣдъ подавали на чистомъ воздухѣ; но прежде, чѣмъ онъ кончился, съ запада поднялась зловѣщая градая туча и вдали послышались раскаты грома.

— Бѣда! воскликнулъ Пьеръ, вскакивая съ мѣста: — будетъ гроза, погибнуть мои парники и теплицы. Дѣти, домой! обратился онъ къ сыновьямъ. — Сестеръ я оставляю на рукахъ Реми... времени терять нельзя...

Всѣ трое бѣгомъ пустились по дорогѣ къ дому; не прошло и четверти часа, какъ надъ Арвейлемъ и его окрестностями разразилась страшная буря съ градомъ и необычайнымъ вихремъ; вѣтеръ ревѣлъ; улицы въ нѣсколько минутъ покрылись толстымъ слоемъ градинъ, величиною въ лѣсной орѣхъ. Реми, съ двумя своими спутницами, вынужденъ былъ переждать подъ чьими-то воротами первый напоръ шквала и затѣмъ понесъ Лизу на ру-

кахъ, такъ-какъ ея нѣжныя ножки не могли ступать по острымъ лдынамъ. Дома они нашли полное опустошеніе: цвѣтовъ болѣе не существовало; битыя стекла, черепки горшковъ, листья и лепестки роскошныхъ левкоевъ, розъ, фукцій, астръ,—представляли одну сплошную массу. Пьеръ, весь въ слезахъ, растерянный, сидѣлъ на развалинахъ своего благосостоянія; онъ безвозвратно погибъ; домъ и садъ не принадлежали еще ему; онъ ихъ арендовалъ на извѣстный срокъ, аккуратно вносилъ аренду и рассчитывалъ въ этомъ году покрыть большую часть своихъ долговъ. Всѣ эти надежды разлетѣлись въ прахъ; за однѣ стеклянныя рамы теплицъ и парниковъ онъ задолжалъ 10,800 фр.; сочтите еще цвѣты, горшки!.. Банкротъ, да и только... Это-ли еще не горе!..

Однако, Пьеръ стойко перенесъ свое несчастіе; онъ собралъ всѣ юридическія свѣденія относительно своего положенія, переговорилъ съ кредиторами и началъ спокойно ждать рѣшенія своей участи. Реми онъ поручилъ написать письмо къ сестрѣ Катеринѣ, въ Неврѣ, и попросить ее немедленно пріѣхать, чтобы распорядиться дѣтьми. Она, какъ старшая въ семьѣ Авенонъ, играла у нихъ роль матери. Но не успѣла она еще прибыть, какъ за Пьеромъ явился полицейскій комисаръ: отца семейства присудили на пять лѣтъ тюремнаго заключенія за долги. Раздирающая душу сцена прощанія Пьера съ дѣтьми, въ особенности съ нѣмой Лизой, сильно растрогала комисара; онъ вздумалъ утѣшать его тѣмъ, что съ несчастными банкротами въ тюрьмѣ обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ преступниками. Реми былъ внѣ себя отъ отчаянія; онъ въ Пьерѣ терялъ второго отца и опять оставался одинокимъ.

По пріѣздѣ тетки Катерины, говоритъ онъ,—мы нѣсколько ожили; это была женщина бойкая, энергичная, хотя и простая крестьянка; она разъ пять жила въ Парижѣ, въ кормилицахъ; знакомыхъ у нея было много, въ томъ числѣ одинъ нотаріусъ. Посовѣтовавшись съ нимъ и съ братомъ, къ которому Катерина ежедневно бѣгала въ тюрьму, она распредѣлила участь дѣтей слѣдующимъ образомъ: нѣмую Лизу она брала съ собой въ Морванъ; Алексиса отсылала къ дядѣ-рудокопу, въ Севены; Венямина—къ другому дядѣ, садовнику, въ Сен-Квентенъ; шестнадцатилѣтняя Стефанета должна была отправляться къ замужней теткѣ, въ Шарантъ. Когда, наканунѣ отъѣзда, дѣти загнулись было о томъ, чтобы Катерина взяла меня къ себѣ, та, со свой-

свенной ей прямою, отвѣчала, что у человѣка рабочаго каждый кусокъ хлѣба на счету и что даромъ можно кормить только родныхъ. Но я и не пошелъ бы къ ней; мысленно я рѣшилъ начать жизнь совершенно независимую: надѣну свою бурку, возьму арфу и, вмѣстѣ съ Капи, пойду странствовать изъ одного мѣста въ другое, навѣщая поочередно моихъ братьевъ и сестеръ. Эта мысль имъ очень понравилась; по крайней мѣрѣ, впереди оставалась надежда на свиданіе.

Наступило утро общей разлуки; я съ невыразимой тоской смотрѣлъ, какъ мои нареченные братья и сестры усаживались въ четырехмѣстный фіакръ; Лиза, вся въ слезахъ, послала мнѣ послѣдній поцѣлуй рукою. Лошади тронулись. Я долго сидѣлъ на пригоркѣ, слѣдя за столбомъ пыли, который скрылъ отъ меня дорогую семью. Наконецъ я всталъ.

— Маршъ, Капи! Пойдемъ! сказалъ я вѣрному пуделю, сидѣвшему у моихъ ногъ. Я не имѣлъ духа повернуть голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ знакомый мнѣ домъ съ закрытыми ставнями и заколоченными воротами, точно гробъ. Солнце весело играло на ясномъ небѣ. Какая разница съ тѣмъ вечеромъ, когда мы замерзали съ Витали! Недаромъ прошли для меня эти два года: я отдохнулъ послѣ труднаго пути, узналъ счастье быть не бездомнымъ сиротой. Теперь впередъ — на новую жизнь, на новую борьбу!..

Много лѣтъ пронеслось надъ моей головою съ тѣхъ поръ, какъ я, разлученный съ семьей Акиныхъ, остался опять одинокимъ на бѣломъ свѣтѣ. И вотъ я теперь у тихой пристани, въ родовомъ своемъ помѣстьѣ Милигенъ-Паркѣ, въ кругу своей собственной семьи, счастливый, спокойный!

Да, безродный Ремя, бывший уличный музыкантъ, нищій мальчишъ, который проводилъ нерѣдко ночи подъ открытымъ небомъ, по цѣлымъ днямъ голодалъ, переходилъ изъ рукъ въ руки — отъ крестьянки-кормилицы къ пѣвцу Витали, а отъ него къ бѣдному рабочему, — сдѣлался вдругъ независимъ, богатъ и вступилъ во владѣніе такимъ замѣчательнымъ имѣніемъ, которое пріѣзжіе иностранцы осматриваютъ, какъ историческій памятникъ. Въ этомъ старинномъ замкѣ я живу съ моей матерью и съ Милигенъ, съ

моимъ младшимъ братомъ Артуромъ и съ моею женою Лизой Акенъ, получившей снова способность говорить отъ радости въ ту минуту, когда она неожиданно увидала меня въ Веве, куда я пришелъ, чтобы отыскать ее. Лиза жила тамъ на воспитаніи у м-съ Милигенъ, призрѣвшей ее послѣ смерти мужа тетки Катерины, къ которой ее перевезли по заключеніи Шьера Акена въ тюрьму.

Вотъ какииъ образомъ открылось, что я старшій сынъ м-съ Милигенъ, украденный у нея въ Парижѣ. Во время пребыванія моего на баркѣ „Лебедь“, ее поразило что-то общее въ моихъ чертахъ съ чертами Артура; кромѣ того, она съ первой-же минуты почувствовала невольное влеченіе ко мнѣ; все это возбудило въ ней смутное подозрѣніе, не я-ли ея пропавшій сынъ. Мои рассказы о томъ, какииъ странныиъ случаемъ я попалъ на воспитаніе къ мамѣ Барберинѣ, еще болѣе усилили это подозрѣніе. Не щадя денегъ, она начала дѣлать розыски и, благодаря правдивымъ показаніямъ моею кормилицы, а главное, благодаря сохранившимся у послѣдней въ цѣлости дорогому бѣлью и расшитому шелками фланелевому салопчику, безъ мѣтокъ, отрѣзанныхъ изъ предосторожности воровъ, — мать моя окончательно убѣдилась, что я родной ея сынъ. Она дала мнѣ соотвѣтственное моему положенію образованіе, законнымъ образомъ ввела меня во владѣніе родовымъ имѣніемъ, согласилась на мой бракъ съ Лизой, къ которой привязалась, какъ къ дочери, и поселилась вмѣстѣ съ нами въ Милигенъ-Паркѣ.

Сидя теперь въ своемъ кабинетѣ, я смотрю, какъ мать идетъ по нашей портретной галереѣ; время мало измѣнило ее; она почти такая-же красавица, какою я помню ее на бортѣ „Лебеда“, когда она стояла среди зелени веранды и глядѣла на меня. Она идетъ, опираясь на руку Артура, уже не болѣзненнаго, слабого мальчика, а стройнаго, сильнаго молодого человѣка, поговаривающаго о женитьбѣ. Итакъ, предсказаніе дяди Джемса Милигена не сбылось: Артуръ ожилъ и будетъ жить. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ними идетъ старушка въ костюмѣ французской крестьянки, съ ребенкомъ на рукахъ: это Барберина съ нашимъ первенцемъ Матіа. Моя бывшая кормилица давно уже потеряла своего мужа Жерома, умершаго въ госпиталѣ въ Парижѣ, куда онъ отправился по порученію м-съ Милигенъ, для розысковъ мѣста

моего жительства. Когда у меня родился сынъ, Барберина не выдержала, покинула родной Шаванонъ и переселилась къ намъ въ Англию, объявивъ, что она намѣрена вынуждить всѣхъ нашихъ дѣтей. Малютка Матіа начинаетъ, кажется, занимать мое мѣсто въ ея сердцѣ.

Сыну нашему дано это имя въ честь вѣрнаго друга моего, знаменитаго теперь скрипача Матіа, — того несчастнаго мальчика, который вынесъ столько адскихъ мукъ у Гарафоли. Въ день разлуки съ Акенами я нечаянно нашелъ его, умирающаго отъ голода, на паперти одной церкви въ Парижѣ, накормилъ его на свои единственные сто су, подѣлился съ нимъ платьемъ и взялъ съ собой. Съ этой минуты началась наша тѣсная, неразрывная дружба. Вдвоемъ съ нимъ, въ сопровожденіи моего неизмѣннаго Капи — теперь уже совсѣмъ дряхлаго пуделя, пользующагося огромнымъ почетомъ въ нашемъ домѣ, — мы обошли почти всю Францію, были въ Англии, Швейцаріи, зарабатывая хлѣбъ уличными представленіями, а главное — концертами. У Матіа оказался великолѣпный талантъ въ музыкѣ; благодаря его игрѣ на скрипкѣ и на *cognet à piston*, мы собирали столько денегъ, что могли совершать длинныя путешествія; но не обходилось и безъ такихъ дней, когда мы голодали съ нимъ, какъ, бывало, съ Витали.

Глядя на окружающую меня обстановку и вспоминая прошлое, мнѣ подчасъ сдается, что мое дѣтство было фантастической сказкой. Черезъ какія только мытарства я не прошелъ прежде, чѣмъ достигъ настоящаго положенія! Въ Варзинскихъ кояхъ, напрямѣръ, куда мы пришли съ Матіа, чтобы провѣдать Алексиса Акена, я, совершенно случайно, попалъ въ шахту въ тотъ самый день, когда рѣка Дивона прорыла отверстіе въ залежахъ каменнаго угля и, затопивъ копи, погубила болѣе ста рабочихъ. Желая оказать услугу больному Алексису, у котораго раздробило руку, я временно нанялся въ должность катальщика (*rouleur*) и среди работы былъ застигнутъ наводненіемъ. Провести 14 дней на днѣ шахты, въ углубленіи, напоминавшемъ каменный мѣшокъ, безъ пищи и безъ огня, ждать ежеминутно смерти отъ недостатка воздуха и быть спасеннымъ — это ли не фантастическое приключеніе! А между тѣмъ, дѣйствительно, я, въ числѣ шести человекъ, вынесъ эту четырнадцатидневную пытку и вышелъ цѣль, вмѣстѣ съ своими товарищами, только благодаря энергіи инженера, со-

образившаго по плану, гдѣ начать раскопки, чтобы открыть нашу могилу.

Въ другой разъ мы съ Матіа угодили въ тюрьму, по подозрѣнію въ кражѣ коровы, купленной на наши деньги, въ подарокъ мамѣ Барберинѣ.

Но чѣмъ-то невѣроятнымъ кажутся мнѣ самому мои похождения въ Англіи, куда я отправился, вмѣстѣ съ Матіа, по вызову агентовъ одного сысзнаго бюро, подъ тѣмъ предлогомъ, будто меня отыскиваютъ мои родители. Впослѣдствіи обнаружилось, что тотъ-же негодяй, который укралъ меня въ дѣтствѣ, былъ вторично похищенъ дядей Джемсомъ для того, чтобы отдалить меня отъ матери, проживавшей тогда въ Вевере. Не подозрѣвая ничего, я поспѣшилъ на вызовъ, въ надеждѣ найти свою родную семью. И что-же? Я попалъ въ руки мошенника-контрабандиста Дрисколя, сочинившаго цѣлую исторію моего исчезновенія; онъ увѣрялъ, что я его сынъ и что меня украла, изъ ревности къ нему, одна молодая дѣвушка. Сердце говорило мнѣ, что эта отталкивающая личность и вѣчно пьяная его жена не могутъ быть моими родителями; я чувствовалъ отвращеніе къ двумъ рыжимъ болванамъ, ихъ сыновьямъ, къ злой, возненавидѣвшей меня съ первой минуты, ихъ дочери и къ разбитому параличомъ дѣду, вѣчно плевавшему въ ту сторону, гдѣ я находился. Только сознаніе долга удерживало меня въ ихъ домѣ; я даже рѣшился разстаться съ Матіа и отослать его во Францію отыскивать Лизу, а самому покориться своей судьбѣ. Но Матіа убѣдилъ меня бѣжать съ нимъ, приводя всевозможныя доказательства, что я сдѣлался жертвой самаго наглаго обмана. Случай намъ помогъ. Въ ту ночь, когда Дрисколь и его шайка собирались ограбить сельскую церковь, поставивъ окрашеннаго въ желтую краску Капи на часахъ, полиція нагрянула, захватила ихъ всѣхъ и арестовала меня, узнавъ, что собака принадлежитъ мнѣ. Но черезъ нѣсколько дней, когда меня повезли изъ тюрьмы къ допросу, я воспользовался удобной минутой, незамѣтно выскользнулъ изъ вагона въ назначенномъ заранѣе мѣстѣ, гдѣ меня ждалъ Матіа, и мы съ нимъ благополучно переправились во Францію. Здѣсь судьба сжалилась, наконецъ, надъ бѣднымъ Реми и соединила его съ родной матерью.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПРАВСТВЕННОСТИ.

(Окончаніе.)

IX.

Въ предыдущей главѣ мы остановились на паразитизмѣ, какъ на явленіи, вытекающемъ изъ того-же закона борьбы за существованіе. Читателя, желающаго подробно ознакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ, мы отсылаемъ въ упомянутому нами сочиненію Ван - Бенедона; здѣсь-же ограничимся только однимъ замѣчаніемъ, что натуралисты дѣлятъ паразитовъ на двѣ большія группы: внутреннихъ или *энтозоевъ* и наружныхъ или *эктозоевъ*. Вообще говоря, первые значительно вреднѣе послѣднихъ, но и они, въ свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько группъ, какъ съ чисто-зоологической, такъ и съ гигиенической точки зрѣнія. Изъ энтозоевъ иные, — наприимѣръ, пресловутая трихина, — проникаютъ въ ткани нашего организма, пожираютъ ихъ и причиняютъ обыкновенно довольно скорую и мучительную смерть; другіе же, какъ, наприимѣръ, ленточные глисты, дѣтскія аскариды и т. п., гнѣздятся въ полостяхъ нашего организма, терзаютъ насъ понемногу и не могутъ считаться смертоносными. Что-же касается эктозоевъ, т. е. тѣхъ паразитовъ, которыхъ русскій человекъ оказываетъ особенное гостепріимство, вроде блохъ, клоповъ, червей и т. п. гадовъ, терзающихъ только кожу чело-вѣчества и другихъ животныхъ и питающихся только навозными выдѣленіями, то нѣкоторые изслѣдователи думаютъ даже, будто они не заслуживаютъ названія паразитовъ и состоятъ съ организмами, питающими ихъ, въ отношеніяхъ *мутуализма*, т. е. взаимнаго

обмѣна услугъ: удаляя тѣ навозныя и другія выдѣленія, которыя не только не нужны для сохраненія организма, но положительно вредны для него, нѣкоторые изъ этихъ паразитовъ, быть можетъ, дѣйствительно оказываютъ своимъ хозяевамъ нѣкоторую пользу. Но для насъ въ этомъ случаѣ интересно только то, что паразитизмъ,—одна изъ ожесточеннѣйшихъ формъ борьбы за существованіе,—выказываетъ, такимъ образомъ, склонность перерождаться естественно въ отношенія совершенно иного порядка,—въ отношенія, которыя еще не входятъ прямо въ рамку обществнности, какъ мы выше опредѣлили ее, но которыя, очевидно, стоятъ на рубежѣ между борьбою за существованіе и коалиціею, союзомъ для существованія. Когда паразитъ перестаетъ питаться тваницами и соками, необходимыми для нашего собственного существованія, и начинаетъ жить на счетъ ненужныхъ намъ самимъ выдѣленій или крохъ отъ нашего стола, мы уже не называемъ его паразитомъ, а нахлѣбникомъ, *союзникомъ*. Если при этомъ онъ отплачиваетъ намъ какую-нибудь услугу за получаемую отъ насъ пищу и убѣжище, то его называютъ *мутуалистомъ*. Ван-Бенеденъ показалъ, что явленія мутуализма такъ же часты въ животномъ царствѣ, какъ и явленія паразитизма, что они не всегда такъ безвредны, какъ можно-бы было предполагать на первый взглядъ. Нѣкоторые виды паразитовъ, повидимому, оказывающихъ намъ взаимныя услуги, служатъ источникомъ разоренія для цѣлой страны. Таковы, напримѣръ, муравьи и термиты, пожирающіе иногда цѣлыя плантаціи, подтачивающіе стропила зданій и т. п. Таковы суслики въ нашихъ степяхъ и такова *phylotega*, разоряющая въ настоящее время виноградники почти всей западной и южной Европы. Нѣкоторые мутуалисты, очищая кожу или договинше животныхъ отъ вредныхъ нечистотъ, причиняютъ, однакожь, самымъ животнымъ, а также людямъ, очень существенныя неудобства, такъ что уловить ту пограничную черту, гдѣ оканчивается вредный паразитизмъ и начинается безвредный, почти нѣтъ никакой возможности. Нахлѣбничество и мутуализмъ, въ свою очередь, представляютъ намъ безконечное множество переходныхъ ступеней и точно также незамѣтно, безъ скачковъ, переходятъ въ явленія высшаго, т. е. уже чисто-общественнаго порядка. Эпинасъ, желая положить рѣзкую грань между явленіями мутуализма и обществнности, впадаетъ, по нашему мнѣнію,

въ нѣсколько педантическую односторонность, какъ это мы и стараемся показать ниже. Но прежде, чѣмъ переходить къ явленіямъ нахлѣбничества и мутуализма, составляющимъ какъ-бы приготовительную стадію общественности, мы должны обратить вниманіе на одну сторону паразитизма, особенно интересную въ нашихъ глазахъ, но по необходимости упущенную изъ вида авторомъ разбираемаго нами сочиненія объ обществахъ животныхъ.

Судя о явленіяхъ природы съ субъективной точки зрѣнія, имѣемъ-ли мы право сказать, будто между самымъ злостнымъ изъ паразитовъ и жертвою его прозорливости существуетъ одинъ только безжалостный, остревѣлый антагонизмъ, исключаящій всякую возможность даже искры, даже слабого проблеска солидарности?—Вообразимъ себѣ на минуту трихину или глиста одаренными человѣческою предусмотрительностью и проицательностью. Не придетъ-ли имъ весьма естественно и само собою на умъ, что съ ихъ стороны было бы нерасчетливо уничтожать въ конецъ организмъ, служащій имъ пищею, и чрезъ то готовить собственную свою гибель въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ? Еслибъ паразитъ обладалъ необходимою для того разсудительностью и знаніемъ, то развѣ самый простой расчетъ не подсказалъ бы ему, что ему выгоднѣе предоставить пожираемому имъ организму тучнѣть и, пожалуй, еще размножаться во всю ширь, лишь-бы только онъ и порожденные имъ новыя организмы оставались до конца во власти пожирающаго ихъ паразита?

Пока мы остаемся въ рамкахъ, которыя отмежевалъ себѣ Эспинасъ, т. е. въ рамкахъ исключительно животной общественности, то сдѣланное выше предположеніе кажется намъ простою нелѣпостью и больше ничего. Мы уже знаемъ, что высшіе организмы паразитически не живутъ, а низшія безпозвоночныя обладаютъ слишкомъ ничтожною долею разсудительности, предусмотрительности и т. п. А потому Эспинасъ совершенно правъ, утверждая, что фактъ паразитизма стоитъ вполне за предѣлами зоологической социологій, т. е. что паразитизмъ не только не составляетъ нижней ступени общественности, но что даже въ животномъ царствѣ онъ не ведетъ непосредственно къ возникновенію общественныхъ группъ хоть съ какимъ-нибудь подобіемъ іерархіи или политической организаціи.

Но если мы перейдемъ изъ области зоологической въ нѣсколь-

ко высшую, но близко сродную съ нею этнографическую область, то дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ и изслѣдователь общественности вообще оказывается вынужденнымъ считаться съ паразитизмомъ гораздо больше, чѣмъ молодой французскій ученый, возымѣвшій благую мысль обстоятельно ознакомить насъ съ развитіемъ общественности только у животныхъ.

Много разъ уже было замѣчено, что дикій человѣкъ отличается самыми хищными инстинктами и, между прочимъ, склонностью къ канибализму, т. е. къ питанію мясомъ себѣ подобныхъ. Изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, будто на нравственной лѣстницѣ дикарь стоитъ даже ниже многихъ четвероногихъ. Подобное заключеніе было-бы справедливо только въ такомъ случаѣ, если-бы мы навѣрное знали, что животныя воздерживаются отъ пожирания себѣ подобныхъ только нравственными или, по крайней мѣрѣ, симпатическими побужденіями. Но мы не знаемъ этого и даже имѣемъ полнѣйшее основаніе предполагать, что травоядныя воздерживаются отъ канибализма единственно потому, что, такъ сказать, по самому своему зоологическому рангу они осуждены на растительную діету; плотоядныя же не нападаютъ на подобныхъ себѣ по очень уважительной причинѣ, боясь встрѣтить въ нихъ рѣшительный отпоръ. Но какъ-бы то ни было, мы никогда не должны забывать, что міръ этнографическій или *человѣческое царство*, какъ его называютъ нѣкоторые сантиментальные натуралисты, отличается отъ міра зоологическаго многими особенностями, которыя далеко не всѣ могутъ быть, даже со всевозможными натяжками, подведены подъ рубрику преимуществъ и совершенствъ. Способность къ людоедству естественно вытекаетъ изъ того-же источника хищности и неотразимой необходимости жрать, что и у паразитовъ, но въ животномъ царствѣ она обусловливается болѣе реальными и насущными потребностями. Такъ у животныхъ вездѣ побѣда въ явной жизненной борьбѣ или въ плотоядномъ паразитическомъ похищеніи неизмѣнно заставляетъ предполагать рѣзкое различіе въ организаціи жертвы и побѣдителя. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ открытой борьбы, побѣдитель всегда значительно больше, сильнѣе и органически-развитѣе побѣжденного; въ борьбѣ паразитической отношеніе это измѣняется совершенно на выворотъ, но между организаціями совершеннѣйшаго изъ глистовъ и низ-

ненѣйшаго изъ терзаемыхъ имъ млекопитающихъ тѣмъ не менѣе оказывается цѣлая пропасть. А изъ этого слѣдуетъ то, что здѣсь самыя способы эксплуатаціи жертвы своимъ врагомъ до-нельзя упрощены и сводятся къ одному только непосредственному пожиранию. Въ человѣчествѣ-же между побѣдителемъ и жертвою очень часто оказывается совершенно ничтожная и случайная разница. Дикарь, пожирающій своего врага, легко можетъ оказаться вовсе не сильнѣе, не ловчѣе и не смышленѣе того, кто служитъ жертвою его кроваваго пиршества. А слѣдовательно, и способы извлеченія выгоды побѣдителемъ изъ побѣжденнаго здѣсь могутъ быть гораздо разнообразнѣе тѣхъ, которыми располагають паразиты животнаго царства, хотя сущность отношеній, слагающихся между побѣдителемъ и жертвою, ни на волосъ не уклоняется отъ того медленнаго и постояннаго пожирания своего противника живьемъ, которое составляетъ отличительную черту паразитизма. Рабство нерѣдко уподобляли съѣданію обрабатываемаго въ неволю живьемъ, но мы вообще склонны смотрѣть на такое уподобленіе, какъ на фигурное выраженіе, какъ на метафору. Нѣтъ, однакожь, ничего легче, какъ показать со всею убѣдительностью фізіологическаго изслѣдованія, что кажущаяся метафора эта — самая простая, реальная истина. Тяжелая работа, въ виду которой побѣдитель-дикарь отказываетъ себѣ въ удовольствіи немедленно съѣсть свою жертву, предполагаетъ ежечасную затрату плоти и крови злополучнаго невольника, — затрату, плохо вознаграждаемую недостаточною пищею, — такъ-что самый посредственный фізіологъ могъ-бы, пожалуй, съ химическими вѣсами въ рукахъ опредѣлить ту частицу плоти и крови невольника, которую рабовладѣлецъ дѣйствительно побираетъ каждый день, обращая ее въ какой-нибудь соотвѣтствующій его вкусу продуктъ.

Такимъ-то образомъ, хотя паразитизмъ и въ человѣчествѣ, точно также, какъ и въ зоологической области, неспособенъ породить обществѣности даже въ рудиментарномъ, зачаточномъ значеніи этого слова, за то здѣсь онъ способенъ создавать довольно устойчивыя и продолжительныя по времени собранія особей, имѣющія нѣкоторую внѣшнюю организацію. Первоначальный побѣдитель и побѣжденный, избавленный отъ канибальскаго съѣденія на мѣстѣ въ виду паразитической его эксплуатаціи, оба могли умереть, оставивъ по себѣ наслѣдниковъ, состоящихъ между собою точно въ такихъ-

же отношеніяхъ, хотя между ними лично никогда не было даже подобія явной или потаенной борьбы. Мы не думаемъ утверждать, будто гдѣ-бы то ни было существуютъ политическія тѣла, всецѣло состоящія изъ однихъ только побѣдителей и паразитически-эксплуатируемыхъ ими рабовъ; но исторія, точно также какъ и этнографія, убѣждаютъ насъ, что въ возникновеніи и первоначальномъ образованіи всѣхъ безъ исключенія политическихъ тѣлъ паразитизмъ играетъ очень важную роль, наравнѣ, а иногда и по преимуществу передъ общественностью. Слѣдовательно, когда Блюнчли, думая смутить и поразить въ конецъ противниковъ ученія Руссо, съ пафосомъ говоритъ: „укажите хоть одно государство, республику, федерацію или народъ, которые возникли-бы изъ договора, какъ возникаютъ акціонерныя компаніи“, — то съ своей точки зрѣнія онъ совершенно правъ; но Прудонъ вѣдь уже давно замѣтилъ, что вся бѣда наша вытекаетъ изъ того, что политика у насъ одно дѣло, а общественность — совершенно другое, очень и очень часто идущее врозь со всякою внутреннею и вѣншею политикою. Очевидно, между такъ-называемою историческою и юридическою школою и ихъ противниками оказывается въ этомъ случаѣ одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя естественно и неизбежно вытекаютъ изъ неустановленности предмета социологическихъ изслѣдованій, о которой уже выше было говорено. Оба говорятъ о *платанъ*, одни — разумѣя подъ нимъ *чинару*, а другіе — *бананъ*. Какъ-же имъ договориться до какого-бы то ни было обоюднаго соглашенія? Для однихъ общество значитъ собраніе особей, связанныхъ между собою отношеніями взаимнаго обѣна услугъ, солидарности, коалиціи или союза для существованія. Для другихъ — злополучное слово это значитъ нѣчто неопредѣленное, растяжимое въ какую угодно сторону, всякій сбродъ людей (ученые мужи этого закала гнушаются всякихъ экскурсій въ область зоологическихъ изслѣдованій), безъ всякаго соотношенія къ узамъ, связующимъ между собою эти разнообразныя особи. Не странно-ли, что эти-то другіе, глубокомысленно изслѣдующіе какой-то ежечасно мелькающій, неустановленный, витающій въ пространствѣ предметъ, почему-то считаются по преимуществу за обстоятельныхъ и солидныхъ ученыхъ, тогда какъ ихъ противники постоянно упрекаются со всѣхъ сторонъ въ мечтательности, химеричности, утопичности и т. п.? Положимъ,

относительно ненародившейся еще социологии заслуги и тѣхъ, и другихъ одинаково не велики. Но вѣдь утописты и идеологи одни до сихъ поръ обвели легко уловимою и удобопонятною чертою ту область, которою исчерпываются подлежащія изученію явленія обществённости.

Надо-ли прибавлять, что мы вовсе не считаемъ единственною или, по крайней мѣрѣ, ближайшею задачею обществознанія апріорическія разглагольствованія объ идеальномъ обществѣ, проникнутомъ всецѣло и исключительно одними началами договора, взаимности, солидарности, справедливости, во всей ихъ логической послѣдовательности и строгости. Мы охотно готовы признать суетность и тщету подобныхъ апріорическихъ разглагольствованій, прежде всего потому, что какъ скоро основныя положенія даны, то самый посредственный умъ съумѣетъ и безъ посторонней помощи довести ихъ до послѣдняго логическаго вывода, а для умовъ ниже посредственности безплодны всякія разглагольствованія. Напротивъ, мы твердо убѣждены въ необходимости тщательно изслѣдовать и изучать даже въ самоналѣйшихъ подробностяхъ всякія, большія и малыя, устойчивыя и неустойчивыя, политическія тѣла и сборища, какъ людскихъ, такъ и животныхъ особей. Но прежде, чѣмъ приступать къ подобнаго рода изслѣдованіямъ, мы должны научиться строго и безошибочно различать тѣ многообразные факторы, которые создаютъ многосложное дѣло коллективнаго сожительства живыхъ особей при разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, и не валить, по крайней мѣрѣ, въ одинъ мѣшокъ начала столь діаметрально-противоположныя между собою, какъ паразитизмъ и обществённость.

Еслибы гдѣ-нибудь исторія или этнографія представляли намъ политическое тѣло, состоящее изъ рабовладѣльца и эксплуатируемыхъ имъ невольниковъ, то мы имѣли-бы полнѣйшее основаніе сказать, что это тѣло не имѣетъ вовсе никакой общественной организаціи и что оно покоится на самыхъ элементарныхъ началахъ паразитизма. Но, обыкновенно, рабовладѣлецъ съ своими невольниками не живетъ въ отчужденіи отъ всего остальнаго міра: онъ вступаетъ въ союзъ съ такими-же, какъ и онъ, рабовладѣльцами и съ ними образуетъ общественный союзъ того или иного вида, монархическій или республиканскій, но во всякомъ случаѣ основанный на договорѣ, на солидарности, и неимѣющій ничего

(или, по крайней мѣрѣ, очень мало) общаго съ тѣми паразитическими отношеніями, въ которыхъ каждый рабовладѣлецъ этого союза состоитъ къ своимъ рабамъ. Такимъ образомъ, каждое, даже самое первобытное политическое тѣло, представляется уже съ соціологической точки зрѣнія крайне смѣшаннымъ. Разсматривая его, какъ нѣчто цѣлое, какъ такое тѣло, всѣ члены котораго связаны между собою однородными узами (а историческая и юридическая школы дѣлаютъ это на каждомъ шагѣ), мы ничего не въ состояніи будемъ усмотрѣть въ немъ, кромѣ путаницы. Рабовладѣльцы, состоящіе между собою въ отношеніяхъ общественности, уже на самыхъ низменныхъ ступеняхъ соціологическаго и этнографическаго развитія собираются обыкновенно на сходки, сеймы или иныя собранія и договариваются непосредственно о своихъ взаимныхъ обязанностяхъ и правахъ, не оставляя въ каждомъ добросовѣстномъ изслѣдователѣ никакого сомнѣнія, что сущность связующихъ ихъ отношеній покоится на договорѣ. Въмѣсто того, чтобы являться лично и поголовно на эти сборы, рабовладѣльцы могутъ посылать отъ себя уполномоченныхъ, или же они могутъ поручать редакцію связующаго ихъ договора какому-нибудь верховному вождю, при содѣйствіи и участіи избранныхъ изъ ихъ среды совѣтниковъ. Договоръ можетъ быть формулированъ болѣе или менѣе хорошо или дурно, словесно или письменно. Во всякомъ случаѣ, онъ фактически существуетъ; во всякомъ случаѣ, отношенія, связующія между собою этихъ полноправныхъ рабовладѣльцевъ, существенно разнородны съ отношеніями, связующими каждаго изъ нихъ съ его собственными невольниками. Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ отношеніяхъ высшаго порядка, объ отношеніяхъ общественности, мы снова должны вернуться къ паразитизму.

Паразитизмъ въ животномъ царствѣ и рабство, столь неразлучное съ человѣчествомъ, существенно отличаются отъ немедленнаго и непосредственнаго пожиранія добычи хищникомъ только тѣмъ, что здѣсь уничтоженіе побѣдителемъ тваней и соковъ побѣжденнаго раскладывается на болѣе или менѣе продолжительные сроки и что, благодаря изобрѣтательности человѣческаго ума, тваня и соки раба могутъ быть поглощаемы не въ первоначальномъ, естественномъ своемъ видѣ, а предварительно превращенны въ какой-нибудь иной, болѣе соотвѣтственный вкусамъ побѣдителя продуктъ. Солитеръ, сосущій наши внутренности, имѣетъ въ виду только

собственную выгоду, а вовсе не гибель жертвы. Рабовладѣлецъ, эксплуатирующій невольника, преслѣдуетъ точно также свою корысть, а вовсе не гибель раба. Чѣмъ богаче психическій міръ рабовладѣльца, тѣмъ разностороннѣе его вкусы и потребности, тѣмъ неизбѣжнѣе въ числѣ этихъ потребностей должны оказаться и такія, удовлетвореніе которыхъ не требуетъ отъ невольника очень тяжелого труда. И, дѣйствительно, мы повсюду замѣчаемъ, что изъ среды невольниковъ, захваченныхъ побѣдителями для эксплуатации ихъ плоти и крови, очень скоро выдѣляются привилегированные слуги, повара, иногда сказочники, пѣсенники, пѣстуны, дядьки рабовладѣльческихъ дѣтей и тому подобная челядь, участь которой уже далеко не такъ горька, какъ простого раба. Первоначально паразитическія отношенія примѣтно смягчаются, естественно перерождаясь въ одну изъ формъ нахлѣбничества. Съ другой стороны, мало-мальски смысленный рабовладѣлецъ легко начинаетъ замѣчать, что сытые, здоровые и по возможности довольные своею участью рабы даютъ ему больше продукта и благосостоянія, чѣмъ рабы забитые, изуренные и вѣчно готовые къ возстанію. Такой рабовладѣлецъ не замедлитъ позаботиться о нѣкоторомъ улучшеніи быта своихъ рабовъ и вступить съ ними въ отношенія мутуализма, составляющаго, — по увѣренію Эспинаса, — даже въ животномъ царствѣ приготовительную ступень или преддверіе общественности.

Между возникновеніемъ животныхъ и человѣческихъ группъ существуетъ, слѣдовательно, паралелизмъ, а не тождество. Въ зоологіи и въ исторіи мы равно можемъ уловить тѣ промежуточныя ступени — паразитизмъ, нахлѣбничество и мутуализмъ, которыя отъ остревѣлой борьбы ведутъ насъ къ элементарному общественному союзу. Исторія классическихъ республикъ и Римъ въ послѣдніе вѣка существованія западной имперіи могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для чисто научнаго изслѣдованія тѣхъ процессовъ, которыми на практикѣ совершается вышеупомянутое перерожденіе паразитизма въ нахлѣбничество и того и другого въ мутуализмъ. Средневѣковая Европа съ ея феодальнымъ правомъ представляетъ намъ такой превосходный и разносторонній примѣръ мутуализма, какого мы напрасно стали-бы искать въ зоологіи. Здѣсь въ особенности наглядно выясняется эмбріональный характеръ явленія, которое еще не составляетъ общественности, т. е. не предполагаетъ

договора, но уже ведетъ къ взаимному обмѣну услугъ, т. е. включаетъ въ себѣ зародыши договора. Рыцарь считалъ-бы себя униженнымъ, еслибы ему предложили вступить въ какіе-бы то ни было договоры съ виланомъ, котораго онъ грабилъ, насколько могъ, но онъ изъ своекорыстныхъ побужденій защищалъ поле, воздѣланное этимъ виланомъ, и самую жизнь своихъ вилановъ отъ набѣга другихъ, такихъ-же, какъ и онъ, но чуждыхъ хищниковъ. Вилянъ, съ своей стороны, понимаетъ, что никакой договоръ, никакой законъ не ограждаетъ его отъ насилія его властелина, но что личный эгоизмъ феодала, вообще говоря, долженъ заставлять его охранять своего васала отъ конечной гибели и крайняго разоренія, тогда-какъ еслибы территория была оставлена безъ военной защиты на жертву кочующихъ вооруженныхъ бандъ, то у злополучнаго земледѣльца не осталось-бы и этой скудной гарантіи. Съ другой стороны, короли и императоры обуздывали, гдѣ могли, произволь феодалной знати только потому, что, необузданная, эта знать поглотила-бы ихъ самихъ. И этимъ путемъ они роковымъ образомъ, слѣпою силою событій вовлекались въ мутуалистическій обмѣнъ услугъ съ жѣщанствомъ и отчасти съ народомъ. Не такъ ли точно птица пловіанъ, гоняясь за добычею, проникаетъ въ пасть крокодила и, пожирая, гнѣздящихся въ ней паразитовъ, оказываетъ прозорливому чудовищу очень важныя услуги? Конечно, безопасность ея во рту крокодила не обезпечена никакимъ договоромъ, и очень можетъ быть, что множество такихъ птицъ погибло прежде, чѣмъ крокодилы привыкли связывать видъ этой птицы съ представленіемъ удовольствія, ощущаемаго ими по очищеніи ихъ рта отъ мучительныхъ гостей. Buffalo africa собирается цѣлыми стадами на спинѣ слоновъ; alesto играютъ безбоязненно на спинѣ буйволовъ и состоятъ съ ними въ неразрывной дружбѣ, основанной исключительно на случайномъ совпаденіи ихъ обоюдныхъ выгодъ. Въ животномъ царствѣ легко можно подобрать цѣлыя десятки примѣровъ подобнаго же постояннаго дружественнаго сближенія между собою особей самыхъ разнообразныхъ родовъ и даже классовъ. Всѣ такія сочетанія основаны одинаково на взаимномъ обмѣнѣ услугъ, но они не составляютъ общества, потому что обмѣнъ этотъ слишкомъ одностороненъ, основанъ на одномъ какомъ-нибудь, слишкомъ ограниченномъ совпаденіи обоюдныхъ выгодъ. Животныя, состоящія въ подобныхъ мутуали-

стических отношеніяхъ между собою, обыкновенно слишкомъ различны другъ отъ друга. Да оно иначе и быть бы не могло, такъ какъ иначе между ними возникало бы соперничество. А можетъ потому только и друженъ съ буйволами, что враги этого травоядного служатъ добычею птицъ.

Въ человѣчествѣ, какъ и въ животномъ царствѣ, мутуализмъ характеризуетъ собою тотъ интересный для насъ моментъ, когда первичная общественная борьба за существованіе не только приняла уже болѣе мягкой характеръ, какъ въ нахлѣбничествѣ, но и начинаетъ примѣтно вести къ содѣйствию, къ солидарности, хотя бы частной и односторонней, къ союзу. Различіе между исторіею человѣчества и исторіею зоологическою заключается въ томъ, что у людей, какъ мы уже видѣли, паразитизмъ непосредственно переходитъ въ явленія нахлѣбничества и мутуализма, тогда какъ въ животномъ мірѣ эти два послѣднія явленія стоятъ изолированно, и мы можемъ только логически уловить существующую между ними связь. Животныя, состоящія между собою въ отношеніяхъ паразитизма, неспособны переходить къ нахлѣбничеству или къ мутуализму. Здѣсь мы снова можемъ сказать словами Эдгара Кина: „исторія человѣчества объясняетъ намъ исторію природы“.

Мутуализмъ, въ свою очередь, представляетъ множество ступеней, и хотя въ лучшихъ случаяхъ онъ можетъ привести только къ образованію временныхъ, частныхъ асоціацій, а не постоянныхъ обществъ, которыя охватывали бы всю жизнь особей съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, — но социологическое его значеніе кажется намъ тѣмъ не менѣе очень важнымъ, и Эспинасъ едва ли исчерпалъ его до конца. Французскій авторъ очень подробно изслѣдуетъ одомашненіе животныхъ, рассматриваемое имъ, — какъ и многими другими натуралистами, — какъ частный случай мутуализма или временной асоціаціи, образуемой особями различныхъ породъ въ виду взаимнаго обмѣна услугъ. По этому поводу онъ очень рельефно выставляетъ на видъ подмѣченную уже многими другими наблюдателями, въ томъ числѣ Уоула и Дарвиномъ, склонность нѣкоторыхъ животныхъ подчиняться авторитету человѣка, — склонность, доходящую въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — въ собакахъ, конкахъ, птицахъ и пр., — до полнѣйшей преданности. Но онъ опровергаетъ положеніе, высказанное впервые, если не ошибаемся,

Фредерикомъ Бьюве и поддерживаемое въ настоящее время многими французскими и англійскими учеными, а именно, что тѣ изъ животныхъ, которыя въ дикомъ состояніи живутъ обществами, поддаются одомашненію гораздо легче, чѣмъ животныя, живущія особнякомъ. По мнѣнію Эспинаса, животныя тѣмъ легче входятъ во взаимныя отношенія съ человѣкомъ, чѣмъ выше ихъ умственный уровень. Одиночный-же или общественный образъ ихъ жизни, по мнѣнію молодого французскаго ученаго, здѣсь остается не причемъ. Впрочемъ, онъ и самъ замѣчаетъ, что животныя общественныя обыкновенно бываютъ лучше одарены и въ умственномъ отношеніи...

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на этой сторонѣ изслѣдованій Эспинаса, такъ - какъ она слишкомъ спеціально входитъ въ область той зоологической социологіи, которою мы интересуемся здѣсь только мимоходомъ. Но, къ сожалѣнію, разбираемый нами авторъ отводитъ слишкомъ мало мѣста той формѣ временныхъ асоціацій между животными особями, которая не можетъ быть отнесена къ обмѣну услугъ, такъ-какъ она, во-первыхъ, не предполагаетъ въ своей основѣ этого обмѣна, а во-вторыхъ, такъ - какъ она по преимуществу склонна проявляться между особями наиболѣе сходными, тогда какъ за мутуализмомъ мы уже замѣтили діаметрально - противоположную тенденцію. Эту форму мы можемъ назвать *товариществомъ*, и она, казалось-бы, заслуживаетъ особенно тщательнаго изслѣдованія, такъ-какъ въ ней мы впервые встрѣчаемъ животныхъ, повидимому, осужденныхъ на вѣчное соперничество самымъ сходствомъ своей организаціи, забывающими первоначальную вражду и вступающими въ дружественныя, хотя и не кооперативныя отношенія между собою безъ всякой для себя выгоды. Было-бы странно съ нашей стороны настаивать на необходимости выдѣлить товарищество изъ разряда мутуалистическихъ явленій, хотя мы только-что указали тѣ основанія, по которымъ подобное обособленіе товарищества въ самостоятельную рубрику можно считать вполне законнымъ и желательнымъ. Но во всякомъ случаѣ Эспинасъ, написавшій всю свою книгу съ нескрываемымъ намѣреніемъ уяснить роль психическихъ и нравственныхъ факторовъ въ дѣлѣ возникновенія животныхъ обществъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ очень неосновательно, когда онъ обходитъ вопросъ возникновенія товариществъ

въ животномъ царствѣ немногими отрывочными замѣчаніями, да и то сосредоточивая свое вниманіе только на такихъ случаяхъ этого явленія, въ которыхъ товарищество ведетъ къ подчиненію одного разряда временныхъ союзниковъ другимъ. Такое товарищество, съ преобладаніемъ одного изъ союзниковъ надъ цѣлыми сонмищами другихъ, достигаетъ дѣйствительно своего высшаго предѣла въ одомашненіи животныхъ человѣкомъ; а потому Эспинасъ и торопится перейти къ этому, мало поучительному съ социологической точки зрѣнія явленію. Но для насъ гораздо интереснѣе тѣ вольныя товарищества и сходки, очень нерѣдко встрѣчаемыя на разныхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы, — у птицъ, у травоядныхъ, у обезьянъ, — гдѣ особи, будто-бы осужденныя природою на вѣчную борьбу и соперничество, дружно и весело играютъ между собою, щебечуть и дѣлятся взаимными впечатлѣніями, насколько позволяютъ ихъ несовершенный языкъ, оказываютъ другъ другу множество мелкихъ любезностей, не подчиняясь никакому авторитету, никакой органической нуждѣ, какъ-будто имъ доставляетъ несказанное удовольствіе насмѣяться надъ нашими мудрецами, съ академическою важностью доказывающими, что вражда и страданіе составляютъ непреложный универсальный законъ природы.

Эспинасъ признаетъ два стимула, ведущихъ къ возникновенію общественности въ животномъ царствѣ: выгода, болѣе или менѣе сознательно влекущая животныхъ особи къ союзу съ подобными себѣ или даже съ несходными особями при случайномъ совпаденіи ихъ интересовъ (какъ мы уже видѣли въ мутуализмѣ), и симпатія, т. е. безкорыстное влеченіе къ обществу подобныхъ себѣ. Въ ассоціаціяхъ случайныхъ и временныхъ, т. е. во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ нахлѣбничества и мутуализма, выгода или корысть, т. е. побужденія чисто-эгоистическаго свойства, играютъ преобладающую роль, по мнѣнію французскаго автора. Симпатія или альтруистическія побужденія только упрочиваютъ узы, связанныя эгоизмомъ. Что-же касается обществъ нормальныхъ, т. е. обществъ, охватывающихъ жизнь животныхъ особей съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ и возникающихъ только между особями одного вида, — въ нихъ, по мнѣнію Эспинаса, симпатія, т. е. альтруистическія инстинкты, должны быть выдвинуты на первый планъ, а инстинкты и побужденія эгоистическія могутъ только

упрочивать уже однажды возникшіе союзы. Все это, можетъ быть, и справедливо, но прежде всего надо показать, откуда берется эта симпатія и въ какихъ отношеніяхъ состоитъ она къ той борьбѣ, которая несомнѣнно составляетъ первичный и наиболѣе общепризнанный законъ органическаго міра. Эволюціонная теорія не знаетъ двойственности: или симпатія, альтруизмъ является порожденіемъ этой-же самой борьбы, или она сама составляетъ новый и неизслѣдованный еще доселѣ законъ, и мы не имѣемъ права ссылаться на нее для объясненія какихъ-бы то ни было социологическихъ явленій, прежде чѣмъ она перестанетъ быть для насъ загадочнымъ словомъ, которымъ можно объяснять все, что угодно, потому что слово это само еще непонятнѣе для насъ, чѣмъ объясняемое имъ явленіе.

Эспинасъ прежде всего психологъ и хорошо знаетъ, что слово „инстинктъ“ утратило для насъ свой недавній мистическій смыслъ, дѣлавшій его крайне пригоднымъ для объясненія всего необъяснимаго. Инстинктъ есть только унаслѣдованная, такъ-сказать, палеонтологическая привычка. Нынѣшнія животныя инстинктивно, т. е. безсознательно и безотчетно, дѣлаютъ то, что болѣе или менѣе отдаленные ихъ предки дѣлали по собственному выбору. Къ тому-же дарвинизмъ положительно доказалъ намъ, что наследственной передачѣ подлежатъ только такія привычки и особенности, которыя полезны для вида. Слѣдовательно, и альтруизмъ или симпатія, какъ инстинктъ, можетъ найти свое мѣсто въ эволюціонной теоріи только тогда, когда объяснится его утилитарное происхождение. Эспинасъ-же увѣряетъ насъ, что единственный смыслъ симпатіи кроется въ ея „будущей полезности“. „Конечно, прибавляетъ онъ, — существа, влекомыя симпатією къ взаимному сближенію, не даютъ себѣ отчета въ этомъ его значеніи, но сообразованіе съ этимъ влеченіемъ составляетъ для нихъ неотразимую потребность“ (au moment ou elle est ressentie, elle, т. е. la sympathie, determine un besoin pressant, стр. 173, подстрочное примѣч.). Не правда-ли, читатель, странное объясненіе, предполагающее въ животныхъ какой-то пророческій даръ, или-же въ природѣ какого-то скрытаго благодѣтеля, обращающаго живыя существа въ маріонетки, разыгрывающія кукольную комедію съ оттѣнкомъ прописной морали. Уже одна та преобладающая роль, которую Эспинасъ отводитъ альтруизму, симпатіи, въ дѣлѣ возникновенія нор-

мальныхъ, т. е. постоянныхъ и однородныхъ обществъ, обязывала-бы его, по нашему мнѣнію, остановиться обстоятельнѣе на первомъ проявленіи этого могущественнаго стимула и на тѣхъ животныхъ товариществахъ, которыхъ онъ, по легкому, впрочемъ, понятной для насъ причинѣ, не хочетъ замѣчать, хотя они и служатъ несомнѣнно введеніемъ къ возникновенію тѣхъ формъ общественности, которыя самъ-же Эспинасъ считаетъ высшими изъ всѣхъ осуществленныхъ въ животномъ царствѣ и которыя онъ называетъ племенами (*reuplade*). Впослѣдствіи самъ авторъ возвращается еще къ вопросу о возникновеніи симпатіи и высказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній; но они плохо вяжутся съ его основными положеніями. Его вступительная глава о разныхъ формахъ случайныхъ или временныхъ обществъ, т. е. о нахлѣбничествѣ и мутуализмѣ, гораздо меньше *вводитъ* насъ въ область нормальной общественности, чѣмъ отводитъ насъ отъ нея. Когда затѣмъ, т. е. по изслѣдованіи высшихъ проявленій нахлѣбничества и мутуализма, авторъ заводитъ рѣчь объ обществахъ питанія (неизвѣстно для чего окрещенныхъ имъ прозвищемъ *бластодемы*) и объ обществахъ размноженія или семействахъ, то читатель невольно чувствуетъ, что руководящая нить, т. е. идея эволюціи или преемственности, утрачена. Когда-же вслѣдъ за тѣмъ почтенный авторъ заводитъ рѣчь о высшихъ общественныхъ группахъ, т. е. о племенахъ, состоящихъ съ семейною общественностью въ ясномъ антагонизмѣ, то только тогда мы получаемъ возможность уловить ту логическую преемственность, которая существуетъ въ природѣ, но которая умышленно нарушена Эспинасомъ ради предвзятаго намеренія доказать, будто нормальныя общества суть конкретно-существующіе живые организмы, въ которыхъ отдѣльныя особи поглощены, какъ члены или органы, но будто мудрая природа устроила это запутанное дѣло такъ, что подобное поглощеніе лица обществомъ должно вполнѣ совпадать съ субъективными представленіями особей о ихъ эгоистическомъ благополучіи.

Вернемся, однакожъ, къ тѣмъ животнымъ товариществамъ, о которыхъ мы говорили выше.

X.

Мутуализмъ, какъ мы видѣли, сближаетъ между собою иногда довольно многочисленныя группы животныхъ, всего чаще очень несходныхъ между собою по своимъ нравамъ, образу жизни и организаціи. Маленькая рыба *моцманъ* встрѣчается неизмѣнно въ сообществѣ свирѣпой акулы, зная очень хорошо, что ей можно будетъ поживиться около своего страшнаго спутника крохами и остатками таковой добычи, съ которою она сама не совладала-бы никогда. Акула, съ своей стороны, знаетъ, что маленькій и юркій ея руководитель гораздо лучше ея способенъ замѣтить добычу издалека, а потому она и слѣдуетъ за нимъ, никогда не пытаясь (за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ) полагаться на счетъ его самого. Птицы алекто цѣлыми стадами встаютъ надъ стадами буйволовъ по изложенной уже выше причинѣ. Всѣ эти, иногда очень странныя на видъ сборища, вытекаютъ изъ всемірнаго факта борьбы за существованіе, хотя главнымъ стимуломъ или поводомъ къ этимъ мутуалистическимъ сближеніямъ служить только обоюдная выгода, корысть. Роль симпатіи, альтруизма, взаимнаго душевнаго влеченія здѣсь еще совершенно ничтожна. Конечно, борьба, особенно на высшихъ ступеняхъ мутуализма, совершенно утратила уже свой характеръ вражды, соперничества, разрушенія, но она еще далеко не приняла того характера сотрудничества, дѣятельнаго союзничества, привязанности, доходящей до самопожертвованія, который сообщаютъ ей позднѣйшія и высшія метаморфозы общественной эволюціи. Вся книга Эспинаса убѣждаетъ насъ, что эти позднѣйшія и высшія метаморфозы могутъ осуществляться не иначе, какъ при очень дѣятельномъ участіи чисто-психическихъ факторовъ. Представленія, ощущенія, даже иллюзіи отдѣльныхъ особей играютъ въ дѣлѣ возникновенія высшихъ формъ общественности по меньшей мѣрѣ столь-же существенную роль, какъ собственно фізіологическія и органическія условія. Прежде, чѣмъ возникаетъ возможность высшей общественной организаціи, необходимо, чтобы единичныя сознанія, разрозненныя прямою борьбою и паразитизмомъ, тѣсно сплотились и настроились на одинъ общій діапазонъ. По мнѣнію французскаго автора, это ихъ объединеніе

совершается до значительнаго предѣла въ мутуализмѣ. Мы не можемъ согласиться вполне съ этимъ положеніемъ. Трудно допустить, чтобы организаціи столь существенно различныя между собою, какъ, на примѣръ, крокодилъ и плювіанъ, буйволъ и алекто и т. п., могли существенно сродниться между собою, и мы не видимъ, по крайней мѣрѣ, въ животномъ царствѣ, чтобы мутуализмъ непосредственно переливался въ ту высшую форму случайной общественности, которую мы выше назвали товариществомъ. За то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мутуализмъ, если не прямо, то косвенно, но, во всякомъ случаѣ, очень дѣятельно способствуетъ возникновенію товарищескихъ союзовъ между особями настолько сходными между собою, что между ними не могутъ уже существовать чисто-мутуалистическія отношенія.

Возьмемъ тотъ-же простой примѣръ буйвола и алекто. Птица эта оказываетъ неуклюжему четвероногому существованию услугу не тѣмъ только, что она избавляетъ его отъ мучительныхъ паразитовъ, но, такъ - какъ она очень зорка и бдительна, то она еще заблаговременно предупреждаетъ его о приближеніи врага. Близорукій и неуклюжій носорогъ имѣетъ точно такого-же друга и благодѣтеля въ лицѣ *ани*. Между буйволомъ и алекто, между носорогомъ и ани отношенія такъ и остаются мутуалистическими до конца. Но такъ-какъ всѣ буйволы данной мѣстности знаютъ, что птица эта изъ чисто-эгоистическихъ побужденій играетъ по отношенію къ нимъ роль зоркаго сторожа, то они весьма естественно будутъ стремиться воспользоваться ея услугами, собираться по-преимуществу въ той мѣстности, въ которой уже пасутся другіе буйволы, успѣвшіе привлечь къ себѣ стаю алекто. Но этого мало. Множество другихъ причинъ могутъ сгонять въ одно мѣсто цѣлыя стада животныхъ, если только они по природѣ не враждебны другъ другу и если недостатокъ пищи не подстрекаетъ ихъ къ соперничеству. И если животныя эти, какъ это на каждомъ шагу случается съ травоядными, просто мирно пасутся другъ подлѣ друга, то они обыкновенно не обращаютъ другъ на друга ни малѣйшаго вниманія и могутъ бокъ-о-бокъ проводить всю свою жизнь, не доходя ни до какого подобія общественной организаціи и оставаясь при одномъ только чисто - механическомъ сближеніи. Совершенно иное дѣло, если вниманіе каждаго изъ собравшихся вмѣстѣ животныхъ

поглощено однимъ и тѣмъ-же предметомъ, какъ въ данномъ примѣрѣ каждый буйволъ зорко слѣдитъ за движеніями порхающаго надъ стадомъ алекто. По малѣйшему его сигналу, все стадо, несвязанное между собою первоначально никакими объединительными узами, вдругъ всполошится, проникнутое въ мигъ однимъ общимъ побужденіемъ, станетъ двигаться и дѣйствовать, какъ полкъ по командѣ. Алекто становится, такимъ образомъ, какъ-бы знаменемъ или значкомъ этого полка, во имя котораго объединяются существа, органически сродныя между собою, но неимѣющія никакого повода интересоваться другъ другомъ. Мало-по-малу это обыкновение совершать одновременно, какъ по командѣ, одни и тѣ-же движенія обращается въ привычку, которая, въ свою очередь, передаваясь по наслѣдству, становится инстинктомъ. Такимъ образомъ, цѣлыя стаи или стада животныхъ, неимѣющихъ никакого прямого побужденія заключать между собою общественные союзы, неизвлекающихъ первоначально изъ этихъ союзовъ никакихъ вещественныхъ выгодъ, получаютъ нѣкоторую дисциплинировку даже гораздо раньше, чѣмъ возникаютъ тѣ естественныя ассоціи, которыя Эспинасъ только и присвоиваетъ названіе нормальныхъ обществъ. Возникаетъ стадное чувство, привычка ежечасно видѣть вокругъ и подлѣ себя себѣ подобныхъ. Приучившись изъ поколѣнія въ поколѣніе проводить всю свою жизнь, или, по крайней мѣрѣ, большую ея часть, въ товариществѣ съ однородными или, по крайней мѣрѣ, очень сходными съ нимъ особями, такое животное ощущаетъ безпредметный страхъ, тоску, очутившись на время въ одиночествѣ. Оно бѣжитъ отъ одиночества и приходитъ въ восторгъ, увидѣвъ снова своихъ товарищей. Только такимъ путемъ мы и можемъ объяснить себѣ возникновение очень часто встрѣчающихся въ природѣ такихъ сборищъ особей, которыхъ полезность, по выраженію Эспинаса, „еще только въ будущемъ“, т. е. которыя ничего не прибавляютъ къ безопасности и матеріальному благополучію каждой особи и цѣлаго стада, не увеличиваютъ его стойкости въ жизненной борьбѣ. Часто даже эта привычка собираться вмѣстѣ большими товариществами положительно губельна и для отдѣльныхъ особей. Стая куропатокъ, напримѣръ, или куликовъ такъ-же беспоможна противъ охотника, какъ и одна куропатка или одинъ куликъ; но она только вѣрнѣе привлечетъ къ себѣ вниманіе охотника или иного хищника.

А между тѣмъ у множества животныхъ, въ особенности-же у птицъ, чувство товарищества, выразившееся въ нашей поговоркѣ: „на міру и смерть красна“, вкоренилось уже до такой степени, что они продолжаютъ составлять многолюднѣйшія сборища безъ всякой утилитарной цѣли и съ очевидной опасностію для собственной шкуры и для вида. Въ этихъ товариществахъ мы встрѣчаемся съ первымъ пробужденіемъ того чувства коллективности, того альтруизма или симпатіи, которая на высшихъ ступеняхъ зоологическаго совершенствованія доходитъ до истиннаго героизма, до полного забвенія себя и своихъ эгоистическихъ побужденій не только ради блага ближняго, но ради представленія о ближнемъ. Очевидно, мы не могли пройти молчаніемъ этого многозначительнаго момента, которому Эспинасъ, изъ теоретическихъ соображеній, отводитъ очень скромное мѣсто въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи.

У животныхъ съ очень бѣдною психическою дѣятельностію, напримѣръ, у жвачныхъ, которыхъ вся жизнь наполнена поглощеніемъ огромныхъ количествъ растительной пищи, — продуктъ товарищества, т. е. инстинктъ альтруизма, рѣдко идетъ дальше своей зачаточной формы: стаднаго чувства, душевной потребности видѣть себя постоянно окруженнымъ множествомъ себѣ подобныхъ. Но товарищества описаннаго нами вида очень распространены въ животномъ царствѣ. Въ книгѣ Эспинаса и въ нѣсколько разъ упомянутомъ классическомъ сочиненіи Узо можно легко подобрать цѣлыя сотни подходящихъ примѣровъ. Когда животныя съ болѣе богатою духовною дѣятельностію собираются такимъ образомъ въ большія группы, чтобы пользоваться предостереженіями одного общаго руководителя, то между ними скоро возникаютъ самыя разнообразныя взаимныя отношенія, необусловленныя никакою полезностію, никакою органическою необходимостію. Напримѣръ, особи, одаренныя равною быстротою бѣга, спасаясь бѣгствомъ при первомъ сигналѣ опасности, легко могутъ очутиться неразлучными сосѣдями. Такимъ образомъ, у нихъ, кромѣ привычки видѣть вокругъ себя цѣлое стадо себѣ подобныхъ, развивается еще привычка къ ежечасному сообществу одной опредѣленной особи этого стада. Возникаетъ пріятельство, дружба, неимѣющая себѣ никакого органическаго основанія и вытекающая изъ первичной борьбы за существованіе не прямымъ, а совершеннымъ окольнымъ путемъ. Особи молодая, привыкшія вмѣстѣ играть

и рѣзвиться, образуютъ отдѣльные кружки. Этимъ объясняется, можетъ быть, то, что многія товарищества животныхъ представляютъ уже нѣкоторые зачатки организаціи, нѣкоторую правильность группировки своихъ частей: молодныя особи составляютъ одинъ кружокъ, самцы группируются отдѣльно отъ самокъ и т. п. Вообще же говоря, въ товариществахъ еще нѣтъ общественной организаціи, такъ-какъ нѣтъ еще общественности, т. е. коопераціи, дѣятельнаго союза для существованія, и мы указываемъ на этотъ видъ животныхъ сборищъ только какъ на высшую изъ приготовительныхъ, такъ-сказать, къ общественности ступеней. Прибавьте къ такимъ товариществамъ нѣкоторую организацію дѣятельной взаимопомощи—и вы получите племенной союзъ, т. е. высшій изъ видовъ общественности, наблюдаемый Эспинасомъ въ животномъ царствѣ.

Желаая объяснить намъ возникновеніе высшихъ явленій общественности и нравственности изъ первичной борьбы за существованіе, этотъ французскій авторъ рисуетъ такую картину:

1) въ *паразитизмъ*—эта первичная борьба нѣсколько смягчается или, по крайней мѣрѣ, пожираніе жертвъ раскладывается на болѣе продолжительные сроки. Самъ-же паразитизмъ представляетъ намъ нѣсколько очень замѣчательныхъ съ соціологической точки зрѣнія ступеней. Крайне мучительные и гибельные внутренніе паразиты, гнѣздящіеся въ органическихъ тканяхъ, смѣняются менѣе вредными, живущими уже только въ полостяхъ терзаемыхъ ими организмовъ; и здѣсь, въ свою очередь, обнаруживается нѣкоторая градація, по мѣрѣ того, какъ паразиты приближаются къ наружнымъ отверстіямъ полостей. Наконецъ, на смѣну внутреннимъ паразитамъ являются наружные паразиты, которые только въ экстренныхъ случаяхъ могутъ быть гибельны для мучимаго ими организма, вообще же они только очень неприяты и нѣсколько вредны для него;

2) въ *нахлебничество*,—паразитъ, питающійся уже не тканями и соками организма, а только остатками, бесполезными для самого организма, совершенно утратилъ свой злостный характеръ. Жизненная борьба приняла безразличный оттѣнокъ: состязующіяся особи перестали враждовать, но между ними не замѣчается еще и слабыхъ проблесковъ содѣйствія или

союзничества. Съ психологической точки зрѣнія, еще никакія узы симпатіи или солидарности не связываютъ ихъ между собою;

3) въ *мутуализмъ* — начинается взаимный обмѣнъ услугъ, ведущій мало-по-малу къ тому, что сознанія, разведенныя первичною борьбою, начинаютъ объединяться, настраиваться въ унисонъ. Возникаетъ симпатія или альтруизмъ, при содѣйствіи которой только и могутъ возникать тѣ дѣятельные союзы для существованія, которые осуществляются въ нормальныхъ обществахъ. Эти-же нормальныя общества возможны, по мнѣнію Эспинасы, только между особями, связанными между собою узами кровнаго, семейнаго или племеннаго родства.

Этими тремя ступенями исчерпываются, по утверженію разбираемаго нами автора, всѣ формы общественности случайной или приготовительной, мы-бы назвали — общественности пассивной, такъ-какъ всѣ ея формы, включая въ ихъ число и обойденное Эспинасомъ товарищество, отличаются отсутствіемъ той союзнической организаци, которою активныя общества облегчаютъ для своихъ членовъ тяжелое бремя борьбы за существованіе и къ изслѣдованію которой мы теперь и перейдемъ.

Соціологическая классификація Эспинасы, вполне сообразная съ духомъ эволюціонной теоріи, едва-ли можетъ считаться окончательною. Противъ многихъ его частныхъ положеній, особенно противъ нѣкоторыхъ его психологическихъ толкованій, многое можно еще возразить. Представляетъ-ли паразитизмъ *смяченную* форму борьбы за существованіе или-же, напротивъ, самую ожесточенную ея форму — это дѣло личнаго вкуса. Предпочитаете-ли вы быть растерзаннымъ въ одинъ мигъ мощными когтями тигра или льва или быть изъѣденнымъ въ нѣсколько дней микроскопическими трихинами, — препирательства объ этомъ не могутъ имѣть ничего общаго съ наукою и невольно заставляютъ насъ вспомнить извѣстную карикатуру, пущенную въ ходъ во Франціи при первомъ созваніи генеральныхъ штатовъ: „Господа! говорилъ король, изображенный въ видѣ повара, собраннымъ имъ пѣтухамъ, — я созвалъ васъ, чтобы обсудить, подъ какимъ соусомъ вы желаете быть съѣденными, — подъ бѣлымъ или краснымъ“. — „Да мы вовсе не хотимъ, чтобы насъ ѣли“. — „Вы выходите изъ вопроса, и я призываю васъ къ порядку!“

Органическія существа не хотятъ быть съѣденными, но ихъ

нельзя призвать къ порядку, потому что, — въ этомъ отношеніи книга Эспинаса не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — самодѣятельность органическихъ существъ уже на очень раннихъ ступеняхъ фізіологическаго и соціологическаго развитія усиленно стремится къ созданію тѣхъ общественныхъ формъ, которыхъ конечная цѣль (само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о какой-нибудь мистической конечной цѣли) — органическая гармонія и миръ, т. е. постепенное и все болѣе и болѣе разностороннее водвореніе содѣйствія или коопераціи, союза для существованія, на мѣстѣ кровавой борьбы.

Станемъ-ли мы разсматривать эту эволюцію общественнаго начала какъ нѣчто самостоятельное и антагонистическое эволюціи борьбы или-же только какъ дополненіе, какъ высшую ступень этой-же самой эволюціи, сущность дѣла не измѣнится ни на волосъ отъ нашихъ схоластическихъ препирательствъ, и мы только-что видѣли, — конечно, въ очень бѣглыхъ и общихъ чертахъ, — тотъ процессъ, которымъ формы союза, общественности, постепенно выдѣляются изъ борьбы, съ которою они состоятъ не всегда въ прямыхъ, а часто въ очень косвенныхъ отношеніяхъ.

XI.

Такимъ образомъ нормальною мѣркою общественности принято считать сотрудничество, т. е. участіе каждаго изъ членовъ союза въ такой работѣ, успѣхомъ которой существенно заинтересовано все общество. Нахлѣбничество, мутуализмъ и товарищество не представляютъ этого отличительнаго признака нормальной общественности и вполнѣ основательно считаются только зачатками, приготовительными формами общественности. Эспинасъ, забывающій ни на мигъ своего предвзятаго возрѣнія на общества, какъ на организмы, избобрѣлъ для этихъ приготовительныхъ формъ особенное названіе — общественности *ненормальной*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ мірѣ зоологическомъ эти приготовительныя формы не ведутъ непосредственно къ сотрудничеству и что нормальная общественность у животныхъ развивается, говоря исторически, не изъ этихъ подготовительныхъ формъ. Зоологическія особи разныхъ видовъ одарены обыкновенно организаціями столь различными, что интересы ихъ рѣшительно неспособны об-

общаться дальше того временного совпаденія, которому вполне удовлетворяють вышеупомянутые предварительные мнимо-общественные союзы. Буйволъ и алекто могутъ проводить вмѣстѣ всю свою жизнь, оказывать одинъ другому взаимныя услуги и, наконецъ, проникнуться очень теплою симпатіею другъ къ другу; но совершенно немислимо, чтобы буйволъ, напримѣръ, сталъ помогать любимому имъ алекто вить гнѣздо, а алекто, въ свою очередь, сталъ-бы собирать, напримѣръ, запасы кормовыхъ травъ для своего буйвола. А потому всѣ эти приготовительные союзы необходимо распадаются на то время, когда члены ихъ не нуждаются во взаимныхъ услугахъ и заняты каждый своимъ дѣломъ. После такого временного перерыва, они обыкновенно возрождаются снова; но даже еслибы какія-нибудь постороннія обстоятельства и помѣшали возрожденію однажды расторгнутаго союза, то изъ этого для прежнихъ союзниковъ не произошло-бы еще особенной бѣды. Въ случаяхъ простого паразитизма, животное, служившее гнѣздомъ паразиту, имѣетъ даже полное основаніе радоваться, когда ему удастся, наконецъ, отдѣлаться отъ назойливаго гостя. Самъ же паразитъ обыкновенно можетъ выбрать себѣ новаго хозяина, а въ крайнемъ случаѣ можетъ даже вовсе обойтись безъ хозяина. При мутуализмѣ расторженіе однажды заключеннаго союза сопровождается нѣкоторыми неудобствами для обѣихъ сторонъ; но гибельнымъ для нихъ оно можетъ быть только въ исключительныхъ случаяхъ.

Совершенно иное дѣло, когда нѣсколько особей совершаютъ вмѣстѣ, на основаніяхъ нормальнаго сотрудничества, какое-нибудь жизненное отправленіе, существенное для каждаго изъ нихъ. Тогда, говоритъ Эспинасъ, — они становятся органически необходимыми другъ другу. Ихъ связываютъ узы плоти и крови, а такія узы нерасторжимы“.

Въ этомъ безусловно справедливо только то, что союзы дѣйствительно общественные, т. е. основанные на сотрудничествѣ, заключаются въ зоологическомъ мірѣ исключительно между особями одного вида, такъ-какъ безъ этого условія между животными не можетъ существовать необходимой солидарности интересовъ и вполне яснаго пониманія другъ друга. Кровное-же родство играетъ въ этомъ случаѣ роль случайнаго, второстепеннаго фактора. Конечно, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что всѣ особи од-

ного и того же вида произошли от одного общего прародителя. Но эволюционная теория учит нас, что и особи, теперь принадлежащая к различным видам и, следовательно, неспособная заключать между собою нормальные общественные союзы, точно также могут быть связаны между собою узами кровного родства. Во всяком случае, закон кровного родства, как необходимого условия нормальной общественности, может оказывать свое действие только в сферах чисто-зоологической. В человечестве же, в силу одной только совершеннейшей организации особей, сопровождаемой богатством психической жизни, тождество интересов и взаимное понимание друг друга, необходимы для возникновения нормальной общественности, встречаются сплошь и рядом без всякого кровного или родственного отношения. Достаточно сослаться на примѣры Швейцарии или Соединенных Штатовъ сѣверной Америки, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ успѣхи гражданственности не зависятъ отъ одноплеменности членовъ союза. Впрочемъ, всѣ безъ исключенія передовыя государства и націи современной Европы возникли точно также изъ соединенія разнородныхъ элементовъ. Отправляясь отъ первичнаго факта завоеванія, т. е. паразитизма, они уже въ историческую эпоху перешли къ взаимности и, наконецъ, къ нормальной общественности, т. е. къ болѣе или менѣе полной солидарности своихъ интересовъ. А между тѣмъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія утверждать, будто всѣ особи, состоящія теперь членами этихъ націй или государствъ, кровно перероднились между собою. Замѣчательно, что нѣмцы швейцарскаго союза даже гораздо лучше сохранили свои кровныя или расовыя особенности, чѣмъ нѣмцы единой германской имперіи; но это нисколько не мѣшаетъ имъ быть завзятыми швейцарскими патриотами, и никакой Эгеръ или Гельвальдъ, конечно, никогда не увѣрятъ насъ, будто государства, неоснованныя на племенномъ родствѣ, осуждены на низменный уровень общественнаго развитія; опытъ нѣсколькихъ вѣковъ гораздо убѣдительнѣе доказываетъ, что солидарность выгодъ и взаимное пониманіе другъ друга, въ дѣлѣ нормальной общественности, превышаетъ всякаго кровного или племенного родства.

Существеннѣйшихъ жизненныхъ отправленій въ органическомъ мірѣ мы знаемъ два: питаніе и размноженіе. Съ удовлетвореніемъ потребностей питанія и размноженія мы обыкновенно связываемъ

представленіе о крайнемъ эгоизмѣ. Какъ-бы то ни было, но и эти элементарнѣйшія и дѣйствительно низшія функціи органической жизни состоятъ, однакожь, въ непосредственной связи съ развитіемъ нормальной общественности, которая такимъ образомъ дробится съ самаго своего появленія на двѣ отрасли: общества, имѣющія своею основою питаніе, и общества размноженія, обнимающія собою разнообразнѣйшія формы семейныхъ союзовъ. Эспинасъ почему-то считаетъ нужнымъ окрестить первыя нѣсколько мудренымъ прозвищемъ *бластодемъ*. Возрѣнія знаменитаго французскаго ученаго на эту тему представляютъ во всякомъ случаѣ много новаго и заслуживаютъ вниманія. Эспинасъ съ самаго начала своихъ изслѣдованій возвышается надъ уровнемъ ходячаго матеріализма, который видитъ начало всякой общественности и нравственности въ половомъ сближеніи, являющемся, какъ извѣстно, только на высшихъ ступеняхъ зоологическаго совершенствованія. Роль общественности, даже въ животномъ мірѣ, оказывается значительно универсальнѣе и шире. Для того, чтобы встрѣтить полную отчужденность, мертвящій эгоизмъ, несвязанный никакими условіями коллективности и сотрудничества, намъ необходимо спуститься къ самымъ низшимъ ступенямъ органической лѣстницы, къ тѣмъ микроскопическимъ организмамъ, которые состоятъ изъ одной только клѣточки. Подобные организмы массами кишатъ въ природѣ, изображая собою, такъ-сказать, первый шагъ или дѣтскій лепетъ зарождающейся органической жизни. Вся жизнь ихъ проходитъ въ томъ, что они питаются, чисто-механически всасывая въ себя окружающую ихъ влагу; напитавшись до вождельннаго предѣла, они распадаются на два, четыре и т. д. совершенно подобныхъ-же организмовъ, которые продолжаютъ, каждый на свой счетъ, точно такое-же рудиментарное или зачаточное существованіе. Такія клѣточки могутъ плодиться и размножаться тысячами, мириадами поколѣній, не подвигаясь ни на шагъ въ своемъ органическомъ развитіи. „Онѣ безконечно слабы и ничтожны, говоритъ Эспинасъ, — не потому, что онѣ безконечно малы, а потому, что онѣ вполне обособлены, изолированы“.

Первый моментъ прогресса органическаго развитія начинается съ того, что клѣточки эти, переставая влачить свое существованіе каждая на свой страхъ, не отдѣляются вовсе отъ

тѣла породившей ихъ клѣточки, а остаются какъ-бы припаянными къ ней, образуя, такимъ образомъ, первичную ассоціацію, питательную колонію или *бластодему*. Что побуждаетъ эти клѣточки, изъ которыхъ каждая вполне способна къ единичной, обособленной жизни, заключать между собою подобныя союзы?—вопросъ этотъ остается и до сихъ поръ открытымъ въ исторіи мірозданія. Несомнѣнно только то, что первый зачатокъ прогресса къ зоологическому мірѣ возникаетъ такимъ образомъ, благодаря первому проявленію нормальной общественности. Исслѣдованія естествоиспытателей показываютъ намъ, что многія низшія инфузоріи способны, какъ-бы по собственному выбору, существовать обособленно или-же образовывать подобныя бластодемы. Иногда клѣточки, составлявшія подобную первичную ассоціацію втеченіи извѣстнаго времени, потомъ расходятся и начинаютъ жить каждая на свой собственный счетъ. Гекель въ своей „Исторіи мірозданія“ говоритъ: „На островѣ Эйсъ-о-е, подлѣ Бергена, я находилъ плавающими на поверхности моря сферы очень изящнаго вида, вмѣщавшія каждая по 30 или 40 грушевидныхъ клѣточекъ, снабженныхъ рѣсницами. Всѣ онѣ были обращены утонченными своими концами къ одному общему центру, образуя подобіе звѣзды. По прошествіи нѣкотораго времени эта масса распадается на части; клѣточки изолированно плаваютъ въ водѣ по образцу нѣкоторыхъ инфузорій; потомъ онѣ опускаются на дно и понемногу принимаютъ форму ползающихъ амевъ“...

Легко понять выгоды, извлекаемыя каждою клѣточкою изъ подобныхъ элементарно-общественныхъ союзовъ, которыхъ ближайшимъ результатомъ оказывается увеличеніе объема животнаго. Въ водѣ не мало скитается хищниковъ, поглощающихъ несмѣтное количество единичныхъ клѣточекъ, но неспособныхъ, однавожъ, проглотить 30 или 40 амевъ, сплоченныхъ въ одно цѣлое. Съ другой стороны, такъ-какъ питаніе этихъ зачаточныхъ организмовъ можетъ совершаться только путемъ механическаго всасыванія влаги, въ которой они плаваютъ, то увеличеніе поверхности животнаго оказывается также благопріятнымъ въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, привычка образовывать бластодемы, будучи выгодною и для особей, и для вида, упрочивается и развивается черезъ наслѣдственность и естественный подборъ. Возникаютъ болѣе совершенныя бластодемы, члены которыхъ уже не случайно и

временно связаны между собою, а слиты неразрывно при помощи новаго придаточнаго органа, общаго имъ всёму. Еще одинъ шагъ— и между клѣточками и амебами, образующими бластодемы, явилась бы взаимная потребность труда, въ свою очередь ведущая къ совершеннѣйшей группировкѣ частей, постепенно утрачивающихъ свою однородность... Еще далѣе шагъ— и переходъ къ высшимъ явленіямъ соціальной жизни становится логически-неизбѣжнымъ.

ХІІ.

Первымъ стимуломъ къ прогрессу или совершенствованію въ животномъ царствѣ оказывается, — какъ мы только-что видѣли, — отправленіе нѣкоторыми простѣйшими организмами питательныхъ, т. е. эгоистическихъ, по преимуществу, функций, на основаніи инстинкта самосохраненія. Все дальнѣйшее усложненіе и развитіе органическихъ формъ является логическимъ и легко понятнымъ послѣдствіемъ этого элементарнаго общественнаго явленія. Но намъ нужно подняться далеко вверхъ по зоологической лѣстницѣ, прежде чѣмъ мы встрѣтимся съ возможностью такого-же общественнаго отправленія и другой существеннѣйшей житейской функціи, т. е. размноженія.

Эспинасъ придаетъ семейному союзу такое широкое значеніе, которое, по нашему мнѣнію, можетъ быть принято только съ значительными оговорками и ограниченіями. По словамъ этого почтеннаго соціолога, простого акта совокупленія совершенно достаточно для того, чтобы въ этомъ актѣ видѣть первоначальный узелъ нормальнаго общественнаго союза. Такая терминологія легко можетъ повести къ нѣкоторой путаницѣ, если мы будемъ держаться той субъективной, психологической или нравственной точки зрѣнія, которая обыкновенно имѣется въ виду при обсужденіи общественныхъ задачъ, а потому мы и возражали противъ нея на предыдущихъ страницахъ. Здѣсь-же, приступая къ болѣе спеціальному обзору семейнаго союза, мы готовы согласиться съ Эспинасомъ, обративъ, однакожь, вниманіе нашихъ читателей на то, что субъективная точка зрѣнія очень часто представляетъ намъ реальныя явленія вовсе не подъ тѣмъ угломъ, подъ которымъ они представляются спеціалисту, разсматривающему ихъ съ отвлеченной точки зрѣнія научной объективности. Самецъ, въ эро-

тическомъ азартѣ преслѣдующій самку, имѣеть, конечно, въ виду не какой-либо производительный трудъ, нуждающійся въ содѣйствіи или въ сотрудничествѣ, а только непосредственное удовлетвореніе своей похоти. Но естествоиспытатель или социологъ скажетъ намъ, что вѣроятнѣйшимъ результатомъ этого эгоистическаго удовлетворенія единичной похоти явится сохраненіе рода или вида, хотя-бы самецъ и самка никогда и не задавались этимъ социальнымъ соображеніемъ...

Но и съ этимъ, очень широкимъ и очень условнымъ взрѣніемъ на семейственность мы должны значительно удалиться отъ низшихъ ступеней органическаго развитія для того, чтобы встрѣтить хотя-бы первѣйшіе зачатки общественности и сотрудничества въ фактѣ размноженія. Не только клѣточки, т. е. зоологическія единицы въ строгомъ смыслѣ этого слова, но и слишкомъ многія изъ бластодемъ размножаются помимо полового сближенія, на единичномъ или эгоистическомъ основаніи. Одно то, что совершеннѣйшія органическія формы могутъ появляться на свѣтъ не иначе, какъ подъ условіемъ сближенія или сотрудничества разнополыхъ родителей, невольно уже наводитъ на мысль, что принципъ общественности и сотрудничества является если не стимуломъ, то ужъ навѣрное не избѣжнымъ спутникомъ размноженія. Но съ этой стороны семейный вопросъ всецѣло принадлежитъ къ области біологіи. Мы-же хотѣли здѣсь только указать, что между общественностью семейною и общественностью питанія существуетъ нѣкоторая іерархическая преимственность. Семейственность не вытекаетъ непосредственно изъ бластодемъ, но она господствуетъ надъ ними и ведетъ къ возникновенію высшихъ общественныхъ формъ.

Между тѣмъ какъ общества, основанныя на сотрудничествѣ въ отправленіи однѣхъ только питательныхъ функций, не требуютъ отъ своихъ членовъ сознательнаго, произвольнаго содѣйствія, семейный союзъ предполагаетъ уже въ нихъ нѣкоторый выборъ, такъ-какъ совокупленіе перваго встрѣчнаго самца съ первою встрѣчною самкою встрѣчается только у самыхъ глупыхъ животныхъ. Выражаясь языкомъ Эспинаса, бластодемы суть общества только органическія, тогда какъ семейные союзы и органичны, и психологичны. „Развитіе семейнаго союза у животныхъ, говоритъ Эспинасъ на стр. 282, — даже если мы будемъ имѣть въ виду только половое сближеніе родителей (т. е. оставляя совершен-

но въ сторонѣ такъ-называемый дѣтскій вопросъ); зависеть всего болѣе отъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя готовятъ его и возсоздаютъ, когда онъ почему-бы то ни было нарушенъ. Хотя самки животныхъ, вообще говоря, также какъ и самцы, доступны половымъ возбужденіямъ, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ только самецъ ухаживаетъ за самкой. Это отчасти объясняется большимъ числомъ соперниковъ, которыхъ онъ долженъ устранить въ короткій промежутокъ времени. Къ тому-же у очень многихъ породъ только самецъ одаренъ органами, необходимыми для успѣшнаго преслѣдованія. Мы не знаемъ ни одного вида насѣкомыхъ, гдѣ-бы самцы были безкрылые, а самки имѣли-бы крылья, тогда какъ противоположное явленіе встрѣчается сплошь и рядомъ. Чѣмъ выше мы поднимаемся по зоологической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе самка представляется намъ возбуждаемою двумя противоположными желаніями: отдаться самцу или убѣжать отъ него. Первое изъ этихъ желаній проявляется только въ опредѣленные физиологическіе сроки. Замѣчательно, что самки отличаются особенною разборчивостью именно у тѣхъ породъ, гдѣ самцы выказываютъ наибольшую способность и склонность къ ухаживанію. Такъ, напримѣръ, жестковкрылыя извѣстны продолжительностью маневровъ, предшествующихъ у нихъ половому сближенію, и въ то-же время самцы этихъ породъ блистаютъ наибольшою красотою своихъ брачныхъ нарядовъ. Впрочемъ, безъ этой разборчивости самокъ, самцы не имѣли-бы ни времени, ни повода развивать въ себѣ тѣ болѣе или менѣе солидныя качества и преимущества, возникновеніемъ которыхъ они обязаны половому состязанію. Это даетъ намъ право утверждать, что въ сознаніи самокъ нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ и даже нѣкоторыхъ беспозвоночныхъ живетъ извѣстный идеаль, которому отвѣчаетъ не каждый самецъ и который заставляетъ ихъ долго колебаться въ выборѣ. Комнатная муха, напримѣръ, занимающая очень низкое мѣсто въ ряду насѣкомыхъ, идетъ прямо къ дѣлу, безъ всякихъ церемоній, потому что ея способность имѣть какія бы то ни было представленія крайне ничтожна“ ...

Страницы въ книгѣ Эспинаса, посвященныя изслѣдованію семейныхъ союзовъ, представляютъ множество интереснѣйшихъ фактовъ, очень удачно выбранныхъ имъ изъ трудовъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ біологіи; онѣ изобилуютъ свѣтлыми обобщеніями и идея-

ми, имѣющими часто достоинство полной самостоятельности и новизны. Такъ, напримѣръ, онъ превосходно опредѣляетъ роль муравейниковъ и ульевъ пчелъ и ось въ общей послѣдовательности развитія общественныхъ формъ у животныхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ времени останавливаться здѣсь обстоятельно и подробно на этихъ главахъ и должны миновать ихъ, взявъ изъ нихъ только тѣ указанія, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на послѣдовательное развитіе общественныхъ формъ какъ въ зоологическомъ, такъ и въ политическомъ мірѣ.

Такимъ образомъ, мѣркою совершенствованія общественности французскій авторъ ставитъ *восходящую психологичность* и *нисходящую ограниченность* общественныхъ союзовъ, т. е. ихъ постепенно возрастающую независимость отъ тѣхъ роковыхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ психическомъ мірѣ особей нѣтъ никакихъ ясныхъ представленій (реальныхъ или мнимыхъ — для насъ это все равно) свободнаго выбора, сознательности и произвольности. Согласно іерархіи Эспинаса, союзы семейные потому выше союзовъ питательныхъ (благодетель), что они менѣе органичны. Амеба вступаетъ въ общественный союзъ съ другими амебами, даже не различая ихъ отъ великаго множества всякихъ другихъ подобныхъ имъ амебъ, вслѣдствіе одной только механической близости. Самка-же не только высшихъ млекопитающихъ, но и нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ, уступаетъ сладострастнымъ искательствамъ самца не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ вызывалъ въ ней опредѣленные психическія представленія. Чѣмъ строже и разностороннѣе соблюдаются эти условія съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ выше на социологической лѣстницѣ становится брачный или семейный союзъ. У болѣе совершенныхъ животныхъ выборъ является уже не только со стороны самокъ, но и со стороны самцовъ, и половыя отношенія пріобрѣтаютъ характеръ болѣе или менѣе продолжительныхъ и даже пожизненныхъ браковъ. Затѣмъ, первоначально только у самки возникаетъ уже материнскій инстинктъ, т. е. представленіе о порожденномъ ею существѣ, какъ о части самой себя; и, наконецъ, только въ очень исключительныхъ случаяхъ появляется у животныхъ инстинктъ отцовской любви и возникаетъ семья въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. сотрудничество обоеихъ или нѣсколькихъ родителей въ дѣлѣ прокормленія и воспитанія потомства.

Теперь намъ остается прослѣдить семейно-общественную форму еще на одной высшей ея ступени и по возможности оградить ее отъ тѣхъ „ударовъ перочиннаго ножа“, которыми въ изобиліи надѣляется ее самъ авторъ.

XIII.

Чѣмъ выше мы поднимаемся въ сферѣ органическаго совершенствованія, тѣмъ менѣе жизнь особей оказывается поглощена одними только фізіологическими отправлениями питанія и размноженія. На вершинахъ животнаго царства мы замѣчаемъ общественныя отношенія совершенно новаго порядка, неоснованныя уже непосредственно ни на какихъ органическихъ отправленияхъ. Союзы этого новаго рода могутъ быть названы этническими или народными.

Союзы эти, говоритъ Эспинасъ на стр. 208, выше союзовъ семейныхъ, „потому что въ нихъ жизнь и безопасность каждаго дѣйствительно ограждены взаимнымъ обмѣномъ услугъ“; и далѣе Эспинасъ утверждаетъ, что племенные союзы, основанныя на передачѣ кровнаго родства изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, гораздо прочнѣе и жизнениѣе союзовъ чисто-семейныхъ. Но мы рѣшительно не понимаемъ, почему загадочное кровное родство въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ и вѣроятное родство въ будущемъ должны считаться выше, чѣмъ то несомнѣнное и дѣйствительное кровное родство, которое составляетъ сущность и основу семейныхъ отношеній? Мы не понимаемъ, какъ примирить съ этимъ основнымъ положеніемъ Эспинаса о народныхъ союзахъ тѣ, далеко нерѣдкіе въ этнографіи примѣры, когда браки совершаются исключительно на экзогамическомъ основаніи, т. е. когда жены берутся исключительно изъ чужого племени? Мы не понимаемъ, на какомъ основаніи французскій авторъ категорически увѣряетъ насъ (на той-же страницѣ), что „сборище людей различнаго происхожденія неспособно образовать стройной группы, неспособно организоваться до тѣхъ поръ, пока его разношерстные элементы не сплотятся при посредствѣ брачныхъ союзовъ въ одну расу“... Не надо забывать, что здѣсь дѣло идетъ о той высшей категоріи общественныхъ отношеній, въ которую по необходимости приходится влючить и всѣ извѣстныя

намъ государственные и національные союзы, точно также какъ и тѣ многочисленныя производительныя, торговныя, ученныя и всякія другія общества, которыя именно отличаются своимъ благоустройствомъ, стройностью создаваемыхъ ими группъ, совершенствомъ своей организаціи, въ которой всякія стихійныя и бессознательныя побужденія играютъ самую ничтожную роль. Неужели общество „Краснаго Креста“, напримѣръ, нельзя считать стройною группою только потому, что международныя его члены еще не пережились и не перероднились между собой? Неужели достославный въ европейской исторіи ганзейскій союзъ или федерація фризскихъ и нидерландскихъ штатовъ представляли болѣе низкую социологическую организацію, чѣмъ, напримѣръ, тверское княжество, бургундское королевство или всякое иное политическое тѣло того времени, основанное на одноплеменности и кровномъ родствѣ своихъ членовъ? Неужели, наконецъ, нынѣшняя Черногорія, гдѣ едва-ли не всѣ граждане — зятья, сваты или кумовья между собою, значительно опередила въ дѣлѣ общественнаго благоустройства, напримѣръ, Швейцарію съ ея трехязычнымъ и трехплеменнымъ народонаселеніемъ? Да, наконецъ, если союзъ этнической повоится главнѣйшимъ образомъ на узакъ кровнаго родства, то въ чемъ-же заключается его отличие отъ союзовъ семейныхъ и чѣмъ оправдывается то превосходство, которое Эспинасъ приписываетъ этому новому роду нормальной общественности надъ двумя остальными?

Примѣняя къ явленіямъ народной общественности ту мѣру, которую нѣсколько выше мы заимствовали у разбираемаго нами автора, мы можемъ категорически отвѣтить на этотъ вопросъ въ немногихъ словахъ: степень совершенства общественныхъ формъ обратно пропорціональна ихъ органичности и прямо пропорціональна ихъ психологичности. Властодемы или птательные союзы представляютъ собою низшую ступень развитія нормальной общественности потому, что они всецѣло вращаются въ тѣхъ темныхъ сферахъ органической жизни, гдѣ психологическое ея содержаніе совершенно ничтожно; потому что они управляются внѣшнею механическою или космическою необходимостью, неотражающеюся въ субъективномъ сознаніи особей никакими доступными намъ психическими представленіями или внутренними стимулами. Союзы семейныя представляютъ вторую, высшую ступень,

потому что, имѣя своею основою роковое физиологическое стремленіе половъ къ взаимному сближенію, они, однакожь, оставляютъ широкій просторъ психическимъ побужденіямъ, разборчивости, идеаламъ. По классификаціи самого-же Эспинаса, семейственность заключаетъ въ себѣ не одни только брачныя отношенія совокупляющихся паръ, но и разнообразнѣйшія родственныя отношенія, являющіяся, какъ неизбѣжный физиологическій продуктъ половыхъ отношеній. Продолжая эту градацію, мы логически приходимъ къ тому, что превосходство народныхъ группъ надъ союзами семейными можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ ихъ большей независимости отъ какихъ-бы то ни было роковыхъ органическихъ причинъ и въ ихъ сильнѣйшемъ подчиненіи однимъ только психическимъ побужденіямъ и представленіямъ особей. Переходя къ обстоятельному изслѣдованію законовъ, управляющихъ развитіемъ народныхъ группъ у высшихъ животныхъ (такъ-какъ въ низшихъ эти формы общественности не встрѣчаются нигдѣ), Эспинасъ самъ подтверждаетъ не разъ основательность этого заключенія.

Очень недавно еще было время, когда самые глубокомысленные изслѣдователи государственности и гражданственности, т. е. народной или племенной общественности, смотрѣли на семью, какъ на ячейку, какъ на исходный пунктъ высшей соціальной жизни. Патріархальная семья, встрѣчающаяся дѣйствительно въ до-историческую эпоху у многихъ народовъ, знакомая даже многимъ позвоночнымъ, -стоящимъ не Богъ знаетъ какъ высоко на лѣстницѣ органическаго совершенствованія, казалась имъ естественнымъ прототипомъ или первообразомъ государства. Ниже патріархальнаго уровня, по ихъ мнѣнію, могло существовать только то звѣрское состояніе, при которомъ люди, какъ волки, грызлись между собою, не думая ни о какой семейности или общественности... Только въ новѣйшее время этнографія показала намъ, что патріархальность представляетъ далеко не исходный пунктъ, а, сравнительно говоря, довольно отдаленный предѣлъ семейной эволюціи. Едва-ли не повсемѣстно многоженной (полигамической) патріархальной семьѣ предшествовала семья многожущая или поландрическая, являвшаяся, въ свою очередь, какъ значительный шагъ впередъ отъ первобытной общности женъ или полной без-

„Дѣло“, № 12, 1879 г.

семейности. Нѣкоторые отсталые народы на каждомъ шагѣ представляютъ намъ относительно высокое развитіе общественности народной даже въ томъ періодѣ, когда они еще вовсе не знаютъ семьи, или, по крайней мѣрѣ, когда семейственность находится у нихъ еще на одной изъ очень низкихъ ступеней.

Въ виду такого разногласія ходячихъ воззрѣній съ несомнѣнными фактами, Эспинасъ считаетъ нужнымъ подвергнуть новому тщательному изслѣдованію отношенія, дѣйствительно существующія между семейною и народною общественностью, и придать къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) Спрашивая себя, какимъ путемъ можетъ совершаться переходъ отъ семейственности къ высшей общественности, мы не безъ удивленія замѣчаемъ, что такихъ путей не существуетъ вовсе... Взаимное половое обладаніе по необходимости можетъ распространяться только на очень ограниченное число особей, къ тому же оно по необходимости ревниво, по крайней мѣрѣ, со стороны самца; и этого уже вполне достаточно для того, чтобы замкнуть и изолировать семью въ этомъ отношеніи. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, взаимная привязанность мужа и жены не терпитъ раздѣла или допускаетъ раздѣлъ только въ очень тѣсныхъ размѣрахъ. Ограниченность силъ самца кладетъ очень узкій предѣлъ числу самокъ, надъ которыми онъ присвоиваетъ себѣ господство; точно также силы самки позволяютъ ей воспитать только извѣстное число дѣтенышей. Когда-же, черезъ многоженство, число дѣтей и увеличивается непомерно, то это ведетъ только къ увеличенію размѣровъ семьи, но сущность общественныхъ узъ отъ этого не измѣняется“ (стр. 470). Коротче говоря, дальнѣйшее развитіе семьи никакъ не можетъ привести къ образованію этнической или народной общественности. Казалось-бы, изъ этого слѣдуетъ само собою, что сущность общественныхъ (т. е. этнически-общественныхъ или общественныхъ по преимуществу) узъ различна отъ сущности узъ семейственныхъ. Различіе-же это и не можетъ заключаться ни въ чемъ, кромѣ того, что узы семейныя обусловлены органическими отправлениями, кровнымъ родствомъ, узы-же общественныя свободны отъ этого ограниченія.

Дальше французскій авторъ показываетъ намъ, что развитіе семейственности не только не можетъ вести непосредственно къ

возникновенію народныхъ союзовъ, но даже между развитіемъ этихъ двухъ разнородныхъ видовъ общественности оказывается съ самаго-же начала рѣшительный антагонизмъ. Таковы его подлинныя слова:

2) „Пока дѣти еще не подросли, они образуютъ между собою братское общество, какъ-бы стоящее на рубежѣ между семьей и дѣйствительнымъ обществомъ“. Но что-же случится съ этимъ обществомъ, когда члены его достигнутъ совершеннолѣтія? Ревность проникнетъ въ него, какъ мощный стимулъ къ разложенію, она вызоветъ между братьями кровавую половую вражду и разлучитъ сестеръ, заставивъ ихъ соединить свою судьбу съ враждующими между собою мужьями. Къ тому-же, съ возрастаніемъ числа членовъ семьи усилится также и борьба за существованіе; она разсѣветъ ихъ въ разныя стороны... Чтобы возникла этническая группа, необходимо извѣстное расторженіе или ослабленіе семейныхъ узъ. Поэтому мы почти не встрѣчаемъ организованныхъ народныхъ обществъ у птицъ, которыя отличаются семейными добродѣтелями. У высшихъ млекопитающихъ (всего болѣе у обезьянъ) этническая общественность достигаетъ высокаго предѣла; за то у нихъ семейственность слабо развита и не поглощаетъ въ себѣ особей. Легко понять, что семейныя привязанности, столь тѣсно связанныя съ любовью самого себя, должны оказывать на образованіе высшихъ общественныхъ группъ такое-же неблагоприятное вліяніе, какъ и личный эгоизмъ, но только въ значительно сильнѣйшей степени. Эгоизмъ семейный тѣмъ болѣе неотразимъ, что его центръ гораздо шире, чѣмъ узкое личное я; онъ силенъ самопожертвованіемъ“.

3) „Ни брачная пара, ни семья не представляютъ ячейки общественности... Братская любовь, служащая исходною точкою этническихъ группъ, *не обусловлена узами крови* (ну вотъ, видите!): животныя не знаютъ этихъ узъ. Они безъ всякихъ ограниченій признають за брата дѣтеныша чуждой семьи, воспитаннаго вѣсть съ ними“. „Главная пружина всякой высшей общественности есть *симпатія*“ стр. 475).

Что и требовалось доказать. Не зачѣмъ, слѣдовательно, было и распространяться о загадочномъ родствѣ въ прошломъ, о вѣроятности брачныхъ узъ въ будущемъ. Животныя, насколько намъ

извѣстно, вообще мало руководствуются генеалогическими и геральдическими соображеніями и о завтрашнемъ днѣ немного пекутся: довлѣетъ бо днѣви злоба его. Изъ всего сказаннаго, кажется, само собою ясно, чѣмъ характеризуется каждый изъ трехъ, устанавливаемыхъ Эспинасомъ, видовъ общественности и почему послѣдній изъ нихъ, т. е. этнической союзъ, имѣетъ неоспоримое право на первенство передъ двумя предыдущими. Французскій авторъ превосходно показываетъ намъ, что между этими тремя видами общественности не существуетъ прямолинейной преемственности: народность или общественность по преимуществу не есть продолженіе семейственности, точно также какъ эта послѣдняя не есть продолженіе питательныхъ союзовъ или бластодемъ. Бластодемъ, семейства и народности (peuplades) уподобляются не тремъ стаямъ одного и того-же пути, а скорѣе тремъ вѣтвямъ одного общаго ствола, распадающимся въ свою очередь, на множество разнообразнѣйшихъ развѣтвленій. Муравьи и пчелы представляютъ намъ замѣчательное почти до чудовищности развитіе семьи. Эспинасъ, насколько намъ извѣстно, первый обратилъ вниманіе на то, что муравейники и ульи не представляютъ, однакожь, ни одного изъ отличительныхъ признаковъ высшихъ этническихъ группъ и что уподобленія ихъ монархіямъ или республикамъ не заслуживаютъ рѣшительно никакого вниманія.

Итакъ, въ возникновеніи и развитіи общественныхъ формъ въ мірѣ животномъ мы можемъ строго различать три вѣтви, причудливо перепутывающіяся и образующія цѣлые дремучіе лѣса въ мозгу философовъ и юристовъ, споконъ-вѣку утруждавшихъ свой умъ метафизическими умозрѣніями на эту вѣчно новую и вѣчно старую тему. Строго фізіологическіе и космическіе на низшихъ своихъ ступеняхъ, общественные союзы становятся органическими и психологическими въ своей переходной семейной стадіи; наконецъ, психологическій или нравственный элементъ начинаетъ брать въ нихъ рѣшительный перевѣсъ съ той поры, какъ они достигаютъ народнаго своего развитія.

Ограничивъ поле своихъ изслѣдованій однимъ только животнымъ міромъ, Эспинасъ весьма естественно долженъ былъ впасть въ нѣкоторую односторонность: онъ совершенно упустилъ изъ вида ту экономическую сторону дѣла, которая въ животномъ царствѣ играетъ дѣйствительно крайне скромную роль, но въ человѣче-

ствѣ служить однимъ изъ самыхъ мощныхъ стимуловъ къ ассоціаціи, къ сотрудничеству, къ объединенію разрозненныхъ жизненною борьбою стремленій и силъ. Результатомъ подобнаго упущенія неизбѣжно должно было оказаться то, что онъ слишкомъ преувеличилъ роль сердечныхъ влеченій въ дѣлѣ возникновенія высшей общественности. Пробѣлъ этотъ не легко было-бы пополнить въ немногихъ строкахъ; а намъ ужъ давно пора подвести итогъ этой утомительной экскурсіи въ область общественныхъ и нравственныхъ изслѣдованій...

XIV.

Въ заключеніе поставимъ себѣ снова тотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго бесплодно трудились слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому мудрецы классической древности.

— Что такое общественность?

— Свѣтлый эпизодъ изъ темной и кровавой мировой эволюціи. Взятый въ отдѣльности отъ цѣлаго, эпизодъ этотъ представляется мистическимъ и загадочнымъ въ самыхъ существенныхъ своихъ частяхъ. Взятое въ отдѣльности отъ этого эпизода цѣлое становится мрачнымъ и бессмысленнымъ въ нашихъ глазахъ, пропитывается запахомъ затхлости, безцѣльной вражды и крови. Выкиньте принципъ общественности изъ природы—и вы сразу уничтожите въ ней не только сознательность, представляющую безъ сомнѣнія лучшій ея цвѣтъ, но и всѣ высшія формы біологическаго развитія. На основаніяхъ единичности, отчужденности, способны существовать только микроскопическія инфузоріи и клѣточки, которыя, сколько бы онѣ ни состязались между собою въ жизненной борьбѣ, никогда неспособны были-бы осуществить ни одного шага впередъ на пути чисто-біологическаго совершенствованія, еслибы онѣ не обладали загадочною способностью образовывать общества или союзы для продолженія своей жизни. Природа не только неразсчетливая хозяйка, но и безжалостная мать, равнодушная къ страданіямъ и гибели своихъ созданій. Гдѣ есть мѣсто для одного, она родитъ миліоны, предоставляя имъ взаимно истреблять другъ друга. Страдать и скорбѣть въ природѣ могутъ

только сознательныя существа; а они — продукт не борьбы, а высшей соціальной организаціи.

Напрасно стараются насъ убѣдить, будто это безпощадное истребленіе живыхъ существъ составляетъ краеугольный камень всякаго органическаго совершенствованія. Гибель слабѣйшаго не стала-бы менѣе трагичною въ нашихъ глазахъ даже и тогда, еслибы намъ могли неопровержимо доказать, что сила, дающая перевѣсъ въ жизненной борьбѣ, безусловно тождественна съ представленіями хотя-бы только чисто-зоологическаго совершенствованія. Но уви! этого-то и не могли доказать до сихъ поръ наученѣйшіе поклонники всякаго торжества, всякаго успѣха. Ученіе о прогрессивности борьбы за существованіе составляетъ болѣе вѣрованіе, чѣмъ научную гипотезу дарвинистовъ. Несомнѣнные факты и наблюденія добросовѣстныхъ изслѣдователей природы наносятъ этому вѣрованію крайне чувствительные удары. Гельминтологія (т. е. ученіе о паразитахъ) показываетъ намъ на каждомъ шагу, какъ ничтожнѣйшій глисть или ракообразный червь побѣждаютъ гораздо сильнѣйшія и совершеннѣйшія существа, причемъ сами побѣдители не только не совершенствуются отъ этой побѣды, но быстро регрессируютъ въ своемъ органическомъ развитіи. А на болѣе возвышенныхъ поприщахъ животнаго царства, напримѣръ, у нѣкоторыхъ антилопъ, по свидѣтельству Узо, половое состязаніе даетъ результаты, діаметрально-противоположныя тѣмъ, которыхъ слѣдовало-бы ожидать отъ него на основаніи апріорическихъ разсужденій. Этотъ бельгійскій натуралистъ говоритъ, что самцы нѣкоторыхъ жвачныхъ въ американскихъ степяхъ, въ пору любви, ведутъ между собою такую упорную борьбу, что значительнѣйшее ихъ число гибнетъ, не оставляя потомства, и число самокъ значительно превышаетъ число соискателей на ихъ симпатіи. Къ тому-же, такъ-какъ борятся преимущественно особи наиболѣе сильныя и храбрыя, то въ-концѣ-концовъ самки достаются трусливымъ и слабымъ соперникамъ; а это, конечно, отнюдь не можетъ вести къ улучшенію породы. Этотъ примѣръ едва-ли можно считать исключеніемъ изъ общаго правила. Порывшись въ архивахъ бытописательной зоологіи, мы, можетъ быть, извлекли-бы изъ нихъ и болѣе многочисленныя подтвержденія нашего воззрѣнія. Такимъ образомъ, единственный регуляторъ природы съ точки зрѣнія человѣческихъ стремленій и идеаловъ есть разумъ, сознаніе;

а оно, въ свою очередь, является какъ краугольный камень и какъ продуктъ не борьбы, а общественности, т. е. союза для существованія.

Надѣмся, что мы достаточно представили матерьяла для того, чтобы разрѣшить и другой старый споръ: должно-ли смотрѣть на общество, какъ на органической продуктъ, „произрастающій“ (по подлинному выраженію Герберта Спенсера) подъ вліяніемъ однихъ только міровыхъ, космическихъ законовъ, или-же какъ на продуктъ произвольнаго и сознательнаго человѣческаго творчества и обоюднаго договора? Самый вопросъ этотъ въ значительной степени утратилъ смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ наука убѣдила насъ, что между міромъ психическихъ представленій, съ одной стороны, и міромъ стихійнаго, міроваго творчества — съ другой, не существуетъ никакой непроницаемой изгороди или пропасти. Не станемъ повторять снова того, что выше было сказано. Но для большей обстоятельности замѣтимъ вскользь: на низменныхъ ступеняхъ общественность дѣйствительно вращается въ сферахъ, независимыхъ отъ психической дѣятельности и сознания людей; но съ каждымъ новымъ шагомъ на пути своего совершенствованія, элементы сознательности и психическихъ представленій начинаютъ играть болѣе и болѣе преобладающую роль, и высшими прототипами общественности мы можемъ считать только тѣ группы, — политическія, экономическія, ученныя и др., устройство которыхъ есть непремѣнный продуктъ разумаго и цѣлесообразнаго творчества.

— Что-же такое нравственность?

Съ этнографической и исторической точки зрѣнія, которая по преимуществу интересуется насъ здѣсь, нравственность есть прежде всего продуктъ инстинкта самосохраненія каждаго даннаго общества.

Въ тѣхъ первобытныхъ формахъ, гдѣ общественность регулируется преимущественно законами внѣшней, космической необходимости, не можетъ быть и рѣчи о нравственныхъ началахъ. Они возникаютъ роковымъ образомъ и сами собой, какъ скоро общественность начинаетъ поводить главнѣйшимъ образомъ на сознательномъ объединеніи психическихъ представленій и экономическихъ выгодъ. Жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести здѣсь, хоть вкратцѣ, нѣкоторыя изъ интереснѣйшихъ

изслѣдованій Ч. Дарвина, Узо, Эспинаса, Роменса и мн. др. о нравственности у животныхъ... Замѣтимъ только, что семейства и этническія общества людей, какъ-бы ни казались они намъ низко стоящими, отсталыми въ ряду другихъ, высшихъ общественныхъ формъ, всегда и неизмѣнно обусловливаются психическими представленіями своихъ членовъ гораздо больше, чѣмъ какими-бы то ни было посторонними космическими вліяніями. А потому мы и не знаемъ рѣшительно ни одного изъ нихъ, которое обошлось бы безъ своего нравственного идеала. Великій арабскій халифатъ и маленькая мошенническая асоціація *Гардунья*, процвѣтавшая въ Испаніи подѣ благочестивымъ покровомъ инквизиціи, аскетическій монашескій орденъ и какаяд-нибудь большая торговая компанія,—все безъ изъятія общественныя группы людей требуютъ отъ своихъ адептовъ не только выполненія извѣстныхъ дѣйствій, но еще и нѣкотораго психическаго настроенія, сообразнаго съ самохраненіемъ и процвѣтаніемъ союза. Чѣмъ сильнѣе экономическая рознь, создаваемая или допускаемая даннымъ обществомъ между вещественными выгодами своихъ членовъ, тѣмъ болѣе требуется фанатическаго возбужденія, чтобы вызвать въ ихъ психическомъ мірѣ требуемое объединеніе. Всякому извѣстны тѣ чудовищныя мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ на каждомъ шагу творцы такихъ нравственныхъ кодексовъ, чтобы успѣшнѣе подчинить себѣ строптивую волю своихъ адептовъ.

Но время летитъ быстро, и все живое въ природѣ развивается, растетъ. Ветшаютъ и вянутъ только отжившія преданія и писанныя хартіи. Противорѣчія между насущными стремленіями лучшихъ людей и поросшими мохомъ вѣковъ памятниками прошлаго начинаютъ все мучительнѣе сказываться съ каждымъ днемъ... Вѣчно сильная своимъ атавизмомъ, офиціальная мораль тщетно лѣзетъ вонъ изъ кожи и изъ своихъ пергаментовъ, чтобы остановить поступательный ходъ человѣчества.

Броженіе остановится, но не раньше, какъ тогда, когда вполне созрѣвшая новая общественность создастъ вдохновительную формулу, способную снова объединить умы и интересы, разрозненные долгою борьбою, неурядицею и поправленіемъ человѣческаго достоинства.

Такъ ведется въ исторіи... Во всѣ-же эпохи безусловно нравственно то, что водворяетъ сотрудничество, союзъ и миръ на мѣсто борьбы за... что-бы то ни было. Какъ въ маздеистской ле-

гендѣ дѣятельнымъ союзникомъ Ахура-Мазды можетъ быть всякій скромнѣйшій изъ смертныхъ, если онъ дѣятельно творитъ добро (должно сознаться только, что о добрѣ маздеисты имѣютъ довольно своеобразныя представленія), такъ точно въ реальной эволюціи общественности и нравственности зачислится, какъ дѣятельная живая сила, всякое сознаніе, въ которомъ теплится хоть искра священнаго огня, имѣющаго очистить насъ отъ вражды, скотскаго себялюбія и неправды.

Л. Мечниковъ.

* * *

На лоно матери природы
Нежданно вновь вернулся я,
Здѣсь думалъ я забыть невзгоды,
Все, чѣмъ больна душа моя...

И вотъ брожу я въ полѣ чистомъ,
По берегамъ рѣки родной,
Въ саду роскошномъ и тѣнистомъ,
Въ лѣсной глуши заповѣдной.

Но всюду, гдѣ я ни бываю,
Себя я чувствую чужимъ, —
Въ душѣ все ту-же скорбь скрываю,
Недугомъ прежнимъ одержимъ.

Гляжу вполне я равнодушно
На міра божьяго красу.
Мнѣ не легко, все такъ-же душно,
Какъ будто тяжесть я несу...

И мирной жизнью на свободѣ
Я наслаждаться ужъ отвыкъ...
Нѣтъ, не молитвы шлетъ природѣ,
Проклятыя шепчетъ мой языкъ...

Да и слова святой молитвы
Пойдутъ-ли мнѣ теперь на умъ?
Вокругъ меня все дышетъ битвой
И самъ я полонъ мрачныхъ думъ!

Когда во мнѣ судьбой сердитой
Погашень пылъ живой любви,
Когда и грудь моя разбита,
И сердце плаваешь въ крови...

Когда я вижу, что безъ мѣры
Иной страдаетъ весь свой вѣкъ,
Нѣтъ въ людяхъ искры прежней вѣры;
Сталъ гадокъ, милокъ человѣкъ.

Какъ могутъ стихнуть сердца муки,
Коль нѣтъ отрады для очей,
Не пѣсенъ сладкихъ слышишь звуки,
А грохотъ пушекъ, звонъ мечей!

Когда насъ истиннаго свѣта
Не освѣняетъ благодать,
И на призывъ къ добру отвѣта
Душа давно устала ждать,

Устала вѣрить...

Петръ Выговъ.

По поводу газетныхъ проектовъ о возстановленіи русской валюты.

I.

Во время крымской войны американцы подарили насъ своимъ сочувствіемъ; затѣмъ во время междуособной американской войны мы отвѣтили своимъ сочувствіемъ сѣверянамъ; потомъ наши и американскіе моряки обмѣнялись нѣсколько разъ визитами; потомъ кто-то пустилъ въ ходъ, что мы и по національнымъ особенностямъ, и по складу характера, и по наклонностямъ ко всему широкому и грандіозному необыкновенно похожи на американцевъ. Хотя сказка, пущенная въ ходъ о нашемъ сходствѣ съ „заатлантическими друзьями“, и поддерживаетъ наши симпатіи къ американцамъ, но нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить въ нее.

Американецъ, дѣйствительно, лучшій въ мірѣ представитель наживы. То, что дѣлаетъ спекуляція въ Америкѣ, нигдѣ не дѣлается, да и не можетъ дѣлаться. Нигдѣ конкуренція не доходила до такихъ размѣровъ, какъ въ Америкѣ. Во время желѣзно-дорожной горячки строились десятки линій между такими пунктами, гдѣ было-бы достаточно и одной линіи. Между Чикаго и Сан-Луисомъ было проведено пять линій желѣзныхъ дорогъ и конкуренція между ними дошла до того, что всѣ онѣ работали въ убытокъ. Въ половинѣ 1877 года былъ назначенъ конкурсъ пятнадцати желѣзнодорожнымъ обществамъ, акціонерный капиталъ которыхъ составлялъ 132 миліона долларовъ. Шестнадцать обществъ взяты подъ секвестръ и капиталъ ихъ составлялъ 120 миліоновъ дол. Наконецъ, тридцать двѣ линіи обанкротившихся обществъ были проданы съ аукціона. Ка-

питаль ихъ равнялся 125 миліонамъ. Четыреста миліоновъ долларовъ, зарытыхъ въ землю, не говоря уже объ упадкѣ акцій остальныхъ желѣзныхъ дорогъ въ сложности на 600 миліоновъ! Спекуляція на однихъ желѣзныхъ дорогахъ поглотила въ Америкѣ не менѣе миліарда долларовъ! Рядомъ съ желѣзными дорогами были задуманы американцами и другія колоссальныя предпріятія, поглотившія массу капиталовъ американскихъ, англійскихъ и французскихъ. Биржевые спекулянты, аферисты и разные предприниматели рыскали повсюду по городамъ и деревнямъ, выискивая простяковъ, которыхъ можно было бы опутать; о чести, совѣсти и добромъ имени никто не заботился и каждый думалъ только о томъ, какъ-бы устроить „дѣло“ и нажиться. Въ-концѣ-концовъ Америка очутилась въ такомъ отчаянномъ положеніи, что исчезла всякая вѣра другъ въ друга, кредитъ былъ подорванъ и, какъ выразился Мэ-Кулохъ, „разрушились даже добрые нравы“. Это отчаянное положеніе усилилось еще больше опасностью, которая грозила не только правительству, но и американскому общественному строю. Тѣ, кто спекулировалъ, думали только о себѣ и не предвидѣли дальше завтрашняго дня. Бросая капиталы на желѣзнодорожныя и другія сооруженія, они не думали, что кромѣ предпринимателей и аферистовъ есть еще работники. Миліоны, затраченныя на предпріятія, вызвали массу труда, который ушелъ на сооруженія; а когда всѣ эти миліоны были поглощены сооруженіями, оборотный капиталъ Америки уменьшился настолько, что оказалось невозможнымъ содержать трудъ и масса рабочихъ осталась безъ дѣла. Съ 1877 года Америка, въ особенности въ восточныхъ штатахъ, наводнилась толпами голодныхъ бродягъ, начались безпокойства и бунты то въ Калифорніи, то въ керосиновыхъ округахъ Пенсильваніи, то между желѣзнодорожными рабочими. Общее неудовольствіе рабочихъ въ Америкѣ явилось чѣмъ-то роковымъ и нужно было уравновѣсить и успокоить силы страны, обуздавъ капиталистовъ и спекуляторовъ и въ то-же время давъ дѣло народному труду. Эту задачу приняло на себя правительство Гейса и его министра финансовъ Шермана. Финансовая задача, которую принялъ на себя Шерманъ, заключалась въ извлеченіи изъ обращенія бумажныхъ денегъ и восстановленіи ихъ размѣна на звонкую монету. Размѣнъ этотъ начался съ 1 января 1879 года, и въ Аме-

ривѣ, какъ говорятъ, совершилось чудо: она воспрянула съ нынѣшняго года изъ промышленнаго застоя, волненія рабочихъ успокоились, промышленный духъ, одно время совѣмъ подавленный кризисомъ, снова возбудился и общее уныніе смѣнилось надеждами и радостными ожиданіями. И, дѣйствительно, финансовая политика республиканской партіи Гейса можетъ показаться чудотворной. Во время междоусобной войны государственный бюджетъ съ 80 миліоновъ долларовъ возросъ до 1,897,674,224 доллара и въ этомъ числѣ займы составляли 1,472 миліона. Но уже къ 1871 году бюджетъ сократился до 393 миліоновъ долларовъ и ожидалось свободнаго остатка около 102 миліоновъ долларовъ. Затѣмъ лажъ на золото все падалъ: въ началѣ 1876 года онъ еще составлялъ 14 процентовъ, потомъ $6\frac{1}{2}$, а къ концу 1878 года $2\frac{1}{2}$ процента. Рядомъ съ этимъ сокращался и бюджетъ и получались постоянные избытки противъ расходовъ. Къ январю нынѣшняго года, когда начался разивънъ, въ государственномъ казначействѣ имѣлось звонкой монеты на 340 миліоновъ рублей или, по американскому разсчету, 172 миліона долларовъ золотомъ и пятьдесятъ миліоновъ серебромъ. Такой блестящій результатъ политики Шермана, конечно, могъ вскружить головы и не намъ однимъ. Весь успѣхъ приписывался только „блистательной финансовой политикѣ американскаго министра финансовъ“.

Но что-же во все это время дѣлали производительныя и промышленныя силы Америки? Ужь, конечно, не звонкая монета создала благосостояніе, не она успокоила волненіе рабочихъ, не она дала занятіе тому полумиліону работниковъ, которыхъ спекуляція оставила безъ всякаго дѣла. Мы вовсе не думаемъ отнимать заслугъ и права на уваженіе Гейса, Шермана и его финансового управленія. Политика его стояла на такой-же высотѣ, какъ и финансовая политика Тьера. Въ настоящее время Франція, благодаря мѣрамъ, которыя были приняты ея умнымъ правительствомъ, имѣетъ около двухъ съ половиною миллиардовъ звонкой монеты. Но приписывать все это однимъ финансовымъ соображеніямъ и финансовымъ операціямъ министровъ финансовъ Франціи и Америки, упуская изъ виду экономическую политику и народныя производительныя силы, значитъ не понимать сущности тѣхъ задачъ, которыя разрѣшили французскіе и американскіе государственные люди.

II.

Хотя еще и до послѣдней войны экономическое положеніе Россіи очень озабочивало нашу печать, но только послѣ войны, когда нашъ курсъ упалъ особенно низко и когда государственный долгъ увеличился весьма чувствительно, появилась въ печати масса разныхъ проектовъ, предлагающихъ средства для возстановленія русской валюты. Мнѣнія, высказанныя въ печати, сводятся въ сущности къ двумъ крайностямъ. Одни отрицаютъ значеніе звонкой монеты и думаютъ поправить наше экономическое положеніе разными запретительными и охранительными мѣрами; другіе, ссылаясь на блестящій примѣръ Америки, предлагаютъ воспользоваться имъ и извлеченіемъ излишнихъ бумажныхъ денегъ и возстановленіемъ разнѣна поднять достоинство упавшаго рубля. Насколько, думая такимъ образомъ, можно достигнуть цѣли?

Когда устанавливались экономическія понятія, деньгамъ и денежному обращенію не приписывалось такого значенія, какъ теперь. Промышленность имѣла по преимуществу мѣстный народный характеръ, торговля была незначительная, кредита почти не было и накопленіе капиталовъ было слабо. Съ развитіемъ фабричной системы, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, всѣ экономическія отношенія достигли небывалаго, чисто - колоссальнаго размѣра, а сношенія вмѣсто международныхъ превратились въ міровыя. Еще въ недавнія времена попытка снабжать Европу американскимъ хлѣбомъ показалась бы химерической, а теперь Америка заваливаетъ Европу своимъ сырьемъ, везетъ не только хлѣбъ, но даже мясо, и вытѣсняетъ съ европейскихъ рынковъ скромныя произведенія еще болѣе скромныхъ производителей Россіи, Румыніи и Турціи, считавшихъ снабженіе хлѣбомъ европейскихъ рынковъ своимъ традиціоннымъ правомъ. Развитие промышленности создало громадныя накопленія капиталовъ, накопленіе капиталовъ повело къ довольно легкому кредиту и небывалое денежное обращеніе и банковая система создали денежное хозяйство и связали самые противоположные концы міра общимъ денежнымъ узломъ, облегчивъ всѣ сдѣлки и торговныя дѣла. Прежде, когда не было кредита и банковъ, не существовало переводовъ, приходилось платить наличными и пересылать деньги въ тюкахъ и мѣшкахъ по

почтѣ; при системѣ переводовъ и благодаря телеграфамъ можно въ какіе-нибудь два часа окончить между Мельбурномъ и Лондономъ сдѣлку въ нѣсколько миліоновъ. Съ того времени, какъ стали облегчаться всѣ денежные сдѣлки, деньги стали играть все большую и большую роль и, заслоня сущность экономическихъ отношеній, явились въ общемъ представленіи какъ бы главнымъ рычагомъ, управляющимъ экономическими судьбами человѣчества. Потому, что деньги и кредитъ стали играть такую роль и понятіе о деньгахъ заслонило всѣ остальные экономическія понятія, промышленному и торговому міру пришлось испытать много разочарованій, и всѣ кризисы и страшные крахи, учредительскія горячки и баснословныя спекуляціи, денежные надувательства и мошенничества, на которыхъ терялись честь и совѣсть,—все это обязано исключительно денежному хозяйству, векселямъ и переводамъ, игрѣ на повышеніе и пониженіе, которые создались возможностью обходиться безъ звонкой монеты и безъ правильнаго обмѣна труда на трудъ. Миліарды, выплаченные Франціей Германіи, еслибы были уложены въ одинъ поѣздъ, заняли-бы чуть-ли не сто вагоновъ. Казалось, что такимъ громаднымъ количествомъ золота можно бы вызолотить всякаго нѣмца съ головы до ногъ, а между тѣмъ они принесли Германіи не богатство, а бѣдность. Примѣръ этотъ уже сталъ банальнымъ, такъ онъ часто повторялся, а между тѣмъ онъ нисколько не помогъ уясненію экономическихъ понятій, точно также какъ кризисы, крахи и денежные спекуляціи не помогли нисколько государственнымъ людямъ и правителямъ Европы принять инныя основы для своей экономической политики. Примѣръ американскаго правительства и финансовая система Шермана только потому и заслуживаютъ вниманія, что они являются лучшимъ разоблаченіемъ экономическихъ ошибокъ европейскихъ государственныхъ людей. Еслибы германское правительство лучше было знакомо съ экономическими законами, конечно, оно не взяло бы отъ французовъ пяти миліардовъ и отвѣтственности за всѣ тѣ спекуляціи, которымъ оно само помогло и слѣдствіемъ которыхъ явились безработица, обнищаніе и недовольство. Заслуга американскаго правительства была исключительно въ томъ, что оно явилось сдерживающей силой и обуздало спекуляцію, тогда какъ германское, напротивъ, пустило въ ходъ азартную денежную игру и погоню за разными

экономическими фиктивностями. Сущность ошибки нѣмцевъ заключалась въ томъ, что понятію о деньгахъ они придали слишкомъ преувеличенное значеніе и замѣнили одно понятіе другимъ.

Въ этой замѣнѣ одного понятія другимъ заключается главная причина всѣхъ ошибокъ въ современной экономической политикѣ. Благодаря тому, что финансовыя науки явились какъ-бы обособленнымъ знаніемъ, даже люди, въ рукахъ которыхъ находятся экономическія судьбы народовъ, считаютъ деньги богатствомъ, капиталъ смѣшиваютъ съ деньгами, спросъ на товаръ принимаютъ за спросъ на трудъ и въ усиленномъ движеніи промышленной предпринимчивости, поглощающей массу оборотнаго капитала, видятъ промышленный прогрессъ, тогда какъ превращеніе оборотнаго капитала въ основной всегда уменьшаетъ фондъ рабочей платы страны и средства для содержанія труда.

Мы предполагаемъ, что читателю извѣстно, что деньги не составляютъ богатства. Это очень старинная экономическая аксіома, которая была извѣстна еще Аристотелю. Чтобы вопросъ о богатствѣ былъ для васъ яснѣе, читатель, забудьте, что на свѣтѣ существуютъ деньги. Тогда вамъ представятся всѣ экономическія отношенія въ такомъ видѣ. Каждый человѣкъ есть работникъ и каждый производитъ какіе-нибудь полезные предметы для себя и для другихъ. Такъ - какъ денегъ на свѣтѣ не существуетъ, то обмѣнъ производится непосредственно предметами на предметы. Конечно, это порядокъ не особенно удобный. Если, напримеръ, вы производите сапоги, въ которыхъ я нуждаюсь, вы же нуждаетесь въ говядинѣ, а у меня есть корова, то отдать ее за вашу пару сапоговъ было бы мнѣ невыгодно, а вырѣзать вамъ изъ коровы нѣсколько фунтовъ мяса было бы неудобно. Ясно, что нашъ обмѣнъ состояться не можетъ. Но мы предположимъ такой идеальный порядокъ и въ личныхъ, и въ международныхъ отношеніяхъ, когда обмѣнъ труда на трудъ является возможнымъ. Въ этомъ случаѣ англичане, которымъ нужна наша пшеница, предложили бы намъ въ обмѣнъ ситцы, сукна и другіе предметы, въ которыхъ мы нуждаемся; въ обмѣнъ на ту-же пшеницу, рожь или другой хлѣбъ мы достали бы себѣ ножи и разныя желѣзные или стальные издѣлія. И на всемъ земномъ шарѣ воцарился бы весьма скромный и мирный обмѣнъ продуктовъ на продукты. Каждый народъ получалъ бы взамѣнъ предметовъ,

которыя онъ производитъ, то, чего у него дома достать нельзя и, съ своей стороны, уступалъ бы сосѣду то, чего тотъ не производитъ. Одни бы дали хлопокъ, другіе взамѣнъ его отвезли сукно, третьи снабдили бы чаемъ, сахаромъ, кофе, и обмѣнъ труда на трудъ создалъ бы такія мирныя, нетревожныя отношенія, при которыхъ были бы невозможны никакія спекуляціи, никакіе крахи. Трудъ мѣнялся бы на трудъ и количествомъ труда, употребленнаго на то или другое производство, устанавливалось бы извѣстное правильное отношеніе или цѣна каждаго отдѣльнаго труда. Въ настоящее время, напримѣръ, фунтъ чаю стоитъ, положимъ, два рубля, а фунтъ сахара двадцать копѣекъ, аршинъ атласа продается за четыре рубля, аршинъ бархата за восемь. Откиньте слово „рубли“ и вы получите отношеніе, въ какомъ трудъ, выразившійся во всѣхъ этихъ предметахъ, находится между собою. Предположимъ, что фунтъ хлѣба стоитъ двѣ копейки. Такъ-какъ хлѣбъ есть основной продуктъ, отъ котораго зависитъ существованіе, то онъ и явился бы нормальной единицей для мѣры труда и оказалось бы, что за фунтъ сахара вамъ пришлось бы отдать десять единицъ труда, за фунтъ чая сто единицъ, за аршинъ атласа двѣсти единицъ, а за аршинъ бархата четыреста единицъ.

Отношенія эти могли-бы, конечно, и измѣниться. Они зависѣли-бы отъ того, во сколько единицъ труда обходится народу производство хлѣба. Эскимосу, по его климатическимъ условіямъ, производство фунта хлѣба стоитъ больше единицъ труда, чѣмъ русскому, а русскому больше, чѣмъ нѣмцу или американцу. Слѣдовательно, и всѣ продукты, которые получаютъ русскій, эскимось, нѣмецъ, американецъ, будутъ находиться въ извѣстномъ отношеніи къ успѣшности ихъ труда и обойдутся тѣмъ дороже, чѣмъ больше единицъ труда расходуется ими на производство.

Хотя климатическимъ условіямъ и принято придавать значеніе въ ихъ вліяніи на успѣшность труда, но роль ихъ вообще гораздо слабѣе въ дѣйствительности. Конечно, въ первобытныя времена, когда всѣ земледѣльческія орудія замѣнялись палкой, которою дикарь проводилъ борозду для посѣва, климатическія условія играли довольно важную роль, но эта первобытность, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, въ настоящее время почти совершенно утратила свое значеніе и успѣшность современнаго

труда зависитъ почти исключительно отъ умственныхъ средствъ народа, отъ его энергіи, изобрѣтательности, сообразительности, находчивости и тѣхъ возможностей, которыя представляются для успѣшности труда экономическими порядками и учрежденіями его страны. Всѣми этими условіями владѣютъ по преимуществу наши „заатлантическіе друзья“, и потому нечего удивляться, что міровые рынки они заваливаютъ не только своими фабричными издѣліями, но даже и сырьемъ.

Если приходится обмѣниваться трудомъ на трудъ двумъ народамъ съ разными условіями успѣшности труда, то, конечно, тотъ народъ, трудъ котораго находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, возьметъ перевѣсъ и подавитъ своей конкуренціей. Казалось-бы, что въ Россіи, единственная промышленная специальность которой заключается въ производствѣ хлѣба, дѣло это должно быть настолько производительнымъ, что никакому народу оно не обходилось-бы такъ выгодно, а между тѣмъ американскій земледѣльческій трудъ оказывается настолько выгоднѣе и успѣшнѣе, что даже перевозка хлѣба черезъ океанъ и, слѣдовательно, масса разнаго дополнительнаго и набѣжнаго труда нисколько не мѣшаетъ американцамъ вытѣснять насъ съ европейскихъ рынковъ. Причина этого заключается въ томъ, что на производство хлѣба американецъ тратитъ меньше единицъ труда, чѣмъ русскій, и что, слѣдовательно, при существованіи натурального обмѣна, англичанамъ, французамъ, нѣмцамъ и всѣмъ тѣмъ, кто получить американскій хлѣбъ, придется отдать взаимнѣе количество продуктовъ, заключающее въ себѣ меньше единицъ труда, чѣмъ русскому земледѣльцу. Понятно, что условія такого обмѣна должны повліять невыгодно на нашъ обмѣнъ. Если американцу его хлѣбъ обходится, положимъ, въ десять единицъ труда, а англичанину, который отдаетъ въ обмѣнъ обувь, одежду или матеріи, они обходятся въ пятьдесятъ единицъ труда, то русскому, еслибы его земледѣльческій трудъ равнялся даже пятнадцати единицамъ, придется уступить ихъ англичанину тоже за десять единицъ и получить въ обмѣнъ такое-же количество сапоговъ, платья и матеріи, какое получить американецъ. Ясно, что, благодаря неуспѣшности своего труда, русскій при обмѣнѣ получитъ всего въ меньшемъ количествѣ, т. е. дороже, чѣмъ американецъ.

Это обстоятельство обнаружитъ влияніе и на всё экономическія отношенія внутри страны, принужденной уступать свой трудъ дешевле. Взаимный обмѣнъ народовъ отражается всегда и на цѣнѣ труда внутри страны. Еслибы страна могла быть настолько изолированной, что, подобно Китаю, обнеслась стѣною, то и цѣнность ея труда зависѣла-бы исключительно отъ ея внутреннихъ условій. Но и Китаю пришлось, наконецъ, снять свою стѣну и явиться конкурентомъ на всемірномъ рынкѣ. Мы-же, русскіе, давно вступили въ сношенія съ европейскимъ рынкомъ и, слѣдовательно, нашъ трудъ находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ условій, которыя управляютъ трудомъ на Западѣ. Эти условія ставятъ въ зависимость отъ себя и весь нашъ внутренний трудъ, который иногда, повидимому, не имѣетъ никакихъ отношеній къ потребностямъ Европы. Если американецъ продаетъ свой хлѣбъ въ Европѣ за десять единицъ труда, то и мы должны продавать за то-же количество единицъ труда не только свой хлѣбъ въ Европѣ, но и у себя дома, потому что на международномъ рынкѣ всё цѣны на русскій трудъ установятся въ соотвѣтственной нормѣ и каждая единица американскаго труда, являясь масштабомъ для установленія цѣнъ, будетъ засчитываться за полторы единицы труда русскаго. Такъ-какъ единственный продуктъ труда, который мы можемъ предложить Европѣ, заключается въ хлѣбѣ и въ сельскохозяйственномъ сырѣ, цѣна-же труда устанавливается американцами (американцевъ мы беремъ только для примѣра), затѣмъ все остальное, что нужно для удовлетворенія нашихъ потребностей—сырье мануфактурное и разные готовые издѣлія или химическія и всякія другія вещества, необходимыя для нашихъ фабрикъ (кстати при этомъ замѣтимъ, что таможенный тарифъ, въ которомъ перечислены всё продукты русскаго ввоза и вывоза, заключаетъ въ себѣ 234 страницы, изъ чего читатель и можетъ заключить, какъ велика масса всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые мы получаемъ въ обмѣнъ на свое сырье), — мы получаемъ изъ-за границы, то ясно, что и оцѣнка имъ при обмѣнѣ установится по той-же нормѣ, иначе сказать, мы на обмѣнъ ихъ должны отдать больше единицъ труда, чѣмъ потребуется для производства этихъ предметовъ народамъ, насъ снабдившимъ для ихъ производства. Этимъ путемъ цѣна русскаго труда падаетъ и внутри страны, или, иначе, всякое ино-

странное издѣліе будетъ оказываться дешевле, все-же русское будетъ дороже и, слѣдовательно, вздорожаетъ вся русская жизнь. Мы удивляемся, напримѣръ, что въ Парижѣ фунтъ масла стоитъ только одинъ франкъ, а у насъ фунтъ такъ-называемаго парижскаго масла, приготовленнаго въ ближайшихъ чухонскихъ деревняхъ, продается въ Петербургѣ по семидесяти и восьмидесяти копѣекъ за фунтъ. Хлѣбъ въ Петербургѣ стоитъ тоже дороже, чѣмъ въ Берлинѣ или въ Парижѣ, и въ то-же время онъ гораздо хуже. Въ безлѣсной Германіи, гдѣ каждое дерево посажено, дрова продаются гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ дрова дороже даже, чѣмъ въ Парижѣ. Остальные предметы первой необходимости, какъ мясо, поднялись такъ въ цѣнѣ, что человѣку средняго достатка уже оказывается невозможнымъ имѣть постоянно мясной столъ. И какаго предмета вы ни коснитесь, повсюду невозможная дороговизна. Если мѣстами еще и сохранились счастливые уголки, гдѣ дешева жизнь, то по мѣрѣ развитія желѣзныхъ дорогъ совершается такъ-называемый процессъ выравниванія цѣнъ по тѣмъ нормамъ, которыя устанавливаются въ главныхъ центрахъ промышленности и торговыхъ международныхъ сношеній.

Причина всего этого лежитъ исключительно въ той стоимости русскаго труда, по которой на международныхъ рынкахъ онъ, по сравненію съ болѣе успѣшнымъ трудомъ другихъ народовъ, цѣнится въ меньшее число единицъ. Дороговизна жизни есть только доказательство безуспѣшности нашего труда, зависящаго отъ конкуренціи и тѣхъ внутреннихъ условій, которыя мѣшаютъ ему сдѣлаться успѣшнѣе. Ближайшія послѣдствія внутренней дороговизны заключаются въ томъ, что повседневный обиходъ всѣхъ органовъ общественной и государственной дѣятельности долженъ быть оплаченъ соответственно существующей дороговизнѣ. Если служба общественнаго механизма Америки оплачивается извѣстной величиной, соответственной потребностямъ цивилизованной жизни, то тѣ-же цивилизованныя потребности должны оплачиваться въ Россіи въ полтора раза дороже. Тамъ, гдѣ американецъ израсходуетъ миліонъ, намъ нужно заплатить полтора. Поэтому всѣ рѣшительно должности военныя, гражданскія и административныя, чтобы относительно обезпеченія стояли имъ на одномъ уровнѣ съ лицами соответственныхъ положеній въ Ев-

ропѣ, должны быть вознаграждены дороже. Эти расходы на содержаніе общественнаго и государственнаго организма, возмѣщаемы въ формѣ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ, должны выразиться и въ большемъ размѣрѣ налоговъ сравнительно съ другими народами. Такимъ образомъ совершается слѣдующій любопытный круговоротъ въ расчетѣ единицъ труда. Нашъ русскій трудъ, какъ бы онъ ни былъ безуспѣшенъ, оцѣняется по нормѣ труда тѣхъ народовъ, которые довели его у себя до maximum'a успѣшности. Эта низкая оцѣнка труда отражается на оцѣнкѣ труда и внутри и ведетъ къ дороговизнѣ жизни. Дороговизна жизни требуетъ большихъ затратъ на содержаніе всего механизма государственной и общественной жизни. Она-же вліяетъ и на дороговизну всѣхъ производствъ, а слѣдовательно, и на всѣ казенныя поставки и подряды, и на всѣ государственныя сооруженія. Такъ-какъ возмѣщеніе всѣхъ этихъ расходовъ производится въ формѣ налога, то, слѣдовательно, и налоги должны быть выше настолько, насколько дороже жизнь. Это, въ свою очередь, ставитъ всѣхъ плательщиковъ въ необходимость или цѣнить выше свой трудъ при его продажѣ, слѣдовательно, еще болѣе усиливать дороговизну, или-же, подчинившись давленію конкуренціи, устанавливающей норму цѣны труда, сократить личное потребленіе. Сокращеніе-же личнаго потребленія есть упадокъ матеріальнаго уровня жизни и всегда равносильно уменьшенію средствъ производительнаго труда и уменьшенію народнаго капитала.

III.

Еслибы на землѣ существовало натуральное хозяйство, примѣръ котораго мы привели выше, то и отношеніе капитала къ труду было-бы такое-же простое, какъ и отношеніе труда къ труду. Вы работникъ и производите, положимъ, хлѣбъ, платье, сапоги и другіе предметы первой необходимости. Чтобы имѣть возможность произвести ихъ, вамъ прежде всего нужно имѣть запасы готовой пищи, т. е. имѣть скопленное продовольствіе на все то время, когда вы занимаетесь земледѣліемъ до окончанія жатвы и шьете сапоги или платье. Кромѣ готовыхъ запасовъ пищи, вамъ нужно имѣть еще запасъ инструментовъ и ору-

дій, соху, борону, шило, ножъ, иголки, нитки и т. д. Вамъ нужно имѣть жилье, вамъ нужно имѣть помещеніе для склада издѣлій и т. п. Все это и составляетъ въ сущности капиталъ. Капиталъ поэтому вовсе не деньги, а тѣ единственные продукты, которые даютъ труду средства и возможность для существованія. Роль денегъ, принимаемыхъ за капиталъ, роль исключительно посредствующая. Онѣ—только возможность для приобрѣтенія запасовъ пищи, орудій, инструментовъ и всего того, что необходимо для содержанія труда. Русскій крестьянинъ заготовляетъ миліоны четвертей всякихъ родовъ хлѣба и создаетъ обширный международный обмѣнъ, не видя никогда ни копѣйки. Нашъ кустарь изворачивается тоже жалкими грошами, а между тѣмъ продуктами его труда снабжается не только деревенская, но нерѣдко и городская Россія. Нашъ кустарь—главный производитель предметовъ, необходимыхъ для домашняго обихода крестьянина; онъ-же снабжаетъ его орудіями и инструментами, необходимыми для сельско-хозяйственной промышленности. Нисколько не преувеличивая можно сказать, что единственный капиталъ нашего земледѣльца и нашего кустаря, т. е. девяти-десятихъ населенія имперіи, заключается исключительно въ плохой пищѣ, въ плохой одеждѣ, въ плохомъ домашнемъ обиходѣ и въ плохихъ орудіяхъ. Это обстоятельство болѣе важно, чѣмъ можетъ казаться тѣмъ, которымъ недостаточно ясна роль капитала, какъ средства производства.

Хотя качество пищи и матеріальное обезпеченіе играетъ очень важную роль и составляетъ первое необходимое условіе всякой экономической дѣятельности, но еще большую роль въ успешности труда играетъ капиталъ въ формѣ орудій, машинъ, усовершенствованныхъ путей сообщенія и умственныхъ и нравственныхъ средствъ страны. Капиталъ во всей этой совокупности играетъ главную роль въ народномъ производствѣ и сообщаетъ народному труду большую или меньшую успешность, смотря по тому, насколько народъ снабженъ больше или меньше капиталомъ этого рода.

Всякій разъ, когда авторы проектовъ предлагаютъ для правленія русскаго экономическаго положенія пользоваться прихѣтромъ Франціи или Америки, они смотрятъ на нашего производителя съ идеальной точки зрѣнія, точно условія, въ которыхъ онъ находится, ничѣмъ не отличаются отъ эконо-

ническаго положенія американскаго и французскаго рабочаго. Успѣшный трудъ возможенъ лишь при соответственномъ капиталѣ. Но развѣ русское производство владѣетъ тѣми накопленіями въ формѣ пищи, помѣщеній, жилья, орудій, машинъ, улучшенныхъ путей сообщенія, знаній, предпримчивости, находчивости и экономической свободы дѣйствій, которыми располагають другія цивилизованныя страны? Капиталь есть основное условіе производства и отъ размѣра капитала зависятъ средства для содержанія труда. Предположимъ, что для содержанія земледѣльческаго труда до новой жатвы нужна тысяча четвертей хлѣба. При усовершенствованныхъ орудіяхъ производства и усовершенствованной системѣ земледѣлія успѣшность труда можетъ достигнуть того, что на тысячу четвертей получится пятьсотъ четвертей излишка. Это значить, что для дальнѣйшаго содержанія земледѣльческаго труда имѣется въ наличности полторы тысячи четвертей. При условіи неуспѣшности труда, при плохой пищѣ, одеждѣ, дурныхъ инструментахъ и орудіяхъ и неудовлетворительной системѣ земледѣлія получится вмѣсто пятисотъ четвертей излишка, можетъ быть, только двѣсти пятьдесятъ или менѣе. Если одинъ народъ, пользующійся лучшими условіями, будетъ постоянно получать излишки высшаго размѣра, а другой народъ, находящійся въ худшихъ условіяхъ, будетъ производить по-прежнему мало, то ясно, что первый народъ будетъ накапливать свой капиталъ съ быстротой, недоступной второму народу, и у него будутъ являться все большія и большія средства для содержанія труда.

Эта основная экономическая теорема, къ сожалѣнію, недостаточно извѣстна и потому, можетъ быть, ни о чемъ не существуетъ въ общественномъ мнѣніи такихъ смутныхъ понятій, какъ о роли и значеніи капитала въ производствѣ. Отрѣшившись отъ представленія капитала въ формѣ денегъ, читатель получитъ слѣдующую схему экономическаго производства. Страна имѣетъ тысячу четвертей хлѣба. На эту тысячу четвертей содержится ея трудъ, направленный на производство пищи. По расчету населенія, этой тысячи четвертей совершенно достаточно на содержаніе всѣхъ работниковъ. Жатва, вмѣсто тысячи четвертей, даетъ полторы тысячи. Эта прибавка даетъ возможность содержать новый трудъ или создать для прежняго труда новыя условія

для его прогреса. Для потребностей человѣческихъ не существуетъ предѣла. Если на прежнюю тысячу четвертей содержался только земледѣльческій трудъ, то на новую прибавку будетъ содержаться трудъ, направленный на производство улучшенной одежды, улучшенныхъ помѣщеній, на улучшение производствъ, на образованіе и т. д. Всякая являющаяся вновь прибавка, если она не будетъ израсходована на мотовство или предметы роскоши, будетъ создавать приращеніе къ народному капиталу, а это приращеніе будетъ давать постоянно усиливающіяся средства для поддержанія усиливающагося труда. Въ настоящее время потребности и нужды людей удовлетворяются еще настолько плохо, что, какъ-бы трудъ, повидимому, ни былъ великъ, ему въ каждой странѣ найдется очень много дѣла. Масса населенія, не только у насъ, но и въ западной Европѣ, нуждается во многомъ множествѣ предметовъ, которыхъ она теперь лишена, и, слѣдовательно, всякое накопленіе капитала, дающее средства существованія для этого труда, дастъ ему и дѣло. Чтобы это было возможно, требуется накопленіе. Но всегда-ли и всякій-ли народъ располагаетъ благоприятными условіями для подобнаго накопленія капитала?

Капиталь дѣйствуетъ въ двухъ формахъ: въ формѣ оборотной и основной. Основнымъ называется такой капиталъ, который можетъ быть употребленъ въ производствѣ только одинъ разъ, а оборотнымъ тотъ, который можетъ служить много разъ. Поэтому оборотнымъ капиталомъ у земледѣльца будетъ пища, сѣмена на посѣвъ, навозъ для удобренія земли, а основнымъ—земледѣльческія орудія, скоть, хозяйственныя постройки, одежда, жилье. Накопленія дѣлаются только изъ оборотнаго капитала, а основной прямымъ образомъ къ этому не служитъ. Такъ, тысяча четвертей сѣмянъ, которую посѣяли земледѣльцы, давшая послѣ жатвы тысячу пятьсотъ четвертей, увеличиваетъ оборотный капиталъ на пятьсотъ четвертей и на эту прибавку увеличивается возможность содержать новый трудъ. Если оборотный капиталъ увеличивается—увеличиваются и средства для дальнѣйшаго труда, если же оборотный капиталъ уменьшается, то съ нимъ уменьшаются и средства для труда. При зависимости оборотнаго капитала отъ разныхъ случайностей, какъ въ нашемъ земледѣліи отъ урожаевъ, уменьшеніе или увеличеніе оборотнаго капитала становится тоже въ зависимость отъ случайностей, и, слѣдовательно, для правиль-

наго возрастанія труда и его успѣшности исчезаетъ всякая гарантія. Случится урожай — работникъ ликуетъ, ибо трудъ его обезпеченъ, случится неурожай — работникъ идетъ скитаться и, продавая свой трудъ, подвергаетъ себя всѣмъ случайностямъ неудачи. Слѣдовательно, первое условіе успѣшнаго возрастанія возможности труда есть возможность возрастанія оборотнаго капитала. Чѣмъ оборотный капиталъ накапливается въ большемъ количествѣ, тѣмъ онъ даетъ большее содержаніе труду, чѣмъ-же оборотный капиталъ меньше, тѣмъ меньше и средствъ для содержанія труда.

Многіе смѣшиваютъ запросъ на предметы производства съ запросомъ на трудъ. Если первое иногда и бываетъ выгодно для отдѣльныхъ лицъ, то оно никогда не можетъ быть выгодно для государственнаго или народнаго хозяйства. Для каждаго народа выгоденъ только такой экономическій порядокъ, при которомъ являются все большія и большія средства для содержанія труда, т. е. увеличивается его оборотный капиталъ. Предположите, что въ какой-нибудь странѣ оборотный капиталъ малъ и потому въ ней мало средствъ для содержанія труда. Несмотря на это, страна начинаетъ строить желѣзныя дороги, проводить каналы, заводить дорого стоящія машины, осушаетъ болота и вообще вводитъ у себя разныя экономическія улучшенія, поглощающія массы капиталовъ. Улучшенія эти неоспоримо-полезны, ибо они облегчаютъ сношенія, улучшаютъ климатъ, усиливаютъ производительность земли и облегчаютъ трудъ. Но кому главнѣйше достаются всѣ выгоды этихъ улучшеній и точно-ли они даютъ выгоду странѣ въ тотъ моментъ, когда вводятся? Предположимъ, что страна располагала до улучшеній оборотнымъ капиталомъ въ одинъ миліонъ четвертей, который шелъ на содержаніе труда. Чтобы построить желѣзныя дороги, сдѣлать осушки и ввести другія улучшенія, потребовалось пятьсотъ тысячъ четвертей, которыми и содержался трудъ, производившій улучшенія. Ясно, что оборотный капиталъ уменьшился на эти пятьсотъ тысячъ четвертей. Конечно, онъ не пропалъ безслѣдно: въ странѣ явились желѣзныя дороги, каналы, явились машины, и пятьсотъ тысячъ четвертей, бывшія прежде оборотнымъ капиталомъ, стали теперь капиталомъ основнымъ. Въ новой своей формѣ капиталъ, употребленный на улучшенія, можетъ давать прибыль гораздо большую,

чѣмъ онъ давалъ прежде, точно также, какъ и оставшійся оборотный капиталъ въ пятьсотъ тысячъ четвертей можетъ, благодаря земледѣльческимъ улучшеніямъ, дать тоже прибыль большую, чѣмъ онъ давалъ прежде. Но пятьсотъ тысячъ четвертей прежняго оборотнаго капитала все-таки не существуютъ. Желѣзныя дороги и машины, сдѣлавъ экономію на трудѣ, въ то-же время сдѣлали ненужнымъ трудъ всѣхъ тѣхъ, услуги которыхъ онъ теперь замѣнили. Предприниматели, строители, капиталисты выиграли неоспоримо отъ перемѣненія части оборотнаго капитала въ основной, ибо половина оборотнаго капитала, которую они употребили въ дѣло, дастъ имъ теперь большую выгоду, чѣмъ прежде; но за то возможность для содержанія труда уменьшилась и положеніе лицъ, на трудъ которыхъ прежде былъ запросъ, стало гораздо хуже.

Подобнымъ уменьшеніемъ оборотнаго капитала объясняются причины тѣхъ кризисовъ, которые вызывали и въ Европѣ, и въ Америкѣ спекуляціи на постройку желѣзныхъ дорогъ и разныя учредительскія предпріятія, поглощавшія массы оборотнаго капитала. Въ то время, какъ капиталъ употребляется въ дѣло, запросъ на трудъ усиливается до чрезвычайности. Но вотъ желѣзныя дороги, поглотившія миліоны, уже готовы, новыя фабрики въ полномъ ходу, акціонеры или считаютъ барыши, или получаютъ уже ихъ, но за то всѣ тѣ рабочіе, которые кормились на прежній оборотный капиталъ, теперь сидятъ безъ дѣла и безъ хлѣба и на содержаніе ихъ труда у страны нѣтъ больше средствъ. Понятно, что подобное положеніе вызываетъ такое явленіе, какое и было въ Америкѣ, когда больше 500,000 рабочихъ, оставшись безъ всякаго дѣла, произвели массу беспорядковъ, очень озаботившихъ американское правительство. Также понятно, что энергія Гейса и Шермана должна была почерпнуть въ народномъ неудовольствіи достаточную силу для того, чтобы успѣшить на помощь съ финансовыми реформами. Но никакая энергія не помогла-бы ни Шерману, ни Гейсу, еслибы въ то-же время не явились къ нимъ на помощь внѣшнія обстоятельства. Эти внѣшнія обстоятельства заключались, конечно, не въ деньгахъ, потому что денегъ нельзя ѣсть и одними ими не прокормить голодныхъ. На помощь американцамъ пришелъ неурожай въ восточной Европѣ и въ Индіи, кризисъ въ Англіи, турецкая война,

уменьшившая производительность Европы, и, наконецъ, хорошіе урожаи въ Соединенныхъ Штатахъ хлопка, пшеницы и кукурузы. Все это вмѣстѣ дало американскому труду новое дѣло, создало спросъ на трудъ, увеличило вывозъ въ Европу сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ; въ то-же время въ разныхъ мѣстахъ Америки были открыты новыя богатыя залежи золота, свинца, серебра, каменнаго угля и нефтяные источники. Спросъ на трудъ поднялся, дѣло рабочимъ нашлось, и на тѣ оборотныя средства, которыя нѣлись у Америки, создалась масса новыхъ продуктовъ и новыхъ оборотныхъ средствъ, возстановившихъ равновѣсіе экономическихъ силъ страны. Ясно, что коренная роль во всемъ этомъ экономическомъ умиротвореніи принадлежитъ труду, для существованія котораго явились средства. Конечно, средства эти были случайныя. Турецкая война могла-бы и не быть, англійская промышленность могла-бы тоже находиться въ лучшемъ положеніи, въ Европѣ могъ-бы явиться урожай, и тогда еще вопросъ, къ чему-бы привели всѣ попытки Шермана улучшить американскія дѣла разнѣномъ бумажекъ на звонкую монету.

Читатель можетъ подумать, что мы говоримъ противъ постройки желѣзныхъ дорогъ и введенія машинъ, противъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Нѣтъ, мы говоримъ совсѣмъ не объ этомъ; мы говоримъ о томъ, что отвлеченіе оборотнаго капитала отъ текущихъ дѣлъ къ долговѣчнымъ сооруженіямъ уменьшаетъ средства для содержанія труда, и въ тотъ моментъ, когда сооруженія эти произведены, уменьшаетъ фондъ рабочей платы. Со временемъ, если промышленное сословіе страны отличается бережливостью и предусмотрительностью, создадутся у него накопленія оборотнаго капитала, а, слѣдовательно, явятся и новыя возможности для содержанія труда. Все это такъ обыкновенно и бываетъ. Желѣзныя дороги, машины, пароходы и сельско-хозяйственныя улучшенія, поглотившія нѣкогда въ Европѣ и Америкѣ массу оборотнаго капитала, дали, наконецъ, Европѣ возможность скопить новыя большія оборотныя средства и вредное вліяніе машинъ уже изгладилось. Но этотъ моментъ былъ, моментъ этотъ всегда неизбѣженъ, и поглощеніе оборотнаго капитала всегда сокращаетъ фондъ рабочей платы, хотя впоследствии введеніе машинъ и отражается въ болѣе прогресивномъ экономическомъ развитіи страны. Читателю не хуже автора настоящей статьи извѣстно, что желѣз-

ныя дороги вытѣснили у насъ ящичка, а буреирные пароходы — бурлака. И тотъ, и другой остались вначалѣ безъ дѣла, и пріисавіе новыхъ занятій шло гораздо медленнѣе, чѣмъ вытѣсненіе ихъ желѣзными дорогами и пароходами. Эти люди остались безъ дѣла потому, что оборотный капиталъ, на который прежде содержался ихъ трудъ, ушелъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и вмѣсто людей стали работать машины. Конечно, и бурлакъ, и ящичекъ нашли себѣ потомъ дѣло, и если вліаніе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ не ухудшило слишкомъ рѣзко положеніе тѣхъ лицъ, которыхъ они замѣнили, то только потому, что постройка ихъ производилась медленно и постепенно. Предположите, что всѣ 10 тысячъ верстъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и сотни пароходовъ были-бы выстроены въ одинъ годъ. Въ положеніи труда, отъ котораго былъ-бы отнятъ такъ быстро содержавшій его оборотный капиталъ, явился-бы такой рѣзкій переломъ, печальныя послѣдствія котораго трудно даже предвидѣть. Но эти послѣдствія всегда существуютъ. Они выражаются лишь въ болѣе мягкой, тягучей формѣ и только эта постепенность умѣряетъ рѣзкое вліаніе всѣхъ тѣхъ сооружений и улучшеній, которыя уменьшаютъ въ странѣ ея оборотный капиталъ. Если читатель признаетъ дѣйствительность вліанія сооруженія желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ на положеніе нашихъ ящичковъ и бурлаковъ, то онъ пойметъ и несомнѣнность экономической теоремы, утверждающей, что сокращеніе оборотнаго капитала дѣйствуетъ всегда вреднымъ образомъ на рабочую плату и на положеніе рабочихъ, хотя въ то-же время въ странѣ несомнѣнно и живутся люди, которые отъ этого сокращенія выигрываютъ. Такъ, строители желѣзныхъ дорогъ, а въ особенности ихъ концессионеры, составили у насъ баснословныя богатства, и фон-Дервизъ, какъ говорятъ, вывезъ изъ Россіи болѣе 60 миліоновъ. Состояніе Вайненса считается еще больше. Наконецъ, идутъ болѣе мелкіе строители, какъ Поляковъ, Губонинъ и т. д., состояніе которыхъ тоже считается десятками миліоновъ. Конечно, мы не настаиваемъ на томъ, что у cadaго изъ нихъ столько миліоновъ, сколько у нихъ считаютъ, да мы и не ведемъ счетъ этимъ миліонамъ; мы говоримъ только о томъ, что всѣ улучшенія, поглощающія оборотный капиталъ, доставляя выгоду нѣкоторымъ лицамъ, отражаются всегда гнетущимъ образомъ на рабочей платѣ, и если наши желѣзныя дороги дали фон-Дер-

визу возможность вывезти изъ Россіи шестьдесятъ миліоновъ, то этотъ минусъ отразился на средствахъ для содержанія народнаго труда, и желѣзныя дороги, облегчивъ сношенія, принесли рабочему люду лишь косвенную выгоду.

Мы удерживали вниманіе читателя на этомъ вопросѣ слишкомъ долго потому, что отъ яснаго пониманія его зависитъ ясное пониманіе самыхъ важныхъ общественно-экономическихъ явленій нашего времени. Въ послѣднія 50 лѣтъ, благодаря необыкновенному развитію кредита и банковаго хозяйства, поднялся духъ предпріимчивости и рядомъ съ солидными дѣлами возникло грюндерство, спекуляція и дутныя предпріятія. Мак-Кулохъ былъ совершенно правъ, когда сказалъ, что горячка спекуляціи разрушила добрые нравы и что люди потеряли честь и совѣсть. Конечно, въ экономическихъ предпріятіяхъ не принято опираться на моральные принципы. Но мы и не требуемъ отъ людей наживы и спекуляторовъ великодушныхъ чувствъ и доброжелательныхъ мыслей. Пока существуетъ возможность поступать такимъ образомъ, какъ поступаютъ люди наживы, они, конечно, будутъ руководствоваться только тѣми соображеніями, которыми руководствовались до сихъ поръ. Подобный порядокъ давно уже установился въ Европѣ и въ Америкѣ, и предприниматели, грюндеры и спекуляторы, испрашивая себѣ концесіи и гарантіи или наживаясь на совершенно дутныя предпріятія, кончали тѣмъ, что если болѣе ловкіе изъ нихъ дѣлали себѣ состояніе, то тысячи людей разорялись. Можно-бы, пожалуй, не пожалѣть этихъ тысячъ, потому что во время спекулятивныхъ горячекъ и игры на повышение, на разныя акціи и облигаціи эксплуатировалась человѣческая глупость и оказывался обманутымъ тотъ, кто самъ шелъ на обманъ. Но, во-первыхъ, и эти люди, бывшіе жертвами проѣдохъ, кидались за выгодами только по бѣдности и разорялись не богачи, а большею частію бѣдняки. Струсберги-же, пользовавшіеся общею глупостью, всегда выходили сухи изъ воды и снова составляли себѣ громадныя состоянія. Но за массою людей, бывшихъ жертвою спекуляціи, стояла еще большая масса рабочаго населенія, которая не гналась за наживой, а хотѣла заработать только кусокъ насущнаго хлѣба. И этотъ-то неповинный люду, благодаря грюндерствамъ и дутнымъ желѣзнымъ дорогамъ, приносившимъ убытокъ, попалъ въ наиболѣе печальное и бѣдственное

положеніе. Европейскія правительства, вѣроятно, тоже были введены въ заблужденіе, потому что только этимъ и можно объяснить, почему съ ихъ стороны не принималось никакихъ мѣръ къ задержанію учредительской горячки. Правительство Наполеона III, желая дать дѣло французскому пролетарію, обратило такую массу оборотнаго капитала въ основной, помѣстивъ его въ разныя сооружеія, что положеніе французскаго пролетарія стало еще хуже. То-же самое случилось въ Германіи, то-же самое случилось въ Австріи, то-же самое случилось и въ Америкѣ. Однѣ и тѣ-же причины создали повсюду одинаковыя слѣдствія. Но еслибъ правительства сами не поощряли банковаго хозяйства, дешеваго кредита и грюндерства, — не говоря уже про то, что предпріятія имѣли-бы болѣе солидный характеръ, но и миллиарды оборотнаго капитала не были-бы отняты отъ производительнаго труда, не ушли-бы въ дутныя предпріятія, не вызвали-бы краха и не лишили-бы трудъ средствъ для существованія. Мало того, что европейскія правительства не сдерживали горячки и не замедляли промышленныхъ успѣховъ, — они ухудшали положеніе своихъ народовъ войнами и постоянными займами. Экономическія отношенія запутывались, узелъ затягивался, и экономическій прогрессъ, вмѣсто спокойнаго поступательнаго движенія, создавалъ тревоги, недоувѣріе, неуувѣренность. Болѣе развитые и сильныя народы выносили легче этого порядокъ, напр., Америка, Франція. Но такія государства, какъ Турція и Египетъ, затапнуты въ общій водоворотъ, очутились на краю государственнаго банкротства. Еслибъ европейская экономическая политика обращала меньше вниманія на среднее промышленное и торговое сословіе и не руководилась преимущественно его интересами и стремленіями, промышленный прогрессъ Европы шелъ-бы гораздо спокойнѣе, вѣрнѣе и безъ тѣхъ крайностей, которыя создавались иногда быстрымъ уничтоженіемъ оборотнаго капитала. Нужно думать, что въ европейской экономической политикѣ наступитъ скоро поворотъ въ сторону лучшаго пониманія гармоническихъ отношеній между оборотнымъ и основнымъ капиталомъ, при которыхъ только и возможно сохраненіе правильнаго спроса на трудъ и обезпеченіе соответственнаго фонда рабочей платы. Мы можемъ даже указать на признаки ожидаемаго поворота въ эту сторону въ рѣчахъ князя Бисмарка прошедшей сесіи парламента и въ недавнемъ его заявленіи, что

необходимо всеобщее европейское разоружение. Конечно, только этими средствами можно положить прочное основание промышленному развитию Европы и „друзья мира“ окажутся, может быть, менѣ смѣшными утопистами.

Народный оборотный капиталъ можетъ уменьшаться еще и по другимъ причинамъ, имѣющимъ чисто-роковой характеръ. Извѣстно, что всѣ государства Европы связаны взаимною политическою солидарностью. Германія, поставившая свою армію на военную ногу, заставляетъ дѣлать то-же самое Францію, Австрію, Россію, Турцію и возбудить военные тревоги въ Китаѣ, въ Японіи, въ Индіи. По закону взаимной солидарности народовъ, тревога, возбужденная въ одномъ мѣстѣ, расходится волнообразно по всѣмъ концамъ міра. Взаимная политическая солидарность народовъ заставляетъ всѣхъ тянуться къ одной точкѣ. И здѣсь случается то-же, что и съ установленіемъ цѣнъ. Американцы, которые имѣютъ возможность производить наиболѣе дешевый хлѣбъ, заставляютъ и всѣ народы продавать хлѣбъ дешево, какъ-бы производство его ни обходилось имъ дорого. Расходы на международныя отношенія тоже не соображаются съ производительными средствами странъ, а только съ тѣми требованіями, которыя вызываются необходимостью поддержанія государственнаго достоинства. Средства для поддержанія этого достоинства, какъ внутри, такъ и извнѣ, берутся налогами. Не каждый налогъ всегда падаетъ на оборотный капиталъ, а бывають случаи, когда онъ поглощаетъ и основной. Всякое сокращеніе капитала уменьшаетъ средства для труда и уменьшаетъ производство. Очень можетъ быть, что внутреннія потребности страны и удовлетворились-бы умѣреннымъ налогомъ, но международная солидарность заставляетъ каждый народъ тянуться за другимъ народомъ и налоги растутъ не въ пропорціи съ средствами плательщиковъ, а въ пропорціи съ требованіями политическихъ международныхъ отношеній. Такъ-какъ налоги не всегда могутъ быть доводимы до размѣра средствъ, необходимыхъ для поддержанія международной солидарности, то недостающее пополняется займами. Займы вызываютъ уплату процентовъ, а проценты опять берутся изъ налоговъ. Налоги, кромѣ расходовъ на поддержаніе международной солидарности, увеличиваются еще такими расходами, какъ, напр., гарантіи по желѣзнымъ дорогамъ, составляющія тоже миліонныя суммы. Все это

падаетъ на одинъ и тотъ-же платежный источникъ и производить тѣмъ болѣе парализующее вліяніе на народный трудъ, чѣмъ большая доля оборотнаго и основнаго капиталовъ идетъ на покрытие налоговъ.

Въ Европѣ выработался принципъ податнаго обложенія, по которому извѣстная часть оборотнаго капитала остается неприкосновенной. У насъ-же вся практика и податнаго обложенія, и податныхъ поступленій сложилась нѣсколько иначе и существуетъ даже любопытное явленіе, исключительно русское — недоимка. Недоимка есть признакъ податнаго безсилія и разиры ея указываютъ на величину этого безсилія. Но какъ въ то-же время государству нельзя допустить, съ одной стороны, накопленія недоимокъ, а съ другой — отказаться отъ доходовъ, то ясно, что финансовая администрація принимала всегда весьма энергическія мѣры для взысканія недоимокъ и для пополненія ихъ обращалась не только къ взысканіямъ изъ оборотныхъ средствъ плательщиковъ, но и затрогивала даже ихъ основной капиталъ. Иначе сказать, у земледѣльца продавались сѣно, хлѣбъ, скотъ и оставались неприкосновенными только носильное платье да постройки. Понятно, что успѣшность экономической производительности тѣхъ лицъ, которыя лишались своего оборотнаго и часто основнаго капитала, становилась очень сомнительной, ибо откуда у производителя могло явиться накопленіе, когда оборотный капиталъ лишался возможности увеличиваться изъ его собственныхъ излишковъ? Такъ-какъ основное правило всякаго увеличенія производительности заключается въ накопленіи средствъ для содержанія новаго труда, то всякая невозможность увеличенія оборотнаго капитала создаетъ и невозможность увеличенія труда. Если потребности государства будутъ такъ велики, что на покрытие ихъ въ формѣ налоговъ будутъ браться всѣ излишки оборотнаго капитала, то народный трудъ будетъ находиться въ неподвижномъ состояніи и, такъ-сказать, изворачиваться самъ въ себя, не увеличивая ни своей производительности, ни накопленій.

Все это мы говоримъ въ общемъ смыслѣ для выясненія читателю теоретической стороны вопроса и чтобы показать, отъ какихъ собственно причинъ могутъ зависѣть разныя экономическія и финансовыя затрудненія, которыя не разъ уже являлись въ послѣднее время не только въ Россіи, но даже и въ странахъ

съ такимъ энергическимъ и промышленнымъ населеніемъ, какъ Америка. Мы хотимъ показать читателю, что сущность вопроса въ затрудненіяхъ, которыя испытывались разными государствами, заключалась не столько въ ошибкахъ денежнаго или банковаго хозяйства, сколько въ пренебреженіи главными условіями экономической производительности каждой страны—условіями, обеспечивающими накопленіе средствъ для содержанія труда, и содѣйствіемъ всему тому, что можетъ служить для увеличенія его успѣшности. Такъ-какъ мы касаемся только главныхъ сторонъ этого вопроса и не вдаемся въ мелкія подробности, для которыхъ и не найдется мѣста въ журнальной статьѣ, то, обращаясь къ примѣру, которымъ мы пользовались до сихъ поръ, мы опять возьмемъ земледѣльца и уважемъ еще на нѣкоторыя тягости, мѣшающія развитію его труда.

Въ „Голосѣ“ недавно была помѣщена статья, сравнивавшая положеніе нашей хлѣбной промышленности съ хлѣбною промышленностью Америки. Американскій хлѣбъ занимаетъ первое мѣсто не только на рынкахъ Англіи, гдѣ онъ вытѣснилъ русскій хлѣбъ, но и на рынкахъ Франціи и Италіи. А между тѣмъ почва нашихъ черноземныхъ губерній, если не лучше, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не хуже почвы американской, урожаи наши тоже не меньше. Почему-же мы не въ состояніи бороться съ американцами, и если наши хлѣбныя дѣла пойдутъ такимъ образомъ еще десятокъ лѣтъ, то „житницѣ Европы“, какъ мы величали нѣкогда Россію, придется закрыть свою лавочку. А было время, когда въ патриотическомъ увлеченіи мы не въ шутку пугали Европу, что если захотимъ, то выморимъ ее голодомъ. Прошли какія-нибудь сорокъ лѣтъ и роли настолько измѣнились, что подобную угрозу намъ можетъ послать теперь Европа. Намъ приходится серьезно призадуматься надъ положеніемъ своего земледѣлія и предпринять для него что нибудь болѣе существенное, чѣмъ одно неумѣстное хвастовство, которое мы проявляли даже передъ послѣдней турецкой войной.

Въ Америкѣ, не говоря про ея развитую земледѣльческую технику, устранена масса промежуточныхъ препятствій, увеличивающихъ трудъ и которыя въ-концѣ-концовъ падаютъ невыгодой исключительно на перваго производителя. Въ Америкѣ устроены не только хорошія средства сообщенія, но и не существуетъ той массы без-

порядковъ на желѣзныхъ дорогахъ, которые вызвали, наконецъ, у насъ учрежденіе особенной комисіи по желѣзнодорожному дѣлу. На нашихъ желѣзныхъ дорогахъ недостаточенъ подвижной составъ и потому хлѣбъ, ожидающій очереди, лежитъ нерѣдко подъ открытымъ небомъ и можетъ отъ дождя; хлѣбъ въ складахъ и на пути нисколько не огражденъ отъ расхищеній и случайныхъ пропажъ. Соблюденіе сроковъ настолько не вошло у насъ въ обычай, что отправитель товара не можетъ разсчитывать точно, когда его хлѣбъ дождется очереди отправки, когда будетъ доставленъ, наконецъ, онъ не знаетъ, въ какомъ видѣ придетъ этотъ хлѣбъ къ мѣсту назначенія. Онъ можетъ придти подмоченный, можетъ придти въ меньшемъ количествѣ, можетъ пролежать гдѣ-нибудь на станціи. Наконецъ, ни одинъ торговецъ, отправляющій хлѣбъ изъ внутреннихъ губерній, не знаетъ точно портовыхъ цѣнъ, такъ-что въ нашей хлѣбной торговлѣ все основано на случайности, удачѣ, и ничего нельзя сообразить, предусмотрѣть, разсчитать. Это всегда лотерея, въ которой выигрышъ достается непременно одной сторонѣ, а проигрышъ постоянно другой. Купецъ не теряетъ обыкновенно ничего, а теряетъ только производитель, который долженъ заплатить за всѣ риски купца и за все неустройство нашей хлѣбной торговли. Цѣну, которую земледѣльческій производитель получить за свой продуктъ, опредѣляютъ вовсе не тѣ цѣны, которые установятся на международномъ рынкѣ, а то, что останется отъ этихъ цѣнъ за вычетомъ фрахта, расходовъ на перевозку, расходовъ комисіонныхъ и за всякіе риски, на которые обрекаетъ себя скупщикъ и оптовый торговецъ. Весь громадный посредствующій трудъ между производителемъ и иностраннымъ рынкомъ, трудъ иногда очень многосложный и дорого окупающійся, оплачивается не иностраннымъ покупателемъ или русскими торговцами, а самимъ-же производителемъ. Бывали и до сихъ поръ бывають примѣры, когда цѣна четверти хлѣба стоитъ въ уѣздахъ екатеринославской губерніи 7—8 р., а въ Одессѣ тотъ-же хлѣбъ продается за 12—14 р. Это значитъ, что русскій земледѣлецъ только за то, чтобы оказали ему благодареніе и купили у него тысячу четвертей хлѣба, долженъ отдать еще тысячу четвертей задаромъ. Еслибы наша хлѣбная торговля, т. е. все то, что служить посредствующимъ звеномъ между производителемъ и иностранными рынками, устанавливающимъ цѣны, было организовано

иначе, то, конечно, земледѣлецъ не тратилъ-бы на это ровно половину своего труда и значительная часть изъ тысячи четвертей, которая расходится по рукамъ посредниковъ и оплачиваетъ трудъ, расходуемый на разныя неустройства, образовала-бы оборотный капиталъ, который могъ-бы идти на содержаніе болѣе выгоднаго труда, чѣмъ оплата тѣхъ, кто работаетъ только для устраненія неустройствъ. „Возможно-ли намъ конкурировать съ Америкой, спрашиваетъ „Голосъ“, — когда за перевозку четверти пшеницы, пропедшей на галерахъ по Днѣстру до Бендеръ и по желѣзной дорогѣ отъ Бендеръ до Одессы на разстояніи 123 верстъ, приходится платить до 80 копѣекъ, тогда какъ такую-же сумму американцы платятъ за разстояніе 1,450 верстъ, отъ Чикаго въ Нью-Йоркъ; когда въ данный моментъ, при хорошей цѣнѣ на пшеницу, надо платить за доставку четверти изъ Херсона въ Одессу 80 — 90 копѣекъ, изъ Акермана въ Одессу 80 — 90 копѣекъ, отъ Вознесенска до Николаева до 80 коп., отъ Николаева до Одессы около 1 р. 10 к.“ Ничего нѣтъ мудренаго, что нашъ земледѣлецъ запродааетъ свой хлѣбъ на корню и даже запродаетъ свои будущіе посѣвы.

Еще любопытнѣе, какую умственную конкуренцію противопоставляетъ наше купечество находчивости и изобрѣтательности американцевъ, которые отлично понимаютъ, что чѣмъ меньше будетъ посредствующихъ агентовъ между производителемъ и потребителемъ, тѣмъ, конечно, больше силы является у производителя и успѣхъ борьбы на рынкахъ для него обезпеченнѣе. Нашъ хлѣбъ, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до порта, пересыпается и перегружается десятки разъ, и весь этотъ напрасный трудъ долженъ оплатить производитель. Чего стоятъ одни расходы на мѣшки? Говорятъ, петербургской подкомисіи стоило большого труда убѣдить нашихъ купцовъ, что практикуемые у насъ способы перевозки и торговли очень невыгодны. Наши хлѣбники знаютъ свое дѣло по-своему, они знаютъ, что не лишатся своихъ барышей; ну, а все остальное для нихъ, конечно, не важно. Рассказываютъ, что большого труда стоило доказать имъ, что употребленіе мѣшковъ — дѣло невыгодное, и противъ элеваторовъ нѣкоторые сдѣлали весьма остроумное возраженіе: „теперь въ общій вѣсъ, говорили они, — идетъ и пылъ; отбросьте ее, вѣсъ уменьшится, и мы потеряемъ“. Ну, конечно! Но тѣ-же посредники не сообразили

только того, что едва-ли сохранятся и ихъ собственные барыши, если Европа откажется отъ нашего болѣе дорогого хлѣба и возьметъ вмѣсто его болѣе дешевый американскій. Купцы, конечно, не понимаютъ причинъ путаницы въ нашей хлѣбной торговлѣ, не понимаютъ тѣхъ потерь, которыя долженъ выносить земледѣлецъ, не понимаютъ, какъ велика масса всего ненужнаго труда, затрачиваемаго не на прямое дѣло, и какъ вслѣдствіе разницы цѣнъ земледѣлецъ на содержаніе излишняго промежуточнаго труда долженъ произвести еще такое-же количество хлѣба. Если на разницѣ цѣнъ можно основать хоть приблизительный расчетъ потерь, то окажется, что, продавая иностранцамъ миліонъ четвертей хлѣба, мы должны произвести еще миліонъ, который уйдетъ на содержаніе посредствующаго труда, на оплату разныхъ неустройствъ, потерь, случайностей и рисковъ, и въ концѣ концовъ падетъ всею тяжестью только на земледѣльца, лишая его въ томъ-же размѣрѣ оборотнаго капитала. Произвести два миліона четвертей для того только, чтобы продать одинъ миліонъ, — дѣло, кажется, не особенно выгодное. Что-же удивительнаго, что нашъ земледѣлецъ не поправляется, а мелкіе и средніе землевладѣльцы не находятъ никакого расчета заниматься сельскимъ хозяйствомъ и продаютъ свои земли разнымъ Деруновымъ и Разуваевымъ?

IV.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, служило очень длиннымъ предисловіемъ къ тому немногому, что намъ остается сказать. Нашему предисловію мы давали тѣмъ большее значеніе, что люди, повидимому, компетентные въ экономическихъ вопросахъ часто не совсѣмъ вѣрно понимаютъ сущность экономическихъ явленій и потому приписываютъ нерѣдко важность тому, что важности въ себѣ не заключаетъ, тогда какъ дѣйствительно важному и существенному не придаютъ надлежащаго значенія. Такъ и въ настоящее время вопросу о денежной валютѣ было посвящено очень много статей, брошюръ, писались даже проекты, но во всѣхъ ихъ вопросъ сводился исключительно только къ возстановленію цѣнъ русскаго рубля. Такимъ образомъ, вопросъ экономической заслонялся вопросомъ чисто-денежнымъ и финансовымъ. Мы не станемъ разбирать всѣхъ проектовъ, которые были вызваны жела-

нѣмъ найти средства для возстановленія русской валюты, потому что не видимъ въ этомъ ровно никакой надобности; но мы коснемся вопроса о значеніи денегъ вообще и настолько, насколько онъ находится въ связи съ тѣмъ, что мы говорили ранѣе.

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ было помѣщено слѣдующее сравненіе между расходами Россіи и Соединенныхъ Штатовъ по военному министерству и по уплатѣ процентовъ и погашеній по государственнымъ долгамъ:

Расходы по военному министерству.		Расходы по уплатѣ % и погашенію государственныхъ долговъ.	
Россія.	Соединенн. Штаты.	Россія.	Соединенн. Штаты.
1875 г. 175 м. р.	82 м. р.	107 м. р.	206 м. р.
1876 „ 190 „	76 „	109 „	200 „
1877 „ 190 „	74 „	115 „	194 „
1878 „ 182 „	64 „	134 „	204 „
1879 „ 182 „	78 „	156 „	192 „

Приводя эту таблицу, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ замѣчаютъ: „не знаемъ, къ какимъ результатамъ придетъ у насъ комисія по сокращенію государственныхъ расходовъ, но до этого времени цифра ихъ съ каждымъ годомъ постоянно увеличивается“. На это замѣчаніе можно сказать только одно, что оно совершенно справедливо. Въ то время, какъ въ Америкѣ уменьшаются и расходы по военному министерству, и расходы по уплатѣ государственныхъ долговъ, у насъ то и другое растетъ съ такой чувствительной быстротой, что проценты по погашенію долговъ поглощаютъ въ настоящее время четверть всего бюджета. Но сказать это—значитъ только констатировать фактъ. Мы опять напомнимъ читателю о политической солидарности народовъ, которая не справляясь съ экономическими средствами націи, заставляетъ ее не только тянуться за всѣми, но и не отставать отъ народовъ болѣе богатыхъ. Вѣдь если наши расходы по военному министерству и по погашенію долговъ росли изъ года въ годъ, то, конечно, только потому, что и не могло быть иначе. Мы не станемъ касаться вопроса о томъ, есть-ли возможность организовать русскую армію на иныхъ, болѣе выгодныхъ началахъ, потому что еслибы эта возможность представлялась, то армія была-бы организована иначе. Точно также, какъ при томъ уровнѣ экономическихъ понятій и экономическихъ условій, въ кото-

рыхъ мы находимся, оказывается невозможнымъ удовлетворить государственныйя надобности иными способами, кромѣ займовъ. Насколько велика эта невозможность, можно судить по размѣру займовъ, которые были сдѣланы на турецкую войну, и по размѣру выпуска процентныхъ и безпроцентныхъ бумагъ. Въ этомъ случаѣ комисія, на которую указываютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, едва ли можетъ придти къ благопріятнымъ результатамъ, которыхъ отъ нея ожидаетъ газета, потому что главная сущность вопроса заключается не въ сокращеніи расходовъ, которое едва-ли даже и возможно вслѣдствіе нашихъ политическихъ отношеній къ Европѣ,—сущность заключается въ увеличеніи доходовъ, т. е. усиленіи всѣхъ производительныхъ средствъ страны. Поэтому главная задача будетъ не въ томъ, чтобы урѣзывать жалованье служащимъ или сокращать смѣты министерствъ и удешевлять подряды и поставки; а въ томъ, чтобы создать для русскаго труда благопріятныя условія, дать ему новый толчекъ и поставить его въ такое положеніе, чтобы на международномъ рынкѣ труда онъ могъ соперничать съ трудомъ такихъ предприимчивыхъ народовъ, какъ американцы, французы и англичане. Затѣмъ все остальное придетъ само собою. Мы очень хорошо понимаемъ, что практика нашихъ экономическихъ порядковъ, слагавшаяся сотни лѣтъ, выработала не такія условія, съ которыми борьба была-бы легка; но мы точно также знаемъ, что Россіи, какъ европейскому государству, нѣтъ иного выхода, какъ сравняться своими умственными и экономическими производительными силами съ тѣми народами, съ которыми мы связаны политической солидарностью. Безъ этихъ условій никакія чисто-финансовыя мѣры, никакое исправленіе русской валюты не приведутъ ни къ чему, ибо исправленное сегодня можетъ быть испорчено завтра. При непрочномъ и необеспеченномъ положеніи народнаго труда и при полномъ поглощеніи оборотнаго капитала страны въ видѣ налоговъ и податей, нашъ экономическій кредитъ всегда будетъ пользоваться недоувѣріемъ, а слѣдовательно намъ не избѣгнуть никогда невыгодныхъ займовъ и упадка курса. Упадокъ курса есть въ сущности ничто иное, какъ учетъ процентовъ за нѣсколько лѣтъ,—иначе сказать, условная форма недоувѣрія къ производительнымъ средствамъ страны.

Вопросъ этотъ читателю будетъ ясныѣ, если онъ на время забудетъ, что на свѣтѣ существуютъ деньги. Въ такомъ случаѣ въ

государственныхъ и въ международныхъ отношеніяхъ обмѣнъ за разныя услуги производился бы вещами. Предположите, что государству нуженъ разный трудъ въ формѣ тѣхъ услугъ, которыя оно получаетъ отъ своей администраціи, войска и т. д. Такъ-какъ эти услуги всѣ могутъ быть сведены къ расчету единицъ труда, то и вознагражденіе за нихъ будетъ произведено такимъ количествомъ вещей, въ какомъ заключается соотвѣтственное число единицъ. Государство само не создаетъ вещей, значить оно ихъ получить отъ тѣхъ, кто ихъ создаетъ. Въ первобытныя времена такъ и бывало. Пожалуй, и въ новыя времена, и у насъ, и на Западѣ, бралась десятина натурой. При существованіи натурального хозяйства, т. е. когда всѣ расчеты и уплаты государства съ подчиненными ему и исполнительными органами совершаются натурой, расходы будутъ находиться непременно въ гармоніи съ доходами. Конечно, могутъ встрѣтиться случаи чрезвычайной надобности и тогда она будетъ покрыта сверхсѣтными обложеніемъ плательщиковъ, а когда съ нихъ взять нечего, займомъ у тѣхъ, у кого это нѣчто найти можно. Вотъ начало кредита. Сдѣланный заемъ нужно, разумѣется, отдать и отдать съ процентами. Покрытіе его опять возможно только изъ производительныхъ средствъ народа, а если трудъ народа недостаточно успѣшенъ, уплата можетъ быть произведена въ нѣсколько лѣтъ, то кредиторъ, конечно, сообразивъ все это, а также и свои собственныя надобности, выразитъ свое недовѣріе разнѣромъ тѣхъ процентовъ, которые онъ назначитъ, и при этомъ можетъ взять проценты за нѣсколько лѣтъ впередъ. Когда явилось денежное обращеніе, всѣ сношенія подобнаго рода очень облегчились, но въ то-же время возникли возможности разныхъ осложненій, замаскировавшихъ простую сущность этого дѣла. Особенная запутанность явилась съ тѣхъ поръ, когда государства по недостатку собственныхъ средствъ стали прибѣгать къ выпуску ассигнацій. Ассигнаціи вовсе не кредитный знакъ государства и ихъ справедливо сравниваютъ съ испорченной, низкопробной монетой, которую выпускаетъ государство. Ассигнаціи и не долгъ народу: это просто извѣстное средство, къ которому прибѣгаетъ государство, рассчитывая на довѣріе къ нему, но средство, которое можетъ быть вовсе не обезпечено какими-нибудь матеріальными цѣнностями и вещами, созданными трудомъ народа. Предположите, что государство, не располагая для

своихъ надобностей, какъ въ натуральномъ хозяйствѣ, вещами для уплаты своихъ внутреннихъ надобностей, выплачиваетъ вмѣсто нихъ такими знаками, которые не имѣютъ ровно никакой продажной цѣны, какъ, на примѣръ, асигнаціи. Кроме того, у него есть еще и вещи, которыми оно уплачиваетъ тоже часть сдѣланнаго для него труда. Ясно, что асигнаціи явились только въ пополненіе того, чѣмъ государство не располагало. Откуда-же возьмутся вещи, которыя нужны для удовлетворенія надобностей тѣхъ, кто вмѣсто нихъ получилъ бумажки? Этихъ вещей у государства нѣтъ, онѣ должны быть взяты изъ народнаго труда; но опять предположите, что народный трудъ настолько малоусищенъ, что въ немъ нѣтъ соответствующаго номинальной цѣнности бумажекъ эквивалента труда. Ясно, что бумажки утрачиваютъ всякое значеніе и на нихъ нельзя пріобрѣсти ни вещей, ни купить труда, потому что ни того, ни другого больше уже нѣтъ. Понятно, что чисто-асигнаціонная система, необезпеченная никакой реальной сущностью, есть не больше, какъ фикція, существованіе которой возможно лишь до извѣстнаго предѣла. Когда есть надежда, что за бумажками кроется нѣчто и это нѣчто можно получить, къ нимъ будетъ довѣріе и сдѣлки будутъ продолжаться; но какъ только станетъ ясно, что бумажка не больше, какъ бумажка — повторится то явленіе, которое извѣстно подъ именемъ системы Лоу. Успѣхъ бумажныхъ обязательствъ Лоу былъ весь основанъ на надеждѣ, что за ними кроется груды золота, которыя будутъ привезены изъ Индіи; когда оказалось, что никакихъ грудъ золота изъ Индіи привезено не будетъ, бумаги Лоу упали и продавались на вѣсъ, какъ простая бумага. Ясно, что тѣ изъ русскихъ префекторовъ, которые думаютъ возстановить цѣнность русскаго рубля наводненіемъ Россіи новыми бумажками, не предлагаютъ такой мѣры, которая могла-бы оказать хоть тѣнь существенной услуги, а, напротивъ, только усложнить и запутаетъ наше экономическое положеніе.

При системѣ кредитнаго рубля дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Кредитный рубль обезпеченъ металлическимъ фондомъ, и если государство всякую потребность въ размѣнѣ удовлетворяетъ безъ задержки и затрудненій, то никакихъ нарушеній и колебаній, ни во внутреннихъ, ни во вѣнскихъ сношеніяхъ возникнуть не можетъ. Но и съ кредитными билетами могутъ явиться случаи, ког-

да они получаютъ характеръ асигнацій. Предположите, что государство обязуется развѣномъ рубля на рубль, по у него развѣнныхъ рублей нѣтъ, и въ такомъ случаѣ ясно, что кредитныя бумажки становятся асигнаціями. Онѣ могутъ обращаться или по принудительному курсу, а если курса нѣтъ, то могутъ упасть въ цѣнѣ настолько, насколько не обезпечены фондомъ или довѣріемъ къ производительнымъ средствамъ государства. Во внутреннемъ обращеніи цѣна кредитныхъ билетовъ поддерживается правительствомъ, которое въ платежахъ, слѣдуемыхъ ему, беретъ ихъ рубль за рубль. Но и для этого есть извѣстный предѣлъ — предѣлъ, который устанавливается международными отношеніями и выражается тѣмъ или другимъ биржевымъ курсомъ.

Кредитный рубль по роли, которую онъ исполняетъ, имѣетъ весьма сложное отправление. Онъ, во-первыхъ, законный платежный знакъ, онъ представитель цѣнностей, производимыхъ страной, и ея капиталовъ, онъ есть средство обмѣна, наконецъ, онъ-же имѣрило цѣнностей даннаго момента. Если кредитный рубль не обезпеченъ никакимъ фондомъ или фондомъ недостаточнымъ, если его курсъ колеблется или постоянно падаетъ, то въ этомъ паденіи и колебаніи можно замѣтить одну весьма любопытную особенность. Предположите, что курсъ рубля какого-нибудь государства при международныхъ сношеніяхъ упалъ на половину. Размѣръ этого упадка указываетъ прямо, что и довѣріе къ производительнымъ средствамъ страны упало на половину. Предположите теперь, что государство допустило обращеніе рубля и внутри страны по курсу. Курсъ этотъ не упадетъ на пятьдесятъ процентовъ, онъ можетъ быть гораздо выше, и причина этого будетъ заключаться въ томъ, что кредитный рубль, какъ обмѣнный знакъ, изображаетъ собою орудіе обмѣна. Онъ, такъ-сказать, извѣстною своею долей служить исключительно средствомъ внутренняго обращенія, а другою своею долей служить надобностямъ внѣшняго обращенія, которыми и устанавливается ему внѣшній биржевой курсъ. Въ этомъ смыслѣ тѣ, кто думаетъ, что бумажныя деньги имѣютъ свою собственную цѣнность, какъ орудіе для внутренняго обращенія, не совсѣмъ неправы. Нелѣпость ихъ теоріи начинается съ того момента, когда они начинаютъ смѣшивать выпускъ для надобностей обращенія съ наводненіемъ страны бумажными деньгами, за которыми не кроется никакого представительства, и когда выпускъ не

соотвѣтствуетъ быстротѣ всего круговорота внутренней экономической жизни и быстротѣ внутреннихъ сношеній. Всѣ выпуски подобныахъ знаковъ, еслибы они были даже обезпечены фондомъ, являются совершенно ненужными, а фондъ, хранящійся въ государственныхъ кладовыхъ, будетъ мертвой цѣнностью и лишитъ страну только извѣстной части оборотнаго капитала. Когда въ странѣ появляется слишкомъ много кредитныхъ билетовъ, необезпеченныхъ фондомъ, то они ничѣмъ не отличаются отъ асигнацій и ведутъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, о которыхъ мы уже говорили.

Кредитный рубль, какъ представитель цѣнности, довѣріемъ, которое онъ къ себѣ возбуждаетъ, выражаетъ довѣріе къ производительному труду страны. Это извѣстный барометръ, указывающій на степень устойчивости труда. Поэтому-то малѣйшее сомнѣніе въ устойчивости экономического состоянія сейчасъ-же колеблетъ курсъ. Такъ достаточно только слуха о войнѣ, чтобы поколебалось довѣріе къ производительному труду страны и чтобы курсъ ея упалъ.

Во время управленія финансами графа Канкринна нашъ бумажный рубль шелъ съ лажомъ и цѣнился выше серебрянаго. Причина этого заключалась только въ устойчивости нашихъ внутреннихъ экономическихъ отношеній. Можетъ быть, мы тогда производили гораздо меньше, чѣмъ производимъ теперь, можетъ быть, и условія успѣшности нашего труда были слабѣе; но въ условіяхъ нашего экономического быта была извѣстнаго рода неподвижная устойчивость, и для случайностей, колеблющихся и нарушающихъ гармонію внутреннихъ отношеній, не было мѣста. Не смотря на то, что съ тѣхъ поръ мы стали производить вдвое больше всего, что наша торговля и промышленность возрасли вдвое, нашъ курсъ все-таки упалъ, потому что элементы народнаго труда находятся въ неустановившихся еще комбинаціяхъ. Ужъ одинъ разбродъ земледѣльческихъ отношеній и подвижность земельной собственности, которая еще какъ-будто не нашла для себя настоящихъ рукъ и стала предметомъ купеческой эксплуатаціи, не можетъ возбуждать довѣрія къ устойчивости нашего труда. То, что было у насъ при графѣ Канкринѣ, повторилось и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ Америкѣ, гдѣ цѣна золота нерѣдко измѣнялась, благодаря стачкѣ спекулянтовъ, долгосрочныя

сдѣлки заключались исключительно на бумажную валюту. Этимъ фактомъ доказывается лучше всего, что основную роль въ экономическихъ сношеніяхъ играютъ собственно условія успѣшности и производительности труда, отъ которыхъ и зависитъ прочность всѣхъ экономическихъ отношеній и всѣхъ сдѣлоекъ. Слѣдовательно, ясно, что финансовая область отношеній составляетъ второе, а не первое условіе внутренней и международной экономической жизни. Что запутанная финансовая система, дурная организація кредита, банки, незаслуживающіе довѣрія, могутъ запутывать всѣ дѣла — конечно, несомнѣнно, ибо, взятые въ совокупности, они сбиваютъ трудъ съ его прямого, правильнаго, спокойнаго пути и слишкомъ усиливаютъ элементъ случайности, риска и неопредѣленности.

Возстановленіе валюты помощью тарифной системы, государственной экономіи, правильной организаціи банковъ и ихъ отвѣтственности вовсе не такая трудная или головоломная вещь, какъ принято думать. Но вѣдь сущность дѣла не столько въ томъ, чтобы возстановить валюту, какъ въ томъ, чтобы установить неизмѣнную финансовую систему. А возможна-ли она при неоднородности политическихъ условій національностей, связанныхъ международной общественно-политической солидарностью? При разнородныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится производительный народный трудъ, невозможно между народами одинаковое довѣріе другъ къ другу. Можно-ли, напримѣръ, довѣрять Турціи или Египту въ ихъ государственныхъ финансовыхъ сдѣлкахъ, когда экономическія условія труда этихъ странъ не представляютъ никакого ручательства въ его стойкости и одинаковой правильной поступательной успѣшности? Наконецъ, какая можетъ быть увѣренность въ спокойномъ развитіи труда, если, какъ, напримѣръ, въ наши дни, ни одинъ народъ не можетъ ручаться за то, что завтра онъ будетъ такъ-же спокойно работать, какъ работалъ сегодня, и что онъ не будетъ вовлеченъ въ какую-нибудь дорого стоющую политическую коллизію? Точно накануне сербской войны кто-нибудь могъ догадаться, что она начнется завтра, могъ предусмотрѣть цѣлый рядъ столкновеній, которыя повели къ турецкой войнѣ и послѣдовавшей затѣмъ политической напряженности. Ссылки на Америку, на Францію, на разнѣмъ, открытый Шерманомъ, служатъ только подтвержденіемъ тѣхъ мыслей, кото-

рыя изложены въ настоящей статьѣ, но нисколько не покрѣпляютъ справедливости мнѣнія тѣхъ, кто предлагаетъ пріемъ Шермана за примѣръ для всеобщаго подражанія. Мы не говоримъ ничего противъ этой системы и признаемъ ея безусловную правильность. Каждый народъ долженъ установить у себя вѣрнѣйшій курсъ, довѣріе къ финансовой системѣ и довѣріе къ его труду. И мы говоримъ то-же самое, но мы говоримъ еще, что исключительно-финансовыя мѣры вродѣ тѣхъ, которыя предлагались у насъ авторами разныхъ газетныхъ финансовыхъ проектовъ и учеными финансистами, взятая изолированно, составляютъ только четверть дѣла, что параллельно съ мѣрами для восстановленія валюты должны идти мѣры, имѣющія прямое отношеніе къ народному труду, къ созданію для него наиболѣе благопріятныхъ условій успѣшности и къ возможному увеличенію оборотнаго капитала, которыми однимъ только и живетъ трудъ. Иначе сказать, вмѣстѣ съ развитіемъ условій для успѣшности труда должны быть созданы и условія прочности и устойчивости труда. Если этого не явится, никакія чисто финансовыя операціи не создадутъ курсовой прочности, и валюта, восстановленная сегодня, завтра можетъ быть снова нарушена.

Н. Шелгуновъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ РУССКІЙ СОЦІОЛОГЪ.

(Международная научная бібліотека. — Соціологія, Евг. де-Роберти. Спб., 1880)

Нѣсколько лѣтъ тому была высказана мысль о „Международной научной бібліотекѣ“ и вслѣдъ затѣмъ появились списки подготовляемыхъ трудовъ. Объявлено было и нѣсколько сочиненій русскихъ писателей. Начали появляться книжки, инныя замѣчательныя по достоинству, инныя—такъ-себѣ, а инныя и посредственныя. Появлялись онѣ на англійскомъ, на французскомъ, на нѣмецкомъ языкѣ и довольно скоро переводились на русскій. Но русскихъ оригинальныхъ трудовъ все не было видно; дальше объявленій они не шли. Тому уже лѣтъ 40 слишкомъ, какой-то злоязычный французъ обозвалъ насъ: un pays de programmes; съ тѣмъ мы, большею частью, и остаемся.

Но вотъ читаю въ газетахъ объявленіе о дѣйствительномъ вступленіи русской науки въ эту международную комбинацію. Пишутъ, что печатается, выходитъ, вышла книга, увеличивающая собою рядъ изданій „Международной научной бібліотеки“ и составляющая вкладъ нашего русскаго ученаго. Да и трактуетъ книга не о какомъ-нибудь мелкомъ спеціальномъ предметѣ, а о соціологіи.

Наковонецъ-то!

Авторъ — де-Роберти... Ну, это нѣсколько больно моему русскому сердцу, что опять иностранная фамилія. Пожалуй, за-границей станутъ говорить: „вотъ и для этого понадобился Россіи иностранецъ“... Впрочемъ, де-Роберти такъ де-Роберти... Признаться, я какъ-то плохо помню, какое участіе въ нашей литературѣ при-

нималъ этотъ ученый социологъ. Ни въ области экономическихъ, ни въ области политическихъ изслѣдованій что-то не особенно памятно въ русской литературѣ имя де-Роберти. Есть, кажется, „Политико-экономическіе этюды“ автора, довольно похожаго на это имя, но они прошли незамѣченными, во-первыхъ, потому, что это былъ, насколько помню, переводъ съ французскаго; во-вторыхъ, и потому, что „Этюды“ были сами по себѣ преисполнены разныхъ странностей *). А тутъ вдругъ первый русскій вкладъ въ

*) Хотя на заглавномъ листѣ „Соціологіи“ и приписываются „Политико-экономическіе этюды“ ея автору, но я докажу далѣе, что этотъ листъ вклеенъ ошибкою. Авторъ „Политико-экономическихъ этюдовъ“ (1869) не могъ быть ивѣстный позитивистъ-социологъ де-Роберти, такъ-какъ тотъ допускалъ противорѣчіе между „научною истиною“ социологіи и „системою нравственности“ (101), что для позитивиста невозможно, когда нравственные истины входятъ для него въ область социологіи и часть не можетъ противорѣчить цѣлому.—По-пути, напомню читателю нѣкоторые курьезы изъ книги того де-Роберти. Онъ все еще считаетъ Кенэ и Смита основателями политической экономіи (171, 185). Онъ превозноситъ законъ Мальтуса, который полученъ „посредствомъ индукціи, полнота и правильность (!) которой представляетъ единственный примѣръ въ этомъ родѣ во всей экономической литературѣ“ (179), и въ той же книгѣ указываетъ на „заблужденіе“, „прямо проистекающее“ (121) изъ этого „единственнаго примѣра полной и правильной индукціи“. Онъ ставитъ Маркса въ „длинный рядъ менѣе извѣстныхъ именъ“, далеко ниже „Маклеода (!), Кэри, Шефля“ (167). Такъ-какъ въ книгѣ Маркса встрѣчается *изложеніе* „диалектическимъ путемъ“, то авторъ наивно утверждаетъ, что его теорія „добыта“ этимъ путемъ, за что и порицаетъ его, сравнительно съ Кэри (60) (вѣроятно, онъ порицалъ бы и Ньютона за то, что Principia будто-бы „добыты“ тѣмъ путемъ, которымъ они *изложены*). Марксъ для него „метафизикъ“ (49) и „ученикъ Прудона“ (58). Въ его сочиненіи „масса фактовъ и свѣденій... собственно говоря, ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ“ (59). У него „просвѣчиваетъ отсутствіе историческаго пониманія прошедшаго“ (60). Милъ — „адептъ философіи постепенности“. Еще интереснѣе догматическіе раритеты. „Недовѣріе, неприязнь“, внушаемая современною политическою экономіею „рабочему классу“, есть лишь „слѣдствіе печальнаго недоразумѣнія“ (166). И немудрено, такъ-какъ тотъ г. де-Роберти формулировалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ фразѣ, увѣковѣчившей его имя въ лѣтописяхъ экстравагантностей: „Бѣдность (рабочаго класса) скорѣе наговорена на него вслѣдствіе непониманія настоящихъ условій производства, чѣмъ дѣйствительно существуетъ“ (98—94). Само собою разумѣется, что „существованіе какого-то (!) антагонизма между рентой и заработкомъ или, другими словами, между интересами поземельной собственности и благосостояніемъ народныхъ массъ“, есть „заблужденіе“ (116). Вслѣдствіе этого тотъ г. де-Роберти обращается къ распорядителямъ общественными судьбами съ слѣдующею патетическою проповѣдью: „Откройте массамъ путь къ благосостоянію, доставьте имъ равенство юридическое и общественное и дайте имъ возможность обезпечить себя свободнымъ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности.... Зачѣмъ народу ваши богатства? Онъ стократъ богаче васъ, ибо истинный источникъ богатства заключается въ трудѣ, т. е. въ интеллектуальной и мускульной силѣ человѣка, а обими силами этими масса на-

„Международную научную библиотеку“! Помнится, при началѣ изданія говорилось, что будетъ устроено нѣчто вроде комитета въ каждой странѣ для просмотра произведеній, которыя войдутъ въ составъ этого изданія. Намъ-же, русскимъ, особенно слѣдуетъ быть очень осторожными въ подобныхъ дѣлахъ, а то сейчасъ осмѣютъ. Известно, варвары!

Однако, на этотъ разъ, кажется, мы не ударили себя лицомъ въ грязь. Беру одинъ изъ предсмертныхъ номеровъ „Голоса“ и читаю, что въ „замѣчательномъ трудѣ“ г. де-Роберти „установлены прочныя основы“ социологiи; что этому „замѣчательному труду“ принадлежитъ „честь разъясненія многихъ спорныхъ вопросовъ этой науки“; что „этотъ замѣчательный трудъ обнимаетъ всю обширную область социологiи“, „устанавливаетъ ея дѣленіе“, „подробно излагаетъ какъ самый социологическій матеріалъ, такъ и мнѣнія о главнѣйшихъ вопросахъ науки лицъ, писавшихъ о ея законахъ“, откуда выводится совершенно правильное заключеніе, что книга г. де-Роберти „будетъ имѣть большое вліяніе въ западной Европѣ“. Еще-бы! Беру одинъ изъ номеровъ „Молвы“ и нахожу отзывъ нѣсколько болѣе сдержанный. Во-первыхъ, говорится уже не о „социологiи“, а о „философiи социологiи“, что не совсѣмъ одно и то-же. Толстые журналы приглашаются къ исполненію „своей обязанности“ — обратить „вниманіе“ и „серьезно, хотя-бы и очень строго, отнестись“ къ книгѣ г. де-Роберти, предметъ которой „несомнѣнно возбуждаетъ повсюду въ настоящее время живой и неподдѣльный интересъ“. Но почему-же самъ критикъ „Молвы“ воздержался отъ исполненія этой „обязанности“, въ предметѣ, возбуждающемъ столь „живой“ интересъ? Кажется, въ этомъ отношеніи газета могла-бы точно также исполнить обязанность, которую она возлагаетъ на толстые журналы.

А предметъ, дѣйствительно, „возбуждаетъ повсюду въ настоящее время живой и неподдѣльный интересъ“. Почти полвѣка прошло

родная одарена съ высшей степени, только обѣ силы находятся у нея въ скрытомъ состояніи“... „Пустите эти силы въ дѣйствіе, оживите, сберегите ихъ, уравняйте умственное развитіе народа съ вашимъ развитіемъ... Съ другой стороны, развейте асоціацію физическаго труда такъ, чтобы люди труда могли сами соединяться для промышленныхъ цѣлей и перестали-бы быть безответными орудіемъ въ рукахъ разныхъ фабрикеров... Отъ такого освобожденія спящихъ силъ народа не пострадаютъ интересы ни одного класса общества. Капиталисты будутъ спокойно владѣть своими капиталами.... Разумѣется, капиталистамъ, для увеличенія своихъ богатствъ, придется болѣе разсчитывать на свой трудъ... чѣмъ на прижимку чужого труда; но на это никто, вѣроятно, не станетъ жаловаться“ (118—119). Совсѣмъ идиллія!—Однако, я останавливаюсь: есть много другихъ курьезовъ, но, я думаю, и этихъ довольно.

съ тѣхъ поръ, какъ Ог. Контъ начертилъ планъ единой науки общества, и эти полвѣка были полны не только теоретическихъ изслѣдованій относительно общественныхъ вопросовъ, но полны и жгучихъ заботъ о жизненномъ значеніи этихъ вопросовъ. Разнообразныя политическія партіи выставляли свои теоріи государственнаго строя и экспериментировали приѣмами Метерниха и приѣмами франкфуртскаго парламента, возобновляли имперію Бонапарта и провозглашали социальную-демократическую республику, переходили отъ Велингтона къ Роберту Пилю и къ Виконсфильду. Юристы пытались соединить прочность историческаго преданія съ требованіями современнаго разума. Экономисты отрывали въ своей наукѣ громадный пробѣлъ, обнаруженный цѣлымъ рядомъ самыхъ грозныхъ промышленныхъ и биржевыхъ кризисовъ, и допускали частью въ свое святилище ученія, къ которымъ съ такимъ недоувѣріемъ относились ихъ предшественники. Естествознаніе завоевывало себѣ тоже мѣсто въ наукѣ общества, указывая громадное значеніе общественной гигиены, отмѣчая факты физическаго вырожденія массъ и отдѣльныхъ классовъ. Антропологія указывала слѣды и остатки общественнаго строя, радикально отличнаго отъ современныхъ формъ общежитія, а процессъ исторіи оказывался настолько невыдѣлимымъ моментомъ во *всѣхъ* общественныхъ формахъ и явленіяхъ, что о *всѣхъ* ихъ можно было высказать то положеніе, которое такъ рѣшительно характеризовало и измѣнило для *всѣхъ* мыслящихъ современниковъ значеніе нынѣшнихъ экономическихъ формъ: это — „историческія категоріи“. При подобномъ положеніи дѣлъ какое важное значеніе имѣла-бы книга, которая трезво и философски „обняла-бы всю обширную область социологіи“, распредѣливъ ее на существенныя рубрики и указавъ зависимость между ними; которая, даже не „подробно“, а хотя-бы сжато „изложила какъ самый социологическій матеріалъ, такъ и мнѣнія о главнѣйшихъ вопросахъ науки лицъ, писавшихъ о ея законахъ“! Какую неоцѣненную услугу оказала-бы книга, которая дѣйствительно осуществила-бы въ умѣренномъ объемѣ то, что говоритъ критикъ „Голоса“ о книгѣ г. де-Роберти, дала-бы систематическій обзоръ современнаго состоянія социологическихъ вопросовъ въ ихъ связи и въ ихъ зависимости и указала-бы руководящую литературу по этому предмету! Такъ-какъ г. де-Роберти прямо и смѣло поставилъ на заголовкѣ своей книги слово „социологія“, то всякій читатель вправѣ, конечно, ожидать, что содержаніе ея будетъ соответствовать научному требованію современности; что онъ найдетъ въ ней именно „социологическій матеріалъ“ и „мнѣнія о главнѣйшихъ вопросахъ науки лицъ, писавшихъ о ея законахъ“.

Тѣмъ болѣе цѣнно было появленіе подобной книги на *русскомъ* языкѣ въ составѣ „Международной научной библіотеки“, что это не только позволяло надѣяться, но обязывало автора, подъ опасеніемъ обвиненія въ невѣжествѣ, указать положеніе, которое принадлежитъ въ области разныхъ основныхъ соціологическихъ вопросовъ русскимъ писателямъ, труды которыхъ остаются неизвѣстными иностранцамъ лишь по незнанію послѣдними русскаго языка. Можно очень различно оцѣнивать труды и взгляды многочисленныхъ русскихъ писателей, какъ о методѣ соціологическихъ изслѣдованій, такъ и объ отношеніи между различными вопросами соціологіи, особенно въ области экономической; но, во всякомъ случаѣ, мы не должны забывать, что вопросы о методѣ въ исторіи, о формулѣ прогресса, объ общинѣ, о государствѣ, о національности вызывали у насъ цѣлую литературу полемическую и догматическую. Вспомнимъ, что съ начала шестидесятыхъ годовъ рѣдкая книжка нашихъ толстыхъ журналовъ обходится безъ статьи по соціологическому вопросу; что въ курсахъ энциклопедіи законовѣденія гг. Неволинъ, Рѣдкинъ и ихъ преемники поднимали значительную долю основныхъ соціологическихъ вопросовъ; что у насъ было нѣсколько попытокъ исторіи политическихъ ученій, — мы не можемъ сомнѣваться, что въ сочиненіи, которое гордо и смѣло назвало себя не „Введеніемъ въ соціологію“, не „Опытомъ о значеніи соціологіи въ ряду наукъ“, не „Позитивистскими мечтами или бреднями по поводу слова: соціологія“, а прямо „Соціологіею“, мы должны найти систематическую оцѣнку или хотя-бы обзоръ русскихъ соціологическихъ работъ.

Съ этими надеждами и ожиданіями, съ этою увѣренностью откроетъ русскій читатель книгу г. де-Роберти, откроетъ — и немедленно разочаруется.

Во-первыхъ, *полное* заглавіе ея сейчасъ укажетъ ему, что критикъ „Голоса“ даже не развернулъ этого перваго листка, а даль отзывъ о книгѣ или по наитію свыше, или по кумовству. Объ изложеніи „соціологическаго матеріала“ не можетъ быть и рѣчи, когда самъ авторъ обозначаетъ свое сочиненіе такъ: „Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею“. Почему-же это на оберткѣ стоитъ только: „Соціологія“? Ужь не для привлеченія-ли покупателя?

Впрочемъ, въ этомъ объяснительномъ заглавіи находится указаніе на „раздѣленіе“ соціологіи; а въ раздѣленіи, само собою разумѣется, приходится указать на основные вопросы ученія, которые въ каждой наукѣ служатъ, конечно, основами ея раздѣленія. Слѣдовательно, тутъ можно все-таки, думаетъ читатель, найти ма-

„Дѣло“, № 12, 1879 г.

теріяль по предмету, который „возбуждает повсюду въ настоящее время живой и неподдѣльный интересъ“. Вѣроятно, именно тутъ „этотъ замѣчательный трудъ обнимаетъ всю обширную область социологіи“; тутъ онъ „устанавливаетъ ея дѣленіе“; тутъ „разъясняетъ многіе спорные вопросы этой науки“ и тутъ даже, можетъ быть (хотя это нѣсколько сомнительно), „подробно излагаетъ самый социологическій матеріяль“ и „мнѣнія о главнѣйшихъ вопросахъ науки“.

Самъ авторъ въ одинадцатой главѣ, которой онъ далъ странное заглавіе: „вмѣсто заключенія“, говоритъ о своемъ трудѣ, что „въ немъ предъ глазами читателя послѣдовательно проходятъ многіе изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ“ *философіи социологіи* (336), и далѣе (347), что эти „наиболѣе важные“ вопросы философіи социологіи „были рассмотрѣны съ цѣлью найти для нихъ положительное, по возможности, рѣшеніе“. А философія, по собственному заявленію г. де-Роберти (т. е. именно та философія, которой онъ признаетъ себя сторонникомъ), „объединяетъ науки, воспринимаетъ въ себя ихъ общіе результаты и претворяетъ послѣдніе въ міросозерцаніе“ (367) и „должна быть тою живою и возбуждающею струею, которая не позволяетъ частнымъ наукамъ самодовольно замкнуться въ узкомъ кругѣ приобрѣтенныхъ результатовъ, постоянно побуждая ихъ къ расширенію своихъ предѣловъ, къ новымъ завоеваніямъ въ области неизвѣстнаго и непознаннаго“ (356). Прилагая эти слова автора къ специальной области философіи социологіи, мы уже въ правѣ ожидать, что въ рассмотрѣніи авторомъ „капитальнѣйшихъ вопросовъ“ философіи социологіи входитъ „воспріятіе общихъ результатовъ“ ея основныхъ изслѣдованій и отдѣловъ, входитъ „живая и возбуждающая струя“, которая не позволяетъ теоретическимъ изслѣдованіямъ оторваться отъ жизненныхъ вопросовъ или остаться обособленными этюдами, и „побуждаетъ“ частныя социологическія изслѣдованія „къ новымъ завоеваніямъ въ области неизвѣстнаго и непознаннаго“.

Зная, что г. де-Роберти ревностный позитивистъ, и видя изъ его книги, что онъ находитъ, что одна изъ основныхъ опоръ позитивизма—классификація наукъ Ог. Конта—„всего менѣе удовлетворяетъ условію“, безъ котораго „безвыходный хаосъ въ области философіи наукъ“ не можетъ „смѣниться первыми, смутными очертаніями порядка“ (337), читатель въ правѣ ожидать, что г. де-Роберти дастъ ему эти „первыя очертанія порядка“ въ социологіи хотя-бы и смутныя; проникнется „живою и возбуждающею струею“ позитивной философіи для „новыхъ завоеваній въ области непознаннаго“ и, убѣдившись, что другіе послѣдователи Конта „слишкомъ поверхностно отнеслись ко многимъ важнымъ задачамъ фи-

лософiи“ (351), пополнить этотъ пробѣлъ. На основанiи его собственныхъ требованiй, говоритъ себѣ читатель, — авторъ долженъ указать систематическiй смыслъ разныхъ отраслей социологическихъ вопросовъ въ ихъ теоретическомъ и жизненномъ значенiи. Онъ, съ точки зрѣнiя позитивнаго, точнаго знанiя, укажетъ истинное значенiе грознаго для современной цивилизацiи *общественнаго вопроса*, его корни въ исторiи, его различные элементы въ ихъ iерархiи, зависимость и единство вопросовъ политической экономiи, государствовѣденiя, этики, общественной гигиены, теорiи культурныхъ формъ общежитiя. Онъ выяснитъ отношенiе началъ государственнаго союза и національности, общественной и личной нравственности, традиционно-историческихъ, нравственно-прогрессивныхъ и экономически-утилитарныхъ элементовъ права. Онъ внесетъ „очертанiя порядка“ въ накопленiе „мгѣнiй“ о существенныхъ, жизненныхъ вопросахъ социологiи, напริมѣръ, объ отношенiи обязательнаго и принудительнаго закона къ свободному развитiю личности, объ отношенiи борьбы капитала съ трудомъ къ невмѣшательству государства въ частные договоры и т. под. И опять-таки, имѣя въ виду незнакомство Европы съ русскими писателями и то, что эта книга составляетъ часть „Международной научной библiотеки“, авторъ особенно подчеркнетъ отношенiе русскихъ писателей къ вопросамъ о національности, о государствѣ, объ экономическихъ отношенiяхъ, объ элементарныхъ формахъ общественной организацiи, о формулѣ прогресса, о методахъ въ социологiи вообще и въ исторiи въ частности, объ историческомъ значенiи тѣхъ или другихъ социологическихъ ученiй въ прошломъ и въ настоящемъ.

Если читатель приступитъ къ книгѣ г. де-Роберти съ подобными ожиданiями, онъ опять-таки разочаруется.

Среди „капитальнѣйшихъ“ и „наиболѣе важныхъ“ вопросовъ философи социологiи, въ книгѣ г. де-Роберти блистаетъ своимъ отсутствiемъ какъ весь „общественный вопросъ“ *), такъ и всякая жизненная задача социологiи нашего времени. Государство, национальность, капиталъ и трудъ, индивидуализмъ въ противоположенiи его съ общественною связью, антропологическiя формы общежитiя въ ихъ отношенiи къ историческимъ, отношенiе современныхъ задачъ социологiи къ тому, какъ эти задачи стояли во время Конта, въ концѣ XVIII вѣка, въ началѣ новѣйшаго перiода исторiи Европы, въ античномъ мiрѣ, — всѣ эти вопросы, которые

*) Самое слово это встрѣчается, если не ошибаюсь, только разъ (204), какъ случайная иллюстрацiя „реальной аналогiи“, рядомъ съ „падениемъ римской имперiи“.

„несомнѣнно возбуждаютъ повсюду въ настоящее время живой и неподдѣльный интересъ“, всѣ эти вопросы, которые для всякаго живого человѣка если не исчерпываютъ социологіи, то составляютъ главное ея содержаніе,—все это для г. Роберти, должно быть, не принадлежить ни къ „капитальнѣйшимъ“, ни къ „наиболѣ важнымъ“ вопросамъ философіи социологіи, потому что онъ до всего этого даже *не коснулся...*

Читатель, вѣроятно, начинаетъ сомнѣваться въ добросовѣстности моего разбора. Вѣдь какое-же нибудь социологическое содержаніе находится въ этой книгѣ въ 368 страницъ, говоритъ онъ.— Вѣдь нашелъ-же критикъ „Голоса“, что авторъ „подробно излагаетъ, какъ самый социологическій матеріалъ, такъ и мнѣнія о главнѣйшихъ вопросахъ науки“. Вѣдь по словамъ этого критика, „этотъ замѣчательный трудъ обнимаетъ всю обширную область социологіи“. Вѣдь „социологическій матеріалъ и состоитъ преимущественно въ томъ, до чего г. де-Роберти, по словамъ настоящей статьи, „даже не коснулся“. Вѣдь „вся обширная область социологіи“ обратится или въ схоластическую схему словъ и отвлеченностей, или въ безсодержательную болтовню, если не касаться ни одного изъ этихъ вопросовъ... Не могъ-же критикъ „Голоса“ не заглянуть въ книгу, о которой давалъ отчетъ; а если онъ заглянулъ въ нее, то не могъ-же найти „социологическій матеріалъ“ и „обниманіе обширной области“ въ „замѣчательномъ трудѣ“, гдѣ ничего этого не было. Вѣдь, наконецъ, и самъ авторъ, говоря о „капитальнѣйшихъ“ и „наиболѣ важныхъ“ вопросахъ „философіи социологіи“, хотѣлъ-же сказать что-нибудь. Онъ живетъ между людьми, а не въ какомъ-либо глухомъ и безлюдномъ захолустьѣ, и знаетъ, что озабочиваетъ его современниковъ, о чемъ спорять и какіе вопросы въ данную минуту — „капитальнѣйшіе“ и „наиболѣ важные...“ Тутъ что-то не такъ...

Совершенно понимаю твое недоумѣніе, любезный читатель, и нисколько не сержусь на тебя за него, потому что вполне сознаю, что на твоемъ мѣстѣ и я разсуждалъ-бы точно такъ-же. Но что-же мнѣ дѣлать, когда „такъ выходитъ“? Какъ глядѣлъ въ книгу г. де-Роберти его услужливый критикъ, когда говорилъ о „социологическомъ матеріалѣ“ и о всемъ прочемъ,—это выше моего разумѣнія; но я совершенно ясно вижу, что „матеріала социологическаго“ въ ней не оказывается.

А „наиболѣ важные“ и „капитальнѣйшіе“ вопросы, по мнѣнію самого автора? А „раздѣленіе социологіи“, которое обѣщано въ самомъ заглавіи?

Провѣряй меня самъ, любезный читатель. Будемъ вмѣстѣ про-

сматривать все, что может относиться къ социологическому матеріалу.

Прежде всего замѣтимъ, что самъ авторъ разъясняетъ выраженіе: „капитальнѣйшіе вопросы философіи социологіи“ слѣдующими словами (336): „каковъ характеръ тѣхъ истинъ, которыя социологія старается открыть, какимъ способомъ она ихъ открываетъ, какъ она относится ко всей совокупности человѣческаго знанія, изъ какихъ составныхъ частей сама образуется и, наконецъ, какая связь существуетъ между нею и тѣсно соприкасающимися съ нею научными областями?“ Очевидно, что изъ этихъ вопросовъ могутъ разсматривать социологическій матеріалъ лишь первый, занимающійся опредѣленіемъ „характера“ социологическихъ истинъ, или, вѣрнѣе, научнымъ смысломъ термина: „общество“, и четвертый, относящійся къ „составнымъ частямъ“ социологіи или къ ея научному дѣленію. Отвѣтъ на одинъ изъ этихъ вопросовъ опредѣляетъ, *каковъ можетъ быть* матеріалъ социологіи, по самому свойству ея предмета (это вопросъ собственно *философскій*); отвѣтъ на другой говоритъ, *каковъ дѣйствительно оказывается* этотъ матеріалъ вслѣдствіе фактическаго накопленія социологическаго знанія.

Обратимся сначала къ отвѣту, который даетъ г. де-Роберти на второй вопросъ, въ 6-й и 7-й главѣ своего труда, которыя соединены подъ общимъ названіемъ: „Дѣленіе социологіи“ (145—186).

Во-первыхъ, мы узнаемъ о „всей трудности этой задачи“, т. е. „внутренняго дѣленія социологіи“ (должно быть авторъ допускаетъ еще нѣкоторое дѣленіе „внѣшнее“, но, за отсутствіемъ разъясненія, оставимъ въ сторонѣ эту мистификацію), и что этой задачи можно касаться „въ настоящее время“ „только съ крайнею осторожностью и многими оговорками“. Затѣмъ встрѣчаемъ здѣсь и во многихъ мѣстахъ книги требованіе раздѣлить социологію на двѣ части; на часть „описательную“, „подготовительную“ или „естественную исторію социальныхъ явленій“ и на часть „аналитическую“, „заключительную“ или „естественную науку тѣхъ-же явленій“. Задача подготовительной части „состоитъ въ томъ, чтобы, оставаясь въ точныхъ предѣлахъ опыта, описать общества и преимущественно человѣческія, какъ нынѣ существующія, такъ и существовавшія прежде“. Для этого „надо свести безчисленныя, дѣйствительно существующія асоціаціи къ какому-бы то ни было, можетъ быть, еще и очень большому, но уже ограниченному числу типовъ, основныхъ формъ человѣческаго общежитія“. При этомъ, по мнѣнію г. де-Роберти, главную роль играетъ „личный тактъ наблюдателя, его аналитическія способности“ (это въ части *не* аналитической) „и въ особенности основательное знакомство

съ предметомъ". Результатомъ этого является (въ нѣсколько загадочной формѣ г. де-Роберти) „наилучшая классификація социологій" (уже не „описательной", замѣтите, а вообще) или „то предварительное раздѣленіе ея, которое получится, какъ результатъ перваго приступа къ работѣ, явится слѣдствіемъ самаго процесса научнаго описанія". Выходитъ, что „понимаемая и разрабатываемая такимъ образомъ социологія легко обходится безъ... будто бы основныхъ дѣлений". Что касается „естественной науки социальныхъ явленій", то она „должна" пока „оставаться нераздѣльною и образовать одну доктрину, одинъ комплексъ знанія"; „сама наука не должна превращаться въ тѣя свои составныя части, которыя принадлежатъ исключительно начальной и подготовительной фазѣ научнаго развитія, какъ-то: политическая экономія, право, исторія и проч." (что можетъ значить сіе неожиданное „превращеніе" цѣлаго въ его „части"?). Не то, чтобы авторъ „не признавалъ пользы раздѣленія труда въ этой области человѣческаго знанія", но онъ „находитъ, что границы между различными областями социальнаго изслѣдованія на практикѣ достаточно рѣзко очерчены", что „раздѣленіе социологій будетъ совершеннѣе и дастъ лучшіе плоды, когда оно разовьется естественно и само собою изъ основнаго единства социологическаго знанія" (опять нѣсколько загадочно), и потому, ссылаясь на почтенный авторитетъ Мальгуса, авторъ „перегибаетъ лукъ въ другую сторону". (Не слишкомъ-ли произвольно, г. де-Роберти? И не скрывается-ли подъ этимъ уклоненіемъ отъ раздѣленія науки нѣкоторая недостаточная подготовка въ смыслѣ именно послѣдняго условія, вами же выше поставленнаго социологамъ?) *).

Окончательно авторъ формулируетъ этотъ взглядъ слѣдующимъ образомъ: „Чѣмъ болѣе пользы приноситъ гипотетическое разложеніе сложныхъ агрегатовъ, образуемыхъ социальными явленіями, и изолированный анализъ этихъ явленій въ отдѣльныхъ или монографическихъ изслѣдованіяхъ, при предварительномъ изученіи социальнаго міра" (въ естественной исторіи общества), „тѣмъ менѣе эти же приемы отдѣленія и изолированія становятся необходимыми въ виду успѣха изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью открытіе общихъ законовъ социальныхъ явленій". Это замѣчаніе, которое восходитъ собственно къ Ог. Конту, заключаетъ въ себѣ весьма вѣрное указаніе и было бы плодотворнымъ, еслибы авторъ хоть

*) Въ подробномъ оглавленіи параграфа (VI, 2), изъ котораго я только-что извлекъ все существенное содержаніе, соответствуетъ заголовокъ, въ которомъ встрѣчаются слова: „Типы или общія формы ассоціаціи". Но любопытный читатель, надѣющийся найти здѣсь перечень или хотя бы указаніе на эти типы, очень ошибется: г. де-Роберти уклонился и отъ этого.

чутье уяснилъ, какъ онъ понимаетъ „изолированный анализъ“ подготовительной части и приемы „открытія общихъ законовъ“ при нераздѣльности социологическихъ областей въ части заключительной. Но онъ скрываетъ свою глубокую социологическую мудрость отъ читателя съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи. Чтобы оставить читателя въ полномъ невѣденіи относительно своихъ мнѣній по подготовительной части, авторъ отдѣляется фразой, что „дѣленія и подраздѣленія“ этой части „слишкомъ многочисленны и въ то же время общеизвѣстны“ (такъ-ли?), „чтобы представлялось необходимымъ приводить ихъ здѣсь въ отдѣльности или дѣлать имъ подробный перечень“. И при помощи этихъ словъ разомъ устраняетъ всякіе запросы о томъ, какъ онъ понимаетъ „социологическій матерьялъ“ и его группировку. — Переходя къ „возможнымъ дѣленіямъ“ въ „общей социологіи“, авторъ признаетъ „превосходнымъ“ „основной принципъ“ раздѣленія Конта на *соціальную статику* и *соціальную динамику*; видитъ въ тройственномъ дѣленіи на *анатомію*, *физиологію* и *патологію* социальныхъ организмовъ „только простое воспроизведеніе въ заимствованныхъ у биологіи терминахъ двойственнаго дѣленія Конта“, но находитъ, что „практическая плодотворность“ упомянутаго „превосходнаго“ принципа „уступаетъ“ его „высокому теоретическому значенію“; что не удалось ни „обосновать окончательно“, ни „начертать въ общемъ видѣ статику общества, сколько-нибудь независимую отъ динамики“; что „никакого новаго свѣта не пролило это раздѣленіе; ни одного основнаго закона не было найдено при помощи этого аналитическаго приема“. Словомъ, „превосходный“ принципъ въ-концѣ-концовъ признанъ никуда негоднымъ и лишь на далекое будущее общано, что „въ биологіи обществъ мы будемъ имѣть настоящую общую анатомію или ученіе о строеніи общественныхъ организмовъ, которое послужитъ основаніемъ для общей физиологіи или ученія объ общественныхъ отравленіяхъ; эти двѣ части науки будутъ, въ свою очередь, дополнены двойною общею патологіею, анатомическою и физиологическою“. Само собою разумѣется, что для автора „дальнѣйшія подраздѣленія статики и динамики обществъ, представляющія собою развитіе этого основнаго дѣленія, конечно, еще менѣе послѣдняго могутъ сопровождаться плодотворными послѣдствіями для науки“. Такъ что „опыты классификаціи общей части социологіи можно держать въ запасѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго“. Этакій вѣдь скрытный! Далѣе замѣчается, что „общая социологія будетъ“ (значитъ — она еще не существуетъ) „заниматься только фактами и отношеніями, достаточно описанными и разъясненными спеціальными изслѣдованіями“ (еще бы ей заниматься „неописанными“ фактами!), „и ограничить свою

долю научной работы описаніемъ и классификаціе самыхъ существенныхъ и наиболѣе общихъ типовъ ассоціацій и категорій соціальной дѣятельности“ (нѣсколько туманно). Наконецъ указано, что „истинный научный прогрессъ... заключался бы.. въ классификаціи, которая оставила бы въ сторонѣ всѣ чисто-кажушіяся различія“ (нисколько не ново).

Но вотъ двѣ маленькія щели, бросающія нѣкоторый свѣтъ на пониманіе авторомъ фактовъ социологіи:

Во-первыхъ, авторъ рѣшается высказать свой взглядъ на исторію и на статистику въ отношеніи къ социологіи. Оказывается, что исторія и статистика „только средства изслѣдованія или методы“; именно „статистика—классификація посредствомъ исчисления“, „исторія — классификація причинъ и слѣдствій“. Читатель изумленъ. Оно и стоитъ того. Легкое сомнѣніе въ дѣйствительность социологическаго разумѣнія г. де-Роберти прокрадывается въ душу читателя, но онъ еще допускаетъ тутъ нѣкоторую неловкость выраженія, нѣкоторую высшую методологическую мистерию.

Во-вторыхъ, авторъ любезно дѣлится съ читателемъ тою діаграмою или схемою социологіи, которую онъ тому нѣсколько лѣтъ помѣстилъ въ одной (французской, конечно) статьѣ, когда онъ еще не сдѣлалъ своего великаго открытія, что социологія принадлежитъ къ разряду наукъ „описательныхъ“ и дѣлится на „описательную“ и „аналитическую“. Такъ-какъ онъ нашелъ нужнымъ сохранить эту діаграмму для потомства, то слѣдуетъ предполагать, что она принадлежитъ и до сихъ поръ къ тѣмъ „наиболѣе общимъ типамъ ассоціацій и категорій соціальной дѣятельности“, которые относятся къ „долѣ научной работы“ общей или аналитической социологіи, и которые пока „можно держать въ запасѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго“. Поторопимся заглянуть въ этотъ драгоцѣнный запасъ. Привожу буквально діаграмму.

СОЦИОЛОГІЯ.

І. СТАТИКА.

1. Семейство.
(Соціальная эмбриологія). | 2. Классъ.
(Простая структура). | 3. Народъ.
(Внутреннія сложныя структуры). | 4. Раса.
(Внѣшнія сложныя структуры). |
|--|------------------------------------|---|--|

ІІ. ДИНАМИКА.

1. Соціальная эмбриогенія.
(Законы образованія общества). | 2. Соціальная экономія.
(Законы элементарн. ассоціац.). | 3. Право и соціальныя учрежденія.
(Законы сложныхъ ассоціацій). | 4. Общая этнографическая исторія.
(Общіе законы цивилизаціи). |
|--|--|--|--|

Представьте себѣ морфологическую классификацію, въ которой авторъ не идетъ далѣе слѣдующей глубокой мысли: формы про-

стыя, формы посложнѣе, формы еще посложнѣе, формы наиболѣе сложныя. Что сказали-бы объ этомъ старые Жюсье и новые Гелли? Что можно заключить о пониманіи и значеніи ученаго, который видитъ во всѣхъ формахъ и явленіяхъ общественныхъ организмовъ такъ мало характеристическихъ различій, что не можетъ найти ничего сказать о нихъ кромѣ: „посложнѣе“ да „еще посложнѣе“? Надо имѣть много презрѣнія къ читателю, чтобы осмѣлиться даже представить ему подобный опытъ классификаціи; а она еще, повидимому, сохраняется на „болѣе или менѣе отдаленное будущее“, какъ запасъ понятій и представлений, до которыхъ, видите, теперь еще наука не доросла. Ознакомившись съ этими драгоценностями социологическаго матеріала, какъ его усвоилъ „личный тактъ“, „аналитическія способности“ и „въ особенности основательное знакомство съ предметомъ“ г. де-Роберти, читателя ужаливаетъ въ самое сердце мысль, что чуть-ли не слѣдуетъ усомниться радикально въ знаніи и пониманіи в. де-Роберти относительно социологическихъ фактовъ, и чуть-ли его тщательное уклоненіе отъ всякаго реальнаго разбора социологическаго матеріала не скрываетъ подъ собою безнадежную пустоту. Пожалуй, авторъ „Соціологіи“ есть именно тотъ г. де-Роберти, который сочинилъ „Политико-экономическіе этюды“ и о которомъ съ нѣкоторою справедливостію писали, что онъ „достаточно заявилъ себя, какъ писатель, которому никакое серьезное дѣло не под силу“, что онъ пишетъ „произведенія чисто-шутовскія“, и который обезмертилъ себя экстравагантностію, будто „бѣдность скорѣе наговорена на рабочіе классы, чѣмъ дѣйствительно существуетъ“.

Таково-то „подробное изложеніе социологическаго матеріала“, о которомъ заявилъ въ „Голосѣ“ добродушный и словоохотливый кумъ автора „Соціологіи“.

Но г. де-Роберти—преимущественно философъ, и потому, можетъ быть, рѣшая свой первый вопросъ: „какой характеръ истинъ, которыя социологія старается открыть?“, т. е. уясняя научно-философскій смыслъ термина „общество“, онъ указалъ такъ ясно и глубоко сущность социологическихъ задачъ, что дальнѣйшіе вопросы о матеріалѣ социологіи становятся излишними. Посмотримъ, что онъ даетъ въ своемъ „замѣчательномъ трудѣ“ по этому дѣйствительно „капитальнѣйшему“ вопросу социологіи.

Впрочемъ, отвѣтъ г. де-Роберти на этотъ вопросъ не такъ уже легко найти въ его книгѣ, какъ прослѣдить его мудрыя и богатая содержаніемъ соображенія о „раздѣленіи“ социологіи. Соображая порядокъ „капитальнѣйшихъ вопросовъ“, какъ онъ изложенъ на стр. 336, съ расположеніемъ частей самаго труда, намъ при-

ходится искать отвѣта на указанный вопросъ въ главѣ съ стран-нымъ заглавіемъ: „Вмѣсто вступленія“ (мы уже видѣли, что есть глава и „Вмѣсто заключенія“, и эти особенности составляютъ нелишныя значенія указанія на методъ мышленія г. де-Роберти). Дѣйствительно, первый параграфъ этой главы заключаетъ въ себѣ, судя по общему оглавленію, рубрику „Задачи социологіи“. Вѣроятно, тутъ и надо поискать „характеръ истинъ, которыя социологія старается открыть“.

Весь параграфъ не великъ, именно менѣе 1½ страницы; вы найдете въ немъ, что „социологія есть наука неустановившаяся“; что „социологическая задача проникла глубоко въ научное сознаніе эпохи, но два поколѣнія не приблизили ее замѣтно къ разрѣшенію“; что „время не выпѣстовало“ (языкъ-то какой! языкъ-то какой! И Третьяковскій испугался-бы!) „своего могучаго сознания“; что г. де-Роберти дѣлаетъ „въ настоящемъ сочиненіи“ смѣлую „попытку разрѣшить“ эту самую „задачу“, передъ которою оказались безсильны „два поколѣнія ученыхъ“, именно разрѣшить ее съ новой „точки зрѣнія“. (Кому-же, какъ не новому социологическому Ираклу, при его знаніи и пониманіи социологическаго матеріала, и совершить громаднѣйшій трудъ, предъ которымъ оказались безсильными „два поколѣнія ученыхъ“!) Словомъ, слышимъ кое-что о „задачѣ социологіи“, но сама задача все-таки остается покрытою мракомъ неизвѣстности.

Просматриваемъ эту главу далѣе. Оказывается, что авторъ съ особеннымъ удареніемъ намѣренъ защищать тезисъ, что социологія „по существу“ есть „наука описательная“, въ то-же время, какъ она „наука отвлеченная“ (7). Находимъ экскурсію въ область права и нравственности, гдѣ по пути отмѣчаемъ слова (они намъ потомъ понадобятся): „Нарушенное нравственное требованіе ощущается обществомъ, но не изолированнымъ представителемъ вида homo sapiens“. Находимъ экскурсію въ область альтруизма, который представляется „какъ охранительный инстинктъ естественныхъ агрегатовъ, называемыхъ обществами“ (13). Находимъ, что социальная наука есть „самая бѣдная между всѣми отраслями знанія съ точки зрѣнія научнаго значенія ея теорій и до сихъ поръ открытыхъ ея эмпирическихъ законовъ“ (16); что „наука объ обществѣ и психологія... ни въ чемъ существенномъ“ не отличаются „отъ наукъ неорганическихъ и отъ науки о жизни“ (17). Находимъ полемику противъ Спенсера. Но постановки „задачи социологіи“ и даже малѣйшей попытки открыть „характеръ ея истинъ“ въ этой главѣ не оказывается. Присущая г. де-Роберти скрытность обнаруживается здѣсь снова самымъ блистательнымъ образомъ. На-ко, поищи!

Нечего дѣлать, будемъ искать. Конечно, и читателю, и мнѣ было-бы невыразимо скучно просматривать главу за главою, отыскивая, гдѣ окажется хотя-бы блѣдный лучъ свѣта, освѣщающій намъ пониманіе г-омъ де-Роберти „соціологической задачи“ и значенія „общества“. Поэтому я ужъ попрошу читателя повѣрить мнѣ, что я выше для него все существенное. Много разъ говорится въ книгѣ о томъ, что общество есть „организмъ“, что біологія и соціологія, какъ науки объ индивидуальномъ и коллективномъ организмахъ, составляютъ особую группу „описательныхъ наукъ“, въ противоположность наукамъ „аксіоматическимъ“ и „опытнымъ“. Встрѣчается указаніе на неожиданную новость, что „соціальное явленіе съ своей структуральной или статической стороны (глубина-то какая, Господи упаси!) есть всегда фактъ асоціаціи живыхъ существъ“ (182) (неужели!); что „въ высшей“ (замѣтьте, только въ высшей) „области науки нужно будетъ разсматривать и имѣть въ виду асоціацію и различныя ея формы, соціальную дѣятельность и различныя ея роды“ (183). Кто могъ-бы ожидать, что въ „соціологіи“ разсматривается „общество“? Правда, что рядомъ съ этими въ высшей степени „замѣчательными“ трюизмами встрѣчаемъ еще болѣе глубокое, но уже несравненно менѣе понятное выраженіе, что „съ своей функціональной или динамической“ стороны соціальное явленіе есть „фактъ постояннаго отношенія различныхъ силъ, какъ личныхъ (біо-динамическихъ), матеріальныхъ (физическихъ, химическихъ, климатическихъ (?) и пр.), такъ и экономическихъ“ (что сей сонъ значить? и почему, въ такомъ случаѣ, не юридическихъ, не политическихъ, не нравственныхъ и т. д., и т. д.?), „вслѣдствіе вмѣшательства чловѣка“ (повидимому, тутъ „чловѣкъ“ вмѣшивается въ „соціальное явленіе“, т. е. въ общество, тогда какъ г. де-Роберти, должно быть, находитъ, что это явленіе могло-бы совсѣмъ обходиться безъ его вмѣшательства) „и измѣнчивъ, вносимыхъ имъ въ природу“ (183). (Ну гдѣ-жь, не говорю двумъ, а сотнѣ поколѣній ученыхъ, справиться съ подобной „функціональной или динамической стороной соціальнаго явленія“? Нуженъ для этого геній! нуженъ г. Евгеній де-Роберти!) Но, минуя этотъ фейерверкъ трюизмовъ и галиматъи, поищемъ, въ чемъ видятъ г. де-Роберти отличительные признаки соціальнаго организма, соціальнаго явленія? Чѣмъ для него „коллективный организмъ“ отличается отъ „индивидуальнаго“ и „асоціація живыхъ существъ“ отъ простаго ихъ скопленія, и какой существенный признакъ онъ находитъ въ соціологическихъ явленіяхъ и формахъ сравнительно со всѣми прочими?

Наиболѣе опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ главѣ, гдѣ г. де-Роберти разсматриваетъ отношеніе соціологіи

къ биологіи. Правда, что большая часть этой главы посвящена весьма маловажному и малоинтересному для успѣховъ соціологіи предмету, именно вопросу, насколько биологическія явленія могутъ служить объясненіемъ явленіямъ соціологическимъ, но затѣмъ здѣсь высказано многое, что имѣетъ немалое отношеніе къ вопросу о существенномъ характерѣ соціологическихъ формъ и процесовъ.

Отъ точнаго и вполне опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ авторъ, по своему обыкновенію, старается уклониться. „Соціологія, по его мнѣнію, наука слишкомъ недавняго происхожденія и слишкомъ мало еще разработанная, чтобы отъ нея можно было разумно требовать такого опредѣленія свойствъ соціальныхъ явленій, которое-бы хоть сколько-нибудь приближалось по своей точности и реальности къ соответствующимъ результатамъ, полученнымъ въ биологіи чисто-опытнымъ путемъ. Самое большее, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ современной соціологіи, это немногихъ общихъ и неопредѣленныхъ по существу своему указаній относительно наиболѣе важныхъ специфическихъ чертъ, свойствъ или условий, отличающихъ соціальныя явленія отъ жизненныхъ“ (248—249). Слова, надо признаться, вызывающія нѣкоторое уныніе.

Однако, кое-что говорится; причемъ преимущественно имѣется въ виду Ог. Контъ, изъ котораго авторъ дѣлаетъ обширныя выписки. Но Ог. Контъ не можетъ отвѣчать за г. де-Роберти. Во-первыхъ, курсъ позитивной философіи писанъ съ 1830 г. по 1842 г. и съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени для того, чтобы пробѣлы и недосмотры великаго мыслителя могли быть пополнены и исправлены на основаніи жизненныхъ соціологическихъ вопросовъ, возникавшихъ и возникающихъ въ послѣдніе полвѣка. Роль основателя научной соціологіи налагала на Ог. Конта и безъ того не легкія задачи, „съ одной стороны — какъ сказалъ Литрэ (*Plan d'un traité de Soc.*)—отдѣлить физику общества отъ всѣхъ прочихъ физикъ, и съ другой — внести въ эмпиризмъ, который одинъ руководилъ общественными ученіями, понятіе теоріи и законности“. Въ 1879 году г. де-Роберти приходится самому отвѣчать за себя. Посмотримъ-же, что онъ скажетъ.

Во-первыхъ, встрѣчаемъ, что „коллективная“ форма органическаго существованія есть ничто иное, какъ матерьяльное и, въ то-же время, логическое осложненіе индивидуальной формы: матерьяльное, потому что коллективный организмъ матерьяльно состоитъ изъ извѣстнаго числа организмовъ индивидуальныхъ; логическое, потому что понятіе о коллективномъ организмѣ вытекаетъ изъ понятія объ организмѣ индивидуальномъ“ (225). Какъ „естественную переходную ступень отъ соціологіи къ биологіи“, одни называютъ „психофизическія и психологическія явленія“, дру-

гіе — явленія стадности у дикарей и элементарныя формы асоціаціи у животныхъ“ (240). Наконецъ, авторъ находитъ, что „слѣдуетъ указать на новыя условія или факторы, участвующіе въ произведеніи соціальныхъ явленій и существенно обособляющіе ихъ въ ряду жизненныхъ явленій“ (246), и спрашиваетъ: „въ чемъ-же заключается этотъ первичный фактъ, обособляющійся въ соціологіи, въ чемъ состоитъ это первоначальное и коренное условіе всякой соціологической эволюціи?“ (255). Г. де-Роберти находитъ, „что въ настоящее время нѣтъ болѣе распространеннаго мнѣнія, какъ то, которое видитъ въ психическомъ элементѣ истинный *quid proquium* соціальной науки“ (256); но отвергаетъ это объясненіе, отвергаетъ совершенно справедливо, но такими слабыми аргументами, которые, даже при его полномъ неумѣннн полевизировать, поражаютъ своею слабостью, такъ что читатель лишь изумляется, встрѣчая (на стр. 209): „*итакъ*, дедуктивное или психологическое объясненіе соціальныхъ явленій служитъ лишь новымъ доказательствомъ коренного безсилія чистой дедукціи размотать запутанныя нити наиболѣе сложныхъ явленій“. Удивительно это „*итакъ*“! — Авторъ переходитъ къ „*соціологическому объясненію*“, въ которомъ находитъ „два порядка фактовъ“, обособляющихъ соціальныя явленія и формы. „Эти два порядка фактовъ суть: совмѣстное участіе въ каждомъ соціальномъ явленіи элементовъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, и историческая філіація (преемственность) или вліяніе всей совокупности прошедшаго на настоящее и будущее. Соціологическое объясненіе общественныхъ явленій состоитъ въ томъ, что эти два разряда фактовъ признаются условіями новыми и неизвѣстными индивидуальной формѣ органическаго существованія,—другими словами, признаются первичными соціальными фактами, дифференцирующими коллективныя организмы отъ индивидуальныхъ“ (261). Впрочемъ, г. де-Роберти отрицаетъ специфичность перваго признака, такъ-какъ о полной „независимости“ собственно говорить странно въ этомъ случаѣ, и все, „строго говоря, сводится лишь къ тому, что между общественными факторами существуетъ меньшая зависимость“ и „мы здѣсь имѣемъ дѣло съ различіемъ не-по существу, а только по степени“ (262). За вторымъ условіемъ, „філіаціей“, г. де-Роберти признаетъ „достаточно яркій специфическій характеръ, чтобы можно было признать его за первичный соціологическій фактъ“; находитъ, что противъ него „нельзя привести ни одного изъ тѣхъ возраженій“, которыя дѣлаются противъ перваго, и что „это условіе полезно принять уже теперь—если не окончательно, то, по крайней мѣрѣ, временно—за первичный фактъ соціологіи“ (263). Онъ находитъ, однакожь, что „значеніе“ этого первичнаго факта „силъ-

но уменьшается собственно только вслѣдствіе недостаточности въ терминахъ или неопредѣленнаго и сбивчиваго характера формулъ, обыкновенно употребляемыхъ для выраженія всей совокупности фактовъ, изъ которыхъ слагается понятіе объ исторической филіаціи“. Онъ находитъ „недостаточно опредѣляющими реальный характеръ или самое содержаніе“ факта и выраженіе „постепенное вліяніе однихъ поколѣній на другія“ и „вліяніе всей совокупности прошедшаго на настоящее и будущее“. Авторъ останавливается, повидимому, на формулѣ Литрэ: „Основное условіе исторической эволюціи заключается въ *свойственной человѣческимъ обществамъ способности создавать совокупности такихъ вещей, которыя могутъ и должны быть перенимаемы*. Традиція, памятники и письменность — таковы необходимыя орудія этой способности; въ нихъ она воплощается (264)... Созданіе общаго фонда или складчины (не „склада“-ли?) вещей, которыя должны быть переняты и выучены, есть фактъ чисто-соціологической“ (266).

Каковъ-же результатъ всѣхъ этихъ оговорокъ, цитатъ, указаний, отрицаній, ограниченій, объясненій? Въ чемъ-же, по г. де-Роберти, заключается специфическая сущность соціологическаго явленія? Не въ „психическомъ элементѣ“, конечно, такъ-какъ въ зоологическомъ ряду вовсе нельзя сказать, что усиленіе или ослабленіе выработки элемента психическаго соотвѣтствовало усиленію или ослабленію соціальнаго быта *). Не въ „независимости“ асоціированныхъ элементовъ, такъ-какъ именно *связь между особями-зависимостъ* между ними, обращаетъ *скопленіе* особей въ *общество*. Обращаясь къ послѣднему признаку, къ исторической филіаціи, мы замѣтимъ, что и онъ представляетъ гораздо болѣе нѣчто внѣшнее, производное, вторичное, чѣмъ нѣчто существенно-характерное, первичное. Возьмемъ его болѣе общія формулы, которыя г. де-Роберти отстраняетъ, какъ недостаточно точныя. „Вліяніе всей совокупности прошедшаго на настоящее и будущее“ охватываетъ рѣшительно всѣ области, въ которыхъ мы изучаемъ не повторяю-

*) Г. де-Роберти, повидимому, думаетъ иначе, и говоритъ (317): „Если общество дѣйствительно составляетъ существенный факторъ, участвующій въ произведеніи психическихъ явленій.... то всюду, гдѣ этотъ факторъ явится слабымъ и незначительнымъ, очевидно нужно будетъ ожидать пропорціональнаго уменьшенія, а тамъ, гдѣ онъ будетъ отсутствовать, нужно будетъ ожидать и совершеннаго непроявленія соотвѣствующихъ психическихъ процессовъ. Но именно этотъ-то результатъ, какъ извѣстно, и констатируется постоянно на всемъ протяженіи и на каждой ступени исторической эволюціи“. Во-первыхъ, это слѣдуетъ наблюдать въ зоологическомъ мірѣ, гдѣ различія крупнѣе, а тамъ дѣло совсѣмъ не такъ. Да и въ исторіи эпохи ослабленія общественной солидарности далеко не всегда соотвѣтствовали эпохамъ ослабленія умственной производительности.

щіяся явленія, а генезисъ событій, послѣдовательно измѣняющихся вслѣдствіе измѣняющейся среды. На строеніе каждой геологической формации и на явленія, совершавшіяся въ періодъ образованія этой формации, имѣла несомнѣнное вліяніе вся совокупность прошедшаго, восходя до жидко-огненного состоянія планеты и до туманности, изъ которой выдѣлилась масса планеты. На взрослый организмъ столь-же безспорно вліяло все, что совершалось съ нимъ въ періодъ его эмбриональнаго, утробнаго и внѣ-утробнаго развитія, т. е. опять-таки вся совокупность его прошлаго. „Постепенное вліяніе однихъ поколѣній на другія“ ограничивается лишь потому областью органическаго міра, что слово „поколѣнія“, употребленное въ формулѣ, неприменимо къ міру неорганическому, но за то ограничить это вліяніе социальными явленіями совершенно неумѣстно. Именно біологическая форма и біологическіе процессы предковъ наследуются поколѣніями даже въ формѣ уродствъ и болѣзней. Насѣкомое, никогда невидѣвшее подобное ему насѣкомое, его производшее, подчиняется его вліянію въ формѣ унаследованнаго инстинкта. И „постепенное“ вліяніе выказывается во многихъ случаяхъ искусственной выработки новыхъ животныхъ породъ, а допускается во всѣхъ случаяхъ, входящихъ въ обширную область органическаго трансформизма. Если-же мы перейдемъ къ формулѣ Литрэ, то впадаемъ въ другую крайность: эта формула представляетъ не объясненіе, а тавтологію. „Вещи, которыя можно и должно перенимать и „выучивать“, конечно, составляютъ условіе общественности; но потому лишь, что слова „перенимать“ и „выучивать“ уже предполагаютъ общежитіе. Когда же Литрэ переходитъ къ перечисленію „традицій, памятниковъ и письменности“, то характеризовать ими историческую преемственность все равно, что сказать: „исторія есть исторія; человѣческое общество есть человѣческое общество“.

Итакъ, обособленіе социологіи и пониманіе ея особенностей дѣйствительно приходятъ для г. де-Роберти къ „немногимъ общимъ“ и вполнѣ „неопредѣленнымъ по существу своему указаніямъ“. Иначе говоря, въ своей книгѣ, которой онъ съ достаточною смѣлостью далъ названіе „Соціологія“, не сказавъ рѣшительно ничего о социологическомъ матеріалѣ, не коснувшись ни одного социологическаго вопроса, онъ не былъ въ состояніи дать читателямъ даже яснаго понятія о предметѣ, о которомъ рѣшился говорить.

Но что же дѣлать, скажетъ, можетъ быть, списходительный читатель,—если ужъ самый предметъ такого сорта? Это наука „неустановившаяся“, „слишкомъ недавняго происхожденія и слишкомъ мало еще разработанная“. Всякій чутьемъ замѣчаетъ, что это—особая область, а характеристическихъ признаковъ не находитъ.

Дѣло стоитъ не совсѣмъ такъ. Если г. де-Роберти высказать свое непониманіе предмета, который вздумалъ обработать для „Международной научной библіотеки“, какъ первый вкладъ русской мысли, то это непониманіе зависѣло вовсе не отъ самого предмета, а отъ того, что г. де-Роберти въ отношеніи социологіи только и пережевывалъ мысли, которыя далъ ему Ог. Контъ (да и тѣ исказилъ, какъ мы увидимъ ниже), а не былъ въ состояніи усвоить ни одной мысли, которая лежала рядомъ; не былъ въ состояніи уяснить себѣ значеніе даже того, что самъ мимоходомъ говорилъ; не былъ въ состояніи слѣдовать правиламъ, которыя самъ поставилъ.

Постараемся воспользоваться его же словами или словами авторовъ, на которыхъ онъ охотно ссылается, чтобъ указать то, что весьма существенно для предмета, избраннаго г. де-Роберти, и чего онъ не доглядѣлъ.

Понимаетъ-ли онъ свои собственные слова: „коллективный организмъ матеріально состоитъ изъ извѣстнаго числа организмовъ индивидуальных“? Мой вопросъ можетъ показаться дерзкимъ, но я имѣю основаніе его поставить. Гораздо опредѣленнѣе выражаетъ ту же мысль одинъ изъ авторовъ, охотно цитируемыхъ г-мъ де-Роберти, именно выражаетъ такимъ образомъ: „Мы видѣли, что общественный организмъ обнаруживаетъ великій новый фактъ, именно—совмѣстную дѣятельность (сопсурс) обособленныхъ элементовъ, каждый изъ которыхъ существуетъ самъ по себѣ и развивается индивидуально. Кромѣ того, каждый изъ этихъ элементовъ, каждая единица, входящая въ составъ общественнаго тѣла, обладаютъ сознаниемъ и волею“. И далѣе: „характеристическое условіе явленій этого рода,—соображеніе, которое мы никогда не должны упускать изъ виду,—заключается въ томъ, что части, входящія въ составъ общественнаго тѣла, примыкаютъ къ нему идеально и добровольно“. Другой, болѣе знаменитый авторъ, тоже знакомый г. де-Роберти (хотя и не сотрудникъ позитивнаго обозрѣнія) выражается еще опредѣленнѣе и ближе къ дѣлу. Сравнивая области біологіи и социологіи, онъ находитъ самое важное различіе ихъ въ томъ, „что въ тѣлѣ животнаго лишь извѣстный родъ ткани одаренъ чувствительностью, въ обществѣ же всѣ члены одарены ею“. Чрезвычайно склонный сблизать эти области, онъ пытается показать, что это различіе не безусловно, тѣмъ не менѣе говоритъ: „Но все-таки этотъ пунктъ представляетъ довольно рѣзкій контрастъ, котораго никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что онъ напоминаетъ намъ, что между тѣмъ, какъ въ индивидуальныхъ тѣлахъ благосостояніе всѣхъ частей вполне подчинено благосостоянію нервной системы, въ пріятномъ или болѣзненномъ возбужденіи которой заключается все благо или зло жизни—о поли-

тических тѣлахъ нельзя сказать того-же самаго. Пусть жизнь отдѣльныхъ частей животнаго поглощается жизнью цѣлаго; оно такъ и слѣдуетъ, потому что это цѣлое имѣетъ корпоративную сознательность, способную ощущать наслажденіе или страданіе. Общество же—дѣло другое. Его живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утрачивать индивидуальной сознательности, а общество, съ другой стороны, не имѣетъ корпоративной сознательности, какъ цѣлое. Это-то и есть главная неизмѣнная причина, по которой никогда благосостояніе гражданъ не можетъ быть справедливо жертвуемо для какого-то воображаемаго блага государства, а, напротивъ того, государство должно существовать единственно для блага гражданъ. Корпоративная жизнь въ этомъ случаѣ должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей—корпоративной жизни“. Прибавимъ къ предыдущему еще одну цитату, принадлежащую личности, которой г. де-Роберти даетъ одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ между авторитетами, имъ уважаемыми,—цитату, заключающую указаніе на очень обычное научное положеніе, именно, что мѣсто, которое со времени Ог. Конта занимаетъ социологія, даетъ возможность не только „знать общественныя явленія“, но „предвидѣть и *видоизмѣнять* ихъ“.

Понимаетъ-ли г. де-Роберти, что приведенныя мною его слова подразумѣваютъ все то, что я привелъ послѣ нихъ? Еслибы онъ понималъ это, могъ-ли-бы онъ высказать фразу, которую я нѣсколько выше цитировалъ и которую трудно характеризовать слишкомъ строго: „Нарушенное нравственное требованіе ощущается обществомъ, а не изолированнымъ представителемъ вида *homo sapiens*“? Или другую (309, прим.): „Извѣстныя идеи или чувства внезапно... зарождаются и исчезаютъ въ общественномъ сознаниі“? Мы сейчасъ видѣли, что „характеристическое условіе“, котораго „никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду“, заключается въ томъ, что „ощущать наслажденіе и страданіе“ можетъ лишь именно *отдѣльный* „представитель вида *homo sapiens*“ (конечно, не „изолированный“, такъ-какъ изолированный представитель этого вида есть фикція); въ обществѣ-же „идеи или чувства зарождаются и исчезаютъ“ лишь метафорически, научно-же нельзя и выражаться такъ: „общество ощущаетъ“, да еще прямо противопоставляя это сознанию отдѣльной особи. Общество оказывается *организмомъ идеальнымъ*, въ противоположность *реальному организму* биологіи. „Корпоративная жизнь“ является жизнью „подчиненною“ жизни отдѣльныхъ частей коллективнаго организма, зависящею отъ того, что эти части „идеально и добровольно“ подчинились *идеальному организму*, который можетъ быть „видоизмѣняемъ“ соотвѣтственно *изъ* сознанию, *изъ* „идеямъ или чувствамъ“. Это весьма специфич-

ческое различіе двухъ областей осталось незамѣченнымъ г. де-Роберти, потому что Ог. Контъ, занятый другими вопросами при созиданіи новаго научнаго комплекса, не подчеркнулъ этого различія, а г. де-Роберти не додумался до него самъ и проглядѣлъ его изъ-за „капитальнѣйшаго“ вопроса о томъ: назвать-ли соціологію наукою описательною или неописательною, абстрактною или конкретною? Смѣю увѣрить г. де-Роберти, что еслибы онъ указалъ и надлежащимъ образомъ разъяснилъ одно это специфическое различіе между двумя родами организмовъ: индивидуальнымъ и коллективнымъ, то онъ придалъ-бы своему труду болѣе плодотворности и жизни не для практическихъ вопросовъ соціологіи, — я слишкомъ увѣренъ, что г. де-Роберти не способенъ интересоваться столь маловажными для него предметами, — но для уясненія ея теоретическихъ истинъ. Оказалось-бы, что общество, какъ организмъ „идеальный“, инстинктивно или сознательно создаваемый и видоизмѣняемый примыкающими къ нему организмами чувствующими и желающими, опредѣляется въ своихъ формахъ и отправленіяхъ ихъ *потребностями*, и это дало-бы какъ „естественной исторіи“, такъ и „естественной наукѣ“ общества (если г. де-Роберти такъ ужь нужны эти рубрики) полезныя указанія для анализа. Получилось-бы рациональное объясненіе тому явленію, что не всякое *скопленіе* особей есть общество, а только ихъ *асоціація* становится обществомъ, и что обществу, состоящему изъ обособленныхъ организмовъ, тѣмъ приличнѣе дать названіе *организма*, тѣмъ болѣе оно составляетъ дѣйствительную асоціацію. И мало-ли что еще...

Спрошу еще: понимаетъ-ли г. де-Роберти настоящій смыслъ собственныхъ словъ, что въ области соціологіи раздѣленіе статики отъ динамики „не пролило никакого новаго свѣта“? Что „при помощи этого различенія не было найдено ни одного закона“? (176) Что общество — „асоціація историческая, которая зарождается, растетъ, преобразуется, подвергается цѣлому роду неизбѣжныхъ видоизмѣненій“? (249). Сомнѣваюсь нѣсколько въ этомъ, такъ-какъ, во-первыхъ, онъ предвидитъ, хотя-бы въ будущемъ, „общую анатомію общественныхъ организмовъ“, „общую ихъ физиологію“, да еще „двойную патологию“, совершенно, какъ для реальныхъ организмовъ биологіи. Между тѣмъ одинъ изъ его учителей сдѣлалъ ему крупный намекъ на суть дѣла, помѣстивъ въ планѣ „Трактата о соціологіи“ динамику прежде статики. Этотъ мыслитель просто сказалъ, что это ему „удобнѣе“, но тутъ проявился его „личный тактъ“, хотя особеннаго такта тутъ вовсе и не нужно было, такъ-какъ уже достаточно давно въ области экономическихъ формъ замѣчено, что онъ — „историческія категоріи“, т. е. результаты данной эпохи, невозможны въ другое время и никогда невозвращаю-

щіеся въ жизни обществъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія не примѣнить этотъ результатъ и къ формамъ другихъ общественныхъ сферъ. Намеки на эту мысль можно встрѣтить и у Ог. Конта. Это частью выразилъ и одинъ изъ авторовъ, которыхъ всего охотнѣе цитируетъ г. де-Роберти и котораго я тоже цитировалъ выше. Онъ говоритъ: „Чтобы въ обществѣ имѣли мѣсто порядокъ и прогрессъ, необходимо, чтобы существовало соотвѣтствіе между частнымъ развитіемъ каждаго учрежденія, каждой совокупности особей и даже всѣхъ особей“. И снова выступаютъ характеристическія черты историческаго процесса, отличающія его отъ процесса развитія не только особи, но цѣлаго ряда біологическихъ организмовъ. Во-первыхъ, статика общества почти вполнѣ поглощается его динамикой, такъ-какъ формы его не имѣютъ почти никакого смысла сами по себѣ, а получаютъ этотъ смыслъ только какъ продукты предшествующаго процесса и какъ точки опоры послѣдующаго. Оттого именно ни для настоящаго, ни для отдаленнаго будущаго нельзя разсчитывать ни на какіе плодотворные результаты отъ различія „статики“ общества отъ его „динамики“ или его „анатоміи“ отъ его „физиологіи“. Во-вторыхъ, возможности совмѣстнаго существованія біологическихъ формъ совершенно различныхъ типовъ и возрастовъ, а также возможности долгаго существованія и повторенія біологическихъ формъ вообще противопоставляется полная невозможность чего-либо подобнаго для формъ соціологическихъ. Одновременно, рядомъ другъ съ другомъ, на той-же мѣстности развивается самый низшій біологическій организмъ и самый высшій: протистъ, лишай, лилея, дубъ, улитка, пчела, собака, человѣкъ. Гибнуть цѣлые разряды, цѣлые классы существъ, но представители всѣхъ ступеней органическаго ряда біологіи продолжаютъ существовать вмѣстѣ. Точно также, въ каждомъ изъ этихъ видовъ существуютъ вмѣстѣ дѣти всѣхъ возрастовъ, взрослые и старцы; и это одновременное существованіе есть не случайность, а прямая необходимость для продолженія существованія біологическихъ организмовъ. Въ историческомъ развитіи общественныхъ организмовъ дѣло совсѣмъ не такъ. Въ одномъ и томъ-же обществѣ или въ одной и той-же системѣ обществъ, — которую одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ учениковъ Конта назвалъ „группою націй“ и которую, можетъ быть, точнѣе назвать общою цивилизаціею, — фактическое совмѣстное существованіе разновозрастныхъ (соціологически) группъ есть патологическое явленіе, которое правильное развитіе цивилизаціи стремится устранить. Группы высшей цивилизаціи стремятся или распространить свою цивилизацію на прочія группы, или обратить эти группы въ бессознательныя и пассивныя орудія своей цивилизаціи: въ рабовъ, въ крѣпостныхъ

рабочниковъ, въ безправныхъ подданныхъ, низшую касту, въ наемныхъ пролетаріевъ. Не могутъ существовать рядомъ на одной территоріи независимыя общественные организмы, принадлежащіе разнымъ типамъ или разнымъ возрастамъ цивилизаціи. Какъ только они вошли матеріально въ одинъ кругъ дѣйствія, происходитъ или процессъ подведенія всѣхъ ихъ подъ одинъ типъ, подъ одинъ уровень, или процессъ подчиненія однихъ группъ другимъ, или гибель большинства группъ, неспособныхъ ни измѣнить уровень своей цивилизаціи, ни подчиниться. Процессъ исторіи, сближая разновозрастные группы, всего чаще безощадно истребляетъ социологическихъ дѣтей и социологическихъ старцевъ, иногда же истребляетъ въ пользу недоразвитыхъ дѣтей и группы, представляющія болѣе зрѣлую цивилизацію, если эти группы немногочисленны. Всякое совмѣстное существованіе цивилизацій разныхъ типовъ выражается болью, страданіемъ, борьбою. Поэтому въ данной здоровой цивилизаціи всѣ элементы строго соотвѣтствуютъ другъ другу и могутъ каждый существовать только при данныхъ условіяхъ, въ данный историческій моментъ. Вызванные историческою эволюціею, эти идеальные организмы ею и уносятся навсегда. Въ этомъ и заключается смыслъ выраженія, что они — „историческія категоріи“. Но стремленіе подвести всѣ одновременно существующія общественныя группы и одновременно совершающіяся явленія подъ одинъ цивилизаціонный уровень для здороваго существованія общества, составляетъ специфическое отличіе социологической эволюціи отъ біологической, которая, напротивъ, *требуетъ* одновременнаго существованія дѣтскихъ, взрослыхъ и старческихъ организмовъ и *допускаетъ* нормальное совмѣстное существованіе организмовъ самыхъ различныхъ типовъ, нисколько не включая ихъ въ одну систему біологическаго взаимодействія. Столь-же специфическій признакъ общественныхъ формъ составляетъ та особенность, что каждая изъ нихъ существуетъ лишь въ данный историческій моментъ, обусловленная всею средою, и не можетъ повториться въ другой моментъ, въ другой цивилизаціи, тогда какъ біологическія формы иногда переживаютъ нѣсколько громадныхъ геологическихъ періодовъ, претерпѣвая самыя ничтожныя внѣшнія измѣненія.

И опять г. де-Роберти просмотрѣлъ эти специфическія отличія. Опять, погруженный въ схоластику „конкретнаго и абстрактнаго“, въ формализмъ словъ, названій, размѣщеній и дѣленій, онъ не сдѣлалъ ни одного указанія на существенныя и нисколько не неизвѣстныя особенности предмета, который взялся излагать.

Итакъ, „подробное изложеніе социологическаго матеріала“ въ кни-

гѣ г. де-Роберти сводится на *отсутствіе* всякаго соціологическаго матеріала.

„Установленіе дѣленія въ обширной области соціологіи“ сводится на *уклоненіе* отъ всякаго дѣленія.

„Разъясненіе многихъ спорныхъ вопросовъ этой науки“ сводится на *отсутствіе* всякаго разъясненія даже самыхъ основныхъ и элементарныхъ понятій этой науки.

Что-же это за „Соціологія“? Что-же это за „Философія соціологіи“? Тутъ, очевидно, ошибкою вставленъ заглавный листъ другого изданія. На *настоящемъ* заглавномъ листѣ должно было стоять: „Кругомъ да около соціологіи“... Или нѣтъ... Судя по аналогіи съ другими случаями и принимая въ соображеніе литературные приемы автора, который пишетъ одну главу „вмѣсто вступленія“, другую—„вмѣсто заключенія“, слѣдуетъ думать, что на утраченномъ *настоящемъ* заглавномъ листѣ этого „замѣчательнаго труда“ стояло:

ВМѢСТО СОЦИОЛОГІИ.

ПРИДУМАНО ПО-ФРАНЦУЗСКИ

ЕВГЕНІЕМЪ де-РОБЕРТИ.

„По-французски“... Эта счастливая догадка напоминаетъ мнѣ, что я забылъ о „мнѣніяхъ лицъ, писавшихъ о законахъ соціологіи“; забылъ, что русскій читатель ожидалъ отъ г. де-Роберти въ книгѣ, составляющей первый русскій вкладъ въ „Международную научную бібліотеку“, указанія на русскія работы по основнымъ вопросамъ соціологіи. Какая-же судьба постигла *это* ожиданіе?

Въ книгѣ г. де-Роберти полемики и цитатъ не мало. Особенно въ ходу французы и англичане. Контъ, Литрэ, Прудонъ, Миль, Спенсеръ, Льюисъ, Бэнъ, Кэрнсъ встрѣчаются не разъ; цитируется даже Морель; открытъ для міра даже скромный сотрудникъ позитивнаго обозрѣнія Гаранъ де-Витри (да и какъ не poradѣтъ родному человѣчку!). Упоминаются Смитъ, Тюрго, Рикардо и нѣкоторые другіе. Изъ древнихъ встрѣчается, между прочимъ, Фалесъ, котораго нашъ ученый соціологъ относитъ (115) къ *одинадцатому* вѣку до-христіанской эры (надѣмся, что *хоть это* — опечатка). Изъ нѣмцевъ, по совершенно постороннему поводу, говорится о философѣ Гербартъ и объ антропологѣ Штейнталь, но по вопросамъ, относящимся специально къ соціологіи, упоминаенія удостоился одинъ Шефле (ужь не потому-ли, что онъ былъ министромъ?). Должно быть, въ нѣмецкой соціологической литературѣ некого цитировать, или г. де-Роберти такъ-же силенъ въ этой литературѣ, какъ въ соціологическомъ матеріалѣ и въ основныхъ понятіяхъ

соціологія?—Но русскіе?—Они блистають своимъ полнымъ отсутствіемъ. Въ Россіи, должно быть, вовсе нѣтъ литературы по основнымъ, философскимъ вопросамъ соціологіи. Тамъ оказался *единственный* соціологъ—авторъ знаменитой діаграммы, которую я привелъ выше, „Политико-экономическихъ этюдовъ“ — „произведенія чисто-шутовскаго“, и „замѣчательнаго труда“, который, какъ мы только-что видѣли, по богатству соціологическаго матеріала и по глубинѣ соціологическаго пониманія, долженъ называться: „Вмѣсто соціологіи“.

Единственный русскій соціологъ—Евгеній де-Роберти.

Первый вкладъ русской мысли въ „Международную научную бібліотеку“, появляясь подъ многообъщующимъ названіемъ „Соціологія“, не прибавляетъ ни одной іоты къ соціологическимъ знаніямъ, не уясняетъ ни одной іоты соціологическаго пониманія и къ литературѣ соціологіи собственно вовсе не относится.

„Замѣчательный трудъ“! Почетный вкладъ для русской мысли!

Къ какой-же отрасли литературы относится этотъ „замѣчательный“ трудъ?

Къ литературѣ школьныхъ вопросовъ позитивизма.

Выражусь яснѣе.

Замѣчательный мыслитель первой половины нашего вѣка, Огюстъ Контъ *), далъ новый толчекъ философской дѣятельности Европы. Этотъ толчекъ былъ сначала мало замѣченъ. Конта игнорировали, замалчивали. Но мало-по-малу *позитивизмъ* сдѣлался философскою силою, и въ настоящее время это ученіе имѣетъ довольно значительное прямое вліяніе, но гораздо значительнѣйшее вліяніе косвенное.

Независимо отъ множества частныхъ мыслей, для своего времени новыхъ и вѣрныхъ, разсѣянныхъ въ трудахъ Ог. Конта, самое обширное значеніе слѣдуетъ придать основной тенденціи этихъ трудовъ, именно тенденціи опереть философское міросозерцаніе на точныя научныя данныя, сблизивъ его съ ними насколько возможно и выдѣливъ изъ этого міросозерцанія, опять-таки насколько возможно, всѣ элементы ненаучныя. Съ легкой руки позитивизма всѣ современныя философскія ученія стремятся сдѣлаться *научною философією*. Новый матеріализмъ, философія эволюціи, антропологизмъ, новая критико-психологическая школа въ Германіи представляютъ разнообразныя попытки создать *научную философію*. Даже пессимизмъ

*) Г. де-Роберти называетъ его, употребляя весьма непривычный для русскаго уха оборотъ, „великимъ французомъ Контомъ“.

Гартмана ищетъ научныхъ основъ. Недавно еще вышла во Франціи книжка Жирара, заключающая новый опытъ „научной философіи“, и въ Италіи, въ трудахъ Ардиги, Анджіули и другихъ мы находимъ то же направленіе. Какъ первый приступъ къ созданію научной философіи и какъ регуляторъ, который своимъ строгимъ догматомъ: „ни по другому пути, чѣмъ наука, ни впереди ея“ мѣшаетъ и другимъ подобнымъ попыткамъ сбиться съ пути, позитивизмъ имѣетъ не только значеніе особой школы, но весьма важнаго элемента современной мысли.

Второю важною особенностью ученія Конта было ясное противоположеніе научнаго или позитивнаго мышленія двумъ другимъ приемамъ: теологическому и метафизическому, причемъ въ то-же время указывалось на неизбѣжный переходъ теологическаго мышленія въ метафизическое, а послѣдняго—въ позитивное. Это противоположеніе и указаніе было весьма важно, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ жизненномъ отношеніи. Въ теоріи оно давало весьма твердую опору исторіи религіозныхъ и философскихъ ученій и полемически утверждало научную философію настолько-же, насколько фактическое внесеніе въ нее точнаго научнаго матеріала утверждало ее догматически. Въ жизни оно не только возобновляло и продолжало послѣ періода реакціи, разслабленія мысли, эклектическаго слабодушія, романтическаго ренегатства, традицію борьбы просвѣтителей XVIII вѣка противъ средневѣковыхъ началъ, но давало этой борьбѣ новыя, несравненно болѣе прочныя основанія, вносило въ нее спокойствіе научной критики и указывало ея историческую необходимость. И въ этомъ отношеніи позитивизмъ имѣетъ значеніе далеко большее, чѣмъ значеніе особенной философской школы. Можно находить, что три „состоянія мысли“, указанныя Ог. Контомъ, не исчерпываютъ исторіи мысли, что ихъ послѣдовательность не всегда такъ неизбѣжна, какъ это полагаютъ позитивисты, но невозможно отрицать громаднаго теоретическаго и жизненнаго значенія опредѣленнаго различенія между тремя основными приемами мысли въ ихъ *обычной* послѣдовательности, и эта особенность придаетъ позитивизму роль весьма крупнаго историческаго явленія для всякаго мыслителя.

Третью особенность ученія Ог. Конта и его послѣдователей составляетъ классификація или, вѣрнѣе, іерархія наукъ, имъ установленная. Онъ отдѣлилъ, во-первыхъ, область *науки* отъ области *искусства* (охватывая послѣднимъ словомъ всю технику) и подчинилъ вторую первой въ извѣстной формулѣ: „знать, а потому предвидѣть; предвидѣть, а потому дѣйствовать“. Въ науку онъ противопоставилъ области наукъ „абстрактныхъ, общихъ, имѣющихъ цѣлью открытіе законовъ, управляющихъ явленіями разнаго

рода", область наукъ „*конкретныхъ*, частныхъ, описательныхъ“, въ которыхъ упомянуты „законы прилагаются“ къ реальнымъ фактамъ, наблюдаемымъ „въ различныхъ существахъ“. Какъ примѣръ этого раздѣленія, онъ привелъ общую физиологію въ ея противоположеніи зоологіи и ботаникѣ. Наконецъ, въ наукахъ *абстрактныхъ*, которымъ однимъ онъ придавалъ философское значеніе, онъ установилъ іерархическій рядъ шести наукъ, расположенныхъ по убывающей общности и по возрастающей сложности предмета, причѣмъ каждый послѣдующій членъ ряда опирается въ своихъ научныхъ понятіяхъ на предыдущіе члены и могъ получить научный характеръ лишь послѣ того, какъ его достигли эти предыдущіе члены. Этотъ іерархическій рядъ Контъ установилъ такъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія, соціологія.

Нельзя оспаривать и у этой особенности позитивизма значеніе весьма полезнаго указанія на взаимную зависимость научныхъ понятій и на ихъ генезисъ, но этими указаніями и *возможностью* примѣнить ихъ плодотворно къ педагогіи и ограничивается значеніе этой особенности. Вся классификація остается вопросомъ школы позитивистовъ и внѣ ея особеннаго интереса не представляетъ. Десятковъ для двухъ лицъ очень интересно знать, что мѣсто астрономіи въ этомъ ряду вызвало споры, что еще болѣе горячіе споры поднялись по вопросамъ о психологіи и логикѣ, которымъ Контъ не отвелъ особеннаго мѣста; что классификаціи абстрактныхъ наукъ Конта Спенсеръ противопоставилъ другую классификацію, раздѣляющую науки на абстрактныя, абстрактно-конкретныя и конкретныя, и т. п. Но внѣ этихъ десятковъ двухъ лицъ всѣ эти споры и вопросы никакого вліянія не имѣютъ, и какъ теоретическое значеніе ихъ очень ограничено, такъ жизненное значеніе ужъ совершенно ничтожно. Поэтому только-что упомянутая третья особенность позитивизма, рѣзко выдѣляя его интимное, *школьное* существованіе изъ общаго движенія современной мысли, обособляя его, какъ отъ общей борьбы критической мысли противъ мысли догматической, такъ и отъ общихъ задачъ научной философіи, становится чисто-*школьнымъ* вопросомъ для его приверженцевъ.

Можетъ быть, именно потому, что этотъ пунктъ представляетъ единственное исполнѣ ясное обособленіе школы позитивистовъ, ему придаютъ внутри школы особенно серьезное значеніе. Самые крупные представители позитивизма нашего времени „силятся изобразить іерархію человѣческаго знанія именно какъ нѣкотораго рода... незыблемый принципъ, на которомъ опирается и всегда будетъ опираться зданіе новой философіи, или какъ краеугольный

камень, который долженъ уцѣлѣть на своемъ мѣстѣ, какъ-бы ни сложились возможности будущаго“; или говорятъ: „Когда мы философствуемъ въ позитивной школѣ, это значить, что мы обнимаемъ въ іерархическомъ порядкѣ общіе принципы математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи, исторіи“. Этому-то школьному вопросу позитивизма посвящена вся книга г. де-Роберти. Его „капитальнѣйшіе“ и „наиболѣе важныя“ вопросы, это—вопросы о классификаціи и мѣстничествѣ въ области познанія.

Поэтому весьма возможно, что, переведенная на французскій языкъ, книга г. де-Роберти будетъ имѣть „большое значеніе“ въ глазахъ читателей, которые видятъ въ классификаціи и въ мѣстничествѣ познанія величайшую мудрость. Можетъ быть даже, эта книга придумана и продумана по-французски, съ точки зрѣнія именно этой группы читателей, и потому именно вышла такова, какъ она есть. Но не думаю, чтобы обычные русскіе читатели досидѣлись до этой схоластики, и потому изложу какъ можно короче тѣ результаты, до которыхъ дошелъ, или полагаетъ, что дошелъ, г. де-Роберти въ этой школьной области позитивизма.

Здѣсь, бесспорно, г. де-Роберти пытался сказать „новое слово“. Это новое слово заключается преимущественно въ совершенно иной системѣ наукъ абстрактныхъ и конкретныхъ и въ особенномъ взглядѣ на мѣсто, которое должна занимать психологія.

Г. де-Роберти выступаетъ съ ученіемъ совсѣмъ еретическимъ относительно смысла, который слѣдуетъ придавать словамъ: *абстрактная* и *конкретная* наука. Нѣсколько странно читать его слова (245) относительно „ученыхъ и философовъ, принявшихъ позитивный методъ за исключеніемъ всякаго другаго“, но „которые отвергаютъ контовскую классификацію наукъ“; именно г. де-Роберти находить, что они, „оставаясь вѣрными научному методу въ большей части своихъ представленій, тѣмъ не менѣе, въ частномъ вопросѣ о классификаціи наукъ, руководятся тѣмъ самымъ философскимъ методомъ, который они такъ строго осуждаютъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ“. Странно это читать потому, что въ другихъ мѣстахъ тотъ-же г. де-Роберти говоритъ, что признаніе основныхъ началъ ученія Конта „ни мало не обязываетъ видѣть въ классификаціи Конта какой-то высшій принципъ позитивной философіи“. Говоря о необходимости „установленія точной *теоріи абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ*“, онъ выражается такъ (337): „Безвыходный хаосъ въ области философіи наукъ смѣняется первыми смутными очертаніями порядка только при выполненіи этого условія, которому не удовлетворяетъ ни одна изъ существующихъ классификацій наукъ и всего менѣе превосходная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ классификація Конта“. Въ какихъ это „другихъ от-

ношеніяхъ“ признаетъ ее г. де-Роберти превосходною, не сказано ясно, но въ отношеніи основныхъ ея понятій о наукахъ *абстрактныхъ* и *конкретныхъ*, г. де-Роберти порѣшаетъ ее совершенно; слѣдовательно, „отвергаетъ“ ее; слѣдовательно, на основаніи его же собственныхъ словъ, только-что приведенныхъ, „руководится въ всѣхъ остальныхъ случаяхъ“. Опять мистеріа!

Что г. де-Роберти вполнѣ отвергаетъ классификацію Конта, насколько дѣло идетъ о различеніи абстрактныхъ наукъ отъ конкретныхъ (а это—основаніе всего послѣдующаго), очевидно изъ слѣдующаго сопоставленія ученія Конта и мнѣнія г. де-Роберти по этому предмету.

Мы только-что видѣли, что Ог. Контъ разсматривалъ, какъ науки *абстрактныя* или *общія*, тѣ, которыя „имѣютъ цѣлью открытіе законовъ, управляющихъ явленіями разнаго рода“, и, какъ *конкретныя* или *частныя*, обозначая ихъ также терминомъ „*описательныя*“, тѣ, въ которыхъ упомянутые „законы прилагаются“ къ реальнымъ фактамъ, наблюдаемымъ „въ различныхъ существахъ“; ботаника и зоологія служили для него лучшей иллюстраціей подобныхъ конкретныхъ наукъ.

Для г. де-Роберти дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Описаніе для него „не есть признакъ, непременно указывающій на конкретный характеръ науки, а составляетъ особый научный методъ, соответствующій особеннымъ свойствамъ наблюдаемыхъ явленій“ (63). „Отвлеченная наука анализируетъ, при помощи простаго наблюденія, экспериментации или описанія, извѣстные естественные агрегаты“ (63). Каждая такая наука „отправляется отъ особой и различной совокупности фактовъ, отъ эмпирической „связи“ явленій, которая обнаруживаетъ преобладаніе одного какого-нибудь несводимаго свойства и каждая имѣетъ конечную цѣлью отвлеченное или изолированное познаніе этого самаго свойства“ (48). Эти свойства или „осложненія“ свойствъ, которыя несводимы къ болѣе простымъ элементамъ, и даютъ начало такому-же числу абстрактныхъ индуктивныхъ наукъ“ (311). „Но отвлеченныя науки, всецѣло занятыя своими спеціальными агрегатами и обнаруживаемыми ими свойствами, оставляютъ совершенно въ сторонѣ изслѣдованіе разнообразныхъ условій, необходимыхъ какъ для образованія, такъ и для сохраненія, измѣненія и вообще развитія всякихъ другихъ, болѣе сложныхъ соединеній“ (65). Между тѣмъ „значительно большая часть осложненій“ изслѣдуемыхъ свойствъ можетъ быть сведена безъ остатка къ осложненіямъ первой категоріи“ (несводимымъ далѣе). „И вотъ эти-то объяснимыя осложненія и даютъ начало длинному ряду изслѣ-

дованій, въ которыхъ то абстрактная сторона преобладаетъ надъ конкретною — и тогда мы имѣемъ дѣло съ вспомогательными по отношенію къ абстрактнымъ наукамъ, но все еще индуктивными отраслями знанія,—то конкретная сторона беретъ верхъ надъ абстрактною — и тогда мы имѣемъ дѣло уже съ настоящими конкретными и существенно-дедуктивными науками“ (331). Конкретное изслѣдованіе пополняетъ упомянутый выше пробѣлъ абстрактныхъ наукъ (65). „Конкретная наука есть наука синтетическая, задающаяся цѣлью воссоединить вновь то, что было предварительно разрознено науками аналитическими или отвлеченными“ (45). „Можно сказать, что конечное назначеніе конкретной науки заключается въ познаніи не однообразныхъ“ (вѣроятно, должно быть „единообразныхъ“) „отношеній между основными свойствами матеріи, а специальныхъ условий, управляющихъ образованіемъ, сохраненіемъ и измѣненіемъ такихъ встрѣчающихся въ природѣ специальныхъ агрегатовъ, изученіе которыхъ не могло быть совмѣщено съ изслѣдованіемъ одного изъ основныхъ свойствъ въ какой-либо изъ отвлеченныхъ наукъ“ (65). „Конкретная наука является наукою существенно-прикладною, но приложеніе къ ней имѣетъ чисто-теоретическій характеръ“ (141). „Преобладающая въ конкретной наукѣ цѣль заключается всегда въ объясненіи генетическаго процесса въ природѣ, а цѣль эта—существенно-теоретическая... Конкретная наука обязана своимъ происхожденіемъ не логической (или субъективной) необходимости, а необходимости объективной или такому совпаденію внѣшнихъ условий, которое дѣлаетъ полезнымъ, желательнымъ или необходимымъ дополнительное изслѣдованіе, съ точки зрѣнія представляемой ими естественной совокупности, тѣхъ или другихъ агрегатовъ“ (66). Отъ конкретныхъ наукъ „идутъ отростки, составляющіе, въ свою очередь, различныя дедуктивныя и прикладныя, или изслѣдующія уже исключительно практическія цѣли, знанія“ (331—332). — Выходя изъ этой теоріи абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, г. де-Роберти „можетъ лишь выразить свое удивленіе“ (хотя тутъ нѣтъ рѣшительно ничего удивительнаго при *иной* теоріи Ог. Конта), что зоологія и ботаника „были сочтены за конкретныя науки“ (67, прим.). Конкретными науками онъ признаетъ *геологію*, метеорологію (хотя на нее „можно“—да чуть-ли и не должно—„смотрѣть какъ на простое подраздѣленіе геологіи“), можетъ быть, кристаллографію (но склоняясь къ отрицанію), наконецъ, *психологію*, къ которой мы еще вернемся, такъ-что, въ сущности, ихъ всего двѣ. „Конкретную астрономію или сидерологію“ г. де-Роберти считаетъ „невозможною“.

Теоріи абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ Ог. Конта и г.

де-Роберти настолько расходятся, что „можно лишь выразить свое удивление“, чему послѣдній „удивлялся“, когда находилъ, что конкретное по одной изъ этихъ теорій оказывается абстрактнымъ по другой. Всего забавнѣе, что при этомъ полномъ разногласіи съ Ог. Контомъ относительно смысла словъ *абстрактный* и *конкретный*, г. де-Роберти все-таки не находить лишнимъ цитировать (71) въ свою пользу слова Конта: „нельзя приступать къ рациональному изученію конкретной науки до тѣхъ поръ, пока абстрактная наука не будетъ доведена до надлежащей степени развитія“ и т. д. Это похоже на то, еслибы Брока цитировалъ для объясненія значенія *мытиней* антропологию антропологию нѣмецкихъ идеалистовъ или старинныхъ теологовъ. — Весьма не важный вопросъ, что лучше: называть-ли конкретнымъ то, что такъ называлъ Ог. Контъ (и что гораздо ближе къ смыслу слова въ обыденной рѣчи), или то, что такъ называетъ Спенсеръ, или, наконецъ, то, что такъ называетъ имѣющій въ виду посоперничать съ ними г. де-Роберти. Это—болѣе дѣло личнаго вкуса. Можно только замѣтить одно. Ог. Контъ обратилъ вниманіе на тотъ весьма существенный въ его время фактъ, что законы явленій найдены были вовсе не при описаніи разнообразныхъ существъ (разнообразныхъ химически, ботанически, зоологически), но, напротивъ, оставляя въ сторонѣ описанія этихъ разнообразій. Въ его время группировка простыхъ химическихъ тѣлъ, группировка растений и животныхъ не представляла ничего, что можно было-бы назвать съ такимъ-же правомъ *закономъ*, съ какимъ назывались такъ законы движенія, химическихъ пропорцій, кровообращенія, развитія зародыша и т. под. Именно этотъ важный фактъ, что *подобныхъ* законовъ область описанія въ его время дать не могла, онъ рѣзко обозначилъ, отдѣляя область абстрактнаго отъ конкретнаго. Г. де-Роберти, имѣя предъ собою *современное* состояніе науки, думаетъ иначе, бросаетъ снова въ одну кучу описаніе существъ и анализъ несводимыхъ свойствъ и группъ этихъ свойствъ, и „можетъ лишь выразить свое удивленіе“. Его, конечно, соблазнили новѣйшіе труды по кристаллографіи, по сравненію кристаллическихъ и коллоидныхъ тѣлъ, рациональныя попытки группировать химическія тѣла, рациональная морфологія организмовъ, которая вырабатывается изъ старой сравнительной анатоміи подъ влияніемъ представленія о трансформизмѣ и развитіи органическаго міра. Да, дѣйствительно, многое, очень многое изъ науки *формъ* существъ должно примкнуть къ наукамъ *явленій*, оставившей въ сторонѣ разнообразіе самихъ существъ. Въ формахъ, обуславливающихъ это разнообразіе, найдены теперь *законы*, слѣдовательно, классификація Ог. Конта нуждается въ исправленіи. Она уже не соотвѣтствуетъ состоянію наукъ въ *наше* время; хо-

тя въ *свое* время была, можетъ быть, наиболѣе близкимъ выраженіемъ этого состоянія. Но г. де-Роберти опять, по своему обыкновенію, не доглядѣлъ. *Описаніе* существъ само по себѣ никогда не могло дать *законовъ* и не могло войти въ составъ науки, „открывающей законы явленій“ или формъ. Оно всегда составляло и будетъ составлять *не научный* методъ, а методъ подготовительнаго *знанія*, которое настолько-же отлично отъ науки, насколько подробныя *таблицы* личностей съ обозначеніемъ ихъ возраста, пола, вѣры, подсудимости отличаются отъ *статистической формулы*, выведенной изъ этихъ таблицъ, насколько аналитическій перечень фактовъ въ ихъ послѣдовательности, даже съ обозначеніемъ ихъ ближайшихъ причинъ и слѣдствій, отличается отъ *пониманія историческаго процесса*, вытекающаго изъ этого самаго перечня *). *Знаніе* можетъ накопляться и накопляться значительно, а *наука* при этомъ можетъ даже не родиться еще, потому что ни одинъ законъ для нея не будетъ найденъ. И потому надо съ сожалѣніемъ связать, что отъ подготовительной или описательной части биологіи и социологіи, на которую съ такимъ усердіемъ напираетъ г. де-Роберти, для *науки* биологіи и социологіи ровно никакого приращенія не произойдетъ. Конечно, всякое собраніе фактическаго матеріала очень полезно для *настоящаго* накопленія *знанія* и для *будущаго* *научнаго* *пониманія*. Списки, таблицы, записываніе отвѣтовъ, отмѣтки случайныхъ наблюденій, все это — богатый вкладъ въ архивы *знанія*, но это даже не первый шагъ къ *наукѣ*, и Ог. Контъ это видѣлъ гораздо яснѣе, чѣмъ когда-нибудь и какой-нибудь г. де-Роберти. Для социологіи было-бы куда полезнѣе, еслибы послѣдній мыслитель, не мудрствуя лукаво, посвятилъ-бы свои 368 страницъ скромной группировкѣ собраннаго уже социологическаго матеріала; этотъ вкладъ въ архивы *будущей социологіи* навѣрно заслужилъ-бы благодарность и современниковъ, и потомства (конечно, еслибы онъ былъ совершенъ съ *знаніемъ дѣла*), но все-таки это былъ-бы *матеріалъ* для науки, а не *сама* наука, хотя-бы онъ такъ-же добросовѣстно охватилъ „всю обширную область социологіи“, какъ г. де-Роберти старательно оставилъ ее въ сторонѣ. *Описаніе* можетъ быть подготовительною или повѣрочною работою для *научнаго мышленія*, но само научное мышленіе, открытіе *законовъ* существованія и послѣдовательности, рождается именно тог-

*) Само собою разумѣется, что авторъ, для котораго статистика есть, съ одной стороны, не болѣе, какъ „методъ“, съ другой „классификація посредствомъ исчисления“, исторія — тоже „методъ“ или „классификація причинъ и слѣдствій“, — не въ состояніи даже понять, въ чемъ заключается мое послѣднее выраженіе, но большинство читателей пойметъ меня и этого мнѣ довольно.

да, когда оно отдѣляется отъ предшествовавшаго описанія, и оканчивается предъ приступомъ къ описанію, его подтверждающему. Оно заключается кое въ чемъ совѣмъ иномъ. Иронія судьбы хотѣла, чтобы и тутъ г. де-Роберти, въ области біологіи, коснулся того самаго пункта, который объяснилъ-бы болѣе внимательно и пронизательно уму, что именно изъ области конкретныхъ формъ существъ въ настоящее время вошло въ науку и почему? Но и тутъ онъ самъ не вникъ въ настоящей, глубокой смыслъ собственныхъ словъ и легкомысленно прошелъ мимо. Пусть онъ подумаетъ надъ своими приведенными выше словами: „въ конкретной наукѣ цѣль заключается всегда въ объясненіи генетическаго процесса“. Тогда, можетъ быть, сообразивъ значеніе генезиса въ эмбриологіи, развитіи ряда организмовъ, социологіи (гдѣ процессъ генезиса составляетъ *все* бытіе социологическихъ формъ), точно также, какъ въ излюбленной имъ геологіи, онъ найдетъ нужнымъ перестроить свою систему абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ.

Впрочемъ, какъ уже сказано выше, это—вопросъ чисто-школьный и вовсе не существенный. Слѣдовало лишь показать читателю, что въ этой сферѣ, отступая отъ классификаціи Конта, г. де-Роберти скорѣе исказилъ эту классификацію, не вдумавшись въ ея значеніе, не различивъ знанія отъ науки и не разглядѣвъ, что именно въ нынѣшнихъ научныхъ завоеваніяхъ морфологіи составляетъ собственно научный элементъ.

Переходимъ во взгляду г. де-Роберти на мѣсто, которое слѣдуетъ дать психологіи. Этому посвящена преимущественно глава десятая его книги (278—335).

Взглядъ г. де-Роберти есть не болѣе, какъ развитіе мнѣнія Льюиса, высказаннаго имъ тому болѣе двухъ лѣтъ слѣдующимъ образомъ: „Человѣчскій духъ, насколько онъ доступенъ научному изслѣдованію, имѣетъ два рода корней, такъ-какъ человѣкъ есть не только животный организмъ, но еще и единица, входящая въ составъ организма социальнаго, а потому полная теорія его отпавленій и способностей должна быть отыскиваема въ этомъ двоякомъ направленіи“. Г. де-Роберти формулируетъ это воззрѣніе въ положеніе, что психологія должна быть „не абстрактною, но конкретною наукою“ (302); что законы психическіе явятся совокупнымъ продуктомъ законовъ біологическихъ и социальныхъ“ (302); что „факты сверхъ-органическаго порядка, мысль, чувство и т. п.“ должны быть разсматриваемы „какъ факты *био-социологическіе*, т. е. какъ составныя явленія, которыя въ органическомъ мірѣ играютъ роль и имѣютъ научное значеніе вполне аналогичныя съ ролью и научнымъ значеніемъ, принадлежащимъ въ неорганическомъ мірѣ извѣстнымъ группамъ физико-химическихъ фактовъ, каковы

группа геологическая и группа метеорологическая" (312); что психологія есть какъ бы „продолженіе социологіи“ и составляетъ „рядъ изслѣдованій, который можетъ возвыситься на степень особой науки только послѣ достиженія социологіей полного своего развитія“. Вслѣдствіе этого г. де-Роберти приводитъ рядъ доводовъ, указывающихъ зависимость психическихъ явленій отъ общественности,—положеніе не столь уже новое, какъ онъ предполагаетъ, но которое во всякомъ случаѣ представляетъ въ себѣ несравненно болѣе интереса, чѣмъ все остальное содержаніе книги г. де-Роберти, и потому, если ужъ читателю попадетъ въ руки эта книга, онъ можетъ обратиться къ десятой главѣ ея, какъ къ такой, которая наименѣе проникнута схоластическими соображеніями о словахъ, названіяхъ и размѣщеніяхъ.

Однако, напрасно г. де-Роберти думаетъ, что онъ рѣшилъ вопросъ. Дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ оно ему кажется, и психологія останется еще надолго, можетъ быть, камнемъ преткновенія той прямолинейной классификаціи, которую установилъ Контъ и за прямолинейность которой особенно ратуютъ его приверженцы. Изъ современной психологіи, по мнѣнію г. де-Роберти, слѣдуетъ выдѣлить физиологію мозга, ученіе объ элементарныхъ психическихъ явленіяхъ, отнеся его въ биологію, и затѣмъ все остальное, какъ явленія „гиперорганическія“, разсматривать какъ конкретные продукты процессовъ биологическихъ и социологическихъ. Но здѣсь являются два препятствія, которыя не разрѣшаетъ ни прежнее, ни новое размѣщеніе.

Во-первыхъ, простой фактъ *сознанія*. Какъ къ нему приходится отнести по основнымъ логическимъ методамъ не только позитивизма, но всякой науки, и какъ къ нему относятся съ точки зрѣнія прямолинейной классификаціи Конта?

Для распредѣленія явленій на категоріи г. де-Роберти, согласно съ весьма многими авторами, принимаетъ слѣдующую точку исхода: „Извѣстныя группы или реальныя агрегаты явленій, сравниваемые сначала между собою, а затѣмъ съ другими группами, представляютъ, въ первомъ отношеніи, замѣтно-одинаковую степень сложности... а во второмъ—различную степень сложности“ (242). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, какъ мы видѣли, что свойства, „несводимыя къ болѣе простымъ элементамъ, даютъ начало такому же числу абстрактныхъ наукъ“ (311). Прекрасно. Предъ вами явленія *жизни*, которыя очень сложны: тутъ и механическіе процессы, и физическія обнаруженія теплоты, цвѣта, электричества, и химическія образованія и разложенія, и процессы, которые вы называете собственно жизненными, „асимилиція, об-

ратное выдѣленіе, пролиферація или размноженіе“ (248) *). Въ каждый изъ послѣднихъ „новыхъ факторовъ“ біологіи входятъ всѣ предыдущіе въ неразрѣшимыхъ комбинаціяхъ. И вотъ рядомъ явленіе *сознанія*. Оно, во-первыхъ, просто, такъ просто, что нѣтъ никакой возможности его свести на другія (слѣдовательно, новый факторъ); оно, во-вторыхъ, существенно отлично отъ всѣхъ прочихъ по способу своего воспріятія: двадцать человѣкъ *разомъ* наблюдаютъ „асимиляцію“ и „пролиферацію“ и, при достаточной сваровѣ, наблюдаютъ съ одинаковымъ усгѣхомъ, точно такъ же, какъ *всѣ* они одинаково наблюдаютъ и увеличеніе теплоты, и химическое разложеніе; но сознаніе можетъ наблюдать *только одинъ* сознающій субъектъ, остальные же только *умозаключаютъ*, что онъ, дескать, сознаетъ, а наблюдаютъ лишь *механизмъ* движеній, *звуки* голоса, *соціальное* явленіе понятнаго другимъ слова. И вотъ элементарный фактъ сознанія, въ формѣ болѣе или менѣе яснаго, болѣе или менѣе специализированнаго или общаго ощущенія, который по простотѣ, по способу воспріятія, словомъ—по всѣмъ признакамъ, помощью которыхъ онъ доступенъ наукѣ, представляетъ явленіе „несводимое“ на другія, вы относите къ „физиологіи мозга“, подводя его подъ комплексъ біологіи, гдѣ внѣ его ровно ничего подобнаго не встрѣчается.—Тутъ вовсе дѣло не въ томъ, будто „психическій элементъ есть фактъ иного порядка, чѣмъ остальные біологическія явленія, или фактъ, представляющій новое и высшее осложненіе матеріи“ (256). Онъ есть, очевидно, продуктъ жизни и внѣ ея процесса не можетъ имѣть мѣста; онъ есть не только не „осложненіе матеріи“, но, напротивъ, по своей простотѣ для единственнаго воспринимающаго его существа, не имѣетъ себѣ другого равнаго ему по простотѣ факта. Но тѣмъ не менѣе его нельзя наблюдать тѣми приемами, которыми наблюдаются прочіе жизненные факты, а приходится каждому наблюдать его дѣйствительно *только въ себѣ*, въ другихъ же о присутствіи его умозаключать по аналогіи, или такъ-же, какъ ученые, допускающіе эфиръ, заключаютъ о механическихъ волненіяхъ эфира, наблюдая физическія явленія свѣта и теплоты. Это—„несводимый“ факторъ и, согласно критерію позитивизма, требуетъ особой „абстрактной науки“. Дѣло идетъ вовсе и не о „природѣ человѣка“, которую г. де-Роберти не разъ подставляетъ, какъ предметъ психологіи. Во-первыхъ, психическіе факты наблюдаются такъ рано въ ряду

*) Я здѣсь не пускаюсь въ полемику относительно возможности или невозможности свести эти „новые факторы“ біологіи на механико-химическіе процессы, потому что это не касается моего предмета, а удлиннять статьи я не намѣренъ.

зоологическихъ организмѣвъ, что представляется даже нѣкоторое сомнѣніе, необходима-ли нервная система для ихъ самыхъ элементарныхъ фазисовъ. Затѣмъ только г. де-Роберти можетъ придти въ голову отождествлять психологію, какъ конкретную науку, съ антропологіею (303). Антропологія имѣетъ весьма опредѣленные цѣли, и хотя г. де-Роберти кажется, что она ихъ преслѣдуетъ „безсознательно и смутно“, но всякій, знакомый хотя нѣсколько съ работами современныхъ антропологовъ, скажетъ ему, что эти цѣли нисколько не „существенно сходны съ задачами будущей конкретной науки психическихъ явленій“. Въ человѣкѣ происходятъ психическія явленія, но его „природа“ охватываетъ весьма много и иныхъ явленій, а тутъ дѣло идетъ о переходѣ ощущеній въ представленія и въ понятія, объ ассоціаціи этихъ элементовъ въ ихъ специфическихъ переливахъ, составляющихъ такое громадное затрудненіе при всякой психологической классификаціи явленій, объ окрашиваніи ихъ чувствомъ, о формированіи процесса воли, объ образованіи вѣрваній, сомнѣній, критическихъ взглядовъ, убѣжденій, о процесѣ творчества и т. п. Все это, съ одной стороны, составляетъ лишь одну долю природы человѣка, съ другой— въ своихъ простѣйшихъ фазисахъ принадлежитъ и другимъ формамъ организмѣвъ, а главное, представляетъ отвлеченную специфическую сферу, въ которой, устраняя всякую мысль о спиритуальныхъ или матеріальныхъ субстанціяхъ, можно искать и открывать законы явленій; эти законы могутъ быть въ связи съ законами біологическихъ и соціологическихъ явленій, могутъ даже представлять замѣчательныя зависимости и замѣчательный паралелизмъ *), но все-таки это будутъ законы области специальныхъ явленій, требующихъ *особой* науки и по своей простотѣ (для единственнаго наблюдателя), и по способу наблюденія, и по специфической особенноти перелива безъ всякихъ замѣтныхъ разграниченій. Эту *особую* науку всего ближе, кажется, назвать абстрактной, хотя послѣдній вопросъ важности не представляетъ. — Но какъ же вмѣстить ее въ рядъ Конта, который идетъ по возрастающей сложности? Ну, это ужъ не мое дѣло, и наука, чтобы существовать и установить свои законы, вовсе не имѣетъ нужды заботиться о какомъ-то рядѣ, имѣющемъ свои удобства, но который *существенъ* лишь въ тѣсныхъ стѣнахъ школы. Психологія въ него не вмѣщается со своими специальными явленіями сознанія: очень

*) Точно такъ при движеніи ртути въ термометрѣ встрѣчается замѣчательный паралелизмъ съ измѣненіемъ температуры, однако температура есть специфическое явленіе теплоты, которое приходится изучать особо отъ механическаго измѣненія объема.

жаль для него, а не для нея, потому что рядъ былъ прекрасный и сослужилъ въ свое время не малую службу, какъ и двѣ электрическія жидкости въ физикѣ, какъ и дуалистическая теорія въ химіи, какъ витализмъ въ биологіи. Но эти формы мысли, даже самыя прекрасныя, имѣютъ много шансовъ быть недолговѣчными. А спеціальный фактъ, съ своими специфическими особенностями, отвоюетъ-таки себѣ мѣсто.

Это для физиологіи мозга. Совсѣмъ другое препятствіе, но едва ли менѣе значительное, представляется для конкретной психологіи какъ ученія, которое должно опираться на результаты биологіи и соціологіи и слѣдовать за этими двумя абстрактными науками.

Конечно, „никто не оспариваетъ, что соціальный человѣкъ есть продуктъ вѣкового вліянія общества“ (315), а различныя формы мысли, различные фазисы того, что гегельянцы называли „феноменологіей духа“, суть, конечно, результаты общежитія. Но неудобно еще заключить изъ этого, что можно будетъ „тщательно устранять съ пути какъ психо-физиологическаго, такъ и соціологическаго изслѣдованія“ и „разсматривать отдѣльно въ спеціальной научной области“ „всѣ психическія явленія смѣшаннаго характера, или относительно которыхъ опытнымъ путемъ (?) можетъ быть дознано, что обнаруженіе ихъ происходитъ подъ двойнымъ давленіемъ основныхъ психическихъ условий и исторической эволюціи“ (329). Г. де-Роберти, для доказательства своего тезиса, указываетъ на то, что „извѣстныя психическія явленія характеризуютъ доисторическое состояніе человѣчества, а другія обнаружались гораздо позднѣе“, и спрашиваетъ: „какой изъ этихъ двухъ разрядовъ психическихъ фактовъ будетъ изучаться психологіей?“, подчеркивая мысль, что во второмъ разрядѣ „преобладающая роль принадлежитъ условіямъ чисто-общественнымъ“ (300), слѣдовательно, что изученіе этого разряда психическихъ фактовъ должно слѣдовать за изученіемъ соціологіи. Но совершенно съ такимъ же правомъ, въ случаѣ принятія тезиса г. де-Роберти, можно поставить обратный вопросъ. Нѣкоторыя общественныя формы и процессы характеризуютъ уже не доисторическое состояніе человѣчества, но самыя низшія ступени развитія животнаго міра, и какъ бы предшествуютъ всякому психическому проявленію. Другія являются позже въ зоологическомъ ряду, или очень рано въ человѣчествѣ, такъ что трудно утверждать, но нельзя и отрицать (а опытъ произвести невозможно), насколько въ этихъ формахъ общежитія и въ ихъ функціяхъ выразились чисто-биологическія, бессознательныя потребности особей или нѣкоторыя психическія ихъ потребности симпатій, игры, вліянія и т. п. Еще другія общественныя формы являются уже такъ поздно, что психическая дѣятельность человѣка стала въ нихъ

вполнѣ вліятельнымъ факторомъ, и надо быть слѣпымъ, чтобы отвергать вліяніе психическихъ процесовъ и усвоенныхъ формъ чувства и идей на социальныя явленія. Которыя-же изъ этихъ социальныхъ явленій и формъ будутъ „устранены съ пути социологическихъ изслѣдованій“, такъ-какъ они заключаютъ въ себѣ психическій элементъ, и которыя останутся въ области абстрактной социологии? Въ бессознательномъ или полусознательномъ состояніи организмовъ вырабатываются нѣкоторыя формы ассоціаціи, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе, и рядомъ съ этимъ нѣкоторыя психическіе процесы, причемъ ихъ взаимодействіе остается крайне загадочнымъ, а объ „опытномъ пути“ въ этой области можетъ мечтать лишь г. де-Роберти. Далѣе, на высшихъ ступеняхъ зоологическаго ряда и въ историческомъ процесѣ психическія формы и явленія безспорно вырабатываются предшествующими условіями общежитія, но столь-же безспорно и они сами вырабатываютъ инныя общественныя формы и процесы, которые дѣлаются, въ свою очередь, почвою для новыхъ психическихъ явленій и формъ и т. д. Едва-ли не болѣе трудно изучать *всю* социологию, устраняя изъ нея все *зависящее* отъ психическихъ процесовъ и относя это къ особой, послѣдующей наукѣ психологии или біо-социологии, чѣмъ изучать *всю* психологию прежде разсмотрѣнія социологическихъ явленій и фактовъ. Не было-ли-бы правильнѣе вывести изъ положенія Льюиса, развитаго аргументаціею г. де-Роберти, результатъ болѣе радикальный относительно іерархіи наукъ Ог. Конта? Рядъ установленный послѣднимъ,—очень почтенный рядъ и, въ сущности, останется, вѣроятно, очень надолго пріобрѣтениемъ науки, но онъ состоитъ изъ слишкомъ крупныхъ и грубыхъ комплексовъ и при дальнѣйшемъ развитіи научной мысли требуетъ болѣе гибкости. Уже г. де-Роберти не разъ говоритъ о „механикѣ“, хотя ея нѣтъ въ рядѣ Ог. Конта. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ ученыхъ, весьма симпатично относившихся къ позитивизму, что физика не есть *одна* наука, но комплексъ нѣсколькихъ наукъ, изъ которыхъ инныя едва-ли не должны занять одинаковую ступень съ химіей. Оптика *предполагаетъ* ощущеніе свѣта—явленіе не только біологическое, но даже психическое. Въ прежней физиологии и анатоміи нѣтъ мѣста новымъ законамъ морфологии, которые, тѣсно связанныя съ эмбриологіей, требуютъ, повидимому, перестройки биологии совѣмъ на иныхъ основаніяхъ, подрывая Контову теорію абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ и, можетъ быть, разлагая биологию на нѣсколько болѣе рациональныхъ, но болѣе мелкихъ группъ. Но болѣе всего необходима перестройка на верхнихъ ступеняхъ. Психическія явленія и формы, какъ предметъ изученія и специальныхъ законовъ, имѣютъ безспорное право на особое мѣ-

сто въ ряду позитивныхъ наукъ, но ихъ невозможно помѣстить *мѣликомъ* ни прежде, ни послѣ социологіи, рассмотрѣнной *мѣликомъ*. Рѣшеніе должно, по всей вѣроятности, выпасть въ направленіи разложенія того, что до сихъ поръ называлось психологіей и социологіей, на рядъ болѣе мелкихъ специальныхъ изслѣдованій, порядокъ которыхъ установить будущее.

Но я, мнѣ кажется, угадываю возраженіе г. де-Роберти и слова его книги, на которыя онъ при этомъ сошлется. Во-первыхъ, онъ, повидимому, относитъ къ физиологіи мозга весьма небольшую долю того, что прежде входило въ область психологіи. Можно думать даже, что онъ вводитъ туда лишь теорію ощущенийъ, такъ-какъ онъ прямо называетъ, какъ мы видѣли, даже столь элементарные процессы, какъ „мысль и чувство“ — фактами „біо-соціологическими“, относящимися къ конкретной наукѣ психологіи (312). Это — его возраженіе мнѣ на то, что я сказалъ о физиологіи мозга (хотя оно нисколько не касается основнаго положенія о специфичности *сознанія*). Точно также и относительно психологіи, какъ конкретной науки, онъ мнѣ уважаетъ, что отвѣтилъ мнѣ заранѣе въ своей книгѣ. „Предварительное разсортированіе хаотической массы явленій біологическихъ, социальныхъ и психическихъ“ онъ находитъ нужнымъ лишь для „обоснованія дѣйствительно общей социологіи или науки о наиболѣе общихъ законахъ коллективной жизни“ (330), но затѣмъ слѣдуютъ „отдѣльныя и многочисленныя отрасли общественной науки“, и этимъ „многочисленнымъ социологическимъ специальностямъ нельзя отказывать въ несомнѣнномъ правѣ свободно черпать нужныя имъ... данныя и объясненія изъ обширной области конкретныхъ психическихъ явленій“. Это — „зачатки будущей конкретной социологіи“, но пока „прямо включаются“ въ „абстрактную социологію“, какъ „науку существенно описательную“. Онѣ входятъ въ нее, насколько исполняютъ свою „первоначальную задачу — служить складами матеріаловъ для высшей и болѣе отвѣченной науки“, но такъ-какъ онѣ „преслѣдуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ“, „болѣе или менѣе открыто практическія цѣли“, то, „по мѣрѣ того, какъ онѣ стремятся къ достиженію цѣлей практически полезныхъ“, онѣ входятъ въ будущую конкретную социологію, слѣдующую за конкретной психологіей. Сюда относятся: „политика, исторія, политическая экономія, наука о языкѣ и т. д.“ (330—331). Слѣдовательно, въ общей, *абстрактной* социологіи будутъ только такіе факты и законы, которые не зависятъ нисколько отъ развитія психической жизни, а все, отъ нея зависящее, и всѣ социальные процессы и формы, въ которыхъ личности, составляющія общество, стремятся къ какой-либо практической цѣли, къ удовлетворенію, сознательно или бессознательно,

нѣкоторой потребности,—все это относится къ *конкретной* социологіи. Но, къ крайнему сожалѣнію, общество есть идеальный организмъ, специфическое свойство котораго въ томъ и заключается, что помощью его личности, сознательно или бессознательно, удовлетворяютъ нѣкоторой потребности, достигаютъ нѣкоторой практической цѣли. Слѣдовательно, что-же останется на долю несчастной *общей* социологіи? Какую мизерною тонкою стѣнкою ей придется отдѣлить біологію съ физиологіею мозга отъ богатой конкретной психологіи, за которою послѣдуетъ еще болѣе богатая конкретная социологія, гдѣ уже забота о тщательномъ размѣщеніи психологическихъ и социальныхъ данныхъ остается въ сторонѣ?

Результатъ лучшей доли книги г. де-Роберти оказывается удивительнымъ.

У Конта въ біологію входила психологія подъ рубрикою физиологіи мозга; затѣмъ слѣдовала социологія; собственно психологическія изслѣдованія пренебрегались, какъ субъективный вздоръ, или размѣщались какъ попало; конкретные вопросы устранялись, какъ недающіе вовсе научныхъ законовъ, а тѣ, которые способны были доработаться до законовъ, производились въ чинъ абстрактныхъ и получали мѣсто тамъ, гдѣ приходилось удобнѣе.

Критики, противъ которыхъ спорили позитивисты и спорить г. де-Роберти, требовали особаго мѣста въ ряду абстрактныхъ наукъ для психологіи, вслѣдъ за біологіею, называли социологію конкретной наукою и т. д.

Г. де-Роберти выступаетъ, говорить, что это не такъ, и устраиваетъ міръ наукъ. Оказывается такая послѣдовательность:

1. *Биологія.*
2. Въ ней подъ конецъ *физиологія мозга*, гдѣ изъ психологіи нѣтъ *почти ничего.*
3. *Абстрактная социологія*, гдѣ изъ социологіи нѣтъ *почти ничего.*
4. *Конкретная психологія*, т. е. *почти вся* психологія.
5. *Конкретная социологія*, т. е. *почти вся* социологія.

Рядъ устроенъ почти совершенно такъ, какъ хотѣли разные противники позитивной іерархіи наукъ. Только г. де-Роберти даетъ имъ сильный, весьма сильный репримандъ: онъ (слушайте!) *назвалъ* почти все содержаніе психологіи и социологіи *конкретнымъ* и въ то-же время сохранилъ неприкосновенною іерархію шести абстрактныхъ наукъ Ог. Конта, обративъ два послѣдніе члена этого ряда въ нѣчто почти безсодержательное. Что называется, и невинность соблюлъ, и капиталъ прибрѣлъ.

Было изъ чего огородъ городить!

А разсужденіе г. де-Роберти о зависимости психологіи отъ

соціологіи составляетъ еще, какъ я сказалъ выше, самую лучшую долю его книги.

Что-же тамъ есть еще?

Стоило-бы остановиться на многомъ, но я боюсь, что утомилъ читателя, открывая ему снова и снова пустоту содержанія подъ громкими словами и пышными обѣщаніями „капитальнѣйшихъ“, „наиболѣ важныхъ“ вопросовъ. А потому тороплюсь кончить и ограничусь немногими замѣчаніями.

Было-бы не лишено интереса показать, какъ г. де-Роберти смѣшиваетъ (впрочемъ, вмѣстѣ съ другими позитивистами) въ понятіи альтруизма два совершенно различные элемента: выборный аффектъ къ отдѣльнымъ особямъ и идейную преданность достоинству и благу другого человѣка, кто-бы онъ ни былъ; какъ г. де-Роберти полемизируетъ по вопросамъ, которые онъ, очевидно, признаетъ важными, какъ-то о монистическомъ воззрѣніи на природу, о психологическомъ объясненіи соціальныхъ явленій, о методахъ и т. под., и какъ онъ почти всюду проглядитъ существенную точку опоры и затѣмъ борется противъ созданныхъ имъ пустыхъ возраженій. Но все это было-бы слишкомъ длинно, и я беру кое-какіе самые короткіе примѣры.

Напримѣръ, онъ хочетъ показать несостоятельность субъективнаго метода въ противоположность объективному, который, дескать, „проходить по порядку черезъ три ступени всякаго изслѣдованія—наблюденіе, предположеніе и повѣрку“; при этомъ г. де-Роберти увѣряетъ, что субъективный методъ „останавливается на второй изъ этихъ ступеней, на гипотезѣ въ чистомъ ея видѣ“ (3). Кто-же изъ сторонниковъ субъективнаго метода въ психологіи или соціологіи останавливался на гипотезѣ и не старался провѣрять ее фактами? Даже Литрэ, котораго слова г. де-Роберти цитируетъ, указываетъ просто, что въ субъективной философіи „начала шли отъ субъекта къ объекту“ (267), нисколько не исключая повѣрки. Конечно, повѣрка могла быть хороша или дурна, но это уже совсѣмъ другое дѣло. Дон-Кихотъ дрался съ ветряными мельницами, но, по крайней мѣрѣ, онъ не самъ ихъ строилъ, а г. де-Роберти самъ построилъ себѣ предметъ полемики и затѣмъ нападаетъ на него. Это, можетъ быть, и остроумно, но довольно бессмысленно.

Или, въ другомъ случаѣ, дѣло идетъ о „реальной аналогіи“ (названіе, должно сознаться, весьма неудачное) или теоріи, которая разсматриваетъ всѣ явленія, какъ результатъ болѣе и болѣе усложняющихся агрегатовъ и движеній однороднаго вещества, и г. де-Роберти для удобства полемики говорить: „Реальная аналогія можетъ быть опредѣлена въ немногихъ словахъ: методомъ изслѣдованія, который, вывода непосредственно практическія по-

слѣдствія изъ принципа тождества матеріи и ея проявленій, не знаетъ или не хочетъ знать субъективныхъ и объективныхъ ограниченій этого гипотетическаго принципа и ставитъ себя рядомъ, а часто и выше логическихъ методовъ... Естественный исходъ и конечный результатъ такого способа сравненія... заключается въ утвержденіи, что всѣ безъ изыатія явленія природы... управляются совершенно тождественными законами" (203—204). Ни матеріалисты, ни эволюціонисты такого чудища не созидали, а создалъ его лишь самъ г. Евгений де-Роберти на собственную полемическую потребу. Должно признаться, что слабость его полемики въ этомъ случаѣ (а ей посвящено не мало страницъ) уступаетъ только слабости (уже упомянутой выше) полемики противъ психологическаго объясненія социологіи.

Въ другихъ случаяхъ читатель остается въ сомнѣніи, происходить-ли несообразность отъ неумѣнья выразаться или отъ неясности пониманія г. де-Роберти. Потому что неумѣнье выразаться (по-русски, конечно) иногда прямо бросается въ глаза, когда, напримѣръ, г. де-Роберти упорно говоритъ „однообразный“ вмѣсто „единообразный“ (что, смѣемъ его увѣрить, имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ), или „двузначный“ въ смыслѣ: имѣющій два значенія (тогда какъ и тутъ смыслъ совсѣмъ иной) или еще „складчина“ вмѣсто „складъ“. Вообще въ манерѣ изложенія г. де-Роберти можно признать стараніе подражать сухой и тяжелой манерѣ писать Ог. Кюнта: извѣстно, что эпигоны всегда подражаютъ учителямъ во внѣшностяхъ и всего охотнѣе перенимаютъ ихъ недостатки. Можетъ быть, г. де-Роберти воображаетъ, что Ог. Кюнтъ *потому именно* и великій мыслитель, что выражается абстрактными періодами въ цѣлую страницу, отъ точки до точки. Но quod licet Jovi... По крайней мѣрѣ, неумѣлость выразаться г. де-Роберти не особенно приближаетъ его къ достоинству, не скажемъ—великаго, но хотя-бы сноснаго мыслителя. Однако, одноли неумѣнье выразаться побудило г. де-Роберти говорить о „соприкосновеніи ощущеній“ (3); отождествлять „дедуктивный“ выводъ съ „разсудочнымъ“ (2), какъ-будто при индуктивномъ разсудокѣ не участвуетъ; увѣрять, что „состояніе дикаря“ подходит къ невозможному представленію „изолированнаго человѣка“ (12); говорить о „конкретной мысли“ (46); называть массу— „свойствомъ числа“ (56); открывать какіе-то фантастическіе „физическіе агрегаты“, которые „представляютъ лишь простое соединеніе физическихъ свойствъ съ свойствами протяженія и числа“ (56), должно быть, не принадлежа ни къ какимъ химическимъ тѣламъ; увѣрять, что „качественное тождество явленій“ составляетъ „вѣчную химеру *естль* философіи“ (191); утверждать, что при „конечномъ анализѣ... дости-

гаются послѣдняя грань объединительныхъ стремленій ума“ (194); находить, что „относительно идеальной (?) стороны факта“ „справедливо“ „говорить о субстанции, какъ о чемъ-то остающемся послѣ отвлеченія дѣйствительныхъ отношеній, и представлять эти послѣднія присущими (?) субстанции“ (196) и т. д.? Впрочемъ, приведенный мною послѣдній примѣръ относится уже къ категоріи выраженій, принадлежащихъ особой области пучины мудрости г. де-Роберти, въ которой уже ничего ясно разсмотрѣть нельзя. Я привелъ какъ-то выше еще подобный примѣръ, касающійся функциональной стороны социальныхъ явленій (183). Упомяну еще мимоходомъ о генезисѣ, который оказывается „потенціально реальностью“ (!! (133, 136); но далѣе читателя въ эту пучину не поведу: страшно!

Кончаю. Увы, и стократно увы! Съ какими надеждами я начиналъ и въ какомъ уныніи кончаю! Я-то восклицалъ: наконецъ-то! Я-то радовался первому русскому вкладу въ „Международную научную бібліотеку“!.. И вдругъ... всюду пустота!

А еще г. де-Роберти обѣщаетъ намъ дать новую книгу: „Философія наукъ и научно-философскія системы“... Вотъ ужасъ-то! И опять найдетъ онъ кумовьевъ, которые, не открывая книги, скажутъ, что этотъ „замѣчательный трудъ“ разрѣшилъ всевозможные философскіе вопросы... И окажется г. де-Роберти *единственнымъ русскимъ философомъ*, какъ оказался *единственнымъ русскимъ социологомъ*... И наполнится опять это сочиненіе „словесными различіями“, содержащими подъ собою мракъ и пустоту. Неужели и это будетъ вкладъ русской мысли въ „Международную научную бібліотеку“, какъ пресловутая книга „Вмѣсто социологіи“?

Нѣтъ, ужъ лучше-бы русской мысли обойтись безъ этого вклада.

Р. S. Какъ я радъ, какъ я радъ! Тяжелое уныніе, которымъ я былъ подавленъ, кончая мою статью, разсѣялось. Оказывается, что тутъ нѣтъ ни „русской мысли“, ни ея „вклада“ въ „Международную научную бібліотеку“. Книга г. Евгенія де-Роберти оказывается дѣйствительно „придуманною и продуманною по-французски“. Она почти въ полномъ своемъ составѣ состоитъ изъ статей, напечатанныхъ въ позитивистскомъ обзорѣ, какъ и предшествующій трудъ г. де-Роберти: „Политико-экономическіе этюды“. Передъ нами переводъ съ французскаго. Оно, конечно, нѣсколько досадно, что книга, которая *объявлена* какъ оригинальный вкладъ русской мысли, оказывается переводомъ, но когда дѣло идетъ о *такой* книгѣ... Богъ съ нею! Пускай весь міръ знаетъ, что это—французское произведеніе и русскій костюмъ надѣтъ на него только для забавы (хотя какава ужъ тутъ забава!).

Но г. де-Роберти, скажутъ мнѣ, совсѣмъ не иностранецъ. Онъ,

какъ есть, русскій. Даже въ адресь-календарѣ значится: по какому-то министерству какую-то синекуру занимаетъ. Нѣтъ, г. де-Роберти не русскій, хотя онъ и не французъ. Онъ — *позитивистъ*.

И это его званіе не только объясняетъ, почему онъ чуждъ всякой національности (замѣтьте: не націонализма), но и почему его статьи, лишенные всякаго научнаго и всякаго серьезнаго философскаго значенія, могли находить мѣсто въ изданіи, гдѣ участвуютъ нѣкоторые безспорно талантливые и умные люди, въ изданіи, имѣющемъ научно-философскій характеръ, почему онѣ были тамъ у мѣста, а по-русски книга вышла какой-то массой уродствъ, пустыхъ фразъ и смѣшныхъ претензій.

Русскіе читатели уже слышали о современномъ состояніи позитивизма именно въ томъ изданіи, гдѣ помѣщались свои статьи г. де-Роберти. Весьма добросовѣстный критикъ, тщательно изучавшій предметъ, нашель, что „лица, стоящія во главѣ французской школы позитивистовъ, не внесли въ наслѣдіе, оставленное Ог. Контомъ, ничего такого, что могло-бы повести далѣе развитіе позитивно-философской системы, но за то внесли не мало такихъ элементовъ, которые сильно повредили этому развитію... и, въ-концѣ-концовъ, низвели позитивизмъ на уровень голой энциклопедической схемы наукъ, представляющей — при сохраняющемся упорствѣ въ именованіи себя философией — своего рода заморышъ, судьба котораго способна возбудить у небезучастнаго зрителя искреннее сожалѣніе“.

Но почтенный критикъ, кажется, слишкомъ серьезно посмотрѣлъ на вещи. Современный французскій позитивизмъ представляетъ явленіе, не разъ встрѣчавшееся въ исторіи и нелишенное аналогій въ современности. Въ то время, когда все живое въ Европѣ стремилось къ „возрожденію“, схоластики наполняли библіотеки монастырей и школъ своими фоліантами. Въ то время, какъ наука разработывала вопросы, поставленные Галилеемъ, Ньютономъ, Гарвеемъ, еще позже, рядомъ съ агитаціею энциклопедистовъ въ области мысли, и еще позже, когда революціонный періодъ ставилъ на очередь самые жгучіе практическіе вопросы — эпигоны Лютера и Кальвина нагромождали новую массу фоліантовъ новой схоластики. И въ наше время во всѣхъ каталогахъ, русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, есть обыкновенно отдѣлъ, который почти всегда занимаетъ почетное мѣсто и который почти цѣликомъ назначенъ для читателей, стоящихъ „въ сторонѣ“ отъ жизни. Вамъ не разъ, конечно, встрѣчались лица, съ которыми и позавтракать, и въ карты поиграть, и о погодѣ потолковать очень недурно, но какъ только коснулось дѣло чего-либо жизненнаго или теоретически-важнаго, вы сейчасъ чувствуете, что

говорить съ ними было-бы неумѣстно, неловко, что сейчасъ послѣдуетъ не мысль, не чувство, а затверженная формула.

Одну изъ такихъ группъ „людей рясы и затверженной формулы“ составляютъ позитивисты. Они весьма часто прекрасные люди. Очень пріятно поговорить съ ними и о Бисмаркѣ, и о новой оперѣ, и о послѣднемъ скандалѣ, и о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ техники. Все-то они знаютъ, всюду-то имѣютъ вліяніе. И либералы они, и филантропы, и спеціалисты ученые, и чуть-чуть не великіе реформаторы. И сердце у нихъ прекрасное, и добра много дѣлаютъ. Но чуть вы вздумали-бы заглянуть подъ эти привлекательныя частности и добраться до *жучаго* вопроса современной жизни, до живого вопроса современной мысли, вы опять сейчасъ чувствуете, что говорить неумѣстно, неловко; что сейчасъ послѣдуетъ не мысль, не чувство, а *вокабула данной школы*. Нельзя: формула, школа. Подобно другимъ столпамъ традиціи, они все „между собою“, и постороннимъ людямъ остается лишь проходить мимо или преклоняться съ почтеніемъ, но какъ предъ чѣмъ-то чуждымъ всего живого. Они не изъ тѣхъ, что „стучать мертвыми дланями въ мертвыя перси“, но потому лишь, что въ нихъ умерло даже желаніе двигать „мертвыми дланями“ и ощущать какое-либо прикосновеніе къ „мертвымъ персямъ“. У нихъ „между собою“ есть великіе мыслители, чуждые постороннему міру. Что имъ за дѣло, что „г. де-Роберти достаточно заявилъ себя какъ писатель, которому никакое серьезное дѣло не подъ силу“, что онъ пишетъ „произведенія чисто-шутовскія“, что онъ знаменитъ своимъ открытіемъ, что „бѣдность есть ничто иное, какъ скрытое богатство, и скорѣе наговорена на рабочіе классы, чѣмъ дѣйствительно существуетъ“, а теперь станетъ еще болѣе знаменитъ своею книгою „Вмѣсто социологіи“, въ которой постоянно не замѣчаетъ истиннаго смысла собственныхъ словъ и легкомысленно проходить мимо самыхъ крупныхъ явленій. Для нихъ это человѣкъ „ихъ рясы“. Ставить произведенію этой школьной, рясовой литературы требованія общей науки и жизни было-бы неумѣстно. Это они все пишутъ „между собою“.

И потому я считаю нужнымъ исправить мое предположеніе, высказанное выше, о настоящемъ заглавномъ листѣ книги г. де-Роберти, вмѣсто котораго ошибкою или облыжно вклеенъ другой, съ названіемъ „Соціологія“.

Настоящій заглавный листъ долженъ былъ заключать слѣдующее:

ВМѢСТО СОЦИОЛОГИИ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ДЛЯ ПОЗИТИВИСТОВЪ

между собою,

придуманна по-французски

Евгениємъ де-Роберти.

Поэтому я очень боюсь, что и редакция „Дѣла“, и его читатели обрушатся на меня съ справедливымъ укоромъ: къ чему-же я писалъ длинный разборъ книги, которая „придумана“ совсѣмъ не для публики, а есть нѣкая душеусладительная забава группы, чуждой всего насъ интересующаго, забава „размышлениями между собою“ о „конкретномъ“, „абстрактномъ“, „описательномъ“, „сипоптическомъ“ и т. д.

У меня есть одно оправданіе: я хотѣлъ предупредить *возможныхъ* читателей этой книги, указать имъ ея *дѣйствительное* значеніе.

Такъ-какъ это произведеніе переводное, то остается сказать, что переводъ вообще не дуренъ, хотя выше указаны нѣкоторые ошибки и курьезы, вполнѣ, впрочемъ, отвѣчающіе самому содержанию этой прекурьезной книги.

П. Стожъ.

ИСТОРИКИ-РОМАНИСТЫ И ИСТОРИКИ-ЖУРНАЛИСТЫ.

(„На высотѣ и на долѣ“, историческое сказаніе Карновича, „Отечественныя Записки“.—„Царь и гетманъ“, историческій романъ Мордовцева, „Новое Время“.—„Двѣнадцатый годъ“, историческій романъ Мордовцева, „Журналъ романовъ и повѣстей“, издаваемый редакціей Нехѣля“.—„Историческая Библіотека“.—„Русскій Архивъ“.—„Русская Старина“.—„Древняя и Новая Россія“.)

Скотининъ. Я безъ того глазъ не оведу, чтобы выборный не рассказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Правдинъ (Митрофану). А далеко-ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Какова исторія. Въ иной залѣ. Тишь за тридцать земель, въ тридцатое царство.

Правдинъ. А, такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, Адамъ Адамычъ исторій не рассказываетъ, онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Простакова. Они оба заставляютъ себѣ рассказывать исторіи скотницу Хавронью.

Фон-Визинъ.

Любовь къ *исторіямъ* не изсякла въ Россіи со временъ Скотинина и Митрофана и въ послѣднее время усилилась до такой степени, что многіе журналы обзавелись своими Хавроньями. Нѣкоторые полагаютъ, что Хавроньи очень полезны своими рассказами, распространяя историческія свѣденія среди современныхъ Митрофанушекъ, которымъ скучно читать даже Костомарова. Что-же, пожалуй, для Митрофановъ даже Хавронья можетъ быть полезна, но только въ томъ случаѣ, если она передаетъ исторію правдиво, безъ претензій на творчество, безъ „художественныхъ“ вымысловъ, которые у нея непременно выйдутъ искаженіями исторической правды. Такъ именно поступаетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ г. Карновичъ, и его „сказанье“ вполне достигаетъ цѣли, усыпляя читателя такъ-же скоро, какъ Скотинина—исторіи выборнаго.

Но представьте себѣ, что Хавронья, начитавшись „Русской Старины“, вздумаетъ „творить“, какъ Вальтеръ Скоттъ, Шиллеръ или Викторъ Гюго. Ужъ если у такихъ художниковъ, какъ Шиллеръ, передѣлка историческихъ лицъ, вродѣ маркиза Позы, должна быть признана приѣмомъ ложнымъ, то чего-же ожидать отъ бездарной Хавроньи, если она примется живописать „Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой“ и т. п.? Шиллеровскій маркизь Поза, совершенно фальшивый въ историческомъ отношеніи, имѣлъ, однакожъ, большое вліяніе на развитіе въ обществѣ гуманнхъ чувствъ, проповѣданіемъ которыхъ сдѣлалъ его Шиллеръ, но вѣдь то былъ Шиллеръ, а не Хавронья, не Зотовъ и не Мордовцевъ, преемники Хавроньи. Въ рукахъ Зотовыхъ и Мордовцевыхъ белетристическая форма служить только къ благовидному искаженію исторіи и къ выраженію ихъ лирическихъ чувствъ, которыя въ той-же степени одушевляли и Хавронью. Вотъ, напр., г. Мордовцевъ сочинилъ книгу, тоже вродѣ романа, „Гайдамачина“, но имѣлъ неосторожность назвать ее не романомъ, а историческимъ изслѣдованіемъ, серьезнымъ и претендующимъ на факты, и что-же вышло? Критика уличила его, что онъ не понялъ гайдамачины, не умѣлъ критически отнестись къ источникамъ, навралъ, напуталъ, искажилъ личность Желѣзняка и т. д. Мордовцевъ смолчалъ, какъ-будто и не его дѣло, потому что ему нельзя было въ этомъ случаѣ прикрыться такъ-называемой „свободой художественнаго творчества“. Но тотъ-же Мордовцевъ, когда рецензенты указали на недостатки его романовъ, смѣло началъ защищаться, неся всякій вздоръ *о художественности* и ругаясь, какъ не ругалась, вѣроятно, даже скотница Хавронья. „Свобода художественнаго творчества“ для подобныхъ сочинителей служить только маской, прикрывающей недостатки и невѣжество ихъ, какъ историковъ. Да и откуда-же имъ взять это „художественное творчество“? Изъ губернаторскихъ канцелярій они не могли его вынести, потому что приказы и отношенія къ исправникамъ и становымъ пишутся не подъ вліяніемъ творческаго наитія, а по приказанію и согласно буквѣ закона. А между тѣмъ эти неудавшіеся чиновники и литераторы всѣхъ литературныхъ приходовъ, готовые подвизаться вездѣ, куда ихъ только не брезгаютъ принять, иначе не думаютъ о себѣ, какъ о поэтахъ и художникахъ. Они дѣйствительно художники, но только не въ литературномъ смыслѣ, или въ такомъ-же литературномъ смыслѣ, въ какомъ сзудальскіе богомазы могутъ быть названы Рафаэлями и Рубенсами... Послушайте, наприм., какъ г. Мордовцевъ въ „Царѣ и гетманѣ“ рисуетъ Петра въ битвѣ подъ Полтавой. „Но что это несется вдоль рядовъ московскаго войска, какое большое, словно дубъ или яворъ на конѣ? Фу! какое большое да страшное! И

конины подъ нимъ *страшная* *)... Да это-жь онъ *самъ*, *самъ* москаль, самый большой и старшой изъ всѣхъ москалей,—это батько москолячій, царь московскій. У! кабая дѣтина здоровенная!“ („Еженед. Нов. Время“, III, 390). Собственно въ этихъ *футы* да *нуты*, *у*, *уфъ*, *элма*, въ этихъ возгласахъ романиста-скомороха и состоитъ все „художественное творчество“ плодовиата „историка“. Но объ этомъ уже не разъ говорилось и въ „Дѣлѣ“, и въ другихъ журналахъ; мы-же обратимъ здѣсь вниманіе не на это „творчество“, а на „пафосъ“, какъ выражались эстетика 40-хъ годовъ, романовъ г. Мордовцева. Г. Буренинъ уподоблялъ этого романиста, по крайней мѣрѣ по плодovitости, В. Скотту, но какъ скоро рѣчь зашла о пафосѣ, то г. Мордовцева можно сравнить только съ тѣмъ романистомъ-неудачникомъ, о которомъ Н. Успенскій рассказываетъ, что какъ онъ ни усиливался написать романъ въ трехъ частяхъ, но не могъ подвинуться дальше начала, которое и изложилъ во множествѣ вариантовъ въ такомъ родѣ:

„Въ тихую лунную ночь, въ фруктовомъ саду, въ роскошномъ пеньюарѣ сидѣла молодая женщина чудной красоты, въ бѣломъ платьѣ. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ ея гибкій станъ, падая на роскошную, матовой бѣлизны грудь, съ легкимъ розовымъ отливомъ, нѣжную, какъ персикъ; изъ-подъ платья рисовались ея ножки въ спальныхъ туфляхъ съ голубой обшивкой...

„На берегу пруда, подъ широколиственнымъ кленомъ стояла молодая женщина; шелестъ листьевъ и плескъ воды заставлялъ ее пугливо оглядываться и закрывать свою грудь рукой. Послѣ минутной нерѣшимости она начала сбрасывать съ себя одежду...

„Въ жаркій полдень, въ фруктовомъ саду, подъ густою липой сидѣла молодая женщина, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ полуоткрытою грудью съ оттѣнкомъ матоваго цвѣта...“

Г. Мордовцевъ несравненно изобрѣтательнѣе и плодитѣе этого наивнаго романиста и, не задумываясь, можетъ написать романъ не въ трехъ, а въ тридцати, буде-же Суворинъ или Гайдубуровъ не поскупятся, то и въ трехстахъ частяхъ,—но пафосъ у обоихъ романистовъ одного калибра. О чемъ-бы ни говорилъ г. Мордовцевъ, что-бы ни живописалъ, все у него выходитъ бездушнымъ и грубымъ малеваньемъ, несмотря на всевозможныя причитавья, охи, ахи, ухи, взвизгиванья, стоны, слезы и прибаутки на разныхъ языкахъ, даже на „собачьемъ“, на которомъ въ „Двѣнадцатомъ годѣ“ такъ объясняются солдаты: „сала-мала, вата-лафа тренъ-брень чигирики чокъ чигири айда“ и т. д. (III, 482).

*) По Мордовцеву, выходитъ, слѣдуетъ говорить. *здоровенная* мужичина, *толстошупная* еупчина, *набитая* дурачина и т. д.

Но какъ скоро г. Мордовцевъ заводитъ рѣчь о томъ, что наиболѣе волнуеть его старческое сердце, у него появляется нѣкоторое одушевленіе и даже текутъ слюнки. Предметъ, возбуждающій такіе восторги историка, тотъ-же, который такъ сильно увлекалъ въ повѣсти Успенскаго воображеніе романиста, что онъ, кромѣ него, не могъ ни о чемъ ни думать, ни говорить. Это — „роскошная грудь“, по поводу которой г. Мордовцевъ млѣеть, мычить и испускаеть слюнки почти въ каждой главѣ своихъ романовъ. Вотъ, напр., картинка: „Ужь и дивчина-же эта Гарпина: за пазухою таке, что и не вщипнешь и въ величленную шапку не влизуть“. Подобные образы неотвязно преслѣдуютъ маститаго романиста, и, подъ вліяніемъ обуревающихъ его мечтаній, онъ часто начинаетъ говорить о „роскошной груди“ ни къ селу, ни къ городу. Описываетъ онъ, напр., пиръ запорожцевъ въ лагерѣ Карла XII; казаки пьютъ, пляшутъ, дерутся; въ лагерѣ не только женщины, но и женскаго духа нѣтъ, и вдругъ г. Мордовцевъ, какъ романистъ Успенскаго, заговариваетъ о „запахѣ“! Въ „Двѣнадцатомъ годѣ“ мечтанія о груди не даютъ автору покоя и заставляютъ его въ изображеніи этой ужасной военной эпохи говорить не столько о кровавой борьбѣ, о битвахъ, о разореніи народа, сколько о той-же груди, которую не уложишь и въ величленную шапку. Для этого на первый планъ поставлена у него извѣстная кавалеристъ-дѣвица Дурова. Кто такая была эта кавалеристъ-дѣвица — теперь извѣстно вполне достоверно. Она была дочь колежскаго совѣтника Дурова, жившаго въ Сарапулѣ, но вовсе не *дѣвица*, а жена нѣкоего Чернова. Надежда Чернова бѣжала изъ дому не потому, что ее увлекъ въ армію воинскій патріотизмъ, а „по семейнымъ несогласіямъ принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ“ и потомъ уже поступила въ военную службу подъ именемъ Александра Соколова („Русск. Архивъ“, 1872, 2, 043). Но эта Надежда Чернова, какъ женщина уже много вытерпѣвшая въ жизни и выдавшая виды, показала г. Мордовцеву недостаточно пикантною, и онъ превратилъ ее въ дѣвочку, будто бы развившуюся воинственно подъ вліяніемъ обстановки въ домѣ ея отца, отставнаго гусара. Она, видите-ли, родилась на походѣ; мать ждала сына, и до того возненавидѣла дѣвочку, что однажды „выбросила ее изъ окна кареты прямо подъ копыта гусарскихъ коней“ (II, 310). Дѣвочка „выросла въ конюшнѣ“. „Вмѣсто игрушки, она требовала пистолета, съ плачемъ прося позволенія пощелкать имъ. По дому только и слышалась ея команда: „эскадронъ направо! Заѣзжай! Съ мѣста маршъ-маршъ!“ (стр. 11). Но удивительное дѣло: воспитанная въ гусарской конюшнѣ, дѣвочка, какъ рассказываетъ романистъ-художникъ въ концѣ 2-й части ро-

мана, въ началѣ первой появляется слабенькою, робкою провинціальною барышнею, которую увлекаютъ на войну не солдатскія наклонности, привитыя воспитаніемъ, а романтическія мечты о борьбѣ съ самимъ Наполеономъ. Но изобразить Чернову бой-бабой, какою ее должно было создать изображенное Мордовцевымъ воспитаніе, ему не захотѣлось, потому что такая женщина въ кругу солдатъ представляла-бы мало поводовъ къ пикантнымъ намекамъ и старческимъ слюнкамъ... Неопытная-же дѣвочка — другое дѣло, и по поводу ея каждую главу романа можно украсить занимательной картинкой.

Картина 1-я. Ночь передъ бѣгствомъ Надежды изъ дому. „Дѣвочка снимаетъ съ себя капоть и остается въ одной бѣленькой сорочкѣ. Такъ она кажется еще моложе — совсѣмъ ребенокъ. Потомъ беретъ со стола ножницы, подноситъ ихъ къ своей бѣлокурой, совсѣмъ растрепавшейся косѣ... „Теперь я совсѣмъ казаченокъ, шепчетъ она, глядя на себя въ зеркало:—совсѣмъ выростокъ казачій, и лицо у меня другое—никто не узнаетъ, что я дѣвка, барышня...“ Но вдругъ румянецъ заливаешь ея блѣдныя щеки: сорочка спустилась до плечъ и открыла ея бѣлыя дѣвическія груди, небольшія, но круглыя, упругія... „Ахъ, противныя... вотъ гдѣ я женщина... Но я васъ затяну въ чекмень—никто не увидитъ, никто не догадается, что тамъ, подъ чекменемъ... И женскую сорочку долой—у меня припасена мужская...“ (февраль, с. 5—6).

Картина 2-я. Прибытіе въ полкъ. Дурова сидитъ въ избѣ среди офицеровъ. Жарко. Ей говорятъ: „разстегните чекмень—оставайте въ одной рубашкѣ: мы свои люди“.—Шутка сказать—разстегните чекмень! А что подъ чекменемъ-то? Рубашка?.. То-то и есть, что противная рубашка выдастъ тайну... замѣтно будетъ...“ (id., 19).

Картина 3-я. Походъ. Дурова, подружившаяся съ уланскимъ офицеромъ Грековымъ, спитъ. Грековъ встаетъ и тихонько подходит къ товарищу. Тотъ лежитъ на спинѣ, голова закинута назадъ. Шевелятся только губы у соннаго да грудь высоко подымается... Что за чудо? Грековъ себѣ не вѣритъ... Ему и прежде казалось, что у этого стройненькаго, перетянутаго въ рюмочку, женоподобнаго Дурова, при всей его тонинѣ и жидковатости, грудь казалась очень высокою, соволиною; но теперь онъ положительно видѣлъ, что подъ чекменемъ вздымаются и опускаются женскія груди. Форма груди совсѣмъ женская, и овалъ у талии, закругленія къ бедрамъ—совсѣмъ не мужскія. Нѣтъ, это не Геркулесъ, а скорѣе Омфала, Венера... Грековъ нагибается и тихонько дотрогивается до груди спящей—и тотчасъ же отдергиваетъ назадъ руку въ величайшемъ смущеніи...“ Это женщина... (id., 33).

Картина 4-я. Сцена первой любви Грекова и Дуровой. Ну, тут „роскошная грудь“ и т. д. слѣдуетъ по положенію.

Картина 5-я. Бесѣда уланъ, подсмотрѣвшихъ предыдущую сцену: „Казакъ улана...—Что ты! бьетъ? убилъ?—Не бьетъ... Цѣлуешь, братецъ ты мой!—Ой-ли! какъ цѣлуешь?—Да такъ... Посади этакъ его къ себѣ на колѣни...—На колѣни! Ахъ, дьяволъ!—На колѣни, да и облапиль... словно бабу.—Ай-ай-ай! вотъ срамъ! А уланъ что?—Знаю—уланъ раскись, да казака обнимаетъ...—Эге-ге-ге! Такъ ее, бачъ, казакъ зъ уланомъ женихается?“ (сентябрь, 317) и т. д.

Картина 6-я. Дурову требуютъ къ главнокомандующему. „Она одѣвается. Руки холодныя, дрожатъ. Сердце сжато. Торопливо вычищенъ мундиръ, застегнуть... Трудно на груди застегивается... А онъ... его рука тутъ—Боже мой!“ (id., 319).

Картина 7-я. Дурова въ Петербургѣ. Ее награждаютъ за храбрость. „Государь, взявъ крестикъ, собственноручно сталъ вдѣвать его въ петлицу героя. Петлица приходилась какъ-разъ на самомъ возвышеніи груди героя. Грудь эта поднималась отъ волненія—крестикъ не попадалъ въ петлицу. Герой, новый кавалеръ, пунцовѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Наконецъ крестикъ вдѣтъ, болтается, бьется вмѣстѣ съ грудью. Не успѣлъ государь отнять руку отъ груди новаго кавалера, какъ въ кабинетъ, безъ доклада, неожиданно появилось новое лицо—словно изъ земли выросло“ (id., 341—2). То былъ Аракчеевъ.

Картина 8-я. Бурцевъ по-пріятельски обнимаетъ Дурову. „Ай да Александрюша! ай да другъ! радостно повторялъ Бурцевъ.—Да зачѣмъ ты велишь портному столько ваты подкладывать себѣ на грудь? У тебя грудь точно бабья...“ (октябрь, 384).

Картина 9-я. Влюбившаяся въ Дурову Надя Кульнева обнимаетъ ее. „Женская грудь ощутила, какъ-то инстинктивно ощутила не мужскую грудь... Какъ ужаленная, съ безумными глазами, въ которыхъ горѣлъ стыдъ, отвращеніе, ненависть, отскочила обманувшаяся женщина...“ и т. д., и т. д. (id., 406). Что ни глава, то „роскошная грудь“, а такъ-какъ кромѣ Дуровой подвѣртываются автору и другія женщины, то онъ и по поводу ихъ пускается въ свои обычные восторги или распускаетъ старческія слюняки... Вотъ, напр., въ Лѣтнемъ саду публичное гулянье для сбора пожертвованій. У столика кн. Волконской стоялъ старикъ Державинъ. Тутъ же только-что закусилъ Крыловъ. „Что ему, беззубому, тутъ кушать? говорилъ онъ, пробираясь съ Гнѣдичемъ дальше:—по его зубамъ тутъ ничего нѣтъ—ни даже манной кашки.“— „А можетъ, для старцевъ у хорошенькой княгини соска „Дѣло“, № 12, 1879 г.

припасена“, замѣтилъ Гнѣдичъ (ноябрь, 512—13). Этимъ тонкимъ замѣчаніемъ, впрочемъ, г. Мордовцевъ хотѣлъ не только побаловать свое шаловливое воображеніе, но и разсмѣшить читателя. Смѣшныхъ персонажей въ романѣ множество, и всѣ они не могутъ сказать слова безъ остроумничанья, острятъ такъ часто, что, наконецъ, дѣйствительно становится смѣшно надъ маститымъ белетристомъ, выбивающимся изъ силъ, какъ балаганный скоморохъ. Особенно хороши у него *востроты* Ал. Тургенева или слѣдующая бесѣда Мерзлякова съ подъячимъ:— „А скоро кончится дѣло?— Да какъ напишутъ, да переписутъ, да подпишутъ, да въ исходящую запишутъ, да запечатаютъ, да пошлютъ, да повезутъ, да привезутъ, да принесутъ, да запишутъ въ дежурную, да подадутъ, да распечатаютъ, да прочтутъ, да запишутъ во всходящую, да опять принесутъ, да доложутъ, да резолюцію положутъ, да предписаніе напишутъ, да переписутъ, да подпишутъ, да скрѣпятъ, да въ исходящую запишутъ... — Да будетъ тебѣ! со смѣхомъ сказалъ Мерзляковъ:— вотъ наладилъ.— Да я дѣло, батюшка Алексѣй Федорычъ, говорю: это дѣло канцелярское— вы его не знаете... Вотъ какъ сорокъ-сороковъ разъ бумагу напишутъ, да скрѣпятъ, да подпишутъ, да опять напишутъ, да опять скрѣпятъ, да доложутъ, да передоложутъ, да заслушаютъ, да прикажутъ— такъ вы, батюшка, и успѣете въ Авдотинѣ пообѣдать, а въ Москвѣ поужинать“ (сентябрь, 249—250). Такимъ-то манеромъ г. Мордовцевъ то щекотитъ, то смѣшитъ читателя, то старается растрогать его до слезъ, затагивая какую-нибудь пѣсню, вроде—

Душа добрый конь!

Эхъ—и, душа добрый конь!

Ухъ—и, душа до-о-о-доб-рый конь! (I, 23).

А то для разнообразія философствовать пустится по поводу того, напр., что будто-бы каждый человѣкъ спитъ подогнувъ и поджавъ ноги такъ высоко, что вся фигура представляетъ фигуру младенца въ утробѣ матери! „Странное дѣло, глубокая тайна природы! До могилы, до послѣдняго и вѣчнаго сна своего, сонный человѣкъ безсознательно принимаетъ то положеніе, въ какомъ онъ въ первые мѣсяцы своей утробной жизни находился во чревѣ матери“ (I, 156). Подобныхъ геніальныхъ соображеній, достойныхъ Дарвина, въ романѣ такъ-же много, какъ смѣхотворныхъ мѣстъ, причитаній, пѣсенъ, уханій, вздоховъ, за которыми совершенно ступшеваются лица и событія 12 года. Говоритъ авторъ и о послѣднихъ, но такъ, что они выходятъ у него только обстановкой пикантной исторіи ѳтрововицы, попавшей въ среду солдатъ въ военное время. Рассказывая всякую всячину о ничтожной личности Черновой, г. Мордовцевъ хотя и выводитъ на сцену цѣлыя

сотни дѣятелей того времени, даже такихъ, какъ батальонная собака Жучка, или воть Бонапартушка, Робеспьерка волкодавъ, песь Вольтерка и т. д. (III, 469), но ни о комъ не говоритъ обстоятельно, ничего портрета не изображаетъ вполне. Коню Дуровой, напр., Алкиду, отведено больше мѣста и посвящено больше вниманія, чѣмъ Наполеону, и, нужно отдать справедливость г. Мордовцеву, изображеніе Алкиды, его ума, привязанности къ хозяину, гордаго, независимаго характера, пожалуй даже патриотизма, сдѣлано превосходно; впрочемъ, и Наполеонъ очерченъ хотя немногими штрихами, но тоже превосходно... Судите сами:

Явленіе первое. Наполеонъ спитъ, какъ младенецъ во чревѣ матери. „Но чей это голосъ раздается надъ спящей головою? „Ничтожество! ничтожество! ничтожество!“ гремитъ голосъ невидимаго существа. „Ты думаешь покорить весь міръ? Зачѣмъ? Счастливиѣ-ли будетъ человѣкъ отъ этого? Да тебѣ какое дѣло до его счастья, презрѣнное ничтожество, червь, грызущій шаръ земной, словно орѣхъ? Для чего ты льешь кровь человѣческую? Для Франціи? О! Франціи такъ-же нужна эта кровь, какъ повѣшенному веревка! О! великій паразитъ вселенной! Нѣтъ ни одного человѣка во всей этой вселенной, котораго ты не былъ-бы ниже, недостойнѣе и презрѣннѣе... Ты презрѣннѣе мусорщика, который собираетъ для дѣла послѣдніе отброски. Ты презрѣннѣе этихъ самыхъ отбросковъ, потому что они идутъ въ дѣло, а ты всякое дѣло разрушаешь. Ты презрѣннѣе крысы, которая очищаетъ землю отъ вредной падали и гнили. Ты презрѣннѣе мухи“ и т. д., все въ томъ-же художественномъ родѣ.

Явленіе второе. Наполеонъ принимаетъ въ Вильнѣ польскихъ дамъ и дѣвицъ и каждой изъ нихъ говоритъ то-же, что сказала когда-то Сталь, навязывавшейся на комплиментъ: „все толстые и большіе мальчики?“ — „сколько дѣтей?“ — „скоро-ли родите?“ — „давно-ли родили толстаго мальчика?“ и т. д. (II, 445—452).

Послѣ нѣсколькихъ такихъ явленій, Наполеонъ оставляетъ въ головѣ читателя смутное представленіе о какомъ-то прохвостѣ, который не то допился до идиотизма, не то отъ природы дуракъ. А г. Мордовцевъ утверждаетъ, что Наполеонъ—сила, великій человѣкъ, съ которымъ равнялись только Сперанскій и Злобинъ! Злобинъ? Какой Злобинъ? Да извѣстный въ свое время вольскій откупщикъ, миліонеръ и пріятель Сперанскаго. „У всѣхъ у трехъ этихъ современниковъ мы видимъ орлиный замахъ крыльевъ и и одну и ту-же жажду владычества: у Наполеона — владычество грубой силы, у Сперанскаго—владычество силы ума, у Злобина—владычество капитала. Вотъ почему два послѣдніе питали глубокое удивленіе къ первому и симпатію другъ къ другу“ (ноябрь,

520). Въ чемъ состояло величіе Злобина, что это былъ за человекъ, г. Мордовцевъ не объясняетъ, но нужно полагать, что человекъ былъ, дѣйствительно, великій, потому что на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду онъ въ одну минуту *прочиталъ всю кн. Волконскую*. „Прочитавъ княгиню отъ доски до доски и закрывъ ее, какъ легкую, но умную и занимательную книгу, ужасный старикъ почтительно сказалъ: „хотя я русскій человекъ, ваше сіятельство, но кромѣ квасу и воды ничего не пью-съ... Ежели можно, ставанчикъ кваску-съ?“ (ib., 517 — 518). Ну, а Сперанскій? Сперанскій еще семинаристомъ слюбился съ поповной. „Параня слышала, какъ подъ *философскимъ* (!) подрысничкомъ сильно колотится философское сердце Миши, а Миша слышалъ, какъ подъ бѣлою сорочкою трепыхается дѣвическое сердце Паранино“. Потомъ Параня умерла, а Сперанскій помнилъ ее до старости. Вотъ сидитъ онъ ночью въ кабинетѣ за Бентамъмъ, а самъ напѣваетъ про себя:

У Данилы у попа
Въ большой колоколь звонять,
Въ большой колоколь звонять,
Знать Параню хоронять.

Это онъ повторяетъ на трехъ страницахъ четыре раза. Наконецъ, „къ заутренѣ звонять, шепчетъ онъ, — пора и мнѣ спать. Эхъ, —

У Данилы у попа
Въ большой колоколь звонять“ (I, 146—48).

Потомъ въ семи строчкахъ изображено, какъ Сперанскій идетъ въ кабинетъ къ государю (II, 345); потомъ—какъ онъ принимаетъ дома своихъ знакомыхъ и болтаетъ съ ними, причемъ онъ изображается другомъ и поклонникомъ Карамзина (id., 358—376)! Наконецъ, Сперанскаго вывозятъ за заставу, причемъ смотритель кричитъ часовому: „подвысь, подвысь!“ (II, 414). О немъ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, ни слова, какъ-будто онъ только и мечталъ о томъ, какъ „подъ бѣлою рубашкой трепыхалось Паранино сердце“ и т. д. Впрочемъ, виноватъ, есть небольшая характеристика Сперанскаго, какъ государственнаго дѣятеля. Курьеръ привозитъ къ нему на дачу бумаги изъ Петербурга и на всѣ его вопросы отвѣчаетъ дурацкимъ: „не могу знать“. „Превосходнѣйшій курьеръ, исполнительенъ и точенъ, какъ хронометръ, сметливъ, расторопенъ и стереотипенъ, какъ машина, замѣтилъ Сперанскій по его уходѣ.—Только на нашемъ бюрократическомъ заводѣ выдѣлываются такіе машины-люди, какъ этотъ Кавунецъ. А онъ далеко не глупъ: ни разу онъ не перепуталъ ничего и не перевралъ

даже ни одного словеснаго приказанія. За то лаконичнѣе спартапча: онъ отвѣчаетъ только на служебные вопросы, а на все остальное у него одинъ отвѣтъ— „не могу знать“, т. е. не курьерское это дѣло и курьеру объ этомъ говорить неприлично; знай, дескать, службу, и не въ свое дѣло не суйся“ (февраль, 1833). Г. Мордовцевъ въ этомъ случаѣ смѣшалъ Сперанскаго съ Аракчеевымъ.

Еслибы я не боялся утомить читателя такими *художественными* красотами, которыми блещетъ г. Мордовцевъ въ своихъ романахъ и образчики которыхъ приведены выше, то я могъ-бы исписать еще нѣсколько страницъ. Но, кажется, довольно. И когда читатель доходитъ до конца, то становится жутко, по выраженію самого г. Мордовцева, „отъ подобныхъ, натершихъ душу до мозолей, восклицаній. Да, онъ чувствуетъ, что у него мозоли на душѣ, ссадины на сердцѣ“ (III, 484). Для кого нишутся эти мозолящія душу романы--мы не знаемъ, но, вѣроятно, Митрофановъ у насъ—цѣлые легионы, если существуетъ запросъ на подобныя лубочныя произведенія, иначе зачѣмъ-же ихъ стали-бы печатать? Откуда-бы взялись такіе аматеры-издатели, которые рѣшились-бы издавать романы покойнаго Рафаила Зотова („Потомокъ Чингисъ-хана“, Спб., 1879), немогшіе, какъ видно, даже въ его время попасть ни въ одинъ органъ? Все отжившее, дряхлое и беззубое идетъ въ ходъ, и книгопродавецъ Лисенковъ, чужая, какъ сильно повѣяло затхлой стариной, такъ рекламируетъ о продажѣ сочиненій Булгарина: „Въ четырехъ томахъ, 1,757 страницъ, превосходно, образцовымъ, легкимъ слоюзомъ для чтенія всѣхъ сословій написанныя повѣсти, нравы, юмористика, путешествія, романъ „Митрофанушка въ луиѣ“. Цѣна остальнымъ экземплярамъ значитъ самая умѣренная: на всю зиму пріятнаго чтенія *три рубля*“. Это смѣшно, но развѣ не смѣшны эти новѣйшіе Булгарина, которыхъ расплодилось такъ много, что для изданія ихъ „мозолящихъ душу“ писаній появилось даже два особыхъ журнала: „Историческая Библіотека“ и угрожающій появиться съ января 1880 г. „Историческій Вѣстникъ“. Что выйдетъ изъ этого „Вѣстника“,—можно сказать заранѣе, такъ-какъ всякому понятно, чего можно ожидать отъ почты, гдѣ содержаниемъ Суворинъ, смотрителемъ Шубинскій, писарями Бѣловъ и О. Миллеръ, а ямщиками Мордовцевъ, Аристовъ, Самовасовъ и т. д. Журналъ будетъ, конечно, тѣмъ-же, чѣмъ была въ рукахъ г. Шубинскаго „Древняя и Новая Россія“, только съ прибавленіемъ романовъ современныхъ подражателей Рафаила Зотова и Булгарина, которымъ не хватаетъ, наконецъ, мѣста въ „Исторической Библіотекѣ“, помѣстившей втеченіи года романы „Престоль и монастырь“, „Новгород-

скій погромъ“, „Семейство Шалонскихъ“, „Клирошане“ и т. д. Все это та-же зотовщина, та-же мордовщина, и даже изъ иностранныхъ историковъ-романистовъ редація „Исторической Библиотеки“ выбрала для перевода какого-то французскаго Мордовцева, — Витта, тенденціознаго легитимиста („Жанна Монфоръ“, „За живой изгородью, или вандейская война“). Въ довершеніе всего, и переводчики, и редація „Библиотеки“ такъ безграмотны, такъ безтолковы, что романы Витта въ томъ видѣ, какъ они помѣщены въ журналѣ, нисколько не лучше „Георга, аглицкаго милорда“. Вотъ образчики перевода романа „За живой изгородью“: „Войска вандейскія торжествовали обыкновенно числомъ и порывами храбрости“ (стр. 64). „Онъ пошелъ на службу Богу и не разставаться съ нами“ (стр. 66). „Лишить возможности *сими* слѣдовать за собой“ (79). *Ему* мы должны *относить* славу побѣды“ (80). „Крики пьяныхъ солдатъ ясно говорили женщинамъ полное разрушеніе ихъ жилищъ и всего, что оставалось у нихъ еще на землѣ“ (101) и т. д. „Жанна Монфоръ“ переведена такъ-же безграмотно и безтолково; рыцарей, наприм., переводчикъ называетъ *кавалерами* (стр. 18 и др.) и т. д. Такъ-же переведены „Индусы и Будда“ Дункера (№ 4—5). Не менѣе безграмотно и безтолково составляется „Библиографическій Указатель“: напр., „не внимайте *этого* о, вы, звѣзды“ (№ II, стр. 16), или, рассказавъ содержаніе одной статьи объ Аннѣ Павловнѣ, бывшей замужемъ за австрійскимъ эрцгерцогомъ и умершей *отъ родовъ*, библиографъ заключаетъ: „этотъ грустный примѣръ такъ преждевременно угаснувшей жертвы до очевидности доказываетъ бесполезность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вредность внимательства династическихъ интересовъ въ интересы національные. Народъ всегда идетъ своей намѣченной дорогой“ (№ XI, стр. 12). Причемъ тутъ народъ, какое можетъ быть отношеніе между нимъ и смертью женщины отъ родовъ, предоставляю рѣшить самому читателю. Я убѣжденъ, что сотрудники „Библиотеки“—все древніе старцы изъ отставныхъ чиновниковъ, которые отъ скуки почитываютъ книжки о тѣхъ временахъ, когда они были молоды и служили, а потомъ вычитанное въ этихъ книжкахъ излагаютъ *своими словами* и печатаютъ, благословясь, воображая, что они сообщаютъ что-то новое. Вотъ, напр., въ № 8-мъ отдѣлѣ „Матеріалы, замѣтки и новости“ содер- жить въ себѣ такіа

„Новости“.

„Подъ названіемъ „Новости“ въ наше время издается газета; но 80 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1799 году, подъ такимъ-же названіемъ издавался „журналъ“, въ которомъ осмѣяны были романъ автора басенъ и мелкихъ стихотвореній, Александра Ефимовича

Измайлова. Романъ Измайлова назывался: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и общества“. Написанный въ сатирическомъ родѣ, онъ пользовался заслуженною въ то время славою; но журналъ „Новости“, издававшійся Петромъ Ивановичемъ Голубковымъ, посягнувъ, въ одной изъ *четырехъ* вышедшихъ книжекъ, на его *раскритикованіе*, чѣмъ и *ознаменовалъ свое достоинство*, оставивъ о томъ *потомству* память, а самъ прекратилъ свое существованіе: пятой книжки журнала „Новости“ уже не выходило.

Н. А. Лебедевъ“.

Вотъ вамъ и вся *новость*, вычитанная изъ какой-нибудь хрестоматіи и неизвѣстно къ чему тутъ приплетенная.

А вотъ и другая новость, сообщенная въ № 7-мъ:

„Разъясненіе причины: почему А. С. Пушкинъ написалъ посланія А. Ф. Орлову и П. Д. Киселеву.

„Въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщена статья „А. С. Пушкинъ“, въ которой, между прочимъ, сказано, что Пушкинъ, въ 1818 году, въ театрѣ встрѣтился съ А. Ф. Орловымъ, который убѣждалъ его не переходить въ гусары (о чемъ предъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ П. Д. Киселевымъ); если-же и поступить въ военную службу, то ужъ лучше въ конную гвардію. Эти нѣсколько словъ, неимѣющія почти никакого значенія въ общей статьѣ, служатъ важнымъ разъясненіемъ того, почему Пушкинъ написалъ посланіе въ А. Ф. Орлову такого рода (*приведены стихи*). Такимъ образомъ, теперь становится понятнымъ смыслъ, содержаніе и причина появленія стихотворенія. Н. А. Лебедевъ, 24 іюня 1879 г.“. Такимъ-то образомъ старички „Библиотеки“ посыпаютъ своимъ песочкомъ выписки, сдѣланныя ими изъ хрестоматій, по которымъ учатся ихъ внуки, и въ простотѣ душевной приподносятъ этотъ песочекъ читателямъ. Еще *новость* „Возникновеніе божьяго мира въ западной Европѣ и его историческое значеніе“ (№ X, стр. 1—13). Авторъ, извѣстный нѣкогда своею „откровенностью“ Д. Щегловъ, дѣлаетъ нѣсколько выписокъ изъ хрестоматіи Стасюлевича, посыпаетъ песочкомъ, и отдѣлъ *новостей* готовъ! Эхъ, старички, старички, кушали-бы вы лучше свою кашку, песочекъ-же пригодился-бы для домашняго обихода, а то только людей смѣшите, какъ г. Лебедевъ или Минаевъ-отецъ, перелагающій въ форму разсказа письма Даля о хивинской экспедиціи и поддѣлывающій народныя легенды (№ XI).

Изъ всѣхъ статей „Исторической Библиотеки“ за 1879 г. можно назвать дѣйствительно серьезною только одну: „Арсеній, епископъ эласонскій“ (№ 8—9), но она такъ серьезна, что едва-ли кто въ силахъ прочесть ее, и ей мѣсто не въ „Библиотекѣ“, а скорѣе

въ „Древней и Новой Россіи“. Съ октября этотъ журналъ началъ выходить подъ новой редакціей, о которой пока нельзя сказать опредѣленнаго мнѣнія; при старой-же редакціи въ „Россіи“ производили свои упражненія Ор. Миллеръ, Н. Аристовъ, Сухомлиновъ, Бѣловъ и др. мудрецы земли русской. Упражнялись они единственно для собственнаго удовольствія, и говорить о нихъ нечего, но кромѣ ихъ многоученыхъ твореній въ „Россіи“ встрѣчаются, хотя и не часто, интересные матеріялы и статьи, напр., рассказы Дубасова, Славатинскаго, „Народное здоровье и леченіе“ Минорскаго (№ 7); не безъинтересенъ также отдѣлъ „Замѣтки и новости“. Вотъ, напр., въ окрестностяхъ Новочеркасска есть *Генеральское* озеро, названное такъ потому, что прежде въ немъ имѣли право ловить рыбу и охотиться на его берегахъ одни генералы (ужь не щедринскіе-ли?); у озера всегда жили три сторожевые казака, которые схватывали каждаго охотника-не-генерала и тутъ-же наказывали плетью (V, 81)! Интересенъ также поданный Александру I проектъ скопца-камергера Еленскаго объ учрежденіи „божественной канцеляріи“. По его совѣту, въ каждый городъ, полкъ и на каждый корабль слѣдовало назначить скопца-іеромонаха и скопца-пророка, но такъ, чтобы ни свѣтское, ни духовное начальство не знали, что они скопцы. Затѣмъ начальники городовъ, полковъ, кораблей не должны были предпринимать ничего, не посоветовавшись предварительно съ помянутыми іеромонахами. Послѣдній-же, узнавая волю Божію чрезъ пророка, долженъ былъ поправлять дѣятельность начальниковъ, согласно съ этимъ высшимъ указаніемъ. Самъ Еленскій съ двѣнадцатю пророками хотѣлъ состоять для этой цѣли при главной арміи; жемскупитель Кондратій Селивановъ долженъ былъ находиться при особѣ самого государя, тайно руководя высшими государственнымнн соображеніями и призывая благословеніе на всякое благое начинаніе. Весь этотъ теократическій строй долженъ былъ представлять такъ-называемую „божественную канцелярію“ (№ VIII, 347). И этотъ сбродъ матеріяловъ, несвязанныхъ между собою никакимъ общимъ планомъ, никакимъ критическимъ выборомъ, ничѣмъ похожимъ на какую-нибудь живую связь съ дѣйствительной исторіей, называется „Исторической Библіотекой“ и приподносится читателямъ не въ видѣ сказокъ Хавроньи, а въ видѣ серьезнаго изданія, претендующаго на просвѣщеніе и поученіе публики. Если справедливо, что еще русская журналистика не находилась въ рукахъ болѣе бездарныхъ издателей и редакторовъ, то справедливо и то, что никогда бездарность не дѣйствовала такъ нагло и откровенно, какъ въ настоящее время.

„Русскій Архивъ“ хотя и не набиваетъ своихъ книжекъ уче-

нымъ профессорскимъ хламомъ, какъ „Россія“, и извѣдка предпочитаетъ отечественнымъ бездарностямъ иностранные таланты, вродѣ французскаго профессора Рамбо, но и онъ съ каждымъ годомъ становится безсодержательнѣе, печатая большею частью неинтересные и мало пригодные матеріалы и совершенно безцвѣтныя монографіи, какъ „Первыя русскія поселенія на сибирскомъ востокѣ“, Шумахера (№ 5 и слѣд.). Изъ новыхъ интересныхъ матеріаловъ можно указать на статью „Судящій повѣ“ (№ 9), письмо кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу по поводу похоронъ Пушкина (№ 3) и на житіе Березина (№ 2), бывшаго петербургскимъ городскимъ головой въ XVIII в. Житіе это написано какимъ-то прихлебателемъ Березина съ его словъ и начинается такъ: „Не громкую исторію, героя писать я начинаю, но жизнь, достойную уваженія и памяти, мужа, подобнаго, по случаю откровенія, Моисею на горѣ Хоривѣ, во время паствы овецъ (кн. II Моисей, гл. 3, ст. 7). Родитель его былъ крестьянинъ ярославскаго уѣзда, Спасскаго монастыря, села Еремейцова, селянинъ Петръ Никифоровъ, а родительница—Татьяна Васильевна“ (стр. 227). Родители по бѣдности отдали его въ пастухи. Однажды въ полѣ мальчику будто-бы явился Господь и сказалъ: „ты будешь богатъ“ (стр. 228). Въ 1747 г. Березинъ ушелъ въ Питеръ и поступилъ сначала въ *мальчики* при лавкѣ, а потомъ въ прикащики. „Счастіе, говоритъ онъ, — руководствуя мнѣ въ новомъ моемъ торгѣ, доставило мнѣ столь чувствительный барышъ по концѣ годового счета въ лавкѣ, что хозяинъ никакъ не возмогъ тому повѣрить, что я, не обмѣривая и не обвѣшивая покупщиковъ, могъ приобрести. Сія недовѣрчивость навлекла мнѣ много огорченія, хотя и послужила послѣ, по замѣчанію моему, къ лучшему признанію; но какъ я былъ въ совѣсти моей непороченъ, посему и принималъ за невинное на себя подозрѣніе невеселый видъ,—то хозяинъ вмѣсто признанія, при пришедшемъ къ нему другѣ, въ одно время призвалъ меня, противъ моего чаянія, сперва разспрашивалъ меня, какъ я могъ въ лавкѣ втеченіи года приобрести барышъ, но по какимъ-бы то ни было причинамъ сей угрюмый и степенный человекъ вмѣсто похвалы наказалъ меня тѣлесно, чего я никакъ не заслуживалъ за свое раченіе и вѣрность“ (стр. 230). Березинъ бросилъ хозяина, записался въ купцы, купилъ домъ, построилъ пивоваренный заводъ, „раченіемъ своимъ и помощью божіей“, разжился, сдѣлался миліонеромъ, имѣлъ будто-бы новыя видѣнія, жилъ и представился въ благочестіи, и по поводу его праведнаго житія біографъ восклицаетъ:

„Стремился къ истинѣ, пари душа къ блаженству,
Тамъ Сый соединилъ въ себѣ все къ совершенству!“

Можно еще указать на статью г. Трефолева о первом провинциальномъ журналѣ, „Уединенный Попехонецъ“, издававшемся въ Ярославлѣ въ 1786 г. (№ 9),—вотъ и все интересное въ „Архивѣ“ за цѣлый годъ. „Русская Старина“ гораздо разнообразнѣе, такъ-что новая редакція „Др. и Нов. Россіи“ вполне права, когда говоритъ: „Чего тутъ только нѣтъ! И декабристы, и митрополиты, и тайная канцелярія, и пугачевцы, и раскольники, и жандармы,—словомъ, всякіе интересы, страсти и ужасы! Пикантнаго очень много. Но въ пикантности нѣтъ спасенія, даже и для кармана издательскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что читающая наша публика умнѣетъ, вмѣстѣ все съ большимъ и большимъ распространеніемъ въ ней серьезнаго образованія, и что эту часть публики пикантною не заманишь. Отъ многихъ читателей „Русской Старины“ мы слышали, что они весьма возмущаются приподнесомъ имъ, напримѣръ, такого сорта чтенія, каковы записки жандарма Стогова. Дѣйствительно: цинизмъ рассказчика, похвальба его, что онъ запарывалъ чуть-чуть не до смерти, какія онъ велъ интриги, до того баснословны, что отчасти напоминаютъ Хлестакова съ его тысячами курьеровъ. Впрочемъ, это было-бы даже въ нравственныхъ интересахъ самого рассказчика, еслибы его обвинили въ самоклеветаніи, а не признали въ немъ дѣйствительно ужаснаго человѣка, какимъ онъ себя рисуетъ и какъ-бы даже хвастается и похваляется. Во всякомъ случаѣ, подобные мемуары, какъ и всякіе, требуютъ весьма осторожнаго отношенія къ нимъ со стороны редакціи. Осторожность эта должна выражаться въ собраніи хотя нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ объ авторѣ мемуаровъ, въ повѣркѣ сомнительныхъ извѣстій и данныхъ и, наконецъ, въ общей и частной (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) оцѣнкѣ. Редакція-же „Русской Старины“, къ сожалѣнію, не сдѣлала этого по отношенію къ запискамъ Стогова, и онъ такъ, налегкѣ, и пошли гулять между любителями клубничнаго чтенія“ („Др. и Нов. Россія“, 1879, X, стр. 165—166). Все это совершенно справедливо, особенно о запискахъ Берга и Стогова. Послѣдній многое *переворачиваетъ* по забывчивости и еще больше *привираетъ* по привычкѣ хлестаковской развязности, такъ-что въ-концѣ-концовъ выходитъ исторія во вкусѣ фон-визиновской Хавроньи. Судите сами. „Памятный день въ Иркутскѣ въ 1832 году“. Пошелъ г. Стоговъ гулять за городъ, и на него дважды нападалъ съ ножомъ какой-то пьяный убійца. Въ тотъ-же день на Каштакѣ, гдѣ гулялъ авторъ, кѣмъ-то зарѣзаны двѣ женщины. Въ тотъ-же день поѣхалъ г. Стоговъ верхомъ по улицѣ и видитъ, что крестьянинъ подалъ каторжнику пятакъ; „какъ только подавшій повернулся, каторжный ударилъ его ножомъ въ спину; крестьянинъ упалъ, и убійца сва-

заль: „подлецъ, скрага, не могъ подать болѣе!“ Въ тотъ-же день, въ семь часовъ вечера, Стоговъ шелъ по Большой улицѣ, по лѣвой сторонѣ, а по правой шла молоденькая, хорошенькая дѣвушка, на-встрѣчу-же ей молодцоватый унтеръ. „Встрѣтись съ дѣвушкой, онъ быстро обнялъ ее и поцѣловалъ. Слышалъ я какой-то крикъ, и затѣмъ унтеръ положилъ дѣвушку на тротуаръ, повернулъ назадъ и пошелъ такъ-же бодро. Перейда улицу, я подошелъ къ дѣвушкѣ: она была мертва, убита большимъ ножомъ въ сердце“. Оказалось, что унтеръ вовсе не зналъ ея, но убилъ единственно за тѣмъ, чтобы попасть въ каторгу, такъ-какъ каторжнымъ въ то время было не житье, а масляница, содержались они даже „роскошно“. Послѣ этого и рѣшено уничтожить всѣ удобства каторжныхъ“ (XXIV, 56 — 63). Да, столько ужасей въ одинъ день, и какъ это г. Стоговъ самъ не убилъ или не ограбилъ кого-нибудь въ тотъ-же день для пушаго эффекта. Впрочемъ, онъ тоже былъ прикосновененъ къ дѣлу объ убійствахъ, грабежахъ и разбояхъ. Въ Иркутскѣ, видите-ли, у него былъ конь, да не простой конь, а „арабскій, бѣлорожденный (?)“, и былъ кучеръ, да не простой кучеръ, а атаманъ двухъ разбойничьихъ шаекъ, жившихъ въ горахъ около города; каждую ночь онъ ѣздилъ на „бѣлорожденномъ“ конѣ то къ одной, то къ другой шайкѣ. Была еще у автора собака Любимъ, которая дважды спасла ему жизнь отъ покушавшагося на него деньщика. Это было въ Петербургѣ. Деньщика сослали въ Сибирь, „а Любимъ окончилъ земное свое бытiе въ 1847 г. въ Кiевѣ. Удивительной понятливости была собака“ (стр. 65—67). Понятно, что всѣ эти Хавроньины сказки помѣщаются въ журналѣ для любителей сильныхъ ощущений, но вѣдь прошлое Россiи представляетъ столько дѣйствительной пищи для сильныхъ ощущений, что можно-бы обойтись и безъ подобной старческой болтовни. Вотъ, напр., характерное письмо (1828 г.) заводовладѣльца Яковлева. „Павелъ Митюнинъ! Съ чувствительнымъ прискорбiемъ изъ репортиціи за 13-е Маія вижу, что ты решительно Климковской Домны Дѣйствiе употребленiемъ вместо Сока руды располагаешься закончить. Смотри, Митюнинъ, я тебе решительно Скажу: береги Свою голову и действуй не интригою, злобою или мщенiемъ къ Лютикову, а иди прямой Дорогой, ибо ты ни ему по остановкѣ Домны зделаешь зло нестерпимо, а мимъ будешь убійцомъ, а за таковое ты публично на площади не будешь пощаденъ, и для того, глупейшая скотина, ты Долженъ всякое обстоятельство заблаговременно предусматривать и объ экстренности мне личностiю доносить, упущенiе-же, по вышеизложенному предмету, будетъ Для тебя темъ памятно, что ты до новыхъ вениковъ не забудешь. Послезавтра, какъ Скоро отецъ

твой на Климовку явится, имѣешь ты, с..... с..., ко мне явится; а я съ тобой переговорю о чемъ слѣдуетъ, какъ должно; Симъ-тебе, с..... с..., Строжайше предписываю, съ полученія сего, тотъ-часъ, извергъ, съ благонадежнымъ служителемъ отправь въ Старой баркѣ, которая теперь напристани, людей на встрѣчу отправленной отъ сюда барки съ сокомъ, да и самъ, мерзавецъ, на означенную барку отправься и поспешнейшимъ образомъ оную на пристань доставь и сокъ въ самоскорейшимъ образомъ на Климовскій заводъ перевози. Сыпь по Климовской Домне держи с..... с..." (XXVI, 169). Или возьмите прекрасныя „Записки сельскаго священника“ 30—40 годовъ (№ 10 и 11). „У учителей нашихъ, говоритъ онъ,—было два метода занятій съ учениками: одни сперва пороли, потомъ уже спрашивали уроки, а другіе сперва спрашивали уроки и потомъ уже пороли. Тѣмъ только и отличались одинъ отъ другого“. Пороли ужасно, ежедневно. „Когда-же учителю хотѣлось какого-нибудь бородача *пробратъ*, какъ говаривалъ онъ, то онъ кричалъ: „эй, Фавматурговъ, Ексцелентеровъ, Копенгигеновъ! Ну-ка, задайте!“ И изъ-за развалившейся печки, съ полу, три-четыре силача поднимаются съ глупыми и заспанными рожами. Это исключаютъ, какъ звались тогда подобныя, т. е. исключаютъ. Такихъ въ каждомъ классѣ было много. Они уже не брали книгъ въ руки; они только пьянствовали, безобразничали, ходили въ классъ отъ скуки, и любимымъ занятіемъ ихъ было пороть. Это были палачи, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но и тотъ, котораго учителю, для разнообразія и развлеченія, безъ всякой особой причины, вздумалось *пробратъ*, былъ такой-же силачъ, какъ и его палачи, и даться живымъ въ руки не хотѣлъ. Сидѣли такіе всегда на заднихъ партахъ, а парты наши были толстыя, высокія и долгія во весь брусъ скамейки. Ухватится такой за парту и ждеть. Нужно было его вытащить, а это не такъ легко. Доберется до него Фавматурговъ съ пріятелями и начнетъ мять и отдирать отъ парты. Но тотъ вцѣпится въ парту руками, обовьетъ скамейку ногами и замреть! И почнется возня: сопятъ, кричатъ, парты и скамейки трещатъ, летятъ вверхъ ногами, пыль, хохотъ!.. Учителю и любо. „Молодецъ Апеляціоновъ, подзадориваетъ онъ,—не поддавайся, хорошенько ихъ по зубамъ“. Апеляціоновъ повѣрилъ учителю, и только поднялъ кулакъ, чтобъ хватить Фавматургова въ лицо, какъ Ексцелентеровъ схватилъ его за руку и замеръ на ней. Учителю и любо, что обманулъ; животикъ надрываетъ, хохочетъ. Апеляціоновъ, хотъ и обезсилѣлъ на одну руку, но крѣпко обвился ногами и ухватился другою. Учитель подзадориваетъ другую сторону: „Эхъ, Фавматурговъ, еще кулачные бойцы всѣ вы трое, а не сладите съ однимъ! Ну-ка,

Бриллиантовъ, Пигмеевъ, помогите имъ!“ Противъ пятерыхъ уже недостаетъ силъ, и Апеляціонова вытаскиваютъ и порютъ, — порютъ въ двѣ лозы ужасно!.. Апеляціоновъ молчитъ и только отдувается. Учитель сидитъ и посмѣивается: „А, молчитъ? Валяй, ребята, пока закричитъ!“ Тѣ дерутъ, что есть мочи... „Ну-ка, ребята, смѣется учитель,—переверните, да комлями!“ Перевернули и начали бить по животу. Все тѣло превратилось въ какую-то говядину... Наконецъ, избитый до полусмерти, едва живой, Апеляціоновъ застоналъ. Учитель, совершенно довольный тѣмъ, что онъ, наконецъ, добился-таки своего, что тотъ застоналъ, улыбаясь, говоритъ: „ну, будетъ съ него, до завтрашняго дня, довольно!“ И несчастный, едва живой, поползъ подъ парты“ (стр. 434 — 435). Бурсы не топили даже зимой, „двери разбитыя, звеневъ въ окнахъ не было на половину; поднимется, бывало, мятель—вьюга въ классѣ вертитъ снѣжный вихрь и несетъ изъ оконъ въ дверь“ (стр. 436). Особенно интересныя вещи рассказываетъ авторъ объ архіерейскихъ пѣвчихъ (саратовскихъ). „Главнымъ начальникомъ въ хору, конечно, регентъ. Имъ былъ у насъ полковой священникъ П. Н. Павильоновъ. Это уже былъ не звѣрь, вродѣ инспектора Архангельскаго, а изъ звѣрей звѣрь, и порки поэтому опять на первомъ мѣстѣ. Игралъ онъ на всѣхъ духовыхъ инструментахъ, а въ особенности на скрипкѣ, великолѣпно; пѣніе зналъ отлично, но оно было всегда съ военнымъ оттѣнкомъ—скоро, бойко, отрывисто. Чуть кто сфальшивитъ, онъ и кричитъ: фись! и бацъ въ рыло или колѣнкою подъ бороду. Однажды одинъ изъ квартирныхъ мальчиковъ не пришелъ на спѣвку. Онъ послалъ; привели его, сторожа привязали его къ скамейкѣ и начали сѣчь по-солдатски... Кровь льется на полъ, мальчикъ пересталъ кричать, а Павильоновъ ходитъ себѣ по пѣвческой и разыгрываетъ на скрипкѣ различныя варіаціи, какъ ни въ чемъ не бывало. Прибѣгаетъ старичекъ іеромонахъ Мефодій: Петръ Никифоровичъ! Что вы дѣлаете? Вы засѣбли!—„Вонъ, старый!.. не твое дѣло!“ Мальчика снесли едва живымъ. Басами и тенорами у насъ были дьяконы, дьячки и семинаристы. Дьячковъ таскалъ онъ за косы, дьяконовъ дупилъ кулаками, но семинаристовъ почему-то только ругалъ, а ругалъ хорошо, но не трогалъ. Однажды я, за архіерейской обѣдней, пѣлъ соло и, вѣроятно, сфальшивилъ. Онъ камертономъ и ну рвать мнѣ щеку. У меня полились слезы, я больше зафальшивилъ, а онъ больше сталъ рвать меня; я еще хуже, а онъ еще больнѣй. Послѣ за то онъ и задалъ мнѣ!.. Эхъ, времена, времена! Какъ жаль, что вы были!“ (стр. 440). Въ пѣвчіе никто не шелъ добровольно, а набирали силою (443), хотя пѣвческая жизнь имѣла свои прелести. Вотъ, напр., пѣвчіе ѣдутъ по епархіи. „ѣдутъ тройками пять огромнѣй-

шихъ старинныхъ телѣгъ съ узенькими кибиточками на задкѣ. Въ одной изъ нихъ лежатъ сундуки съ архіерейскою ризницей и всевозможныхъ родовъ и цвѣтовъ узелками пѣвческаго туалета. На остальныхъ четырехъ ѣхали: протодіаконъ, два иподіакона и 20 человекъ пѣвчихъ. Вотъ здѣсь-то и картина, — что это за народъ. Одинъ, бась, лежитъ въ одномъ бѣльѣ, вздернувши голыя ноги къ кучеру на козла, оретъ во все горло пѣсни; другой сидитъ, свѣся ноги, въ пестромъ халатѣ и колпакѣ (въ то время была мода на колпаки); рядомъ съ нимъ мальчишка, въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ; четвертый мальчишка вскарабкался къ кучеру на козлы въ казенномъ пестромъ халатѣ и въ протодіаконской шапкѣ, который спитъ непробуднымъ сномъ; одинъ сидитъ по другую сторону телѣги, въ одномъ сюртучишкѣ, разувшись, и прилаживаетъ удочку; рядомъ съ нимъ его товарищъ держитъ на колѣняхъ сманенную имъ собаку и за обѣ щеки уписываетъ краюху, данную ему какою-нибудь доброю матушкой. И въ этомъ родѣ на каждой телѣгѣ. Вдругъ кто-нибудь изъ большихъ начинаетъ неистово орать во всю глотку. Это значитъ, сказать по-малороссійски, дае чудку другимъ, что нужно остановиться и выпить. И, дѣйствительно, какъ только примется кто-нибудь орать, то сейчасъ останавливаются всѣ, собираются вмѣстѣ, пьютъ и снова ложатся. Я не нахожу словъ, кому уподобить и съ кѣмъ сравнять пѣвчихъ архіерейскаго хора, особенно въ это время. Это не переселеніе евреевъ и не таборъ кочующихъ цыганъ,—нѣтъ: тамъ вы видите бѣдность, неряшество, но и доброту, хотя съ отгѣнкомъ плутни. Здѣсь-же вы видите, съ крайнимъ неряшествомъ, крайній цинизмъ и крайнюю наглость. Такой крайній нравственный упадокъ можно было видѣть только въ пѣвчихъ архіерейскаго хора. Пѣвчихъ архіерейскаго хора нашихъ временъ можно было сравнить развѣ только съ ордой временъ какого-нибудь Тохтамыша, — и только. Другого народа вы не подберете, потому что нигдѣ вы не найдете такого неряшества, безстыдства и наглости. И эта орда, какъ была въ дорогѣ, въ такомъ-же точно видѣ наѣзжаетъ на домъ забитаго нуждой сельскаго священника! Составляя хвостъ полновластія, каждый считалъ себя полновластнымъ и хозяйничалъ въ домѣ. О приличіи никто и не думалъ. Каждый былъ убѣжденъ, что его, какъ-бы онъ ни былъ безобразенъ, принять должны; что его поить должны; что онъ можетъ вести себя въ домѣ всякаго священника, какъ ему угодно; всякій зналъ только себя, и больше никого. Поэтому: пьянство, охальство, севернословіе, иногда и драки,—стонъ стонѣтъ, хоть святыхъ вонъ выноси! Не скоро, вѣроятно, опамытывались и не разъ перекрестились батюшка съ матушкой, когда орда откочевывала“ (стр. 445—446).

„Однажды преосвященный Іаковъ взялъ насъ освящать церковь за Волгу, въ село Всесвятское. По дорогѣ намъ привелось ночевать въ одной нѣмецкой колоніи. Въ это время у нѣмцевъ былъ какой-то праздникъ. Въ одинъ домъ, гдѣ была музыка, забрались и мы. Недолго терпѣли наши наибольшіе нѣмецкое пѣніе, да какъ разомъ хватили: „Не бѣлы-то свѣги!“ Мы завизжали, и пошла катать. Нѣмцы и рты разинули. Они и понятія не имѣли и не знали, что у людей, какъ наши протодіаконы и діаконы, могутъ быть такія глотки. Между нашими басами былъ семинаристъ, нѣкто Синицынъ. Это вродѣ бабки, которую забываютъ свая: уродъ собой, небольшого роста, широкій, а глотка—хоть въ шубѣ лѣзь. Какъ разинулъ свою пасть Синицынъ, нѣмцы: „бикъ, бикъ (бмъ)! водка пьете?“—„Немного“. Хозяинъ и подносить ему рюмочку. — „Я изъ такихъ никогда не пилъ“. Хозяинъ думалъ, что рюмка слишкомъ велика, и сталъ-было брать поменьше. Но Синицынъ взялъ квасной стаканъ и говоритъ: „вотъ, наливайте!“ Хозяинъ съ недоувѣріемъ налилъ, полагая, что онъ шутитъ; но Синицынъ хватилъ его залпомъ. У хозяина и гостей чуть глаза не выскочили,—такъ ихъ удивило это. Синицынъ подаетъ стаканъ и говоритъ: „позвольте еще!“ Но нѣмцы закричали въ голосъ: „нельзя, нельзя, сдохнетъ, сдохнетъ!“ Синицынъ сѣлъ и пересталъ пѣть. Минуть черезъ десять хозяинъ видитъ, что гость не сдохъ, улыбаясь, показываетъ ему на стаканъ и говоритъ: „ну, теперь можно? Хотите еще?“—„Да что-жь съ вами дѣлать, коль вы скупые“. — „Я скупой? Нѣтъ, пей, милій шеловѣкъ! Пей!“ Синицынъ выпилъ и опять загорланилъ. Нѣмцы были въ восторгѣ, какъ отъ необыкновенныхъ басовъ, такъ и отъ того, сколько эти басы могли выпить водки, и поили отъ чистаго сердца до отвалу. По всей вѣроятности, вся колонія не выпила-бы столько во весь праздникъ, сколько наши пѣвчіе, человѣкъ десять, выпили въ одну ночь“ (стр. 454—5).

Изъ другихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, особенно интересны „Волненія крестьянъ въ пермскомъ краѣ въ 1842 г.“ и заявленія, напечатанныя кн. А. А. Суворовымъ въ „Костромскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г., въ бытность его временнымъ костромскимъ губернаторомъ. Эти заявленія очень поучительны для газетныхъ писаекъ, которые по поводу пожаровъ вричать о поджогахъ. Въ Костромѣ были страшные пожары. Губернаторъ рѣшилъ, что причина — поджоги. „Первымъ дѣломъ мѣстной власти было захватить подъ стражу всѣхъ проживающихъ въ Костромѣ уроженцевъ польскихъ и другихъ западныхъ губерній. Всѣ они безъ изыятія, обоюга пола, были заключены въ городскую тюрьму, а нѣкоторые подъ конвоемъ солдатъ съ обна-

женщымъ оружіемъ были еще водимы по городу для показанія народу...

„Народъ, по привычѣ видѣть въ распоряженіяхъ правительства всегда строжайшую справедливость, и въ настоящемъ случаѣ смотрѣлъ на преданныхъ позору людей, какъ на своихъ злодѣевъ, а въ числѣ ихъ были истинные друзья человѣчества, испытанные, вѣрные слуги царю и престолу...“

Укажемъ еще на прекрасныя статьи: В. И. Семева „Крестьяне при Екатеринѣ II“ и профессора Иконникова „Арсеній Мацѣевичъ“. За такія статьи и за упомянутые матеріалы можно простить редакціи даже циническую болтовню Стогова и безцвѣтную біографію Инокентія, и Киселева въ Молдавіи, и нелѣпыя вирши Висковатова, и многое другое, вродѣ слѣдующихъ „шутокъ“:

Chantons, célébrons la gloire d'Achylle.

Антонъ серебро по бульвару тащилъ.

Sacrifice volontaire de l'indépendance.

Не кривись волонтеръ, не то поддамъ.

Salon de musique (названіе павильона близъ г. Павловска).
Соленый мужикъ (отвѣтъ мужика, знавшаго, какъ называется этотъ павильонъ у господъ).

Къ чему эти „шутки“, особенно послѣ анекдотовъ Богуславскаго, и очень забавныхъ, и имѣющихъ историческое значеніе? Вотъ, на примѣръ, „графъ Эсенъ, бывший с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, обязанный своимъ возвышеніемъ не воинскимъ или государственнымъ заслугамъ, а единственно капризу счастья, былъ человѣкъ добрый, но ниже даже золотой посредственности, такъ что часто при докладѣ ему бумаги спрашивалъ: „что это—мы пишемъ или къ намъ пишутъ?“ (стр. 551). Или: извѣстная графиня Орлова хотѣла около Юрьева мужского монастыря выстроить женскій и съ просьбою объ этомъ обратилась къ императору. „Согласенъ, шутливо отвѣчалъ государь,—но съ тѣмъ, чтобы между этими монастырями устроить также и воспитательный домъ“ (стр. 121). „По назначеніи Ермолова членомъ государственнаго совѣта, князь Любецкій писалъ къ нему въ Москву, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ въ совѣтѣ скоро будетъ предложенъ для обсужденія вопросъ: полезно-ли въ теперешнемъ составѣ учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ“. Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ впередъ объявляетъ свое мнѣніе о пользѣ этого учрежденія, въ томъ вниманіи, что съ тѣхъ поръ, какъ оно образовалось, между крестьянами этого вѣдомства было 42 бунта, прекращенныхъ только силою оружія, а какъ Россія давно уже пользуется миромъ, то

войска, сражаясь съ крестьянами, будутъ приучаться къ войнѣ“ (стр. 116).

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ могу порадовать любителей историческаго чтенія извѣстіемъ, что съ будущаго апрѣля будетъ издаваться еще новый историческій журналъ: „Старое Время“. Программа его самая разнообразная; цѣна 3 р.,—„на всю зиму пріятнаго чтенія“; редакторъ-издатель—книгопродавецъ Лисенковъ. Въ первыхъ книжкахъ будутъ помѣщены между прочимъ: 1) Еще о мѣдныхъ деньгахъ въ Испаніи XVII в., проф. Брикнера. 2) Новые данныя о Фомѣ и Еремѣ, проф. Аристова. 3) Семь палачей и сто одинъ убійца, рассказъ Э. Стогова. 4) Мое путешествіе по Африкѣ въ 1743 г., В. И. Немировича-Данченко. 5) Какъ я обѣдалъ у англійской королевы и игралъ въ кегли съ Гладстономъ, Молчанова. 6) Вольтеръ и Матрена Савишна Перекусихина, историческій романъ Д. Л. Мордовцева; его-же эпическая поэма о „непотребныхъ женахъ“ XVI вѣка. 7) Очеркъ сыскной полиціи въ XVII вѣкѣ, М. Н. Каткова. 8) Историческое значеніе мясного ряда въ Москвѣ, А. Суворина. Всѣ другія литературныя знаменитости примутъ живѣйшее участіе въ этомъ неподобномъ изданіи, не исключая и московскаго Миши Евстигнѣева.

А чтобы читатели „Стараго Времени“ не скучали отъ серьезнаго чтенія и не впадали въ меланхолію, столь обыкновенную въ наше время болѣзнь, при журналѣ будутъ разсылаться великолѣпныя преміи, исполненныя масляными красками по рисункамъ Густава Доре, а именно: онучи Еруслава Лазаревича и ендова, изъ которой пилъ Соловей - Разбойникъ. Вмѣстѣ съ преміями къ журналу будутъ прилагаться и модныя картинки костюмовъ XII и XIII вѣковъ.

Очень будетъ жалко, если кто-нибудь изъ людей, даже читающихъ по складамъ, не подпишется на этотъ неподобный журналъ.

С. С.

НОВЫЯ КНИГИ.

Варвара Лѣпко и ея семья. Недавняя быль, Н. Каразина.
Спб., 1879.

Любилъ, бывало, я слушать сказки. Особенно мнѣ нравилась одна, въ которой говорилось, какъ у одной не то царевны, не то обыкновенной смертной, было волшебное золотое яблочко, да серебряное блюдечко. „Катится яблочко по блюдечку, рассказывала мнѣ нараспѣвъ нянька, — катится золотое по серебряному, а на немъ корабли плывутъ, войска идутъ. И стрѣльба, и пальба: дымъ облако свиль, все отъ глазъ закрылъ“... Теперь я сказокъ не слушаю, а вотъ со стрѣльбой-пальбой и съ дымомъ-облакомъ опять привелось познакомиться. „Недавняя быль“ г. Каразина вся соткана изъ стрѣльбы-пальбы, да изъ дыма-облака. О заглавіи мы, разумѣется, спорить не будемъ. Автору захотѣлось назвать 70 страницъ печатной бумаги „былью“, ну, и пусть себѣ называетъ на здоровье былью. Но дѣло не въ заглавіи, а въ томъ, что подъ нимъ скрывается, и потому я спѣшу перейти къ содержанію каразинской были. Занавѣсъ поднимается. Театръ представляетъ намъ ее, ее, прекрасную, цвѣтущую Болгарію, этотъ рай земной, который во времена, описываемыя г. Каразиннымъ, турки сдѣлали адомъ, и который мы снова превратили въ рай, но неофициальной благодарности за то отъ освобожденныхъ братьевъ еще не получили... Въ селеніи, названіе котораго позабылъ сообщить читателямъ г. авторъ, жило-было одно семейство. Прежде оно считалось зажиточнымъ, но потомъ турки положили конецъ его благосостоянію. Главу семейства, почтеннаго старика, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ умеръ, домъ у семьи отняли. Осталась „крохотная лачуга въ переулокѣ“. Въ ней-то и жила главная героиня *были*, Варвара Лѣпко, мать, имѣвшая двухъ дочерей. Стар-

шая была красавица, звали ее Еленой, а лѣтъ ей было шестнадцатъ. Имя младшей, семилѣтней „чернушки“, было Марина. Старшій сынъ Варвары, Петко (лѣтъ не значитса), ушелъ въ горы въ инсургентамъ, младшій-же, Коста, бывшій на одинъ годъ старше Елены, стало быть, семнадцатилѣтній (если не ошибаемся, то $16 + 1 = 17$) юноша, соблазнился хорошей одеждой, что давалъ своимъ слугамъ тырновскій паша, и ушелъ въ свиту врага, измѣнивши кресту ради полумѣсяца, родинѣ и семьѣ—ради паши и равной одеждѣ болгарскаго бѣдняка—ради „красной фески съ золотою длинною кистью“, и т. д. Не такова была шестнадцатилѣтняя сестра Косты. Несмотря на то, что у нея была мать, семья, любимый женихъ, она рѣшается искупить своею кровью страданія и оскорбленія, наносимыя ея односельчанамъ турецкимъ чиновникомъ, эфенди моллоу Изединомъ. Елена дѣйствуетъ по примѣру Юдифи, умертвившей Олоферна. Она поступаетъ добровольно въ гаремъ моллы Изедина и убиваетъ его. Преступницу арестуютъ и заключаютъ въ тюрьму, пока не придетъ изъ Казанлыка приказъ, какъ расправиться съ героиней-болгаркой. Въ это время изъ горъ тихо прокрадывается отрядъ инсурентовъ, предводимый Петко. Въ отрядѣ этомъ находится и Марко, женихъ Елены, пожертвовавшій собой ради блага родного селенія. Мать Елены, хоть и мучится скорбью по дочери, которую она скоро должна потерять, принимаетъ тѣмъ не менѣе дѣятельное участіе въ выполненіи плана инсурентовъ—напасть врасплохъ на турецкихъ чиновниковъ, пришедшихъ съ конвоемъ судить Елену. Ночью, дѣйствительно, происходитъ нападеніе. „Сигналь послышался. Сычъ прокричалъ два раза въ оврагѣ... Съ Богомъ!“... „Выстрѣлы прямо въ упоръ... Кто-то стонетъ, кто-то на землѣ (,) какъ лягушка (,) корчится“... „А по всему двору рѣзня идетъ, и уйти некуда защитникамъ. Сгарая Варвара, какъ вѣдьма сказочная, носится съ пучкомъ горящей соломы. Занялось въ разныхъ мѣстахъ, подъ главною крышею задымило“ (стр. 41—43). И стрѣльба, и пальба: дымъ облако свиль, все отъ глазъ закрылъ. Инсургенты побѣдили. Находятъ Елену: она умираетъ. Благодарятъ ее за подвигъ и братъ Петко, и женихъ Марко. Но инсургентамъ пришлось заплатить скоро за свою побѣду. Они уже „выволокли за ноги тѣло Изедина-эфенди, — ногами топчуть... не люди, демоны всѣ сдѣлались, и лица у всѣхъ не людскія, злобно искаженныя“, какъ вдругъ въ селенію приближается турецкое войско, какъ „вдругъ... далеко раздался тяжелый ударъ,—черезъ мгновеніе что-то (,) шипя и завывая (,) пронеслось въ воздухъ, ударило, треснуло о дорогу, еще громче прежняго хватило; и засвистѣли во всѣ стороны брызнувшіе осколки. Первая граната... За ней, черезъ минуту, вторая... Это, поясняетъ ого-

рошенному читателю г. Каразинъ,—подходилъ на рыхляхъ изъ Казанька взводъ артилеріи и черкеская сотня; за ними, отставъ немного, бѣгомъ шла рота низамовъ“ (стр. 45). Разумѣется, опять и стрѣльба и пальба: дымъ облако свилъ, все отъ глазъ закрылъ. Инсургенты всѣ перебиты; палъ геройскою смертью и воевода Петко, палъ и Марко; и осталась одна-одинешенька на бѣломъ свѣтѣ старуха Варвара... Проходить годъ. Русскіе перешли Дунай. Насталъ второй періодъ войны... Плевна, Шибка — памятни для всѣхъ. Появилась въ русскомъ войскѣ „въ дни эпической борьбы за голую вершину святого Николая“ „высокая, худая, какъ скелетъ, сѣдая женщина, съ одною только правою рукою“. Это была Варвара Лѣпка. Много она сдѣлала добра русскимъ. „Ея единственная рука работала безъ отдыха, безъ устали... То несетъ она кувшинъ студеной рудниковой воды, добытой прямо изъ-подъ черкесскихъ пуль; то накладываетъ эта рука мокрую тряпку на сомлѣвшую голову изнемогаго бойца, то эта же самая рука, махая оружіемъ, мелькаетъ въ переднихъ рядахъ ат(т)аки“ (стр. 60). И назвали русскіе солдаты Варвару Лѣпку „сѣдой матушкой“. Проходить еще нѣсколько времени. Передъ нами перо г. Каразина рисуетъ новую картину: Филиппополь, день его взятія. На лѣвомъ берегу рѣки Марицы—бивуакъ русскихъ войскъ. Въ русскомъ лагерѣ—около полтораста плѣнныхъ турокъ. Одинъ изъ плѣнниковъ, красавецъ-юноша, привлекаетъ къ себѣ вниманіе русскихъ офицеровъ: тѣ зовутъ его въ свою палатку. Завязывается разговоръ о женскомъ полѣ. Плѣнникъ Селимъ очень интересуется этимъ разговоромъ и самъ вставляетъ свои рѣчи: „Говорять (,) у васъ весело въ Петербургѣ... паша Респидъ былъ, онъ при мнѣ говорилъ Дервишу. Тамъ у васъ женщины красивыя, бѣлыя, полныя, тамъ...“ (стр. 68). Онъ вдругъ разомъ замолчалъ: въ палатку входитъ Варвара Лѣпка. Оказывается, что Селимъ — это сынъ ея, Коста, измѣнившій родинѣ. Интересъ читателя возбуждается въ высшей степени. Разыгрывается сцена, очень похожая на сцену изъ „Тараса Бульбы“, гдѣ Тарасъ, объявивъ своему сыну, измѣннику Андрею, что онъ „его породилъ, онъ его и убьетъ“, дѣйствительно убиваетъ своего сына. Героиня старуха, въ свою очередь, объявивъ господамъ офицерамъ, Селиму-Костѣ и читателямъ, что одну руку Богъ ей сохранилъ для того, чтобъ наказать измѣнника, перерѣзываетъ измѣннику горло, становится затѣмъ въ позу и произноситъ: „Онъ—сынъ мой, я—его мать. Помимо Бога и меня нѣтъ для него судьи иного“ (стр. 70). Теперь апофеозъ Варвары. Въ награду за только-что описанный подвигъ гражданскаго мужества г. авторъ заставляетъ Варвару умереть на зарѣ освобожденія Болгаріи, въ адрианопольскомъ соборѣ, во время благодарственнаго

молебствія во славу русскаго христолюбиваго воинства—и „свѣтла, радостна, безъ страданій пришла къ ней (конечно, не къ славіи нашего воинства, а къ Варварѣ) желанная смерть“ (стр. 71).

„Быль“, подобно прочимъ произведеніямъ г. Каразина, написана и живо, и бойко, и размашистой кистью умѣлаго и талантливаго рассказчика. Но мы, право, не понимаемъ, какъ хватается у автора охоты писать такія были, въ которыхъ, если угодно, все есть—и пафосъ, и трескъ, и стрѣльба, и пальба, и дымъ-облако, но нѣтъ одной маленькой вещи—содержанія; если хотите, и оно есть, но только вѣдь для извѣстнаго сорта читателей, для которыхъ вполне примѣнимо бессмысленное изрѣченіе когда-то историко-литераторствовавшаго Шевырева: для нихъ все равно,

Что въ морѣ купаться,
То Данта читать.

Для подобныхъ читателей, гонящихся за внѣшнимъ интересомъ произведенія, равноцѣнны будутъ и талантливые кровавые рассказы г. Каразина, и сочиненія Буагобея, и 25 томовъ понсонъ-дю-терайлевскаго умирающаго и немогущаго никакъ умереть Рокамболя. Но читатель серьезный, отдавая должную дань умѣнью рассказывать были и таланту г. Каразина, все-таки спросить:

О чемъ-же это пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случилось имъ,
Такъ мы ихъ слушать не хотимъ.

Дѣйствительно, мы вполне вѣримъ г. Каразину, что его рассказъ—„быль“. Но позвольте-же спросить, что есть въ ней специально характеризующаго Болгарію, есть-ли въ ней живыя картины, представляющія и страну, и эпоху, найдемъ-ли мы въ ней хоть косвенное указаніе на социальное и экономическое положеніе болгаръ, за исключеніемъ „турецкихъ изувѣрствъ“? „Не дѣло рассказчика, скажутъ намъ, заниматься такими превыспренности, какъ описаніе социальнаго и экономическаго положенія болгаръ“. Да мы и не просимъ вѣдь отъ белетристовъ ученыхъ трактатовъ; пусть они только въ художественной формѣ будутъ представлять намъ дѣйствительную мѣстную среду, въ которой приходится вращаться дѣйствующимъ лицамъ рассказа. А то эта болгарская „быль“ легко можетъ быть превращена въ быль французскую, англійскую, русскую, японскую, индійскую и т. д., стоитъ только переимѣнить собственныя имена. Другое дѣло, еслибъ г. Каразинъ обратилъ вниманіе и задался цѣлью представить психическую сторону своей главной героини, которой приходится считаться какъ съ родственными чувствами, такъ и съ сознаниемъ

гражданскаго долга; тогда можно было-бы до известной степени и не требовать мѣстнаго колорита отъ „были“... Но вѣдь внутренній міръ Варвары Лѣлко, насколько мы могли понять изъ лежащей предъ нами книжки, фигурируетъ для г. Каразина только въ качествѣ полотна, по которому бойкая кисть батальнаго живописателя рисуетъ сѣрой краской дымъ, красной—кровь, золотисто-желтой—пушки и зеленой—ихъ лафеты.

Исповѣдь дѣльца. Романъ Л. О. Леванды. Спб., 1880.

Въ маленькій губернской городокъ Болотскъ, населенный преимущественно евреями, понадобилось пріѣхать сыну одного миліонера, тоже еврея. Еще за мѣсяць до прибытія этого свѣтила „прискакалъ на курьерскихъ его агентъ, чтобы приготовить для него квартиру. Онъ разѣзжалъ по городу, смотрѣлъ квартиры, дома и гостинницы, фыркалъ, плевалъ, ругался и говорилъ, что Болотскъ—такой свинскій городъ, что въ немъ нельзя найти ни одной порядочной квартиры, а потому онъ *ему* напишетъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ, такъ-какъ ему негдѣ будетъ заквартировать. Такимъ образомъ, болотчане находились нѣсколько дней въ страхѣ, что ихъ ожиданія не сбудутся. Къ счастью, агентъ все-таки умилился и остановился на гостинницѣ одного моего родственника, которая находилась въ аристократической части города, на парадной улицѣ, насупротивъ городского бульвара,—и у всѣхъ отлегло отъ сердца.

„И вотъ началась кутерьма. Надъ гостинницею завозились архитекторы, столяры, маляры, обойщики, декораторы и мебельщики, которые отъ утра до вечера отдѣлывали, устраивали, прилаживали, разстанивливали,—словомъ, приготовляли царскіе чертоги. Со всѣхъ концовъ и угловъ города натаскали на прокатъ мебели, ковровъ, жирандолей, люстръ, гардинъ, портьеръ и прочаго галантерейнагохлама.

„Агентъ ежедневно посылалъ ему эстафеты—рапортовать „о ходѣ дѣла“,—словомъ, билъ въ набатъ, шумѣлъ, шикозничалъ, какъ-будто онъ затѣмъ и посланъ былъ въ Болотскъ. Весь городъ ходилъ смотрѣть на эти грандіозныя приготовленія и, такъ-сказать, заранѣе предвкушалъ присутствіе его самого.

„Думали и говорили только о немъ. Всѣ пожимали только плечами, не находя уже словъ для выраженія своего удивленія таимъ несмѣтнымъ богатствамъ“ (стр. 42—43).

Наконецъ, было получено извѣстiе, что милiонеръ прiѣдетъ „сегодня“. Весь городъ поднялся на ноги и повалилъ во „дворецъ“, причемъ черный народъ размѣстился на улицѣ и у подъѣзда, а бѣлый—на бульварѣ, подъ предлогомъ прогулки.

„Въ полдень примчались три почтовыхъ четверки съ его походною канцелярiею; часу во второмъ прибыла его кухня на двухъ тройкахъ, а въ семь часовъ вечера прискакалъ верховой съ послѣдней станци съ извѣстiемъ, что онъ ѣдетъ.

„Толпа все густѣла и густѣла; начались перебранки, ссоры и драки, прибыла и полицiя, что придавало еще больше торжественности этому даровому спектаклю. У подъѣзда стоялъ агентъ съ нижними чинами походной канцелярiи и науськивалъ полицiантовъ на толпу, норовившую занять парадное крыльцо, устланное дорогимъ персидскимъ ковромъ, и даже коридоръ. Квартальный надзиратель нашелъ для себя не бесполезнымъ тоже торчать здѣсь, какъ для поддержанiя порядка, такъ равно и для полученiя крупной подачки за свое усердiе, въ чемъ его обнадеживалъ агентъ, знавшiй, что присутствiе на крыльцѣ полицейской каски весьма понравится его принципалу.

„Въ половинѣ восьмого вечера, почтовый шестерикъ съ фореиторомъ, во весь карьеръ, примчалъ къ крыльцу блестящiй дормезъ и остановился, какъ вкопанный. Агентъ съ открытою головою и блѣдный, какъ полотно, со всѣхъ ногъ бросился къ дверцамъ и быстро отворилъ ихъ, чуть не сорвавъ ихъ съ петель. За дормезомъ прискакали двѣ кареты съ его приближенными.

„Когда онъ вышелъ изъ экипажа, на секунду остановился на крыльцѣ и выпрямился во весь ростъ, толпа ахнула отъ благоговѣнiя и чуть не крикнула „ура!“ Она еще долго стояла передъ „дворцомъ“ и пожирала его глазами, тѣмъ болѣе, что дворецъ въ одну минуту вдругъ освѣтился тысячами огней и въ окнахъ замелькали и засновали силуэты его счастливыхъ приближенныхъ, которымъ теперь завидовалъ не одинъ солидный богатъ города Болотска.

„Въ эту ночь никто изъ евреевъ города Болотска не спалъ: вездѣ шли толки и разговоры о „немъ“, его милiоны росли въ воображенiи съ каждымъ часомъ; до полуночи они изъ двухъ выросли въ восемь, послѣ-же полуночи ростъ пошелъ стесcendo и достигъ круглой цифры 25 милiоновъ, что, считая только казенный процентъ, составляетъ... чортъ знаетъ, сколько годового дохода! Можно просто сума сойти отъ такого богатства“ (стр. 44, 45).

Для этого милiонера оказываются настезъ растворенными всѣ двери, запертыя для обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ сразу становится на самую прiятельскую ногу съ первыми тузами города.

Его единовѣрцы снаряжаютъ къ нему цѣлую депутацію съ равномъ во главѣ, и этотъ дряхлый, „тщедушный, сгорбленный и искривленный рабби Палтіель“, смотрящій уже въ могилу, привѣтствуетъ блестящаго гостя, какъ „великое величіе Израиля“, и безмѣрно счастливъ, когда это „величіе“ удостоиваетъ протянуть ему одинъ палець своей правой руки... Всѣ глаза ослѣплены блескомъ этого золотого мѣшка; всѣ жители Болотска еще больше укрѣпились въ убѣжденіи, „что безъ миліоновъ нельзя; всѣ съ азартомъ ринулись пріобрѣтать эти миліоны. Торговавшіе до сихъ поръ солидно, расчетливо, бросились теперь, очертя голову, въ омутъ самыхъ отчаянныхъ предпріятій. Рискъ самый очевидный сдѣлался весьма обычнымъ явленіемъ. Смѣлость болотинскихъ купцовъ стала превосходить всякое вѣроятіе“ (стр. 54).

„Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное миліонами и ихъ обладателемъ на умы еврейскаго населенія города Болотска, повѣствуетъ герой романа г. Леванды.—И, нечего грѣха таить, эти миліоны задѣли за живое и меня. Не переставая быть идеалистомъ, я, однакожь, пришелъ къ заключенію, что, какъ ты ни мудруй, а деньги — великая сила, предъ которой все преклоняется, которая все подчиняетъ себѣ. Правда, я это зналъ и прежде, но зналъ, такъ-сказать, теоретически или чувствовалъ инстинктивно; но теперь, имѣвъ возможность, въ качествѣ родственника содержателя гостинницы, въ которой остановился миліонеръ, видѣть все, что у него дѣлалось и творилось, я нагляднымъ образомъ убѣдился во всемогуществѣ метала, называемаго безденежными мудрецами презрѣннымъ. Положимъ, —думалъ я себѣ, —этотъ металъ самъ по себѣ и презрѣнный, но его обладателю тѣмъ не менѣе воздають великія почести и для него нѣтъ ничего невозможнаго. Стало быть, этотъ металъ всѣмъ нуженъ, а если нуженъ, то жалокъ и смѣшонъ тотъ, кто его не имѣетъ, потому что... кто препятствуетъ ему пріобрѣтать то, что ему нужно?“ (Стр. 55.)

И вотъ этотъ герой и будущій „дѣлецъ“, Мордухей, сынъ Боруха, по фамиліи Шмальцъ, превратившійся впослѣдствіи въ Марка Борисовича Шмальца, беретъ въ руку посохъ свой и отправляется въ „Колхиду“ — добывать „золотое руно“, то-есть — ѣдетъ въ Петербургъ пріобрѣтать миліоны. По милости божьей и г. Леванды, счастье неслыханно благоприятствуетъ этому предпримчивому аргонавту. Возьмется-ли онъ за подрады—золото лететь въ его карманы дождемъ; примется-ли за адвокатуру—онъ въ самомъ скоромъ времени входитъ въ такую славу среди своихъ единовѣрцевъ, что евреи текутъ къ нему „со всѣхъ сторонъ съ своими хроническими и болѣе или менѣе отчаянными процессами, требуя

помощи и общія золотыя горы". Приходитъ-ли ему въ голову фантазія утаить тридцать тысячъ рублей, ввѣренныхъ ему его „благодѣтелемъ", внезапно умершимъ отъ апоплексическаго удара—и это сходитъ для него до поры, до времени довольно благополучно. Задумаетъ-ли онъ пуститься въ болѣе обширное плаваніе и начинаетъ испытывать танталовы муки по поводу того, что другіе люди чуть-ли не въ одинъ день выигрываютъ на биржѣ „громадныя куши, цѣлыя состоянія", а онъ не можетъ даже помыслить безъ страха объ этомъ незнакомомъ ему морѣ,—сейчасъ-же является къ нему на помощь опытный кормчій, одно изъ свѣтиль финансоваго міра. И, вслѣдствіе всего этого, читатель очень мало удивляется, когда узнаетъ, что черезъ десять лѣтъ послѣ своего появленія въ Петербургѣ Шмальцъ оказывается миліонеромъ.

„— Вопросъ теперь только въ томъ, продолжалъ Грасгеймъ все тѣмъ же дѣловымъ тономъ,—какимъ капиталомъ располагаете вы, какъ компаньонъ проектируемой банкирской фирмы?

„Съ минуту я колебался, открыть-ли ему стоимость моего портфеля или нѣтъ; но, наконецъ, рѣшился.

„— До миліона рублей вы, однако, можете ъполнѣ на меня рассчитывать, сказалъ я тихо, скромно, какъ бы стыдясь своей бѣдности.

„Грасгеймъ вскочилъ на своемъ мѣстѣ, когда услышалъ магическую цифру. Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, раскрылъ ротъ, вытаращилъ глаза и съ минуту смотрѣлъ на меня бессмысленно, не издавая ни одного звука,—до такой степени онъ растерялся, былъ удивленъ и озадаченъ моимъ неожиданнымъ сообщеніемъ. Потомъ, пришедъ нѣсколько въ себя, онъ спросилъ, заикаясь:

„— В...вы г...говорите, до миліона?

„— Да, до миліона, отвѣчалъ я съ прежнею невозмутимостью,—не хватить, можетъ быть, двухъ — трехъ десятковъ тысячъ" (стр. 212, 213).

Такимъ образомъ Шмальцъ становится совсѣмъ большимъ кораблемъ. Онъ заводитъ банкирскія конторы, строитъ желѣзныя дороги, основываетъ акціонерныя общества и вообще поднимается все выше и выше, пока, наконецъ, г. Леванда не произноситъ „довольно!" и не повергаетъ его съ этой высоты опять внизъ. Низверженіе это совершается слѣдующимъ образомъ. Нѣкто, разорившійся баронъ фон-Вернеръ сообщаетъ Шмальцу, что въ имѣніи у него, фон-Вернера, оказались залежи каменнаго угля. Шмальцъ, ничего непонимающій въ операціяхъ съ каменнымъ углемъ, совѣтуется съ своимъ компаньономъ Вислянскимъ, но такъ-какъ и Вислянскій смыслить въ этомъ дѣлѣ не больше его, то они рѣшаются обратиться къ специалисту „по каменно-угольнымъ пред-

пріятіямъ“, греку Надуваки. У Надуваки есть на югѣ Россіи свои собственныя каменно-угольныя копи, угрожающія почти разорить его. Онъ откровенно признается въ этомъ Шмальцу и Вислянскому и предлагаетъ имъ аферу такого рода: соединить его копи и залезти барона въ одно дѣло подъ названіемъ „Товарищества южно-русскихъ каменноугольныхъ копей“, прокричать на весь міръ о выгодахъ этого предпріятія, потомъ превратить это товарищество въ акціонерную компанію, набить искусственными дивидендами цѣну на акціи и понемногу сбывать ихъ... Затѣмъ, когда онѣ будутъ проданы всѣ, уронить ихъ цѣну какимъ-нибудь тревожнымъ слухомъ, ловко распространеннымъ, и опять скупать ихъ по этой пониженной цѣнѣ. Далѣе, конечно, снова раздуть предпріятіе, снова поднять стоимость акцій и снова продавать ихъ съ громадными барышами. Такъ и было сдѣлано. „Товарищи“ быстро заработали на этомъ гешефтѣ хорошія деньги и надѣялись получить еще лучшія, но, по волѣ судьбы и г. Леванды, случилось такъ, что въ самомъ разгарѣ этого дѣла Шмальцъ долженъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать въ Болотскъ, къ своему умирающему отцу. Похоронивъ стараго Боруха, онъ отправился „на лоно природы“, въ Швейцарію, и цѣлыхъ два мѣсяца провелъ въ невообразимой глуши, въ обществѣ пастуховъ, ни съ кѣмъ не переписываясь, не читая даже газетъ, отрѣшившись отъ всего міра. Времяпрепровожденіе нѣсколько странное для дѣлового человѣка, ведущаго на всѣхъ парахъ очень сложную, тонкую, серьезную аферу, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, возвратившись, наконецъ, домой, онъ нашелъ слѣдующее письмо отъ своего управляющаго:

„Повинуясь вашимъ приказамъ покупать, я покупалъ. Я своевременно извѣщалъ васъ, что „Общество южно-русскихъ каменноугольныхъ копей“ затрещало и непремѣнно лопнетъ, но вы мнѣ отвѣчали: покупать, и я покупалъ, пока хватило вашихъ средствъ, т. е. пока вы не разорились въ конецъ. Теперь вы совсѣмъ исчезли, о васъ нѣтъ ни слуху, ни духу, а потому я счелъ нужнымъ распустить конторщиковъ, закрыть контору и самому искать другой службы: я человѣкъ небогатый и семейный. Книги и счета сложены въ порядкѣ на вашемъ письменномъ столѣ“ (стр. 301).

Дѣло оказалось въ томъ, что, уѣзжая изъ Петербурга, Шмальцъ оставилъ своему управляющему приказаніе скупать акціи „Товарищества южно-русскихъ каменноугольныхъ копей“, какъ скоро онѣ начнутъ падать въ цѣнѣ. А между тѣмъ, во время его отдохновенія на лонѣ природы, инженеръ, завѣдывавшій копами, поссорился съ правленіемъ и выпустилъ въ свѣтъ брошюру, въ которой повѣдалъ изумленному міру, что копи прославленнаго „То-

варищества“ почти не существуютъ, такъ - какъ онѣ скорѣе глиняныя, чѣмъ каменно-угольныя. „Товарищество“ рухнуло, и Шмальцъ очутился „обладателемъ чуть не цѣлаго пуда прекрасно отлитографированныхъ акцій, имѣвшихъ цѣнность прошлагоднихъ календарей или старыхъ газетъ“.

Но этого мало. Сынъ Шмальца „надѣлалъ много долговъ“, въ обезпеченіе которыхъ выдавалъ фальшивые векселя, укралъ у родителей столовое серебро и, въ заключеніе, убѣжалъ неизвѣстно куда съ наѣздницею изъ цирка. Старшая дочь, Дора, украла брилліанты матери и убѣжала съ офицеромъ. Наконецъ, младшая, Роза, узнала, что отецъ ея укралъ нѣкогда тридцать тысячъ у человѣка, принявшаго въ немъ самое теплое участіе, и тоже оставила родительскій домъ. Почти совсѣмъ осиротѣвшій Шмальцъ упалъ духомъ. Онъ сошелъ со сцены, уѣхалъ въ Болотскъ и на остатки своего прежняго состоянія и на небольшое наслѣдство, полученное имъ отъ отца, зажилъ „обывателемъ средней руки, — тихо, скромно, безъ горя и заботь...“

„Иногда мнѣ бываетъ невыразимо скучно и грустно, пишетъ онъ въ своей „Исповѣди“. — Скучно отъ нечего дѣлать, а грустно — отъ неотвязчивой мысли, что вотъ-де я столько лѣтъ толкался на вершинѣ человѣческаго благополучія, ворочалъ миліонами, проживалъ чертову гибель и ни разу не подумалъ: дай-ка устрой что-нибудь прочное, которое пережило-бы меня и свидѣтельствовало, что я не весь уходилъ въ свою утробу, а думалъ о и меньшей братіи, обиженной судьбою. Въ моемъ архивѣ есть счета на сотни тысячъ, которые я уплатилъ разнымъ магазинамъ, ювелирамъ, ресторанамъ, виноторговлямъ, экипажнымъ мастерамъ и другимъ барышникамъ, и нѣтъ ни одного клочка бумаги, который-бы свидѣтельствовалъ, что я хоть разъ уплатилъ самый незначительный долгъ человѣколюбія, лежащій на каждомъ разумномъ существѣ, поелику оно разумное существо, а не бессмысленное животное, живущее только для своихъ физиологическихъ отправленій. Во всемъ моемъ прошломъ нѣтъ ни одного отраднаго факта, ни одного душевозвышающаго воспоминанія, на которомъ могъ-бы теперь пріятно отдыхать духовный взоръ мой. Все, что я могу о себѣ сказать, это — что я одно время былъ миліонеромъ, а потомъ сталъ нищимъ. Своими миліонами я никому не приносилъ пользы, потому и исчезновеніе ихъ никого не опечалило, а, можетъ быть, и обрадовало. Я жилъ для себя и умру для себя: свѣту не было дѣла до моей жизни, ему не будетъ дѣла и до моей смерти. А вѣдь могло-бы быть иначе... Вотъ, что грустно и чего не передѣлаешь“ (стр. 352, 353).

Эти заключительныя слова романа, точно такъ-же, какъ и весь

ходъ, вся конструкція его, наводятъ на мысль, что г. Леванда имѣлъ въ виду своимъ произведеніемъ ослабить хоть до нѣкоторой степени чарующее впечатлѣніе, производимое на всѣхъ „золотымъ руномъ“, показать, что и миліоны—„суета-суеть“, что „не въ деньгахъ счастье“. Мораль эта, какъ извѣстно, старая-престарая, проповѣдуемая чуть-ли не отъ самаго сотворенія міра, но, къ сожалѣнію, вопіющая въ пустынѣ. И я сильно сомнѣваюсь, чтобы и г. Левандѣ, предлагающему своимъ читателямъ ту-же вѣчно-старую и вѣчно-юную мораль въ романической формѣ, удалось обратить ихъ на путь истины... Люди, уже идущіе или только-что собирающіеся идти по стопамъ „дѣльца“ Шмальца, врядъ-ли вынесутъ изъ чтенія его „исповѣди“ сознаніе той истины, что богатство—„суета-суеть“. Миліоны все-таки остаются миліонами, то - есть великою силою, скажутъ они, — а что касается Мордухея Шмальца, то онъ дуракъ и больше ничего. Если онъ разорился, то вольно-же ему было въ самую критическую минуту бросить всѣ свои дѣла Богъ знаетъ на кого и отправиться въ Швейцарію, чтобы любоваться грандіозными картинами Альпъ, ѣсть творогъ и купаться въ какихъ-то лужахъ. Богатство развратило его старшихъ дѣтей, но оно не развратило-же Розу, и, слѣдовательно, надо думать, что еслибы Шмальць обращалъ побольше вниманія на сына и на Дору, то и изъ нихъ вышли-бы люди болѣе порядочные... Впослѣдствіи и Роза отвергнется съ презрѣніемъ отъ своего отца, какъ отъ вора; но вольно-же было этому глупому Шмальцу, въ самое короткое время заработавшему уже около ста тысячъ, польститься на какія-то несчастныя, плохо лежавшія тридцать тысячъ и стануть ихъ, то-есть безъ всякой особенной надобности поставить на карту все свое существованіе. Шмальць не дѣлецъ, а игрокъ, авантюристъ. Настоящіе-же дѣловые люди поведутъ свои дѣла совершенно иначе и не разорятся, а, напротивъ, будутъ съ каждымъ годомъ увеличивать свое состояніе; не оттолкнуть отъ себя своихъ дѣтей, а сдѣлаютъ изъ нихъ усердныхъ помощниковъ; не станутъ плаваться, сходя со сцены, что не воздвигли себѣ никакого прочнаго памятника, а съ гордостью оглянутся мысленно на сооруженные ими желѣзныя дороги, заводы, фабрики, общества, богадѣльни, пріюты и проч., и проч.

Вотъ что скажутъ г. Левандѣ тѣ изъ его читателей, которые идутъ или только собираются идти по стопамъ Мордухея Шмальца, и съ своей точки зрѣнія они будутъ совершенно правы. „Шмальць воровалъ, мы не будемъ воровать, говорятъ они. — Шмальць принималъ участіе въ такихъ мошенническихъ аферахъ, какъ „Товарищество южно-русскихъ каменно-угольныхъ копей“; а

мы постараемся, насколько возможно, не увлекаться подобными предприятиями. Шмальцъ не особенно благоразумно пользовался своимъ богатствомъ, а мы воспользуемся имъ лучше". Вотъ и все. Въ глазахъ людей, которые познакомятся съ „Исповѣдью дѣльца“, золотое руно—миліонъ—не только не потеряетъ ничего изъ своего обаянія, производимаго на массу; но, пожалуй, даже освободится отъ нѣкоторыхъ тѣней и пятенъ, скрадывающихъ его блескъ, засияетъ еще болѣе чарующимъ свѣтомъ и станетъ привлекать къ себѣ все новые и новые легионы аргонатовъ.

Главная ошибка г. Леванды заключается въ томъ, что своихъ героевъ и рыцарей наживы онъ изолировалъ почти отъ всего остального міра. Если обыкновенный смертный, владѣющій для начала капиталомъ всего только въ два-три десятка рублей, въ первый же годъ зарабатываетъ пятьдесятъ тысячъ, а въ первыя десять лѣтъ становится миліонеромъ; то не трудно понять, что этотъ обыкновенный смертный шелъ въ своей жизни далеко не совсѣмъ обыкновенными путями. Не трудно понять, что ему приходилось безпрестанно ползать, унижаться, выносить оскорбленія, поддѣлываться ко всякой собацѣ дворника, „чтобъ ласкова была“, отрекаться отъ самого себя, покупать чужую совѣсть, продавать свою, не гнушаться никакими отвратительными лазейками, если только черезъ нихъ возможно добраться до такъ-называемаго золотого руна. Говоря короче, не трудно понять, что этому предпримчивому аргонату приходилось плыть по горло въ грязи—и, однакожь, объ этой-то именно грязи; способной возмутить всякаго, еще не совсѣмъ погибшаго человѣка, г. Леванда и забылъ въ своемъ произведеніи. Это во-первыхъ... Во-вторыхъ, современный аргонать находится не на кораблѣ, плывущемъ по волнамъ пустыннаго моря, а среди толпы, среди живыхъ людей, среди существъ, которыхъ принято называть нашими ближними. Вокругъ современнаго аргоната еже-часно раздаются жалобы о помощи; къ нему на каждомъ шагу обращаются умоляющіе взоры, протягиваются обезсилѣвшія руки, и для того, чтобы среди этихъ сценъ безмятежно идти впередъ, не останавливаясь, не увлекаясь никакимъ чувствомъ, крѣпко придерживаясь за свой карманъ и высчитывая предстоящіе барыши,—для этого нужно быть человѣкомъ безъ нервовъ, безъ сердца. Объ этой чертѣ истиннаго дѣловаго человѣка, видающаго передъ собою и вокругъ себя одинъ только барышъ или убытокъ, г. Леванда опять-таки забылъ. Наконецъ, въ-третьихъ, если богатство уже признано силой, если простые смертные взираютъ на миліонера, какъ на полубога, если равнины называютъ разбогатѣвшаго юнаго наглеца „великимъ величіемъ Израиля“, если просвѣщенные критики поютъ акафисты генію „пресловутыхъ теперъ

желѣзно-дорожныхъ тузовъ, прежнихъ откупщиковъ и другихъ имъ подобныхъ создателей миліоновъ изъ гроша“, — то, вывода на сцену эту „силу“, наши романисты должны памятовать, что оцѣнить ее какъ слѣдуетъ можно только по ея сравненію съ другими силами. Аргонавтъ, овладѣвшій золотымъ руномъ — миліономъ, можетъ только до тѣхъ поръ представляться намъ великою силою, все покоряющею подъ нозѣ свои, покуда ему не приходится стать лицомъ къ лицу съ силою другого порядка. Но сопоставьте его съ истиннымъ представителемъ нравственной силы, съ человѣкомъ, проникнутымъ глубокими убѣжденіями, горячею любовію къ своей родинѣ и къ своимъ „братьямъ“, и тогда, — Боже мой! — какимъ жалкимъ, отталкивающимъ покажется намъ современный аргонавтъ, смотрящій на весь міръ божій, какъ на матерьялъ для своихъ гешефтовъ!..

Г. Леванда вовсе не белетристъ. Его романъ, со всѣми героями и ихъ похождениями, сработанъ, какъ говорится, топоромъ, — грубо и аляповато; но называется онъ „Исповѣдь дѣльца“, и ничего нѣтъ мудренаго, что въ наше время, — золотое время дѣльцовъ, — найдетъ себѣ не мало читателей.

Волшебныя сказки Музеуса. Съ предисловіемъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1880.

Волшебныя сказки Музеуса не принадлежать къ категоріи страшныхъ сказокъ, которыми няньки пугаютъ дѣтей, чтобы заставить ихъ поскорѣ заснуть. Это сказки народныя и, какъ произведенія народной фантазіи, отличаются реальностью содержанія, только выраженнаго въ фантастической формѣ, простотой, непосредственностью и добродушной ироніей. Г. Крестовскій - псевдонимъ, снабдившій сказки Музеуса своимъ предисловіемъ, считалъ необходимымъ оправдать ихъ изданіе, точно сказки эти нуждаются въ чемъ-бы то ни было оправданіи. Мы не припомнимъ, чтобы когда-нибудь русская критика возставала противъ народныхъ сказокъ и чтобы она отрицала необходимость развитія въ дѣтяхъ фантазіи. Дѣти очень хорошо умѣютъ отличать дѣйствительное отъ недѣйствительнаго и если и заражаются суевѣріемъ, то не отъ чтенія народныхъ сказокъ. Сказки-же Музеуса, изложенныя имъ такъ художественно, отличаются, по справедливому замѣчанію г. Крестовскаго, естественною развязкой, прелестью образовъ, жизненной правдой дѣйствующихъ лицъ; духи

и привидѣнья въ этихъ сказкахъ представляются не смутными тѣнями, а ярко очерченными характерами, они исполняютъ свое, всегда нравственное назначеніе, или сами испытываютъ нравственную силу людей. Ко всему этому присоединяется иногда тонкая иронія и добродушная насмѣшка, сообщающая изложенію шуточный характеръ, что тоже всегда нравится дѣтямъ.

Чтобы подкрѣпить этотъ общій отзывъ доказательствомъ и дать читателю возможность провѣрить наши слова, мы сошлемся на легенду о Рюбецалѣ. Рюбецаль — одинъ изъ популярныхъ горныхъ духовъ въ нѣмецкихъ народныхъ сказкахъ и легендахъ. У него очень странный характеръ — необузданный, взбалмошный, грубый и тщеславный. Сегодня онъ вашъ лучшій другъ, завтра — злѣйшій врагъ. Онъ то кротокъ, то суровъ, то плутовать, то честенъ. Все у него зависитъ отъ минутнаго настроенія и отъ перваго впечатлѣнія.

Раньше, чѣмъ потомки Іафета проникли на сѣверъ, Рюбецаль уже хозяйничалъ въ пустынныхъ горахъ; но, пресытившись разными забавами, онъ удалился въ нѣдра земли и не выходилъ оттуда цѣлые вѣка. Однажды, возвратившись на землю, онъ былъ до крайности удивленъ, увидя съ вершинъ Исполинскихъ горъ всю окрестную страну измѣнившуюся. Въмѣсто дремучихъ лѣсовъ явились воздѣланные поля, среди цвѣтущихъ садовъ виднѣлись соломенные кровли деревень, на лугахъ паслись овцы и рогатый скотъ, а изъ тѣнистыхъ рощъ доносились мелодическіе звуки свирѣли. Прелесть этой картины такъ поразила Рюбецала, что онъ не только не разсердился такимъ переменамъ, сдѣланнымъ въ его владѣніяхъ, но даже захотѣлъ поближе познакомиться съ людьми. Онъ преобразился въ сильнаго землепашца и нанялся въ работу къ одному хозяину. Но хозяинъ былъ мотъ и гуляка и не сумѣлъ оцѣнить услугъ своего работника. Духъ ушелъ отъ него и нанялся въ пастухи къ его сосѣду. Но и тутъ его не оцѣнили. Духъ опять исчезъ. На этотъ разъ, проходя мимо замка, онъ увидѣлъ одну прелестную дѣвушку и дѣвушка до того плѣнила Рюбецала, что онъ совсѣмъ потерялъ голову и рѣшился ее похитить. Но Рюбецалу и на этотъ разъ пришлось испытать людское коварство, ибо женщина обманула его и успѣла хитростію убѣжать къ своему жениху. Тогда Рюбецаль, озлобленный, задумалъ мстить людямъ. И вотъ онъ дѣлаетъ имъ цѣлый рядъ пакостей, но въ то же время не теряетъ случаевъ дѣлать и добрыя дѣла. Разъ онъ встрѣтилъ на пути дѣвушку, которая горько плакала. Рюбецалу сдѣлалось очень ее жаль, онъ спросилъ о причинѣ ея слезъ, и оказалось, что ея жениха хотятъ повѣсить за грабежъ; а грабежъ этотъ былъ продѣлкой самого Рюбецала, который былъ въ то время золъ на

людей и, принявъ видъ портняжки, жениха дѣвушки, ограбилъ жиду. Портняжку судили, приговорили къ смерти и заключили въ тюрьму. Рюбецалю стало такъ жалко бѣдной дѣвушки, что онъ принялъ видъ монаха-исповѣдника, посѣщавшаго портняжку, и явился въ тюрьму, двери которой сторожа почтительно отворили передъ нимъ. „Забота о спасеніи твоей души снова привела меня сюда, хотя я только-что ушелъ отъ тебя, сказалъ Рюбецаль узнику:—открой мнѣ, сынъ мой, всю твою душу, чтобы я могъ утѣшить тебя“. „Достопочтенный отецъ, отвѣчала портняжка, — совѣсть моя спокойна, но меня мучитъ страхъ передъ огнемъ чистилища“. Рюбецаль, имѣвшій весьма смутное понятіе о религиозныхъ догматахъ, наивно спросилъ: „Какого чистилища?“ — „Да какже, вѣдь я буду стоять по колѣни въ огненной ямѣ; я не могу подумать объ этомъ безъ содраганія“. — „Глупецъ, сказалъ Рюбецаль, — такъ не ходи въ яму, если будетъ слишвомъ горячо“. Замѣтивъ по взгляду портняжки, что онъ сказалъ какую-то несообразность, Рюбецаль внезапно переимѣнилъ разговоръ и спросилъ, думаетъ-ли онъ еще о своей Клерхепъ и любить-ли ее. Воспоминанія разомъ нахлынули въ душу бѣдняка и онъ горько зарыдалъ, не будучи въ силахъ ни одного слова выговорить. Видъ этого непритворнаго горя такъ тронулъ сострадательнаго Рюбецала, что онъ сказалъ, что пришелъ освободить его, и дѣйствительно его освободилъ.

Долго послѣ этого о Рюбецалѣ ничего не было слышно, но разъ въ Исполинскихъ горахъ ѣхала графиня Цецилія изъ Бреславля на воды. Съ нею одинъ мошенникъ, нарядившись великаномъ, задумалъ сыграть очень непріятную шутку. Онъ завелъ ее въ труппу и, пользуясь тѣмъ, что его приняли за Рюбецала, навелъ такой панической страхъ на графиню и на всю ея прислугу, что безъ труда-бы ихъ ограбилъ, еслибы на выручку несчастнымъ не явился самъ Рюбецаль. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ элегантнаго полковника и привезъ напуганную графиню со всѣми ея домочадцами къ себѣ въ замокъ, гдѣ она встрѣтила блистательное общество. На другой или на третій день графиня продолжала свой путь и пріѣхала въ Карлсбадъ. Каково-же было ея удивленіе, когда въ Карлсбадѣ она увидѣла то-же самое общество, которое только-что оставила! Разговорчивая старуха развязно обращалась то къ тому, то къ другому изъ окружающихъ, называла каждого по имени и продолжала разговоры, начатые еще въ гостиной у полковника. Она не могла только объяснить себѣ, отчего всѣ эти господа стали теперь держать себя съ нею такъ холодно и сдержанно. Для всѣхъ было ясно, что у графини сильно разстроено воображеніе. Ея рассказы о фантастической исторіи въ Исполинскихъ горахъ всѣ принимали за легенду. Лечение, однако,

принесло ей пользу въ томъ отношеніи, что, убѣдившись, что карлсбадскіе гости не вѣрятъ ея приключеніямъ и подозрѣваютъ въ ней умственное разстройство, она дала себѣ слово никому не говорить больше о посѣщеніи Исполинскихъ горъ.

Послѣ приключенія съ графиней, Рюбецаль возвратился въ свое подземное царство, и такъ-какъ вскорѣ послѣ того въ Европѣ произошло страшное землетрясеніе, разрушившее Лисабонъ, то у подземныхъ духовъ явилось много работы въ нѣдрахъ земли и ни одинъ изъ нихъ не показывался болѣе на земной поверхности. „Если страны, кончается сказка,—лежація на берегахъ Рейна и Неккара, и даже самыя Исполинскія горы и Брокенъ еще остаются на своихъ мѣстахъ, то это единственно благодаря неуспѣшной бдительности и неустрашимому труду гномовъ“.

Въ книжкѣ помѣщено десять сказокъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ отличались одинаковымъ интересомъ; но всѣ онѣ доставятъ удовольствіе своимъ читателямъ, и мы рекомендуемъ сказки Музеуса не только юнымъ, но даже и не совсѣмъ юнымъ читателямъ.

Первые шаги по пути фактическаго изслѣдованія сельской общины. А. В. Половцева. Спб. 1879.

Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait! Подобное желаніе, само по себѣ очень хорошее, принадлежитъ къ числу такихъ желаній, которымъ теперь въ большинствѣ случаевъ суждено не осуществиться въ дѣйствительности. Юность кипитъ, волнуется, дѣйствуетъ, но мало знаетъ. Убѣленная почтенными и непочтенными сѣдинами старость хотя и много знаетъ, но способна или только на „благіе порывы“ къ дѣятельности, или совсѣмъ не дѣйствуетъ и не имѣетъ этихъ благихъ порывовъ. Самый восклицательный знакъ, который ставится обыкновенно послѣ французской поговорки о молодости и старости, выражаетъ собой глубокое сожалѣніе, выпадающее на долю тѣхъ людей, которые желаютъ видѣть теоретическое пониманіе вещей всегда идущимъ рука-объ-руку съ воплощеніемъ въ жизнь выработаннаго личностью идеала. Но этотъ союзъ теоріи и практики, идеи и дѣйствительной жизни всегда былъ морганатическимъ союзомъ, особенно у насъ, а въ настоящее время мы даже перестали о немъ думать. Теперь мы, напротивъ, возвели въ какой-то непреложный законъ: наука сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ, и общаго между ними столько-же,

сколько между юношеским порывомъ и старческимъ „стой и не шевелись!“.. „Пропастъ, вырытая между наукой и жизнью, очень плохая вещь и тогда, когда она обрѣтается въ средѣ индивидуальных вопросовъ, но еще рѣзче вырисовывается предъ нами ея гибельный внутренній смыслъ по отношенію къ общественнымъ вопросамъ. Существуетъ, напр., у неразвитыхъ людей кака-нибудь порядочная экономическая форма общегитія. Людямъ при ней живется хорошо, но они млада-зелены, сознательно тяготеютъ, къ такой формѣ не тяготеютъ, хотя пользуются, помимо всякихъ размышлений, всѣми выгодами и удобствами нормальной среды, въ которой имъ такъ же любо, какъ рыбѣ въ водѣ, какъ птицѣ въ воздухѣ. Начинается затѣмъ пресловутый „историческій процессъ“... И когда эта форма недалеко отъ того, чтобъ сдѣлаться архивной трухой, когда она переходитъ изъ сферы жизни на страницы исторіи, тогда у болѣе честныхъ и умныхъ людей изъ меньшинства возникаетъ сознательное отношеніе къ разложившейся формѣ, какъ къ такой формѣ, которая дѣйствительно имѣетъ громадное значеніе для человѣчества, тогда начинаютъ ею дорожить, начинаютъ прѣнать ея выгоды. Но вся бѣда въ томъ, что небольшая кучка людей не *можетъ*, несмотря на все свое желаніе, дать обществу,—по крайней мѣрѣ скоро,—утраченную имъ форму быта. Возникаетъ мучительный процессъ возрожденія того, что когда-то существовало. Мы не раздѣляемъ взгляда нѣкоторыхъ изслѣдователей нашей общины, которые видятъ въ ней характеристичное явленіе русской жизни, проводящее рѣзкую грань между Россіей и западной Европой, не видимъ потому, что всѣ попытки обособить русскую общину отъ аналогичныхъ съ нею когда-то существовавшихъ западно-европейскихъ формъ берутъ за исходный свой пунктъ предвзятое мнѣніе именно объ этой обособленности, исключительности великорусскаго „міра“ и опровергаются фактами. Но какъ-бы то ни было, а все же наша община— явленіе пока еще существующее, распространенное, имѣющее важное значеніе для большинства русскаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что она, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, повліявшихъ въ-концѣ-концовъ и на самый организмъ ея, начала разлагаться уже давно. На первыхъ страницахъ книги русской жизни мы встрѣчаемся съ общиной, уже удалившейся отъ первобытнаго своего типа, встрѣчаемся съ формой разложенія ея. Чѣмъ дальше мы перелистываемъ эту „книгу жизни“, тѣмъ яснѣе и яснѣе мы замѣчаемъ совершающійся процессъ разложенія внутри общины. А между тѣмъ мы инстинктивно чувствуемъ, что она необходима нашему народу, что безъ нея онъ рискуетъ очутиться въ лапахъ разныхъ Разуваевыхъ. „Сохраните

общину: она — лучшее достояніе русскаго народа“, говорили въ концѣ 50-хъ годовъ наши лучшіе писатели. „Сохраните общину“, слышится и теперь со всѣхъ сторонъ. Хорошо, будемъ сохранять... Но какъ? И вотъ придумываются разные прожекты сохраненія общины. Отъ этихъ прожектовъ остаются

На полу чернилъ озера,
На столѣ дѣла...

Присаживаемся къ столу и начинаемъ разсматривать эти „дѣла“, эти прожекты. „Нѣтъ, этотъ не годится... этотъ... тоже не годится, и т. д.“ „Сохраните общину“, доносится съ улицы голосъ, нарушающій тишину кабинета, гдѣ мы сидимъ за разсматриваніемъ прожектовъ. „Нѣтъ, этого нельзя же, наконецъ, допустить, нужно же положить этому предѣлъ“, рѣшаемъ мы, отрываясь отъ чтенія прожектовъ и наблюдая, какъ наша община таетъ въ рукахъ Разуваевыхъ. Какъ же высвободить намъ общину изъ рукъ Разуваевыхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что для процесса такового освобожденія необходимо знать въ точности историческое развитіе и настоящее положеніе общины, а потому принимаемся за изученіе ея.

Трактатовъ объ общинномъ землевладѣніи и связанныхъ съ нимъ вопросахъ у насъ не мало, но всѣ они заключаютъ въ себѣ или историческое изложеніе судебъ русской общины, или теоретическія разсужденія по поводу ея. Что касается фактическаго, точнаго знанія современнаго положенія русской общины, то оно отсутствуетъ. Въ этомъ обѣими руками расписывается и авторъ лежащей предъ нами небольшой брошюры, г. Половцевъ. „Вопросъ объ общинѣ, говоритъ онъ,—такъ долго обсуждаемый въ литературѣ со всевозможныхъ сторонъ, но почти исключительно на теоретической почвѣ, неминуемо долженъ былъ вступить въ новый фазисъ. Всѣ изслѣдователи ощутили мало-по-малу полный недостатокъ факческаго матеріала, на основаніи котораго можно было-бы построить сколько-нибудь удовлетворительную теорію. Сознаніе нашей бѣдности въ этомъ отношеніи выразилось, наконецъ, въ торжественномъ заявленіи двухъ ученыхъ обществъ о нашемъ почти кругломъ невѣжествѣ по вопросу о сельской поземельной общинѣ. Зло было сознано, надо было ему пособить“ („Первые шаги по пути факческаго изслѣдованія сельской общины“, стр. 1). Ну, и стали пособлять. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1878 г. были выработаны почти одновременно, хотя болѣе или менѣе независимо, три программы для точнаго и научнаго изслѣдованія нашей общины. Одна програма была составлена частнымъ лицомъ, г-жею Ефименко, двѣ другихъ—учеными обществами,—русскимъ географическимъ и вольно-экономическимъ. Особенно посчастливилось програ-

мѣ послѣдняго общества. У насъ нашлось, по словамъ г. Половцева, не мало лицъ и учреждений, пожелавшихъ принять участіе въ доставленіи свѣденій объ общинѣ, руководствуясь вопросными пунктами программы вольно-экономическаго общества. По крайней мѣрѣ, какъ извѣстно, разошлось уже два изданія этой программы, и является надобность въ третьемъ. Итакъ, потребность изучать общину оказалась сильная. На вопросы, заключавшіеся въ программѣ, послѣдовали отвѣты. Вотъ г. Половцевъ и рѣшилъ, „по распоряженію императорскаго вольно-экономическаго общества“, представить для свѣденія публики сообщеніе на основаніи полученныхъ отвѣтовъ о добытыхъ пока результатахъ фактическаго изслѣдованія нашей общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ читателямъ, что предполагается поступающіе въ общество отвѣты печатать и составить изъ нихъ особый „Сборникъ матеріаловъ для изслѣдованія сельской общины“. Но уже и въ „настоящее время, спустя полгода послѣ распространенія программы въ публикѣ, будетъ, полагаю (говорить г. Половцевъ), не лишнимъ оглянуться назадъ и посмотреть, что достигнуто до сихъ поръ“ (стр. 2). Оглядываясь назадъ, г. Половцевъ указываетъ на способъ распространенія программы между разными учреждениями и лицами и раздѣляетъ всѣ 60 отвѣтовъ, состоящіе изъ 83 наблюденій и полученные обществомъ втеченіи шести мѣсяцевъ, съ августа 1878 г. по мартъ 1879 г., на три группы: 1) отвѣты лаконическіе, составители которыхъ на вопросные пункты программы нерѣдко отдѣльвались словами вроде „да“, „нѣтъ“, „бываетъ“, и при этомъ не связывали своихъ наблюденій никакимъ общимъ планомъ изложенія; 2) отвѣты, набрасывающіе болѣе или менѣе полную картину цѣлой общины, но держашіеся въ границахъ программныхъ вопросовъ; 3) отвѣты, вмѣщающіе своимъ содержаніемъ описаніе цѣлой группы общинъ и представляющіе собой въ нѣкоторомъ родѣ монографіи такой группы, съ подраздѣленіемъ на главы, сообразно отдѣльнымъ пунктамъ программы. Г. Половцевъ, считая нормальной и болѣе цѣлесообразной категоріей отвѣтовъ отвѣты подъ рубрикой 2 (отвѣты 1-го рода — неудовлетворительны по своей краткости и безсвязности, отвѣты 3-го рода — по опасности, къ которой можетъ привести изслѣдователей, особенно неопытныхъ, излишнее стремленіе къ общеніямъ, тѣмъ болѣе, что цѣль составленія программы заключалась въ пособіи изслѣдователямъ при собираніи „хоть точнаго и обстоятельнаго, но все-таки сырого матеріала“), не отказывается тѣмъ не менѣе въ настоящей своей брошюрѣ коснуться свѣденій по нѣкоторымъ вопроснымъ пунктамъ, доставленныхъ отвѣтами и другихъ категорій, помимо 2-й. На 23 страницахъ „Первыхъ ша-

говъ" встрѣчается, между прочимъ, не мало мѣстъ, извлеченныхъ изъ отвѣта директора центрального статистическаго комитета, г. Семенова, описавшаго въ формѣ „монографіи“ цѣлую муравинскую волость, рязанской губерніи. Здѣсь пора намъ замѣтить, что лежащая передъ нами брошюра не заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, какихъ-нибудь обобщеній, а просто-на-просто намѣчаетъ нѣкоторые пункты, на которые должно быть обращено вниманіе наблюдателя, изучающаго общину. Г. Половцевъ упоминаетъ о двухъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, вопросахъ, требующихъ возможно-большаго изслѣдованія. Это, съ одной стороны, вопросъ о передѣлахъ, разверстанія земель между общинниками, съ другой— вопросъ о круговой порукѣ. (О послѣднемъ онъ говоритъ, впрочемъ, вскользь, en passant.) Представивши нѣсколько разнообразныхъ формъ дѣленія земли у крестьянъ на крупныя и мелкія части, напр., на „столбы“, „гребля“ и прямо на „копы“, и давши читателю конкретныя примѣры разнаго рода дѣленій, какъ они занесены въ отвѣты рукою изслѣдователей, г. Половцевъ указываетъ на необходимость подробнѣйшаго изученія вопроса о передѣлѣ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ явленій общинной жизни, и съ качественной, и съ количественной стороны. При этомъ онъ рекомендуетъ изслѣдователю лично самому знакомиться на мѣстѣ съ распредѣленіемъ земель, измѣрять полосы и т. п. Однако, онъ не скрываетъ, что обстоятельное изученіе вопросовъ такого рода до извѣстной степени неизбежно соединяется съ значительными затрудненіями, которыя объясняются вообще плохимъ знакомствомъ нашего русскаго образованнаго чловѣка съ чертами народной жизни. Уяснить себѣ обстоятельно и сущность, и подробности земельныхъ, напр., отношеній общины бываетъ очень не легко, еслибы даже вы и принялись разспрашивать объ нихъ общинниковъ. „Мужикъ, говоритъ г. Половцевъ,— самъ-то прекрасно понимаетъ дѣло и невольно предполагаетъ, что „ученому“ барину, его разспрашивающему, оно и подавно должно быть ясно. Поэтому въ отвѣтъ на вашъ вопросъ онъ обходитъ нерѣдко многое, якобы само собою разумѣющееся, что вамъ, однако, остается совершенно неясно. Сплошь и рядомъ надо задавать одинъ и тотъ-же вопросъ на 10 и 20 различныхъ ладовъ, пока, наконецъ, изъ множества отвѣтовъ выяснится суть дѣла“ (стр. 18). Оставляя въ сторонѣ point d'honneur г. Половцева, заставляющій его видѣть причину неясности отвѣтовъ мужика въ томъ, что мужикъ убѣжденъ въ знаніяхъ „ученаго“ барина, а не въ томъ,— и это кажется намъ болѣе вѣроятнымъ,— что мужикъ не особенно любитъ отвѣчать подробно этому барину, предполагая въ распро-

сахъ послѣдняго „точенья лясовъ“ и притомъ въ такой сферѣ, которая для крестьянина особенно дорога,—оставляя въ сторонѣ это, мы видимъ, однако, что фактическое подробное и научное изслѣдованіе общины—вещь далеко не легкая. Намъ нечего удивляться, что два ученых общества, какъ мы уже слышали отъ г. Половцева, признали себя круглыми невѣждами въ вопросѣ о современномъ положеніи общины. Немудрено, что и программа вольнаго экономического общества окажется, по всей вѣроятности, требующею немаловажныхъ поправокъ, когда отвѣты, продиктованные жизнию, будутъ пригоняться на колодку вольно-экономическихъ вопрошеній. Укажемъ сначала на маленькій, очень маленькій примѣрецъ. Въ § 18 программы была сдѣлана попытка дать ясное опредѣленіе понятія „передѣла“ и представить виды передѣла, встрѣчающіеся на практикѣ. На основаніи нѣкоторыхъ чертъ, признанныхъ составителями программы характеристичными, въ § 18 были указаны слѣдующіе виды передѣла: коренной передѣлъ „съ ломаніемъ межъ“, жеребьевка и разверстка. Г. Половцеву пришлось лѣтомъ 1878 г. примѣнить программу къ изслѣдованію рязанской и костромской губерній. Тутъ, само собою разумѣется, должно было выясниться, насколько вопросные пункты программы опираются на тотъ или иной дѣйствительный циклъ общинныхъ явленій и насколько они проставлены только ради присутствующимъ обществамъ и комисіямъ страсти заниматься раздѣленіемъ всего, что подъ руку попадется, на отдѣлы, подьотдѣлы, рубрики, категоріи, параграфы и т. д... О томъ, до какой степени программа въ ея цѣломъ удовлетворяетъ требованіямъ изслѣдованія, мы отъ г. Половцева пока не узнали; за то онъ сообщаетъ намъ въ своей брошюркѣ, насколько цѣлесообразно построены въ интересахъ изученія общины 18 пунктъ программы. Оказывается, что въ общемъ „эта формулировка вопроса вѣрна“, но что „слѣдуетъ только отбросить „ломаніе межъ“, какъ характеристичный признакъ коренного передѣла“. Ну, хорошо, что въ общемъ эта формулировка вѣрна, а вѣдь одинъ-то изъ характеристичныхъ, по мнѣнію составителей программы, признаковъ отдѣльнаго вида передѣла оказался въ дѣйствительности явленіемъ, присущимъ и собственно передѣлу, и жеребьевкѣ, и разверсткѣ. Ломаніе межъ, какъ одно изъ основаній дѣленія понятія, во всякомъ случаѣ не годилось. Положимъ, сравнительно съ массой вопросовъ программы, которые при фактическомъ изученіи общины окажутся, быть можетъ, исполнѣ правильно поставленными, погрѣшность въ восемнадцатомъ вольно-экономическомъ вопрошеніи не будетъ причтена къ числу смертныхъ грѣховъ составителей про-

грамы, но вѣдь лично гг. составителями мы и не интересуемся. Мы хотѣли только отмѣтить промахъ, правда, очень небольшой, но все-же промахъ, сдѣланный представителями научнаго изслѣдованія русской общины и обязанный своимъ существованіемъ неполному знакомству нашихъ ученыхъ мужей съ дѣйствительною сельскою общиною. Нѣсколько другихъ промаховъ по части незнанія кой-какихъ сторонъ общинной жизни открываетъ г. Половцевъ уже не въ составителяхъ программы, а въ г. Семеновѣ, приславшемъ, какъ говорено выше, подробное описаніе цѣлой мураевинской волости, рязанской губерніи. Коснемся мы здѣсь ошибки г. Семенова только по одному вопросу,—вопросу о третьемъ видѣ передѣла, называемомъ „разверсткой“. Кстати, скажемъ здѣсь о различіи трехъ видовъ передѣла. Первый видъ — собственно передѣлъ, или передѣлъ коренной, состоитъ въ распредѣленіи общинной земли на новое число душъ, причемъ, само собою разумѣется, происходитъ измѣненіе какъ въ прежнемъ количествѣ полосъ земли, такъ, стало быть, и въ ихъ ширинѣ. Второй видъ, жеребьевка, имѣетъ мѣсто тогда, когда при неизмѣняющемся числѣ душъ, которыя надѣлены землею, происходитъ всесторонній и поголовный обмѣнъ полосъ между владѣльцами ихъ. Наконецъ, третій — разверстка, отличается своимъ частнымъ характеромъ и заключается въ томъ, что „міръ“ возстановляетъ равновѣсіе въ количествѣ земли, приходящемся на податныя души, на работниковъ, въ тѣхъ семьяхъ, у однихъ изъ которыхъ въ промежутокъ между двумя коренными передѣлами число работниковъ болѣе или менѣе сильно увеличилось, а у другихъ—уменьшилось. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ происходитъ подъ руководствомъ міра равномѣрное по числу душъ распредѣленіе земли, находящейся въ рукахъ только такихъ расширившихся и сѣзвившихся семей, между этими семьями. Г. Семеновъ, изслѣдовавъ свою мураевинскую волость и не нашедши въ ней, случайно или неслучайно, этого послѣдняго частнаго вида передѣла, высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ, что разверстки, третьяго вида передѣла, почти совсѣмъ не существуетъ во всей черноземной полосѣ. Г. Половцевъ, указывая на это мнѣніе г. Семенова, указываетъ и на ошибочность его и подтверждаетъ свое указаніе ссылкой на „цѣлый рядъ отвѣтовъ, полученныхъ на програму“. Здѣсь мы уже имѣемъ предъ собою далеко не маловажную ошибку, учиненную творцомъ подробнаго описанія мураевинской волости. Примемъ мы взглядъ г. Семенова, утверждающаго, что „міръ только въ *крайнемъ случаѣ* вмѣшивается въ распоряженіе участками земли, утратившими своихъ хозяевъ“ (стр. 20), въ разверстку ихъ,—мы будемъ имѣть одно пред-

ставленіе о характерѣ отношеній общины къ своимъ членамъ; примемъ, наоборотъ, взглядъ г. Половцева, доказывающаго своими личными наблюденіями и цѣлымъ рядомъ отвѣтовъ на программу, что „міръ беретъ на себя опредѣленіе участи освободившагося пая земли *каждый разъ*, когда къ нему обращается заинтересованная въ дѣлѣ сторона“ (ibid.), — мы получимъ иное представленіе о характерѣ упомянутыхъ отношеній. Не мѣсто въ небольшой журнальной замяткѣ подробно выяснять цѣлый рядъ очень важныхъ слѣдствій вытекающихъ изъ того или иного взгляда на общину въ этомъ, повидимому, частномъ и неважномъ случаѣ, но мы можемъ приблизительно дать читателю понятіе о важности правильнаго представленія объ общинѣ, что касается разверстки, если скажемъ, что при предположеніи г. Семенова „міръ“ является для насъ группой лицъ, держащеюся безсознательно въ нѣкоторыхъ случаяхъ манчестерской доктрины „laissez faire, laissez passer“, тогда какъ, исходя изъ положенія г. Половцева, мы должны видѣть въ „мірѣ“ коллективную силу людей, болѣе или менѣе правильно регулируемую и вмѣшивающуюся въ между-общинныя экономическія отношенія членовъ въ сферѣ распредѣленія главнаго средства производства крестьянъ — земли.

Вотъ теперъ и стоитъ передъ нами открытымъ вопросъ: скоро-ли-же мы, наконецъ, изучимъ нашу общину, и, изучивши, освободимъ ее, руководствуясь результатами изученія, изъ рукъ мірѣдовъ? Г. Половцевъ, дѣлающій робкіе „первые шаги“ по пути такого изученія, оповѣщаетъ насъ на второй страницѣ своей брошюрки, что о „результатахъ какого-нибудь большого изслѣдованія, сопряженнаго съ кропотливымъ собираніемъ фактическихъ данныхъ, можно говорить лишь послѣ значительнаго промежутка времени“. Превосходно! Но вы, можетъ быть, спросите меня: „а ну, какъ да втеченіи времени изученія Разуваевъ окончательно высосетъ изъ всѣхъ экономическихъ отношеній общины то, что французы называютъ *surplus-value*, и занесетъ это *surplus-value*, эту выпрессованную прибавочную стоимость на страницы своей торговой книги въ видѣ рублей и копѣекъ, а сама разложившаяся, фиктивная община будетъ брошена, какъ выжатый лимонъ, на всероссійскую улицу?“ Что-жь, ничего, отвѣчу я: хоть потеряемъ общину, за то досконально и всесторонне изучимъ ее. Кто-же рѣшится оспаривать, что изучать ее — дѣло похвальное, но не мѣшало-бы, не дожидаясь конечныхъ, вполне точныхъ результатовъ изслѣдованія общины, сдѣлать хоть что-нибудь для огражденія ея отъ дальнѣйшаго разложенія. Вы не можете представить себѣ теперъ абсолютно-вѣрнаго положенія современной общины —

это такъ, но приблизительно, вполне пригодное для опоры въ вашей практической дѣятельности понятіе объ этомъ положеніи вы всегда пріобрѣсти можете. Изучайте общину до извѣстнаго предѣла; уяснилось вамъ приблизительно вѣрно ея положеніе — дѣлайте что-нибудь въ пользу ея. Можете изучать ее и дальше, и глубже, и всестороннѣе — и хорошо сдѣлаете; но постарайтесь же создать предварительно, по крайней мѣрѣ, хоть такія условія среды для общины, чтобъ она не отдала Богу душу, не дождав-шись вашего научно-вѣрнаго приговора надъ ней. Тѣ-же лица, которыя *только* изучаютъ общину, принадлежатъ, по нашему мнѣ-нію, къ разряду, если можно такъ выразиться, научныхъ an-sich-für-sich'овцевъ и занимаются изслѣдованіями не ради живыхъ лю-дей, а ради безличной науки...

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отдѣла астраханскимъ преосвященнымъ Герасимомъ выборовъ въ благочинные.— Нѣкоторые другіе факты изъ жизни нашего блага и чернаго духовенства. — Слухи о замѣнѣ волостныхъ писарей—выборныхъ писарями по назначенію. — Что такое волостной писарь, какъ элементъ просвѣщающей и толкователь закона? — Чего можно ожидать отъ замѣны выборовъ назначеніемъ?—Что могло-бы улучшить этотъ порядокъ? — Насколько невѣжество крестьянъ мѣшаетъ имъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ.—Судо-сберегательныя товарищества. — Московскіе толки объ устраниніи выборнаго начала въ мировомъ институтѣ.

Ноябрь мѣсяцъ во внутренней жизни Россіи былъ временемъ безразличнаго затишья. Корреспонденціи приходили какія-то бездѣйствныя, точно въ провинціи прекратилась жизнь и не происходило ничего, что-бы стоило вниманія. Правда, сообщалось кое-что о хорошемъ урожаѣ, потомъ пошли извѣстія о плохомъ, потомъ начались извѣстія о ранней зимѣ; но все это писалось какъ-то такъ, точно для очистки совѣсти: вѣдь нужно-же что-нибудь сообщать. Среди этой сѣренькой безразличности проскользнули извѣстія, хотя и высказанныя вскользь, но которыя тѣмъ не менѣе представляютъ большій интересъ, чѣмъ извѣстія о ранней зимѣ. Напримѣръ, въ Астрахани, преосвященный Герасимъ нашель, что выборное начало при замѣненіи благочинныхъ „затрудняетъ дѣлопроизводство консисторіи и не содѣйствуетъ миру между служителями мира“. Послѣ этой резолюціи преосвященнаго, консисторія немедленно разослала указы объ отмѣнѣ выборовъ въ благочинные и что впредь сама консисторія будетъ назначать лицъ на эти должности. Фактъ любопытенъ особенно въ томъ отношеніи, что одна изъ существенныхъ мѣръ по управленію духовенствомъ могла быть такъ просто и легко изъята изъ обращенія. Конечно, духовенство наше подавало всегда примѣръ смиренія и послушанія, и преосвященному Герасиму едва-ли даже и представлялась мысль о томъ, чтобы его

распоряженіе могло быть принято иначе, какъ безропотно; но интересъ вопроса заключается не въ этомъ. Что владыка и не имѣлъ ни малѣйшихъ поводовъ сомнѣваться въ послушаніи, это извѣстно не только ему, но и всѣмъ; что владыка могъ встрѣтить затрудненія для дѣлопроизводства консисторіи въ выборномъ началѣ,—и это возможно; наконецъ, что замѣщенія благочинныхъ по выборамъ могли порождать недоразумѣнія между священниками,—тоже весьма естественно. Но преосвященный Герасимъ, конечно, зналъ, что выборное начало, введенное при замѣщеніи благочинныхъ, есть мѣра общая, а не частная, мѣра, имѣющая общественное значеніе, наконецъ, мѣра, явившаяся не по личному распоряженію владыки, ее отмѣнившаго.

Вообще, міръ нашего духовенства—и до сихъ поръ міръ замкнутый, живущій по-прежнему своей изолированной жизнью и простымъ, несложнымъ обычаемъ. Кое-что изъ этого замкнутого міра иногда проскальзываетъ въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“, и тогда обнаруживаются факты, которые не всегда мирятся съ общимъ гражданскимъ развитіемъ остальныхъ сферъ нашей жизни. Напримѣръ, въ одной епархіи два учителя семинаріи опоздали явиться къ должности послѣ рождественскихъ праздниковъ. Одинъ изъ нихъ просрочилъ по болѣзни, а другой по недостатку средствъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы пріѣхать въ городъ. Владыка, которому было доложено это, велѣлъ дать знать больному учителю, что онъ будетъ немедленно удаленъ, если не явится, „и никакого мѣста не получить въ епархіальномъ вѣдомствѣ, да и въ другое вѣдомство будетъ сообщено о его себялюбіи“. Второму-же велѣно внушить, „чтобы онъ впредь справлялся съ своимъ карманомъ и не представлялъ начальству своихъ хохлацкихъ объясненій“. Когда же больной учитель, несмотря на весьма серьезную угрозу, все-таки не явился, и ужь, очевидно, не по лѣности, то былъ уволенъ и консисторіи вмѣнено въ обязанность учителю этому, „яко нерадивому, своевольному и предпочитающему частное дѣло общему, не давать никакой должности въ епархіальномъ вѣдомствѣ, даже должности пономаря“. Это фактъ вовсе не единичный. Въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ можно найти не мало указаній на то, какъ „грозно“ и „по старинѣ“ управляется духовенство своими властями. Ни въ одну среду право не проникаетъ такъ туго, какъ въ духовную, и нигдѣ традиции не сохраняются съ большею силою, чѣмъ въ ней. Конечно, нельзя утверждать, чтобы наше духовенство, особенно сельское, не давало никакихъ поводовъ къ нареканіямъ. И очень можетъ быть, что астраханскіе „служители мира“ лично и заслужили лишеніе права однимъ почеркомъ пера своего архипастыря; но тѣмъ не менѣе это все-таки было „право“.

Наше духовенство и до сихъ поръ находится въ положеніи не особенно обезпеченномъ, а къ чему это можетъ иногда вести, мы приведемъ изъ „Церковно-общественнаго Вѣстника“ слѣдующій фактъ. Въ чердынскомъ уѣздѣ былъ преданъ суду священникъ за выдачу неправильнаго метрическаго свидѣтельства. Сознавшись въ своей винѣ, священникъ разсказалъ слѣдующее: „Получивъ за свидѣтельство пять рублей, я отдалъ ихъ женѣ, а самъ пошелъ въ церковь, чтобы тамъ порыться въ метрикахъ и написать просимое крестьяниномъ свидѣтельство“. На обратномъ пути священникъ призадумался о томъ, что ожидаетъ его за фальшивое свидѣтельство, и рѣшилъ возвратить деньги. Приходитъ онъ домой, глядитъ, а на столѣ горитъ свѣча, кипитъ самоваръ, пахнетъ чаемъ, лежитъ связка вренделей, а за столомъ — жена съ ребятишками. Вотъ, значить, на что пошли деньги! Хотѣлъ-было пошъ разбранить жену, да жаль стало бѣдныхъ дѣтей лишить столь рѣдкаго удовольствія. „Ну, что будетъ, то и будетъ“, сказалъ себѣ священникъ и выдалъ крестьянину фальшивое метрическое свидѣтельство. Конечно, съ юридической точки зрѣнія священникъ виноватъ безусловно; мы этого и не отрицаемъ; но мы говоримъ ч то если бѣдность не ведетъ къ добродѣтели и часто заставляетъ совершать прегрѣшенія даже проповѣдниковъ нравственности, любви и добра, то вѣдь нужно-же принять противъ нея какія-нибудь мѣры; а если при этомъ не послѣднюю роль играетъ еще и неразуміе, то и противъ неразумія нужно принять мѣры. „Церковно-общественный Вѣстникъ“ очень богатъ фактами, что бѣдность и неразуміе—главныя болѣзни, которыми болѣетъ наше духовенство, и что практикуемое многими архипастьрами средство для устраненія этихъ золъ, заключающееся въ томъ, чтобы держать подначальныхъ грозно, нерѣдко вмѣсто уменьшенія только увеличиваетъ неразуміе. Вотъ, напримѣръ, въ видахъ облегченія расходовъ духовенства на образование своихъ дѣтей, было предписано архіереямъ войти въ соображенія—не признано-ли будетъ возможнымъ достигнуть нѣкотораго сокращенія числа духовныхъ училищъ посредствомъ соединенія тѣхъ изъ нихъ, которыя расположены въ недалекомъ одно отъ другого разстояніи? Мысль, повидимому, правильная. Если каждое училище будетъ больше, то, конечно, воспитаніе обойдется дешевле. И вотъ духовныя училища начали закрываться или, точнѣе, соединяться—и затѣмъ изъ разныхъ губерній слышались жалобы на это сокращеніе. Въ томъ-же „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ корреспондентъ сообщаетъ, какимъ образомъ соликамское духовное училище было соединено съ пермскимъ. Соликамскъ удовлетворялъ требованіямъ бѣдняковъ, и содержаніе въ немъ было недорого:—удобная

квартира, близкая отъ училища, обходилась отъ трехъ до шести руб. Между тѣмъ въ Перми квартира на окраинѣ города, далеко отъ училища, стоитъ въ мѣсяцъ минимумъ десять руб. Корреспондентъ спрашиваетъ: „гдѣ-же тутъ облегченіе духовенства въ расходахъ, если къ этимъ расходамъ присоединить еще и издержки на поѣздку до Перми? Правда, нѣкоторыя мѣста соликамскаго уѣзда стоятъ на одинаковомъ разстояніи отъ Перми и отъ Соликамска, но они всѣ наперечетъ. Остальныя-же и весь чердынскій уѣздъ находятся отъ Перми ста на три и даже на четыре верстѣ“. Понятно, что при такихъ условіяхъ, для бѣдныхъ причетниковъ воспитаніе дѣтей окажется или совершенно невозможнымъ, или-же имъ придется прибѣгать къ изысканію источниковъ, которые могутъ быть и не особенно чисты.

Поэтому-то и непонятно, чего думаетъ достигнуть преосвященный Герасимъ уничтоженіемъ выборнаго начала и замѣной его консисторскими назначеніями. Ужь, кажется, наше духовенство не обнаруживало ничего, кромѣ кротости и послушанія. Ну что, казалось-бы, проще, какъ выяснитъ хоть-бы то неудобство, которое испытываетъ пермская губернія отъ сокращенія духовныхъ училищъ, и къ чему это можетъ повести впоследствии, а между тѣмъ никакого разъясненія не послѣдуетъ и ни у кого изъ членовъ съѣзда не хватитъ храбрости высказать мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ членовъ консисторіи. А еще двадцать лѣтъ тому назадъ вопросъ о положеніи духовенства возбуждалъ столько надеждъ и ожиданій и заставлялъ деревенскихъ священниковъ радоваться, что жизнь ихъ станетъ лучше, обезпеченнѣе и воспитаніе дѣтей будетъ лучше, и кротости явится больше, и кончится безгласность. Ну, конечно, съѣзды должны были обѣщать многое, и казалось, что разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ духовенства, предоставленное самому духовенству, должно улучшить дѣла. Между тѣмъ практика показала, что старая система парализуетъ членовъ съѣздовъ настолько, что они не рѣшаются даже на самыя скромныя представленія о неудобствахъ тѣхъ или другихъ мѣръ высшей духовной власти. Вѣдь ужь, конечно, сокращеніе духовныхъ училищъ въ видахъ облегченія духовенства въ расходахъ имѣло цѣлью облегчить дѣйствительно расходы, и потому всякое дѣльно мотивированное представленіе о неудобствахъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ соединенія училищъ было-бы несомнѣнно уважено духовной властью. Почему-же, спрашивается, эти представленія не дѣлаются? Конечно, только потому, что низшее духовенство никогда и не бывало избаловано особеннымъ вниманіемъ къ его представленіямъ и не могло получить привычки говорить о своихъ дѣлахъ. И вышло то, что какой-нибудь храбрецъ тиснетъ корреспон-

денцію безъ подписи въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ о нуждахъ духовенства, а само духовенство тамъ, гдѣ ему предоставлено закономъ право говорить о своихъ нуждахъ, молчить.

Когда, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, у нашего духовенства явилось столько розовыхъ надеждъ, были толки и о томъ, чтобы внести кое-какія преобразованія и въ монастырское управленіе. Кое-что по этому вопросу, повидимому, и было сдѣлано. Бѣлое духовенство начинало уже радоваться, что положеніе и значеніе его, сравнительно съ положеніемъ и значеніемъ чернаго духовенства, будетъ нѣсколько уравнено. Но изъ свѣденій, помѣщенныхъ въ „Церк.-общ. Вѣст.“, видно, что монастырскіе порядки и въ настоящее время едва-ли измѣнились къ лучшему. Вотъ что, напр., напечатано въ „Церк.-общ. Вѣст.“ о порядкахъ, практикуемыхъ въ монастыряхъ:

„Треть всѣхъ братскихъ доходовъ беретъ себѣ обыкновенно настоятель монастыря. Если положить въ монастырѣ 17 штатныхъ іеромонаховъ, и каждый изъ нихъ получаетъ 300 р., то настоятель только отъ нихъ, не считая частей іеродіаконовъ и послушниковъ, получить 1,700 р. Есть въ монастыряхъ государственные банковые билеты, составляющіе весьма доходную статью монастырей. Жертвователи ихъ жертвуютъ глухо: въ пользу монастыря. Куда-же они употребляютъ эти доходы?“

Мы не чувствуемъ себя настолько сильными въ каноническомъ правѣ, чтобы разбирать, насколько всѣ подобныя отношенія завязать отъ его установленій и потому не подлежатъ какому-нибудь прогрессивнымъ перемѣнамъ. Мы говоримъ только о томъ, насколько, напримѣръ, распоряженія, подобныя распоряженію преосвященнаго Герасима, не ведутъ къ тѣмъ дѣламъ, къ которымъ они направлены, и насколько матеріальное положеніе и умственное развитіе нашего духовенства не выиграютъ отъ того, что оно не будетъ пользоваться въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, предоставленнымъ ему правомъ свободного разрѣшенія, въ предѣлахъ той-же законности, вопросовъ, предоставленныхъ его разрѣшенію. Разумѣется, распоряженіе преосвященнаго Герасима составляетъ частный случай, но даже и какъ частный онъ представляетъ нѣкоторую опасность, ибо можетъ вызвать повтореніе подобныхъ-же частныхъ случаевъ и въ другихъ мѣстахъ.

Послѣ этихъ не особенно свѣтлыхъ фактовъ, взятыхъ нами изъ „Церковно-обществ. Вѣстн.“, мы сообщимъ читателю фактъ болѣе свѣтлый — о недавнемъ циркулярѣ херсонскаго архіепископа Платона. Преосвященный пишетъ, что онъ не разъ получалъ безымянные письма разнаго содержанія: одни злобныя и пасквильныя, „которыя стыдно и грѣшно писать добрымъ лю-

дѣламъ", другія невинныя, о разныхъ желаніяхъ по церковнымъ дѣламъ, или благонамѣренныя. Преосвященный особенно возмущается противъ писемъ злобныхъ и пасквильныхъ и потому дѣлаетъ свое пастырское увѣщаніе малодушнымъ доносчикамъ, которые, по его словамъ, „показываютъ въ себѣ не только трусость, но еще злость и низость души“. Разумѣется, циркуляръ архіепископа Платона пріобрѣтаетъ значеніе протеста со стороны той самой власти, которую старались эксплуатировать для достиженія недостойныхъ цѣлей. Впрочемъ, едва-ли путемъ однихъ увѣщаній архіепископъ Платонъ подниметъ нравственный уровень своихъ подначальныхъ. Нравственныя убѣжденія иного порядка создадутся скорѣе тѣми общими мѣрами, нарушеніе которыхъ ведетъ къ безгласности и къ невозможности говорить прямо о своихъ нуждахъ. Когда-же открыто высказывать мнѣнія нельзя, то они выражаются въ закрытой формѣ злобныхъ и пасквильныхъ писемъ.

Вопросъ объ установленіи правды, который разрѣшалъ архіепископъ Герасимъ, среди сельскаго духовенства—явленіе не совсѣмъ частное. И въ самомъ дѣлѣ, если на землѣ такъ много неправды, если тѣ, кому предоставлено право самимъ заботиться о своихъ интересахъ, настолько не понимаютъ своей собственной пользы, что даже между служителями мира нѣтъ мира, а только вражда и утѣсненіе, то чего-же ожидать отъ мірянъ, для которыхъ добродѣтель не есть обѣтъ и обязательство? Этимъ мы думаемъ объяснить, почему не только преосвященный Герасимъ не нашелъ удобнымъ дожидаться, когда выборное начало принесетъ свои плоды среди сельскаго духовенства, но и почему, какъ прошелъ слухъ, явилась въ нашихъ административныхъ сферахъ мысль—вмѣсто выборовъ волостныхъ писарей волостнымъ сходомъ, предоставить опредѣленіе и увольненіе ихъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ.

Нашъ волостной писарь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ типу хищниковъ. Это человѣкъ, который кое-какъ знаетъ грамоту, знаетъ законы и распорядки; онъ толкователь всѣхъ недоразумѣній, которыя являются у мужиковъ по невѣденію; онъ знаетъ всѣ крючки и обходы, всегда умѣетъ сдѣлать, что нужно, то по закону, то для того, чтобъ обойти законъ,—однимъ словомъ, это интеллигентъ и деревенскій юристъ, подъ нравственнымъ вліяніемъ котораго находится невѣжественная безграмотность, и онъ вертитъ ея съ ловкостью пройдохи, знающаго, гдѣ раки зимуютъ. Чѣмъ меньше крестьяне знаютъ, тѣмъ выгоднѣе это для писаря, и ужь, конечно, онъ не станетъ хлопотать особенно о томъ, чтобы разъяснять крестьянамъ то, что для него объяснять имъ невыгодно. Поэтому крестьянинъ во всемъ находится въ рукахъ во-

лостного писаря. Онъ имѣеть такое вліяніе на воспитаніе въ народѣ чувства законности, что мужикъ научается смотрѣть на законъ только какъ на пугало, отъ котораго онъ всѣми мѣрами старается увернуться и готовъ на всякія сдѣлки, лишь-бы какъ-нибудь отвилиться отъ него. Очень можетъ быть, что такое возрѣніе на законность явилось въ крестьянинѣ потому, что законъ возлагаетъ на него всякія тяготы и обязательства, но въ то же время съ своими правами крестьянинъ знакомъ не только недостаточно, но, пожалуй, и совсѣмъ незнакомъ. Волостной-же писарь не такой воспитатель, чтобы сталъ просвѣщать крестьянъ въ такихъ знаніяхъ ихъ правъ, которыя поколеблуютъ его собственный авторитетъ и лишатъ его власти надъ мужиками. И вотъ волостной писарь является не только всевѣдущей и всепонимающей авторитетностью, въ единственныхъ рукахъ которой сидитъ свѣтъ знанія, но онъ еще намѣренно увеличиваетъ мракъ невѣжества, живущаго въ мужицкихъ головахъ, мороча ихъ криво-творствомъ.

Не только крестьяне, но и старшина, если онъ безграмотный, тоже вполнѣ въ рукахъ писаря. Большею частью бываетъ такъ, что писарь и старшина заодно. Конечно, если старшина грамотный или, какъ иногда случается, изъ волостныхъ писарей, — обойти его мудрено. Если-же старшина изъ мужиковъ, да на бѣду его еще безграмотный, то онъ волей-неволей пляшетъ по дудѣ волостного писаря, а подчасъ и ублажаетъ его, чтобы онъ не подвелъ. Понятно, что при такой выдающейся роли волостного писаря очень важно, чтобы эти мѣста занимали порядочные люди. Но если, вмѣсто выборовъ, писаря будутъ назначаться уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, то гарантируетъ-ли это ихъ нравственную порядочность? Въ чемъ ручательство, что уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія сдумаютъ сдѣлать лучший выборъ, чѣмъ сами крестьяне? Предположимъ, что ловкій человекъ сдумаетъ вкратъ въ довѣріе крестьянъ, даже подкупить ихъ, но почему-же тотъ-же самый ловкій человекъ не сдумаетъ вкратъ въ довѣріе крестьянскаго присутствія? Конечно, крестьяне уже давно дискредитировали свои выборы, но точно-ли въ этомъ виноваты одни крестьяне? Извѣстно, что выборы старшинъ и другихъ лицъ крестьянскаго самоуправленія большею частью производились подъ посторонними вліяніями, и едва-ли читателю нужно представлять факты въ подтвержденіе вліянія исправниковъ въ дѣлѣ крестьянскихъ выборовъ. Весьма вѣроятно, что въ постороннемъ вліяніи заключается главная причина не всегда удачныхъ выборовъ крестьянъ и что еслибы крестьяне могли дѣйствовать совершенно независимо, то и не явилась-бы мысль предоставить

выборъ волостныхъ писарей уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ. Мы-бы хотѣли знать, потому-ли выборы крестьянъ неудачны, что имъ предоставлено право выбора, или-же потому, что выборы эти никогда не обходятся безъ посторонняго вліянія? Если-же выборы эти перестаютъ быть добровольными выборами, то чѣмъ-же они отличаются отъ назначеній на должности крестьянскими присутствіями?

Наконецъ, если вся сущность дѣла въ томъ, чтобы въ должности волостныхъ писарей назначались не хищники, а порядочные люди, то вопросъ, какъ кажется, сводится къ тому, есть-ли въ той средѣ, изъ которой дѣлается выборъ волостныхъ писарей, достаточные элементы порядочности, гарантирующіе возможность соотвѣтственныхъ выборовъ или назначеній? Ясно, что это вопросъ крестьянскаго образованія и народной школы. Мы находимъ немѣстнымъ разбирать въ настоящее время, можно-ли отъ народной школы требовать исполненія задачи такого воспитанія, которымъ-бы создавались люди, вполне отвѣчающіе условіямъ той добропорядочности и пониманія гражданскаго долга, которые требуются отъ людей, завѣдующихъ народными интересами. Школы у народовъ, даже далеко опередившихъ насъ и по умственному развитію, и по учрежденіямъ, не въ состояніи создавать людей той безукоризненности, которая желательна. Добросовѣстное исполненіе служащими своихъ обязанностей зависитъ не столько отъ ихъ образованія и отъ нравственныхъ качествъ, сколько отъ невозможности дѣйствовать недобросовѣстно. Крестьянская среда, по своимъ юридическимъ и другимъ условіямъ, не такая среда, въ которой-бы оказывалось возможнымъ контролирующее вліяніе послѣдняго условія. Значить, всякій, въ комъ недостаточно развито сдерживающее нравственное чувство и въ то-же время развитъ плутоватый и своекорыстный умъ, конечно, не станетъ долго держаться на пути добродѣтели и постепенно преобразится въ хищника. До сихъ поръ, по недостатку въ народѣ стремленія къ грамотности, число грамотѣевъ не велико, а слѣдовательно, и возможность выбора изъ нихъ людей ограничена. Такимъ образомъ, и выборъ не великъ, да и нѣтъ достаточной конкуренціи. Еслибы та среда, изъ которой дѣлались выборы, заключала въ себѣ достаточное число лицъ, подготовленныхъ къ крестьянскимъ должностямъ, то едва-ли выборъ изъ нихъ достойныхъ людей могъ-бы представить затрудненіе. Значить, прежде всего вопросъ въ томъ, что не изъ кого выбирать, и, слѣдовательно, сомнительно, будутъ-ли уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія счастливѣе въ назначеніи волостныхъ писарей и будутъ-ли писаря по назначенію нравственнѣе писарей по выборамъ.

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, сводится, очевидно, къ грамотности и народному образованію. Еще и до сихъ поръ въ старшины выбираются люди, неумѣющіе подписать даже своей фамиліи. Конечно, бывали примѣры безграмотныхъ старшинъ и волостныхъ головъ, поражавшихъ своими администраторскими способностями. Рассказываютъ объ одномъ тульскомъ волостномъ головѣ, изумившемъ графа Киселева своимъ необыкновеннымъ умомъ. Несмотря на то, что онъ былъ неграмотный, онъ въ денежныхъ книгахъ могъ указать каждую статью, о которой его спрашивали. Это, дѣйствительно, что-то феноменальное. Но такой голова является развѣ въ столѣтіе развѣ. Въ обыкновенной жизни нельзя рассчитывать на геніевъ, поэтому будетъ проще настолько развить въ народѣ грамотность и образованіе, чтобы въ волостные старшины не назначать безграмотныхъ мужиковъ, которыми вертять по своему произволу грамотные волостные писаря.

И на каждомъ шагу деревня терпитъ отъ своей безграмотности и невѣжества. Въ „Молвѣ“ рассказываютъ, что пензенскій губернаторъ сдѣлалъ нынѣшней осенью объѣздъ по вѣренной ему губерніи, заглянулъ во всѣ волости и, между прочимъ, обревизовалъ ссудо-сберегательныя кассы. „Заглянулъ губернаторъ въ одну кассу — плохо, заглянулъ въ другую, третью и т. д.—тоже самое. Объѣздилъ всѣ до единой—плохо, плохо и плохо. Всѣ безъ исключенія кассы были найдены въ неудовлетворительномъ состояніи, ни въ одной волости не нашлось точныхъ свѣдѣній о томъ, съ какого времени существуетъ касса, изъ чего образовался капиталъ, кому именно и въ какой суммѣ онъ принадлежитъ“. Дѣло повсюду, какъ говоритъ „Молва“, ведется совсѣмъ скверно. Деньги, розданныя на годичный срокъ, по большей части не взыскиваются, а переписываются изъ года въ годъ за однимъ и тѣмъ же лицомъ. Печальнѣе всего, говоритъ почтенная газета, то обстоятельство, что ссудо-сберегательныя кассы начинаютъ обращаться въ обыкновенныя кассы ссудъ, и подъ благонамѣренной вывѣской успѣла уже пріютиться обычная язва нашего крестьянства—кулачество. Дѣло устраивается такъ, что капиталъ ссудо-сберегательныхъ кассъ обыкновенно сосредоточивается въ рукахъ немногихъ мѣроѣдовъ. Ну, разумѣется, кто-же будетъ сомнѣваться въ томъ, что они умѣютъ хозяйничать съ деньгами и ловить въ кабалу нуждающихся крестьянъ. По свидѣтельству пензенскаго губернатора, крестьяне потеряли къ кассамъ всякое довѣріе и лишь изрѣдка и неохотно отдають туда на сбереженіе свои деньги. Воздерживаясь отъ обобщеній, „Молва“ думаетъ, что главная причина такого порядка, хотя-бы въ пензенской губерніи, коренится въ невѣжествѣ крестьянъ, непривыкшихъ еще къ самостоятель-

ной жизни. Крестьянинъ совсѣмъ не умѣетъ отстаивать своихъ интересовъ и защищаться отъ хищниковъ. Поэтому-то мірофды и кулаки являются повсюду хозяевами и забираютъ темный людъ въ свои руки. Иногда крестьяне, можетъ быть, и сознаютъ, что ихъ эксплуатируютъ, но что-же подѣлаешь, напримѣръ, съ волостнымъ писаремъ, когда онъ знаетъ всѣ законы, постановленія, циркуляры и умѣетъ подтасовывать ихъ масть къ масти? На борьбу съ такимъ крючкотворствомъ нужно знаніе, а если его нѣтъ—какъ-же бороться? Впрочемъ, въ вопросѣ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ есть еще и другая сторона, о которой „Молва“ не говоритъ.

Ссудо-сберегательныя товарищества обязаны своимъ возникновеніемъ почину интеллигенціи, которая была воодушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ помочь крестьянину и освободить его отъ тисковъ разныхъ ростовщиковъ. Основанія, на которыхъ учреждались ссудо-сберегательныя товарищества, очень просты. Товарищество состоитъ изъ пайщиковъ и каждый вноситъ свой пай или сразу, или по частямъ, съ разсрочкой по мѣсяцамъ. Членъ можетъ брать ссуду въ полтора раза больше пая безъ поручителя, а съ поручителемъ—въ три раза больше. Кромѣ того онъ можетъ поручиться въ три раза больше пая и за другихъ членовъ. Ссуда выдается члену изъ двѣнадцати процентовъ годовыхъ, на срокъ не больше девяти мѣсяцевъ. Если ссуда въ срокъ не возвращается, то дается льгота на недѣлю, а затѣмъ вексель предъявляется ко взысканію. При этомъ установлено, что если вексель не будетъ представленъ по истеченіи льготной недѣли, то поручитель освобождается отъ отвѣтственности за неисправнаго члена. Понятно, что товарищество слѣдитъ за векселями и не медлитъ взысканіемъ.

Первое время ссудо-сберегательныя товарищества шли довольно туго, но когда оказалось, что у членовъ товариществъ бывала крайняя нужда въ деньгахъ до того, что приходилось продавать скоть, а ссудо-сберегательная касса предупреждала бѣду, когда пайщики получали проценты на свой капиталъ, а особенно къ праздникамъ, и деньги эти казались точно свалившимися съ неба, репутація ссудо-сберегательныхъ товариществъ установилась. Но впоследствии стало ясно, что благополучіе, разливаемое ссудо-сберегательными кассами, едва-ли даже и благополучіе. Конечно, пайщики привлекаются дивидендомъ, но они не соображаютъ только того, что дивидендъ ими выплачивается только самимъ себѣ. Предположимъ, что членъ дѣлаетъ заемъ. За этотъ заемъ онъ платитъ двѣнадцать процентовъ. Онъ занимаетъ деньги, конечно, для своихъ земледѣльческихъ оборотовъ. При неурожаѣ дѣло можетъ быть еще лучше, а при урожаѣ? Такихъ хо-

зайствъ у насъ не существуетъ, которыя-бы давали пятнадцать или болѣе процентовъ. Крестьянинъ, занявшій деньги и употребившій ихъ какъ оборотный капиталъ для своего земледѣлія, не выручить, пожалуй, даже и пяти процентовъ, а между тѣмъ онъ долженъ уплатить въ кассу двѣнадцать. Конечно, потому, что членскій пай идетъ тоже въ оборотъ, онъ приноситъ извѣстный дивидендъ, но и этотъ дивидендъ, какъ оказывается почти всюду, не покрываетъ того излишка, который выплачиваетъ членъ процентами за занятыи имъ для себя капиталъ. И выходитъ, что ссудо-сберегательныя товарищества не обогащаютъ своихъ членовъ. Но всѣмъ-ли товариществамъ примѣнимо это заключеніе, мы въ сей моментъ не беремъ сказать, ибо не имѣемъ отчетовъ товариществъ, но тѣмъ не менѣе мы говоримъ на основаніи фактовъ. Кроме того, ссудо-сберегательныя товарищества вносятъ тревогу въ крестьянскую жизнь. Въ кассѣ не всегда бываетъ въ наличности столько денегъ, чтобъ удовлетворить всѣхъ желающихъ. Тогда наличность, которую желаютъ получить въ ссуду, дѣлится на части между желающими, но такъ-какъ полученной доли мало, то крестьянинъ приходитъ въ кассу еще, еще и еще, т. е. сумму, которая ему нужна, выбираетъ въ нѣсколько сроковъ, а слѣдовательно, и обязуется нѣсколькими сроками уплаты. Въ эти сроки крестьянинъ непремѣнно долженъ явиться,—онъ обязанъ или внести занятую сумму, или выплатить за нее проценты. При безграмотности нашихъ крестьянъ положеніе заемщиковъ, связанныхъ нѣсколькими сроками, почти отчаянное. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ никогда не знаютъ сроковъ своихъ уплатъ и въ горячую рабочую пору должны бѣгать за справками верстъ десять, или пятнадцать. Срокъ-же знать крестьянину важно, ибо пропусти онъ его—и заемщику плохо. А если у него нѣтъ денегъ на уплату процентовъ? Тутъ онъ поневолѣ идетъ или къ еврею, или къ кулаку и продаетъ за безцѣнокъ, что есть у него продажнаго. А сколько хлопотъ для членовъ правленія слѣдить за всѣми сроками многочисленныхъ мелкихъ ссудъ? Все это такія усложненія, преодолевать которыя вовсе не по силамъ непривычному и безграмотному простонародью.

„Молва“ не одобряетъ сложившагося у нашихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ порядка переписывать векселя изъ года въ годъ за однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Но въ этомъ порядкѣ наши кассы не виноваты. Только въ извѣстное время года крестьянинъ въ состояніи уплачивать долги или выплачивать проценты, въ лѣтнюю-же пору или во время уборки хлѣба онъ сидитъ безъ гроша. Чтобы сдѣлать уплату въ безденежную пору, крестьянинъ долженъ сдѣлать заемъ на сторонѣ. Заемъ-же на сторонѣ дѣлается всегда

только за жидовскіе проценты. Единственное средство выполнить параграфъ, требующій уплаты, заключается въ томъ, чтобы его обойти. Практика и выработала такой обходъ, а обходъ заключается въ томъ, что должникъ въ назначенный срокъ является съ деньгами, показываетъ ихъ въ правленіи, бухгалтеръ ихъ пересчитываетъ, затѣмъ записываетъ, что такого-то числа ссуда была возвращена и того-же числа была сдѣлана тому-же лицу вновь. Эту-то исторію и можно продолжать безконечно изъ года въ годъ. А то практикуется еще и другой способъ. У заемщика, положимъ, нѣтъ денегъ, чтобы показать бухгалтеру. Тогда онъ заявляетъ правленію, что желаетъ „перемѣнить“ ссуду на другой срокъ. И вотъ повторяется та-же исторія, но на другой манеръ. При перемѣнномъ срокѣ взыскиваются перемѣнные проценты, но, конечно, это не такое обстоятельство, которое-бы дѣлало перемѣну сроковъ выходомъ невыгоднымъ. Этими двумя способами порядокъ, установленный первоначально въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, конечно, уклонился нѣсколько въ сторону, а причина заключается въ томъ, что въ крестьянскомъ быту вообще очень мало денегъ, и въ томъ еще, что займы изъ двѣнадцати процентовъ въ годъ на дѣло, которое даетъ только процентовъ пять, едва-ли предпріятіе, способное кого-либо обогатить. Понятно, что при такихъ условіяхъ для міроѣда, кулака и вообще всякаго процентщика будетъ всегда открытая дорога. Процентщикъ хотя беретъ проценты не побожески, но онъ знаетъ, когда ихъ взять; онъ дѣйствительно облупить крестьянина какъ липку, но выберетъ для этого время. Процентщикъ не держитъ крестьянина въ страхѣ каждую минуту, и его льготные сроки не такъ пугаютъ да и не отличаются такою бухгалтерскою точностью, какъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Вообще дѣло съ процентщикомъ ведется гораздо проще, легче и безъ писаній и книгъ, которыя всегда наводятъ на неграмотнаго крестьянина нѣкоторый благоговѣйный ужасъ. Въ этихъ-то обстоятельствахъ и заключается главнѣйшая причина, что процентщики и кулаки не только существуютъ, но положеніе ихъ считается настолько заманчивымъ, что каждый, у кого есть лишніе деньги, становится охотно процентщикомъ. Крестьянинъ, дающій деньги въ долгъ, беретъ не двѣнадцать процентовъ, какъ ссудо-сберегательная касса, а процентовъ двадцать пять, пятьдесятъ, а иногда, пожалуй, и сто. Ну какъ-же, имѣя въ перспективѣ превратить пятьдесятъ рублей въ семьдесятъ пять, отказаться отъ подобнаго заманчиваго искушенія? Ужь, разумѣется, тотъ, у кого есть пятьдесятъ рублей, охотнѣе станетъ давать ихъ въ долгъ изъ божескихъ процентовъ, чѣмъ внесетъ ихъ въ ссудо-сберегательное товарищество, чтобы сдѣлаться его членомъ. Заманчи-

вость „божескихъ“ процентовъ привела къ тому, что нѣкоторые, наиболѣе сообразительные изъ членовъ товариществъ брали въ долгъ изъ кассы деньги и затѣмъ раздавали ихъ крестьянамъ за жидовскіе проценты. Такимъ образомъ, вопросъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ обнаруживаетъ такого рода усложненія, которыя могутъ вызывать лишь одно желеніе, — чтобы нашъ мужикъ былъ просвѣщеннѣе, ибо недостатокъ между крестьянами людей этого рода есть одна изъ главныхъ причинъ, почему дѣла русской деревни идутъ такъ плохо.

Любопытная вещь, что подобный-же недостатокъ въ людяхъ наблюдается не въ одной крестьянской средѣ. „Недѣля“, со словъ корреспондентки, помѣщенной въ газетѣ „Харьковъ“, говоритъ, что въ гравворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, гдѣ мировой съѣздъ засадилъ невиннаго человѣка на недѣлю подъ арестъ, происходили недавно новые выборы мировыхъ судей. Подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, мѣстное общество должно-бы быть осмотрительнѣе въ выборахъ, но, по словамъ гравворонскаго корреспондента, это оказывается невозможнымъ. „Кругъ кандидатовъ въ участковые мировые судьи, говоритъ онъ, — такъ ограниченъ въ провинціи, что исключаетъ всякій просторъ и свободу въ выборахъ. Недостатокъ людей, способныхъ и могущихъ, по условіямъ своего имущественнаго положенія, явиться кандидатами извѣданный на опытѣ, неизбѣжно ведетъ къ болѣе снисходительному взгляду на дѣло. Положеніе провинціи въ этомъ отношеніи исключительное. Большинство способныхъ молодыхъ людей покидаетъ провинцію, подыскивая себѣ занятія въ столицахъ и въ другихъ большихъ центрахъ, внѣ общественнаго дѣла. Остающіеся-же въ провинціи стѣснены условіями имущественнаго ценза; даже въ почетные мировые судьи идутъ неохотно“. Было время, замѣчаетъ по этому поводу „Недѣля“, когда у насъ особенно жаловались на такъ-называемый „абсентеизмъ“, на проживаніе русскихъ культурныхъ людей за границей. Теперь оказывается, что и столица играетъ по отношенію къ провинціи ту-же роль.

Въ виду этого извѣстія, слухъ, пущенный московской печатью, является чѣмъ-то нелѣпо-чудовищнымъ. Москва, имѣющая привычку сочинять тревожныя новости, на этотъ разъ стала увѣрять, что будто-бы есть предположеніе о замѣнѣ мировыхъ судей по выбору судьями по назначенію. Какія ближайшія причины служили поводомъ къ этому слуху, мы не знаемъ, но въ то-же время намъ извѣстно, что въ московскихъ газетахъ не разъ раздавались жалобы на неправильныя будто-бы рѣшенія мировыхъ судей. Конечно, пока существуетъ судъ человѣческій, онъ никогда не будетъ удовлетворять всѣхъ, и нѣтъ такого состава суда, будь онъ по выбо-

ру, будь онъ по назначенію, которымъ-бы были довольны обѣ стороны. Мировой судья находится въ этомъ отношеніи въ положеніи менѣе благопріятномъ. Ему приходится разбирать разныя житейскія мелочи и столкновенія, соглашать недоразумѣнія, которыя нерѣдко труднѣе согласить только потому, что они слишкомъ будничныя и ежедневныя. Въ этомъ-то и главная причина, почему мировой судья возбуждаетъ легче толки и неудовольствія, чѣмъ судья, разбирающій дѣла крупныя и столкновенія серьезныя. Мы можемъ указать при этомъ, въ видѣ примѣра, на одно дѣло, разбиравшееся мировымъ судьей въ Москвѣ. Недоразумѣніе возникло между г. Рахманиновымъ и торговцемъ. Подробностей дѣла мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что весь искъ составлялъ сумму въ десять рублей, что Рахманиновъ остался недоволенъ рѣшеніемъ судьи, что онъ напечаталъ громадное объясненіе въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, а „Современныя Извѣстія“,—въ этомъ и заключается сущность вопроса, — сочли своимъ долгомъ высказать довольно рѣзкое мнѣніе противъ судьи. Именно потому, что дѣло мелочное, касающееся обыденнаго факта, отзывъ „Современныхъ Извѣстій“ получаетъ особенную важность, и статейка ихъ, конечно, не прошла незамѣченной въ Москвѣ, а, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ. Напр., „Новороссійскій Телеграфъ“ прямо говоритъ, что „въ Москвѣ *тоже* стали раздаваться жалобы на неправильныя окончательныя рѣшенія мировыхъ судей“: „Совр. Изв.“ поставили вопросъ такъ. „Искъ г. Рахманинова, говорятъ они,—касался лишь нѣсколькихъ рублей, но важны не деньги, а правда, которая, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ оказалась не въ авантажѣ. Но и помимо правды, этого лишеннаго въ настоящее время всякой цѣнности товара, стоитъ указать и на матеріальную сторону подобныхъ дѣлъ, вовсе не такъ, какъ кажется, незначительную. Привыкшіе къ миліоннымъ вѣхамъ, чего не знали предыдущія поколѣнія, мы какъ-будто одеревенѣли къ ежедневнымъ, ежечаснымъ беззащитнымъ случаямъ захвата нашего имущества, противъ которыхъ то-и-дѣло бессильною оказывается охранительная сила судебной практики. А между тѣмъ всѣ эти мелочи въ общемъ положительно разорительны для лицъ даже средняго состоянія. Торговый людъ изворовался до-нельзя. Прислуга, отправляемая на рынокъ, обчитывается чуть не ежедневно. Это мелочь, правда. Но въ общемъ это не меньше подати нашихъ предковъ татарскимъ темникамъ. Стоитъ сколько-нибудь невнимательно отнестись вамъ къ покупкѣ,—васъ наградили старьемъ, бракомъ, порчею, гнилью, тухлятиною, недоувсомъ, недошѣромъ. Но вы внимательны и не позволяете обмануть себя ни качествомъ, ни вѣсомъ, ни мѣрою. Не беспокойтесь. Въ запасѣ у торгаша остается безстыжее: „по-

милуйте, у насъ не торгуются“, помимо денежнаго ущерба, приводящее васъ еще въ стыдъ. Что станете дѣлать вы? Судиться? За недовѣсъ золотниковъ подадите жалобу мировому судѣ, перенесете дѣло въ сѣздъ? За гнилой товаръ на 5—10 рублей пригласите въ 100—200 р. повѣреннаго? За наглое увѣреніе, при сдачѣ, вмѣсто съ 5, съ 3 рублей, позовете полицію, станете составлять актъ? Но тогда ежедневно обсчитываемые, обмѣриваемые, обвѣшиваемые, награждаемые нигуда негоднымъ товаромъ, притомъ „безъ запроса“, посвятятъ всю свою жизнь хожденію по камерамъ мировыхъ судей, съ удачею, можетъ быть, равною успѣху г. Рахманинова. Въ настоящемъ дѣлѣ, помимо всего прочаго, ни та, ни другая сторона не представили доказательствъ. Судѣ оставалось по меньшей мѣрѣ руководствоваться „внутреннимъ убѣжденіемъ“. Но любопытно: почему для „внутренняго убѣжденія“ заявленія Зѣвакина показались достовѣриѣ заявленій г. Рахманинова, почему увѣренія лица, извѣстнаго и правительству, и обществу неподкупностью своихъ убѣжденій, менѣе убѣдительны, чѣмъ увѣренія человѣка, извѣстнаго только по торговой вывѣсѣ? Почему продавцу можно вѣрить, а покупателю нѣтъ? Почему случайному покупателю скорѣе можно приписать „сутяжничество“, чѣмъ настоящему комерсанту „комерческіе приемы“?

Допуская, что мировой судья виноватъ кругомъ, что Рахманиновъ правъ, предъявляя свой искъ, мы думаемъ, что все это дѣло и даже десятки подобныхъ дѣлъ никакъ не могутъ привести общественное мнѣніе къ заключенію, что мировая юстиція должна получить иную организацію. Еслибъ общественное мнѣніе пришло къ подобному заключенію, то оно прямо признало бы въ себѣ отсутствіе вліяющей силы. Подобныя мелкія неудовольствія доказываютъ совсѣмъ не то, что хотѣлось бы вывести противникамъ мировыхъ судей, назначаемыхъ по выбору. Даже дѣла болѣе серьезныя, представляющія болѣе общіе поводы къ неудовольствію, не служатъ доказательствомъ необходимости тѣхъ перемѣнъ, которыхъ желаютъ нѣкоторыя изъ московскихъ газетъ. Въ примѣръ подобнаго дѣла можно привести упущенія мирового судьи Стечкина, который былъ преданъ суду одесской судебной палаты за медленность въ судопроизводствѣ и продолжительное содержаніе подсудимаго въ заключеніи. Это дѣло уже совсѣмъ не то, что десятирублевый пропесъ г. Рахманинова съ Зѣвакинымъ. Семь лѣтъ тому назадъ Стечкинъ разбиралъ дѣло о конокрадахъ, и одинъ изъ нихъ, Константиновскій, не былъ розысканъ. Затѣмъ обнаружилось, что тотъ же Константиновскій судился по другому дѣлу кievскою соединенною палатою, которая приговорила его къ восьмимѣсячному заключенію. Приговоръ этотъ былъ сообщенъ судѣ Стечкину для

постановленія приговора по совокупности. Константиновскій между тѣмъ сидѣлъ уже нѣсколько лѣтъ въ острогѣ. Заключенный просилъ судью самымъ убѣдительнымъ образомъ поспѣшить его дѣломъ, но тотъ все медлилъ. Наконецъ, за Константиновскаго вступился прокуроръ, и только тогда Стечькинъ приступилъ къ рѣшенію дѣла. Въ конокрадствѣ судья оправдалъ Константиновскаго, а относительно окончательнаго заключенія о подсудимомъ вступилъ въ пререканія съ палатой. Дѣло доходило до сената. Между тѣмъ палата, имѣя въ виду, что Константиновскій вмѣсто восьми мѣсяцевъ высидѣлъ двадцать шесть, освободила его, а Стечькина передала суду. Мы согласны, что дѣйствія судьи Стечькина заслуживаютъ сильнаго порицанія, но нельзя не усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ еще и другихъ обстоятельствъ, по которымъ неправильныя дѣйствія Стечькина оказывались возможными. И опять, насколько тѣ перемѣны, слухъ о которыхъ пустили московскія газеты, могли бы облегчить положеніе судимыхъ, для которыхъ заключеніе обращается въ тяжкое наказаніе, и устранить халатность и медленность въ судопроизводствѣ? Стечькинъ могъ быть судьей и по выборамъ, и по назначенію, и если, съ одной стороны, его личныя качества были причиною такихъ дѣйствій, за которыя онъ, наконецъ, былъ преданъ суду, то, съ другой стороны, также несомнѣнно и то, что условія, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были такого рода, что неправильныя поступки оказывалось совершать легче, чѣмъ правильныя. Г. Стечькинъ дѣйствовалъ такъ, какъ-будто бы надъ нимъ не было ни надзора, ни ревизіи, ни власти. Прокуроръ сдѣлалъ судѣ напоминаніе уже на третій годъ заключенія Константиновскаго; а почему оказалось возможнымъ пререканіе судьи съ палатой, во время котораго Константиновскій продолжалъ сидѣть въ острогѣ? Вопросы эти такого рода, разрѣшеніе которыхъ едва-ли послѣдуетъ само собой, вслѣдствіе только перемѣнъ, проектируемыхъ московскими газетами. Имъ, должно быть, вовсе не ясна слишкомъ серьезная сущность предлагаемой ими мѣры.

Петербургская печать въ этомъ отношеніи гораздо серьезнѣе, осторожнѣе и глубже. Почти ни одна изъ петербургскихъ газетъ не обошла молчаніемъ московскаго слуха, а въ „Голосѣ“ даже явилась по поводу его весьма серьезная статья, и—что любопытно—изъ той же самой Москвы. Статья эта касается выборнаго начала въ примѣненіи къ устройству судовъ. Въ прежнихъ нашихъ судахъ выборное начало имѣло болѣе широкое примѣненіе и примѣнялось не только къ судамъ первой инстанціи, но и къ судебнымъ палатамъ. По новымъ судебнымъ уставамъ широкое примѣ-

неніе выборнаго начала было найдено несоотвѣтствующимъ, и оно сохранено лишь для мировой юстиціи.

Выборное начало въ примѣненіи къ юстиціи не есть какое-нибудь либеральное заигрываніе: оно есть результатъ многолѣтнихъ наблюденій и изслѣдованія причинъ, отъ которыхъ больше всего зависитъ безпристрастіе судебныхъ рѣшеній. Выборное начало оказалось наиболѣе соотвѣтственнымъ для такихъ судовъ, которые имѣютъ непосредственное, ближайшее отношеніе къ населенію, имѣютъ нравственную, бытовую связь съ самою жизнью, разбираютъ мелочи повседневныхъ недоразумѣній и являются ближайшимъ средствомъ для умиротворенія и для разрѣшенія постоянныхъ недоразумѣній, вытекающихъ изъ жизненныхъ столеновеній. Такая именно задача и выпала на долю мировой юстиціи. Все это отлично понималось составителями нашихъ судебныхъ уставовъ, и въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 года говорится о назначеніи мировой юстиціи слѣдующее:

„Званіе мирового судьи должно имѣть высшую важность въ устройствѣ суда и судебного управленія. Въ его лицѣ дается мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія пререканій о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ прежде всего скорого рѣшенія на мѣстѣ и нагляднаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникъ для согласенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ кажутся противоположными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, легко могутъ быть примиримы. На мирового судью возлагается не только разборъ и рѣшеніе гражданскихъ споровъ и исковъ, но и охраненіе общественнаго порядка и спокойствія посредствомъ разбора многочисленныхъ дѣлъ о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, которые въ интересахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и самого общества, требуютъ скорого рѣшенія въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ они возникли. Для успѣшнаго выполненія своего важнаго призванія, мировой судья долженъ пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей, а довѣріе это—опъ можетъ получить не столько юридическимъ образованіемъ, сколько знаніемъ народныхъ понятій, правовъ, обычаевъ и вообще всѣхъ условій мѣстной жизни и въ особенности своимъ здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ и безукоризненною жизнью.“ (Журн. госуд. сов. 1862 года, № 65, стр. 300).

Авторъ цитируемой нами статьи совершенно вѣрно замѣчаетъ, что выборное начало стоитъ у насъ на твердой исторической почвѣ, что организація его согласована со всѣми требованіями практическаго, самостоятельнаго и народнаго значенія его и что, на-

конецъ, выборное начало является просто душою всего мирового правосудія. Вопросъ этотъ вовсе не такъ простъ, какъ это кажется московской газетѣ. Ужь не говоря о томъ, что пришлось бы отступить отъ исторической традиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы отмѣнено и одно изъ важнѣйшихъ правъ нашего земскаго самоуправления. И что же могло послужить поводомъ къ той смѣлой мѣрѣ, которую придумали московскіе публицисты? Неужели дѣло г. Рахманинова и Зѣвакина или медленность дѣлопроизводства, за которую г. Стечкинъ и былъ преданъ суду? Еслибы подобныхъ дѣлъ явились не десятки, а сотни, то естественный логическій выводъ заключался бы только въ томъ, чтобы поставить и разрѣшить вопросъ, отчего могутъ повторяться подобныя явленія. Но, сколько извѣстно, изслѣдованіе дѣятельности нашей мировой юстиціи для опредѣленія практической годности началъ и условій, въ которыхъ она дѣйствуетъ, предпринимаемо до сихъ поръ не было. Слѣдовательно, если „Московскія Вѣдомости“ думаютъ, что опредѣленіемъ судьей по назначенію разрѣшится вопросъ, то очевидно, что подобное разрѣшеніе ничего не разрѣшитъ, и вотъ почему. Не только на основаніи судебныхъ уставовъ, и вообще на основаніи тѣхъ естественныхъ условій, въ которыхъ приходится дѣйствовать мировой юстиціи, задача ея заключается въ установленіи естественной справедливости, чуждой всякаго юридическаго формализма. Мировой судья разрѣшаетъ дѣла преимущественно по совѣсти и въ то же время зная коротко бытовыя, нравственныя и умственныя условія населенія, среди котораго онъ судитъ. Ясно, что всякая замѣна подобнаго лица, избраннаго въ судьи самими тѣми, кто желаетъ быть имъ судимыми, лицомъ совершенно постороннимъ устраняетъ возможность подобной непосредственности и простоты рѣшеній по совѣсти и разрываетъ нравственную связь между судьей и подсуднымъ ему населеніемъ. Лица, которыя могли-бы быть назначены, конечно, были-бы или людьми юридическаго образованія, или людьми, взятыми изъ среды администраціи. Тѣ и другіе играли-бы, во всякомъ случаѣ, роль пришлого элемента и уже по этой одной причинѣ отдались-бы неизбѣжно или нѣсколько отвлеченному юридическому движенію мысли, или-же вдалились въ канцелярскій формализмъ; а, слѣдовательно, во всей ихъ дѣятельности не было-бы живой струи. Мы не отрицаемъ, что недостатокъ людей способныхъ, могущихъ по условіямъ своего имущественнаго положенія занимать судебныя должности, какъ это оказалось, на примѣръ, въ грайворонскомъ уѣздѣ ведетъ къ болѣе снисходительнымъ выборамъ. Но точно-ли это достаточная причина, чтобы желать радикальной перемены въ самомъ институтѣ мирового суда? Нѣтъ-ли причины не-

возможности находить соотвѣтственныхъ людей не заключается-ли въ самыхъ условіяхъ слишкомъ высокаго и неодинаковаго для всѣхъ мѣстностей ценза? Для мирового судьи, какъ извѣстно, требуется двойной цензъ противъ ценза для членовъ земскихъ управъ и кромѣ того еще не только для избирателей, но и для избираемыхъ. Очень можетъ быть, что съ расширеніемъ ценза явилась-бы большая возможность избирать въ мировые судьи людей соотвѣтственныхъ, потому что не Богъ-же вѣсть какія необыкновенныя качества требуются для того, чтобы разсудить дѣло по совѣсти и рѣшить, кто поступилъ хорошо, кто дурно. Для такого дѣла, какъ мировая юстиція, гдѣ не требуются юридическія формальности и тонкости и гдѣ каждый человѣкъ, нелишенный здраваго смысла и простыхъ человѣческихъ чувствъ, можетъ отличить бѣлое отъ чернаго, присканіе соотвѣтственныхъ людей никогда не представитъ затрудненій, если, конечно, будетъ увеличенъ кругъ лицъ, изъ которыхъ можно выбирать. А это, повидимому, легче всего достигнуть установленіемъ легкаго ценза, о чемъ уже не разъ говорила наша печать. Что-же касается неисполнительности и неряшливости, за которыя судился судья Стечькинъ, то эти случаи вовсе не правило, а очень рѣдкое исключеніе. Нерадивость и упущенія замѣчались и не за одними мировыми судьями. Организація соотвѣтственнаго контроля могла-бы, какъ кажется, совершенно устранить возможность повторенія такихъ случаевъ, какъ нерадивость и халатность судьи. Во всякомъ случаѣ, все, что могло вызвать неудовольствіе на мировыхъ судей, имѣетъ чисто-частный, даже случайный характеръ, и, слѣдовательно, можетъ быть устранено такими-же частными мѣрами. Между тѣмъ московскіе публицисты не только бьютъ тревогу противъ всего института мирового суда, но и хотятъ уничтожить основной принципъ, на которомъ онъ построенъ. Вотъ ужъ истинно усердіе не по разуму!

И Ш.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ англійскаго.)

Письмо сорокъ седьмое.

Дорогая Дженни!

Послѣднее твое письмо получилъ я и, къ крайнему сожалѣнію, вижу, что ты, Дженни, многія мои письма находишь неинтересными, — хотя, какъ любезная женщина, прямо этого и не высказываешь, — такъ-какъ въ моихъ письмахъ я, по мнѣнію твоему, слишкомъ много занимаюсь мелкими явленіями русской общественной жизни, а о болѣе крупныхъ явленіяхъ либо вовсе умалчиваю, либо говорю вскользь, такъ точно, какъ Биконсфильдъ объ ирландскихъ затрудненіяхъ послѣдняго времени.

Но только едва-ли ты права, Дженни, въ данномъ случаѣ. Повѣрь, дорогая моя, что я самъ съ большимъ удовольствіемъ описывалъ бы тебѣ грандіозныя проявленія русской жизни или крупныя явленія, чѣмъ обычное ея теченіе въ руслѣ однообразныхъ и мелкихъ явленій. Но дѣло въ томъ, что въ столь счастливой и патріархальной странѣ, какъ Россія, крупныя явленія общественной жизни, по крайней мѣрѣ съ европейской точки зрѣнія, не имѣютъ мѣста, если, разумѣется, не считать за таковыя крупныя растраты, позаймствованія и т. п., къ чему, встати замѣтить, русскіе такъ привыкли, что считаютъ ихъ самыми заурядными, почти повседневыми явленіями русской жизни или, какъ они харак-

терно говорятъ, „русскаго самоуправленія съ государственнымъ и частнымъ имуществомъ“.

Если же здѣсь наблюдательнаго путешественника и заинтересовываетъ какое-нибудь общественное явленіе, имѣющее всѣ признаки характернаго и крупнаго, то все-таки, Дженни, согласишься, что едва-ли прилично и безопасно (въ разсужденіи правильности выводовъ) мнѣ, какъ добросовѣстному путешествующему „знатному иностранцу“ и серьезному наблюдателю, говорить о подобныхъ явленіяхъ, не имѣя твердой почвы подъ ногами или, по крайней мѣрѣ, всесторонняго разъясненія со стороны аборигеновъ и знатковъ страны: какъ приличествуетъ взглянуть на тотъ или другой фактъ, каковы его причины и послѣдствія и т. п.

Но такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ достовѣрныя разъясненія, какъ со стороны знатковъ страны, такъ точно и со стороны большинства русской прессы, имѣютъ всегда одинъ и тотъ же характеръ и притомъ характеръ исключительный, дающій только указаніе на вмѣшательство нечистой силы или евронейской интриги при всякомъ сколько-нибудь необычномъ явленіи, то я, Дженни, предпочитаю не сообщать тебѣ переводовъ изъ русскіхъ газетъ, а стараюсь самъ вникать въ смыслъ явленій, и сообщу о нихъ только тогда, когда буду вполне увѣренъ, что не рискну впасть въ ошибки превратнаго сужденія. Англійская наша добросовѣстность, съ одной стороны, и необыкновенная осторожность, проявляемая русскими, когда дѣло касается обобщеній, — осторожность, которою невольно заразился и я, — все это вмѣстѣ мѣшаетъ мнѣ поверхностно и поспѣшно обобщать наблюдаемыя явленія, а потому ты и не ожидай въ письмахъ моихъ встрѣтить какія-нибудь легкомысленныя сужденія, вродѣ тѣхъ, какія попадаютъ въ европейскихъ газетахъ, неимѣющихъ никакого понятія о русскіхъ дѣлахъ, и кромѣ того довольствуйся, Дженни, описаніями мелкихъ явленій общественной русской жизни, которыя легче поддаются справедливой оцѣнкѣ. Къ тому же я утѣшаю себя мыслью, что и изъ ряда мелкихъ явленій я все-таки дамъ тебѣ нѣкоторое понятіе о нравахъ и обычаяхъ страны, въ которой я пребываю, благодаря Господа Бога, въ полномъ здравіи и благополучіи.

Оговорившись такимъ образомъ и, надѣюсь, убѣдивши тебя въ неправотѣ твоихъ жалобъ, — продолжаю, Дженни, описывать тебѣ мои наблюденія и похождения. Замѣчу для твоего успокоенія, что похождения мои, благодаря званію знатнаго иностранца и любезности русскаго полисмена, который при встрѣчахъ дѣлаетъ мнѣ подъ козырекъ, до сихъ поръ имѣютъ характеръ весьма пріятный и веселый. Пока въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, я не испыталъ никакого недоразумѣнія. Ни разу еще я не былъ по ошибкѣ (что

иногда случается) взять, какъ здѣсь говорятъ, „за шиворотъ“ и—что еще удивительнѣе—не былъ даже у мирового судьи по обвиненію въ оскорбленіи...

Такъ, еще очень недавно, въ сессіи особаго присутствія судебной палаты, продолжавшейся 3, 4 и 5 декабря, разсматривались, по словамъ судебного отчета, „большею частію дѣла объ оскорбленіи крестьянами, мѣщанами и бабами полицейскихъ чиновъ“, изъ чего ты можешь заключить, что русскіе простолюдины удивительно задорный народъ.

Въ числѣ этихъ дѣлъ разбиралось и дѣло объ одномъ нашемъ соотечественникѣ, британскомъ подданномъ Оскарѣ Стевени, который тоже оказался такимъ-же задорнымъ, какъ и русскіе, вѣроятно оттого, что выросъ въ Россіи. Названный джентльменъ, которому во время совершенія преступленія было 18 лѣтъ, обвинялся въ оскорбленіи часового дѣйствіемъ—обвиненіе очень серьезное, Дженни! По словамъ судебного отчета, напечатаннаго въ русскихъ газетахъ, дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Въ ночь съ 13-го на 14-е, а по показаніямъ другихъ свидѣтелей—съ 12-го на 13-е августа 1876 года въ Кронштадтѣ произошелъ пожаръ. Въ переулочъ, находившійся противъ горѣвшаго дома, было снесено разное имущество, для охраны котораго была поставлена цѣпь солдатъ смоленскаго полка, которымъ приказано было никого не пропускать въ переулочъ. Между тѣмъ подсудимый проникъ за цѣпь и остановился у забора. Стоявшій вблизи на часахъ рядовой Федоровъ, увидя этого человѣка, подошелъ къ нему и, взявъ за рукавъ, сказалъ, что за цѣпь проходить нельзя. Тогда Стевени, повернувшись къ часовому, ударилъ его ладонью по лицу. Федоровъ, повернувъ въ рукахъ ружье, ударилъ Стевени прикладомъ въ правую часть головы такъ сильно, что Стевени упалъ безъ чувствъ и потомъ пролежалъ въ постели дней семь. Свидѣтель Орловъ, въ то время юнкеръ, нынѣ подпоручикъ, показалъ, что онъ былъ командированъ въ помощь капитану Домброво на пожаръ. Переулочомъ, несмотря на цѣпь часовыхъ и даже на усиленіе ея впослѣдствіи, народъ шелъ массаами, такъ что сдерживать его было невозможно. Обходя цѣпь, свидѣтель приказывалъ не пропускать никого. Подойдя къ рядовому Федорову, онъ и ему отдалъ такое-же приказаніе, на что тотъ отвѣтилъ, что онъ никого не пропускалъ. Но въ это самое время какой-то молодой человѣкъ прошелъ за цѣпь и остановился у забора. Орловъ замѣтилъ часовому: „какъ-же ты говоришь, что никого не пропускаешь, а вонъ видишь!“ Федоровъ обернулся, взялъ молодого человѣка за рукавъ, тотъ повернулся и ударилъ часового по лицу, а часовой ударилъ его прикладомъ, отчего тотъ повалился. Протокола свидѣтель о

случившемся не составлялъ и вообще никакого дѣйствія не предпринималъ, такъ - какъ въ ту же минуту подошелъ капитанъ Домброво. Этотъ послѣдній показалъ, что не помнитъ, видѣлъ-ли онъ самъ или ему рассказали, какъ молодой человѣкъ ударилъ часового, но видѣлъ, какъ послѣдній ударилъ молодого человѣка прикладомъ. Протокола также не составлялъ, такъ-какъ тотчасъ-же сообщилъ о происшествіи приставу и доложилъ бывшему на пожарѣ полковому командиру. Рядовой Федоровъ утверждалъ, что молодой человѣкъ ударилъ его по лицу, такъ-что съ него слетѣло кепи, на что онъ отвѣтилъ ударомъ приклада, „но, замѣтилъ свидѣтель, — не штыкомъ“. За этотъ поступокъ свидѣтель никакому взысканію подвергнуть не былъ.

„Подсудимый объяснилъ, что когда онъ проходилъ за цѣпь, часовые его не остановили и не сказали, что нельзя. Потомъ, почувствовавъ, что его кто-то схватилъ за рукавъ и сильно дернулъ, онъ обернулся и увидѣлъ солдата съ поднятымъ надъ нимъ ружьемъ; думая, что солдатъ станетъ его бить, онъ поднялъ руку, защищаясь отъ удара, и въ то-же время получилъ ударъ. Свидѣтели Киндъ и Джеральдъ, бывшіе вмѣстѣ съ подсудимымъ, и докторъ Стерлингъ показали, что не видѣли удара по лицу часового. Одинъ изъ нихъ видѣлъ только, что Стевени поднималъ руку, защищаясь отъ удара прикладомъ“.

При разбирательствѣ этого дѣла въ судебной палатѣ черезъ три года послѣ совершенія преступленія — дѣло было въ августѣ 1876 года, а разбирательство происходило въ декабрѣ 1879 года (хорошо, что Оскару Стевени втеченіи трехъ лѣтъ не предстояло надобности выѣзжать изъ Россіи!) — между прочимъ, оказалось, что дознаніе по этому дѣлу было произведено лишь 12 сентября 1876 года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія, когда молодой джентльменъ успѣлъ совсѣмъ уже оправиться послѣ удара прикладомъ, полученнаго имъ въ голову, и встать съ постели. На основаніи этихъ соображеній, и, вѣроятно, принимая во вниманіе показаніе капитана Домброво, который на судѣ показалъ, что „не помнитъ, видѣлъ-ли онъ самъ или ему рассказали, какъ молодой человѣкъ ударилъ солдата, но видѣлъ, какъ послѣдній ударилъ молодого человѣка прикладомъ“, — но только г. исправляющій должность товарища прокурора судебной палаты, князь Урусовъ, не находя въ дѣлѣ доказательствъ виновности нашего молодого соотечественника, отказался поддерживать обвиненіе, и особое присутствіе палаты признало Стевени невиновнымъ и постановило считать его по суду оправданнымъ.

Но меня, Дженни, все-таки заинтересовало слѣдующее раз-

мышление: что было-бы, еслибы ударъ прикладомъ былъ менѣе счастливъ?

Не зная хорошо русскихъ законовъ по сему вопросу, я, натурально, обратился за разъясненіемъ къ одному русскому опытному и свѣдущему юристу. (Признаюсь, я имѣлъ въ виду и ваши интересы—твои и ненаглядной нашей Клары, на случай подобнаго недоразумѣнія со мной самимъ.)

Юристъ внимательно меня выслушалъ и отвѣчалъ:

— У насъ, милордъ, никто и никогда убытковъ не взыскиваетъ, такъ-какъ русскіе вѣрятъ въ Промыслъ Божій и понимаютъ, что недоразумѣнія и случайности возможны при самомъ лучшемъ наблюденіи за предотвращеніемъ ихъ. Съ другой стороны, русскіе, милордъ, не въ претензіи, если даже они по недоразумѣнію и получаютъ какія-нибудь, хотя-бы и тяжкія, увѣчья. Наши желѣзныя дороги производятъ каждый годъ болѣе 600 разныхъ увѣчій—и ничего! Никто и не думаетъ обвинять ихъ въ этомъ.—Что-жь?—говорятъ російскіе граждане, преисполненные по-истинѣ голубиной кротости,—„на всякое *тасканье* *) не наздравствуешься“. Мы въ этомъ, милордъ, не похожи на иностранцевъ. У нихъ на первомъ планѣ теорія мести и денежное вознагражденіе, а у насъ смиреніе, прощеніе и забота о возстановленіи чести. Согласитесь, что въ нашемъ характерѣ болѣе возвышеннаго. У насъ, милордъ, нерѣдки случаи, что кого-нибудь повредятъ,—натурально, повредятъ съ самыми добрыми намѣреніями,—такъ вѣрите-ли мнѣ, милордъ,—а мнѣ можно вѣрить по моему званію,—не только поврежденный не питаетъ къ повредившему (если только послѣдній повредилъ, такъ-сказать, по усердію, при исполненіи своихъ обязанностей) никакого злого чувства и не только не ищетъ никакихъ убытковъ, а,—таково величіе духа русскаго человѣка!—если выйдетъ изъ суда оправданнымъ, обыкновенно повторяетъ, крестясь на всѣ четыре стороны: „хоть рыло въ крови, да правда восторжествовала!“ **).

— Теорія ваша несомнѣнно возвышаетъ духъ, хотя, съ другой стороны, нѣсколько удручаетъ тѣло,—все это такъ; но при частыхъ недоразумѣніяхъ и при несомнѣнныхъ способностяхъ русскихъ къ боксу, при подобномъ взглядѣ на вещи, сэръ, вы, какъ мнѣ кажется, рискуете имѣть очень много калѣкъ въ государствѣ, замѣтилъ я.

*) Очевидно, вмѣсто *чужанье* иностранецъ по ошибкѣ употребилъ *тасканье*.

Пр. переводчика.

***) Понятно, почтенный Знатный Иностранецъ не цовлялъ извѣстной нашей поговорки.

Пр. переводч.

— О, нѣтъ, милордъ, русскій человѣкъ, особенно простой русскій человѣкъ, можетъ вынести какую угодно встрепку. ни мало не страдая отъ этого и готовый черезъ нѣсколько дней получить новую, если только оправился отъ прежней! весело, отвѣчалъ мнѣ юристъ. — Конечно, случаются и смертные случаи, случаются и тѣлесныя поврежденія, но эти случаи, во-первыхъ, рѣдки, а, во-вторыхъ, никто какъ Богъ!

— Такимъ образомъ, убытковъ взыскивать не съ кого?

— Не съ кого, милордъ.

— Ну, а еслибы я, напримѣръ, какъ англичанинъ, потерпѣлъ, тогда какъ?

— Тогда... тогда... Да вы, милордъ, къ чему ведете эту рѣчь? Вѣдь вы, слава-богу, знатный иностранецъ и слѣдовательно...

— Не рискую?

— По крайней мѣрѣ, не очень! весело замѣтилъ собесѣдникъ, переходя къ другому предмету бесѣды.

Несмотря, однако, на увѣренія русскаго джентльмена изъ окружнаго суда въ незначительности риска, которому можетъ подвергнуться знатный иностранецъ, особенно если онъ имѣетъ орденъ, — я все-таки, Дженни, какъ предусмотрительный мужъ и отецъ, принялъ къ свѣденію вышеизложенный разговоръ и тогда-же далъ себѣ слово избѣгать всякихъ публичныхъ сборищъ, а тѣмъ болѣе пожаровъ, строго соблюдать престижъ свой, какъ знатнаго иностранца, и не разставаться съ звѣздой Льва и Солнца.

Вслѣдствіе того, что у русскихъ джентльменовъ гражданскаго вѣдомства нѣтъ, какъ, напримѣръ, у китайцевъ, отличительныхъ знаковъ, вродѣ шариковъ на шапкахъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности къ интеллигентному или служилому классу, — русскіе, надо думать, во избѣжаніе риска недоразумѣній, носить ордена не только когда того требуетъ законъ, т. е. на службѣ, но даже и въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ ношеніе орденовъ необязательно.

Тебѣ не безъизвѣстно, Дженни, что послѣ сербской войны и героической защиты Дьюнишскихъ высотъ въ Петербургѣ появилось много джентльменовъ, украшенныхъ знаками отличія, за то, что проливали кровь... Эти джентльмены одержимы маніей къ ношенію таковскихъ и др. орденовъ; они не расстаются съ ними даже въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, въ омнибусахъ, въ Демидовомъ саду и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые не расстаются съ ними даже тогда, когда совлекаютъ съ себя всѣ одежды, а именно въ купальняхъ и баняхъ. Признаюсь, когда, въ первый разъ войдя въ теплую русскую баню, гдѣ находилось довольно-таки лицъ, я увидѣлъ нѣсколькихъ почтенныхъ джентльме-

новъ въ костюмахъ Адама, но съ Таковымъ на шеѣ, а затѣмъ, въ томъ отдѣленіи, гдѣ парятся, двухъ толстыхъ негоціантовъ съ большими медалями, — я былъ несказанно удивленъ и долго не могъ отвести глазъ отъ сосѣда моего, раскраснѣвшагося джентльмена, на толстой шеѣ котораго болталась медаль.

По склонности русскихъ вступать въ бесѣды даже и въ публичныхъ баняхъ, сосѣдъ мой заговорилъ о прелести русской бани и встать изругалъ Европу за то, что въ ней, по словамъ его, нельзя вымыться такъ, какъ въ Россіи.

Воспользовавшись словоохотливостью моего баннаго собесѣдника, и я, въ свою очередь, позволилъ себѣ освѣдомиться: обязательно-ли ношеніе медали даже въ то время, когда на джентльменѣ нѣтъ никакихъ одеждъ?

— Статутъ объ этомъ не упоминаеть! Но я надѣваю ее, во-первыхъ, чтобы банщикъ зналъ, кого моегъ, а во-вторыхъ, въ предотвращеніе могущихъ возникнуть недоразумѣній! отвѣтилъ джентльменъ, съ трудомъ дыша и фыркая, словно гипопотамъ, вышедшій изъ воды.

— Какъ такъ? Какія могутъ быть недоразумѣнія въ баняхъ?

— Бываютъ, сударь, и въ баняхъ! Во всякомъ случаѣ, это не лишнее. По крайней мѣрѣ, всякій видитъ, что передъ нимъ благонамѣренный человекъ, а не какой-нибудь, съ позволенія сказать...

И онъ для округленія фразы плюнулъ.

Въ послѣднее время, Дженни, почему-то мнѣ приходилось чаще встрѣчать въ баняхъ подобныхъ джентльменовъ. Въ первое мое посѣщеніе Россіи такія встрѣчи были рѣдкостью. Какая тому причина—объяснить съ основательностью я все-таки тебѣ не могу, боясь впасть въ превратныя сужденія.

Однако, я замѣчаю, что совсѣмъ забылъ сообщить тебѣ въ настоящемъ письмѣ объ интересной публичной бесѣдѣ, на которой я имѣлъ честь присутствовать съ мѣсяцъ тому назадъ. Бесѣда эта имѣла цѣлью познакомить русскую публику съ подробностями покупки американскихъ судовъ, показать ихъ достоинство и вообще дать подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ. Какъ видишь, Дженни, русскіе до того любятъ гласность, что, необязанные даже къ ней, все-таки непремѣнно хотятъ, чтобы публика могла контролировать до подробности расходы, произведенные изъ суммъ государственнаго казначейства. Съ этою-то похвальной цѣлью лекторъ—онъ-же и главный руководитель дѣла—сдѣлалъ въ техническомъ обществѣ сообщеніе о приобрѣтеніи въ 1878 году въ сѣверной Америкѣ крейсерскихъ судовъ.

Опять пришлось, Дженни, оторваться отъ письма. Только-что у меня былъ съ визитомъ тотъ самый джентльменъ, который говорить „правду, одну правду и ничего болѣе“, и оставилъ мнѣ свою брошюру, подъ названіемъ: „Проектъ умиротворенія Россіи ко всеобщему удовольствію“.

Передавая мнѣ свой проектъ, названный джентльменъ намекнулъ, что онъ не прочь былъ-бы видѣть свой трудъ переведеннымъ на англійскій языкъ и напечатаннымъ въ англійской газетѣ.

— Пусть и Европа видитъ, милордъ, что у насъ есть администраторы, стоящіе на высотѣ положенія, прибавилъ онъ, раскланиваясь.

Въ скоромъ времени примусь за чтеніе брошюры, и если она окажется интересной, то переведу и пришлю тебѣ съ просьбой отдать въ одну изъ нашихъ газетъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, англичане, наконецъ, знакомятся съ мнѣніями русскихъ замѣчательныхъ людей изъ первоначальныхъ источниковъ, а не въ извращенной передачѣ корреспондентовъ.

Кончаю письмо. Будьте здоровы и не забывайте вашего Джонни.

Письмо сорокъ восьмое.

Дорогая Дженни!

Оттого-ли, что о бесѣдѣ достопочтеннаго лектора, капитана Сѣмечкина, недостаточно рекламировалось, оттого-ли, что русскіе слишкомъ знакомы съ характеромъ подобныхъ бесѣдъ, но только, къ крайнему моему изумленію, на бесѣду почтеннаго джентльмена о покупкѣ американскихъ крейсеровъ публики собралось не особенно много. Обстоятельство это тѣмъ болѣе удивительно, что на означенные крейсера, какъ равно и на быстроходныя „поповки“, какъ ты знаешь, русскіе возлагали и возлагаютъ самыя радужныя надежды для одолѣнія Англии и узавленія ея морской торговли. О крейсерахъ столько говорилось въ свое время, москвичи даже устраивали подписку на сооруженіе каперскаго парохода, идея добровольнаго флота, какъ тебѣ извѣстно, осуществилась, и суда названнаго общества въ настоящее время плаваютъ по океанамъ. Одинъ пароходъ отвезъ на островъ Сахалинъ ссыльно-каторжныхъ, другіе пароходы перевозятъ грузы. Однимъ словомъ, въ послѣднее время, какъ казалось, русскіе получили особенный вкусъ къ морскому дѣлу и вдругъ оказалось, что морское дѣло близко знакомо всѣмъ русскимъ гражданамъ, до духовныхъ лицъ включительно.

Такъ во время капероманіи, охватившей внезапно русскихъ, въ одной изъ комисій, добровольно собравшейся въ уѣздномъ городѣ—въ тѣ времена насчетъ добровольныхъ комисій было совершенно свободно!—трактовалось не только о томъ, какъ увлечь поселянъ на пожертванія, но и подробно разсматривался вопросъ: морская держава Россія или сухопутная, и когда было рѣшено, что морская, такъ-какъ омывается четырьмя морями, то почетные члены комисіи постановили ходатайствовать о перечисленіи Россіи въ рангъ морскихъ державъ и о разрѣшеніи всѣмъ уѣзднымъ городамъ имѣть свои яхтъ-клубы и строить суда. Въ той-же комисіи, членами которой были: мѣстный *reverend bishop*, становой приставъ, акцизный надзиратель, ветеринарный врачъ и пятидесятилѣтній отставной мичманъ Дырка, въ качествѣ дѣлопроизводителя оной,—названные моряки-любители проектировали даже особенный пароходъ, который-бы могъ дѣйствовать и на сухомъ пути, и на водѣ, и въ то время проектъ названныхъ моряковъ возбудилъ всеобщія ликованія, хотя, однакожь, и не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря такъ на-скоро заключенному берлинскому трактату.

Затѣмъ совершенно безпримѣрный подвигъ „Весты“, переносящій какъ-бы въ сказочныя времена, окончательно воспламенилъ всѣ сердца, и въ тѣ времена трудно было встрѣтить джентльмена, который-бы не говорилъ, указывая на подвигъ „Весты“, что отнынѣ русскіе доказали, на что способенъ только одинъ духъ, хотя-бы этотъ духъ находился на обыкновенномъ деревянномъ пароходѣ. Отсюда, разумѣется, не далеко было и до увѣренія, что, обладая такимъ духомъ, можно при помощи нѣсколькихъ „Вестъ“ справиться со всѣми броненосцами на свѣтѣ, а потому не къ чему заводить этихъ броненосцевъ, а давайте намъ крейсера, крейсера и крейсера! Что-же касается поповокъ, то онѣ пусть стоятъ въ гаваняхъ для устрашенія непріятели. Увидавъ такое невѣроятное морское изобрѣтеніе русскаго генія, иностранныя флоты, говорили русскіе, остановятся въ страхѣ у входа въ гавани и со страхомъ повернуть назадъ. Прибавлю къ этому, что безпримѣрность подвига „Весты“ вполне оправдывала такое увлеченіе русскихъ.

Въ тѣ времена, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, только и говорили, что о крейсерахъ; въ канцеляріяхъ даже выдумали новое занятіе для того, чтобы убить время до четырехъ часовъ. Занятіе это какъ-разъ подходило къ охватившей всѣхъ морской страсти. Благо подъ рукой было много казенной бумаги, мелкіе чиновники вырѣзывали бумажные кораблики всевозможныхъ формъ и величинъ, въ видѣ крейсеровъ, катеровъ и поповокъ, и когда просители приходили за справками,

то имъ вмѣсто справокъ нерѣдко дарили на память парходикъ „Весту“, клиперокъ „Русскій Духъ“ или поповочку „Скорородъ“, и просители уходили вполне довольные, понимая, что не время было заботиться о справкахъ, когда нужно было сооружать крейсера для одолѣнія нашего ехиднаго Диззи.

Подобныя мысли высказывались не только моряками-любителями изъ департаментовъ, но и въ здѣшней печати, и профессоръ русской исторіи прославился изобрѣтеніемъ складного „rocket steamer“, а равно и reverend bishop, открывшій, что Россія морская держава, и предложившій модель сухопутно-морского русскаго стимера, не были одинокими воинами въ полѣ, тѣмъ болѣе, что русскихъ, какъ я не разъ тебѣ писалъ, нисколько не страшитъ никакая специальность и здѣсь не рѣдкость встрѣтить моряка, занимающагося фронтовой службой, гусара въ званіи юриста, юриста въ званіи инженера, ремонтера въ званіи педагога, а педагога въ званіи инспектора конскихъ заводовъ.

Способности русскихъ, по правдѣ говоря, настолько изумительны, что имъ не надо даже особыхъ усилій для перехода отъ одной профессіи къ другой, и не даромъ здѣсь каждый порядочный молодой джентльменъ получаетъ такое образованіе, что всегда готовъ по первому призыву припятъ предложеніе заниматься чѣмъ угодно: духовными-ли дѣлами или коннозаводствомъ, просвѣщеніемъ или надзоромъ за увеселительными домами, морскими дѣлами или сухопутными, финансами или ремонтомъ лошадей и т. п., причемъ, Дженни, русскіе джентльмены говорятъ, что „не боги-же обжигали горшки“, и, смѣю тебя завѣрить, говорятъ не безъ основанія, такъ-какъ на всякихъ мѣстахъ они всегда оказываются на высотѣ положенія, благодаря энциклопедичности ихъ образованія, а главное—усердію, проявляемому ими на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, Дженни, что здѣсь, при возбужденіи морскимъ духомъ, дилетантовъ-моряковъ объявилось такое множество, что ими можно было-бы укомплектовать всѣ адмиральскія, капитанскія и офицерскія вакансіи во всѣхъ флотахъ Европы и Америки, причемъ все-таки русскимъ морскимъ офицерамъ не хватило-бы мѣста на своихъ судахъ и они принуждены были-бы вмѣсто плаванія гранить мостовыя въ Кронштадтѣ *).

Послѣ всего вышесказаннаго ты поймешь, Дженни, причины изумленія, охватившаго меня, когда я усѣлся въ кресло, приготовившійся слушать бесѣду о покупке американскихъ крейсеровъ,

*) Опять, къ сожалѣнію, мы принуждены оговорить преувеличеніе почтеннаго путешественника.

Прим. переводчика.

и не встрѣтил той громадной массы публики, какая, по моимъ соображеніямъ, должна была хлынуть на лекцію, общавшую столь подробное знакомство съ крейсерами. Тутъ будетъ встать замѣтить тебѣ, Дженни, что въ числѣ слушателей я замѣтилъ секретаря нашего посольства. Печальную фигуру, надо сказать правду, представлялъ собой мой соотечественникъ, пріѣхавшій послушать, какъ „отработалъ“ въ Америкѣ достопочтенный лекторъ англійскую дипломатію и какъ утеръ онъ ей носъ, когда она сунулась было перхватить намѣченный русскими крейсеръ.

Я улыбнулся, глядя на нашего дипломата, и приготовился слушать, тѣмъ болѣе, что лекторъ уже откашлялся и въ залѣ водворилась тишина.

Почтенный лекторъ предварительно набросалъ очеркъ англійской торговли. Надѣюсь, ты не изумишься, Дженни, послѣ всего того, что я говорилъ о способности русскихъ обжигать горшки, если я замѣчу, что почтенный морской капитанъ храбро выказалъ свое знакомство съ предметомъ, о которомъ съ апломбомъ бесѣдовалъ публично.

Такъ, напримѣръ, онъ открылъ слушателямъ характеристику англійской торговли, полагая, разумѣется, что до него никто еще этой истины не открывалъ (это, впрочемъ, общая черта самоучекъ), и объяснилъ, надо сказать правду, весьма популярно, что Англія беретъ вездѣ, гдѣ можно (а гдѣ нельзя, конечно, не беретъ), сырье, привозитъ его къ себѣ, перерабатываетъ это сырье и снова развозитъ, въ переработанномъ уже видѣ, въ иностранныя государства.

Открывъ, такимъ образомъ, передъ слушателями секретъ англійской торговли, достопочтенный лекторъ не оставилъ, конечно, слушателей въ недоумѣніи и насчетъ того, какъ привозится сырье и развозится обработанный матеріалъ, и дабы слушатели (между которыми было нѣсколько джентльменовъ очень престарѣлыхъ лѣтъ) не подумали, что сырье и обработанный матеріалъ привозится и развозится по водѣ въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ или на воздушныхъ шарахъ,—объявилъ, что для привоза и развоза необходимы купеческія суда, а потому, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Англіей (въ этотъ моментъ, Дженни, нашъ секретарь вздрогнулъ, да и я, признаться, почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо), самое слабое ея мѣсто составляетъ морская торговля.

Весь этотъ политико-экономическій очеркъ занялъ, впрочемъ, не болѣе пяти минутъ времени и затѣмъ почтенный лекторъ указалъ на другую слабую сторону Англіи—на рабочій вопросъ, но пуститься въ подробности о немъ, впрочемъ, благоразумно воздержался, вѣроятно, потому, что знакомство съ этимъ вопросомъ со-

ставляло, въ свою очередь, самое слабое мѣсто достопочтеннаго моряка, а потому онъ и перешель, наконецъ, къ настоящему предмету.

Я, конечно, не стану въ подробности излагать тебѣ, Дженни, содержаніе бесѣды. Замѣчу только, что большая часть лекціи была посвящена на указаніе трудностей, которыя пришлось преодолѣть, и на то, съ какимъ геройствомъ и самоотверженіемъ преодолѣли всѣ эти трудности русскіе (съ лекторомъ во главѣ ихъ, замѣчу тебѣ, пополняя скромность лектора). А трудностей, судя по бесѣдѣ, было не мало. Во-первыхъ, надо было какъ можно скорѣй покупать суда, а то, того и гляди, наша дипломатія отобьетъ ихъ, а во-вторыхъ, приходилось въ одно и то-же время быть и комерсантомъ, и дипломатомъ, и професоромъ международнаго права передъ американцами... однимъ словомъ, чѣмъ можетъ быть только скромный русскій человѣкъ. И все это было достигнуто. Во-первыхъ, нашей дипломатіи утерли носъ съ первымъ пароходомъ, а случилось это такъ: на заводѣ Крампа стоялъ готовый уже пароходъ, который годился для крейсерской службы, и потому немедленно-же почтенный лекторъ приступилъ къ переговорамъ о покупке его, черезъ посредство одного филадельфійскаго банкира. „Переговоры надо было вести крайне осторожно, во-первыхъ, потому, что пароходъ былъ заказанъ компаніей Pacific Coast Steamship Company за 365,000 долларовъ. Надо было перекупить его у этой компаніи, но такъ, чтобы не подать вида о сильномъ желаніи, дабы тѣмъ не возвысить слишкомъ цѣну; во-вторыхъ, съ другой стороны, англійское правительство, извѣщенное уже о русской экспедиціи, старалось, конечно, противодѣйствовать, и англійскій консулъ обратился съ представленіемъ къ своему правительству о необходимости купить этотъ пароходъ. Каждую минуту могъ получиться отвѣтъ. Медлить было нельзя, и лекторъ рѣшился приобрести этотъ пароходъ за 400,000 долларовъ, т. е. съ надбавкою 35 тыс., въ счетъ которыхъ должны были войти всѣ передѣлки и приспособленія къ военнымъ цѣлямъ. Черезъ 2 дня по совершенномъ окончаніи этой покупки былъ полученъ отвѣтъ англійскаго правительства, которое предписывало купить пароходъ за 500,000 долларовъ. Но пароходъ уже былъ нашъ“, объяснилъ лекторъ.

Такимъ образомъ, лордъ Бикии былъ чисто обойденъ лекторомъ, и изъ трагическаго разсказа о томъ, какъ приобретенъ былъ первый пароходъ-крейсеръ, ясно выглядываетъ вислоухая рожа опоздавшаго нашего консула, готоваго ради политики переплатить не 35,000 дол., а 135,000 гиней, и уже впопыхахъ бѣгущаго съ чекомъ, но увы! поздно, поздно и поздно. Этотъ трагическій разсказъ съ англійскимъ

консуломъ заставилъ даже моего сосѣда справа — весьма презентабельнаго молодого человѣка съ большимъ лбомъ и ушами, нѣскольکو напоминающими, впрочемъ, уши нашего опоздавшего консула, воскликнуть, обращаясь ко мнѣ:

— Не правда-ли, какой богатый матеріалъ для современнаго романа?

— Вы развѣ литераторъ?

— Ну, разумѣется! проговорилъ онъ быстро, воспользовавшись временемъ, когда лекторъ пилъ воду.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, тема благодарная, и если написать этотъ романъ поскорѣе, этакъ въ недѣлю, другую, то онъ произведетъ эффектъ. Назвать надо: „Русскіе въ Америкѣ или торжество надъ коварнымъ Альбіономъ“. Десять главъ: Отѣздъ. Пріѣздъ. Тайнственные розыски, но на пути злодѣй-консулъ. (NB. Это нашего-то вислouxаго, Дженни, консула русскій литераторъ произвелъ въ злодѣи!) Коварная интрига. Торгаши-янки. Они пользуются соперничествомъ двухъ державъ, и за пароходъ, стоящій, съ позволенія сказать, два пятіалтынныхъ...

— Что вы, перебилъ я,—развѣ вы не слышали, что онъ стоитъ 365,000 долларовъ?

— Не перебивайте, пожалуйста. Это я для усиленія эффекта. Поэтическая вольность! продолжалъ онъ мнѣ на ухо шопотомъ (лекторъ продолжалъ бесѣду).—На чемъ я, бишь, остановился?

— „И за пароходъ, стоящій, съ позволенія сказать...“

— Довольно. Помню. Требуютъ по два миліона долларовъ за каждый. Русскіе не дремятъ. Вся Европа глядитъ на нихъ, но и Альбіонъ не дремлетъ, понимая, что участь его, участь министерства зависятъ отъ того, кто побѣдитъ, кто купитъ первый пароходъ. На сторонѣ русскихъ всѣ шансы. Они уже надбавили миліонъ. Ужъ янки готовы хлопнуть по рукамъ, какъ вдругъ злодѣй-консулъ говоритъ: „прибавляю два миліона“. Но шельма англичанинъ (очевидно, русскій литераторъ не зналъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ!) не имѣлъ полномочій и просилъ подождать всего два дня, только два дня, пока онъ снесетъ съ Биконсфильдомъ. Тогда наступаетъ роковая минута,—самая интересная глава будетъ. Назову ее: „Еще одно усиліе“. Русскіе торопятъ янки получить денежки и выкладываютъ передъ нимъ всю сумму золотомъ... золотомъ. У янки горятъ глаза отъ радости, что вмѣсто двухъ пятіалтынныхъ онъ получитъ такую сумму, но въ то-же время алчность его смущается интригой англійскаго консула. „Позвольте два дня! шепчетъ онъ.—Только два дня!“ Но русскіе знаютъ, въ чемъ дѣло, и говорятъ: „Ни секунды болѣе или мы ѣдемъ покупать корабли въ Голандію!“ Янки въ невообразимомъ волненіи. Онъ мо-

жетъ потерять тутъ и тамъ. Того и гляди англійскій консулъ поднадуетъ и не дастъ надбавки въ два миліона. Тоже насчетъ комерціи они шельмоваты! думаетъ янки и рѣшается. „Корабль вашъ!“ говорить онъ. — „Нашъ! Ура! ура и ура!“ Обѣдъ съ шампанскимъ и дамами. Торжество и прочее. Прошелъ день. О злодѣѣ ни слуху, ни духу. Еще другой день, и янки весело тянетъ себѣ *cherry soblar* и говорить своей женѣ: „однако, чисто-таки обработалъ я дѣльце!“ какъ вдругъ, весь въ пыли, заморенный, вспотѣвшій, вбѣгаетъ къ нему въ office англійскій консулъ, протягиваетъ телеграму и безъ чувствъ опускается на кресло. Янки читаетъ телеграму Бивонфильда. Она кратка. Вотъ что въ ней сказано: „покупайте пароходъ хотя-бы за десять миліоновъ, только-бы онъ не достался русскимъ!“ Янки читаетъ и только вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, затѣмъ, ни слова не говоря, выхватываетъ изъ кармана револьверъ и прострѣливаетъ себѣ голову. Консулъ, пробужденный выстрѣломъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло, бѣжитъ на заводъ Крампа, вбѣгаетъ на нашъ пароходъ и тамъ вѣшается съ отчаянія на реѣ... Общее оцѣпенѣніе. Потомъ бенгальскій огонь и телеграммы во всѣхъ газетахъ. Вотъ конспектъ. Хорошо будетъ романъ?

— Отличный, но только Крампъ до сихъ поръ живъ.

— Господи! Да не все-ли это равно, живъ онъ или умеръ?

— И консулъ не повѣсилъ.

— И это знаю. Но какова коллизія-то двухъ державъ въ романѣ?

— Послушайте, однако, какъ ни хорошъ вашъ конспектъ, а все-таки вы мѣшаете мнѣ слушать бесѣду! позволилъ я себѣ замѣтить пылкому романисту.

Онъ умоляетъ и я снова сосредоточилъ вниманіе. Но оказалось, что, благодаря моему сосѣду, я пропустилъ отчетъ о покупкѣ другихъ пароходовъ (впрочемъ, могу тебя завѣрить изъ русскихъ газетныхъ отчетовъ о лекціи, что и остальные пароходы приобрѣтены благополучно); я засталъ оратора на томъ мѣстѣ, когда онъ говорилъ, какъ русскимъ пришлось учить американцевъ международному праву и убѣждать 3,500 человекъ американскихъ журналистовъ. Впрочемъ, боясь, что я ошибусь въ передачѣ, перевожу эту часть бесѣды изъ отчета „Новаго Времени“.

„Прибытіе русскихъ въ Америку, пребываніе ихъ тамъ и энергичная дѣятельность по снаряженію и приготовленію крейсеровъ не могли не обратить вниманія правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и всего народа. Поэтому необходимо было все дѣло поставить на почву строгой законности, на почву международного права. Немалыхъ трудовъ стоило лектору уладить и этотъ вопросъ. Надо

было разъяснить американскому народу положеніе дѣлъ, возбудить его симпатію, вызвать его сочувствіе. Двое лучшихъ авторитетныхъ людей сѣв. Америки по международному праву поставили дѣло экспедиціи на строго-законную почву. Были приглашены газетные репортеры, которымъ было разъяснено, что международное право воспрещаетъ изготовленіе вооруженныхъ экспедицій, но это относится только къ пороку и снарядамъ; снаряженіе-же судовъ возбранено быть не можетъ. Вопросъ объ этомъ былъ внесенъ немедленно въ конгрессъ, и въ 3,500 американскихъ газетахъ писалось уже о несомнѣнномъ правѣ русскихъ снаряжать суда“.

Разсказывая затѣмъ въ томъ-же родѣ о своихъ похожденияхъ въ Америкѣ, лекторъ заключилъ лекцію увѣреніемъ, что моральная сторона американскаго путешествія была та, что оно (опять изъ боязни ошибиться въ передачѣ, цитирую изъ отчета „Новаго Времени“) „показало всему свѣту, какъ врагамъ, такъ и друзьямъ, способность, энергію и знаніе русскаго народа“.

Этой скромной похвалой русскому народу лекторъ закончилъ свою лекцію, обѣщавъ, впрочемъ, познакомить публику „съ техническими выводами“ въ слѣдующей бесѣдѣ.

Я уже хотѣлъ было идти домой, какъ около меня справа (сосѣдъ мой слѣва, русскій литераторъ, уже исчезъ куда-то) раздался меланхолическій баритонъ:

— Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова.

Я повернулъ голову и увидѣлъ рядомъ стараго-престарога, сизоносаго, но съ симпатичнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лица, сѣдоватаго джентльмена, штурмана по професіи, или, какъ флотскіе офицеры ихъ называютъ, „Штурмана Ивановича“ *).

— Что вы изволили сказать? переспросилъ я.

— Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова! снова повторилъ старый джентльмень.

— Что-же это значить?

— А то значить, милостивый государь, что я шелъ на лекцію и думалъ узнать, во что обошлись намъ крейсера, каковы ихъ качества, наконецъ, какимъ образомъ могли-бы дѣйствовать они въ случаѣ вооруженнаго столкновенія, и могли-ли-бы еще дѣйствовать, такъ-какъ, запертые въ одномъ портѣ, они легко могли-бы такъ и остаться тамъ, блокированные врагами. Но если-бы, положимъ, англійскій адмиралъ оказался такимъ-же вислоухимъ, какъ и консулъ англійскій, и выпустилъ крейсера, то гдѣ-бы они доставали провизію для своихъ подвиговъ? Всѣ эти вопро-

*) Очевидно, „знатный иностранецъ“ принялъ шуточное прозвище за настоящее.

Пр. переводчика.

сы остались открытыми, а вмѣсто того—Жомини да Жомини, проговорилъ недовольный джентльменъ, поднимаясь съ своего мѣста.

— Кто такой этотъ Жомини? Развѣ лекторъ говорилъ о Жомини?

Старый джентльменъ посмотрѣлъ на меня удивительнымъ взглядомъ и ушелъ, оставивъ меня въ недоумѣніи, кто такой былъ этотъ Жомини.

Очевидно, штурманъ былъ недоволенъ. Впослѣдствіи я узналъ, что штурманы ничѣмъ никогда не бываютъ довольны. Это народъ суровый, обреченный, какъ рассказывали мнѣ, на постоянное подчиненіе флотскимъ джентльменамъ, хотя профессія ихъ, казалось бы, не оправдываетъ подобнаго положенія. Штурманы, Дженни, занимаются во флотѣ кораблевожденіемъ. Они прокладываютъ путь по картѣ, дѣлаютъ счисленія и вычисленія, повѣряютъ хронометры,—словомъ, занимаются одной изъ главныхъ отраслей морского дѣла. Но такъ-какъ „математика“ въ старину не была въ фаворѣ у джентльменовъ „бѣлой кости“, то „цифирники“, какъ прежде называли джентльменовъ математики, находились въ загонѣ, и въ то время, какъ болѣе счастливые ихъ товарищи по морскому дѣлу срываютъ цвѣты удовольствія и почестей, они влачатъ свое печальное существованіе, не смѣя мечтать о чинѣ поручика ранѣе семидесяти-пяти лѣтъ. Всѣ эти невзгоды несомнѣнно повліяли на касту штурмановъ, и вотъ почему штурманъ вообще суровъ, несообщителенъ, угрюмъ, рѣдко показывается на улицахъ, а если и показывается, то старается скорѣй прошмыгнуть.

Говорятъ, впрочемъ, что давно идутъ разговоры о томъ, чтобы провозгласить освобожденіе штурмановъ, тѣмъ болѣе, что эмансипація крестьянъ осуществлена давно *).

Оказалось, однако, Дженни, что не одинъ сосѣдъ мой выразилъ неудовлетвореніе лекціей. Въ русскихъ газетахъ появились замѣтки съ болѣе или менѣе пикантными вопросами, доказывающими, что русскіе непременно хотятъ знать многія подробности, имъ несообщенныя.

Странный народъ эти русскіе! Совсѣмъ добровольно, никѣмъ и ничѣмъ необязанный, знакомить ихъ лекторъ съ своимъ путешествіемъ въ Америку, сообщаетъ интересныя подробности о трудностяхъ и объ ихъ преодоленіи, сообщаетъ о трагическомъ столкновеніи съ консуломъ, говоритъ о томъ, какъ всему свѣту русской народъ показалъ себя, а русскіе все-таки точно недовольны.

*) Опять преувеличеніе и искаженіе.

Пр. переводчика.

Такъ одинъ „бывшій морякъ“ напечаталъ въ „Новомъ Времени“ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Подробности этого дѣла въ высшей степени интересовали русское общество, такъ-какъ уже два года въ обществѣ ходили упорные слухи, что 4 крейсера, прибрѣтенные въ Америкѣ, обошлись русскому казначейству отъ восьми до десяти миліоновъ рублей, тогда какъ четыре-же крейсера добровольнаго флота, большихъ размѣровъ и съ одинаковымъ или лучшимъ ходомъ, обошлись менѣе двухъ миліоновъ. Къ сожалѣнію, изъ бесѣды о дѣйствительной стоимости крейсеровъ ничего опредѣленнаго вывести нельзя, и по-прежнему остается открытымъ обширное поле для всевозможныхъ предположеній. Видно лишь одно: за четыре крейсера заплачено миліонъ двѣсти восемьдесятъ пять тысячъ долларовъ, что, по тогдашнему курсу, равняется около двухъ миліоновъ пятисотъ слишкомъ тысячъ кредитныхъ рублей“.

Но, по мнѣнію „бывшаго моряка“, эта цифра еще не выражаетъ той цифры, которая дѣйствительно была затрачена, и „бывшій морякъ“ перечисляетъ всѣ неизвѣстныя величины, которыя бы ему хотѣлось видѣть извѣстными, а именно: первая неизвѣстная величина x —стоимость найма парохода „Cimbria“, находившагося въ распоряженіи русскихъ съ 30 марта по 1 сентября; вторая неизвѣстная a — наемъ другого парохода для помѣщенія команды; третья— b , стоимость содержанія экспедиціи; четвертая — c , сообщеніе лектора о томъ, что „русскіе доставляли работу и хорошіе заработки 2,000, а въ горячіе дни и 5,000 человекъ американскихъ рабочихъ“. А такъ-какъ, прибавляетъ неугомонный „бывшій морякъ“, хорошимъ заработкомъ въ Америкѣ считается плата не менѣе 2 долларовъ въ день, и если плата эта, какъ слѣдуетъ предполагать, производилась отдѣльно отъ покупной суммы, то она должна была образовать весьма солидную цифру, которая для насъ остается тоже неизвѣстнымъ c . Наконецъ, четвертая неизвѣстная величина d выражаетъ собою дипломатію и сочувствіе 3,500 американскихъ газетъ. Ставя эту неизвѣстную, „бывшій морякъ“ постановку ея мотивируетъ такъ: „Если въ Америкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, признается, что *time is money*, т. е. время — деньги, то трудно предположить, чтобы газетные репортеры, приглашенные г. Сѣмечкинымъ, пріѣзжали къ нему изъ-за одного сочувствія. Кромѣ того, единогласіе трехъ тысячъ пятисотъ американскихъ газетъ, разныхъ направленій и оттѣнковъ, конечно, не могло быть достигнуто однимъ краснорѣчіемъ. Допуская, что большая половина этихъ газетъ помѣщала у себя сочувственныя статьи изъ-за симпатіи, сочувствіе остальныхъ, вѣроятно, тоже чего-ни-

будь да стоило, и, слѣдовательно, является новая неизвѣстная величина d ."

Въ-концѣ-концовъ, „бывшій морякъ“ для опредѣленія стоимости четырехъ крейсеровъ предлагаетъ такую формулу:

4 крейсера = 2,500,000 р. + $(x + a + b + c + d)$ рублей выражаетъ желаніе, чтобы лекторъ разрѣшилъ эту формулу, подставивъ вмѣсто буквъ цифры.

Разумѣется, почтенный лекторъ вскорѣ удовлетворить любознательности „бывшаго моряка“, хотя пока въ газетахъ отвѣта на этотъ вопросъ не было, и, вѣроятно, еѣ неизвѣстнымъ величинамъ „бывшаго моряка“ прибавить, разрѣшивши ихъ, еще и f = сочувствію „двухъ лучшихъ авторитетныхъ людей сѣверной Америки по международному праву“ и, наконецъ, g = артилеріи, приобретенной для крейсеровъ.

Но, во всякомъ случаѣ, заканчивая письмо, я еще разъ не могу не повторить: чудачи эти русскіе!.. Имъ-же дѣлаютъ одолженіе, знакомятъ ихъ съ англійской торговлей, а они все свое: „Жюмини да Жюмини, а о водеѣ ни полслова!“

— Не стоитъ русскимъ нибакимъ лекцій читать! говорилъ мнѣ наднихъ одинъ знакомый мой русскій джентльменъ, человекъ благонамѣренный, почтенныхъ лѣтъ, занимавшій довольно видное положеніе по интендантской части въ прошлую войну.

— Отчего вы, сэръ, противъ лекцій? спросилъ я.

— Оттого, уважаемый милордъ, что у насъ самыя лучшія, самыя чистыя побужденія сейчасъ-же перетолкуютъ, заподозрять... вотъ отчего, милордъ!.. Какой-нибудь ничтожный репортериншо, и тотъ, обрадовавшись вдругъ, что ему можно сунуть носъ, позволяетъ себѣ дѣлать ехидные вопросы!.. Я, напимѣръ, хотѣлъ открыть рядъ лекцій и дать въ нихъ подробный отчетъ о моихъ дѣйствіяхъ по званію начальника сухарнаго склада. Никто меня, конечно, не обязывалъ къ этому,—у насъ, какъ вы знаете, публикѣ отчетовъ давать не полагается, такъ-какъ мы даемъ отчетъ по начальству,—но я, какъ либеральный человекъ и къ тому же сознающій, что публикѣ, можетъ быть, интересно знать подробности о сухарномъ складѣ, искренно желалъ быть полезнымъ родинѣ и составилъ уже конспектъ лекцій, въ которыхъ трактовалъ и о трудностяхъ, предстоявшихъ начальникамъ сухарныхъ складовъ, и объ энергіи, и о дипломатическихъ способностяхъ, которыя надлежало проявлять въ сношеніяхъ съ товариществомъ продовольствія съ одной стороны и съ непосредственнымъ начальствомъ съ другой... Кромѣ того, я имѣлъ въ виду дать понятіе о варимости солдатскаго желудка, наглядными опытами, милордъ... однимъ словомъ, лекціи мои, смѣло скажу, пролили-бы свѣтъ на дѣло...

— Что-же васъ остановило, сэръ, въ такомъ похвальномъ намѣреніи?

— А вотъ что, милордъ. Составилъ я свои лекціи, но для литературной ихъ обработки пригласилъ одного молодого человѣка и попросилъ его, между прочимъ, сказать свое откровенное мнѣніе. Я полагалъ, что молодой человѣкъ, прочитавши мой отчетъ, провозгласитъ меня, по крайней мѣрѣ, русскимъ Неккеромъ. Вѣдь я по своей волѣ, милордъ, отчетъ-то хотѣлъ дать, никто меня за языкъ не тянулъ! А онъ, молодой-то этотъ человѣкъ, поправивши слогъ, возвратилъ мнѣ рукопись обратно и ни слова. „Что-же вы?“ спрашиваю. — „Ничего, говоритъ, занято!“ — „И только?“ — „А чего-жь еще больше?“ — „Да вѣдь это *compte rendu*!.. Поймите!.. Никто меня за языкъ не тянулъ, а я самъ, по доброй волѣ, Неккеромъ объявляюсь!“ — „Что-жь, говоритъ, съ Богомъ, объявляйтесь!“ — „Да развѣ это не лестно публикѣ?“ — Онъ молчитъ. — „Или, быть можетъ, не хорошо изложено?“ — Опять молчитъ. — „Да вы, молодой человѣкъ, можетъ быть, стѣсняетесь высказать свое мнѣніе? Вы не стѣсняйтесь. Я человѣкъ либеральный и Гамбету даже одобряю!“ — Онъ улыбнулся и замѣтилъ: „Лучше бросьте это дѣло, ваше превосходительство!“ — „Отчего?“ — „Да оттого, ваше превосходительство, что хотъ намѣренія ваши и добрыя, да цифръ въ вашемъ отчетѣ мало... все одна литература, такъ-что, пожалуй, вамъ въ Неккеры не придется попасть. Все хорошо-съ, только цифръ мало-съ!“ снова прибавилъ онъ и ехидно такъ засмѣялся. Я ничего не сказалъ, заплатилъ ему за поправку слога двадцать пять рублей и отпустилъ. Но, признаюсь, возмущенъ былъ до глубины души, милордъ! Я добровольно, никто меня не обязывалъ, хочу познакомить публику, и вдругъ какой-то молоко-сосъ и тотъ: „цифръ мало“. А? Цифръ мало! Ужь если этотъ: „цифръ мало!“, такъ что-же будетъ, думаю, если я публично прочту? Такъ и бросилъ свою благую мысль. Увы! милордъ! Къ сожалѣнію, мы еще не созрѣли.

— Это, кажется, знаменитое изрѣченіе милорда Ламанскаго?

— Именно. И онъ правъ... Мы еще не созрѣли для Неккерова. Милордъ Ламанскій подтвердитъ это. И я больше никакихъ отчетовъ не буду давать публикѣ. Пусть сама догадывается, во что обошлось содержаніе сухарнаго склада, а спросить—я ей еукипъ покажу.

Бѣдный джентльменъ былъ совсѣмъ возмущенъ, рассказывая мнѣ объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Дженни, русскіе, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не всегда умѣютъ цѣнить либеральныя проявленія своихъ дѣятелей. Вотъ почему, вѣроятно, наиболѣе либеральные и свободомыслящіе дѣятели въ Россіи такъ часто и скоро

приходятъ къ разочарованію,—начиная желаніемъ объявляться Неккерами, кончаютъ тѣмъ, что объявляются маленькими Бонапартами. Однако, пора кончить. Твой Джонни.

Письмо сорокъ девятое.

Дорогая Дженни!

Помнишь-ли ты „божихъ младенцевъ“ (такъ зовутъ въ этой странѣ членовъ различныхъ правленій и комисій, частныхъ, разумѣется), о которыхъ я писалъ тебѣ въ прошломъ году, когда въ одинъ прекрасный день обнаружилось, что въ кассѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита не хватило миліона слишкомъ рублей?

Съ тѣхъ поръ утекло много воды. Съ тѣхъ поръ почти забыли неосторожнаго кассира, неумѣвшаго довести дѣла до конца, т. е. объявить „божимъ младенцамъ“ о пустотѣ кассы тогда, когда въ ней дѣйствительно не осталось-бы ни копѣйки. Забыли и о „божихъ младенцахъ“, промелькнувшихъ въ судѣ въ качествѣ „младенцевъ“, ничего непомнящихъ, ничего незнающихъ и неумѣющихъ различить нумера серій и возбудившихъ во многихъ истинное состраданіе... къ ихъ младенческому состоянію. Промелькнули и скрылись съ глазъ, доживая въ тиши, быть можетъ, не лакомясь уже жетонами, какъ лакомились прежде, когда кавалеръ Юханцевъ еще не объявилъ имъ, что они „младенцы“ и что только онъ настоящій взрослый человѣкъ, знающій бухгалтерію, какъ свои пять пальцевъ.

И вотъ, Дженни, не такъ давно эти лишенные жетоновъ джентльмены снова напомнили о себѣ публикѣ и послужили поводомъ къ новому возбужденію интереснаго вопроса: должны-ли отвѣчать за правители разныхъ общественныхъ учрежденій за кассы, растраченныя во время ихъ управленія, или-же кассы сами за себя отвѣчаютъ, а „божіи младенцы“, за престарѣлостью лѣтъ и слабуміемъ, отвѣтствовать не должны, тѣмъ болѣе, что нравственная отвѣтственность и безъ того достаточно наказываетъ неопытныхъ „божихъ дѣтей“, заставляя ихъ искать жетоновъ въ другихъ учрежденіяхъ?

Прежде, чѣмъ рассказать тебѣ, Дженни, о сущности гражданскаго процесса противъ бывшихъ директоровъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, замѣчу тебѣ, что до сихъ поръ въ Россіи, какъ мнѣ извѣстно, вопросъ объ имущественной отвѣтственности начальствующихъ лицъ на практикѣ разрѣшался обыкновенно тѣмъ, что начальствующія лица не должны отвѣтствовать за кассы, если

сами изъ оныхъ ничѣмъ не пользовались. Основаніемъ для такой практики служили, во-первыхъ, ссылки на слабоуміе и престарѣлость лѣтъ; а во-вторыхъ, на невозможность, въ случаѣ имущественной отвѣтственности, найти директоровъ правленій. Кому охота получать тысячъ по пятнадцати рублей въ годъ съ рискомъ въ одинъ прекрасный день заплатить сумму, равную, пожалуй, суммѣ двадцатилѣтняго жалованья? Въ настоящее время, когда позаимствованія достигли послѣдней степени совершенства, а гг. директорамъ правленія приходится занимать по нѣскольку должностей и, слѣдовательно, невозможно посвящать одному правленію болѣе часа, много двухъ часовъ въ недѣлю — привлекать къ имущественной отвѣтственности почтенныхъ лицъ, удостоивающихся — нерѣдко во имя высшихъ соображеній — принимать на себя званіе членовъ правленія или совѣта, было-бы бессмысленно. Названныя почтенныя лица, избираемые обыкновенно изъ лицъ вліятельныхъ, если не въ томъ частномъ учрежденіи, гдѣ они служатъ, то въ другихъ мѣстахъ, не согласятся утруждать себя повтореніемъ четырехъ правилъ арифметики и посвящать всю свою дѣятельность занятіямъ въ частныхъ учрежденіяхъ. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній несравненно цѣлесообразнѣе и согласнѣе съ обычаями, существующими въ странѣ, въ случаѣ растраты и похищеній на сумму свыше 10,000 привлекать къ отвѣтственности владчиковъ и членовъ разныхъ акціонерныхъ и взаимныхъ учреждений. Сумма, разложенная на всѣхъ, не составитъ большой цифры, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ удовлетворенъ принципъ круговой поруки и, наконецъ, подобный образъ дѣйствій не оставитъ учреждений безъ начальствующихъ лицъ.

Но защитники отвѣтственности, преимущественно, Дженни, люди сравнительно молодые, недостигшіе еще почетнаго званія „общественныхъ сосуновъ“, напротивъ, утверждали, что пора частнымъ учрежденіямъ обновиться, пора предпринять радикальныя реформы и не припускать къ жетонамъ только однихъ престарѣлыхъ, косноязычныхъ, слабоумныхъ и плохо зрячихъ, хотя и почтенныхъ джентльменовъ. Съ нихъ довольно. Они свое время отжили и на смѣну имъ должны придти болѣе молодые, краснорѣчивые, зрячіе и умомъ взысканные джентльмены, тѣмъ болѣе, что и жалованье, ими получаемое по званію молодыхъ „сосуновъ“, не обезпечиваетъ ихъ, какъ слѣдуетъ, для спокойнаго обсужденія какъ внѣшней, такъ и внутренней политики своей страны. Законы прогресса и преемственности требуютъ прилива новыхъ силъ къ общественнымъ кассамъ и къ жетонамъ, а потому—утверждали защитники отвѣтственности—необходимо привлекать къ суду старцевъ, которые еще не успѣли перевести своихъ имуществъ на имя

женъ, дабы они скорѣй очистили поле для новыхъ дѣятелей. Они, новые дѣятели, за 15,000, за 10,000, а въ случаѣ крайности даже за 5,000 годового гонорара готовы ежедневно посвящать по три часа въ день (итого въ недѣлю 18 часовъ) своимъ обязанностямъ, они повторяютъ арифметику, изучаютъ бухгалтерію по всѣмъ системамъ и постараются найти такіе замки, которые защитятъ общественное достояніе отъ расхищенія. Но еслибы, несмотря на все принятыя ими мѣры, какой-нибудь замѣчательно остроумный кассиръ или одинъ изъ коллегъ все-таки стибрилъ значительный кушъ, то они всегда готовы отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ (состоящимъ изъ носильнаго платья и мебели, прибавлю я, Дженини, такъ-какъ остальное крупное имущество болѣе умные джентльмены, натурально, переведутъ на чужое имя, какъ только будутъ избраны въ директоры, и на случай краха запасутся свидѣтельствами о бѣдности изъ полицейскихъ участковъ).

Вотъ, Дженини, въ какомъ положеніи стоитъ вопросъ объ отвѣтственности.

Тѣмъ не менѣе, когда послѣ суда надъ легкомысленнымъ кассиромъ общества взаимнаго поземельнаго кредита оказалось, что у кассира не осталось никакихъ остатковъ для сколько-нибудь серьезнаго пополненія кассы, и Юханцевъ былъ признанъ несостоятельнымъ должникомъ, то новое правленіе названнаго общества возбудило противъ стараго гражданскій искъ, взыскивая сумму 1,977,446 р. 47 к. Отвѣтчиками по настоящему дѣлу являются слѣдующія лица:

„Бывшій предсѣдатель правленія общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Пейкеръ; бывшіе члены правленія: коллежскій асессоръ В. Ф. Миллеръ (нынѣ умершій), сенаторъ, генералъ-лейтенантъ, графъ Г. К. Крейцъ, въ званіи камергера дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Ю. Познанскій; бывшіе кандидаты правленія, исполнявшіе должность членовъ: сенаторъ, тайный совѣтникъ А. Н. Сальковъ и статскій совѣтникъ Н. Э. Герстфельдъ (послѣдній привлеченъ къ отвѣтственности и въ качествѣ бывшаго управляющаго дѣлами общества) и, наконецъ, бывшій бухгалтеръ общества капитанъ 1-го ранга А. П. Племянниковъ“.

Повѣренный общества взаимнаго поземельнаго кредита, присяжный повѣренный Унковскій, въ своемъ исковомъ прошеніи просилъ судъ о взысканіи съ названныхъ лицъ по слѣдующей раскладкѣ: „Съ графа Крейца, д. с. с. Познанскаго, с. с. Герстфельда, д. с. с. Пейкера, капитана 1-го ранга Племянникова и съ имущества умершаго кол. ас. Миллера—1,795,289 р. 50 к., съ вѣждаго въ равной части, т. е. по 299,214 р. 91 к., и съ тайн.

сов. Салькова 182,156 р. 97 коп., всего 1,997,446 р. 47 к. съ узаконенными процентами съ 27-го марта 1878 г. по день уплаты (въ день предъявленія иска, 20-го іюля 1879 г., сумма его съ процентами простиралась до 2,133,335 р. 16 к.).

Исковыхъ пошлинь было представлено свыше 10,000 рублей.

Какъ видишь, Дженни, суммы, предъявленныя къ бывшимъ руководителямъ общества, могутъ испугать своей величиной даже какого-нибудь владѣтельнаго принца; а потому ты очень хорошо поймешь, какой интересъ возбудило это дѣло среди всѣхъ вообще дѣльцевъ и въ особенности среди защитниковъ безответственности. 27-го ноября дѣло это слушалось въ окружномъ судѣ, но не по существу, т. е. не по разрѣшенію вопроса объ ответственности, а по вопросу о наложеніи запрещенія на имущество вышеназванныхъ отвѣтчиковъ, указанное въ исковомъ прошеніи. Кстатѣ тутъ можно будетъ замѣтить, что имущество, сколько-нибудь серьезно могущее обезпечить сумму иска, оказалось только у графа Крейца, да у тайнаго совѣтника Салькова. У остальныхъ хотя и оказалось имущество, но такое, что его, пожалуй, не хватить и на уплату исковыхъ пошлинь.

Семь адвокатовъ защищали угодыя и процентныя бумаги, принадлежащія ихъ кліентамъ, отъ святотатственной руки судебного пристава. Семь адвокатовъ, одинъ другого талантливѣе, одинъ другого краснорѣчивѣе, высказывали, Дженни, болѣе или менѣе вѣскія соображенія, сущность которыхъ весьма сходилась съ мнѣніями, которыя я изложилъ выше, говоря о распространенныхъ въ Россіи взглядахъ на отвѣтственность общественныхъ распорядителей.

Краса петербургской адвокатуры, одинъ изъ талантливыхъ и неподобныхъ софистовъ XIX столѣтія, ученый юристъ, публицистъ и литераторъ, блестящій риторъ, бывший профессоръ уголовного права, — однимъ словомъ, знаменитый Спасовичъ защищаль помѣстья графа Крейца и защищаль ихъ — отдадимъ Богу богови, а Кесарю — кесареви — отъ посягательства судебныхъ приставовъ съ обычнымъ талантомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Когда пришлось коснуться очаровательнаго мѣстоположенія помѣстій графа Крейца, неволью поэтическое чувство дрожало въ поэтической рѣчи почтеннаго защитника недвижимаго имущества графа. Онъ не говорилъ, а скорѣе пѣлъ съ мастерствомъ Патти; то замирая въ нѣжныхъ нотахъ поэзіи, то поражая fortissimo, когда дѣло касалось ссылокъ на статьи свода законовъ.

Но, защищая помѣстья, одинъ изъ четырехъ менезингеровъ, вышедшихъ на состязаніе, не забылъ, конечно, и владѣтельнаго своего кліента. Онъ ссылаясь на тщету описей и печатей и на до-

бросовѣстное исполненіе обязанностей своимъ довѣрителемъ. Справедливо-ли лишать его прекрасныхъ усадьбъ за то, что нашелся человекъ, — не человекъ даже, а злодѣй, — который, какъ змѣя, вкрался въ довѣренность и... и выкралъ два миліона? Можно-ли ставить въ вину джентльмену и тѣмъ болѣе директору правленія такое прекрасное чувство души, какъ довѣріе къ людямъ? Что подумаетъ гуманистъ XXI столѣтія, узнавши изъ стенографическаго отчета о дѣлѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита, что за добросовѣстность, честность и довѣріе въ цивилизованномъ девятнадцатомъ столѣтіи накладываютъ запрещенія на помѣстья и владѣльца онаго подвергаютъ всѣмъ ужасамъ нищеты? И не достаточно-ли еще терпѣть нравственныхъ мукъ довѣрчивая душа графа, не достаточно-ли терзаній испытываетъ она при воспоминаніи о довѣрчивости, столь жестоко поруганной, чтобы къ этому высшему изъ наказаній Промысла люди еще прибавляли новое, накладывая печати на имущество, быть можетъ, въ то самое время, когда на земельную собственность находится выгодный покупатель?

Такъ или почти такъ (я не стою за буквальность передачи, настаивая, однакожь, на вѣрности смысла) говорили семь менезингеровъ, поочередно пропѣвшихъ свои пѣсни о любви передъ четвертымъ отдѣленіемъ петербургскаго окружнаго суда въ защиту имущества семерыхъ отвѣтчиковъ отъ судебныхъ приставовъ. Всѣ они съ большей или меньшей деликатностью ссылались на невѣденіе, на слабоуміе, а одинъ и на „преждевременность“ наложенія запрещенія, какъ-бы намекая этимъ указаніемъ, что можно перевести весьма скоро имѣнія на чужое имя.

Признаюсь тебѣ, Дженни, благодаря этому процессу, я проигралъ бутылку шампанскаго, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вскорѣ послѣ процесса Юханцева я бесѣдовалъ по поводу этого дѣла съ однимъ изъ русскихъ моихъ пріятелей (въ скобкахъ прибавлю — джентльменомъ, очень уважающимъ Англію и получающимъ жалованье всего только изъ шести различныхъ мѣстъ, въ качествѣ директора правленія, юрисъ-консульта, члена совѣта и непремѣннаго члена трехъ комисій) и выразилъ ему свое мнѣніе, что начальники общества взаимнаго кредита немедленно ликвидируютъ всѣ свои имущества и предоставятъ ихъ на пополненіе кассы.

— Почему, милордъ, вы такъ полагаете? спросилъ меня, какъ-то странно улыбаясь, мой пріятель.

— Они съ такимъ благородствомъ держали себя на судѣ, сэръ. Они выказали столько горечи и терзаній, что случилось это печальное недоразумѣніе. Они съ такимъ неподдѣльнымъ пафосомъ говорили о благородствѣ (особенно, если припомните рѣчь достопо-

чтеннаго Познанскаго), что во мнѣ не остается никакого сомнѣнія относительно ихъ рѣшенія предложить все свое имущество, хотя-бы пришлось остаться бѣдными, какъ Ирѣ. Какъ они ни... ни добродушны, сэръ, но они все-таки не могутъ не сознавать себя хотя отчасти виноватыми, хотя-бы за то, что довѣрчиво повѣрили кассу и что, такимъ образомъ, дали возможность, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, опустошать ее съ электрическими приспособленіями. Ну, правда-ли, сэръ? Они уже рѣшили отдать все свое имущество? заключилъ я свою рѣчь съ горячностью.

— Что-то не слыхалъ объ этомъ, милордъ. Да вы, кажется, считаете ихъ совсѣмъ слабоумными? весело спросилъ мой пріятель.

— Какъ такъ? изумился я.

— Очень просто. Если-бы имъ пришлось внести по пятисотъ рубликовъ, ну, даже, скажемъ, по тысячѣ или по двѣ, тогда я съ вами согласился-бы, а отдать все свое кровное за какого-нибудь Юханцева... да, слава-богу, у насъ въ Россіи найдется одинъ, другой такой дуракъ, но ужь никакъ не болѣе.

— Угодно пари?

— Извольте.

Мы подержали на бутылку шампанскаго (я предлагалъ большее пари; но мой пріятель, вѣроятно, жалѣя меня, отказался) и надняхъ, когда мы распивали ее, русскій другъ весело сказалъ мнѣ:

— Видите-ли, милордъ, я былъ лучшаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ. Они не упали духомъ, не роздали своего имущества зря, а стали бороться... Лучшіе адвокаты пришли къ нимъ на помощь!

— Вы правы! отвѣчалъ я.—Вы правы!..

Однако, возвращаясь къ состязанію, бывшему на судѣ.

Несмотря на поэзію, убѣдительность и твердое знаніе законовъ, обнаруженныхъ четырьмя адвокатами отвѣтчиковъ (привожу на память ихъ имена: Спасовичъ, Самарскій-Быховецъ, Герке и Банкъ), адвокатъ противной стороны Унковскій не безъ таланта и съ большой основательностью шагъ за шагомъ разбивалъ доводы своихъ противниковъ, не теряя хладнокровія ни передъ руладами Патти съ юридическимъ образованіемъ, ни передъ блистательно исполненнымъ г. Самарскимъ-Быховцемъ романсомъ о „преждевременности“ (онъ пропѣлъ, Дженни, извѣстный романсъ Глинки: „Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!“ *), ни

*) Это очевидный выдоръ. Никакого романа г. Самарскій-Быховецъ не пѣлъ. Онъ говорилъ о „преждевременности“—это правда, но пѣтъ—не пѣлъ.

передъ сомнѣніями, возбужденными изящнымъ адвокатомъ Герке въ законности сущности процесса, ни передъ увисономъ, который тануль четвертый адвокатъ, Банкъ.

Г. Унковскій стоялъ за печать и судебныхъ приставовъ непоколебимо.

Долго совѣщались судьи по этому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, это вопросъ былъ очень жгучій, хотя-бы только и предварительный вопросъ о печатахъ. Это не то, что какой-нибудь простой вопросъ.

Послѣ четырехъ часовъ судъ вынесъ рѣшеніе, по которому рѣшено наложить запрещеніе на имущество бывшихъ членовъ правленія.

Такимъ образомъ, прологъ конченъ и начало отложено, какъ говорятъ, до будущаго года.

Я не разъ уже тебѣ писалъ, Дженни, о причинахъ, насколько я могъ себѣ выяснитъ, играющихъ главную роль въ успѣшности веденія войны противъ общественной собственности со стороны тѣхъ самыхъ джентльменовъ, которые вообще здѣсь называются устойчивымъ элементомъ и которые, въ свободное отъ занятій время, посвящаютъ на защиту той-же собственности свои силы письменно, въ брошюрахъ и запискахъ, или устно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Не стану повторять этихъ причинъ. Замѣчу только, что теоретически русскіе въ этомъ смыслѣ такъ-же находчивы, какъ и на практикѣ, и, разумѣется, не замѣчаютъ противорѣчій между тѣмъ, что говорятъ и что дѣлаютъ, вѣроятно потому, что говорятъ на благо отечества, а поступаютъ на благо себѣ.

Не даромъ-же здѣсь ты могла-бы увидать множество самыхъ почтенныхъ людей, которые съ такою-же страстью громятъ нарушеніе семейныхъ добродѣтелей, отстаивая неприкосновенность вообще началъ, съ какою на практикѣ нарушаютъ эти самыя начала, чуть только приходится встрѣтиться, въ незамѣтномъ мѣстѣ, съ какою-нибудь пикантною женщиной, возбуждающей желаніе семейственнаго союза, втайнѣ отъ супруги...

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ условій слишкомъ частое повтореніе знаменитаго московскаго проповѣдника г. Каткова о началахъ и усиленная рекомендація (письменная и устная) соблюдать себя, стараясь наблюдать въ то-же время и за ближними своими, при несомнѣнно хорошихъ мотивахъ, не возбуждаютъ того впечатлѣнія, какое должны были-бы возбуждать. И когда со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, что нравственность распатана и добрые старые русскіе нравы постепенно исчезаютъ, то публика, прочитывая наставленія эти, нерѣдко печатаемыя въ газетахъ, посмѣивается только, повторяя:

— Ладно, молъ. Нечего зубы-то заговаривать!

„Заговаривать зубы“, Дженни, значить, вмѣсто обычной манеры „давать въ зубы“, обращаться другъ къ другу съ увѣщаніями, невлекущими за собой немедленнаго исполненія.

- Кстати, Дженни, вспомнивъ о божіихъ младенцахъ, нельзя не вспомнить о кавалерѣ Юханцевѣ: онъ, какъ сообщаютъ газеты, путешествуетъ въ отдаленныя мѣста Сибири съ такой торжественностью и пышностью, которымъ могли-бы позавидовать даже сами губернаторы. Съ прибытіемъ столь высокаго путешественника въ городъ, лежащій на пути, его поздравляютъ съ счастливымъ прибытіемъ, отводятъ ему лучшее помѣщеніе и приглашаютъ на банкеты. Именитые обыватели и ихъ супруги представляются высокому путешественнику, счастливые, что могутъ видѣть человѣка, надѣлавшаго такъ много шума и обладающаго такими изящными манерами. Рассказываютъ, что достопочтенный кассиръ не имѣетъ времени принимать всѣхъ желающихъ пожать ему руку, а дамы, тѣ просто закидываютъ его просьбами написать что-нибудь въ ихъ альбомы на память. Короче говоря, путешествіе легкомысленнаго кассира въ отдаленныя мѣста не имѣетъ ничего похожаго съ путешествіемъ въ такія-же мѣста обыкновенныхъ путешественниковъ. Обыкновенные путешественники отправляются къ цѣли путешествія партіями, подъ конвоемъ, встрѣчая на пути этапныхъ начальниковъ, а слѣдованіе Юханцева было какъ-бы триумфальнымъ шествіемъ со встрѣчами и оваціями. Если тутъ приличны сравненія, то путешествіе Юханцева, по восторженности встрѣчъ, можно сравнить развѣ только съ прогулкой Гамбегы по Франціи, такъ любящей рукоплескать, за неимѣніемъ великихъ, и маленькимъ ораторамъ...

Въ почтенномъ и едва-ли обыкновенномъ расхитителѣ, заставившемъ о себѣ такъ много говорить, именитые граждане (натурально, крестьяне не принимали участія въ оваціяхъ) какъ-бы чувствовали лучшаго выразителя желаній культурныхъ людей и лучшаго исполнителя завѣтныхъ мыслей. Депутаціи отъ мѣстной интеллигенціи испрашивали аудіенціи, дабы изъ устъ знаменитаго, хотя и пострадавшаго расхитителя, узнать, какимъ образомъ онъ усыплялъ божіихъ младенцевъ. Дамы платили коридорнымъ большія деньги, чтобы заглянуть на того самаго человѣка, который заливалъ моремъ шампанскаго „Гашкентъ“, тратилъ баснословныя деньги на пыганокъ и дивилъ своимъ изяществомъ и джентльменствомъ не однихъ только непосредственныхъ своихъ начальниковъ.

Такъ, Дженни; встрѣчали Юханцева по пути слѣдованія его въ отдаленныя мѣста. Повторяю, это было скорѣй шествіе героя,

чѣмъ путешествіе червоннаго туза. Но въ Россіи уважаютъ все необыкновенное, и потому не удивляйся, Дженни, что многіе представители культурныхъ классовъ хотѣли выразить сочувствіе необыкновенному человѣку, зная очень хорошо, что народъ не пошѣшаетъ сочувственнымъ демонстраціямъ и, пожалуй, глядя на Юханцева, приметъ его скорѣй за ревизора, а не за арестанта. Въ одномъ городѣ, какъ рассказывали, такъ и было. Толпа мужиковъ явилась къ Юханцеву и бросилась ему въ ноги, прося защитить ихъ отъ волостного писаря, недававшего, по словамъ ихъ, вздохнуть отъ псборовъ. „Защити, ваше превосходительство!“ ревъла толпа.

И когда блюстители порядка старались убѣдить, что это не ревизоръ и не особа, а преступникъ, отправляемый въ мѣста отдаленныя, то мужики не хотѣли вѣрить и повѣрили окончательно только тогда (если только не притворились, что повѣрили), когда ихъ протурили изъ гостинницы въ шею *).

Вотъ какое трагикомическое недоразумѣніе произошло, Дженни, благодаря лишь невѣжеству темнаго люда, неумѣющаго до сихъ поръ отличить ревизора отъ мошенника, хотя и необыкновеннаго.

Сегодня утромъ, Дженни, въ русскихъ газетахъ опять появилось тревожное извѣстіе, напомнившее мнѣ прошлую зиму, когда пронеслось зловѣщее извѣстіе о чумѣ. Дифтеритъ, ужасный дифтеритъ свирѣпствуетъ въ Россіи. Въ слѣдующемъ письмѣ, дорогая моя, я сообщу тебѣ объ этомъ бѣдствіи, посѣтившемъ эту стра-

*) Всѣ эти подробности, сообщаемыя „знатнымъ иностранцемъ“ о слѣдова-
ніи г. Юханцева, едва-ли вполнѣ достовѣрны. Въ газетахъ, правда, сообщалось, что путешествіе г. Юханцева не вполнѣ походило на обыкновеннаго о депутаціяхъ и тому под. мы нигдѣ не читали. Къ сожалѣнію, вообще добросовѣстный въ ссылакахъ, „знатный иностранецъ“ въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ. Въ русскихъ-же газетахъ, именно въ „Недѣлѣ“, мы нашли только слѣдующія интересныя по этому дѣлу свѣденія отъ чермскаго корреспондента. По словамъ его „Юханцевъ прибылъ въ Пермь, какъ человѣкъ частный и свободный, на обыкновенномъ пассажирскомъ пароходѣ, въ сопровожденіи лишь полицейскаго стражника. Остановился онъ въ самой лучшей „Клубной“ гостинницѣ и занялъ самый лучший и дорогой номеръ, гдѣ, въ сообществѣ доктора З—лера (сынъ комисариатскаго генерала во время севастопольской кампаніи), по особо составленному Юханцевымъ „меню“, былъ устроенъ роскошный обѣдъ, къ которому подавались самыя лучшія и тонкія изъ имѣющихся въ нашихъ магазинахъ вина. Юханцеву, какъ говорятъ, сопутствовала въ ссылку (только въ нѣкоторомъ отдаленіи и никогонито) какая-то француженка, ѣхавшая съ такимъ комфортомъ и удобствомъ, о которыхъ намъ, простымъ смертнымъ, и подумать нельзя“. Быть можетъ, приведенное извѣстіе послужило почтенному путешественнику канвой, по которой онъ вышиваетъ свои узоры; мы приводимъ это мѣсто, какъ нелишенный курьеза взглядъ англичанина на возможность подобныхъ встрѣчъ.

Пр. переводчика.

ну, а пока замѣчу только, что размѣры этого бѣдствія обратили на себя вниманіе. Кажется, страна патриархальная, народъ счастливый, довольный и непритязательный, финансы хотя и не особенно блестящи, но все-таки есть, говорятъ, страны на свѣтѣ, гдѣ финансы еще неудовлетворительнѣе, интеллигенція образованная, пресса очень зоркая, порядокъ примѣрный, однимъ словомъ, всѣ шансы для преусиѣянія, а между тѣмъ, если вѣрить изслѣдователямъ и статистикамъ, если вѣрить провинціальнымъ извѣстіямъ, то деревня, жители которой когда-то возстановляли сардинскіе и неаполитанскіе престолы и еще недавно дали возможность Петру Каравелову занять президентское кресло въ болгарскомъ собраніи, — ту самую деревню, говорю, гдѣ, казалось-бы, просторъ полей и свобода вѣтровъ гарантируютъ отъ болѣзней, совсѣмъ донимаютъ разныя эпидеміи вродѣ тифовъ, дефтеритовъ, оспы и т. п.

— Отчего у васъ такъ велика смертность? спросилъ я одного русскаго, предсѣдателя комитета народнаго здравія.

Онъ посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— По волѣ божьей!

Удивительно покорны волѣ Промысла русскіе, до трогательности покорны, особенно когда дѣло касается деревни.

Будь здорова и не сокрушайся. Я пребываю въ неизмѣнномъ благополучіи.

Твой Джонни.

Письмо пятидесятое.

Дорогая Дженни!

Пятнадцать губерній охвачены дифтеритомъ, но особенно свирѣпствуетъ онъ въ полтавской губерніи. По свидѣтельству одной изъ газетъ („Молва“), „со всѣхъ концовъ Россіи получаютъ самыя неутѣшительныя извѣстія. Эпидемія захватила пятнадцать губерній; страдаютъ наиболѣе югъ и западъ Россіи, но эпидемія съ каждымъ днемъ захватываетъ все болѣе и болѣе районъ. Въ Бессарабіи дифтеритныя эпидеміи настойчиво держатся уже почти восемь лѣтъ. Въ полтавской губерніи дифтеритъ свирѣпствуетъ нынѣ съ ужасающею силою“.

По обыкновенію, русскіе спохватились, когда уже громъ грянулъ, и сами добродушно сознаются, что они ничего не дѣлали для предотвращенія подобныхъ бѣдствій.

„Что дѣлали мы, чтобъ уменьшить это бѣдствіе? спрашиваетъ та-же газета. — Ничего или почти ничего. Самый фактъ распространенія эпидеміи доказываетъ, что мы относились къ ней съ

непозволительнымъ равнодушіемъ, что мы болѣе всего полагались на волю Божію. Правда, медицинскій департаментъ разослалъ свои наставленія, бессарабскій губернаторъ напечаталъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ совѣты дезинфектировать жилища и вещи парами горячей сѣры, миргородское земство издало особую брошюру о дифтеритѣ,—но все это такіе паліативы, о которыхъ не стоитъ и толковать. Все это дѣлается не столько для вящей пользы,—такъ-какъ никто отъ подобныхъ мѣръ и не ожидаетъ ея,—сколько для очищенія совѣсти. Это несомнѣнно и на этотъ счетъ трудно кого нибудь обмануть.

„Начинать борьбу съ дифтеритомъ теперь, когда болѣзнь эта проходить по Россіи грозой, конечно, трудно. Объ этомъ слѣдовало-бы подумать ранѣе. При отсутствіи медицинскихъ и денежныхъ средствъ мудрено себѣ и представить, что предпринять въ данномъ случаѣ. Большинство разводитъ теперь въ недоумѣніи руками, — ничего, молъ, не знаю, ничего не могу посовѣтовать, — и готово обвинять другъ друга въ равнодушіи, недомыслии и даже недобросовѣстности. Теперь только каждый видитъ, что зашли слишкомъ далеко, что слишкомъ долго играли жалкими словами, но пальцемъ не двинули, чтобы сдѣлать что-нибудь“.

Но, во всякомъ случаѣ, хотя и поздно, но надо придти на помощь къ несчастному населенію, и общество „Краснаго Креста“, въ содѣйствію котораго обратилось полтавское земство, указывавшее въ своемъ заявленіи, что „развитіе эпидеміи приняло ужасающіе размѣры и характеръ государственнаго бѣдствія, требующаго участія правительства въ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ народнаго здравія“,—откликнулось на зовъ и посылаетъ въ полтавскую губернію врачей и сестеръ милосердія. Но не въ одной полтавской губерніи бѣдствіе. Бѣдствіе охватило 15 губерній и, слѣдовательно, необходима помощь и остальнымъ губерніямъ. Теперь, когда бѣдствіе приняло громадныя размѣры, опять, вѣроятно, по примѣру прошлаго года, когда охватила чумная паника, всплывутъ наружу санитарныя комисіи, заговорятъ о недостаточности медицинской помощи и т. п., но пройдетъ паника, ослабнетъ эпидемія — и снова вопросъ о народномъ здравіи перестанетъ быть вопросомъ.

Когда, Дженни, прочитываешь въ русскихъ газетахъ о принимаемыхъ „мѣрахъ“, хотя, признаюсь, онѣ по большей части являются такъ-же во-время, какъ офенбаховскіе карабинеры, то съ какою грустью видишь тѣту всѣхъ этихъ „мѣръ“ и всей этой суматохи, предпринимаемой въ пользу „деревни“! Корень всѣхъ этихъ тифовъ, дифтеритовъ слишкомъ глубокъ и кроется, Дженни, въ

той безпримѣрной непритязательности русскихъ, которая выставляется, какъ лучшее качество русскаго народа, и, слѣдовательно, пока уровень экономическаго положенія не повысится, пока русскій джентльменъ деревни будетъ влечить судьбу свою въ тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя здѣсь называются домами, до тѣхъ поръ всякія средства безсильны для серьезной борьбы съ врагами русскаго народа. Болѣзни любятъ гнѣздиться въ притонахъ грязи и бѣдности, и гдѣ-же для нихъ лучшее раздолье, какъ не въ вонючей избѣ, гдѣ спертъ воздухъ, гдѣ взрослые и дѣти, телата и свиньи спать нерѣдко вмѣстѣ? Гдѣ, какъ не тамъ, разгуляться всякимъ бичамъ божіимъ, опустошающимъ семьи?

Эпидеміи не прекращаются въ Россіи, но пока онѣ не имѣютъ, какъ выразилось полтавское земство, „угрожающаго характера государственнаго бѣдствія“, до тѣхъ поръ совершенно спокойно смотрятъ на полную безпризорность деревни. На медицинскую часть тратится очень мало, и недавно еще земскій докторъ Португаловъ сообщалъ, что въ самарской губерніи на медицинскую часть расходуется 259,134 р. или по 12 к. на душу, на что, говорить г. Португаловъ, едва можно купить двѣ ложки кастороваго масла.

„Что населеніе самарской губерніи, продолжаетъ г. Португаловъ,—на каждомъ шагу нуждается буквально въ правильной медицинской помощи — этому можно-бы привести сотни доказательствъ. Нерѣдко безвыходнымъ положеніемъ крестьянства пользуется всякій встрѣчный и поперечный. По донесенію одного санитарнаго врача, за отсутствіемъ правильной медицинской помощи, крестьяне прибѣгаютъ къ помощи разныхъ знахарей, которые обходятся народу весьма недешево, и охотно даже лечатся у монаховъ, странствующихъ теперь по губерніи и пришедшихъ съ Афонской горы. Эти монахи хотя и служатъ молебны съ чудотворной иконой, но въ то-же время занимаются леченіемъ всѣхъ недуговъ и за свои услуги собираютъ съ крестьянъ весьма чувствительную дань, которая выражается телѣгами, нагруженными хлѣбомъ, разнаго рода печеньемъ и живностью: курами, поросятами, ягнятами, баранами, овцами, даже коровами, но чаще всего деньгами. Меня увѣрили крестьяне, что въ селѣ Маломъ-Толкаѣ, населенномъ мордвою, въ бугурусланскомъ уѣздѣ, монахи собрали со всего села болѣе 3,000 р. сер., а въ Мордовскихъ Ключахъ, того-же бугурусланскаго уѣзда, болѣе 4,000 р. сер. Такъ-какъ монахи рѣшили посѣтить всѣ села самарской губерніи, коихъ считается болѣе 2,000, то надо полагать, что сборъ получится весьма почтенный. Само собою понятно, что даже и пятой части такого сбора было-бы совершенно достаточно для улучшенія сани-

тарнаго положенія крестьянскаго населенія. И вотъ въ то время, какъ наши разные лежебоки отдѣлываются звучной фразой, что всему помѣха — „невѣжество русскаго народа“, афонскіе монахи потираютъ руки отъ удовольствія, что они попали въ такую благодатную страну“.

Губернія, про которую пишетъ докторъ, одна изъ сравнительно богатыхъ губерній. Тамъ, быть можетъ, и возможно добиться улучшенія санитарныхъ условій земскими средствами, хотя и эти улучшенія едва-ли будутъ имѣть серьезное значеніе. Что-же касается большинства губерній Россіи, то едва-ли земства съ своими скудными средствами въ состояніи сдѣлать что-нибудь серьезное въ этомъ смыслѣ. Изыскивать новыя средства, при существующемъ положеніи, значить обременять населеніе новымъ налогомъ, что является по *sens*'омъ, и поневолѣ земскимъ учрежденіямъ приходится только смотрѣть и разводиться руками. Земство, въ кругѣ дѣятельности, предоставленномъ ему законоположеніями, является лишь однимъ изъ фискальныхъ учреждений съ правомъ ходатайства обо всѣхъ чуть-чуть серьезныхъ вопросахъ. Само земство не имѣетъ почти никакой инициативы; апатія или забота о земскихъ мѣстахъ суть обычныя явленія дѣятельности русскаго самоуправленія при подобныхъ условіяхъ.

Если, Дженни, ограничиться только официальными свѣденіями, то изъ нихъ можно заключить, что экономическое положеніе населенія таково, что для дѣйствительнаго и серьезнаго санитарнаго улучшенія необходимы общія мѣры, а не частныя. Факты, съ которыми приходится встрѣчаться какъ въ официальныхъ, такъ и въ частныхъ изданіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію быта населенія, таковы, что общая картина внушила-бы серьезныя размышленія.

По счастью, однакожь, русскіе, съ которыми приходится встрѣчаться, по обыкновенію, не задумываются, надѣясь на волю божію и на нѣсколько десятковъ комисій, занятыхъ различными вопросами. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать объ этомъ и я, признаться, только изумлялся легкости, съ которой разсуждаютъ многіе даже почтенные джентльмены.

Я, конечно, не рискну, Дженни, впасть въ превратныя сужденія, дѣлая слишкомъ поспѣшныя обобщенія своихъ наблюдений надъ русской жизнью, но все-таки позволю себѣ замѣтить, отдавая полную дань прекраснымъ качествамъ русскихъ, что иностранцу невольно выдается въ глаза отсутствіе здѣсь жизни и дѣятельности, а равно и отсутствіе живыхъ, дѣятельныхъ людей въ области дѣятельности, неимѣющей ничего общаго съ опустошеніемъ кассъ или чьего-нибудь достоянія. Эта сторона, — надо быть

справедливымъ,—дѣлаетъ большіе успѣхи, но за то другія стороны человѣческой дѣятельности какъ-будто замерли. Нѣтъ спора, что всѣ функціи отправляются и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, но эти отправленія какъ-то безжизненны, вялы и напоминаютъ скорѣе отбываніе урока, чѣмъ настоящую живую дѣятельность. Ты видишь здѣсь какую-то сутолоку, но уловить смыслъ ея рѣшительно невозможно. Ты можешь встрѣтить среди людей интеллигенціи (разумѣется, я не заикаюсь о „черномъ“ классѣ: онъ въ счетъ здѣсь не принимается) почтенныхъ чиновниковъ, полезныхъ работниковъ, добродѣтельныхъ отцовъ, либеральныхъ въ домашнемъ обиходѣ людей, но людей, близко принимающихъ къ сердцу общіе интересы, людей, живущихъ вполне общественной жизнью, людей съ идеалами, проходимыми въ жизнь,—какъ-будто незамѣтно...

Но было-бы несправедливо сказать, что ихъ нѣтъ. Несомнѣнно, они существуютъ, но они незамѣтны и, если вѣрить рассказамъ, они живутъ по разнымъ заколустьямъ, выдумывая себѣ дѣятельность.

Я благоразумно ограничусь, Дженни, вышеизложенными замѣчаніями, хотя и сознаю неполноту ихъ для уясненія вопроса. Но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мною руководитъ единственно добросовѣстность и боязнь ошибочныхъ опредѣленій и выводовъ. Многія русскія газеты, правда, не стѣсняются въ этомъ, но, надѣюсь, ты не будешь въ претензіи, если въ данномъ случаѣ я не стану слѣдовать примѣру почтенныхъ русскихъ публицистовъ.

Кстати, вспомнивъ о нихъ, я не могу не сообщить тебѣ, что съ новаго года русская пресса обогащается еще новымъ изданіемъ. Издатель новой газеты—какъ говорятъ, весьма бойкій и опытный журналистъ, мистеръ Трубниковъ. Онъ издавалъ прежде „Биржевыя Вѣдомости“, продалъ ихъ и купилъ „Новое Время“, продалъ и „Новое Время“ и нѣкоторое время оставался безъ дѣятельности, но въ прошломъ году издавалъ „Телеграфъ“ и „Биржевую Газету“. Собственно говоря, онъ не издавалъ послѣднихъ изданій, а только собралъ подписку, такъ-какъ вмѣсто того, чтобы ежедневно выпускать въ свѣтъ названныя двѣ газеты, онъ выпускалъ ихъ не регулярно, руководясь болѣе вдохновеніемъ, иногда разъ въ недѣлю, иногда разъ въ мѣсяцъ, а то по большимъ праздникамъ, но, наконецъ, и совсѣмъ прекратилъ, рассчитывая, что подписчики съ успѣхомъ обойдутся и вовсе безъ изданій, за которыя заплатили деньги.

Но я обратилъ вниманіе твое на этого джентльмена вовсе не потому, чтобы онъ самъ по себѣ заслуживалъ какого бы то ни было

вниманія, а въ виду того оригинальнаго объявленія, которое онъ выпустилъ недавно. Это объявленіе—одна изъ недурныхъ и характерныхъ иллюстрацій для общей картины общественной русской жизни. Изъ него ты можешь видѣть, какія средства, какія обѣщанія могутъ рассчитывать на успѣхъ и какіе джентльмены выступаютъ въ качествѣ руководителей, заручившись какъ будто-бы какими-то связями. Несомнѣнно, что эти „связи“ — humbug опытнаго и прошедшаго всѣ фильтры издателя. Нельзя-же съ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ себя скомпрометировать связями съ названнымъ джентльменомъ. Это было-бы ужь черезчуръ. Но интересно, съ какою настойчивостью напускаетъ тумана издатель, напирая на „связи“. Въ виду этого интереса я и приведу отрывокъ изъ объявленія г. Трубникова „къ читателямъ русскихъ газетъ“.

По словамъ объявленія, русская печать не удовлетворяетъ своему назначенію. Однѣ газеты, „въ силу своей исключительности, лишены объективности и весьма склонны къ тенденціозности и къ икаженію мыслей, научныхъ истинъ и даже фактовъ“, и представители этихъ газетъ, двѣ крайнія литературныя партіи: консервативная и либеральная, сливаются и „выступаютъ у насъ стройно только тогда, когда дѣло касается русской славы, русской чести, русскихъ завѣтовъ и преданій“. Но что мучить главнѣйше почтеннаго г. Трубникова (помимо, разумѣется, вопроса о подписной суммѣ), это то, что въ русской журналистикѣ, по словамъ объявленія, „образовались и мелкія фракціи литературныхъ партій,—фракціи, лишенные всякаго историческаго сознанія, всякаго живого національнаго чувства. Представители этихъ мелкихъ партій, такъ-сказать, иностранцы въ Россіи, поютъ съ голоса, чуждаго русскому народу, относятся презрительно къ органическимъ началамъ его матеріальнаго и духовнаго быта, стараются сдвинуть его съ пути и дать ему направленіе противоположное. Путемъ переводовъ и пропаганды ученій современнаго дешеваго европейскаго либерализма, эта часть журналистики внесла въ среду незрѣлыхъ и увлекающихся элементовъ русскаго общества массу идей, совершенно чуждыхъ воззрѣніямъ и историческимъ традиціямъ русскаго народа. Характеристическими чертами этой фракціи является перевѣсъ чувства надъ званіемъ, крайнее легкомысліе къ предметамъ высокой важности и оппозиція правительству, насколько можетъ быть названа этимъ именемъ простая асоціація чувствъ, неруководимыхъ сознаніемъ и убѣжденіемъ“.

Гдѣ люди — тамъ добро, но гдѣ люди — тамъ и зло! продолжаетъ г. Трубниковъ, добираясь до кармана подписчиковъ. Хотя

перваго довольно въ русской печати, но и второе начинаетъ сильно развиваться, а именно въ исключительности консерваторовъ (у „Московскихъ Вѣдомостей“, Дженни, хорошая подписка) и либераловъ (у національ-либераловъ „Новаго Времени“ тоже дѣла, Дженни, идутъ не дурно), а потому-то онъ хочетъ отыскать примиряющій элементъ, который составляетъ, по его мнѣнію, неотложное требованіе времени, равно какъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, и неотложное требованіе финансовыхъ соображеній достопочтеннаго джентльмена. Но гдѣ-же примиряющій, уравнивающимъ и повѣрочный элементъ? По словамъ объявленія, русская „периодическая пресса не можетъ считаться выразительницею русскаго общественнаго мнѣнія до тѣхъ поръ, пока все ея содержаніе является продуктомъ частныхъ идей, частныхъ сообщеній, и, слѣдовательно, пока печать вращается въ частныхъ предѣлахъ“.

Чтобы дать именно большую свободу печати, г. Трубниковъ рекомендуетъ, какъ повѣрочный элементъ, официальные изданія (хотя, къ слову сказать, вся печать ими пользуется). „Правительство, объясняетъ почтенный журналистъ,— знаетъ очень многое, чего не появляется въ газетныхъ изданіяхъ, и то, что въ нихъ появляется, оно знаетъ гораздо лучше“.

„Что-же касается внѣшней политики нашего правительства, равно какъ и политики другихъ государствъ, то онѣ очерчены въ нашихъ газетахъ либо по догадкамъ, вытекающимъ изъ основной тенденціи газетъ, либо со словъ корреспондентовъ, либо наконецъ, въ болѣе или менѣе сенсационныхъ отрывкахъ, изъ частныхъ иностранныхъ газетъ. Между тѣмъ достовѣрный матеріалъ и основанныя на немъ объективныя соображенія заключаются на самомъ дѣлѣ въ официальныхъ и офиціозныхъ газетахъ“. Такимъ образомъ, продолжаетъ новый руководитель, „газета только въ томъ случаѣ можетъ исполнить свое назначеніе, когда она, независимо отъ заслуживающихъ довѣрія частныхъ источниковъ, обратится къ добросовѣстной разработкѣ матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ органахъ, издаваемыхъ правительственными учрежденіями“.

„Найти способы къ пользованію этимъ богатымъ матеріаломъ— было задачею, которой мы посвятили наши усилія за послѣднее время“.

Усилія эти потребуютъ, разумѣется, обновленія личнаго состава редакціи и, какъ заявляетъ г. Трубниковъ, труды его не могутъ не увѣнчаться успѣхомъ, въ виду обѣщаннаго ему участія „со стороны лицъ, могущихъ по положенію своему съ полнымъ

авторитетомъ высказываться о текущихъ вопросахъ и событіяхъ". Но, конечно, усилія требовали и времени.

„Еще въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года мы рѣшили преобразовать на вышеизложенныхъ основаніяхъ характеръ двухъ изданій: „Биржевой Газеты“ и „Телеграфа“. Подготовительная къ этому дѣятельность заняла у насъ больше времени, чѣмъ мы первоначально предполагали, поэтому наши изданія начнутъ выходить съ 1 января 1880 года“.

Признаюсь, Дженни, несмотря на то, что я слышалъ, каковъ достопочтенный издатель, когда я прочиталъ до конца програму, узналъ, что въ новой газетѣ общано содѣйствіе „авторитетныхъ лицъ“, и сообразилъ, что печатаніе огромнаго объявленія все-таки стоитъ денегъ, я все-таки подумалъ: „А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь столоначальникъ захотѣлъ имѣть свой органъ и потому обратился къ г. Трубникову. Вѣдь у насъ-же есть органы разныхъ лицъ. Отчего-жь и какому-нибудь столоначальнику не завести себѣ хотя-бы „Биржевой Газеты“? Но когда я обратился за разъясненіями къ русскимъ журналистамъ, то они весело расхохотались.

— Помилуйте, милордъ, да зачѣмъ столоначальнику органъ? Онъ и безъ органа въ своемъ столѣ можетъ распоряжаться и высказывать авторитетно свои мысли. Станетъ онъ еще деньги на органъ тратить! Еще, того и гляди, за органъ въ отставку попадетъ. И, наконецъ, развѣ нѣтъ у насъ официального органа?

— Но, однако, условія, о которыхъ говоритъ г. Трубниковъ... Онъ еще съ мая мѣсяца хотѣлъ преобразовать изданія, и подготовительная работа...

— Ха-ха-хи!.. раздался дружный смѣхъ, когда я заговорилъ о подготовительной работѣ.—Онъ называетъ подготовительной работой, вѣроятно, заготовленіе объявленія... Вѣдь онъ съ мая не выдавалъ подписчикамъ своихъ газетъ... Ну, а теперь, передъ новымъ годомъ, время подписки... Онъ и приготовился... Быть можетъ, клонеть...

— Такъ вы думаете, никакихъ „авторитетныхъ лицъ“...

— Просто думаемъ, что г. Трубниковъ—гусь... вотъ и все...

— И связи?..

— И связи — утка... Эхъ, милордъ, вы, кажется, и въ самомъ дѣлѣ думаете, что у насъ ищутъ связей съ журналистами... Да если-бы и хотѣлъ журналистъ продать себя, такъ за него и двухъ двугривенныхъ не дадутъ, потому не стоитъ... И безъ связей можно всегда за ушко и на солнышко... А вы еще о какихъ-то связяхъ... Видно сейчасъ англичанина...

На этомъ мы и покончили разговоръ.

До слѣдующаго письма, дорогая Дженни. Въ слѣдующемъ письмѣ я познакомлю тебя съ интереснымъ докладомъ (официальнымъ) комисіи, изслѣдовавшей дороги, принадлежащія извѣстному строителю г. Полякову.

Твой Дженни,

Знатный Иностранецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Откровенный Писатель.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Павшее министерство.

I.

Наконецъ, распатанный во всѣхъ своихъ частяхъ, кабинетъ Вадингтона палъ. Паденіе это не было случайнымъ и непредвидѣннымъ; ему предшествовали долгіе болѣзненные симптомы, давно уже предвѣщавшіе кризисъ.

Кто слѣдилъ за этимъ кабинетомъ впродолженіи послѣдняго лѣта, тотъ не могъ не изумляться лихорадочной дѣятельности, проявляемой министрами. Не успѣли они освободиться отъ парламентской сесіи, какъ мы застаемъ ихъ уже на всѣхъ рысяхъ на большой дорогѣ въ Нанси, избранному сборнымъ пунктомъ для ораторскаго состязанія, устроеннаго въ гигантскихъ размѣрахъ вокругъ статуи Тьера.

Но это было только началомъ. Послѣ статуи того, котораго угодно было назвать великимъ патриотомъ, слѣдуетъ статуя великаго ученаго Араго; послѣ него статуя славнаго защитника Бельфора, Денферта Рошера; послѣ статуи и лавровыхъ вѣнковъ слѣдовали банкетъ; затѣмъ—надгробныя рѣчи, застольные спичи и все, что только можетъ послѣдовать послѣ хорошей выпивки. Мы встрѣчаемся тутъ со всѣми разновидностями ораторскаго искусства, начиная отъ самаго высокаго краснорѣчія и кончая фамильярнѣйшимъ разговоромъ. Всѣ большіе города: Марсель, Ліонъ, Бордо и множество маленькихъ, какъ, напр., Перпиньянъ, Монбельяръ, Шербургъ и т. д., имѣли необыкновенное счастье видѣть у себя, лицомъ къ лицу, величественныя черты какой-нибудь министерской особы и впивать полными глотками нектаръ официальнаго краснорѣчія. Но мало-по-малу видъ этого похвальнаго рвенія дѣйствуетъ

заразительнымъ образомъ на представителей и другихъ партій. Бонапартисты и легитимисты, радикалы и опортюнисты, разрушители и созидатели, Люи Бланъ, эксъ-соціалистъ, Евгенія, эксъ-императрица, Бланки, эксъ-узникъ тюрьмы Клерво, дон-Карлосъ, эксъ-претендентъ, Гюмберъ, эксъ-каторжникъ, и tutti quanti, заразившись тою-же жаждою передвиженія, вскакиваютъ въ вагоны и ѣдутъ по слѣдамъ гг. Вадингтона, Фери и К^о. Каждый день празднуется какая-нибудь годовщина, т. е. отыскивается приличный предлогъ для банкетовъ и рѣчей. Даютъ банкетъ 29 іюля, затѣмъ другой—4 августа, за нимъ слѣдуютъ банкеты 4 и 21 сентября; сегодня кушаютъ и пьютъ въ честь графа Шамбора, завтра въ честь республики; произносятся рѣчи передъ памятникомъ Ламорисьера, героя Кастельфидардо, также какъ и надъ гробомъ Ранвье, героя улицы *Назо*. Тутъ офицеры встрѣчаютъ дон-Карлоса въ Сомюрѣ, тамъ принимаютъ и чествуютъ амнистированныхъ. Тутъ конгрессы рабочихъ, тамъ набожныя странствованія; въ Марсели г-жа Одуэнъ требуетъ правъ для женщинъ, въ Парижѣ отецъ Дидонъ съ высоты церковнаго амвона въ соборѣ парижской Богоматери предаетъ анафемѣ г. Наке и его „разводъ“.

Принужденное не отставать отъ этой шумной дѣятельности, правительство удваиваетъ свои усилія; но такъ-какъ оно не можетъ быть повсюду въ одно и то-же время, то друзья и довѣренныя его разсылаются во всѣ концы собирать лавры, предназначенныя для членовъ кабинета. Нѣтъ того мелкаго провинціального городишка, куда-бы не заѣхалъ раза два или три въ недѣлю какой-нибудь представитель властей предержавшихъ для прославленія въ поэтической прозѣ благодѣяній, изготовляемыхъ по системѣ Вадингтона. Даже Алжиръ не былъ забытъ. Съ тѣмъ, чтобы арабы не могли ни въ чемъ позавидовать своимъ собратьямъ, парламентская комісія переплываетъ Средиземное море. Г. Артуръ Пикарь, братъ Эрнеста, величественно развалившись рядомъ съ толстымъ Ноэлемъ Парфе (прежнимъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ Мишеля Леви), совершили свой въездъ въ Константину въ каретѣ, запряженной четырьмя мулами. По приказанію свыше, весь городъ съ верху до низу былъ разцвѣченъ флагами. Парламентскіе делегаты поспѣшили немедленно приступить къ выполненію многочисленныхъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ ихъ торжественной мисіей. Число обѣдовъ, завтраковъ, официальныхъ жженокъ, о которыхъ сообщилъ намъ телеграфъ, заставило-бы содрогнуться всякаго, кому неизвѣстны гастрономическія способности странствующихъ депутатовъ. Артуръ нашелъ даже время принять депутацію туземцевъ и благоволилъ разговаривать съ ними запросто, что, по сообщенію того-же официальнаго телеграфа, произвело превосходное впечатление

чтлѣніе. Эффектъ былъ такъ великъ, что одинъ старый бедуинъ, прежній товарищъ Абд-эль-Кадера, ослѣпленный величіемъ комисара, принялъ его за французскаго короля, объѣзжающаго свои владѣнія, и въ столь-же горячемъ, какъ и поэтическомъ обращеніи къ нему, называетъ его прямо „Отцомъ народа“ и „Солнцемъ парижскихъ бульваровъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти парламентскіе каникулы останутся навсегда памятными въ лѣтописяхъ французской исторіи. Подъ вліяніемъ какого-то энтузіазма, вдругъ почему-то охватившаго всѣхъ, каждому хотѣлось имѣть свою долю аплодисментовъ со стороны публики. Благородное соревнованіе распространилось на самыхъ мелкихъ чиновниковъ и на самыхъ безсловесныхъ депутатовъ, а отъ нихъ перешло и къ частнымъ лицамъ. Никогда еще не видѣла Франція такого количества странствующихъ ораторовъ, никогда еще такая эпидемія политическихъ спичей не падала на нее, не щади и отдаленныхъ колоній. Съ сѣвера и до юга нѣтъ ни одного окошка, ни одного трактира, ни одной префектуры, куда-бы не сыпались импровизаціи этихъ снующихъ взадъ и впередъ трибуновъ; нѣтъ ни одной станціи желѣзной дороги, гдѣ какой-нибудь *commis-voageur* республики или имперіи не обращался-бы съ рѣчами къ народу; нѣтъ ни одного балкона, на которомъ не красовался-бы силуэтъ господина, ораторствующаго передъ толпой.

Зрѣлище оригинальное и въ то-же время полное движенія, которое не могло не показаться крайне забавнымъ для публики, и первая честь котораго принадлежитъ правительству, давшему импульсъ этому юбилейному одушевленію.

Эта ревность, однако, нѣсколько смущала меня. Какимъ образомъ, думалъ я объяснить себѣ эту жажду дѣятельности французскихъ министровъ? Съ какой стати, едва окончивъ трудную парламентскую сесію, они налагаютъ на себя новые труды вмѣсто того, чтобы пользоваться законнымъ отдыхомъ, вдали отъ заботъ и тревожныхъ бурной политической жизни?

Ужъ не чувствовалъ-ли кабинетъ Ваддингтона необходимости закалить свои республиканскія добродѣтели среди народныхъ массъ, или-же онъ увлекался лишь погремушкою пустой популярности? Все это слишкомъ слабые резоны, чтобы объяснить себѣ эту безумную скачку по полямъ и доламъ, подъ жгучимъ солнцемъ августовскаго и сентябрьскаго неба.

Чувствовалъ-ли кабинетъ себя нездоровымъ, и движеніе это было ему предписано врачами? Было-ли то нравственное страданіе, требовавшее какой-либо благодѣтельной диверсіи?

Вѣроятно, и то, и другое вмѣстѣ, потому что хотя все до

сихъ поръ-шло, повидимому, спокойно и согласно его желаніямъ, но кабинетъ Ваддингтона чувствовалъ подъ своими ногами шаткость почвы и не безусловно вѣрилъ въ свое счастье; для полнаго счастья ему недоставало чего-то.

При поверхностномъ взглядѣ положеніе этого кабинета казалось прекраснымъ, для тѣхъ въ особенности, которые судили о кабинетѣ по рѣчамъ его членовъ и по статьямъ министерскихъ газетъ: цвѣтъ его лица и тонъ голоса одинаково пророчили ему долгіе и счастливые дни. Но докторъ, прислушивающійся къ пульсу и замѣчающій съ нѣкотораго времени безпокойство больного, внезапное смущеніе отъ пустыхъ причинъ, необъяснимыя антипатіи, покачивая головой, говорилъ про себя: „Дѣло плохо; тамъ что-то не ладится внутри“.

Существуютъ въ особенности извѣстныя имена и извѣстныя лица, имѣющія способность вызывать безъ всякой видимой причины разные страхи и опасенія. Еще такъ недавно не считалъ ли кабинетъ въ числѣ своихъ друзей множества лицъ, какъ получившихъ амнистію, такъ и недостойившихся ея и до сихъ поръ? Сколько разъ эти люди вмѣстѣ съ Фери осушали стаканы съ клятвами вѣчной дружбы; сколько трубокъ выкурено, сколько ночей убито въ кутежахъ съ Леперомъ! А общій глава ихъ всѣхъ, толстый султанъ, который въ то время назывался просто Гамбетой и котораго всякій имѣлъ право фамиллярно похлопать по его круглому животу? Всѣ они подставляли свои спины, чтобы помочь подняться этимъ будущимъ великимъ людямъ до депутатскаго ранга, этой первой ступеньки власти. Въ то время это были самые закадычные друзья. Но что-же мы видимъ теперь? Куда дѣвалась эта неразрывная дружба? Министры какъ-то не могутъ безъ содроганія говорить объ этихъ старыхъ друзьяхъ: одно имя Рошфора, Валеса, Гюмбера выводитъ ихъ изъ себя.

Эта странная переменна чувствъ замѣчается въ нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ болѣзней. Кабинетъ напоминаетъ эту черту того сьумасшедшаго патера, который, свихнувшись, не переставалъ глумиться надъ религіей, испуская страшные крики, какъ только ему напоминали о его профессіи или о религіозныхъ обрядахъ.

Патологи называютъ подобное состояніе мономаніей, а простой народъ говоритъ обыкновенно про такихъ людей, что у нихъ „сидитъ гвоздь въ мозгу“. Гвоздь этотъ, засѣвшій въ головѣ министерства Ваддингтона, есть ничто иное, какъ амнистія.

Едва только первые корабли съ амнистированными вышли въ море, Ваддингтонъ подозвалъ къ себѣ начальника своей канцеляріи,

подошелъ съ нимъ къ окошку и спросилъ: „Видишь-ли ты на горизонтѣ это облако пыли? Что различаешь ты сквозь это облако?“ — „Я различаю, говорить Санчо Панса,—множество прогуливающихся гражданъ и ряды каретъ, отправляющихся на обычную прогулку въ Булонскомъ лѣсу“. — „Ты ошибаешься, возражаетъ министръ: — это идетъ толпа поджигателей и канибаловъ, готовыхъ обрушиться на Парижъ съ цѣлью предать его мечу и пламени. Такія-же толпы высаживаются теперь во всѣхъ портахъ Франціи, и если мы не примемъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ, то Франція погибла“. — Это еще мы увидимъ, восклицаетъ съ жаромъ Ферри; — подать мнѣ Росинанта! — И Ферри тотчасъ-же садится на своего боевого коня, извѣстнаго публикѣ подь названіемъ „7-й статья“, тогда какъ всѣ остальные министры слѣдуютъ его примѣру и начинаютъ всѣ вмѣстѣ эту безумную скачку по полямъ и доламъ среди изумленнаго населенія.

Населеніе это, впрочемъ, очень охотно соглашалось кричать на пути министра народнаго просвѣщенія: „да здравствуетъ 7-я статья!“ такъ-какъ это, повидимому, радовало его; но едва онъ поворачивалъ спину, какъ за этимъ крикомъ слѣдовала другой: „да здравствуетъ полная амнистія!“ и эхо этого послѣдняго преслѣдовало его повсюду, не давая министру ни минуты покоя. И вездѣ, въ Ліонѣ, въ Марселѣ, въ Шербургѣ, въ Лиможѣ, въ Перпиньянѣ, дѣло происходило такимъ образомъ, и всѣ несчастные товарищи г. Ферри подверглись той-же участи. Случалось даже, что имъ осмѣливались кричать это прямо въ лицо, а въ Ліонѣ одинъ изъ избирателей останавливаетъ Ферри слѣдующимъ вопросомъ: „правда-ли, что ты хвастался, будто твоя 7-я статья придумана единственно для того, чтобъ насолить радикаламъ вообще и амнистіи въ особенности?“

Впрочемъ, за исключеніемъ этой маленькой непріятности, все обошлось довольно благополучно. Ферри удалось стяжать себѣ рукоплесканія въ Марселѣ; въ Перпиньянѣ ему устроили серенаду; въ другихъ мѣстахъ въ честь его даже сожигали фейерверки. Однако, при всемъ этомъ недоставало одного: искренности. Ни статья 7-я, ни самъ ея странствующій рыцарь, не возбуждали нигдѣ чистосердечнаго сочувствія: всѣ приемы отзывались официальной апатіей, всѣ почести относились къ министру, которому вздумалось попутешествовать, и ни къ чему другому.

Сравните съ этимъ триумфальное шествіе амнистіи, въ лицѣ Люи Блана и Бланки, черезъ эти самыя южныя провинціи.

Въ Марселѣ приходъ поѣзда, на которомъ ожидали историка французской революціи, былъ назначенъ въ 12 часовъ дня. Уже съ десяти часовъ утра вся мѣстность, вблизи отъ станціи желѣз-

ной дороги, была переполнена шумною, оживленною толпою, среди которой делегаты различных комитетов отличались своею красною ленточкою въ петлечкѣ. На станціи, коляска, запряженная бѣлыми лошадьми, ожидала знаменитаго историка.

Появленіе его было привѣтствуемо оглушительнымъ гуломъ рукоплесканій и національнымъ гимномъ Марсельезы. Делегаты, поджидавшіе его, размѣстившись рядомъ вплоть отъ самаго вагона до нижнихъ ступеней лѣстницы станціи, дружно обступили путешественника, подняли его на руки и донесли до экипажа. Затѣмъ все шествіе тронулось въ путь; передъ коляскою, ѣдущей шагомъ, шли люди въ какихъ-то фантастическихъ мундирахъ, въ блузахъ и сѣрыхъ штанахъ съ красными лампасами, называвшіе себя франко-туристами, и пѣли гимнъ Роже-де-Лиля. Громадное трехцвѣтное знамя развѣвалось надъ головой Люи Блана, ухватившагося за древко. Крики: „Да здравствуетъ амнистія! Да здравствуетъ Люи Бланъ!“ раздавались несмолкаемымъ гуломъ. Онъ едва успѣвалъ раскланиваться направо и налево, какъ царь, совершающій торжественный въѣздъ въ свою столицу.

Эта странная овація напомнила собой доброе старое время, когда толпа, опьяненная счастіемъ видѣть короля, объѣзжавшаго свои владѣнія, впрягалась въ его карету. Но король, говорилось официально,—отклонялъ эту честь, не желая, конечно, низводить своихъ подданныхъ до населенія конюшенъ его величества... Никто изъ старожиловъ Каннебьеры не могъ припомнить, чтобы ему когда-либо случалось присутствовать при болѣе торжественномъ шествіи, за исключеніемъ развѣ одного вечера, послѣ представленія „Севильскаго цирюльника“, въ честь Малибранъ. Да и то говорятъ, что эта послѣдняя насчитала въ своей упряжи всего двухъ гражданъ; а Люи Блана везли цѣлыхъ шесть. Такимъ образомъ потребовался пріѣздъ депутата, памятнаго по событіямъ 48-го года, чтобы возобновить въ умахъ марсельскихъ демократовъ воспоминаніе о триумфахъ, повидимому, совершенно исчезнувшихъ изъ современныхъ нравовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось, и если Люи Бланъ перещеголялъ Жюля Ферри, то, въ свою очередь, оваціи, раздутыя самимъ правительствомъ въ честь Бланки, далеко оставили за собой Люи Блана. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ послѣдняго есть извѣстныя пробѣлы, фальшивыя нотки, неудобство которыхъ начинаетъ проявляться теперъ особенно ярко. Возвращаясь къ себѣ домой, весь оглушенный криками толпы, триумфаторъ, открывая газеты, находитъ въ нихъ нѣсколько дисонансовъ, звучащихъ крайне непріятно въ этомъ всеобщемъ концертѣ восторженнаго приѣма. Газеты эти упорно напоминаютъ ему его отреченія 1871 года и дру-

гя слабости, продолжавшіяся цѣлыхъ восемь лѣтъ. Rège Duchène 1879 года, оказывающійся столь же взыскательнымъ, какъ и его предшественникъ 1871 г., третируетъ Люи Блана *литераторомъ*, что для многихъ кажется верхомъ оскорбленія. „Народъ Марселя, читаемъ мы въ этомъ листѣ, — поддался минутѣ энтузіазма, онъ слушалъ и восторгался литераторомъ“. Но это еще не все. Въ другихъ городахъ юга, лежащихъ на его пути, Люи Бланъ намѣренъ былъ давать *публичныя чтенія по исторіи*. Это, конечно, весьма почтенное занятіе для такихъ господъ присяжныхъ чтецовъ бульвара Капуциновъ, какъ гг. Маза, Дешанель, Наке, но въ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя теперь переживаетъ Франція, Люи Блану не мѣшало бы посвятить свою дѣятельность болѣе важнымъ обязанностямъ. Въ другомъ мѣстѣ третируютъ его, какъ простаго *буржуа*.

Читая эти непріятныя замѣчанія, триумфаторъ скорбитъ о суетѣ людскихъ дѣлъ, и, обращаясь къ сопровождающимъ его друзьямъ, говоритъ: „Признайтесь, что не легко разстраивать свое здоровье, выносить жестокія боли, улыбаться, когда хочется плакать, закруглять фразу, когда все укладываетъ въ постель, и все это съ тѣмъ, чтобы сторонники народа называли васъ литераторомъ, чтецомъ, професоромъ и даже буржуа“.

Бланки, конечно, никогда не грѣшилъ; это чистый изъ борцовъ, популярность его не распространялась далѣе стѣнъ Парижа. Правительство цѣлымъ рядомъ безтактностей помогло ему стать героемъ дня. Какъ живое воплощеніе амнистіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Кто-бы могъ это подумать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Кто помнилъ тогда о самомъ существованіи этого мученика? Никогда еще ни одинъ политическій дѣятель не былъ предаваемъ такому забвенію, не былъ такъ всецѣло оставленъ и позабытъ, какъ Бланки, втеченіи восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ въ узкой темницѣ, отведенной ему правительствомъ республики вмѣсто гроба. Въ одинъ прекрасный день кто-то вспоминаетъ, что есть гдѣ-то старикъ этого имени, котораго желаютъ изъять изъ закона объ амнистіи. Съ этихъ только поръ отърывается то, что названо прессой „вопросомъ Бланки“, наполняющимъ втеченіи шести мѣсяцевъ столбцы газетъ и неисчерпанномъ еще и до сихъ поръ. Богатый, и по преимуществу буржуазный городъ Бордо, провозглашаетъ кандидатуру этого выходца изъ гроба и даетъ ему на первый разъ большинство въ тысячу голосовъ. Правительство вообразило, что для того, чтобы покончить сразу съ этимъ „вопросомъ Бланки“, достаточно будетъ помиловать преступника. Но нѣтъ, было уже поздно; сторонники полной амнистіи не хотѣли

выпустить изъ рукъ этого жгучаго вопроса. Касація выборовъ палатою даетъ поводъ къ началю новой борьбы. Чтобы одолѣть своего противника, правительство стало прибѣгать къ неблаговиднымъ мѣрамъ и тѣмъ подлило еще болѣе масла въ огонь. Уловки, подобныя тѣмъ, которыя употребляло министерство 16 мая, только роняли кабинетъ Вадингтона во мнѣніи. Оно открыто возстановляетъ официальные кандидатуры: здѣсь преданный правительству мэръ заставляетъ одного и того-же избирателя вотировать по два раза; тамъ другой вытаскиваетъ изъ шкафа ящикъ съ двойнымъ дномъ, который онъ держалъ взаперти со времени выборовъ 14 октября съ тѣмъ-же религіознымъ чувствомъ, съ которымъ „усачи старрой“ (гвардіи) сохраняли со времени фонтенеблоскаго прощанія трехцвѣтныя кокарды, запрятанныя въ барабанахъ.

Жители Бордо могли рѣшительно подумать, что теперь опять наступили времена Брولى и Бюфе. Но что-же было дѣлать? Что сталось-бы съ Франціей, еслибы изъ избирательной урны опять появилось имя состарившагося въ тюрьмахъ Бланки?

Несмотря на всѣ принятые мѣры, большинство въ пользу кандидата опортюнистовъ оказалось всего въ 75 голосовъ. Пиррова побѣда для правительства и поражение для Бланки, но поражение, стоящее всякой побѣды, такъ-какъ оно стало исходною точкою цѣлаго ряда овацій. Въ разныхъ мѣстахъ избирательные комитеты, не ожидая открытія вакансіи, предлагаютъ Бланки первую кандидатуру; адреса сыплются на него со всѣхъ концовъ Франціи. Тамъ, гдѣ ему невозможно быть лично, его выбираютъ почетнымъ президентомъ; нигдѣ, повидимому, не могутъ обойтись безъ него, и если его невозможно имѣть во всей его плоти, то довольствуются его духомъ.

Въ Кюэрѣ гражданинъ-мэръ, въ сопровожденіи всего муниципальнаго совѣта, становится во главѣ депутаціи, встрѣчающей его криками: „Да здравствуетъ Бланки, да здравствуетъ амністія!“ Онъ счелъ за честь явиться на станцію, чтобы встрѣтить экс-депутата города Бордо и быть первымъ лицомъ въ числѣ поднесшихъ ему привѣтствія отъ имени демократовъ Кюэра. Къ нему присоединяются генеральные совѣтники и мэры сосѣднихъ мѣстностей. Изъ всѣхъ оконъ сыплются букеты, и молодыя дѣвушки Кюэра подносятъ ему цвѣты.

Но пора и остановиться въ описаніи этихъ эпическихъ овацій, оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ памяти какъ городскихъ, такъ и сельскихъ населеній Франціи.

II.

Что касается членов кабинета Вадингтона, то они совсѣмъ растерялись. Метаться втеченіи двухъ мѣсяцевъ по тропической жарѣ, разсыпать свое краснорѣчіе на перекресткахъ большихъ дорогъ, вооружить противъ себя всѣхъ кинжальщиковъ Лойолы, и все это за тѣмъ, чтобы достигнуть какъ-разъ противоположнаго результата! Во всемъ этомъ виноваты, говорятъ они, законъ 3 марта, послужившій сигналомъ къ этой борьбѣ съ кабинетомъ Вадингтона; конечно, и прежде были люди, требовавшіе амнистіи, но съ тѣхъ поръ, какъ имѣли слабость сдѣлать въ этомъ отношеніи частную уступку, движеніе въ пользу полной амнистіи возрасло вдесятеро. Очень нужно было возвращать обратно на родину эти горючіе элементы, которые Тьеръ съ такимъ трудомъ упряталъ въ сырыя и мрачныя тюрьмы Новой Каледоніи! Достаточно было подождать нѣсколько времени—и вопросъ объ амнистіи замеръ-бы самъ собой, просто вслѣдствіе смерти лицъ, заинтересованныхъ въ немъ. Для всякаго, кто видѣлъ, въ какомъ страшномъ состояніи истощенія и анеміи вернулись ссыльные, не могло подлежать сомнѣнію, что продлился ссылка еще года два, отъ сосланныхъ не осталось-бы и одной двадцатой доли въ живыхъ.

Вся бѣда въ томъ, что слишкомъ поторопились. Но дѣло сдѣлано и измѣнить его уже немислимо. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что самый дурной способъ дать амнистію,—это сдѣлать ее неполною, въ силу того неоспоримаго начала, что всякая дверь должна быть отворена или закрыта. Полная амнистія точно также не могла-бы удовлетворить рѣшительно всѣхъ, но амнистія неполная, подобно пріотворенной двери, не удовлетворила рѣшительно никого.

Главнымъ результатомъ частной амнистіи было пробужденіе въ сердцѣ народа чувства глубокаго состраданія, которое можетъ успокоиться только съ возвращеніемъ братьевъ, сыновей и, можетъ быть, единственныхъ работниковъ многихъ семействъ. Эта полумѣра дала точку опоры оппозиціи, которой у нея не доставало до сихъ поръ. Стоитъ только произнести слово *амнистія*, чтобъ провести все остальное подъ этимъ знаменемъ; прикрываясь имъ, красный призракъ не только не обращаетъ населенія въ бѣгство, какъ это бывало прежде, но, напротивъ, производитъ на него какое-то обаятельное впечатлѣніе.

Но если это фактъ, такъ не лучше-ли покончить съ этимъ вопросомъ, пока еще не поздно? Если неполнота амнистіи составляетъ причину зла, чего-же колебаться долѣе? Что за странное

упрямство оставлять въ силѣ этотъ опасный предлогъ для революціонной агитаціи?

Многіе поняли справедливость этого, и вотъ причина внезапнаго поворота мнѣній, обнаружившагося недавно въ лагерѣ опортюнистовъ; казалось, что даже правительство начинаетъ склоняться на эту сторону и даетъ, наконецъ, убѣдить себя. Напрасныя иллюзіи! Ожидать, чтобы министерство образумилось и измѣнило свое отношеніе къ этому вопросу, столь-же разумно, какъ ждать отъ монамана, воображающаго себя Людовикомъ XIV или Карломъ Великимъ, чтобы онъ отказался отъ своего помѣшательства. Случается иногда вылечить монамана при помощи приспособленныхъ для этого случая душъ, и съ кабинетомъ Вадингтона можно было-бы, пожалуй, надѣяться достигнуть того-же результата, возвративши членовъ его просто къ частной жизни; ожидать-же, чтобы могли подѣйствовать на нихъ доводы логики—столь-же безнадёжно для однихъ, какъ и для другихъ.

Въ общемъ числѣ членовъ кабинета оказались, впрочемъ, одинъ или два, — въ публикѣ называли Лопера и Фрейсине, — которые склонялись въ пользу общей амнистіи, что возбудило не мало шума и толковъ. Реакція затрубила, что отнынѣ однородности кабинета пришелъ конецъ. Странная однородность, надо признаться! Впрочемъ, этотъ свѣтлый интервалъ продолжался недолго. Избрание Гюмбера опять сбило съ толку министровъ, которыхъ постигло минутное просвѣтлѣніе, и то, что привыкли обыкновенно называть единствомъ кабинета, снова установилось по всей линіи.

Остановимся на минуту на этомъ происшествіи, столь тѣсно связанномъ съ патологической исторіей павшаго министерства. Герой этого происшествія, Альфонсъ Гюмберъ, былъ лѣтъ десять тому молодымъ человѣкомъ двадцати трехъ лѣтъ, котораго студенты того времени привыкли встрѣчать частенько въ кабачкахъ Латинскаго квартала. Веселый, беззаботный, легко сближающійся, находчивый и осмотрительный, это былъ типъ парижскаго гамэна, отполированного коллегіей и университетомъ. Личность его ни въ какомъ случаѣ не давала повода думать, чтобы ему пришлось когда-нибудь разыграть роль на политической аренѣ. До 1871 года вся его общественная дѣятельность ограничивается нѣсколькими статьями въ журналахъ, въ „Марсельезѣ“ и въ журналѣ Феликса Пиа „Le Combat“. Сближеніе его съ Вермешемъ сдѣлало изъ него редактора „Père Duchêne“, впрочемъ, редактора болѣе или менѣе подставнаго, обязанности котораго состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы ничего не писать и ничего не направлять.

Тѣмъ не менѣе, мѣсто это было началомъ какъ всѣхъ его несчастій, такъ и его популярности. Послѣ вступленія войскъ въ

городъ, онъ, замѣшанный въ агитаціи, былъ узнавъ и арестованъ въ одной изъ улицъ лѣваго берега. Надѣясь еще на спасеніе, онъ упорно отрицалъ свою личность, и агенты, схватившіе его на улицѣ, повели его на квартиру его матери. Бѣдная мать, лишенная всякихъ вѣстей о своемъ сынѣ съ самаго начала „страшной недѣли“, увидѣвъ его цѣлымъ и невредимымъ, не могла удержать восторженнаго восклицанія: „Мой сынъ!“ Эти слова погубили его. Полицейскіе немедленно вырвали несчастнаго изъ рукъ матери и отвели въ зданіе Выставки, превращенное въ депо для арестантовъ.

Нѣсколько дней спустя, одинъ адвокатъ, г. Гатино, нынѣ депутатъ Эры и Луары, добился свиданія съ Гюмберомъ и предложилъ ему бѣжать, взявши подъ мышку его адвокатскій портфель, тогда-какъ Гатино останется на его мѣстѣ. Гюмберъ посмотрѣлъ на него пристально, со слезами на глазахъ, но послѣ минутнаго молчанія сказалъ, крѣпко сжимая ему руку: „Благодарю, я останусь здѣсь!“ и растянулся опять на своей койкѣ.

Въ это время военные суды не отличались особою нѣжностью къ журналистамъ. Казимиръ Буи былъ сосланъ въ Каледонію за нѣсколько выходокъ противъ клерикаловъ; Марото, молодой человекъ двадцати лѣтъ, былъ приговоренъ за участіе въ органѣ, не-пріятномъ консервативной партіи, къ пожизненной каторгѣ, куда и былъ отправленъ.

Амнистія освободила Гюмбера оттуда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Всѣ, видѣвшіе его съ тѣхъ поръ, нашли его крайне измѣнившимся. Выраженіе лица стало робкимъ, движенія сдержанными и походка нетвердою. Пренній веселый смѣхъ смѣнился грустной улыбкой. Самыя умственные способности какъ-будто заснули, да и можетъ-ли быть иначе послѣ восьми лѣтъ, проведенныхъ за двѣ тысячи миль отъ всякой общественной жизни, безъ всякой умственной пищи, кромѣ обрывковъ газетъ въ долгіе промежутки времени, безъ всякаго общества, кромѣ убійцъ, съ которыми онъ былъ прикованъ къ одной цѣпи? Прибавьте къ этому всѣ страданія отъ постоянныхъ униженій, темную яму за малѣйшее нарушеніе дисциплины, вѣчныя угрозы пытки наручниками и кнутъ тюремнаго сторожа. Вслѣдствіе этой системы заключенія, умъ мало-по-малу пустѣетъ и чувства притупляются, все существо человека проникается въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ какимъ-то чувствомъ неопредѣленности, которое ведетъ къ испугу и апатіи. Это полусонное душевное состояніе есть единственное лекарство отъ такихъ страданій и единственное средство, чтобъ не погрузиться въ полное отчаяніе.

Прибывши въ Парижъ, Гюмберъ въ письмѣ къ одному изъ

своихъ друзей выражается слѣдующимъ образомъ о своемъ психическомъ состояніи: „Въ настоящее время я чувствую себя положительно неспособнымъ къ какому-либо послѣдовательному и усидчивому умственному труду, и, вѣроятно, это продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ?

Первое пробужденіе его разсудка было направлено на дѣло, совершенно чуждое политикѣ. До своего ареста Гюмберъ былъ объявленъ женихомъ сестры одного изъ своихъ друзей, Эдуарда Лепельте, нынѣ редактора „Mot d'Ordre“. Восемь лѣтъ каторги нисколько не уменьшили взаимной привязанности обрученныхъ, которые свидѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки на берегу, въ Портъ-Вандрѣ.

Потребовалось, однако, немного времени, чтобы подъ влияніемъ прежней среды совершилось постепенное душевное пробужденіе. Мы встрѣчаемъ Гюмбера на могилѣ его друга г. Гра (Gras), гдѣ онъ обнаруживаетъ такую силу чувства и энергію рѣчи, которыхъ въ немъ прежде и не подозрѣвали. Виѣсто того, чтобы упасть, онъ выросъ духомъ. Свѣтлическая беззаботность студента смѣнилась фанатизмомъ чловѣка, перенесшаго много страданій. Прошло немного дней, и обитатели Жавельскаго квартала почтили его кандидатурой, на мѣсто г. Кастаньяри, призваннаго въ государственнй совѣтъ. Кандидатура эта вызвала цѣлую бурю въ враждебномъ лагерѣ. Чтобы кресло г. Кастаньяри могло быть занято амнистированнымъ каторжникомъ съ острова Ну,—что за безстыдство! Во главѣ недовольныхъ становится вся редакція „Siècle“, и не безъ причины, такъ-какъ она ратуетъ за свои собственные интересы. Въ послѣднее время муниципальный совѣтъ города Парижа былъ рѣшительно наводненъ редакторами этой газеты, которая насчитывала въ своемъ составѣ девять муниципальных совѣтниковъ и не желала упустить случая посадить десятаго.

Впрочемъ, Гюмберъ, занятый въ эту минуту всецѣло сердечными дѣлами, успѣшилъ отклонить сдѣланное ему предложеніе.

Но наперекоръ г. Денасу, кандидату-редактору „Siècle“, и наперекоръ самому Гюмберу, онъ все-таки проходитъ относительнымъ большинствомъ голосовъ. Избиратели пристають къ нему съ просьбами измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и не отказываться отъ борьбы въ пользу всеобщей амністіи.

Новый отказъ, новыя горячія просьбы.

Наконецъ, не чувствуя себя въ силахъ противиться долге, кандидатъ волей-неволей уступаетъ избирателямъ. Онъ изъявляетъ свое согласіе, представляется и утверждается въ должности.

Одинъ изъ оппозиционныхъ органовъ сообщаетъ намъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Альфонсъ Гюмберъ, приговоренный къ

каторжнымъ работамъ чудовищной юриспруденціей военныхъ судовъ, на которыхъ возсѣдали Гаво, съумасшедшій, и Грималь, уличенный въ воровствѣ, былъ избранъ вчера членомъ муниципальнаго совѣта“.

Такимъ образомъ, это былъ второй кандидатъ изъ амнистированныхъ, имя котораго выходило изъ избирательной урны.

Когда пришло это извѣстіе, консерваторы заволновались и объявили, что виною всему этому кабинетъ. Биржа понижается, и нѣкоторые банкиры пользуются этимъ, чтобы объявить себя несостоятельными. Министерство слѣшится собраться въ полномъ составѣ и не знаетъ, что дѣлать. Оно до такой степени растерялось, что въ припадкѣ какой-то галлюцинаціи объявило отечество въ опасности.

Но положеніе еще болѣе усложнилось; г. Греви на этотъ разъ заражается общимъ недугомъ. До той минуты президентъ республики сохранялъ все свое хладнокровіе и ничто не могло нарушить его пресловутой флегмы, когда министры его повѣряли ему свои тревоги. „О чемъ волнуетесь вы? говорилъ онъ имъ; — все это успокоится само собою. Вооружитесь только терпѣніемъ, и вы увидите, что провинціи скоро наскучитъ бѣгать за амнистированными, отпрягать лошадей у Люи Блана и бросать цвѣты на пути „мучениковъ“. Она вернется гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете, къ своимъ полямъ и конторамъ. Въ Парижѣ агитація продлится нѣсколько дольше, но подѣ условіемъ только не насиловать ее; она уляжется тамъ и здѣсь, и все войдетъ въ свою прежнюю колею. Втеченіи еще нѣкотораго времени эти герои дня будутъ находить себѣ, за столами винныхъ торговцевъ, слушателей, жадно внимающихъ ихъ разсказамъ о заморскихъ краяхъ; но когда ихъ карманы опустѣютъ, любопытство обратится на какой-нибудь другой предметъ и легенда амнистированнаго будегъ предана забвенію“.

Въ другой разъ онъ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей такъ: „Думаете-ли вы, что настоящая республика способна къ жизни? Конечно, да; ну, такъ оставьте-же ее жить и дѣйствовать на свободѣ. Глазное, чтобы ребенокъ былъ крѣпокъ и хорошо сложенъ; а о томъ что его постигнуть обычныя дѣтскія болѣзни, беспокоиться нечего. Если нѣкоторый ухоть и необходимъ въ это время, то въ докторяхъ ужь, конечно, недостатка не будетъ; но не торопитесь приглашать ихъ и по возможности предоставьте дѣйствовать самому организму“.

Такимъ образомъ, вспышки и негодованіе министровъ разбивались объ эту честную и довѣрчивую натуру. Но всему человѣческому положенъ извѣстный предѣлъ. Избраніе г. Роза

округомъ Пюто только огорчило его; избранію-же г. Гюмбера удалось поколебать его.

Après Roques de Filhol, hélas!

Après le père Duchène, holà!

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, ужь не вздумалось-ли и г. Гамбетѣ перейти на сторону непріятеля? Нѣкоторые, правда, утверждаютъ, что онъ непричастенъ измѣнѣ „République française“; что отвѣтственность за эту послѣднюю падаетъ всецѣло на г. Ранка, воспользовавшагося пребываніемъ главнаго редактора въ замкѣ des Crêtes, чтобы отереть походъ въ пользу амнистіи. Однако, г. Гамбета ни единымъ словомъ не отрекся отъ своего товарища по газетѣ. Необходимо объясниться. Отряжаютъ наскоро одного изъ министровъ въ замокъ des Crêtes; но вотъ уже два дня, какъ птичка вылетѣла изъ гнѣздышка. Гдѣ-же онъ можетъ быть? Г. Андриэ, префектъ полиціи, знаетъ объ этомъ не болѣе другихъ. Весь персоналъ поднимаютъ на ноги; министры пускаются въ поиски съ своей стороны; по прошествіи двухъ дней каждый изъ нихъ возвращается съ пустыми руками.

Нѣтъ болѣе сомнѣній! Обширный заговоръ задуманъ противъ министерства, и во главѣ его стоитъ никто иной, какъ г. Гамбета собственноручно...

„Нашему терпѣнію наступилъ конецъ! теряетъ свое хладнокровіе и восклицаетъ г. Греви, предсѣдательствующій на совѣтѣ.—Настала минута прибѣгнуть къ вооруженной силѣ!“ Всѣ рукоплещутъ ему. Была минута, когда эти современные Цицероны колебались: не объявить-ли этого новаго Катилину измѣнникомъ отечеству? Quiet ego?.. Но нѣтъ; это значило-бы играть въ слишкомъ рискованную игру. Надо удовольствоваться на этотъ разъ болѣе скромными жертвами.

И вотъ всѣ министры набрасываются наперерывъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, на муниципальных чиновниковъ, на журналы, на живыхъ и мертвыхъ. Мэрамъ, привѣтствовавшимъ героевъ дня, грозятъ смѣною. Полицейскій комисаръ, принимавшій участіе въ кюэрскомъ банкетѣ, получаетъ приглашеніе подать въ отставку. Префекту, отправившемуся на станцію желѣзной дороги навстрѣчу Люи Блана, дѣлаютъ строгій выговоръ. Сборъ въ пользу амнистированныхъ воспрепятствуется на кладбищахъ. Что-же касается самого муниципального совѣтника malgré lui Жавельскаго квартала, то онъ объявляется внѣ закона. Избраніе его будетъ признано недѣйствительнымъ, а самъ избранный опять вернется въ тюрьму, изъ которой никогда не долженъ-бы выходить. Да послужитъ это урокомъ какъ ему, такъ и его избирателямъ, чтобы они не воображали себѣ, что если амнистія возвратила приговорен-

нымъ всё ихъ политическія права, то будто тѣмъ самымъ имъ предоставлено право и пользоваться ими! Но, очевидно, кабинетъ Ваддингтона сохранялъ великодушіе даже въ припадкахъ умоза-тмѣнія.

Г. Гамбета между тѣмъ, все продолжающій оставаться невидимкою, былъ просто-на-просто все время въ Парижѣ, куда вернулся инкогнито, и остановился у скромнаго и молчаливаго друга. Отсюда онъ спокойно, скрытый отъ всѣхъ взоровъ, наблюдалъ за всѣмъ, что происходило вокругъ него, и не мало надъ всѣмъ этимъ потѣшался, въ твердой рѣшимости, между прочимъ, предоставить министерству полную свободу запутываться все болѣе и болѣе и самому не показываться до тѣхъ поръ, пока оно завязнетъ по уши.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней, въ публикѣ только и толковъ было, что о крушеніи министерства, а Гамбета между тѣмъ все не трогался съ мѣста. „Наконецъ, такъ повѣствуетъ одно приближенное къ нему лицо;—когда онъ увидѣлъ министерство уже на самомъ краю пропасти, онъ подозвалъ своего хозяина и друга и сказалъ ему: „пойдемъ, сыиграемъ партію въ шары!“ Это, какъ извѣстно, любимая игра эксъ-диктатора. — „А какая-же будетъ ставка?“ спросилъ тотъ. — „Кабинетъ Ваддингтона, серьезно отвѣчала именитый предсѣдатель.—Колесо фортуны повернуло въ пользу правительства и смерть кабинета Ваддингтона отсрочена еще на нѣсколько дней.“

Послѣ такого рѣшенія судьбы, Гамбета, не теряя ни минуты, побѣжалъ къ г. Греви. Все объяснилось, все уладилось. У министерства никогда не было друга болѣе преданнаго, какъ г. Гамбета, и въ доказательство дружбы этотъ послѣдній протягиваетъ ему, какъ доску спасенія, новую статью „République française“, вполне опровергающую прежнюю и отсрочивающую амнистію на неопредѣленные времена. За этимъ слѣдуютъ объятія, потомъ обѣдъ, потомъ увеселительная поѣздка въ лѣсъ Марли, и все оканчивается знатною попойкой, выражаясь языкомъ Касаньяка, когда рѣчь заходитъ у него объ амнистированныхъ.

Но у всякаго праздника есть свой конецъ. Послѣ прогулки въ Марли наступаетъ время возвращенія палатъ, послѣ оргіи — сраженіе.

III.

Палаты, въ свою очередь, дождались, наконецъ, и своей амнистіи. Послѣ долгой и тяжелой ссылки въ эту французскую Сибирь, которая зовется Версалью, народные представители возвращались

въ Парижъ и устраивались вновь въ томъ-же помѣщеніи, откуда ихъ вымела буря 1870 года.

Нѣтъ ничего любопытнѣе исторіи этого дворца, поочередно носившаго названія: дворца Бурбоновъ (palais Bourbon); дома Революціи (maison de la Revolution), законодательнаго корпуса (palais legislatif), — клички, соотвѣтствующія различнымъ эпохамъ политической исторіи Франціи.

Дворецъ этотъ былъ основанъ и предназначенъ для самаго спокойнаго и тихаго существованія. Это было въ 1722 г. Набережная лѣваго берега Сены, между улицею Бакъ и „болотомъ“ Инвалидовъ, только-что начинала заселяться. Вдовствующая герцогиня Бурбонъ, третья изъ восьми дѣтей Людовика XIV отъ г-жи Монтеспанъ, построила здѣсь дворецъ, главный входъ котораго, обращенный въ rue de l'Université, существуетъ еще и понинѣ. Отсюда явилось и названіе Бурбонскаго дворца, которому суждена была историческая роль. Рядомъ съ нимъ возвышался отель графа Ларсе, этого „представителя великаго вѣка“, какъ его называетъ Сэн-Бевъ, который, износивъ жизнь трехъ законныхъ женъ, бросился, наконецъ, въ объятія безчисленнаго количества любовницъ всякаго званія, спорившихъ изъ-за чести утѣшать его вдовство, начиная отъ графини Верю, извѣстной подъ названіемъ „дамы Сладострастія“, и кончая герцогиней Бурбонской. Этотъ отель Ларсе былъ впоследствии присоединенъ къ дворцу и сдѣлался въ настоящее время резиденціей г. Гамбетты.

Революція обратила это зданіе въ народную собственность. 18 фруктидора V-го года (1797) мы встрѣчаемъ въ бурбонскомъ дворцѣ—„Домъ революціи“, первое совѣщательное собраніе. Это былъ печальный „совѣтъ пятисотъ“, послушное орудіе всѣхъ капризовъ директоріи, члены котораго красовались здѣсь въ своихъ псевдо-римскихъ костюмахъ, на которые какъ-разъ была тогда мода. Директорія сохранила для себя одежды времени рыцарства, совѣтъ-же нарядился въ костюмы Греціи и Рима. Члены „совѣта пятисотъ“ были одѣты въ длинный бѣлый халатъ съ голубымъ поясомъ, красную мантию и шапочку изъ голубого бархата.

Съ этого маскарада и началась политическая эра бурбонскаго дворца,—эра, интересная во многихъ отношеніяхъ, вирожденіи которой трагическіе эпизоды смѣняются безъ перерыва эпизодами потѣшными, самые высокіе таланты смѣшиваются съ самыми плоскими личностями, языкъ Мирабо съ грубымъ жаргономъ парижскаго рынка.

Послѣ консульства и имперіи, превратившихъ законодательный корпусъ въ толпу безгласныхъ чиновниковъ, вотирующихъ тайною подачею голосовъ, безъ разсужденія, все, что имъ прика-

жуть, въ періодъ времени отъ 1814 до 1851 г. въ этомъ самомъ дворцѣ раздавались краснорѣчивые голоса Фуа, Берье, Бенжамена-Констана, Манюэля, Ройе-Колара, Казимира Перье, Гизо, Ламартина, Монталамбера, Ж. Фавра, Ледрю Ролена и столькихъ другихъ, прославившихъ французскую трибуну.

Здѣсь-же былъ подписанъ въ 1830 году адресъ 201, въ которомъ большинство палаты заявляло королю Карлу X, что политическіе виды его кабинета нисколько не согласуются болѣе съ желаніями населенія; здѣсь-же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, герцогъ Орлеанскій, генераль-лейтенантъ королевства, былъ провозглашенъ королемъ французовъ; на этомъ-же самомъ мѣстѣ являлась въ 1848 году герцогиня Орлеанская съ требованіемъ регентства и получила короткій отвѣтъ: „слишкомъ поздно!“ Этотъ-же самый историческій дворецъ служилъ конечнымъ пунктомъ и цѣлью всѣхъ народныхъ движеній послѣдняго времени.

Исторія бурбонскаго дворца въ этомъ послѣднемъ отношеніи нисколько не утратила своего значенія. Всякій депутатъ, входящій сюда, долженъ внутренно задать себѣ вопросъ: какъ-то онъ выйдетъ оттуда? Входятъ въ этотъ дворецъ въ двери, а выходить приходится иногда въ окно.

Впрочемъ, надо сказать, — и это должно значительно успокоить нашихъ законодателей, — что французскіе права въ этомъ отношеніи значительно измѣнились къ лучшему. Нашествіе 1870 года, если сравнить его съ нашествіями 24 февраля и 15 мая 1848 г. было просто дѣтскою игрою, развлеченіемъ.

Припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ этотъ знаменательный день. Дѣло происходило 4 сентября, послѣ полудня. Нападающими явились двѣ или три тысячи національныхъ гвардейцевъ, оставившихъ дома свои ружья, ранцы и тесаки. Такъ-какъ они не рѣшались сломать рѣшетку, то одинъ весьма услужливый депутатъ, г. Стенаверсъ, пришелъ отворить имъ двери и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ разыгрывалъ до конца свою роль привратника. Въ нѣсколько минутъ національная гвардія завладѣла всѣмъ зданіемъ. Изъ переполненныхъ ложъ раздавались крики: „низложеніе, низложеніе!“ Всѣ скамейки залы, однако, оказались пустыми, и депутаты, удалившись въ свои бюро, повидимому, вовсе не торопились явиться въ засѣданіе, чтобъ исполнить народную волю. Во всей залѣ видѣлся только одинъ депутатъ, точно приросшій къ своему мѣсту, подобный римскому сенатору на курульномъ креслѣ. Его окликаютъ, — онъ ни слова, ни малѣйшаго движенія. — „Да дерните-ка его за бороду“, кричитъ какой-то голосъ; по счастью, невозмутимый депутатъ былъ лишенъ этого украшенія.

Наконецъ, показывается Кремье; вошедшее въ пословицу безо-

бразіе его лица производить сенсацію. Крики усиливаются. Одинъ гражданинъ кричитъ ему: „Креме, дай намъ республику!“—Гражданине, спокойствіе! Подождите, отвѣчаетъ старый депутатъ.—„Вотъ ужь двадцать лѣтъ, какъ я жду“, возражаетъ гражданинъ.

Послѣ Креме появляется Гамбета самолично. Онъ съ первыхъ-же словъ теряетъ голосъ и путается; шумъ поднимается пуще прежняго. Рѣшаются идти за Шнейдеромъ, президентомъ законодательнаго корпуса, и сажаютъ его на предсѣдательское кресло. „Я протестую!“ кричитъ онъ, затѣмъ покрываетъ голову и уходитъ съ достоинствомъ.

Впродолженіи всего этого времени депутаты бродили по отдѣленіямъ и по большой залѣ *des pas perdus*. Жюль Фавръ, мрачный и фатальный, повторяетъ всюду: „Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!“ Жюль Фери что-то бормочетъ, взобравшись на статую Лаокоона. Пельтанъ, прислонившись лицомъ къ стеклу окна, восклицаетъ: „Смотрите, собираютъ войска и угрожаютъ народу. О, это ужасно, сейчасъ начнется междоусобица!“ Въ тотъ-же моментъ двое изъ нападающихъ затѣваютъ драку; одинъ изъ сражающихся, адвокатъ Базо, получаетъ ударъ кулакомъ прямо въ носъ. Всѣ сбѣгаютъ вокругъ него, кладутъ компрессы, стараются остановить кровь, и Пельтанъ, протягивая руку, говоритъ съ жестомъ оратора: „Я говорилъ, что будетъ пролита кровь“. На другой день народная благодарность награждаетъ пострадавшаго мѣстомъ префекта какого-то департамента.

Къ счастью, кровь изъ разбитаго носа была единственная кровь, пролитая въ этотъ знаменательный день. Ни одной пули, никакого насилия, не пришлось даже прибѣгать къ помощи пожарныхъ трубъ. Такимъ образомъ пала вторая имперія, единственно подъ тяжестью общественнаго презрѣнія. Республика установилась сама собою, почти безъ всякой посторонней помощи. Отворенныя ворота, затѣмъ клочекъ бумаги съ нѣсколькими именами, набросанными на немъ, съ трибуны собранія или съ балкона ратуши, и Франція перешла къ новой формѣ правленія.

IV.

Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ, и та-же самая рѣшетка, которую г. Стенакерсъ открылъ народной толпѣ четвертаго сентября, открывается вновь передъ новыми представителями народа. Изъ числа ихъ многіе принадлежали къ прежнему собранію, а многіе къ недовольной толпѣ, собравшейся въ то время на улицѣ. Они видѣли, какимъ образомъ въ одно мгновеніе ока эта вели-

кая фокусница — судьба смела со сцены правительство, повидимому, самое солидное, опиравшееся на самых прочных основаниях. А между тѣмъ, если взглянуть на важный видъ этихъ господъ, напоминающихъ, большею частью, по внѣшнему виду провинціальныхъ судебныхъ приставовъ, очевидно, что они и не думаютъ, что и съ ними капризная судьба можетъ разыграть подобную же штуку.

Что за олимпійская самоувѣренность, напр., у этого г. Гамбеты! Вотъ онъ входитъ въ ту-же дверь, черезъ которую исчезъ навсегда Шнейдеръ. Какъ онъ хорошъ въ своемъ спокойствіи, какъ онъ умѣетъ примѣняться все болѣе и болѣе къ своей роли! Съ какимъ достоинствомъ его президентская голова покочнется на жирныхъ складкахъ двойного подбородка, размѣры котораго растутъ не по днямъ, а по часамъ! Гдѣ то время, когда онъ заклеивалъ конверты у стараго Кремье или чинилъ свои рубашки у своего друга Лорье? Тѣмъ, которые встрѣчали его проходящимъ по большой залѣ *des pas perdus*, конвоируемаго полковникомъ Рю, среди двойной шеренги солдатъ, дѣлающихъ на караулъ при барабанномъ боѣ,—тѣмъ кажется, что онъ такъ и родился въ этомъ санѣ, выросъ въ немъ и долженъ умереть, не оставляя его.

Ни ему, ни другимъ не приходитъ въ голову, что представленіе, открывшееся 27 ноября, составляетъ лишь повтореніе старой пьесы; что въ сущности это почти трагикомедія, съ тѣми-же декорациями, тѣми-же личностями, тѣми-же честолюбиями, тѣми-же интригами, тѣми-же дамами въ ложахъ и съ тѣми-же народомъ у рѣшетки. Перемѣна заголовка, нѣкоторая перетасовка въ роляхъ, нѣсколько депутатовъ, сдѣлавшихся министрами, и министровъ, сѣвшихъ на скамьи депутатовъ, монархистовъ, притворившихся республиканцами, Флове, играющаго въ Жюля Ферри, и Вадингтона, разыгрывающаго роль Грамона,—вотъ самая рѣзкая переиначка.

И когда въ настоящее время, при поднятіи занавѣса, мы видимъ г. Гамбету, такъ превосходно вшедшаго въ свою новую роль, мы способны совершенно забыть, что при послѣднемъ представленіи, въ то время, какъ его предшественникъ садился на президентское кресло, нынѣшній президентъ попивалъ скромную кружку пива въ Латинскомъ кварталѣ. Невольно напрашивается вопросъ: какой-же другой незнакомецъ явится, въ свою очередь, въ концѣ пьесы изъ кафе Прокопъ или изъ архивной пыли адвокатскаго кабинета, чтобы разыграть господина Гамбету, тогда-какъ самъ Гамбета будетъ до конца играть превосходнымъ образомъ роль Шнейдера?

Начало, впрочемъ, не заставляетъ до сихъ поръ предвидѣть

такого печального конца. Самое существованіе народнаго представительства, повидимому, не подвергается никакой опасности. Въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно. Въ окрестностяхъ палаты, на набережной, на тротуарахъ rue de Bourgogne отъ тысячи до тысячи пятьсотъ гражданъ выстроились рядами. Не слышно ни одного крика, все спокойно и лишь подошвы постукиваютъ о плиты, такъ-какъ на дворѣ стоитъ очень холодная погода. Продавцы „національныхъ букетовъ“ предлагаютъ свой товаръ. При появленіи какого-либо избранника народа довольствуются молчаливымъ лицезрѣніемъ его. Только по временамъ раздаются шутовскіе возгласы: „Смотри, вотъ еще одинъ изъ нашихъ отцовъ отечества!“ — „Дай-ка мнѣ взглянуть на его голову!“ — „А что-же Гамбета?“ — „О, этотъ живетъ у себя дома; онъ приходитъ сюда въ туфляхъ и за-просто“. И опять смѣхъ, и хлопанье подошвъ о тротуары отъ холода.

Переговариваются, что манифестацій никакихъ не будетъ, такъ-какъ „Mot d'Ordre“ совѣтуетъ быть какъ можно спокойнѣе.

Однако, вотъ формируется какая-то группа. Въ чемъ дѣло? На какого-то буржуа напалъ внезапный припадокъ краснорѣчія. „Я растроганъ!“ лепечетъ онъ, а когда его приглашаютъ удалиться: „съ величайшимъ удовольствіемъ, продолжаетъ ораторъ; — во-первыхъ, знайте всѣ, что я не дѣлаю пропаганды; я — честный человекъ“... Видя, что всѣ кругомъ смѣются: „да, да, смѣйтесь, я честенъ, какъ есть честенъ, съ честью и съ чистосердечіемъ“... И съ этимъ онъ удаляется, подплясывая и не вызвавъ ничего, кромѣ громкаго смѣха.

И внутри всѣ ведутъ себя вполне прилично и буржуазно. Всѣ министры на лицо, за исключеніемъ г. Ваддингтона, неявившагося по нездоровью. Ихъ блѣдныя, исхудалыя лица свидѣтельствуютъ о бессонницѣ и заботахъ. Г. Леперъ отличается своею лучезарностью. Онъ только-что позавтракалъ съ Гамбетой; они скушали *котлетку дружбы*, оросивъ ее бутылкой стараго Помара; позднѣе вечеромъ имъ предстоитъ еще общій обѣдъ.

Но тссъ! Вотъ звонокъ. Спичъ Гамбеты, носящій фамильный отпечатокъ старыхъ парламентскихъ клише; это нѣчто среднее между тронною рѣчью и рѣчью президента земскихъ собраній. „Несравненная столица“, „искупительное рѣшеніе собранія, которое, возвращая въ Парижъ власти, скрѣпило узы національнаго единства“; „Парижъ, сія чудодѣйственная лабораторія“, составляющая въ то-же время и „главу, и сердце Франціи“; все остальное—того-же печенія. Жозефъ Прюдомъ, безъ сомнѣнія, узналъ-бы себя нынѣ въ именитомъ ораторѣ. Его слушаютъ съ почтеніемъ и рукоплещутъ ему умѣренно.

Затѣмъ наши депутаты, которымъ ничто не чуждо, говорятъ о дороговизнѣ хлѣба и напитковъ, на что каменьщикъ Надó отвѣчаетъ съ убѣжденіемъ, что постройки идутъ, а когда постройки идутъ, и все *идетъ*. Слѣдовательно... и т. д. „Мы любимъ народъ, мы желаемъ ему добра, но мы не записываемся въ число его льстецовъ“... А въ заключеніе: „Къ тому-же, все идетъ впередъ, когда постройки идутъ“.

Гамбета, великодушный, по обыкновенію, желаетъ, однако, сдѣлать что-нибудь для народа; подъ вліяніемъ внезапнаго порыва онъ объявляетъ, что даетъ народнымъ представителямъ одинъ день отпуска въ недѣлю, а именно пятницу — день, посвященный Венерѣ.

А между тѣмъ, несмотря на все это, въ выраженіи лицъ не видно ни малѣйшаго удовлетворенія; при выходѣ слышится ропотъ; отовсюду доносятся жалобы и сѣтованія. Неужто, наперекоръ словамъ каменьщика Надо, постройки нейдутъ? Увы, нѣтъ, постройка неидетъ. Я имѣю въ виду дворецъ Бурбоновъ; онъ рѣшительно сооруженъ не по мѣрѣ нашихъ законодателей. Скамейки, какъ оказывается, слишкомъ тѣсны, коридоры слишкомъ узки; депутаты, надѣленные отъ природы почтенной тучностію, съ трудомъ могутъ пробраться до своихъ мѣстъ; а тѣ изъ нихъ, ростъ которыхъ превышаетъ средній, не знаютъ, куда дѣвать свои ноги. „Придется рано или поздно, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, — кандидатовъ въ депутаты подвергать предварительному изслѣдованію, какъ простыхъ солдатъ. Ихъ надо будетъ выбирать по мѣрѣ“.

Совѣщательная зала, правда, достаточно велика и монументальна; она украшается однимъ изъ тѣхъ античныхъ каминовъ, въ которые удобно помѣщаются цѣлыя деревья, а рослый человѣкъ, стоя возлѣ него, едва достигаетъ головою каминной доски. Роскошь дверей особенно бросается въ глаза; ихъ насчитываютъ не менѣе семи; по несчастію, всѣ эти семь дверей постоянно открыты, такъ-какъ это общій и обязательный проходъ, куда-бы кто ни направлялся, и всѣ теченія вѣтровъ здѣсь непремѣнно встрѣчаются; это настоящая золова пещера. Не хуже было-бы писать свои письма прямо на площади de la Concorde.

Почта и телеграфъ запрятаны въ какой-то подвалъ, куда надо спускаться по узкой, витой лѣстницѣ, черезъ лабиринтъ узенькихъ, темныхъ коридоровъ.

Журналисты, пришедшіе сюда на-встрѣчу депутатовъ, вторятъ ихъ жалобамъ. Они ничего не видятъ и ничего не слышатъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ приходится писать, ютятся на площадкѣ лѣстницы. Репортеры, говорятъ, угрожаютъ стачкою.

Стоило, право, возвращаться изъ Версаля и тратить на всю эту

роскошь отдѣлки и комфортабельности болѣе пятисотъ тысячъ франковъ, въ прибавку къ тѣмъ десяти миліонамъ, которые стоилъ уже государству дворець Бурбоновъ.

Все это, какъ видно, не предвѣщаетъ особенной мудрости и дальновидности въ будущемъ со стороны нашихъ законодателей. Но что особенно бѣситъ депутатовъ, это то, что съ сенаторами правительственный архитекторъ обошелся совсѣмъ иначе. Здѣсь недостатка ни въ чемъ, за исключеніемъ развѣ умывальницъ; но и это не огорчаетъ сенаторовъ; они говорятъ: „Мы можемъ обойтись и безъ нихъ; вѣдь у насъ республика.“

Кстати, мы и забыли, что нами еще ни слова не сказано о засѣданіи сената. Но стоитъ-ли, право, и говорить о немъ?

Ужь, конечно, не со стороны отцовъ отечества надо ожидать республиканской прыти. Сосѣднія комнаты, по обыкновенію, пусты. И открытіе засѣданія обыкновенно походитъ на заупокойную службу. Похвальные рѣчи въ честь усопшихъ депутатовъ; слезы, проливаемые вице-президентомъ Рампономъ надъ могилами *незабвенныхъ* Валентина, Вантавона и проч., слезы также надъ той могилой, которая готовится, повидимому, для президента сената, г. Мартеля. А покажѣтъ высокое собраніе довольствуется тѣмъ, что сообщаетъ этому послѣднему свое участіе къ его бѣдствіямъ. Вслѣдъ за этимъ г. Жюль Симонъ показывается на трибунѣ. Не въ качествѣ-ли наслѣдника покойнаго? Громадный портфель, который онъ несетъ подъ мышкой, не заключаетъ-ли въ себѣ доказательства его правъ на наслѣдство? Это остается пока покрыто мракомъ неизвѣстности, потому что никто его не слушаетъ. Но можно предполагать, что это такъ, судя по тому упорству, съ какимъ онъ остается на трибунѣ среди всеобщаго равнодушія. Онъ, можетъ быть, и до сихъ поръ не оставилъ-бы ея, еслибы челоуѣколюбивый приставъ не пришелъ доложить ему, что засѣданіе закрыто и что онъ вопіеть въ пустынь.

На другой день нѣтъ засѣданія: это, значитъ, одинъ лишній выигранный день для министерства: все-же это—нѣчто, вырванное у непріятеля.

Палата между тѣмъ не знаетъ ни сна, ни покоя. Всѣ бюро и всѣ собранія въ полномъ сборѣ. Всѣ умы находятся въ явномъ волненіи; всѣ готовятся къ предстоящему сраженію. Собраніе крайней лѣвой, подъ предсѣдательствомъ Люи Блана; собраніе республиканскаго союза, подъ предсѣдательствомъ г. Брисона. Пятнадцать рѣчей съ одной и столько-же съ другой стороны. Обсуждается планъ дѣйствія противъ министерства. Ихъ два и даже цѣлыхъ три. Во-первыхъ, планъ двадцати четырехъ, потомъ планъ пяти, потомъ планъ г. Локруа и, наконецъ, быть можетъ, еще

планъ г. Клемансо. Кто такіе эти двадцать четыре? Что такое эта пятерица? Каковы у нихъ планы?

Совѣтъ двадцати четырехъ образуетъ группу, родъ делегаціи, составленную изъ соединенныхъ бюро четырехъ лѣвыхъ. Изъ этого постояннаго комитета исходятъ важныя рѣшенія, которыя затѣмъ повергаются на обсужденіе собранія каждой изъ четырехъ упомянутыхъ группъ.

Пятерица, по именамъ своихъ членовъ, напоминаетъ маленькую группу оппозиціонныхъ депутатовъ достопамятной эпохи имперіи. Она состоитъ изъ гг. Бернара-Лавернь, Сея, Девеса, Вильсона и полковника Ланглуа. „Въ числѣ этихъ пятерыхъ только одинъ не дуракъ, осмѣлилась замѣтить одна маленькая газета, — но остальные четверо никогда не простили-бы намъ, еслибы мы назвали его по имени“. Что можно утверждать съ полною увѣренностью, — это то, что эта почтенная единица представляется не полковникомъ Ланглуа.

Посмотримъ-же, каковы ихъ планы. Нынѣшніе депутаты, нельзя не сознаться, — славные тактики. Они изучили военное искусство изъ лучшихъ источниковъ и, пожалуй, сочиняютъ, по поводу предстоящей кампаніи, какую-нибудь оперу-буффъ, вродѣ „Герцогини Герольштейнской“. Иные изъ нихъ принадлежатъ къ школѣ генерала Бума; другіе — къ разряду славнаго Фрица.

Первые изъ нихъ желаютъ идти на непріятеля тремя различными дорогами. Каковы-же будутъ эти три дороги? Вотъ щекотливый вопросъ. Послѣ трехдневныхъ преній это остается еще во мракѣ неизвѣстности. Но одно вѣрно — дорогъ будетъ непременно три. Всѣ согласны, что предлагаемая програма должна обнимать и магистратуру, и войско, и духовенство. Но что именно будутъ требовать отъ cadaго изъ нихъ — этого опредѣлить невозможно. Не лучше-ли ужъ прямо объявить, вмѣстѣ съ извѣстнымъ военнo-начальникомъ герцогини: „одна дорога пойдетъ направо, другая налево, и еще третья — по срединѣ“? Иные требуютъ уменьшенія срока военной службы на три года и подчиненія жандармеріи министерству внутреннихъ дѣлъ; вотъ и все насчетъ войска. Отреченіе отъ конкордата — это насчетъ духовенства. Несмѣнимость судей — это по части магистратуры. Но иные находятъ, что это значить требовать слишкомъ многого, а другіе находятъ, что этого слишкомъ мало.

Къ тому-же куда приведутъ эти три дороги? Вотъ еще одинъ щекотливый вопросъ. Слѣдуетъ-ли представить эту програму существующему или будущему министерству? Снова вопросительный знакъ.

Планъ двадцати-четырехъ Бумовъ удовлетворяетъ не всѣхъ.

Выслушивая его, Фрицъ, т. е. я хочу сказать — полковникъ Ланг-луа, исподтишка подсмѣивается, какъ-бы говоря: „ваши три дороги... Чортъ возьми, какъ это глупо—ваши три дороги!..“ По мнѣнію полковника, надо идти на непріятеля прямо, по одной дорогѣ... Но какая-же это единственная дорога? Самая наипростѣйшая. Очищеніе персонала; потому что очищеніе персонала, видите-ли, это въ своемъ родѣ то-же, что и постройки Надд. Когда очищеніе идетъ, все идетъ. Лишь-бы были свободныя теплыя мѣстечки для раздачи своимъ друзьямъ, а все остальное пойдетъ само собою. Пусть свирѣпствуетъ зима, дорожаетъ хлѣбъ, наступаетъ безработица, мерзнетъ картофель въ погребахъ, кучера на козлахъ, рассыльные на перекресткахъ, женщины и дѣти на чердакахъ. У насъ есть спасительное средство противъ всѣхъ бѣдъ, универсальная панацея—очищеніе персонала.

Въ заключеніе за Фрица оставалось только прибавить знаменитому мольеровскому Діафуарусу: „у васъ болитъ бокъ—примите слабительнаго; болитъ голова—слабительнаго; у васъ слабость въ ногахъ—слабительнаго; вы глохнете—слабительнаго!“ Примемъ-же слабительнаго и произведемъ очищеніе персонала.

Прежде чѣмъ, однако, рѣшиться на интерпеляцію, совѣтъ пяти пожелалъ изслѣдовать почву; и вотъ всѣ они огправляются странствовать по различнымъ министерствамъ, проповѣдуя по очереди каждому министру крестовый походъ противъ персонала; и каждый министръ указываетъ имъ вѣжливо на дверь, освѣжая ихъ святой водицей и въ то-же время запуская въ нихъ болѣе или менѣе острыя шпильки. „Господа, сказалъ имъ, между прочимъ, Леонъ Сэ,—я очень счастливъ видѣть васъ у себя, но не думаюте-ли вы, также, какъ и я, что принципы должны преобладать надъ личностями? Конечно, въ министерствѣ финансовъ есть не мало чиновниковъ, отставки которыхъ у меня настоятельно требуютъ; но, къ несчастію, это тѣ самыя, которые обязаны своимъ положеніемъ рекомендаціи депутатовъ лѣвой стороны. Я przygotowляю въ настоящее время очень объемистый трудъ; отрываю слѣдствіе надъ каждымъ изъ моихъ подчиненныхъ. Что-же касается будущихъ назначеній, то я общаю вамъ лично присматривать за ними“.

Пятерица откланивается, почти удовлетворенная отвѣтомъ министра.

Что-же касается совѣта двадцати четырехъ, то, переходя отъ недоумѣнія къ недоумѣнію, они дошли, наконецъ, до сомнѣнія, стоитъ-ли, съ самымъ дѣлѣмъ, низвергать министерство, и рѣшили, наконецъ, низвергнуть его, не низвергая, т. е. отрѣшить лишь тѣхъ министровъ, которые не примутъ знаменитой программы. „Однако,

замѣчаетъ какой-то любитель вмѣшиваться въ чужія дѣла, — если все министерство приметъ програму, то какъ узнаете вы тѣхъ изъ министровъ, которые отвергнутъ ее; а если, наоборотъ, министерство ея не приметъ, то какъ отличите вы министровъ, признающихъ ее?*

Опять пришлось откладывать рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія.

Впрочемъ, министерство, съ своей стороны, наскучивъ постоянными нападеніями на себя, рѣшается сдѣлать шагъ впередъ и открыть перестрѣлку заявленіемъ, сдѣланнымъ президентомъ совѣта съ трибуны. Послѣ предварительнаго совѣщанія въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ, министры отправились въ Елисейскій дворецъ, чтобы сообщить Гриви о своемъ рѣшеніи. Президентъ республики совѣтовалъ имъ хорошенько взвѣсить всю важность ихъ рѣшительнаго шага. Если борьба разгорится, имъ уже невозможно будетъ выйти изъ нея иначе, какъ подъ прикрытіемъ блестящаго большинства голосовъ, или ретироваться въ отставку.

На слѣдующій день, въ ожиданіи предполагаемаго событія, всѣ депутаты оказываются на своихъ мѣстахъ; трибуны полны избранной публикой; всѣ министры на лицо. Раздается звонокъ. Г. Вашингтонъ занимаетъ трибуну.

„Съ начала настоящей сесіи въ парламентскихъ нравахъ завелось, повидимому, новое обыкновеніе: объявлять съ шумомъ и трескомъ какой-нибудь запросъ и тотчасъ-же брать его назадъ“.

„Слышится со всѣхъ сторонъ, на скамьяхъ правой, въ коридорахъ, въ прессѣ, что министерство находится въ опасности. Министерство одного требуетъ отъ палаты: чтобы политика этихъ запросовъ, нынѣ предлагаемыхъ, завтра назадъ возвращаемыхъ, этихъ разговоровъ, этихъ журнальныхъ нападокъ была перенесена на трибуну“ (Отлично, отлично!)

„Въ основаніи настоящаго положенія дѣлъ лежитъ глубокое невѣденіе парламентскихъ обычаевъ. (Правой.) Ради чести парламента, ради достоинства министерства, которому создаютъ, такимъ образомъ, невыносимое положеніе, ради великихъ интересовъ всей страны, которая желаетъ и должна-же знать, кто управляетъ ею сегодня и кто будетъ управлять ею завтра, необходимо, чтобы вопросы эти обсуждались съ трибуны“ (Движеніе.)

„Нѣтъ двухъ дорогъ, чтобы вернуться къ истинно-парламентскому образу дѣйствій. Я признаю лишь одну, которою идутъ всѣ свободные народы. Дѣло не въ томъ, чтобы составлять програмы въ собраніяхъ внѣ парламента (Отлично, отлично! Движеніе.), потому что или эти програмы фантастичны и, слѣдовательно, не

имѣютъ ни малѣйшаго значенія, или онѣ формулируются вполнѣ точно, и тогда становятся вторженіемъ, тираніей, которой ни одно министерство не можетъ выносить. (Отлично! отлично!) Нѣтъ, чтобы ни были тѣ, которымъ предстоитъ смѣнить насъ, они не могутъ принять навязанную имъ программу. Вопросъ этотъ касается чести и парламентской истины“.

„Итакъ, настоящее положеніе дѣлъ не можетъ создать новой программы. Парламентъ долженъ объявить вполнѣ опредѣленно, пользуется-ли министерство его довѣріемъ или нѣтъ. (Отлично! отлично!) Что касается меня, то я говорю открыто, какъ за себя самого, такъ и за моихъ со товарищей: если довѣріе это не полное и не абсолютное, то мы тотчасъ-же слагаемъ съ себя свои обязанности“. (Движеніе.)

„Вотъ парламентскія правила и вотъ что я долженъ былъ высказать“.

„Я требую поэтому, чтобы правительству дали возможность объясниться въ возможно скорѣйшемъ времени, и чтобы коридорные переговоры замѣнились прямыми заявленіями съ трибуны“.

„Общій интересъ, достоинство министерства, достоинство самой этой палаты требуютъ въ возможно скорѣйшемъ времени открытыхъ дебатовъ“.

Сконфуженная этимъ смѣлымъ заявленіемъ министерства, *львая* сыграла очень жалкую роль; зато она постаралась вознаградить себя въ мелочахъ. Она начинаетъ съ нападенія на Ле-Ройе, который долженъ поплатиться за другихъ. Палата, послѣ министерскаго ультиматума, перешла къ очереднымъ дѣламъ и принялась за обсужденіе вопроса о несмѣняемости судей. Хранитель печати былъ растерзанъ въ клочки, но къ концу засѣданія отъ него уцѣлѣлъ только портфель, сдѣлавшійся вакантнымъ. Обстоятельство это, случившееся всего три дня спустя послѣ напечатанія направленного противъ амнистіи отчета этого министра, было крайне важно; оно давало блестящее удовлетвореніе крайней лѣвой и уязвляло кабинетъ въ самое чувствительное мѣсто.

Въ тотъ-же самый вечеръ въ собраніи лѣвыхъ планъ пяти затрогивается вновь, послѣ того, какъ вопросъ о програмѣ провалился окончательно. Группа двадцати четырехъ тоже ретируется и примыкаетъ къ блестящей идеѣ Ланглюа и товарищей—къ очищенію служебнаго персонала. „Правительство должно сообщить намъ, восклицаетъ Брисонъ, главный авторъ остроумной программы о трехъ дорогахъ, — зачѣмъ оно держитъ на своемъ посту префектовъ, людей, услуги которыхъ положительно клонятся ко вреду республики...“—„Очень хорошо, кричитъ горячій Флоке;—я самъ, милостивые государи, адресовалъ множество ре-

комендацій въ разныя министерства относительно многихъ лицъ, живущихъ въ томъ-же департаментѣ, гдѣ находится и мое семейство. Вотъ, напримѣръ, обращается содержатель табачной лавочки, желающій получить нѣкоторое повышение; я отправляю его въ министерство, которое даетъ ему мѣсто сборщика косвенныхъ налоговъ. Конечно, лично я знаю столь-же мало этого держателя табачнаго бюро, какъ и другихъ лицъ; я ихъ рекомендовалъ потому, что меня просили объ этомъ, и вдругъ оказывается, что они питаютъ самыя враждебныя чувства къ республикѣ... Но развѣ я не имѣлъ права рассчитывать, что министерство соберетъ справки и что оно будетъ достаточно твердымъ, чтобъ не раздавать мѣстъ такимъ личностямъ! Вотъ что слѣдуетъ сказать съ трибуны^а.

На другой день сраженіе продолжалось съ новой энергіей, хотя мы и не станемъ описывать здѣсь всѣхъ перипетій его. Дѣло въ томъ, что министерство нашло рѣшеніе весьма трудной задачи, а именно оно пожелало составить себѣ большинство изъ меньшинства палаты и сойти со сцены побѣдоносно съ двумястами голосовъ изъ 530.

Оставался третій планъ, принадлежавшій Локруа, который, дѣлая министерству запросъ по общей политикѣ его, имѣлъ въ виду преимущественно вопросъ объ амнистіи. Новая побѣда министерства при помощи той-же уловки..

Но вдругъ, внезапно, среди полнаго триумфа, кабинетомъ овладѣваетъ паническій страхъ и онъ бѣжитъ съ поля сраженія, растерявъ по дорогѣ бѣгства портфель.

Какимъ образомъ объяснить себѣ это странное явленіе? Для этого необходимо войти въ нѣкоторыя разъясненія и подробности, которыя составятъ предметъ слѣдующей хроники, въ которой мы поговоримъ и о новомъ кабинетѣ.

Жизнь.

Милостивый государь!

Въ 10 № вашего журнала, въ отдѣлѣ внутренняго обозрѣнія, былъ помѣщенъ отчетъ о годичномъ собраніи общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Какъ членъ общества, я была очень рада встрѣтить въ печати первый сочувственный отзывъ о женскихъ курсахъ и желаю прибавить къ отчету „Дѣла“ нѣсколько словъ дополненія, въ совершенной увѣренности, что вы, милостивый государь, при вашемъ сочувствіи къ дѣлу и участіи въ немъ, какъ члена общества и члена бывшей ревизіонной комисіи, не откажетесь дать имъ мѣсто на страницахъ вашего журнала. Мнѣніе автора „Внутренняго обозрѣнія“ о необходимости полнѣйшей гласности вполне раздѣляется членами комитета и это подтверждается слѣдующими фактами. Нѣкоторые изъ учредителей общества въ настоящее время члены комитета. Они постановили § 24, гдѣ сказано, что на общемъ собраніи лежитъ обязанность „утвержденія инструкцій относительно отчетности и другихъ предметов“, и сверхъ того комитетъ поставилъ для себя правиломъ не принимать никакого участія въ выборѣ ревизіонной комисіи. Слѣдовательно, членамъ общества предоставленъ полнѣйшій просторъ контроля надъ дѣйствіями комитета. Сверхъ того въ общемъ собраніи членовъ 21 октября членъ-казначей заявилъ, что, по мнѣнію комитета, ревизіонная комисіа производила ревизію слишкомъ поверхностно, и просилъ общее собраніе указать новой избираемой ревизіонной комисіи на болѣе подробную ревизію не только приходо-расходныхъ суммъ и имущества общества, но и самой дѣятельности комитета по протоколамъ засѣданій комитета. Все это говоритъ о желаніи полнѣйшей гласности и строгаго контроля общества надъ комитетомъ. Что-же касается гласности въ широкомъ смыслѣ контроля общественнаго мнѣнія, выразителями котораго служатъ журналистика и пресса, то репортеры и фелье-

тонисты всегда могутъ посѣщать общія собранія; отчеты комитета печатаются въ газетахъ. Если на общемъ собраніи они были найдены недостаточно подробными, то это одна изъ ошибокъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ, и причиною ея ни въ какомъ случаѣ не могло быть нежеланіе гласности, потому что комитетъ передъ общимъ собраніемъ разослалъ отчетъ всѣмъ членамъ, чего вообще не дѣлается въ другихъ обществахъ; комитетъ дѣлалъ это съ цѣлью ознакомить членовъ съ положеніемъ дѣла. По заявленію г. предсѣдателя общаго собранія, впредь членамъ общества будутъ разсылаться отчеты болѣе подробные, и комитетъ просилъ нѣкоторыя редакціи перепечатывать эти отчеты.

Переходя къ болѣе существенной сторонѣ дѣла—положенію самыхъ курсовъ, приходится, къ крайнему сожалѣнію, сказать, что предвидимый въ 1879—80 учебномъ году дефицитъ, который предполагается пополнить изъ оставшейся отъ 78—79 г. суммы, повторится неизбѣжно и въ слѣдующіе годы, если средства общества не увеличатся въ очень значительной мѣрѣ. Обзаведеніе мебелью—статья расхода далеко не такъ значительная, какъ затраты на учебныя пособія, необходимая покупка физическихъ и другихъ инструментовъ, устройство кабинетовъ по естественнымъ наукамъ. 3-й курсъ, который откроется въ 80—81 году, потребуетъ новыхъ крупныхъ расходовъ, а доходовъ предвидится менѣе. Главный доходъ—плата слушательницъ. Значительная часть слушательницъ учатся и въ то-же время зарабатываютъ свой хлѣбъ; для многихъ годы ученья—искусъ тяжелой борьбы, которую можно, нисколько не преувеличивая, назвать героической. Послѣ двухъ лѣтъ борьбы силы могутъ сломиться на третій годъ. Комитетъ по недостатку средствъ можетъ освободить отъ платы только въ крайнихъ случаяхъ. Въ 79 г. болѣе тысячи рублей платы были внесены слушательницами за неимѣвшихъ средствъ внести ее. Нѣкоторые изъ членовъ комитета дѣятельно изыскиваютъ средства помощи, но если и теперь усилія ихъ оказываются недостаточными, то они окажутся еще менѣе достаточными при открытіи 3-го курса. Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ надѣется на сочувствіе всего общества, которое должно понять выгоду, если ежегодно въ число членовъ его будетъ прибывать извѣстный процентъ основательно образованныхъ женщинъ и воспитательницъ, способныхъ серьезно и добросовѣстно вести свое дѣло. Кромѣ пожертвованій, показанныхъ въ отчетѣ, въ пользу слушательницъ были сдѣланы слѣдующія пожертвованія: одинъ домовладѣлецъ пожертвовалъ квартиру, въ которой могутъ помѣщаться 5 слушательницъ, помѣщается 6. Изъ Иркутска было получено 181 р., собранныхъ

г-жею Тюменцевой для пособія слушательницамъ - сибирячкамъ. Положеніе слушательницъ будетъ улучшено только тогда, когда женщины другихъ городовъ послѣдуютъ примѣру женщинъ Иркутска. Курсы существуютъ не для одного Петербурга, но и для Россіи, и на русскихъ женщинахъ лежитъ обязанность помогать дѣлу женскаго образованія. „Дѣло“ совершенно справедливо замѣтило равнодушіе массы общества къ полезнымъ общественнымъ предпріятіямъ, а безъ сочувствія ея задача комитета—поставить женское высшее учебное заведеніе на прочную ногу, оказывается крайне трудной. Пробудить сочувствіе массы общества къ дѣлу общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ—дѣло органовъ печати, понимающихъ, какое великое значеніе въ общественномъ развитіи имѣетъ образованіе женщинъ.

Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ
совершенномъ уваженіи.

М. Цебрикова.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Куда не кинь—все клинь	<i>Н. И. Наумова.</i>
Вольтеръ. (Окончаніе).	<i>С. С. Шашкова.</i>
Марсельскія тайны. Романъ. (Гл. (XLIII—XLVII).	<i>Эмиля Золя.</i>
Другу. Стихотвореніе. (Изъ Бушора.).	<i>О. Охтиской.</i>
Полковникъ фон-Бюльцъ. Разсказъ изъ французско-германск. войны.	<i>Л. Біара.</i>
Волонтеръ. Историческій романъ. Переводъ съ испанскаго. (Окон- чаніе.)	<i>Переса Гальдоса.</i>
Собратьямъ. Стихотвореніе	<i>Н. К. Бобылева.</i>
Настенька. Этюдъ изъ жизни собо- рянъ.	<i>П. Фелонова.</i>
На закатъ дней. Стихотвореніе	<i>П. В. Быкова.</i>
Безродный. (Окончаніе).	<i>Изъ Гектора Мало.</i>
Вопросы общественности и нрав- ственности. (Окончаніе).	<i>Л. И. Мечникова.</i>
* *. Стихотвореніе.	<i>П. В. Быкова.</i>
По поводу проектовъ о возобно- вленіи русской валюты.	<i>Н. В. Шелунова.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Единственный русскій соціологъ	<i>П. Стоика.</i>
Историки-романисты и историки-жур- налисты	<i>S. S.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III.</i>
Картинки общественной жизни. Пись- ма „знатныхъ иностранцевъ“.	
Письма лорда Розберри	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Политическая и общественная хро- ника.	<i>Жика.</i>
Письмо въ редакцію	<i>М. К. Цебриковой.</i>

9-00

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 576